

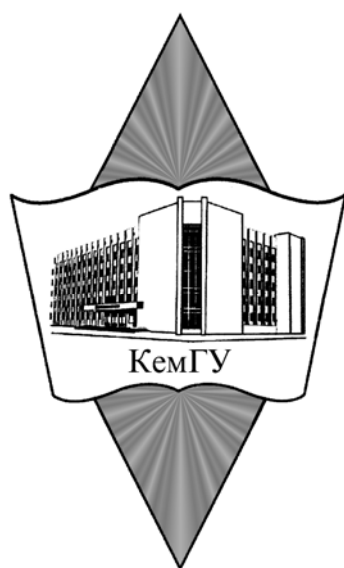
ВЕСТНИК

BULLETIN

ISSN 2078-8975

**КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 4 (48)

**OF KEMEROVO
STATE UNIVERSITY**

Issue 4 (48)

**КЕМЕРОВО
2011**

**ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**Журнал теоретических
и прикладных исследований.**

Издается с 1999 г.

Выходит 1 раз в квартал

№ 4 (48) 2011

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

СОДЕРЖАНИЕ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Свиридова И. А. – координатор, ректор КемГУ, канд. мед. наук, доцент;

Афанасьев К. Е. – главный редактор, проректор по научной работе и информатизации, д-р физ.-мат. наук, проф.;

Невзоров Б. П. – зам. главного редактора, д-р пед. наук, проф.;

Григорьева О. С. – отв. секретарь

Зеленин А. А. – проректор по социальным вопросам и молодежной политике, д-р полит. наук, доцент;

Семенкова Т. Н. – проректор по учебно-организационной работе, канд. пед. наук;

Шадрин А. В. – начальник научного управления, д-р техн. наук, доцент;

Захаров Ю. А. – член-корр. РАН, д-р хим. наук, проф.;

Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.;

Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.;

Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.;

Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.;

Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.;

Карташов В. Я. – д-р техн. наук, проф.;

Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.;

Курбатова М. В. – д-р экон. наук, проф.;

Осадчий М. А. – канд. филол. наук;

Поварич И. П. – д-р экон. наук, проф.;

Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.;

Шер Я. А. – д-р ист. наук, проф.;

Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.;

Юркевич Н. А. – канд. юр. наук, доцент;

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

БИОЛОГИЯ

Могилина А. А., Шабалдин А. В., Литвинова Н. А., Иванов В. И., Акинчина Л. В. Влияние HLA-DRB1 на женские субъективные оценки запаховой привлекательности юношей 6

ИСТОРИЯ

Боголепова Л. З. Музеи истории вузов: концепция комплектования коллекций на современном этапе 12

Боровикова З. В. Об изученности социально-демографической ситуации в Кемеровской области в 1946 – 1950-е годы 17

Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР в оценках отечественных исследователей 1990-х – начала 2000-х гг. 22

Кимеева Т. И. Историко-культурологические исследования художественного наследия тюркоязычных народов Западной Сибири 28

Кос В. В. Формирование, численный состав и функционирование Мариинской городской управы (1876 – 1896 гг.) 33

Ласкова Н. В. Пропаганда шотландской колонизации Америки в трактате Уильяма Александера (1624 г.) 38

Поплавский (Коробко) Р. О. Церковные расколы в истории протестантских общин г. Тюмени (XX – XXI вв.) 43

Сазанов Д. С. Трансформация общественного сознания советской интеллигенции в 1985 – 1990 гг. (по материалам журнала «Рабочий класс и современный мир») 48

Сычева Т. А. Организация работы Международных секторов аэропортов Западно-сибирского управления гражданской авиации в начале 1980-х годов 52

Тимербулатов Д. Р. «Баржи смерти» в Сибири в годы Гражданской войны (1918 – 1919 гг.) 57

МАТЕМАТИКА

Багина О. Г. Мозаики из выпуклых пятиугольников 63

Крепицина Т. С. Группа характеров и мультипликативные функции на торе 73

Осинов В. В. Управляемость линейных динамических систем как свойство их точечных моделей 78

**Вестник Кемеровского
государственного университета.**

**Журнал теоретических
и прикладных исследований**

Печатается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 650043, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, к. 225, редакция журнала «Вестник Кемеровского государственного университета».
Телефон: (3842)58-28-39, 58-80-24,
факс (3842)58-38-85,
E-mail: keafa@kemsu.ru, gos@kemsu.ru
Адрес сайта:
http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя: 650043, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Телефон: (3842) 58-28-39,
факс (3842)58-12-26,
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150,
Каталог российской прессы «Почта России» – 51944.

Подписано к печати 20.12.2011 г.
Формат А 4.
Печать офсетная.
Бумага Sveto Copy.
Усл. печ. л. – 34,63.
Уч.- изд. л. – 32,65.
Тираж 500 экз.
Заказ № _____
Цена свободная.

Отпечатано в ООО «ИНТ».
650003, Кемерово,
пр. Химиков, 43^а.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет», 2011.

ПЕДАГОГИКА

- Боброва Н. А., Солодова Г. Г.** Концептуальные подходы, обеспечивающие становление профессионального самоопределения студентов вуза 84
- Козлова Н. В., Вержицкая Е. Н.** Факторы личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования 90
- Мальковец Н. В., Мытарева Е. А.** Обучение студентов взаимодействию власти и бизнеса в условиях глобализации современного общества 95
- Огольцова Е. Г.** Теория и методология компетентностного воспитания инженеров 100
- Солодова Г. Г.** Влияние педагогической культуры изменяющегося социума на становление профессионального самоопределения студентов вуза 103
- Трубин Г. А.** Профессиональная компетентность специалиста как ресурс обеспечения нового качества профессионального образования 109

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- Киселев В. И., Шпак Л. Л.** Политические интересы «простых» работодателей: что за «кадром»? 113
- Кусаинова Г. С.** Публикации «Financial Times» и «Boston Globe» о Республике Казахстан (религиозная проблематика) 116
- Пузырев К. С.** Проблемы типологизации и оценки потенциала различных типов регионального сепаратизма в странах Западной Европы 120

ПСИХОЛОГИЯ

- Борисенко Ю. В.** Специфика культурно-обусловленных ролевых конфликтов родителей в современной семье 125
- Браун О. А.** Понятие «психологическое будущее личности» в контексте исследования жизненного пути 131
- Ланина Е. М.** Этапы психолого-педагогической работы по формированию мотивационной сферы у воспитанников коррекционного образовательного учреждения VIII вида 136
- Отт Т. О., Казан Е. С.** Методика получения количественной оценки интегрального показателя саморегуляции учебно-профессиональной деятельности 142
- Поletaева А. В., Серый А. В., Хакимова Н. Р.** Смысловые характеристики психологических механизмов переживания травматического события работниками угледобывающего предприятия 149

ФИЗИКА

- Журавлева Л. В.** Использование свободно распространяемого графического редактора synfigstudio для визуализации физических явлений 156

ФИЛОЛОГИЯ

- Евсеева И. В.** Концептуализация опыта человека посредством деривационных единиц 161
- Катышев П. А., Соколова С. К.** Источниковедческий аспект в контексте экспериментального изучения полимотивации дериватов 168
- Кишина Е. В.** Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов 174
- Котюрова М. П.** Роль сочинительных рядов в научном тексте в плане речевой индивидуальности ученого 180
- Лучников М. Ю.** Спор вокруг «мертвых душ»: обсуждение вопроса об «акте творчества» 183

<i>Лушникова Г. И., Потапова Н. В.</i> Языковая игра в английских загадках-шутках	191
<i>Мельник Е. А.</i> Глаголы с префиксом <i>unter-</i> , описывающие ситуации приближения, в языке идиш	196
<i>Омеличкина Е. О.</i> Семиотические характеристики лингвокультурного типажа <i>héros</i>	200
<i>Полиниченко Д. Ю.</i> Любительская лексикография: опыт исследования	205
<i>Рожкова Е. М.</i> Затекст как форма проявления действительности в художественном тексте	212
<i>Старцева Т. В.</i> Актуализация концепта <i>emigrant</i> в рамках гендерного стереотипа женщина-эмигрант	217
<i>Сурков Е. А.</i> Гоголь и натуральная школа: реплика	224
<i>Флегентова Т. Н.</i> Сюжетная ситуация «благословение матери» как элемент визуальной поэтики в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»	227
<i>Шарикова Л. А.</i> Словарный тип дискурса и специфика концептуализации мира в нем	231

ФИЛОСОФИЯ

<i>Сергиенко Р. А.</i> «Проблема Микки Мауса» и «проблема Зевса» в современном когнитивном религиоведении	236
<i>Попкова Т. Д.</i> Философско-мировоззренческое обоснование проблемы детства	241

ЭКОНОМИКА

<i>Карелов А. С., Белик И. С.</i> Оценка эффективности производства в условиях его экологизации	248
<i>Салихов В. А.</i> Перспективы развития малых наукоемких производств (на примере Кемеровской области)	255

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Венгер К. Г., Линков А. А., Мышляев Л. П., Евтушенко В. Ф., Агеев Д. А.</i> Численные исследования алгоритмов идентификации на базе замкнутых динамических систем	259
<i>Авторы выпуска</i>	264
<i>Правила оформления статей в «Вестник КемГУ»</i>	269
<i>Подписка на «Вестник КемГУ»</i>	271

CONTENTS

FOUNDERS:

Federal State budget educational institution of higher professional education of the Kemerovo State University.
Nevzorov B. P. –

EDITORIAL BOARD:

Sviridova I. A. – coordinator, rector of KemSU, PhD-medicine, associate prof.;
Afanasyev K. E. – chief editor, vice-rector on scientific work and informatization, doctor of physics-mathematics, prof.;
Nevzorov B. P. – deputy chief editor, doctor of pedagogic, prof.;
Grigorjeva O. S. – responsible secretary;
Zelenin A. A. – vice-rector on social work and youth policy, doctor of political science, associate prof.;
Semenkova T. N. – vice-rector on educational-organizing work, PhD-pedagogic;

Shadrin A. V. – head of scientific department, doctor of techniques, associate prof.;
Zakharov Yu. A. – corresponding member of Russian Academy of Science, doctor of chemistry, prof.;
Araeva L. A. – doctor of philology, prof.;
Bobrov V. V. – doctor of history, prof.;
Danilov N. N. – doctor of physics-mathematics, prof.;
Zheltev V. V. – doctor of philosophic studies, prof.;
Kazin E. M. – doctor of biology, prof.;
Kartashov B. Ya. – doctor of techniques, prof.;
Kasatkina N. E. – doctor of pedagogic, prof.;
Kurbatova M. V. – doctor of economics, prof.;
Osadchiy M. A. – PhD-philology;
Pimenov E. A. – doctor of philology, prof.;
Povarich I. P. – doctor of economics, prof.;
Poplavnoy A. S. – doctor of physics-mathematics, prof.;
Sher Ya. A. – doctor of history, prof.;
Schennikov B. P. – doctor of philosophic studies, prof.;
Yurkevich N. A. – PhD-law, associate prof.;
Yanitsky M. S. – doctor of psychology, prof.

Issues editor: **Z. A. Kounasheva.**
Computer layout: **V. A. Sherina.**

BIOLOGY

- Mogilina A. A., Shabaldin A. V., Litvinova N. A., Ivanov V. I., Akinchina L. V.** HLA DRB1 influence on female subjective evaluation of young men odor 6

HISTORY

- Bogolepova L. Z.** Museums of institutions of higher education history: acquisitions of collections at the present stage 12
Borovikova Z. V. On the issue of investigation of social and demographic situation in Kemerovo region (1946 – 1950) 17
Genina E. S. The campaign against cosmopolitanism in the USSR in the appraisals of our country's researchers of the 1990s – the early 2000 s. 22
Kimeeva T. I. Historical and cultural research of artistic legacy of Turkic speaking people of Western Siberia 28
Kos V. V. The formation, numerical composition and functioning of Mariinsk town council (1876 – 1896) 33
Laskova N. V. Propaganda of the Scottish colonization of America in the tract of William Alexander (1624) 38
Poplavskiy (Korobkó) R. O. Splits in the history of Tyumen protestant churches (XX – XXI centuries) 43
Sazanov D. S. Transformation of public consciousness of soviet intelligentsia in 1985 – 1990 (based on materials of the newspaper «Working class and modern world») 48
Sycheva T. A. Organization of work of the international sector of airport West-Siberian department of civil aviation at the beginning of the 1980-s 52
Timerbulatov D. R. «Death barges» in Siberia in days of civil war (1918 – 1919) 57

MATHEMATICS

- Bagina O. G.** Tiling the plane with convex pentagons 63
Krepizina T. S. Group of characters and multiplicative functions on torus 73
Osipov V. V. Controllability of linear dynamical systems, as property of their point models 78

PEDAGOGY

- Bobrova N. A., Solodova G. G.** Conceptual approaches to performing professional self determination of students 84
Kozlova N. V., Verzhitskaya E. N. Productive level factors of the level of personal and professional pedagogue's development in conditions of education modernization 90
Malkovets N. V., Mutareva E. A. Training of students to interaction of the governments and business in the conditions of globalization of the modern society 95
Ogol'cova E. G. The theory and methodology kompetentnost-nogo of education of engineers 100
Solodova G. G. Influence pedagogic culture in changing society on performing selfdetermination of higher school students 103
Trubin G. A. The professional competence of specialist as a resource for new quality vocational education 109

POLITICAL SCIENCE AND SOZIOLOGIE

- Kiselev V. I., Spak L. L.** Political interest of ordinary employers: «what is offscreen»? 113
Kussainova G. S. Publications of Financial Times and Boston Globe about Republic Kazakhstan (a religious problematics) 116
Puzryev K. S. Problems of typologisation and expertise of the potential of various types of regional separatism in western Turope countries 120

PSYCHOLOGY

- Borisenko J. V.** The specifics of culture determinate role conflicts of parents in the modern family 125

Printed by the scientific and editorial and publishing tips from the Federal public budget institution of higher professional education «Kemerovo State University».

It is issued once a quarter.

The magazine is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration is:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

None of any parts of the Journal can be republished without the permission of the authors or the editor.

Address Editor: 650043, Kemerovo, Krasnaya Str. 6, room 225, Editorial office "Vestnik of Kemerovo State University"
Telephone: 8 (3842) 58-28-39, 58-80-24
Fax: 8 (3842) 58-38-85
E-mail: keafa@kemsu.ru, gos@kemsu.ru
Web-site:
<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>

Address of the publisher: 650043, Kemerovo, Krasnaya Str. 6,
Telephone: (3842) 58-28-39,
Fax: (3842) 58-12-26,
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscribing indexes:
Unity catalogue "The Press of Russia" – 42150,
Catalogue of Russian press "The Post of Russia" – 51944.

Signed to printing 20.12.2011 r.
Format A4
Offset printing
Paper Svetlo Copy
Printing sheet – 34,63.
Edition sheet – 32,65.
Circulation 500 copies.
Order # _____
Price free.

It is printed in OOO «INT».
650003, Kemerovo,
ol. Chemists, 43^a

© Federal state budget Education institution of Higher Professional Education, Kemerovo State University, 2011.

Braun O. A. Concept «psychological future of the person» of the context of research of the course of life	131
Lanina E. M. Stages of psihologo-pedagogical work on formation of motivational sphere at pupils of correctional educational institution of VIII kind	136
Ott T. O., Kagan E. S. The method of getting of the quantitative estimation of the integrated indicator of self-control of teaching & professional activities	142
Poletaeva A. V., Seryy A. V., Khakimova N. R. Semantic characteristics of the psychological mechanisms of experiencing traumatic events of workers of the coal enterprises	149
PHYSICS	
Zhuravleva L. V. Use of freely extended graphic editor synfigstudio for visualisation of the physical phenomena	156
PHILOLOGY	
Evseeva I. V. Conceptualizing of human's experience through derivational units	161
Katyshev P. A., Sokolova S. K. Source study aspect in the context of research of derivatives' polymotivation	168
Kishina E. V. The semantic opposition «own – alien» as the realization of ideological manipulative potential of political discourses	174
Kotyurova M. P. The role of coordinative number in scientific text in terms of scientist's speech individuality	180
Luchnikov M. Y. Dispute about «dead souls»: discussion of the "creation act" issue	183
Lushnikova G. I., Potapova N. V. Linguistic play in English humorous riddles	191
Melnik E. A. Verbs with prefixed unter-, describing the situation, in Yiddish	196
Omelichkina E. O. Semiotic characteristics of the linguistic-cultural type «héros»	200
Polinichenko D. Yu. Amateur lexicography: an attempt of research	205
Rozhkova Y. M. The off-text as a form of the reality presentation in a literary text	212
Startseva T. V. Objectification of concept emigrant as gender stereotype of emigrant woman	217
Surkov E. A. Gogol and natural schoole: a remark	224
Flegentova T. N. The narrative situation «the blessing of the mother» in the novel of F. M. Dostoevsky «Teenager»	227
Sharikova L. A. Dictionary type of the discourse and specificity of the world-conceptualization in it	231
PHILOSOPHIE	
Sergienko R. A. «The Mickey mouse problem» and «the Zeus problem» in modern cognitive science of religion	236
Popkova T. D. Philosophical and ideological substantiation of the childhood problem	241
ECONOMY	
Karelov A. S., Belik I. S. Evaluating the effectiveness of production in terms of its ecologization	248
Salihov V. A. The development prospects of science intensive production (in Kemerovo region)	255
TECHNICAL SCIENCE	
Venger K. G., Linkov A. A., Myshlyaev L. P., Evtushenko V. F., Ageev D. A. Numerical studies of identification algorithms on the basis of closed dynamic systems	259
Authors Edition	264
Formatting in journal KemSU	269
Subscribe to «Gazette KemSU»	271

БИОЛОГИЯ

УДК 571.27

ВЛИЯНИЕ HLA-DRB1 НА ЖЕНСКИЕ СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ
ЗАПАХОВОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЮНОШЕЙ*А. А. Могилина, А. В. Шабалдин, Н. А. Литвинова, В. И. Иванов, Л. В. Акинчина*

HLA DRB1 INFLUENCE ON FEMALE SUBJECTIVE EVALUATION OF YOUNG MEN ODOR

A. A. Mogilina, A. V. Shabaldin, N. A. Litvinova, V. I. Ivanov, L. V. Akinchina

Ольфакторное тестирование проведено в группе неженатых студентов-добровольцев. Донорами запаха были 48 юношей, а реципиентами запаха – 19 девушек. Образцы пота собирались по методу, описанному М. П. Мошкиным (2009). HLA-DRB1-типирование было проведено у всех молодых людей. Исследование показало, что особенности ольфакторной оценки женщинами мужчин связаны с генотипом мужчин и фазой овариального цикла женщин. Отрицательные ольфакторные оценки связаны с женским HLA-DRB1*04 и мужским HLA-DRB1*15 аллелями, ассоциированными с иммунопатологией.

Olfactory testing is organized in group unmarried students volunteer. The donors of the scent were 48 youths, but recipients of the scent – 19 girls. The samples of the perspiration were collecting by method described by Moshkin M. P. (2009). All young people were typed for their HLA-DRB1. The study has shown that particularities of olfactory estimations woman mans are connected with man's genotype and woman's ovulatory phase. The negative olfactory assessment are connected with combination feminine HLA-DRB1*04 and male HLA-DRB1*15 associated with immunopathology.

Ключевые слова: ольфакторный отбор, HLA-DRB1, ассортативность.

Keywords: olfactory selection, HLA-DRB1, assortative mating.

Модельные эксперименты на инбредных и конгенных линиях мышей доказали связь половых предпочтений с главным комплексом гистосовместимости (Н-2), в частности, было показано, что при скрещивании животных преваляровал выбор неродственных Н-2 гаплотипов [1]. С позиции популяционной генетики, такой отбор целесообразен, так как именно гетерозиготный по генам Н-2 организм, идентифицирует более широкий диапазон антигенов и поэтому обладает эффективной иммунной защитой [2].

В экспериментах на животных доказана роль запаха предпочтения при половом отборе по Н-2 [1, 3]. В работе Thomas выдвинута гипотеза о возможной роли главного комплекса гистосовместимости (МНС) у животных в формировании индивидуального запаха особей [4], которая впоследствии была подтверждена Yamazaki с соавт. [1, 5]. Более того, высказано предположение, что ведущая роль МНС в иммунном ответе имеет вторичное эволюционное значение [6], первично, эти молекулы участвовали в виде рецепторов для хемокоммуникационных взаимодействий у живых систем [4].

У человека, при выборе полового партнера доминируют зрительные и слуховые формы общения, но обонятельные сигналы продолжают оказывать определенное влияние на физиологическое состояние людей [7]. Wedekind С. (1995) в ольфакторных экспериментах, выполненных на студентах, выявил, что предпочтения донорских запахов отрицательно коррелируют со степенью схожести их антигенов главного комплекса гистосовместимости [8]. В последующих работах этого автора (1997) было показано, что ольфакторные оценки лежат в основе комбинации генотипов HLA-доноров и реципиентов запаха [9]. И наконец, в последних исследованиях

(Wedekind С., 2007) было обнаружено, что профессиональные парфюмеры могут различать ольфакторные особенности (острый, болотный, кислый, цветочный запахи) отдельных HLA-генотипов [10]. Тем самым эта серия исследований достаточно наглядно показала значимость запахового распознавания в ассортативности по HLA, оставив лишь единственный вопрос: влияет ли индивидуальный запаховый паттерн на брачный выбор у человека, а значит, и на селекцию HLA.

Работы, проведенные Carol Ober в закрытой секте Хаттеритов, выявили наличие дисассортативности по HLA в брачном выборе [11], хотя в других популяциях с табу на инцест отклонений от ожидаемых частот с общими аллелями HLA в семейной паре не обнаружено [12, 13]. Ранее проведенное исследование ассортативности по локусу HLA-DR в супружеских парах показало, что в семьях гомологичные HLA-DR встречаются реже случайного комбинирования [14], что по своей сути аналогично вышеописанным модельным экспериментам на грызунах.

Поэтому, по аналогии с ольфакторным половым предпочтением у животных, ольфакторные сигналы у людей могут определять и сексуальный выбор. Учитывая этот факт, предполагаем наличие селекции HLA на предадаптивном этапе раннего онтогенеза, которая будет влиять на эффективность антиксенотиотической защиты в последующих поколениях.

Исходя из этого, целью настоящего исследования было изучение влияния ольфакторного выбора на комбинирование HLA-DRB1 аллелей среди неродственных доноров г. Кемерово, с оценкой их риска в развитии иммунопатологии.

Сбор материала для ольфакторного тестирования проведен в 2006 – 2007 гг. на базе Кемеровского

государственного университета. Донорами запаха явились юноши ($n = 48$) в возрасте 17 – 20 лет, реципиентами – девушки ($n = 19$) в возрасте 19 – 21 года. Все студенты принимали участие в экспериментах добровольно. Согласно данным ежегодного медицинского осмотра, всех их можно было отнести к категории условно здоровых людей. Участники эксперимента не пользовались гормональными контрацептивами, по крайней мере, в течение 3-х месяцев до его начала.

Образцы пота юношей собирали из подмышечной впадины. При выборе области тела для сбора пота исходили из современных представлений о ведущей роли подмышечной впадины в формировании хемосигналов у человека [15, 16]. За 3 суток до взятия запаховых образцов участников просили воздержаться от употребления пищи, содержащей чеснок, острые соусы и другие, сильно пахнущие специи, а также не пользоваться парфюмерией, дезодорантами и ароматизированными гелями для душа. Утром перед посещением лаборатории для сбора образцов пота обследуемые принимали душ и надевали чистое белье.

При сборе проб использовали протоколы, описанные в работах других авторов [17, 18]. Участникам эксперимента выдавали чистые белые хлопчатобумажные футболки (T-short), у которых в области подмышечных впадин были пришиты фильтровальные диски площадью около 15 см^2 . Сотрудник, обеспечивающий эту часть эксперимента, пришивал диски хлопчатобумажными нитками, будучи в разовых полиэтиленовых перчатках (фирма «Grifon»), белом халате и двухслойной медицинской маске. Затем футболку помещали в чистый герметично закрытый пакет. Обследуемые сами вскрывали пакеты и надевали футболки так, чтобы фильтровальные диски плотно прилегали к телу. Каждому пакету с футболкой был присвоен соответствующий номер, который в дальнейшем соответствовал номеру донора. В течение 60 минут юноши находились в этих футболках, затем их снимали и помещали в индивидуальные пакеты.

Перед вскрытием каждого пакета сотрудник обрабатывал перчатки, пинцет и ножницы 96 %-м спиртом, ждал высыхания, затем вскрывал пакет. При срезании он держал фильтровальные диски пинцетом и, не прикасаясь к диску руками, помещал его в чистый сухой стеклянный флакон (20 мл), который плотно закрывал обернутой в алюминиевую фольгу резиновой пробкой. Флаконы хранили в холодильнике при -20°C [15]. Все работы с запаховыми пробами выполняли в разовых полиэтиленовых перчатках и медицинских масках. За 3 дня до этих работ исследователи не пользовались парфюмерией, дезодорантами и ароматизированными гелями для душа.

Субъективная оценка запаха юношей была выполнена 19 девушками двукратно в разные фазы менструального цикла. Для определения физиологического состояния участниц эксперимента в момент исследования они вели в течение 3-х месяцев до начала тестирования календари, фиксирующие продолжительность индивидуального менструаль-

ного цикла. Рецептивной фазой считали середину менструального цикла плюс-минус 3 дня [19]. За 3 дня до тестирования девушек просили отказаться от использования парфюмерии.

Пробы тестировали в предварительно проветренном помещении общей площадью 24 м^2 , в котором находились только реципиент запаховых проб и исследователь, который, как и реципиент, не использовал парфюмерию в течение 3-х дней до проведения тестов.

Пробы с образцами пота, извлеченные из холодильника, доводили до комнатной температуры ($22 - 24^\circ\text{C}$). Во время тестирования экспериментатор оставался на дистанции не менее 1,5 м от девушки. При этом исследователь и реципиент запаховых проб были одного и того же пола. Вскрытие флакона с фильтровальными дисками осуществлялось самим реципиентом, который подносил открытый флакон к носу на расстояние около 1 см и нюхал исходящий из флакона запах. Все манипуляции с образцами запаха реципиенты производили в одноразовых пластиковых перчатках.

Время тестирования одной пробы составляло не более 15 секунд. Образцы запаха давали в случайном порядке.

Для выделения ДНК проводили сбор букального эпителия с внутренней поверхности щеки в пробирки Эппендорф. ДНК выделяли методом фенол-хлороформной экстракции [20]. Для типирования гена HLA-DRB1 использовали коммерческую тест-систему HLA-ДНК-ТЕХ. Для амплификации участка, определяющего полиморфизм гена HLA-DRB1, проводилась 2-х этапная ПЦП на амплификаторе «Терцик» по протоколам производителя. Детекцию продуктов амплификации проводили при помощи электрофореза в 3 % агарозном геле. Выявляли 14 аллелей. В случаях, когда идентифицировать аллель не представлялось возможным, применяли общепринятый термин «Blank».

Статистическая обработка результатов выполнена в программе Statsoft Statistica for Windows 6.0. Поскольку данное исследование было посвящено изучению особенностей ольфакторного отбора по HLA-DRB1 и вкладу биологических факторов в изменчивость субъективных оценок запаха, то эти оценки и были единицами (случаями) статистического анализа. Выборки субъективных оценок силы и привлекательности запаха соответствовали нормальному распределению, что позволило применить одно- и многофакторный дисперсионный анализ. Коэффициенты линейной корреляции и регрессии были рассчитаны для определения взаимозависимости привлекательности запаха с биологическими характеристиками. Анализ вклада биологических факторов в изменчивость привлекательности проводили с ковариатой по силе запаха.

Используя однофакторный дисперсионный анализ, выявили достоверно значимые связи с женской качественной оценкой запаха мужчин следующих биологических факторов: генотипа HLA-DRB1 мужчины, фазы женского овариального цикла (таблица 1).

Таблица 1

Влияние биологических факторов на женскую оценку запаха мужчин

Биологические факторы	F – критерий Фишера	p – ошибка достоверности
Генотип HLA–DRB1 мужчины	13,52	0,0002*
Генотип HLA–DRB1 женщины	0,15	0,694
Фаза овариального цикла	5,12	0,024*
Совпадение DRB1 аллелей у донора и реципиента запаха	4,999	0,026*
Генотип HLA–DRB1 женщины* фаза овариального цикла	6,034	0,014*

Исходя из того, что была обнаружена связь между генотипами HLA–DRB1 и привлекательностью запаха, а также между фазой овариального цикла женщин и привлекательности запаха, на следующем этапе более детально изучили влияния гомо- и гетерозиготных генотипов женщин и мужчин, а также фазы овариального цикла на привлекательность мужского запаха для женщин.

На рисунке 1 видно, что женщины, находящиеся в рецептивной фазе менструального цикла, оценива-

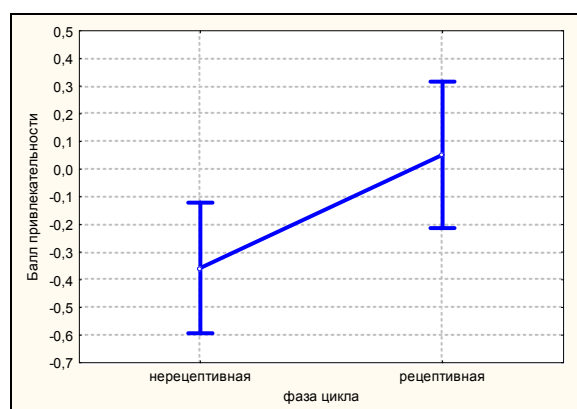

Рис. 1. Влияние фазы менструального цикла на субъективный балл привлекательности запаховых проб молодых людей

ли запах мужчин как более приятный достоверно по сравнению с нерецептивной фазой.

Далее оценили влияние генотипа девушки на балл привлекательности мужского запаха. Выявили, что гомозиготные по DRB1-аллелю девушки, находясь в рецептивной фазе овариального цикла, давали достоверно более высокие оценки привлекательности мужским запахам, чем в нерецептивную фазу. У гетерозиготных девушек достоверных различий в оценках в разные фазы овариального цикла обнаружено не было (рис. 2).

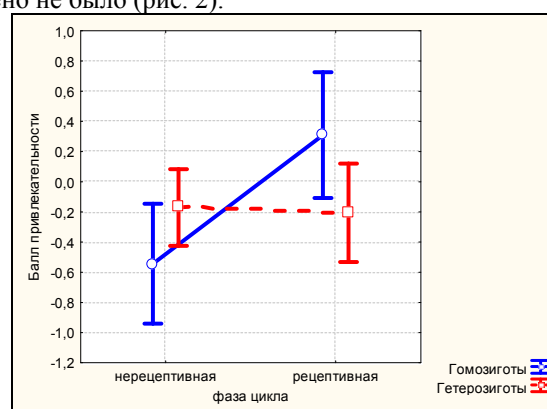

Рис. 2. Взаимное влияние фазы менструального цикла и генотипа девушек на субъективный балл привлекательности запаховых проб молодых людей

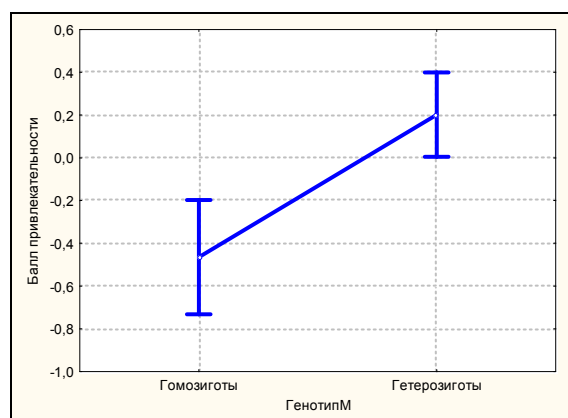

Рис. 3. Влияние генотипа молодых людей на субъективную оценку привлекательности запаховых проб девушками

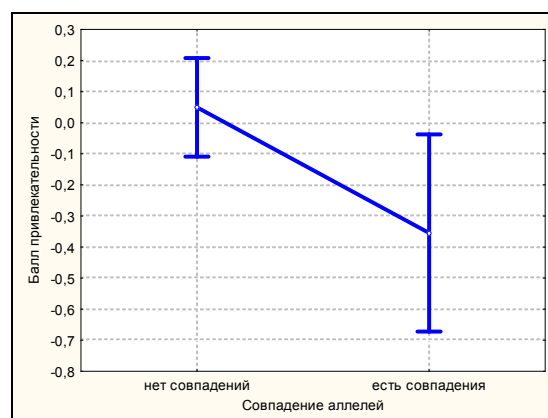

Рис. 4. Балл привлекательности запаховых проб при наличии или отсутствии общих DRB1-аллелей при ольфакторном тестировании девушек

На рисунке 3 видно, что девушки оценивали запахи гомозиготных по HLA-DRB1 молодых людей как неприятный по HLA-DRB1, а запахи гетерозиготных юношей оценивали как приятный.

Также было обнаружено неприятие запаха не только гомозиготных юношей, но также носителей одного из HLA-DRB1-аллелей, совпадающего с одним из аллелей девушки-реципиента (рис. 4), что не противоречит результатам проведенных ранее исследований [8].

В то же время не исключено, что половой выбор имеет полярность по отдельным специфичностям HLA-DRB1. Поэтому на следующем этапе работы провели изучение комбинирования по отдельным женским и мужским аллелям HLA-DRB1 при различных типах ольфакторного выбора. Для оценки ольфакторной ассортативности по отдельным аллелям HLA-DRB1 проводили следующие расчеты. Учитывая отсутствие влияния на популяцию факторов динамики, предполагали, что женский сексуальный выбор был независимым, а значит, комбинации женских и мужских HLA-DRB1-аллелей при таком отборе были равновероятными. Исходя из этого, провели расчет всех возможных комбинаций женских и мужских аллелей HLA-DRB1 в представленной выборке как произведение частот соответствующих аллелей. Число всех возможных комбинаций составило 3648. Эти расчетные частоты комбинаций аллелей HLA-DRB1 явились эталоном для сравнения наблюдаемых частот комбинаций женских и мужских HLA-DRB1 при различных ольфакторных оценках в различные фазы оварийального цикла женщины. Наблюдаемые частоты сочетаний женских и мужских аллелей HLA-DRB1 были получены путем подсчета качественных оценок запаховой привлекательности по критерию «нравится – не нравится». В результате получили:

1) 29 комбинаций DRB1-аллелей при положительных оценках, частоты которых достоверно превышали расчетную;

2) 16 комбинаций, которые по частоте были достоверно ниже расчетных при положительных оценках;

3) при отрицательных оценках выявили 18 комбинаций, частоты которых были достоверно выше расчетных частот;

4) 24 комбинации, частоты которых были достоверно ниже расчетных.

Как видно из представленных данных, при анализе положительного и отрицательного ольфакторного выбора женщинами мужчин было выявлено как преобладание опытных частот сочетаний женского и мужского HLA-DRB1-аллелей над их расчетными величинами при нулевой гипотезе, так и их дефицит. Чтобы адекватно оценить биологический смысл этих фактов, провели сравнение комбинаций женского и мужского HLA-DRB1 при преобладании их в положительном или отрицательном ольфакторных выборах с их дефицитом в случае отрицательного или положительного ольфакторных выборов.

Для 1 с 3 и 2 с 4 вышеописанных случаев соответственно наличие идентичных комбинаций HLA-DRB1 расценивали как признак неопределенности. Напротив, совпадение комбинаций в случаях 1 и 4, 2 и 3 было взаимозакрепляющее и наиболее полно отражающее положительный и отрицательный выбор соответственно. Используя этот методический подход, выявили стойкие комбинации женских и мужских аллелей HLA-DRB1 при положительной и отрицательной ольфакторных оценках в нерецептивную фазу. Частота выбора нерецептивными женщинами с HLA-DRB1*7 в генотипе мужчин с HLA-DRB1*14 аллелем оказалась достоверно выше ожидаемой при положительной оценке и достоверно ниже при отрицательной оценке; идентичная ситуация обнаружена для сочетания женского HLA-DRB1*15 с мужским HLA-DRB1*01. Напротив, женщины с HLA-DRB1*04 аллелем в нерецептивной фазе давали достоверно чаще отрицательные оценки запаху мужчинам, несущим HLA-DRB1*04 аллель, по сравнению с их ожидаемой величиной, и для этого же сочетания выявлен частотный дефицит при положительной оценке. Стойкий отрицательный выбор был характерен и для сочетания женского HLA-DRB1*04 с мужским HLA-DRB1*15 аллелем.

Для рецептивной фазы выявили одну взаимозакрепляющую комбинацию женского HLA-DRB1*16 с мужским HLA-DRB1*04 при положительной ольфакторной оценке и две стойкие комбинации при отрицательном ольфакторном отборе: женские HLA-DRB1*04 с мужскими HLA-DRB1*15, женские HLA-DRB1*12 с мужскими HLA-DRB1*01.

Тем самым анализ положительной и отрицательной ольфакторной ассортативности по HLA-DRB1 в различные фазы оварийального цикла женщин выявил из огромного числа достоверно значимых комбинаций женских и мужских аллелей HLA-DRB1 лишь семь их сочетаний, которые не противоречили логике взаимоисключения. Эти комбинации женских и мужских аллелей HLA-DRB1 представлены в таблице 2.

Из таблицы видно, что только для отрицательной ольфакторной оценки обнаружена комбинация женского HLA-DRB1*04 аллеля с мужским HLA-DRB1*15 аллелем, которая не зависела от фазы оварийального цикла женщины. Кроме того, для нерецептивной фазы выявили избегание сочетания идентичных HLA-DRB1*04 аллелей.

Чтобы понять биологический смысл отторжения женского HLA-DRB1*04 аллеля от мужского HLA-DRB1*15, охарактеризовали ассоциации HLA-DRB1*04 – HLA-DRB1*15 специфичностей с патологией иммунной системы и репродукции. Известно, что DRB1*04 аллель является «классическим» маркером аутоиммунных заболеваний, причиной которых могут быть и репродуктивные проблемы [21]. Так HLA-DRB1*04 специфичность ассоциирована с развитием целого ряда заболеваний, таких как сахарный диабет 1 типа, ревматоидный артрит, аутоиммунный тиреоидит [22, 23, 24]. Все эти заболевания относятся к аутоиммунной патологии, форми-

рующейся при гиперактивной иммунной системе. Эта гиперактивность иммунной системы у лиц с DRB1*04 в генотипе через мимикрию к инфекционным антигенам формирует аутоиммунный ответ к собственным тканям [25]. Именно этим механизмом

детерминируется развитие антифосфолипидного синдрома, который в 50 % случаев является причиной иммунной формы невынашивания беременности [26].

Таблица 2

Сочетания женских и мужских DRB1-аллелей при ольфакторном тестировании девушек в различные фазы овариального цикла

<i>Положительные ольфакторные оценки</i>		<i>Отрицательные ольфакторные оценки</i>	
<i>нерецептивные женщины</i>			
сочетание	p(t)	сочетание	p(t)
DRB1*07 с DRB1*14	0.022	DRB1*04 с DRB1*04	0.0002
DRB1*15 с DRB1*01	0.003	DRB1*04 с DRB1*15*	0.005
<i>рецептивные женщины</i>			
DRB1*16 с DRB1*04	0.011	DRB1*04 с DRB1*15*	0.011
		DRB1*12 с DRB1*01	0.019

Что же касается DRB1*15, то данная специфичность ассоциирована одновременно с чувствительностью к развитию аутоиммунной патологии ЦНС (рассеянный склероз) и одновременно с выраженной чувствительностью к инфекциям, в том числе хроническим (положительные ассоциации со слабым типом иммунного ответа к инфекционным антигенам: столбняка, туберкулеза, хламидиоза) [27]. В то же время DRB1*15 связан с развитием тяжелых вирусных инфекций и инвазий, таких как гепатит В, гепатит С и гистоплазмоз [25].

Интересен тот факт, что в схожих работах, проведенных ранее, частота комбинаций DRB1*04 с DRB1*15 при ольфакторном отборе была как выше расчетных частот, полученных для случайных сочетаний, так и ниже их [9]. Недостатком цитируемых работ является ограниченное число доноров запаха, а также непринятие во внимание того факта, что запаховые оценки могут быть связаны с фазой овариального цикла женщины. В то же время в работах, посвященных оценке запаховой привлекательности отдельных аллелей и генотипов HLA, профессиональные парфюмеры описывали запах лиц с HLA-DRB1*4 и HLA-DRB1*15 в генотипах как гнилостный, болотный и неприятный достоверно чаще по сравнению с ожидаемыми частотами [10]. В этом ракурсе остается открытым вопрос и о связи аллельного полиморфизма HLA с индивидуальным одортипом. Хотя показано, что эволюционно продукты генов главного комплекса гистосовместимости участвовали в механизмах распознавания чужого хемосигнала при внутривидовых взаимодействиях, конечной целью которых было избежание инбридинга [28]. Ямадзаки с соавторами показали, что у животных продукты МНС выполняли роль транспортных молекул для хемокоммуникационного сигнала. Эта функция присутствует и у современных молекул HLA [8, 29]. В частности, показано, что в поте и моче у млекопитающих присутствуют растворимые формы HLA в виде белков с низкой молекулярной массой [30]. Также было доказано, что МНС-генотип детерминирует сочетание низкомолекулярных органических кислот, которое необходимо

для формирования индивидуального ольфакторного профиля [28]. Очевидно, по аналогии с HLA представлением антигенов иммунокомпетентным клеткам, отдельные аллели HLA лимитируют соединения с метаболитами и тем самым определяют запах индивидуума. Принимая во внимание этот постулат, представляется особая роль молекул МНС: во-первых, как структур, определяющих эффективность защиты индивидуума от ксенобиотиков; во-вторых, как элементов, ограничивающих индивидуума от нежелательных репродуктивных связей.

Ранее проводилось изучение особенности распределения сочетаний HLA-DR в семейных парах по отношению к случайному комбинированию HLA-DR при панмиксии. Было выявлено, что в семейных парах HLA-DR4 и HLA-DR2 (HLA-DRB1*15,16) сочетались с другими аллелями с низкой частотой по отношению к случайному комбинированию [14]. Эти данные отражают популяционную направленность на предотвращение образования супружеских пар с этими аллелями.

В целом становится очевидным не только биологический смысл ольфакторного блока для некоторых аллелей HLA-DRB1, но и механизм его реализации на предадаптивном этапе онтогенеза. Ввиду того, что лица с указанными выше аллелями HLA-DRB1 имеют устойчивый «неприятный» запах (если он даже распознается на подсознательном уровне), то образование супружеских пар для них является проблематичным, особенно если они встречаются друг друга. Соответственно для последующих поколений риск наследования в один генотип обоих этих аллелей резко ограничен, а значит, детерминирование иммунопатологии и репродуктивных потерь, в том числе и по инфекционно-аллергическому типу, также уменьшается. Причем, как уже было сказано, изменение фазы овариального цикла не отменяет этого блока, значит, и риск накопления маркеров иммунопатологии в последующих поколениях стремится к нулю.

Таким образом, на субъективные ольфакторные оценки девушек мужского запаха влияет фаза овариального цикла девушек, генотипа юношей, а так-

же наличие общих аллелей HLA-DRB1 у донора и реципиента. Девушки дают более высокие оценки запаховым образцам гетерозиготных юношей. Отрицательные ольфакторные оценки связаны с женским HLA-DRB1*04 и мужским HLA-DRB1*15 аллелями, ассоциированными с иммунопатологией.

Литература

1. Yamazaki, K. Recognition among mice evinced from the use of Y-maze differentially scented by congenic mice of different histocompatibility complex / K. Yamazaki, M. Yamaguchi, L. Baranoski, J. Bard, E. A. Boyse, L. Thomas // *J. Exp. Med.* – 1979. – V. 150. – P. 755.
2. Doherty, P. C. Enhanced immunological surveillance in mice heterozygous at the H-2 gene complex / P. C. Doherty, R. M. Zinkernagel // *Nature*. – 1975. – V. 256 – P. 50 – 52.
3. Wysocki, C. J. Mice (*Mus musculus*) lacking a vomeronasal organ can discriminate MHC-determined odortypes / C. J. Wysocki, K. Yamazaki, M. Curran, L. M. Wysocki, G. K. Beauchamp // *Horm. Behav.* – 2004. – V. 46. – № 3. – P. 241 – 246.
4. Thomas, L. Symbiosis as an immunologic problem / L. Thomas. – Basel: S. Karger, 1975. – P. 2 – 11.
5. Yamazaki, K. Sensory distinction between H-2^b and H-2^{bml} mutant mice / K. Yamazaki, G. K. Beauchamp, I. K. Egorov, J. Bard, E. A. Boyse // *Proc Natl Acad Sci USA*. – 1983. – V. 80. – P. 5685 – 5688.
6. Киндт, Т. Дж Антигены главного комплекса гистосовместимости / Т. Дж. Киндт, М. Э. Робинсон // *Иммунология*, под ред. У. Пола. – М., 1988 – Т. 2 – С. 73 – 116.
7. Preti, G. Male axillary extracts effect Lutenizing Hormon pulsing in female recipients / G. Preti, C. J. Wysocki, K. Barnhart, S. J. Sonheimer, J. J. Leyden // *Poster presentation at the 23rd Association for Chemoreception Sciences annual Meeting*. – 2001.
8. Wedekind, C. MHC-dependent mate preference in humans / C. Wedekind, T. Seebeck, F. Bettens, A. Paepke // *Proc. R. Soc. Lond. B.* – 1995. – V. 260. – P. 245 – 249.
9. Wedekind, C. Body odour preferences in men and women: do they aim for specific MHC combinations or simply heterozygosity? / C. Wedekind, S. Furi // *Proc. R. Soc. Lond. B. Biol. Sci.* – 1997. – V. 264. – № 1387. – P. 1471 – 1479.
10. Wedekind, C. The Major Histocompatibility Complex and Perfumers' Descriptions of Human Body Odors / C. Wedekind, S. Escher, M. Van de Waal, E. Frei // *Evolutionary Psychology*. – 2007. – ISSN 1474 – 7049. – V. 5(2). – P. 330 – 343.
11. Ober, C. HLA and mate choice in humans / C. Ober, L. R. Weitkamp, N. Cox, H. Dytch, D. Kostyu, S. Elias // *Am. J. Hum. Genet.* – 1997. – № 61. – P. 497 – 504.
12. Hedrick, P. W. HLA and mate selection: No evidence in South Amerindians / P. W. Hedrick, F. L. Black // *Am. J. Hum. Genet.* – 1997. – № 61. – P. 505 – 511.
13. Ihara, Y. HLA and human mate choice: Tests on Japanese couples / Y. Ihara, K. Aoki, K. Tokunaga, K. Takahashi, T. Juji // *Anthropological Science*. – 2000. – 108 – 199 – 214.
14. Штейн, М. А. Ассортативный подбор супружеских пар по локусу HLA-DR / М. А. Штейн, А. В. Шабалдин, А. Н. Глушков, Л. А. Логинова // *Иммунология*. – 2002. – № 1. – С. 26 – 28.
15. Cutler, W. B. Human Axillary Secretions Influence Women's Menstrual Cycles: The Role of Donor Extract from Men / W. B. Cutler, G. Preti, A. Krieger, G. R. Huggins, C. R. Garcia, R. J. Lawley // *Horm. Behav.* – 1986. – Vol. 20. – P. 463 – 473.
16. Wysocki, C. J. Mice (*Mus musculus*) lacking a vomeronasal organ can discriminate MHC-determined odortypes / C. J. Wysocki, K. Yamazaki, M. Curran, L. M. Wysocki, G. K. Beauchamp // *Horm. Behav.* – 2004. – V. 46. – № 3. – P. 241 – 246.
17. Мошкин, М. П. Изменение запаха у студентов мужского пола в стрессирующей ситуации / М. П. Мошкин, Л. А. Герлинская, И. Е. Колосова, Н. А. Литвинова, Л. А. Саваль, М. Г. Березина // *Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова*. – 2006. – Т. 92. – № 10.
18. Rantala, M. J. Male Steroid Hormones and Petal Preference for Male Body Odor / M. J. Rantala, C. J. P. Eriksson, A. Vainikka, R. Kortet // *Evol. & Hum. Behav.* – 2006. – Vol. 27. – P. 259 – 269.
19. Sheldon, M. S. Fertility Cycle Patterns in Males for Sexual Behavior / M. S. Sheldon, M. L. Cooper, D. C. Geary, M. Hoard, M. C. DeSoto // *Pers. Soc. Psychol. ViH.* – 2006. – Vol. 32. – P. 1659 – 1673.
20. Молекулярная клиническая диагностика. Методы / под ред. С. Херрингтона. – М.: Мир, 1999.
21. Болдырева, М. Н. HLA и естественный отбор. Гипотеза «преимущества функциональной гетерозиготности» / М. Н. Болдырева, Л. П. Алексеев // *Иммунология*. – М., 2006. – № 3. – С. 172 – 175.
22. Schipper, R. F. HLA class II associations with Type 1 diabetesmellitus: a multivariate approach / R. F. Schipper, B. P. Koeleman, G. J. Bruining, G. M. Schreuder, W. Verduijn, R. R. Vries, B. O. Roep // *Tissue Antigens*. – 2001. – Vol. 57(2). – P. 144 – 50.
23. Zanelli, E. Evidence alternate splicing in the thyroperoxidase messenger patients with Graves' disease / E. Zanelli, M. Henry, B. Charvet, Y. Malthiery // *Biochem. Biophys.* – 1990. – № 17. – P. 735 – 41.
24. Hunt, P. J. Histocompatibility leucocyte antigens and closely linked immunomodulatory genes in autoimmune thyroid disease / P. J. Hunt, S. E. Marshall, A. P. Weetman, M. Bunce, J. I. Bell, J. A. Wass, K. I. Welsh // *Clin Endocrinol (Oxf)*. – 2001. – 55(4):491 – 9.
25. Болдырева, М. Н. HLA (класс II) и естественный отбор. «Функциональный» генотип, гипотеза преимущества «функциональной» гетерозиготности / М. Н. Болдырева: диссертационная работа на соискание докторской степени. – М., 2007. – 154 с.

26. Tektonidou, M. Antiphospholipid syndrome / M. Tektonidou // Orphanet encyclopedia. – URL: <http://www.orpha.net/data/patho/GB/uk-APS.pdf>.
27. Khomenko, A. G. Tuberculosis in patients with various HLA Phenotypes / A. G. Khomenko, V. I. Litvinov, V. P. Chukanova, L. E. Pospelov // Tubercle. – 1990. – V. 71. – P. 187.
28. Singer, A. G. Volatile signals of the major histocompatibility complex in male mouse urine / A. G. Singer, G. K. Beauchamp, K. Yamazaki // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. – 1997. – Vol. 94. – P. 2210 – 2214.
29. Yamazaki, K. HLA-B transgenic mice produce a unique odor type / K. Yamazaki, G. K. Beauchamp, J. Bard, E. Lacy, E. A. Boyse // Behav Genet. – 1990. – V. 20. – 755 p.
30. Wobst, B. Molecular forms of soluble HLA in body fluids; potential deterrents of body odor cues / B. Wobst, N. Zavazava, D. Luscyk, K. Lange, S. Ussat, F. Eggert, R. Ferstl, W. Muller-Ruchholtz // Genetica. – 1999. – V. 104. – P. 275 – 283.

ИСТОРИЯ

УДК 008:069.015(571.1/5)

МУЗЕИ ИСТОРИИ ВУЗОВ: КОНЦЕПЦИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Л. З. Боголепова

MUSEUMS OF INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION HISTORY: ACQUISITIONS OF COLLECTIONS AT THE PRESENT STAGE

L. Z. Bogolepova

Статья посвящена исследованию роли музеев истории высших учебных заведений в формировании региональной культуры. Практическая сторона данной работы представлена в выработке рекомендаций для сети музеев истории высших учебных заведений по научно-фондовой деятельности. Именно этот вид музейной работы является фундаментом всей деятельности музея и должен быть организован на научной основе. Только в этом случае региональная часть историко-культурного наследия страны может быть исследована во всех аспектах, реализована в современной жизни и сохранена для последующих поколений.

The article is dedicated to historical museums role research of institutes of higher education in the forming of regional culture. Practical side of the given work is presented in recommendations producing for the network of history museums of institutes of higher education about scientific funds activity. This very sort of museum work is a foundation of all the museum activity and it should be organized on scientific basis. Only in this case regional part of the country can be investigated in all aspects, implemented in modern life and preserved for next generations.

Ключевые слова: культурология, музееведение, региональная культура, историко-культурное наследие, научно-фондовая работа.

Keywords: culturology, museology, regional culture, historical and cultural heritage, funds scientific work.

Создание музеев истории высших учебных заведений (конец XX – начало XXI вв.) является отражением целого ряда процессов, происходящих в современном обществе: развитие в России отечественной науки, сформированности системы высших учебных заведений, средоточие историко-культурного наследия в вузах. В связи с этим возникает насущная потребность общества в сохранении, эффективном использовании и воспроизводстве наследия, связанного с процессами просвещения, образования и воспитания.

Высшие учебные заведения занимают особое место в отечественной культуре. Научную, учебную и просветительскую деятельность учебные заведения осуществляли во многом через свои музеи [1]. По сложившейся в отечественной и мировой практике традиции с развитием высших учебных заведений создаются вузовские музеи [3, с. 5].

Музеи истории высших учебных заведений относятся к категории ведомственных музеев (находятся в ведении Министерства образования и отвечают задачам представления и развития этого ве-

домства). Данные музеи хранят уникальные исторические коллекции, представляющие собой достаточно обширную часть историко-культурного наследия региона и музейного фонда России. Коллекции являются источником для научных исследований историков, музееведов, культурологов, так как комплектование коллекций связано с профильным образованием вуза и включает материалы по истории самых различных научных направлений.

Большая часть коллекционных материалов музеев истории высших учебных заведений во всех случаях накапливалась стихийно, без планового комплектования. И сегодня вновь созданные музеи столкнулись с острой необходимостью научной систематизации сосредоточенного в их хранилищах материала, которому надлежит стать музейными предметами. Их систематизация и учет должны быть проведены таким образом, чтобы коллекционные материалы включились в многогранные процессы вузовской жизни, а также могли широко использоваться в экспозиционной, научно-исследовательской и научно-просветительской деятельности музеев.

Вузовский музей истории как хранитель историко-культурного наследия высшей школы и традиций приобретает в условиях современности новый статус – становится научно-культурным центром для формирующейся студенческой культуры, культуры научно-педагогической интеллигенции нового поколения. Музей приобретает статус социального института сохранения, презентации и трансляции исторического, культурного и природного наследия [2, с. 13].

Основу любого музея, в том числе и исторического, составляет музейный предмет. Он является объектом комплектования, научного изучения, использования в экспозиционной, выставочной, образовательно-воспитательной и других формах музейной деятельности. В современном музееведении существуют разные точки зрения на понятия «предмет музейного значения» и «музейный предмет», что определяется составом музейных коллекций, профилем музея. Суммируя существующие точки зрения музееведов, музейный предмет можно охарактеризовать как памятник истории и культуры, изъятый из среды бытования, обладающий способностью длительно сохраняться; прошедший при включении в музейное собрание все стадии научной обработки; обладающий свойствами движимого объекта культурного и природного наследия, благодаря его способности характеризовать историю и культуру определенного общества; служащего первоисточником знаний и эмоций [8, с. 56].

Мы рассматриваем музейный предмет как памятник историко-культурного наследия, обладающий культурно-исторической, мемориальной и научной ценностью, служащий источником знаний по становлению и развитию высшей школы, по формированию вузовской культуры, включенный в музейное собрание и способный длительно сохраняться. Через музейные предметы – документы, фотографии, вещественные памятники – раскрываются вехи истории и развития институтов, университетов, академий: научные достижения, история создания и развития науки, техники, подготовки высокопрофессиональных специалистов, формирование культуры студенчества. Музейные предметы предстают как своеобразный информационный источник, позволяющий получить знания об особенностях развития высшего учебного заведения, становления системы высшего образования.

Кроме того, они дают возможность получить информацию не только о материальном, но и нематериальном историко-культурном наследии научно-педагогической интеллигенции: их знаниях, умениях, традициях, представлениях об устройстве мира и места в нем человека. Отделить материальную культуру от духовной и нематериальной иногда сложно. «Под нематериальным наследием сегодня понимается совокупность основанных на традиции форм культурной деятельности и выражения, формирующих у членов человеческого сообщества чувство самобытности и преемственности и признаваемых ценностью. Понятие «нематериальное наследие» включает в себя как объекты наследия, так и спосо-

бы наследования и социальные механизмы передачи традиции от человека к человеку» [9, с. 71].

Совокупность музейных предметов как памятников историко-культурного наследия составляет фонд музея истории вуза. Отличительной особенностью музейного собрания по истории вуза является тот факт, что в его фондах хранятся историко-культурные ценности, созданные при участии отдельных личностей, формирующих становление высшего профессионального образования. Их представленность в фондах музея зависит от принципов и методов современного комплектования, которое является одной из ведущих форм научной музейной деятельности, основанной на принципах музееведения и профильных дисциплин. Комплектование подразумевает процесс выявления в определенной среде бытования предметов музейного значения и их сбора для пополнения музейного собрания. Основными методами комплектования являются систематический (типологический), тематический и комплексный. С помощью систематического метода происходит пополнение коллекций типичными предметами, характерными для определённой эпохи. Документирование процессов и явлений, отражающих определённую тему, предполагает использование тематического метода. Комплексный метод сочетает использование двух вышеперечисленных. Комплектование музейных предметов предполагает их отбор не только для основного фонда музея, но также для научно-вспомогательного и архивного как источниковой базы для изучения социокультурной действительности. Таким образом, научное комплектование музейных коллекций по истории высших учебных заведений, как одно из основных направлений в работе музея, определяет все основные аспекты музейной деятельности – исследовательской, экспозиционной и научно-просветительной.

Основу коллекций по истории высшей школы музея, истории вуза составляют фотоисточники и документальные памятники, собранные в процессе исторических исследований. Их научная ценность и способность отвечать экспозиционным задачам зависит от степени соблюдения музеем основных принципов научного комплектования фондов.

Активно создающиеся музеи по истории высших учебных заведений, несомненно, должны опираться на общепризнанные в музееведении требования к научному комплектованию своих фондов, процесс которого состоит из ряда последовательных и взаимосвязанных звеньев: разработки концепции научного комплектования, планирования и подготовки собирательской работы, включения памятников в научное собрание [5, с. 5]. От состояния научного комплектования и состава фондов зависит эффективность образовательно-воспитательного воздействия музеев истории высших учебных заведений на студенческую аудиторию и рядовых посетителей.

Своеобразие подхода к научному комплектованию музейных предметов по истории вуза объясняется разноплановой спецификой коллекций, их принадлежностью к системе высшего образования и

тем, что объектами исследования являются музейные предметы, близкие к современному периоду и непосредственно являющиеся информационными источниками сегодняшнего времени. Это обусловлено историей возникновения самих высших учебных заведений. Феноменальность музейной коллекции по истории вуза заключается в своеобразном единстве сосредоточенного в них материального и нематериального историко-культурного наследия.

Процесс научного комплектования сталкивается с рядом объективных трудностей: многообразие разнотипных материалов; трудности определения критерия отбора, оценки значимости, информационной ценности материала; сложность и быстротечность современных исторических процессов; особенность некоторых видов музейных предметов [6, с. 15]; проблемы атрибуции музейных предметов; проблемы применения новых информационных технологий в научном комплектовании.

Концепция научного комплектования должна отражать сущность комплектования, его цели и задачи, роль и место в деятельности музея, принцип планирования этого процесса. Научная концепция комплектования представляет собой принятую коллективом музея и научно обоснованную в соответствии с современными требованиями точку зрения на формирование его фондов, отражающих профиль музея.

Основной целью в разработке концепции комплектования фондов музеев по истории высших учебных заведений является накопление социальной информации в виде музейных предметов, документирующих существенные стороны научно-образовательного процесса, закономерности развития образовательного учреждения, формирование традиций, историю складывающейся внутри вуза культуры, развитие науки. На основе музейных предметов и сведений о нематериальном историко-культурном наследии научно-педагогической интеллигенции должна создаваться объективная картина формирования и развития высшего профессионального образования.

Цель комплектования реализуется в конкретных задачах, основными из которых являются:

- выявление подлинных памятников истории, культуры, отражающих происходящие или происходившие явления и процессы в высшей школе;
- приобретение музейных предметов в собрание музея и формирование источниковой базы для музейной деятельности и профильных наук;
- первичная обработка памятников, включающая в себя атрибуцию памятника, его описание и классификацию;
- сохранение историко-культурных ценностей и их использование для изучения жизни современного общества.

Музейные предметы должны отвечать ряду требований в соответствии с выработанными в современном музееведении общими критериями отбора предметов музейного значения [10, с. 324 – 325]:

1) информативность – способность предмета являться источником сведений об исторических событиях, явлениях культуры;

2) аттрактивность – свойство предмета через внешние признаки (цвет, форма, размер, эстетические особенности) привлекать к себе внимание посетителей при экспозиционно-выставочном использовании;

3) репрезентативность – способность предмета представить тот или иной исторический период или процесс;

4) экспрессивность – способность предмета оказывать эмоциональное воздействие. Например, мемориальные материалы – личные вещи известных ученых и т. д.

Эти критерии отбора универсальны для всех типов источников. Но они не исчерпывают всех отличительных признаков предметов музейного значения. К их числу необходимо отнести подлинность, сохранность, понимаемую не только как состояние предмета в момент поступления в музей, но и как способность сохраняться длительное время, коллекционность – связь с другими предметами музейного собрания в соответствии с профилем музея. Чтобы четко соблюдать критерий отбора предметов, касающихся истории развития высшего учебного заведения, собиратель должен изучить процесс развития вуза, иметь ясное представление о культуре научно-педагогической интеллигенции, студенческой культуре. Разные предметы могут обладать различным по количеству набором признаков, соответственно и степень историчности этих предметов будет различной. Профиль музея определяет лишь первую стадию отбора предметов, затем идет детальное изучение самого предмета и его истории. Именно такой научный подход к определению ценности предмета для музейной коллекции способен объективно дать оценку предмету музейного значения в системе культурных ценностей.

Основным критерием отбора предметов музейного значения является наличие у них определенной специфики – принадлежности к истории конкретного высшего учебного заведения. Частные критерии для такой разноплановой коллекции, как коллекция музея истории вуза, определяются спецификой музейного собрания. В отборе предметов для коллекции, отражающей тот или иной происходящий в вузе процесс, заложены два основных принципа – когнитивный (познавательный) и ценностный [7]. Музейная ценность предмета не исчерпывается его научной ценностью, он может обладать более широкой значимостью – исторической, художественной, эстетической, мемориальной, коммуникативной.

Таким образом, критерии отбора предметов музейного значения для коллекции музея по истории вуза могут иметь индивидуальные особенности. При отборе памятников по истории образовательного учреждения ценными будут являться вещевые музейные предметы, не относящиеся к истории вуза, но характеризующие определенный этап развития образования в стране. С их помощью можно рекон-

структурировать изучаемое явление, так как они были свидетелями события – артефактами истории. Основной целью сбора этих музейных предметов будет заполнение в собрании музея хронологических и тематических лакун.

Успех комплектования фондов во многом зависит от правильного планирования этого процесса, которое включает определение сроков комплектования, а также выбор форм и способов комплектования. Создается перспективный план комплектования фондов, основным содержанием которого в музеях истории высших учебных заведений будут исторические предметы. Перспективный план комплектования определяет цели, задачи, формы и способы комплектования и содержит долгосрочную программу собирательской деятельности. Как правило, выбор комплектования зависит от темы. На основе перспективного плана комплектования составляется ежегодный план собирательской работы, учитывающей задачи экспозиционно-выставочной работы и задачи пополнения фондов.

Большое значение для успешного осуществления процесса комплектования имеет удачный выбор его формы. Для музеев истории высших учебных заведений такими формами являются: текущее комплектование (пополнение фондового материала); целевое комплектование (выставки); комплектование на месте событий (юбилей, торжественное мероприятие, открытие мемориальных аудиторий, издание книг по истории вуза и т. д.); передача в дар от различных организаций (высшее образовательное учреждение); передача в дар от частного лица экспонатов (ветераны вуза, выпускники и т. д.); безвозмездная передача на постоянное хранение от частных лиц, не имеющих отношения к вузу; обмен между музеями; командировки; работа в архивах (копии документов); по завещанию; выезд сотрудников музея (сбор на месте проживания ветеранов вуза); историко-бытовая экспедиция (выезд с поисковым отрядом); закупка.

Пополнение музейного фонда во многом зависит от разнообразия собирательской работы, активного сотрудничества с общественными организациями (совет ветеранов, студенческий совет и т. д.), руководством и структурными подразделениями вуза.

Немаловажную роль играют рекламные акции музея (выставки новых коллекций, мемориальные выставки, выступления сотрудников музея по радио и телевидению с рассказами о коллекциях музея). Сбор материалов «по горячим следам» дает возможность непосредственно фиксировать отдельные события: события научной, общественной жизни (конференции, торжественные собрания, встречи, торжественные даты в жизни вуза, людей).

Музеи истории высших учебных заведений редко располагают возможностью пополнения своих фондов путем закупки из-за слабого финансового обеспечения. Основным источником пополнения фондов остается передача в дар и собирательская деятельность. Наиболее перспективной формой комплектования вузовских музеев истории следует признать передачу в дар исторического материала

от ветеранов вуза, обеспечивающую планомерное и постоянное пополнение фондов музея.

Основным содержанием этого этапа научного комплектования является изучение конкретной темы, определенной планом комплектования, и разработка конкретных планов комплектования в соответствии с определенными формами комплектования.

Работа с ветеранами, обеспечивающая основные поступления материала в музейное собрание, требует очень тщательной организации подготовительного этапа к собирательской работе. Прежде всего должна быть проработана литература по истории высшего учебного заведения, периодические издания, воспоминания ветеранов вуза. Необходимо также просмотреть всю существующую информацию по конкретному значимому лицу для выявления наименее изученных тем, которые и будут представлять интерес для углубленного изучения. Кроме того, вся имеющаяся литература по проблематике, интересующей исследователя, должна изучаться с учетом задач, стоящих перед музеем. Если предполагается комплексный сбор материала, то необходимо знание общей литературы по истории вуза, если же предполагается тематическое изучение, то необходимо знать еще и определенные темы, ознакомиться с имеющимися архивными материалами. К тому же исследователь должен тщательно изучить инвентарные книги, чтобы выявить содержание коллекций, просмотреть имеющийся исторический материал.

Богатым источником для поиска музейных экспонатов являются периодические издания вуза, отражающие информацию о разных этапах становления высшего учебного заведения, формировании новых кафедр, факультетов, научно-исследовательской работы и т. д. Сведения, полученные из вузовских газетных публикаций, отражают энциклопедию всесторонней жизни высшего учебного заведения.

Необходимо продумать и составить список предполагаемых к приобретению экспонатов. При этом собиратель должен учитывать задачи собирательской работы музея в целом, задачи экспозиционной работы музея, состав существующих музейных фондов. Необходимо перечислить основные объекты исследования и наметить приемы обследования (выборочное, сплошное, обзорное). Иметь с собой тетради для дневниковых записей, карточки для тематической фиксации материала, фотоаппарат.

При сборе материала по истории высшего учебного заведения значимыми будут следующие виды работ: работа с информаторами, включающая интервьюирование; фотофиксация информаторов; фотофиксация вещевых материалов, которые представляют интерес для музея, но по какой-то причине не могут быть приобретены немедленно; составление легенды на приобретаемые предметы; личные наблюдения сотрудников музея.

Музей не может плодотворно развиваться без систематического сбора материала, поэтому существенную помощь должно оказать руководство вуза

(с приобретением фотоаппарата, нужного технического материала).

Значительную помощь в подготовке к собирательской работе оказывает сотрудничество с ветеранской организацией вуза, студенческим советом, поисковыми студенческими отрядами, выпускниками. Эффективными в рекламных целях являются выступления на вузовских и ветеранских мероприятиях. Для сбора более широкой и подробной информации в совет ветеранов можно предварительно разослать разработанные анкеты и вопросники. Это поможет также выявлению нужного материала.

Планы комплектования реализуются музеями на этапе собирательской работы. При сборе коллекций общими требованиями к предметам являются их подлинность, выделение наиболее уникальных, мемориальных. Собирательская работа – это практическая деятельность по выявлению, сбору и предварительной экспертизе предметов музейного значения, атрибутирование и составление первичной документации. Главное, чтобы сборы были как можно более полными. Отобранные предметы должны стать полноценным научным источником и предметом экспонирования. Собиратель должен тщательно их обрабатывать и исследовать на месте, изучать и фиксировать. Каждый приобретенный предмет должен быть хорошо аннотирован, снабжен максимальной информацией о нем. Информацию можно собирать по схеме, изложенной в музейных инструкциях.

Все записи, сделанные в дневнике, должны быть точно датированы. В дневник обязательно заносятся записи бесед с информаторами – владельцами приобретенных предметов, личные наблюдения исследователя. Дается также описание и местонахождение предметов музейного значения, которые по той или иной причине не могут быть приобретены музеем в данный момент, но представляют несомненный интерес. В дневник заносятся все сведения о самом информаторе (адрес, фамилия, имя, отчество, возраст, срок проживания в данной местности, профессия, факты биографии, имеющие непосредственное отношение к приобретенному предмету).

Особое внимание при сборе материала следует уделить уникальным музейным предметам. «Это предметы, существующие в настоящее время в единственном или очень ограниченном числе и обладающие особой научной и культурной ценностью» [4, с. 80].

Уникальность мемориальных предметов проявляется в разных формах – принадлежность предмета к известному ученому, книги с пометками известных личностей, дарственные надписи, авторские подписи, печати и т. д. Почти в каждой семье есть вещи, которые хранят особенно бережно, поскольку они напоминают о каком-то родственнике или важном событии.

Исследователей должны интересовать и самые обычные, достаточно широко распространенные предметы, если они каким-либо образом связаны с историей высшего учебного заведения.

Процесс сбора исторического материала требует внимательного отношения к старейшим работникам

вуза, людям преклонного возраста; знания психологии людей и умения подойти к ним, настойчивости, наблюдательности. Не каждый человек легко расстается с вещью, которую он много лет хранил как реликвию. Надо суметь убедить его в том, что в музее она принесет большую пользу. На данном этапе предмет поступает на временное хранение в фонды, затем на основе предварительной атрибуции принимается решение о включении его в основной или научно-вспомогательный фонд. Предметы основного фонда включают подлинники и уникальные предметы, соответствующие профилю музея, научно-вспомогательного – копии, воспроизведения и т. д. Полностью идентичные материалы, отвечающие профилю музея и подлинностью, составляют дублетный фонд в количестве, определенном музейной инструкцией.

После включения приобретенных предметов в собрание музея они получают статус музейных предметов, процесс их комплектования на этом завершается, и они начинают использоваться в других формах работы музея – фондовой, научно-исследовательской, экспозиционной и научно-просветительной.

Музейные предметы (памятники истории, материальной и духовной культуры) составляют неотъемлемую часть историко-культурного наследия высшей школы, обладают материальной ценностью и являются собственностью государства. В связи с этим на сотрудников музеев возлагаются ответственные задачи по учету и хранению музейных предметов.

Основное фондовое собрание музеев истории высших учебных заведений обладает своей спецификой в отличие от профильных музеев, так как в нем сосредоточены уникальные материалы по истории науки в каждом конкретном регионе. Собранные музейные предметы дают представление об истории института, университета, академии, о преподавателях, участвовавших в становлении высшего профессионального образования, о заслуженных ученых, о педагогическом опыте ветеранов вуза, о первых профессорах и научных школах.

Предложенные в данной работе рекомендации и разработки не находят противоречий с действующим на сегодняшний день нормативным документом по комплектованию музейных предметов «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР», утвержденной приказом Министерства культуры СССР № 290 от 17 июля 1985 г. Они заключаются в определении основных критериев отбора предметов для музея истории вуза, специфических для музея данного профиля форм собирательской деятельности, трудностей атрибуции памятников. Предлагаемый подход к научному комплектованию фондов музеев истории высших учебных заведений как к начальному и важному этапу музейной деятельности призван обеспечить плодотворную работу с памятниками историко-культурного наследия, какими являются музейные коллекции на всех последующих этапах: учете и научной обработке коллекций,

их использовании в экспозиционно-выставочной, просветительской, коммуникативной и учебно-научной деятельности.

Литература

1. Бурлыкина, М. И. Университетский музей в научно-образовательном процессе: история и современность (XVIII – XX вв.) / М. И. Бурлыкина // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: сб. науч. статей. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 52 – 58.
2. Кулемзин, А. М. Об определении понятия «музей» / А. М. Кулемзин // Мир музея. – М., 2008. – № 3. – С. 13.
3. Мартынов, А. И. Вузовский музей. Особенности и традиции / А. И. Мартынов // Музей и наука: сб. науч. статей. – Кемерово, 2002. – С. 5 – 8.
4. Музееведение. Музеи исторического профиля / под ред. проф. К. Г. Левыкина, В. Хербста. – М.: Высшая школа, 1988. – 431 с.
5. Научное комплектование этнографических коллекций на современном этапе: методические ре-

комендации / сост. Н. И. Ивановская. – Ленинград, 1987. – 25 с.

6. Разгон, А. М. К вопросу о научном комплектовании фондов в музеях исторического и краеведческого профиля / А. М. Разгон // Актуальные вопросы изучения фондов музея по истории советского общества. – М., 1982. – Вып. 55. – С. 15.
7. Семенова, В. И. К вопросу о научной концепции комплектования музейных коллекций века / В. И. Семенова. – URL: <http://www.ic.omskreg.ru>.

8. Словарь актуальных музейных терминов // Мир музея. – М., 2009. – № 5. – С. 47 – 68.
9. Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий / Э. А. Шулепова, М. Е. Каулен, И. В. Чувилова [и др.] // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. статей. Вып. III. – Кемерово, 2009. – С. 5 – 90.

10. Юренева, Т. Ю. Музееведение / Т. Ю. Юренева. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.

УДК 94:314(571.17)«1946/1950»

ОБ ИЗУЧЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946 – 1950-е ГОДЫ

З. В. Боровикова

ON THE ISSUE OF INVESTIGATION OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC SITUATION IN KEMEROVO REGION (1946 – 1950)

Z. V. Borovikova

В статье проведен анализ научной литературы, посвященной социально-демографической ситуации в Кемеровской области в послевоенный период. Показана эволюция подходов к изучению вопросов, связанных с населением в отечественной историографии с 1960-х до 2000-х годов.

The article analyses scientific literature about social and demographic situation in Kemerovo Region after the WWII. It shows the evolution of the approaches to the study of population in Russian historiography since 1960's up to 2000's.

Ключевые слова: население, историография, Кемеровская область, социальная сфера, демографические процессы.

Keywords: population, historiography, Kemerovo region, social sphere, demographic processes.

На протяжении двух последних десятилетий наша страна пережила много сложных и драматических моментов: развал Советского Союза и экономики, хронические невыплаты заработной платы, массовое обнищание населения, демографический кризис, когда на фоне общего сокращения рождаемости происходил рост смертности населения. Положение несколько стабилизировалось в двухтысячные годы, что привело к оживлению в демографической сфере, но по-прежнему в нашей стране рост смертности опережает рождаемость. В условиях современной демографической ситуации следует обратиться к историческому опыту прошлых лет для выявления причин, повлиявших на формирование негативных процессов. Одним из этапов, представляющих несомненный интерес, являются первые полтора десятилетия после окончания Великой Отечественной войны.

На территории Кузнецкого угольного бассейна, расположенного в центральной части Западно-Сибирской равнины, вопросы, связанные с развитием населения, всегда были актуальны. Превращение Кузбасса в индустриальный регион, начавшееся с первых лет советской власти, сделало проблему численности, состава и перемещения населения (а точнее, текучки кадров, учитывая развитие социальной сферы молодого региона) еще и стратегически важной.

Как в 1946 – 1950-е гг., так и на сегодняшний день для развития страны нужны уголь и металл, для добычи и производства которых угольный регион нуждается в трудовых ресурсах. Изучение социальных и демографических аспектов в послевоенные годы представляет интерес и в связи с тем, что многие долговременные тенденции в развитии населения Кемеровской области уходят своими корнями

в этот период. Процессы, происходившие в исследуемые годы, сказываются до сих пор (экология, узкая производственная специализация, отставание от европейской части страны в социальной сфере).

Исследование социально-демографической ситуации в Кемеровской области в послевоенные годы помогает реконструировать модель аналогичных социальных проблем, характерных для современного региона (состояние сельского хозяйства, отток селян в города, миграция за пределы области, преобладание на территории региона ресурсодобывающих предприятий и предприятий тяжелой промышленности).

Изучение социально-демографического развития Кузбасса в 1946 – 1950-е гг. можно разделить на два этапа: 1960-е – конец 1980-х гг. и с конца 1980-х гг. до сегодняшнего дня. На первом этапе специальных исследований по данной теме не проводилось даже в масштабах Советского Союза. Отдельно изучались показатели, характеризующие численность и состав населения, выявлялись тенденции, присущие развитию послевоенного советского общества. Исследованием проблем социальной сферы занимались только в контексте развития народного хозяйства страны. Ученые при анализе материалов либо строго следовали курсу и оценкам партийных документов, либо вообще опускали «неудобные» моменты. На втором этапе появились публикации, рассматривающие недоступные до этого для ученых темы: проблемы голода, высокого уровня смертности населения, плохого состояния здоровья граждан, остаточного финансирования социальной сферы, реального положения дел на селе, численности и положения репрессированных контингентов. Это стало возможным благодаря смене политического курса государства и тому, что исследователи получили доступ к работе с новыми архивными документами.

На первом этапе в публикациях, посвященных динамике населения послевоенного периода, исследователи рассматривали отдельные демографические показатели и их зависимость, не уделяя должного внимания влиянию на демографические процессы социально-экономических факторов. В этих работах не рассматривались данные по развитию населения в региональном срезе.

Изменение подходов в исследовании населения происходит в 1970-е гг. В 1974 г. В. З. Дробижев и Ю. А. Поляков в совместной статье подняли вопрос о сложном влиянии социально-экономических и общественно-политических событий на динамику населения, которые может выявить только историк. «Главное не просто назвать какие-либо цифры, а раскрыть необычайно сложные взаимосвязи социально-экономических и демографических процессов» [13, с. 35]. В результате в вопросах изучения населения начали использовать новые подходы и методы, а историки активно включились в исследование проблем народонаселения.

Вместе с тем в отечественной историографии вплоть до конца 1980-х гг. изучение социальных проблем связывалось только с экономическим раз-

витием страны и велось в рамках этой тематики. В этих работах фрагментарно могли быть представлены и некоторые показатели демографического развития страны (численность и состав рабочего класса [35] или крестьянства [20] и, как следствие, рост городского населения).

Следует выделить работы по истории развития населения Сибири и ее социально-бытовой инфраструктуры в послевоенные годы, написанные именно сибирскими учеными, хорошо знакомыми со спецификой региона. В сибирской историографии представлены работы как характеризующие состав и численность населения Сибири, так и труды, характеризующие ее социальное развитие. Иногда эти сюжеты рассматривались комплексно.

Особенно необходимо отметить деятельность В. И. Переведенцева, который уже в 1960-е гг., изучая миграцию населения, пришел к выводу, что основная причина переездов – территориальные различия в условиях жизни, которые в центре страны были выше, чем в Сибири, а в городских поселениях выше, чем в сельской местности, что приводило к нерациональным миграциям.

Исследование жизненного уровня рабочих в послевоенной Сибири и некоторые параметры демографического развития населения были освещены в работах В. В. Алексеева и С. С. Букина [1, 7]. Сокращение числа сибирского крестьянства и отток сельского населения Сибири, вызванный более тяжелыми условиями труда и быта по сравнению с западными районами страны, нашли отражение в фундаментальном труде «История крестьянства Сибири» [27]. В работах этих и других ученых социально-демографические процессы в послевоенном сибирском регионе разбирались достаточно подробно с указанием ведущей роли индустриализации и отставанием социальной сферы от центральных районов Советского Союза. Однако не рассматривались и не анализировались причины, которые привели Сибирь к подобному положению.

Вопросы социально-демографического развития в послевоенном Кузбассе на протяжении длительного времени поднимались и изучались исследователями в основном в контексте хозяйственной деятельности региона. Так, А. А. Мыгдарев, характеризуя особенности развития и размещения поселков городского типа Кузбасса, объяснял неодинаковую плотность размещения населения внутри области неравномерным размещением производства на ее территории [30].

В 1966 г. в сборнике, посвященном истории рабочего класса Кузбасса, была опубликована статья Е. Дуплякиной о развитии здравоохранения в Кузбассе в 1946 – 1958 гг., где она сделала вывод, что, несмотря на несомненные достижения, лечебно-профилактическое обслуживание еще не удовлетворяло потребностей населения [14].

Рассматривая процесс формирования рабочих кадров Кузбасса, З. Г. Карпенко отмечала их высокую текучесть из-за недостатка в жилье и детских учреждений, а также из-за ограниченных возможно-

стей трудоустройства женщин и подростков в индустриальном регионе [25].

В совместной работе С. Н. Витковского и З. Г. Карпенко «Рабочие индустриального Кузбасса», при анализе источников и форм пополнения рабочих кадров Кемеровской области, приводятся некоторые данные по материальному благосостоянию трудящихся. Авторы показали, что ставки заработной платы работников в европейской части страны и в Кузбассе были одинаковыми, при неравных условиях жизни и более суровых климатических условиях в сибирском регионе [9].

Характеристика отдельных элементов социально-бытовой сферы в городах Кузбасса рассматривалась А. А. Сусликовым [39], С. Ф. Орлянским [34] и др. авторами при анализе деятельности местных советов народных депутатов и профсоюзных организаций.

Проблемы развития социально-бытовой инфраструктуры фрагментарно были освещены в общих работах о Кузбассе в контексте развития народного хозяйства ресурсодобывающего региона [19, 28]. Демографическая сфера Кемеровской области на данном этапе историографии практически не исследовалась. Население представляло для исследователей интерес только с точки зрения кадров, которыми необходимо обеспечить угольный бассейн.

Итак, на протяжении первого периода тема социально-демографического развития населения была второстепенной, подчиненной раскрытию сюжетов производственной и социально-классовой истории общества. Во всех публикациях, где хоть в какой-то степени затрагивались вопросы благосостояния населения СССР, о наличии трудностей и проблем в этой сфере упоминалось как о временных и обязательно следовал вывод о повышении материального и культурного уровня советского народа.

С конца 1980-х гг. в историографии проблем, касающихся социально-демографического развития населения, начинается новый этап. Изменение политической обстановки в стране и доступ к новым архивным материалам позволили углубить и расширить тематику исследований. История развития населения стала важным направлением в отечественной историографии [12, 21, 23, 32, 37]. Авторы исследований, посвященных данной проблематике, пришли к выводу, что первопричина сложной демографической обстановки в СССР на разных этапах кроется в политической сфере.

Работы, напечатанные во втором периоде, характеризует глубина исследования. Авторы, используя новые источники и новые подходы, показывают реальную картину жизни людей тех лет без идеологических шор, раскрывают преступления власти против собственного народа и общества, анализируя причины, которые привели к подобному положению. Одновременно усиливается интерес исследователей к региональному аспекту данной проблематики. Ученые начали целенаправленно заниматься изучением сибирского населения в 1946 – 1950-е гг. в тесной взаимосвязи с социально-экономическими факторами [2, 8, 11, 22, 31], подробно характеризуют

причины и последствия сложившейся обстановки в крае.

В перечисленных работах при рассмотрении некоторых аспектов социально-демографического развития Сибири исследователи приводят материалы по конкретным субъектам региона. Вместе с тем подобные упоминания носят скорее иллюстративный характер и не позволяют создать целостную картину по каждому краю или области. Индустриальный Кузбасс упоминается в качестве примера как наиболее урбанизированный район Западной Сибири. Кроме того, основное внимание уделялось изучению городского населения, т. к. Сибирь – индустриальный регион с преобладающей долей горожан среди населения.

Начиная со второй половины 1990-х гг., появляются работы, посвященные социально-экономическому и демографическому развитию населения Кузбасса. Обострение демографической обстановки в стране в 1990-е гг. привлекло внимание исследователей к вопросам демографической сферы. Возникло желание разобраться, в чем причина подобного положения и как обстояли дела раньше. Кроме того, доступ к новым архивным материалам позволил заниматься разработкой новых аспектов в истории региона.

Н. П. Шуранов, помимо героического труда людей в тыловом районе и развития новых отраслей промышленности в годы Великой Отечественной войны, отмечает хроническое игнорирование социальной сферы Кузбасса [41].

В монографии Л. И. Гвоздковой впервые показано влияние пенитенциарных учреждений, расположенных на территории Кузбасса, на развитие социальной сферы региона [10], что, в свою очередь, привело к возникновению диспропорций между высоким производственным потенциалом и уровнем социальной удовлетворенности населения.

Демографическая ситуация в послевоенной Кемеровской области получила частичное освещение в работах Т. А. Реховской [36] и А. В. Белькова [3]. В рамках диссертационного исследования «Население Кузбасса в 60 – 80-е гг. XX века» Т. А. Реховская кратко рассматривает социально-демографическую ситуацию в Кузбассе в 1920 – 1950-е гг., так как многие долговременные процессы угольного региона берут свое начало именно в этот период. Диссертационное исследование А. В. Белькова посвящено изучению городского населения Кузбасса в 20-е гг. XX века – начале XXI века и в том числе в интересующий нас период. Авторы указанных работ, объективно освещают процессы, происходившие с населением Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. Вместе с тем эти исследования касаются только развития населения, а в работе А. В. Белькова – только городского населения.

Характеристика социально-бытовой инфраструктуры городов Кузбасса в интересующий нас период представлена в кандидатских диссертациях Н. Ф. Кустовой [29], А. Д. Султановой [38] и Е. Б. Каймашниковой [24]. В указанных работах содержится информация о жилищных условиях горо-

жан, что позволяет опосредованно судить об их влиянии на динамику городского населения.

Наряду с работами, посвященными демографической и социальной сфере Кузбасса в послевоенный период, имеют место публикации, посвященные образованию и состоянию экологии. Развитием образования в Кузбассе и проблемами в этой сфере, которые связаны с остаточным финансированием, в первые послевоенные годы занимался В. Н. Брель [4 – 6]. Вопросам образования в сельских школах Кузбасса во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. посвящено диссертационное исследование Е. В. Обмановой [33], где автор отмечает слабую материально-техническую базу сельских школ и недостаток квалифицированных педагогических кадров по сравнению с городскими школами региона. Проблемы экологии в послевоенном Кузбассе и ее негативное влияние на здоровье населения и причины данной ситуации получили освещение в коллективной работе, посвященной развитию угольной промышленности в области [26].

Изменение норм репродуктивного поведения жителями Кемеровской области в 1950-е гг. нашло отражение в коллективной работе акушеров-гинекологов Г. А. Ушаковой и Л. Б. Николаевой «Воспроизводство населения и репродуктивное здоровье женщин Кузбасса» [40], посвященной проблемам рождаемости на современном этапе.

Вопросы формирования и развития населения Кузбасса на протяжении XX столетия, а также влияние тоталитарного государства на социально-демографическую сферу на примере угольного региона, рассмотрены в исследованиях К. А. Заболотской [15 – 18].

Итак, на протяжении 1960-х – 2000-х гг. в отечественной историографии нашли отражение отдельные аспекты демографического развития и социально-бытового положения страны, Сибири и Кузбасса в послевоенный период. В публикациях первого этапа, посвященных динамике населения в 1946 – 1950-е гг. исследователи рассматривали отдельные демографические показатели и их зависимость, не уделяя должного внимания влиянию на демографические процессы социально-экономических факторов. Вплоть до конца 1980-х гг. изучение демографических процессов связывалось только с экономическим развитием страны и велось в рамках этой тематики. Население представляло для исследователей интерес лишь с точки зрения кадров, которыми необходимо обеспечить регион. Демографические процессы и жизненный уровень людей, их взаимосвязь и взаимозависимость стали самостоятельной темой для исследования только на втором этапе. Одновременно усилился интерес исследователей к региональному аспекту данной проблематики. Ученые начали целенаправленно заниматься изучением населения Кемеровской области в тесной взаимосвязи с социально-экономическими факторами. Вместе с тем в перечисленных работах вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг. характеризуется как время бурного подъема и социально-экономического развития Кемеровской области, хо-

тя на самом деле в эти годы уровень жизни населения региона практически не изменился по сравнению с 1946 г.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что до сих пор нет целостного, системного исследования по социально-демографическому развитию Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. Полученные результаты могут быть использованы при разработке общего курса по истории Кузбасса, специального курса «История населения Кузбасса», а также при подготовке комплексного исследования по истории населения региона в послевоенные годы.

Литература

1. Алексеев, В. В. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма / В. В. Алексеев, С. С. Букин. – Новосибирск: Наука, 1980. – 215 с.
2. Бадалян, Т. М. Изменение численности и состава сельского населения Западной Сибири 1946 – 1959 гг. / Т. М. Бадалян: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 25 с.
3. Бельков, А. В. Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX века – начале XXI века / А. В. Бельков: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. – Кемерово, 2007. – 188 с.
4. Брель, В. Н. Развитие высшего технического образования в Кузбассе в первые послевоенные годы (1945 – 1955) / В. Н. Брель // II Всероссийские научные чтения. Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – С. 68 – 70.
5. Брель, В. Н. Развитие высшей школы и науки в Кузбассе в послевоенный период (1945 – 1955) / В. Н. Брель // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. научных трудов / отв. ред. Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 6 – 14.
6. Брель, В. Н. Развитие народного образования в Кузбассе в послевоенный период (1946 – 1950) / В. Н. Брель // 55 лет Кемеровской области: материалы научно-практической конференции, 22 января 1998 г. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. – С. 209 – 213.
7. Букин, С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946 – 1960 гг.) / С. С. Букин. – Новосибирск: Наука, 1984. – 271 с.
8. Букин, С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.) / С. С. Букин. – Новосибирск: Наука, 1991. – 240 с.
9. Витковский, С. Н. Рабочие индустриального Кузбасса. Историко-экономический очерк / С. Н. Витковский, З. Г. Карпенко. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. – 99 с.
10. Гвоздкова, Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе / Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 515 с.

11. Гущин, Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии / Н. Я. Гущин. – Новосибирск: СО РАН, 1995. – 82 с.
12. Демографическая модернизация России, 1900 – 2000 / под ред. А. Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
13. Дробижев, В. З. Народонаселение СССР и история советского общества / В. З. Дробижев, Ю. А. Поляков // Вопросы истории. – 1974. – № 4. – С. 30 – 38.
14. Дуплякина, Е. Развитие здравоохранения в Кузбассе в 1946 – 1958 гг. / Е. Дуплякина // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917 – 1965). – Вып. II. Материалы к научной конференции. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966. – С. 169 – 180.
15. Заболотская, К. А. Проблемы демографического развития Кузбасса: динамика и тенденции (конец 80-х гг. XIX в. – конец 80-х гг. XX в.) / К. А. Заболотская // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Всероссийские научные чтения. – Кемерово, 1999. – С. 11 – 16.
16. Заболотская, К. А. Социально-демографическая политика советского тоталитарного государства и ее последствия на современном этапе (на материалах Кузбасса) / К. А. Заболотская // Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления: материалы Международной научной конференции (Кемерово, 18 – 20 сентября 2001 г.) / Серия «Германские исследования в Сибири». – Вып. 3. – Кемерово, 2003. – С. 188 – 197.
17. Заболотская, К. А. Формирование и развитие населения Кемеровской области (1943 – 2003 гг.): тенденции и перспективы / К. А. Заболотская // Кемеровской области 60 лет: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию Кемеровской области. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – С. 185 – 188.
18. Заболотская, К. А. Этапы демографического развития Кузбасса в советский и постсоветский период (20-е гг. XX в. – начало XXI в.) / К. А. Заболотская // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы Всероссийской научной конференции. – Новосибирск, 2009. – С. 213 – 216.
19. История Кузбасса. Часть III. История Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма / гл. ред. А. П. Окладников. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. – 221 с.
20. История советского крестьянства. Т. 4. Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества, 1945 – конец 1950-х гг. / М. А. Богденко, О. М. Вербицкая, И. М. Волков и др.; отв. ред. И. М. Волков. – М.: Наука, 1988. – 395 с.
21. Исупов, В. А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма / В. А. Исупов // Актуальные проблемы истории Советской Сибири. – Новосибирск, 1990. – С. 180 – 202.
22. Исупов, В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) / В. А. Исупов. – Новосибирск: Наука, 1991. – 288 с.
23. Исупов, В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки / В. А. Исупов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 242 с.
24. Каймашникова, Е. Б. История становления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е – середине 80-х гг. XX века / Е. Б. Каймашникова: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Кемерово, 2004. – 25 с.
25. Карпенко, З. Г. К вопросу о формировании рабочих кадров Кузбасса / З. Г. Карпенко // Социальная структура населения Сибири. – Новосибирск, 1970. – С. 67 – 78.
26. Кожихов, О. В. Экологические проблемы угольной промышленности Кузбасса / О. В. Кожихов, Г. С. Некрасова // Угольная промышленность Кузбасса 1721 – 1996. – Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство, 1997. – С. 240 – 250.
27. Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. – М., 1985.
28. Кузбасс. Прошлое. Настоящее. Будущее / А. И. Мартынов, З. Г. Карпенко, У. Э. Эрдниев [и др.]; редкол.: З. Г. Карпенко (отв. ред.) и др. – 2-е изд., перераб. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978. – 365 с.
29. Кустова, Н. Ф. Формирование и развитие малых городов Кузбасса в условиях тоталитарной системы (конец 20-х – 50-е гг. XX века) / Н. Ф. Кустова: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. – Кемерово, 2000. – 214 с.
30. Мытарев, А. А. Некоторые особенности развития и размещения поселков городского типа Кузбасса / А. А. Мытарев // Очерки населения и хозяйства Западной Сибири. Сб. ст. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1965. – С. 8 – 21.
31. Население Западной Сибири в XX веке / Т. М. Бадалян, Л. М. Горюшкин, Н. Я. Гущин [и др.]; отв. ред. Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 171 с.
32. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3-х т. Т. 2. 1940 – 1959 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 416 с.
33. Обманова, Е. В. Государственная политика в сфере образования и ее реализация в сельских школах Кемеровской области во второй половине 1940-х – середине 1960-х годов / Е. В. Обманова: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. – Кемерово, 2009. – 236 с.
34. Орлянский, С. Ф. Местные советы и культурно-бытовое обслуживание рабочих Кузбасса в годы послевоенной пятилетки (1946 – 1950 гг.) / С. Ф. Орлянский // Из истории рабочего класса Сибири. – Вып. 4. Кемеровский политехнический институт. Кафедра истории КПСС. – Кемерово, 1972. – С. 89 – 97.
35. Рабочий класс СССР (1951 – 1965) / АН СССР. Институт истории СССР. – М.: Наука, 1969. – 559 с.

36. Реховская, Т. А. Население Кузбасса в 60-е – 80-е гг. XX века / Т. А. Реховская: дис. ...канд. ист. наук: 07. 00. 02. – Кемерово, 1998. – 175 с.

37. Сениявский, А. С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе / А. С. Сениявский. – М.: Наука, 2003 – 289 с.

38. Султанова, А. Д. Государственная градостроительная политика в Кузбассе / А. Д. Султанова: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. – Кемерово, 2001. – 26 с.

39. Сусликов, А. А. Партийные организации Кузбасса в борьбе за повышение культурно-

технического уровня рабочих в 1958 – 1964 гг. / А. А. Сусликов // Из истории рабочего класса Сибири. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966. – Вып. 2. – С. 261 – 278.

40. Ушакова, Г. А. Воспроизводство населения и репродуктивное здоровье женщин Кузбасса / Г. А. Ушакова, Л. Б. Николаева. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 176 с.

41. Шуранов, Н. П. Кузбасс – фронту / Н. П. Шуранов. – Кемерово: Притомское, 1995. – 120 с.

УДК 930(47+57)''1991/2011'':323.281

**КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В СССР
В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 1990-х – НАЧАЛА 2000-х гг.**

Е. С. Генина

**THE CAMPAIGN AGAINST COSMOPOLITISM IN THE USSR
IN THE APPRAISALS OF OUR COUNTRY'S RESEARCHERS**

of the 1990s – the early 2000s

E. S. Genina

Статья посвящена анализу отечественной историографии кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, сложившейся в 1990-е – начале 2000-х гг. Автор определяет вклад исследователей в изучение темы и выделяет существующие проблемно-тематические блоки. В работе обозначены дискуссионные и требующие изучения проблемы.

The article is devoted to the analysis of the campaign against cosmopolitism in the USSR by our country's historiography developed in the 1990s – the early 2000s. The author defines the contribution of the researchers in studying the subject and marks out the sets of existing issues. Some controversial problems and the problems demanding further study are singled in the article.

Ключевые слова: историография, отечественные исследователи 1990-х – начала 2000-х гг., кампания по борьбе с космополитизмом в СССР.

Keywords: historiography, our country's researchers of the 1990-s – the early 2000-s, campaign against cosmopolitism in the USSR.

Кампания по борьбе с космополитизмом, развернувшаяся в СССР в 1949 – 1953 гг., проходила под лозунгами «советского патриотизма» и была направлена в первую очередь против еврейской интеллигенции. Определение специфики данной кампании изначально предполагает видение проблем государственной идеологии и пропаганды, взаимоотношений власти и интеллигенции, национальной политики, сталинских репрессий. На сегодняшний день перечень работ, затрагивающих историографию проблемы, ограничен. Исследования Г. В. Костырченко упоминаются в контексте осмысления трудов по вопросам сталинской национальной политики [1, с. 351; 35, с. 383], исследования В. Д. Есакова и Е. С. Левиной, Г. В. Костырченко – при анализе трудов о послевоенных репрессиях в стране [42, с. 176]. Историк Г. В. Костырченко в издании, посвященном «еврейскому вопросу» в годы власти И. В. Сталина, уделяет внимание вкладу отечественных авторов в изучение проблемы [27, с. 7 – 11]. Сложившаяся ситуация диктует необходимость отдельного внимания к заявленной теме, чему способствует и появление в последние годы ряда новых научных работ.

Импульс к переосмыслению исторических событий сталинской эпохи дали политические изменения, произошедшие в СССР на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Перемены в идеологической сфере, смена методологических подходов, открытие архивов и доступность для исследователей ранее засекреченных документов сняли запреты с темы кампании по борьбе с космополитизмом. Отправным моментом для изучения темы послужило обращение к «делу Еврейского антифашистского комитета», члены которого были осуждены в июле 1952 г. 29 декабря 1988 г. состоялось заседание Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930-х – 1940-х и начала 1950-х гг. Комиссия под председательством А. Н. Яковлева рассмотрела материалы о реабилитации в судебном и партийном отношении лиц, проходивших по «делу ЕАК». Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовили справку, реконструирующую в общих чертах события вокруг «дела ЕАК» (фальсификация обвинений, репрессии, отмена вынесенного приговора и прекращение «дела» в 1955 г.). Протокол заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС и названная справка оказались

доступными общественности посредством публикации в журнале «Известия ЦК КПСС» [36; 32]. Через некоторое время текст справки поместили в известном издании «Реабилитация: политические процессы 30 – 50-х годов» [12].

К настоящему моменту глубокому изучению кампания по борьбе с космополитизмом в СССР подверглась в исследованиях Г. В. Костырченко, опубликованных в 1990-е – начале 2000-х гг. Прежде всего, это три монографии автора, посвященные «еврейскому вопросу». В работе «В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие» историк проанализировал события наступления на представителей общественности и культуры, проводившейся «чистки» кадров. Специальное внимание автор уделил «делу ЕАК» и «делу врачей» [23].

Новое обращение к теме последовало в книге «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм». Здесь Г. В. Костырченко следовал поставленной цели: «реконструировать исторический процесс зарождения, возникновения и развития государственного антисемитизма в СССР». Отталкиваясь от состояния «еврейского вопроса» в дореволюционное время и первые советские десятилетия, ученый подходит к проблеме государственного антисемитизма, возникшего в конце 1930-х гг. С данной точки зрения проанализированы разгром «космополитов» (начало 1949 г.), «дело ЕАК» (1948 – 1952 гг.), тотальная послевоенная антиеврейская «чистка», «дело врачей» (1953 г.). По мнению исследователя, государственный антисемитизм, в котором реализовалось сочетание внутри- и внешнеполитического факторов, был направлен на постепенную ликвидацию «еврейского влияния» в обществе через ассимиляцию евреев «сверху» и применение к ним административно-репрессивных мер [28].

Особо отметим несколько базовых утверждений автора, которые представляются весьма важными и одновременно дискуссионными. По мнению Г. В. Костырченко, собственно борьба с космополитизмом в первую очередь связана с пропагандистской акцией начала 1949 г., внешне направленной против критиков-«космополитов». Впоследствии к ее приемам вновь прибегали до начала 1953 г., но не с столь значительным размахом. Средством проведения политики государственного антисемитизма стали обвинения в «буржуазном национализме» и «безродном космополитизме». Под «буржуазными националистами» подразумевали носителей еврейской культуры как агентов влияния Запада, а в «безродных космополитах» видели прежде всего ассимилированных евреев, замеченных в «антирусской проповеди национального нигилизма и низкопоклонстве перед Западом». Если в первом случае «провинившихся» ожидало клеймо «государственного преступника» и суровое наказание, то во втором случае, скорее всего, – увольнение. «Дело врачей» не открывало дорогу «новому 1937 году». В 1953 г., когда разворачивались преследования «врачей-вредителей», сам И. В. Сталин, осознав нара-

ставшую для государства и общества угрозу, прекратил агрессивную антисемитскую пропаганду. В результате устранялась возможность «крупной антиеврейской акции» и новой номенклатурной «чистки» [28, с. 336 – 337, 348, 707].

С нашей точки зрения, данные положения представляются спорными. Поэтому тезисно обозначим собственную позицию. Кампания по борьбе с космополитизмом продолжалась на протяжении 1949 – 1953 гг., что подтверждается ее постоянной идеологической поддержкой. Во время преследований в отношении одного лица могли выдвигаться обвинения в «космополитизме» и «буржуазном национализме». По свидетельству архивных документов, в 1953 г. начинался очередной виток «чистки» кадров, создававший угрозу новых репрессий.

В монографии «Сталин против “космополитов”. Власть и еврейская интеллигенция в СССР» Г. В. Костырченко акцентирует внимание на периоде 1949 – 1953 гг., обозначенном как «универсализация чистки». По мнению автора, официальный антисемитизм в качестве систематической государственной политики в полной мере заявил о себе в указанные годы. Кадровая «чистка» достигла пика в 1949 – 1950 гг., приобретая «систематичность, универсальность и репрессивность». Главными пострадавшими во время «чистки» стали представители среднего слоя еврейской элиты (управленцы, начиная с заместителей министров и ниже, журналисты, профессура, другие представители творческой интеллигенции). Ученый предложил периодизацию взаимоотношений государства с еврейским населением в 1917 – 1991 гг., изложил представления об эволюции государственного антисемитизма с течением времени, выявил комплекс внутри- и внешнеполитических факторов, повлиявших на отношение власти к интеллигенции еврейского происхождения в 1936 – 1953 гг. [27, с. 210 – 288, 289 – 299].

В итоге многолетней работы Г. В. Костырченко подготовил докторскую диссертацию по теме «Политическое руководство СССР и интеллигенция еврейского происхождения (1936 – 1953)». При этом, обозначая территориальные рамки исследования, автор ориентируется на «центральный регион современной России, прежде всего столицу СССР Москву». В отдельных разделах диссертации рассматриваются события в регионах концентрации еврейского населения, исходя в основном из реализации политики центра [26].

Нельзя не отметить и две научные статьи Г. В. Костырченко. Если первая посвящена кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, то вторая – анализу возможности депортации еврейского населения страны. Представленные на страницах центральных исторических журналов, они вызвали дополнительный интерес к проблемам и создали еще одну основу для научных дискуссий [25; 24].

За исключением трудов Г. В. Костырченко, на современном этапе отсутствуют исследования обобщающего плана. Однако авторы рассматривали отдельные составляющие кампании по борьбе с космополитизмом в СССР. Поэтому в дальнейшем

мы будем ориентироваться на сложившиеся на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. проблемно-тематические блоки.

В первую очередь, следует сослаться на работы, раскрывающие влияние борьбы с космополитизмом на науку. Изучению указанного вопроса способствовало издание сборников «Репрессированная наука». Авторы статей сборников отметили проявления кампании в некоторых естественных и гуманитарных науках, экономической науке [53; 10; 29; 11; 52]. В одной из статей поднималась тема, касающаяся кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» [18]. Позднее она получила полновесное освещение в монографии, выпущенной В. Д. Есаковым и Е. С. Левиной. По мнению авторов, действовавшие в 1947 – 1948 гг. «суды чести» предшествовали началу борьбы с космополитизмом. Они создавались в министерствах СССР и центральных ведомствах для «рассмотрения антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий» и были рассчитаны на эффект общественного восприятия [13].

Исследователи реконструировали основные черты существования исторической науки в условиях борьбы с космополитизмом, проследили судьбы историков [6, с. 15 – 60; 33, с. 517 – 531; 50; 22; 20; 30]. В имеющихся работах отражено влияние кампании на представителей философии, правоведения, экономики, психологии, филологии [6, с. 15 – 60; 21, с. 121 – 124, 132 – 141]. Вышли в свет труды, авторы которых определили суть кампании в физике [41; 45]. В коллективной монографии о дискуссиях в советской науке середины XX в. отмечается их идеологическая черта: осуждение «низкопоклонства» и «космополитизма» [17]. Авторы всех указанных работ объединяет стремление выявить влияние послевоенных идеологических догм на состояние и развитие советской науки, а также проанализировать смысл обвинений в «космополитизме» в том или ином случае. Последнее способствует пониманию исходных терминов «космополитизм» и «космополит», активно использовавшихся властью в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Опубликованы труды, чьи авторы стремились осмыслить проявления кампании в контексте задач политики государственной власти, что придало теме новую дискуссионность. Научный поиск не привел к единству взглядов. Так, Ю. А. Стецовский и П. М. Шаститко придерживались точки зрения о наступлении времени государственного антисемитизма [43, с. 479 – 506; 49, с. 219]. А. В. Пыжиков и А. А. Данилов связывают борьбу с «низкопоклонством» и «космополитизмом» с внедрением в общественное сознание установок советского патриотизма, являвшегося государственной политикой. Носителями «буржуазного космополитизма» стали представители еврейского народа, пережившие «антисемитский поход конца 40 – начала 50-х годов» [39, с. 172 – 180]. В противоположность высказанному положению Г. С. Батыгин и И. Ф. Девятко призывали не сосредоточиваться сугубо на «национальном моменте» и выдвинули тезис: «"еврейский вопрос"»

был в значительной степени не еврейским, а номенклатурным вопросом» [2; 3]. Р. Г. Пихоя оценил преследование маршала Г. К. Жукова, репрессии в командовании Военно-Воздушных Сил и на флоте, «ленинградское дело», «суды чести», «дело МГБ», «дело ЕАК» и «дело врачей» как единую линию, проводимую властью. По мнению историка, наблюдалось «систематическое подавление даже самой возможности появления оппозиции в Советском Союзе, стремление контролировать, а при малейшем подозрении – преследовать представителей формирующейся элиты» [34, с. 77 – 78]. Во многом созвучна приведенному мнению позиция Б. М. Фирсова, рассматривающего наступление на «космополитов» в контексте послевоенного «закручивания гаек». Преследования советских граждан за «еврейство» и «безродный космополитизм» находятся в одном ряду с преследованиями за «чуждое» социальное происхождение, принадлежность ко всем бывшим оппозициям большевизму, к «буржуазной интеллигенции», семье «изменника Родины», пребывание в немецком плену во время войны [47, с. 91 – 110].

Существуют труды, создатели которых определили характерные черты общественной атмосферы времени и «образа врага». Е. Ю. Зубкова вычленяет один из факторов, использовавшийся государством при организации «антисемитской кампании»: «латентный бытовой антисемитизм, присутствующий в различных слоях российского общества». Его всплеск после идеологической атаки «сверху» последовал в 1953 г. Кроме того, сказалась психологическая подготовленность общества к наступлению на «безродных космополитов» и «врачей-вредителей» [16, с. 205 – 208; 15, с. 421 – 426]. В. Ю. Титов связывает рост антисемитских настроений в обществе с кампанией по борьбе с космополитизмом. Он полагает, что посредством формирования подобного отношения к евреям складывался «образ врага», ответственного за все проблемы [44, с. 90 – 93].

Сразу же отметим, что В. Ю. Титов предлагает собственную «хронологию политики космополитизма». Основные вехи хронологии, охватывающей 1948 – 1953 гг., выглядят следующим образом:

1948 г. – убийство артиста С. Михоэлса, ликвидация ЕАК.

1949 г. – начало кампании по борьбе с космополитизмом.

1952 г., август – расстрел группы членов ЕАК.

1952 г., октябрь – на XIX съезде партии в президиум ЦК избран философ Д. Чесноков, перед которым стояла задача «доказать невосприимчивость евреев к социализму».

1953 г., конец февраля – «допросы по делу врачей внезапно прекращаются или ведутся без нажима».

1953 г., апрель – реабилитация «врачей-вредителей» [44, с. 92].

По нашему мнению, данная хронология нуждается в уточнении. Выделение в качестве отдельной вехи 1948 г. противоречит обозначенному автором началу кампании в 1949 г. Основные вехи кампании

отражают лишь события в центре, сориентированы на идеологические и репрессивные процессы, не затрагивают связанную с борьбой с космополитизмом «чистку» кадров.

Несомненно, что общественные настроения находились в непосредственной зависимости от формировавшегося в идеологии «образа врага». А. В. Фатеев, реконструируя «образ врага» в советской пропаганде 1945 – 1954 гг., закономерно подошел к идейному наполнению термина «космополитизм». Исследователю удалось выявить «политические разновидности космополитизма», зафиксированные после гонений на «космополитов» в 1949 г. Ими стали, как полагает автор, «сионизм, панамериканизм, паниранизм, панисламизм, пантюркизм, фиюзатизм; в искусстве – декадентство, формализм, “искусство для искусства”; в биологической науке – “вейсманизм-морганизм”; в образе жизни – молодежный авангард в виде “стиляжничества”, а также “несознательный советский гражданин, имеющий пережитки капитализма в сознании”». Однако простор для манипуляции термином открывало его не до конца обозначенное содержание. Соответственно под «космополитами» подразумевались предатели Родины, «пятая колонна» США в СССР, странах Западной и Восточной Европы [46, с. 222 – 223].

С самого начала «открытия» темы борьбы с космополитизмом в СССР появлялись исследования, отражающие процесс на уровне регионов. На сегодняшний день в «копилке» отечественной историографии 1990-х – начала 2000-х гг. имеется ряд работ разного уровня, освещающих аспекты кампании. Проблемы взаимоотношений власти и интеллигенции на материалах Свердловска, Саратовской и Куйбышевской областей освещены в работах В. М. Пряхина и В. А. Гижова [38; 9]. Г. А. Будник обратилась к судьбам научно-педагогической интеллигенции Центрального района России, сделав акцент на сопоставлении происходившего в центре и регионах [5]. Э. А. Шкурко и Е. В. Мовшович подняли тему политических репрессий против еврейской интеллигенции Башкортостана и Ростова-Дону [51, с. 116 – 152; 31, с. 120 – 133]. «Дело врачей» на Урале изучено в диссертационном сочинении А. С. Кимерлинг и затронуто в диссертационном сочинении Т. В. Прощенок [19; 37, с. 205 – 207, 314 – 315]. Тема кампании в Еврейской автономной области присутствует в издании Д. И. Вайсермана [7, с. 260 – 420, 451 – 473]. Историю еврейской общины Биробиджана воссоздал И. С. Бренер [4, с. 253 – 294]. Е. С. Генина подготовила монографию, посвященную кампании по борьбе с космополитизмом в Сибири. В исследовании реконструирована политика органов власти по отношению к творческой, научно-педагогической и инженерно-технической интеллигенции, врачам. Отдельное внимание автор уделяет истории еврейских общин Сибири в 1949 – 1953 гг. [8].

Рассматривая историографию проблемы, нельзя не отразить вклад в изучение борьбы с космополитизмом в СССР Московского Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэ-

фер». В течение 1994 – 2011 гг. сотрудниками Центра проведено восемнадцать ежегодных Международных междисциплинарных конференций по иудаике. Неоднократное участие в конференциях принимали авторы монографий Г. Костырченко, Э. Шкурко, Е. Мовшович, Е. Генина. Результатом конференций явились публикации статей М. Жумажанова и С. Чарного [14; 48]. Особо следует отметить выход хронологическо-тематического указателя «Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода», изданного Центром «Сэфер». Указатель содержит раздел «Евреи в СССР (1946 – 1953)», где присутствует информация по интересующей нас теме [40, с. 184 – 187].

Таким образом, к настоящему времени авторы выявили основные составляющие кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, рассмотрели ее отдельные проявления. При этом собственно данная кампания выступала объектом изучения лишь в некоторых случаях, а исследователи сосредоточили свой взгляд на проблемах идеологии и пропаганды, взаимоотношений власти и интеллигенции, репрессий, национальной политики. В первую очередь, в центре внимания оказались политика органов власти в отношении различных групп советской интеллигенции и особенности сталинской национальной политики. Закономерным представляется факт появления основного числа работ в 2000-е гг., по мере ознакомления с темой и накопления источниковой базы.

Однако в целом можно констатировать необходимость продолжения изучения темы с учетом следующих моментов, сохраняющих свою дискуссионность:

- 1) полностью не решен вопрос об идейной сути кампании, не обозначена граница между борьбой с космополитизмом и предшествовавшими ей, сопровождавшими ее идеологическими кампаниями;
- 2) отсутствует четкое представление о хронологических рамках кампании, ее внутренних периодах;
- 3) дальнейшего осмысления требует проблема соотношения идейного и репрессивного давления во время кампании, сформировавшегося в идеологии «образа врага»;
- 4) по-прежнему актуально обращение к теме в контексте национальной, а также религиозной политики сталинского режима;
- 5) стоит вопрос о специфике проведения кампании на территории бывших республик СССР и отдельных регионов России, сравнительном анализе.

Литература

1. Аманжолова, Д. А. Сталинизм в национальной политике: некоторые вопросы историографии / Д. А. Аманжолова // Историография сталинизма: сб. статей / под ред. Н. А. Симония. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 321 – 355.
2. Батыгин, Г. С. Еврейский вопрос: хроника союзов годов. – Ч. 1 / Г. С. Батыгин, И. Ф. Девятко // Вестник Российской академии наук. – 1993. – Т. 63. – № 1. – С. 61 – 72.

3. Батыгин, Г. С. Еврейский вопрос: хроника со-роковых годов. Ч. 2 / Г. С. Батыгин, И. Ф. Девятко // Вестник Российской академии наук. – 1993. – Т. 63. – № 2. – С. 143 – 151.
4. Бренер, И. С. Лэхаим, Биробиджан! / И. С. Бренер. – Красноярск: Красноярский писатель, 2007. – 336 с.
5. Будник, Г. А. Формирование интеллигенции в высшей школе Российской Федерации. 1945 – 1991 гг. / Г. А. Будник. – Иваново: ИГЭУ, 2009. – 216 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.library.ispu.ru/elib/all/uchmat/istoriya/mono.doc>. Дата обращения – 13 октября 2011 г.
6. Булыгина, Т. А. Общественные науки в СССР. 1945–1985 гг. / Т. А. Булыгина. – 2-е изд. – М.: Московский автомобильно-дорожный институт (Технический университет): Институт гуманитарных исследований, 2000. – 240 с.
7. Вайсерман, Д. И. Биробиджан: мечты и трагедия. История ЕАО в судьбах и документах / Д. И. Вайсерман. – Хабаровск: РИОТИП, 1999. – 512 с.
8. Генина, Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949 – 1953 гг.) / Е. С. Генина. – Кемерово: КемГУ, 2009. – 255 с.
9. Гижев, В. А. Идеологические кампании 1946 – 1953 гг. в российской провинции: (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей) / В. А. Гижев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2004. – 22 с.
10. Гинецинская, Т. А. Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ / Т. А. Гинецинская // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского; сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел. – Л.: Наука, 1991. – С. 114 – 125.
11. Григорьян, Н. А. Трудные годы академика И. С. Бериташвили (1948 – 1956) / Н. А. Григорьян, А. И. Ройтбак // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского; сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел. – Л.: Наука, 1991. – С. 297 – 304.
12. «Еврейский антифашистский комитет» // Реабилитация: политические процессы 30 – 50-х годов / под общ. ред. А. Н. Яковлева. – М.: Политиздат, 1991. – С. 322 – 327.
13. Есаков, В. Д. Сталинские «суды чести»: «дело “КР”» / В. Д. Есаков, Е. С. Левина. – М.: Наука, 2005. – 423 с.
14. Жумажанов, М. Кампания «борьбы с космополитизмом» и общественное мнение советской интеллигенции / М. Жумажанов // Материалы Восьмой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. – Ч. 1 / редкол.: К. Ю. Бурмистров, Р. М. Капланов, В. В. Мочалова. – М.: Сэфер, 2001. – С. 276 – 286.
15. Зубкова, Е. Ю. Общественные настроения в послевоенной России. 1945 – 1953 гг. / Е. Ю. Зубкова: дис. ... докт. ист. наук. – М., 2000. – 508 с.
16. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953 / Е. Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
17. Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века) / отв. ред. А. А. Касьян. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 288 с.
18. Каллиникова, В. Д. Дело «КР» / В. Д. Каллиникова, В. Я. Бродский // Репрессированная наука. – Вып. II / под общ. ред. М. Г. Ярошевского; ред.-сост. А. И. Мелуа. – СПб.: Наука, 1994. – С. 113 – 120.
19. Кимерлинг, А. С. Политическая кампания «Дело врачей» в провинции. 1953 год: (на материалах Молотовской и Свердловской областей) / А. С. Кимерлинг: дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2000. – 231 с.
20. Кныш, Н. А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие / Н. А. Кныш: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2009. – 23 с.
21. Колеватов, Д. М. Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М. А. Гудошникова и М. К. Азадовского 1940-х гг.) / Д. М. Колеватов // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, Г. К. Садретдинова. – Вып. 1. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 121 – 141.
22. Корзун, В. П. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, равняйся!») / В. П. Корзун, Д. М. Колеватов // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г. К. Садретдинова, В. П. Корзун. – Вып. 2. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – С. 199 – 224.
23. Костырченко, Г. В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование / Г. В. Костырченко. – М.: Международные отношения, 1994. – 400 с.
24. Костырченко, Г. В. Депортация – мистификация (Прощание с мифом сталинской эпохи) / Г. В. Костырченко // Отечественная история. – 2003. – № 1. – С. 92 – 113.
25. Костырченко, Г. В. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР / Г. В. Костырченко // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 47 – 60.
26. Костырченко, Г. В. Политическое руководство СССР и интеллигенция еврейского происхождения (1936–1953) / Г. В. Костырченко: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2008. – 43 с.
27. Костырченко, Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР / Г. В. Костырченко. – М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 415 с.
28. Костырченко, Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм / Г. В. Костырченко. – 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2003. – 784 с.
29. Маневич, В. Е. Сталинизм и политическая экономия / В. Е. Маневич // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского; сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел. – Л.: Наука, 1991. – С. 181 – 198.
30. Матвеева, Н. В. Кампания по борьбе с космополитизмом в интеллектуальных биографиях послевоенного поколения советских историков /

Н. В. Матвеева // Социальные конфликты в истории России: материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 22 октября 2004 г. / отв. ред. Н. В. Макарьева. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – С. 283 – 288.

31. Мовшович, Е. В. Очерки истории евреев на Дону / Е. В. Мовшович. – Ростов н/Д: Книга, 2011. – 336 с.

32. О так называемом «деле Еврейского антифашистского комитета» // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 12. – С. 35 – 40.

33. Очерки истории отечественной исторической науки XX века: монография / под ред. В. П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 684 с.

34. Пихоя, Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991 / Р. Г. Пихоя. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.

35. Поварницын, Б. И. Историография сталинской этнополитики: от политической конъюнктуры – к научному знанию / Б. И. Поварницын // Историография сталинизма: сб. статей / под ред. Н. А. Симония. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 356 – 414.

36. Протокол № 7 заседания Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30 – 40-х и начала 50-х годов. 29 декабря 1988 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 12. – С. 34 – 35.

37. Проценко, Т. В. Еврейское население Урала в XIX – XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие) / Т. В. Проценко: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.

38. Пряхин, В. М. Борьба с «космополитизмом» и «иностранщиной» в вузах Свердловска (1946 – 1953) / В. М. Пряхин // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры и отношений советского общества: тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (Кемерово, 19 – 21 марта 1991 г.). – Вып. II / отв. ред. В. Л. Соскин. – Кемерово: Притомское, 1991. – С. 76 – 78.

39. Пыжиков, А. В. Рождение сверхдержавы. 1945 – 1953 годы / А. В. Пыжиков, А. А. Данилов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 319 с.

40. Рутберг, Н. И. Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода: хронологическо-тематический указатель литературы, изданной за 1917 – 1991 гг. на русском языке / Н. И. Рутберг, И. Н. Пидевич / отв. ред. И. А. Беседин. – М.: Грантъ, 2000. – 599 с.

41. Сонин, А. С. «Физический идеализм»: история одной идеологической кампании / А. С. Сонин. – М.: Физматлит, 1994. – 224 с.

42. Степанов, М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928 –

1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии / М. Г. Степанов. – Абакан: Изд-во ГОУ ДПО «ХРИПК и ПРО»: «РОСА», 2009. – 238 с.

43. Стецовский, Ю. А. История советских репрессий / Ю. А. Стецовский. – М.: Гласность, 1997. – Т. 1. – 600 с.

44. Титов, В. Ю. Протестные настроения в общественном мнении граждан РСФСР во второй половине XX века: (на материалах 1945 – 1960-х гг.) / В. Ю. Титов. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2005. – 322 с.

45. Томилин, К. А. Физики и борьба с космополитизмом / К. А. Томилин // Физика XIX–XX вв. в общенаучном и социокультурном контекстах: физика XX в. – М.: Янус, 1997. – С. 264 – 304 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/tom97ph.htm>. Дата обращения – 30 сентября 2011 г.

46. Фатеев, А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945 – 1954 гг. / А. В. Фатеев. – М.: Институт российской истории РАН, 1999. – 263 с.

47. Фирсов, Б. М. Разномыслие в СССР. 1940 – 1960-е годы: история, теория и практика / Б. М. Фирсов. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. – 544 с.

48. Чарный, С. Еврейские религиозные общины во время «дела врачей» / С. Чарный // Ксенофобия: История. Идеология. Политика / редкол.: К. Ю. Бурмистров, Р. М. Капланов, В. В. Мочалова. – М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2003. – С. 106 – 117.

49. Шаститко, П. М. Обреченные догмы: большевизм и национальный вопрос / П. М. Шаститко. – М.: Вост. лит., 2002. – 272 с.

50. Шаханов, А. Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна / А. Н. Шаханов // История и историки: историографический вестник. 2004 / отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: Наука, 2005. – С. 186 – 207.

51. Шкурко, Э. А. Евреи в Башкортостане: полтора века истории / Э. А. Шкурко. – Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2007. – 236 с.

52. Ярошевский, М. Г. Как предали Ивана Павлова / М. Г. Ярошевский // Репрессированная наука. – Вып. II / под общ. ред. М. Г. Ярошевского; ред.-сост. А. И. Мелуа. – СПб.: Наука, 1994. – С. 76 – 82.

53. Ярошевский, М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки / М. Г. Ярошевский // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского; сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел. – Л.: Наука, 1991. – С. 9 – 33.

УДК 008: 001.8. (571.1/5: 7.031.3/069.51)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*Т. И. Кимеева***HISTORICAL AND CULTURAL RESEARCH OF ARTISTIC LEGACY OF TURKIC SPEAKING PEOPLE OF WESTERN SIBERIA***T. I. Kimeeva*

В статье представлен современный историко-культурологический подход к исследованию художественного наследия народов Западной Сибири, востребованного в условиях повышения актуальности традиционных культур в современном обществе. Определена специфика методологии системного анализа музейных коллекций по традиционному декоративно-прикладному искусству, социальных механизмов трансляции данного культурного явления и его функционирования в условиях современности.

The historical and culturological approach to the study of material and artistic heritage of the peoples of Western Siberia is presented in the article. The historical and culturological approach is becoming quite popular under the conditions of growing relevance of the traditional cultures in the modern society. Methodological specificity of system analysis of traditional decorative and applied arts museum collections, social mechanisms of transmission of a cultural phenomenon and its functioning in the modern conditions are identified.

Ключевые слова: культура, художественное наследие, музейные коллекции, историко-культурологические исследования, социальный носитель культуры, функционирование культуры, аутентичные формы материальной культуры.

Keywords: culture, artistic legacy, museum collections, historical and cultural research, social culture beam, culture functioning, authentic forms of material culture.

Социокультурная ситуация современного общества предполагает разработку новых концептуальных подходов к сохранению и функционированию традиционных форм народной культуры и изучению ее на различных этапах исторического развития. Одной из региональных концепций данной направленности является утвержденная 29 декабря 2009 г. «Концепция сохранения культурного наследия Кемеровской области», в которой различные формы традиционной культуры рассматриваются как объекты культурного наследия. Проявлением таких форм народной культуры является художественное наследие тюркоязычных народов Западной Сибири. Интерес к нему не только не утрачен в условиях современного общества, но востребован представителями самых разных специальностей: музеями, искусствоведами, преподавателями, художниками, представителями национально-культурных центров, фольклорных коллективов и др. Для исследования памятников художественной культуры обозначен регион Западной Сибири, характеризующийся местами компактных проживаний таких тюркоязычных народов, как шорцы, телеуты, алтайцы, хакасы, сибирские татары. Выбор обусловлен спецификой развития в данном регионе традиционной художественной культуры в рамках кустарных ремесел, ориентированных на удовлетворение утилитарных потребностей населения. Явления народного художественного искусства в настоящее время имеют здесь место в его аутентичной форме в пространстве традиционных культур.

Под художественным наследием в данном случае предлагается понимать совокупность памятников народного искусства, являющихся одновременно объектами материальной культуры и своеобразными художественными произведениями, соединяющими в себе прагматические и эстетическо-

духовные аспекты. Под термином «художественные» принимается традиционное понятие, связанное с искусством, с областью его происхождения. Понятие «художественное наследие» используется наряду с общепринятыми определениями: декоративно-прикладное народное искусство и народное декоративное искусство.

Традиционность является непременным качеством любой формы народной культуры. В народном декоративном искусстве отражается установка на следование принятой традиции, в которой прослеживается коллективистское начало, объединяющее каждый конкретный народ в разных поколениях. Необходимость обращения к традиционному народному искусству Сибири отмечает С. В. Иванов, так как эта форма искусства, как и всякого другого, является отражением процесса объективного познания мира [2, с. 15].

В современном обществе традиция служит обобщению культурного и социального опыта, воспроизведению стереотипов образно-смыслового видения и технологии передачи элементов народной культуры. Принципы и приемы декоративно-прикладного искусства веками передавались из поколения в поколение и становились традиционными. Эта форма художественного народного творчества связана с традиционным бытом народов Сибири и с формированием среды обитания отдельных этносов, их историей, обычаями, обрядами, с хозяйственной и промысловой деятельностью, с организацией жилого пространства, с изготовлением одежды, утвари, орудий труда и ритуальных предметов.

Народы региона Западной Сибири создали удивительные образцы декоративно-прикладного искусства, которые сегодня практически не воспроизводятся. Составив фонд культурного наследия в коллекционных собраниях музеев и отодвинувшись

в историю, этот пласт культуры, тем не менее, сохранил свое культурное значение. В современной ситуации художественное наследие, будучи элементом культурных систем прошлого, востребовано и актуализировано в сознании народов-носителей этой формы культуры. В условиях современности воссоздание аутентичных народных художественных ремесел происходит на перекрестке традиционных и модернизированных культур. Этот факт необходимо учитывать. Так, результаты исследования автором данной статьи воссозданных образцов традиционного прикладного искусства в рамках национальных творческих коллективов шорцев показали, что происходит выбор иноэтнических, более аттрактивных, чем шорские, элементов. К качеству «традиционных» в шорском искусстве появляются, например, чукотские височные украшения и т. д. В связи с этим становится чрезвычайно актуальной деятельность по изучению и использованию памятников художественной культуры, хранящихся в музейных собраниях и способных служить подлинными образцами при реконструкции народного искусства.

Чтобы выбрать верное направление в создании условий для возможности использования данных памятников в условиях современности, нужны знания особенностей творчества в области художественной культуры у разных народов Западной Сибири. Проблема изучения художественного наследия в культуре народов Западной Сибири многоаспектна. Культурологический подход предполагает анализ его исследований учеными предыдущих поколений, изучение его многообразия, определения его роли и возможностей функционирования в современной культуре общества.

Отдельные моменты народного искусства тюркоязычных народов Западной Сибири на рубеже XIX – XX вв. освещены в публикациях известных исследователей – А. В. Анохина, А. В. Адрианова и др., подготовленных по материалам экспедиций в этот регион. Середина XX в. отмечена системными исследованиями С. В. Иванова в области изобразительного искусства, орнамента и скульптуры народов Сибири, в том числе и тюркоязычных. В работах ученого «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири в XIX – начале XX в.» (1954 г.), «Орнамент народов Сибири как исторический источник» (1963 г.), «Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII – первой четверти XX вв.» (1979 г.) представлен историко-этнографический анализ коллекций по тюркоязычным народам Западной Сибири музеев Сибири – Абаканского, Барнаульского, Бийского, Горноалтайского Красноярского, Минусинского, Новосибирского, Томского краевого и университетского музеев, а также Музея антропологии и этнографии г. Ленинграда (Кунсткамеры). Вне поля зрения ученого оказались коллекции музеев Кемеровской области, в которых сосредоточен большой объем материалов по шорцам и телеутам.

В этот же период времени освещение художественных традиций по материалам музейных коллекций происходит в рамках деятельности московского

Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП). В изданиях НИИХП, из интересующих нас народов, были освещены художественные ремесла Хакасской автономной области – материал, технология изготовления, основные типы орнамента [1, с. 169 – 200.]. В качестве иллюстративных образцов были использованы коллекции хакасского и красноярского музеев. Более подробная характеристика орнамента и техника изготовления предметов художественной культуры хакасов представлены в работе И. К. Кидиевой [3, 159 с.]. Различные аспекты традиционного искусства алтайцев в рамках историко-культурного подхода с привлечением коллекционных музейных материалов получили отражение в диссертационном исследовании В. И. Эдокова [10, 169 с.]. Коллекции шорцев, телеутов и томских татар в коллекциях музеев России рассматривались автором данной статьи в диссертационном исследовании и монографии [4, 295 с.]. Традиционный орнамент народов Западной Сибири с использованием материалов коллекций музея Томского госуниверситета исследовался и Л. А. Рейно [9, с. 163 – 172].

К настоящему времени не только накоплен богатейший материал по декоративно-прикладному искусству тюркоязычных народов Западной Сибири в музейных собраниях, но, кроме комплексного анализа С. В. Иванова, проведены исследования коллекций по отдельным народам. Однако на фоне историко-этнографических и искусствоведческих исследований недостаточно представлен историко-культурологический анализ такого феномена, как материальная художественная культура народов Западной Сибири и ее функционирование в современном обществе.

В современной научной литературе отражен поиск оптимальных методологических разработок, которые могли бы быть применимы как для теоретических, так и прикладных исследований в области культурологии. Культурологический подход к народной художественной культуре, по мнению ряда российских культурологов, предполагает комплексный анализ параметров, существенных для понимания культурного артефакта в общем контексте культуры и социальной системы, элементом которых он выступает [6, с. 15 – 16]. Для культурологического анализа данного пласта культурного наследия могут быть выбраны следующие составляющие: 1) материалы музейных коллекций и архивов как объективные источники традиционной художественной культуры тюркоязычных народов Сибири; 2) народ как социальный носитель данного пласта народной культуры; 3) социальные механизмы передачи традиций народного декоративно-прикладного искусства; 4) функционирование художественной культуры в условиях современности.

1. Материалы этнографических музейных коллекций по декоративно-прикладному искусству тюркоязычных народов Сибири в ходе культурологического анализа рассматриваются как вещественные источники, в которых воплощена культово-религиозная, эстетическая, знаково-символическая

семантика. Для культурологического исследования не менее важными являются материалы, используемые для их производства, и технологические приемы их изготовления и декорирования. Кроме предметов основного фонда, немаловажным источником может служить и фотоархив музея, в материалах которого нередко запечатлены уникальные предметы художественной народной культуры, которые не представилось возможным приобрести для музейной коллекции. Музейные предметы и зафиксированные на фотографиях и негативах образцы могут быть систематизированы по следующим типам памятников народного декоративного искусства: предметы торевтики; родовые и семейные знаки; пиктография; предметы культового назначения из различных материалов; украшения; декорированные предметы быта.

Каждый тип источников в большей или меньшей степени характерен для народов рассматриваемого региона и их анализ позволит выявить контакты проживающих по соседству народов, а также причины наличия – у одних и отсутствия – у других определенных типов памятников художественного наследия.

Торевтика этнографических коллекций – образцы рельефной художественной обработки металла – характерна в большей степени для алтайцев, телеутов и хакасов, основной хозяйственной деятельностью которых традиционно было кочевое скотоводство. В этнографических коллекциях торевтика представлена в своем большинстве декорированными бляшками поясных наборов и конской сбруи. В качестве примера можно привести образцы торевтики в виде декоративных бляшек на уздечных наборах алтайцев из коллекций Музея института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, датированные XIX в (МИАиЭ СО РАН колл. 1337, 1339, 1340). Торевтика конской сбруи представлена серебряными или медными объемными бляшками в виде шестилепестковых розеток и прямоугольными пластинками, декорированными растительным орнаментом, выполненным в технике штампа. Аналогичные розетки украшают входящие в состав поясных наборов кожаные сумочки с кресалом. В фотоархиве Музея «Археология, этнография и экология Сибири», где сосредоточены материалы полевых экспедиционных исследований и работы в фондах российских музеев, запечатлены похожие образцы рельефного декора металла.

Изображение родовых и семейных знаков прослеживается на тамгах телеутов, хакасов и алтайцев, предметах охотничьего снаряжения у шорцев. У алтайцев, например, тамги вплоть до начала XX в. ставили на документах вместо подписей. Тамги использовались как знаки собственности и ими помечались предметы быта: войлочные ковры, седла, сундуки, сосуды-тажууры и крупы лошадей. Среди тамг алтайцев зафиксированы следующие названия: голова лошади «ат-бажы», дверь или порог «эжик»; птица «куш», удила «сулук», лук или самострел «айа», солнце «күн», нарождающаяся луна «ай» и

др. [10, с. 96]. По изобразительным мотивам выделяется несколько групп родовых и семейных знаков: зооморфные, антропоморфные, мифические фигурки, деревья, небесные светила, предметы материальной культуры. Вполне вероятно, что родовые и семейные знаки занимали определенное место в рисунках на поверхности шаманских бубнов, так как в основе их семантики заключалось представление о почитаемом культовом животном, духе-покровителе или небесном светиле. Так, на бубнах тюркских народов Западной Сибири стойким является изображение солнца «күн» и месяца «ай», двери или порога с антропоморфным изображением внутри «төр еези» и т. д. Характер исполнения изображений на бубнах также схематичен, как и на тамгах.

Пиктографическое письмо как отображение содержания сообщения в виде рисунка или последовательности рисунков в декоративном искусстве тюркоязычных народов Сибири представлено слабо и мало изучено исследователями. Вероятнее всего, по той причине, что изображения-сообщения служили своеобразной охотничьей хроникой и выполнялись на затесах стволов деревьев на охотничьих территориях. Есть основания полагать, что в культуре таежных народов Западной Сибири подобная изобразительная традиция имела место. С. В. Иванов приводит данные о существовании пиктографических рисунков на затесах деревьев у хакасов, имеющих большое сходство с древними наскальными рисунками Хакасии. Исследователь сравнивает хакаские изображения с ханты-мансийскими и эвенкийскими и высказывает предположение, что хакаские также относятся к категории пиктографических записей событий, имевших отношение к охоте [2, с. 588].

Предметы культового назначения среди этнографических музейных предметов составляют обширный материал. Широко представлены предметы культовой деревянной скульптуры, символизирующей почитаемых духов и отражающих культы почитания природы и охоты: «тайгамы» и «шалыги» в шорской коллекции, «күрмүши» – в телеутской, «көрмөжеки» – в алтайской, «төси» – в хакаской. Особый интерес вызывают шаманские бубны с их сложной символикой и атрибутикой: семантика рисунков лицевой стороны бубна; оформление внутренней полости бубна с декорированной резьбой или антропоморфной рукоятью «барс» и поперечной тетивой «кириш»; колотушка «орба» с гремящими подвесками. Культовое значение заключено в отдельных изображениях на текстиле, деталях охотничьего снаряжения, культовых сосудах и т. п.

Украшения тюркоязычных народов Западной Сибири подразделяются на съёмные и нашивные, изготавливаемые из металлов (преимущественно серебра и меди), перламутра, текстиля, бусин, бисера, раковин каури и др. По способу ношения среди них различаются головные, височно-нагрудные, шейно-нагрудные, наспинные, накосные, поясные, украшения для рук. Первоначальной функцией украшений у всех народов являлась магическая функция оберега. Вторая функция – декоративная, направленная на удовлетворение эстетических потребностей. Третью

функцию можно назвать социально-различительной, где украшения служили знаком социального отличия и символом материального благополучия.

Декор бытовых предметов – явление более редкое, чем система украшения памятников культового назначения, но он имеет место в материалах музейных коллекций. Как правило, наличие орнаментов, не несущих для каждого из народов смысловой нагрузки, отличает историко-бытовые, а не этнографические предметы.

Систематизация предметов художественной культуры по типам памятников позволяет провести историко-сравнительный анализ в каждой группе источников и выявить специфику декорирования предметов из различных материалов. В качестве исследования определены этнографические музейные предметы. Так как формирование таких этносов, как шорцы, телеуты, алтайцы, хакасы, сибирские татары приходится на этнографический период в истории Сибири.

2. Социальными носителями художественной культуры соответственно являются автохтонные народы Западной Сибири – шорцы, телеуты, алтайцы, хакасы и сибирские татары, говорящие на близкородственных языках тюркской группы алтайской языковой семьи, что является доказательством их древних контактов. Истоки возникновения этой этнолингвистической общности восходят к глубокой древности. С IV в. н. э. известно такое этническое имя, как «теле», рядом с которыми кочевали тюркюты. Этноним «тюрк» дал название группе родственных народов. Их история связана с созданием политических союзов, войнами, дальними походами и контактами с соседними народами. В эпоху средневековья создавались и распадались древние кочевые империи: Тюркские каганаты, Уйгурское ханство, Государство енисейских кыргызов. Определенное влияние на этнический состав и культуру народов юга Западной Сибири оказали в X – XII вв. господствовавшие здесь монголо-язычные племенные объединения киданей и найманов. С начала XIII в. население этого края платило ясак монгольским ханам и поставляло людей для военной службы. И после распада великой кочевой державы с сер. XIII в. монголы держали под контролем южно-сибирские земли. В начале XVII в. власть захватили западно-монгольские (ойротские) правители, возглавившие Джунгарское ханство, данниками которого народы Саяно-Алтая являлись до момента присоединения к России. Ко времени утверждения Русского государства в пределах Сибири тюркские народы были здесь наиболее многочисленными. Предки нынешних южных алтайцев – алтай-кижи, телеутов, телесов, теленгитов специализировались на скотоводстве кочевом и полукочевом типа. Этнические предшественники современных шорцев практиковали охоту, рыболовство, собирательство, примитивное мотыжное земледелие в предгорьях Северного Алтая. Минусинскую котловину, расположенную между горными системами Западных Саян и Кузнецким Алатау, заселяли многочисленные тюркоязычные группы – данники-кыштымы енисейских кыргызов.

На их основе впоследствии сложилась хакасская народность [8].

В новое время исторические судьбы тюрков юга Западной Сибири оказались связанными с судьбой Русского государства. Военное противостояние Джунгарии и Китая оборачивалось большими бедами для населения Саяно-Алтая. К сер. XVIII в. народы региона, стремясь избежать гибели и разорения, добровольно приняли подданство России.

Дальнейшая история аборигенного населения края определялась практикой его включения в систему административно-политических и социально-экономических отношений Российского государства. Результатом национального самоопределения тюркоязычных народов Сибири стало создание в 1922 г. автономной области алтайцев, в 1923 г. была образована Хакасская автономная область [1]. В ходе территориально-административного деления не могли не происходить культурные контакты соседних народов. При образовании в 1925 г. Горно-Шорского национального района часть шорских семей оказалась причисленной к алтайцам и хакасам. Шорцы, бачатские телеуты, часть татар томско-кузнецкой группы до Октябрьской революции в официальной статистике относились к кузнецким татарам Кузнецкого уезда (округа) Томской губернии. Формирование хакасской этнической общности в XIX в. и вплоть до образования собственной автономной территории в 1925 – 1930 гг. проходило в условиях отсутствия четких административных границ как-то локализирующих место ее проживания. Поэтому формирование предков современных хакасов в досоветский период характеризовалось процессами взаимодействия с пограничными тюркскими субэтносами – шорцами и чулымцами (мелетцкими татарами). Занимаясь вопросами изучения племенного состава хакасов во второй половине XIX в., исследователи относили к ним сагайские роды Мрасской волости Кузнецкого уезда [7]. Таким образом, близкие межэтнические контакты алтайцев и шорцев, шорцев и хакасов и т. д. обоюдно воздействовали на национальный состав друг друга.

Межэтнические контакты приводили к взаимовлияниям в области народной художественной культуры, что должно быть выявлено при анализе материалов музейных коллекций по декоративно-прикладному искусству и социальной базы его современного бытования. В результате системного анализа может быть доказано, происходит сохранение или размывание элементов аутентичной художественной культуры у шорцев, телеутов, хакасов, алтайцев и сибирских татар.

3. В ходе культурологического анализа выявляются социальные механизмы функционирования художественной культуры у народов Западно-Сибирского региона, ее поддержания и дальнейшего функционирования в современном культурном пространстве. Вытесненные из современной среды бытования многие элементы этнических культур начинают играть определенную роль в жизни народов – носителей этих традиций. Это объясняется актуализацией этнического и национального самосознания в

последние десятилетия XX и начале XXI вв. На фоне подъема интереса к этнической культуре чрезвычайно актуальны общие идеи и предельные ценности народной культуры, однако на фоне утраты субъектов, создающих художественные ценности, они переходят в область профессиональной деятельности специалистов разного профиля. Последние способны внести в создаваемые аутентичные образцы декоративно-прикладного искусства свое авторское видение. В таком случае ценности декоративного творчества могут снова вернуться в массовое сознание и в видоизмененном виде опять стать частью народной культуры.

4. Функционирование художественной культуры в современных условиях связано с воссозданием ее аутентичных образцов на основе изучения подлинных памятников. Для того, чтобы субъектом, производящим образцы аутентичного декоративно-прикладного искусства, стали представители из народа-носителя культуры, необходима разработка специальных методик обучения при школах народных ремесел. Это будет уже аутентичное традиционное искусство, но построенное на изучении традиционных образцов, технологических приемов и материалов. Осуществление подобных мероприятий возможно при поддержке местных властей, разработке на государственном уровне специальных технологий по возрождению традиционной народной культуры, в рамках которых способна существовать материальная художественная культура. В районах проживания шорцев, телеутов, хакасов и сибирских татар по возрождению ремесел проводится целый ряд мероприятий: работают национально-культурные центры, в их структуре развиваются фольклорные коллективы, создаются центры традиционных ремесел, нуждающиеся в максимально полном воссоздании аутентичных архетипов традиционного декоративно-прикладного искусства. Так как без использования художественных традиций народной культуры не может быть ни аутентичного народного костюма с его сложной системой украшений, ни народных музыкальных инструментов и т. д.

Особую актуальность в данной ситуации приобретает изучение материалов музейных коллекций, фотоархивов, музейных каталогов как объективных источников художественного наследия и подготовка специальных пособий для центров возрождения национальных культур. Потому что социальные функции художественной культуры заключаются не только в ее способности к сохранению, но и воспроизводству в среде народов-носителей. Вторая жизнь художественных традиций, включение ее в современный культурный мир повышают роль традиционной народной культуры.

Таким образом, историко-культурологический подход предполагает изучение традиционного искусства в контексте современных культурных процессов, что позволяет проследить, как элементы традиционной культуры включаются в современное культурное пространство. Культурологическое исследование художественного наследия имеет свои методологические особенности, предполагая ком-

плексный анализ на основе нескольких существенных компонентов: объективные источники по декоративно-прикладному искусству (материалы музейных коллекций); социальный носитель данного пласта народной культуры; социальные механизмы трансмиссии культуры; функционирование данной формы культуры в обществе. Традиционная художественная культура автохтонов Западной Сибири имеет свою специфику во всех выделенных компонентах. Данный подход к анализу традиционных форм культуры имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Результаты исследования могут быть использованы при формировании прикладных задач: создании концепции региональной национально-культурной политики, определении места традиционной культуры в современном мире, возможностей воссоздания ее аутентичных форм, разработке специальных образовательных программ и т. д.

Литература

1. Еникеев, Н. В. Ойраты и алтайцы: этнические и этнокультурные связи и параллели / Н. В. Еникеев // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. – Элиста: КалмГУ, 2008. – Вып. 2.
2. Иванов, С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости / С. В. Иванов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
3. Кидиекова, И. К. Орнамент хакасов / И. К. Кидиекова. – Абакан, 1997.
4. Кимеева, Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.) / Т. И. Кимеева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007.
5. Максимов, В. Ю. Народные художественные ремесла Хакаской автономной области / В. Ю. Максимов // Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. – М.: Просвещение, 1983.
6. Михайлова, Н. Г. Общее представление о народной культуре и проблемах ее исследования / Н. Г. Михайлова // Народная культура в современных условиях. – М., 2000.
7. Москаленко, С. В. Динамика численности и демографические предпосылки консолидации тюрков Южной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / С. В. Москаленко // Этно-журнал. – 2004. – № 5. – URL: <http://www.ethnonet.ru> (дата обращения 01.03.2011).
8. Октябрьская, И. В. Народы Саяно-Алтая / И. В. Октябрьская // Виртуальный музей СО РАН. – URL: Museums/SayanoAltai (дата обращения 01.05.2011).
9. Рейно, Л. А. Шорский орнамент / Л. А. Рейно // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999.
10. Эдоков, А. В. Декоративно-прикладное искусство алтайцев / А. В. Эдоков: дис. ...канд. искусствоведения. – Барнаул, 2003.

УДК 352.075.2(571.17)"1876/1896"

**ФОРМИРОВАНИЕ, ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
МАРИИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ (1876 – 1896 гг.)***В. В. Кос***THE FORMATION, NUMERICAL COMPOSITION AND FUNCTIONING
OF MARIINSK TOWN COUNCIL (1876 – 1896)***V. V. Kos*

Цель данной статьи – показать процесс функционирования провинциальной городской управы в период действия Городового положения 1870 г., на примере самоуправления Мариинска. В работе рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью Мариинской городской управы: ее состав и замена выбывших членов; рабочий режим; взаимодействие с думой, с сословными и государственными органами.

This article reveals the functions and the operations of a provincial town council under the administrative town reform of 1870 as exemplified by Mariinsk self-government. The article covers the questions dealing with the functioning of Mariinsk town council: its staff and replacement of retiring members, its functions and operations, its interaction with the дума and class and public authorities.

Ключевые слова: Мариинск, городская управа, городская реформа 1870 г.

Keywords: Mariinsk, town council, the administrative town reform of 1870.

Городской реформе 1870 г. посвящено много специальной и общей литературы, но в последние десятилетия к ней стали возвращаться в контексте изучения истории российских городов, а именно таких вопросов, как: реализация «Городового положения» на практике, правовой статус и полномочия органов городского самоуправления, нарушения норм положения, влияние городского общественно-го управления на культурную и социальную сферу. Например, в научных и учебных центрах Сибири (Омске, Томске, Новосибирске, Барнауле, Иркутске) можно констатировать образование устойчивых направлений (школ) по истории сибирских городов, где одним из перспективных направлений является изучение муниципальных органов в нормативных рамках городских положений 1870 и 1892 гг. [25]. Традиционными вопросами для исследования стали формирование, структура и компетенция органов самоуправления, их бюджетная политика и практическая деятельность в хозяйственной и социально-культурной сферах. Однако изучение большинства данных аспектов в основном рассматривается на примере функционирования городских дум, работа исполнительного органа – управы – освещается гораздо меньше и носит эпизодический характер.

В связи с этим, в статье будет рассмотрена деятельность и организация Мариинской управы в период действия в этом городе положения 1870 г., с декабря 1875 г. и до 7 января 1896 г., когда, с учетом изменения в избирательном праве, состоялись выборы гласных в думу. Для этого следует раскрыть ряд вопросов: формирование городской управы; ее состав и замена выбывших членов; делопроизводство; рабочий режим; взаимодействие с думой и государственными учреждениями. Проследить соответствие этих положений нормам городской реформы 1870 г., что позволит выявить понимание членами самоуправления своих полномочий и обязанностей. Подобные рабочие моменты, иногда кажущиеся мало-важными, играли определенную роль в принятии решений, а особенно, в быстроте их исполнения. К тому же освещение обозначенных вопросов позво-

лит воссоздать более полную картину функционирования городского самоуправления.

По Городовому положению, городское общественное управление состояло из избирательных собраний, думы и управы (ст. 15) [19].

Городские избирательные собрания собирались раз в четыре года только для избрания гласных городских дум. Причем избирательные собрания не имели права давать избранным гласным никаких инструкций [24, с. 30]. Городская дума являлась распорядительным органом, в составе которого было от тридцати до семидесяти двух гласных, так как численный состав думы пропорционально соотносился с числом лиц, пользующихся правом голоса на выборах. Например, в местностях, где количество жителей, пользующихся правом голоса, не превышало трехсот, в городской думе предусматривалось тридцать гласных. Там, где избирателей было больше трехсот, на каждые 150 человек свыше этого числа прибавляли по 6 гласных до тех пор, пока общее число гласных не достигало 72. Если по каким-либо причинам гласный выбывал из состава общественного управления, его заменяли лицом, следующим по списку после избранных гласных, если за него подано не менее половины голосов (ст. 48). Заседания думы назначались городским головой, губернатором или по желанию не менее одной пятой части гласных (ст. 56). Поэтому частота заседаний распорядительного органа была не одинакова даже в одном и том же городе в разные годы, но, по крайней мере, городская дума собиралась не меньше двух раз за год: для рассмотрения росписей городских доходов и расходов и проверки отчетов городской управы.

Гласные думы выбирали городского голову, членов управы и секретаря. В управу могли быть избраны не только гласные, но и другие лица, имевшие право голоса в городском избирательном собрании, а на должность секретаря и те, кто такого голоса не имел (ст. 86). Членами управ не могли быть одновременно отец и сын, тесть и зять, а также родные братья (ст. 87). Эти должности не могли за-

нимать священники, судьи и прокуроры, а также чиновники казначейств, а остальные лица, состоящие на государственной службе, – только с разрешения начальства (ст. 89). Также евреям нельзя было занимать должность городского головы, ни даже временно её замещать (ст. 88). Следует отметить, что городской голова обладал большими полномочиями, он являлся председателем не только исполнительного органа, но и распорядительного. Голова отдавал распоряжения о созыве думы и определял круг вопросов заседания (ст. 57). Для этого гласным думы передавалась повестка, в которой назначалось время и причины созыва. Например, 27 марта 1889 г. городской голова И. Т. Савельев «просил» гласных пожаловать в четыре часа дня в здание управы для совещания по вопросу устройства каталожных камер [10, л. 24]. На обороте повестки перечислялись фамилии членов Думы, напротив которых последние, после уведомления, расписывались. Такие постановления разносил по домам сторож, и гласные, чаще всего, подписывали их не глядя. Реже встречается индивидуальная повестка, где указывались имя, отчество и фамилия одного из гласных, а ниже сам текст, содержащий время и вопросы заседания [14, л. 1]. Под личную ответственность главы печатались доклады по делам, назначенным к слушанию в городской думе (ст. 59). Только через его посредство распорядительный орган мог пригласить на свои заседания посторонних лиц, от которых можно ждать полезных объяснений (ст. 62). Гласный, намеревавшийся внести какое бы то ни было предложение в думу, был обязан известить городского голову о предмете своего заявления за 3 дня до заседания (ст. 60). Поэтому и к выбору кандидатуры на замещение должности городского руководителя правительство относилось довольно серьезно. Голова вступал в свои полномочия только после утверждения губернатором, а в губернских городах – министром внутренних дел (ст. 92). Занимать вышеуказанные должности (в особенности городского руководителя), с одной стороны, было престижно, так как в их компетенцию входил широкий круг вопросов, относящихся к городскому самоуправлению, что давало некоторые возможности для извлечения собственной выгоды. С другой – выполнение своих обязанностей отнимало слишком много времени, и было довольно обременительно, особенно для лиц купеческого сословия, тем более, жалование, по сравнению с купеческим капиталом, было небольшим. Так, на содержание городской управы по росписи расходов города Мариинска на 1878 г. отводилось 800 рублей, 400 для городского главы и по 200 для членов городской управы [6, л. 56].

Количество членов городской управы определялось думой, но по закону их должно было быть не менее двух, не считая председателя (городского головы), в небольших городах голова мог исполнять все обязанности единолично (ст. 70 – 71). Выборы, так же, как и в думу, происходили путем закрытого голосования баллотировочными шарами [12, л. 206]. Должностные лица исполнительного органа избирались на четырехлетний срок, но «через каждые два

года половина членов управы выбывали по очереди и замещались вновь избираемыми, которыми могли быть и выбывшие» (ст. 94). Такая смена приводила к некой преемственности власти, так как один из членов управы при выборе нового головы «дослуживал» при последнем еще два года. Например, И. Т. Савельев был избран на первый срок с 1888 г. по 1892 г., а член управы П. И. Алмазов на 1890 – 1894 гг.

Исполнительный орган самоуправления г. Мариинска состоял из председателя и двух членов (не считая секретаря и писцов). Первоначально члены Мариинской управы служили в должности попеременно, в первые два года были одни, в следующие два года – другие, что не соответствовало Городовому положению, так как каждое двухлетие должна была производиться замена лишь половины должностных лиц, т. е. в данном случае – одного. Томское губернское правление специально рассматривало вопрос о выборах членов Мариинской городской управы. Все они с 1876 по 1884 гг. были признаны неправильными. На следующее четырехлетие – с 1884 по 1888 гг. – губернские власти приказали производить выборы в соответствии с законом [20, с. 92]. На должность членов управы выбирались кандидаты, которые замещали первых во время отпуска или преждевременного завершения службы. Если же временно исполнять свои обязанности городской руководитель не мог, или он отказывался от обязанностей в течение последнего года службы, то его заменял старший член управы, на место которого, в свою очередь, заступал кандидат. Так, в марте 1895 г. Мариинский голова И. Т. Савельев заявил о переезде на постоянное место жительства в Красноярск и о сложении с себя полномочий гласного думы и городского головы. Эту должность занял его помощник Николай Прокопьевич Евтин. Формально выборов нового головы не было. Евтин, как помощник Савельева, стал именоваться «заступающий место городского головы». В этой должности он находился до новых городских выборов, прошедших в 1896 г. [20, с. 105]. Временно замещающего место головы каждый раз утверждал губернатор, которого обязательно уведомляли о приезде и отъезде председателя управы. Первоначально некоторые муниципалитеты отдельно выбирали кандидата замещающего председателя самоуправления, что являлось некоторым отступлением от ст. 83 «Городового положения», так как заместителем должен был назначаться старший член управы. Так, в 1876 г. заступающим место Мариинского городского руководителя стал один из гласных думы купец Д. И. Гуляев, при этом не будучи членом управы [18, л. 35]. В этом же году Каинская дума утвердила состав первой управы, которая состояла из председателя, его помощника занимающего эту должность во время отлучек первого и двух членов и кандидатов к ним [2, л. 2, 206]. Во время кратковременных отлучек длившихся 3 – 5 дней, исполнительный орган мог работать в неполном составе. В 1890 г. тот же Н. П. Евтин исполнял обязанности главы и свои, как члена управы, в течение пятидневной поездки Ивана

Трифоновича Савельева в г. Томск [12, л. 16]. В 1893 г., во время отпуска головы, Николаю Прокопьевичу также потребовалось отлучиться, а вторым членом управы был Денис Моисеевич Прейсман, который в виду своей национальности не мог занять эту должность (ст. 88), поэтому место заступающего главы досталось кандидату управы Васильеву [15, л. 33].

Несколько напряженная ситуация сложилась после принятия нового городского положения 1892 г. и до момента его реализации, так как до тех пор думам запрещалось производить любые выборы должностных лиц, даже не относящихся к городскому общественному управлению, например словесных судей [16, л. 17-19]. В связи с этим должностных лиц управы нельзя было заменить новыми, поэтому стала ощущаться их нехватка, в 1893 г. члены Мариинской управы могли уходить в отпуск или кратковременные отлучки только по одному [17, л. 1-10б].

Лица, входящие в состав Мариинской городской управы, в большей своей массе были из купеческой среды, что не удивительно, так как в этом городе данное сословие было довольно сильно. Поэтому в качестве причины ухода в отпуск чаще всего значились торговые дела. Так, вышеописанная поездка И. Т. Савельева в Томск была связана с его коммерческими целями. Такие увольнения могли длиться от нескольких дней до пары месяцев, по «Городовому положению», голова мог покидать город сроком до двух месяцев, только предупреждая об этом губернатора, на более продолжительные отлучки он испрашивал разрешение у последнего. Количество отпусков в год одного и того же лица колебалось от двух до пяти, например, Иван Трифонович Савельев в 1890 г. брал увольнения не менее трех раз: в феврале - на четыре дня; в июне - на месяц, для поправления здоровья; в августе - на пять суток [11, л. 2, 8, 16]. В 1891 г. это цифра выросла до пяти, при этом иногда он не возвращался вовремя, так 15 июля Иван Трифонович уехал на ярмарки в Европейскую часть России сроком на полтора месяца, а вступил в свои обязанности лишь через два с половиной. Таким образом, в этом году общее количество нерабочих дней головы составило больше трех с половиной месяцев, т. е. практически четверть года [13, л. 3, 5, 8, 12, 13, 16.]. Отлучками городского руководителя могли воспользоваться его оппоненты и конкуренты. Подобного рода случай произошел 22 января 1876 г. В этот день на заседании городской управы, обсуждалось объявление об открытии частного питейного заведения в доме мещанина Максимова. Городской голова Трифон Тимофеевич Савельев (отец Ивана Савельева, о котором речь шла выше) как раз был в отпуске, но оставил по этому вопросу свои рекомендации. В них говорилось, что если во время его отсутствия «будут обращаться в управу мещане Иван Максимов и Дементий Лебедев о выдаче им дозволенных удостоверений на открытие в их домах питейных заведений, то таковых впредь до его возвращения не выдавать». Давыд Иванович Гуляев, заменяющий городского руково-

дителя, отказался выполнять предписание Трифона Тимофеевича, так как оно не имело должного основания, и разрешение было выдано. Вероятно, Т. Т. Савельев хотел воспользоваться своим служебным положением и оказать давление на конкурентов или извлечь другого рода личную выгоду [3, л. 35 - 36].

На подотчетные думам городские управы возлагались следующие права и обязанности: 1) заведение делами городского хозяйства; 2) исполнение постановлений думы; 3) составление городского бюджета; 4) сбор городских налогов и их расходование; 5) наблюдение за правильностью производства.

Наиболее часто на повестке дня стояли вопросы об отдаче в арендное содержание городского имущества (сенокосов, пастбищ, переправы через р. Кию, лавок, речных прорубей и т. д.); заявления об утверждении планов и фасадов частных зданий в городе; выдача ссуд из городского бюджета частным лицам; устройство торгов на отдачу подрядов и поставок по предметам городского хозяйства (дрова, овес, сено, свечи) [18, л. 8 - 9, 111 - 112, 117; 5, л. 32, 73; 9, л. 4, 6 - 7, 8 - 9]. Или проблемы, связанные с поддержанием чистоты и порядка на улицах города и на территории общественных зданий. Например, обращения в управу старшего врача Мариинского лазарета по поводу решения хозяйственных дел: сброса снега с крыши лазарета, об установке ящика на двух колесах для мусора и отходов [16, л. 5, 18, 68].

Конечно, были и другого рода дела, не повторяющиеся из года в год, так в сентябре 1886 г. в городе появились собаки с признаками бешенства, для борьбы с ними управа наняла служителей из числа «срочно содержащихся арестантов». При этом жителям Мариинска рекомендовалось домашних собак держать на привязи, а на породистых одевать ошейники. После отлова псы три дня содержались «в особом помещении», если за это время их никто не забирал, то собак умерщвляли [7, л. 8 - 9].

Большинство задач городская управа решала коллегиально, но некоторые вопросы были в компетенции единоличной власти главы, кроме того, между должностными лицами управы также существовало разделение обязанностей, к примеру: заместитель И. Т. Савельева Николай Прокопьевич Евтин выполнял обязанности казначея [11, л. 16], второй член исполнительного органа Павел Иванович Алмазов заведовал делопроизводством [13, л. 10]. Представление о том, как распределялись обязанности между членами более крупной управы, дает постановление Тюменской городской управы от 2 января 1873 г. На заместителя городского головы возлагались обязанности: контроля за казначейской частью; выдача купеческих и промысловых свидетельств и других торговых документов; хранение ценных бумаг, "крепостных актов" на здания и сооружения, находящиеся в городской собственности; надзор за поступлением городских доходов, а также ведением финансовой отчетности. Другой член управы обязывался осуществлять контроль за со-

блюдением санитарных норм и правил в торговых заведениях с помощью базарных смотрителей и старшин; следить за своевременным сбором налогов с торговых помещений и «других пустопорожних мест, существующих в городе для публичной торговли и промысла»; обеспечивать меры по охране правопорядка в публичных торговых местах, а также во время проведения ярмарок. Еще одному лицу исполнительного органа надлежало наблюдать за поддержанием в надлежащем виде городских зданий, богоугодных заведений, содержащихся на средства города, мостовых и тротуаров, мостов, освещением мостов и улиц, общественных бульваров и загородного сада, а также водопровода; осуществлять закупку леса и других строительных материалов для нужд города, включая дрова для отопления общественных зданий, и контролировать соблюдение городского плана застройки. Четвертый – отвечал за работу наплавного моста и плотов, контролировал сбор акцизов с береговых участков, на которых располагались склады лесоматериалов и пристани, а также сбор с постоянных дворов, кузней и кирпичных сараев за занимаемую ими землю. Кроме того, ему поручалась продажа сенокосных общественных лугов, заготовление тулупов для часовых и свеч для освещения воинских зданий, контроль над пожарным обозом, включая заготовку фуража для пожарных лошадей.

Для принятия соответствующих мер в чрезвычайных случаях, либо для непосредственного управления отдельными отраслями городского хозяйства, дума могла учреждать особые исполнительные комиссии, временные или постоянные, под председательством одного из членов исполнительного органа (ст. 73, 75). Временные комиссии открывались на небольшой промежуток времени для решения особо важных, но разовых дел (строительства моста, мостовых, проведения каналов, строительства здания школы, ревизии, отчета управы, предотвращения холеры, дизентерии и пр.). Если работа комиссии достигала цели, то она прекращала существование. Например, отчетность городской управы проверялась специальной ревизионной комиссией. В комиссию избирались несколько человек, часто из самой думы. Проверки были довольно тщательными, члены комиссии изучали буквально все бумаги, старались следить за каждой копеечкой. В 1887 г. для проверки деятельности управы были выбраны четыре человека. Проверяли финансовые документы за 4 года – с 1882 по 1886 гг. Поскольку работы было много, решено было даже нанять писца с жалованьем 15 рублей. В ходе проверки выяснились некоторые нарушения. Члены комиссии потребовали от управы разъяснений на каждое нарушение [20, с. 92].

По сохранившимся документам трудно точно установить количество заседаний управы за определенный промежуток времени, но можно утверждать, что они были довольно частыми. В здание управы сначала являлись ее члены в 8 часов утра, а через два часа приходил городской голова. Это отразилось в журналах присутствия Мариинской городской

управы. Следует отметить, что первоначально форма письменной фиксации заседаний исполнительного органа была более полной. В ней указывались: дата; явившиеся лица (глава или заступающий его место, члены управы, либо кандидаты); решаемый вопрос; дополнительные справки, если они были нужны (ссылки на предыдущие решения или законодательные акты); после чего выносилось решение, которое следовало после слов – «определено» или «предложено»; внизу собравшиеся ставили подписи. Кроме этого указывалось время прибытия лиц, входивших в городскую управу, а в дополнительных графах справа, должно было отмечаться, когда данное решение начало исполняться, и выполнено оно или не выполнено, в большинстве случаев эти поля не заполнялись [2, л. 35 – 36]. Со временем их вообще убрали, так же, как и перестали указывать время прибытия.

Частные лица на заседание исполнительного органа не допускались, они оставляли свои обращения в форме заявлений или прошений, которые уже рассматривались в управе. Если это было ходатайство на постройку дома, то к заявлению прилагался фасад флигеля и крепостной акт на владение землей, на которой будет возведена постройка [2, л. 111 – 112], для разрешения виноторговли и устройства питейного заведения предоставлялся сбор в казну. Управа не только выдавала разрешения на постройку зданий, но и следила в дальнейшем, чтобы они соответствовали нормам градостроительства, а также проверяла самовольные постройки. Например, в 1886 г. членом управы была замечена «самовольная перестройка склада для вина и спирта», поэтому поводу управа определила уведомить окружной суд и просила «виновного за нарушения устава строго привлечь к ответственности», делая акцент на том, что перестройка не соответствовала нормам пожарной безопасности [6, л. 8 – 9], что в условиях деревянного города было очень опасно. В управе хранились документы, содержащие информацию о горожанах (и жителях уезда) и их имуществе, так что в нее часто обращались с просьбами о выдаче различных справок: о судимости [16, л. 101], о женитьбе [16, л. 124], о смерти, копий решений городской управы по делам, с которыми обращались граждане (о разрешении открытия питейного заведения), последние требовались для предоставления в другие государственные инстанции.

Городское общественное управление находилось в постоянном взаимодействии и переписке с окружным судом, окружным полицейским управлением, губернским по городским делам присутствием, общим губернским управлением, органами сословного самоуправления и т. д. Общественное управление не имело своего принудительного аппарата, поэтому ему приходилось обращаться к окружному полицейскому управлению, к тому же окружной исправник контролировал деятельность самоуправления по содержанию дорог, мостов, канав, которая была связана с безопасностью и санитарной обстановкой в городе [16, л. 62]. В свою очередь, полицейские чины, так же, как военные и почтово-

телеграфные, обращались с просьбами к муниципальным органам. Наиболее частым было прошение о предоставлении экспертов для оценки или осмотра имущества и вещей. Так, полицейский надзиратель второго участка города Мариинска просил прислать двух экспертов для оценки мужских ботинок, на что управа назначила сапожных дел мастеров [16, л. 30].

Бессословные и сословные органы управления дополняли друг друга, точнее, сословная структура органично вписывалась в систему городского самоуправления. Например, мещанские управы производили сбор налогов, наблюдали за исполнением повинностей, участвовали в финансировании (по «раскладке») учебных заведений, следили за порядком землепользования, содержали кладбищенских сторожей, трапезников, звонарей, трубочистов, занимались профилактикой преступности среди мещан и т. д. [22, с. 63]. Решения органов мещанского самоуправления требовали утверждения городской управы. Поэтому в сопроводительном письме к пакету документов, содержащих «общественные приговоры», мещанский староста традиционно включал формулировку – «по засвидетельствовании таковые (приговоры) ему возвратить» [1]. Муниципальное законодательство 1870 г. не изымало из компетенции местных управлений словесные и сиротские суды. Последний заслушивал прошения организаций и частных лиц об учреждении опеки над вдовами и сиротами, назначал опекунов, заслушивал их ежегодные отчеты, рассматривал просьбы лиц, состоящих под опекой. Словесные суды должны были решать торговые тяжбы и споры между представителями торговых кругов. Общественные управления рекрутировали состав сиротских и словесных судов из своих представителей, выбирая председателей, членов, и финансировали их деятельность [22, с. 63 – 64]. Так, мариинский городской голова Иван Трифонович Савельев являлся и председателем сиротского суда.

Проведение торгов на отдачу имущества города в аренду или подрядов по предметам городского хозяйства происходило в здании городской управы. Дата и время проведения торгов назначались управой с объявлением переторжки через три дня, о чем составлялось объявление, которое публиковывалось через Мариинское окружное полицейское управление. Желавшие участвовать в торгах, в назначенный день писали заявление о желании «торговаться» и оставляли залог [4, л. 73; 24, л. 1, 2, 52, 53 – 55, 57, 61 – 62; 16, л. 4].

Структуры городского самоуправления Западной Сибири по всем направлениям деятельности сталкивались с общероссийскими трудностями (отсутствие в городском положении четких принципов взаимоотношений между полицией и городскими управлениями, тяжелое наследство дореформенной системы управления, неотлаженная кредитная система России, нехватка опыта самостоятельной деятельности) [21, с. 143]. Последнее нашло свое отражение в первые годы деятельности Мариинской городской управы в виде неправильного избрания членов городской управы, замещения должности и в

более формальной записи документов. Имелись и местные проблемы, характерные для западно-сибирского региона и связанные с географическим и социально-экономическим факторами: малая плотность населения, низкие темпы урбанизации, удаленность от центра, суровые климатические условия, ограниченность бюджета. К этому следует добавить отсутствие земских учреждений и мировых судов (в рассматриваемый период), все это затрудняло результативность функционирования городских представительств по улучшению благоустройства, пожаробезопасности, охране общественного порядка, расширению объектов социальной сферы и т. д.

Таким образом, в Мариинске исполнительная власть состояла из головы, двух членов управы и двух кандидатов к ним, т. е. минимального количества установленного Городовым положением. Число членов определялось думой и зависело от социально-экономического и демографического развития города. Исполнительный орган выполнял предписания думы, решал мелкие повседневные дела, работал на постоянной основе. В свою очередь, городской голова при помощи членов управы подготавливал вопросы заседаний думы и председательствовал на ее собраниях. От того, какие дела включались в повестку и как они докладывались, во многом зависело и принятие решений. Для успешного решения поставленных задач управе приходилось работать с государственными учреждениями и органами сословного самоуправления, несмотря на то, что с некоторыми из них не были определены принципы взаимодействия, из-за чего процесс производства замедлялся. На работоспособность городской управы влияли частые отъезды ее должностных лиц, которых замещали кандидаты. Последним было тяжело включаться в деятельность самоуправления, так как к их помощи обращались через некоторые промежутки времени, за которые могли произойти изменения в функционировании управы, да и сами кандидаты успевали отвыкнуть от своих обязанностей. Все это влияло на эффективность и оперативность выполнения самоуправленческих дел, многие из которых решались лишь в условиях чрезвычайных ситуаций или под административным контролем. Ярким примером служат санитарно-гигиенические мероприятия в городе, исполнение которых резко улучшалось под угрозой эпидемий. Подобного рода проблемы были присущи большинству органов городского самоуправления и стали одной из причин контрреформы 1892 г.

Литература

1. Бочанова, Г. А. Сословное самоуправление в сибирских городах [Текст] / Г. А. Бочанова // История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/sg2/index.html> (дата обращения 31.08.2011).
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 2.

3. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 8.
4. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 9.
5. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 12.
6. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 14.
7. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 108.
8. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 111.
9. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 114.
10. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 152.
11. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 167.
12. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 177.
13. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 178.
14. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 201.
15. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 202.
16. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 204.
17. ГАКО. Ф. Д-22. Оп. 1. Д. 223.
18. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 80.
19. Городовое положение 16/28 июня 1870 г. [Текст] // Энциклопедия местного самоуправления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://emsu.ru/ml/view.asp?c=48&p=1> (дата обращения 31.08.2011).
20. Ермолаев, А. Н. Уездный Мариинск. 1856 – 1917 гг. / А. Н. Ермолаев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 743 с.
21. Лен, К. В. Особенности западно-сибирского городского самоуправления / К. В. Лен // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 147 – 150.
22. Лен, К. В. Организация городского самоуправления в Западной Сибири после введения Городового положения 1870 г. / К. В. Лен // Города Сибири XVIII – начало XX вв. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 152 – 164.
23. Постановление Тюменской городской управы о распределении обязанностей между членами управы // Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов и материалов. – Тюмень, 1995. – 224 с.
24. Толочко, А. П. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие / А. П. Толочко, И. А. Коновалов, Е. Ю. Меренкова, О. В. Чудаков. – Омск: Из-во ОмГУ, 2003. – 196 с.
25. Шиловский, М. В. Итоги и перспективы изучения городского самоуправления Сибири второй половины XIX – начала XX в. на рубеже XX и XXI вв. / М. В. Шиловский // Местное самоуправление в истории Сибири XIX – XX вв. – Новосибирск, 2004. – URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/sg/index.html>.

УДК 94(411).06+94(71).011

ПРОПАГАНДА ШОТЛАНДСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ АМЕРИКИ В ТРАКТАТЕ УИЛЬЯМА АЛЕКСАНДЕРА (1624 г.)

Н. В. Ласкова

PROPAGANDA OF THE SCOTTISH COLONIZATION OF AMERICA IN THE TRACT OF WILLIAM ALEXANDER (1624)

N. V. Laskova

Статья посвящена ранней истории шотландской колонизации Северной Америки. Рассматривается история создания шотландской колонии Новая Шотландия (Nova Scotia) в 1621 – 1623 гг. Впервые анализируется трактат Уильяма Александра 'Encouragement to colonies' ("В поддержку колоний") как исторический источник по истории шотландской колонизации Нового Света и ранней истории Канады.

The article is devoted to the early history of the Scottish colonization of Northern America. The establishment of New Scotland colony in 1621-1623 is considered here. It is the first time when the tract 'Encouragement to colonies' of William Alexander is analyzed as the historical source according to the Scottish colonization of New World and early history of Canada.

Ключевые слова: Шотландия, Уильям Александр, колонизация, колония, Новая Шотландия, трактат 'Encouragement to colonies'.

Keywords: Scotland, William Alexander, colonization, colony, New Scotland, tract 'Encouragement to colonies'.

Начало истории шотландской колонизации Нового Света обычно определяют 1621 годом и связывают с именем сэра Уильяма Александра из Менстри – шотландского поэта, политика и придворного, пользовавшегося покровительством короля Джеймса I Стюарта [19]. С 1603 г. постоянно находясь при английском дворе, Уильям Александр был хорошо осведомлен о поселениях англичан в Виргинии и Новой Англии, а также о значении Ньюфаундленда для развития английского рыболовства. Говоря о начале своей колониальной деятельности

на благо Шотландии, он замечал: "Я загорелся идеей колонизации и стремился участвовать в чем-либо подобном..." [4, р. 32]. Характеризуя честолюбие и амбициозность Уильяма Александра, современник – шотландский писатель Томас Эрхарт (1611 – 1660), писал о нем как о человеке, который "родился поэтом, но стремился стать королем" [20, р. 266]. В беседах с Джеймсом I и уже имевшими колонизаторский опыт предпринимателями Новой Англии королевский фаворит обращал их внимание на то, что "...до сих пор мои соотечественники не были

задействованы в подобных предприятиях, и что подобно тому, как уже есть Новая Франция, Новая Испания и Новая Англия, они могли бы иметь и Новую Шотландию" [4, p. 32].

Джеймс I "с готовностью" поддержал "инициативу ...уважаемого сэра Уильяма Александра, который имеет намерение основать колонию на землях, расположенных между нашими колониями Новая Англия и Ньюфаундлендом". Доводя свое решение до сведения лордов Тайного совета Шотландии, британский король указывал, что таким образом появилась возможность "пользуясь случаем, оказать благо нашему древнему королевству" [13].

10 сентября 1621 г. на имя сэра Уильяма Александра британским монархом был подписан патент, дающий ему право владеть и управлять обширной территорией в Северной Америке, включавшей незаселенные земли "между колониями Новая Англия и Ньюфаундленд" [6]. В стремлении выразить патриотические чувства, с согласия короля, Уильям Александер назвал свои заокеанские владения Новой Шотландией (в документах и трактатах современников чаще использовалось латинское наименование *Nova Scotia* из названия оригинала королевского патента). Особую значимость предстоящему колонизационному проекту придавало то обстоятельство, что Новая Шотландия должна была стать не британской, но непосредственно шотландской колонией, которая будет управляться шотландцем сэром Уильямом Александером от имени короля Шотландии.

В 1622 – 1623 гг. Александеру удалось дважды снарядить и отправить корабли к берегам Новой Шотландии. Однако эти первые попытки создать жизнеспособное поселение закончились неудачей. Основными причинами стали нехватка людей и материальных ресурсов. В итоге, внушительная сумма в 6000 ф. ст., потраченная Уильямом Александером из своих личных средств для снаряжения и отправки двух экспедиций в Америку, значительно поубавила его состояние, не оставив надежды на получение дивидендов.

Тем не менее предприимчивый шотландец не отчаивался. Больше всего его беспокоило отсутствие интереса со стороны соотечественников к предложениям переселяться в Новый Свет для обретения там недостающего им на родине благополучия. Уже в ходе подготовки первой экспедиции в 1622 г. стало очевидным, что шотландцы не только не проявляли энтузиазм и желание следовать в неизведанные земли, но и вообще демонстрировали недоверие и скептицизм в отношении поступавших предложений со стороны организаторов североамериканской колонии. Уроженцы Шотландии отдавали явное предпочтение европейскому направлению эмиграции, и к XVII веку, ставшему уже традиционным, наемничеству в армиях Польши, Швеции, Дании, Нидерландов и России [2, с. 106 – 108; 5, p. 15 – 24; 15].

Несмотря на свою востребованность и занятость при дворе, Уильям Александер взялся за перо, чтобы преодолеть проявившуюся в шотландском обществе атмосферу недоверия к колонизации заокеан-

ских земель. Владелец Новой Шотландии рассчитывал на то, что, если его соотечественники узнают больше о новой земле, у него не будет трудностей в ходе очередной вербовки колонистов и материального обеспечения проекта [4, p. 41].

Трактат 'Encouragement to colonies' ("В поддержку колоний" – Н. Л.), опубликованный лондонским издателем Уильямом Стэнси в 1624 г., представляет собой один из немногих образцов нового для Британии первой четверти XVII в. литературного жанра – трактатов, пропагандирующих преимущества всех видов участия в колониальных проектах.

Зарубежные историки, обращавшиеся к характеристике трактата Александра, как правило, немногословны. Встречаются позитивные оценки – "ценный источник ранней канадской истории" [7, p. 15], "вполне научный исторический труд о колонизации Новой Шотландии" [19, p. 48], "политический памфлет, рекламирующий необходимость колонизации" [10, p. 12]. Есть и совершенно противоположная точка зрения, демонстрируемая английским историком XVIII века Джоном Олдмиксоном, иронизировавшим по поводу того, что "земля, одна из самых скудных, которую когда-либо заселяли варвары, описывалась как райское место", и саркастично восклицавшем: "На что только не шли владельцы (колоний. – Н. Л.), чтобы привлечь людей в Америку!" [17, p. 30, 31]. В отечественной же историографии данный трактат до сих пор не был предметом исследования ни в области шотландской истории, ни в трудах, посвященных ранней истории Америки и Канады. Вместе с тем есть все основания оценить труд шотландского придворного, ступившего на непростой путь колонизаторства, как важный исторический источник по истории шотландской колонизации Нового Света и ранней истории Канады.

47-страничный трактат посвящался наследному принцу Чарльзу и содержал не просто горячие призывы поддержать проект начинающего предпринимателя, но также акцентировал внимание читателя на факторах, способных вызвать заинтересованность шотландского народа в новой, имеющей государственное значение, деятельности. В посвящении принцу Александер декларирует, что на основании бесед и обсуждений с теми, кто имел опыт в создании заморских колоний, он стремится сделать доступным знание, которое может оказаться полезным для тех, кто готов встать на путь колонизаторства. Этот, в общем-то, небольшой памфлет демонстрирует блестящую образованность и эрудицию автора. На первой же странице, заявляя, что "... земной мир в начале своего существования заселялся именно посредством колонизации" [4, p. 1], Александер дает обзор колониальной истории мира, привлекая библейские сюжеты, совершая краткий экскурс в историческое прошлое античных цивилизаций, не забыв отдать должное заслугам современных ему европейских государств – Испании, Франции, Англии, особо отметив, что открытие Америки было Божественным провидением для Британии. Он восхваляет

короля Джеймса I за то, что тот посредством колонизации сумел подавить мятежи и восстановить спокойствие в Ирландии, не допустив тем самым, чтобы "Ирландия подтачивала интересы Англии подобно тому, как Нидерланды смогли ослабить Испанию" [4, р. 4]. Автор эмоционально рассуждает об успехах, проявившихся в связи с созданием поселений в Виргинии и Новой Англии.

Одним из способов, используемых Александром для привлечения внимания потенциальных колонистов, стало включение в текст весьма колоритного описания природных условий, флоры и фауны Новой Шотландии, составленное на основе отчета второй экспедиции. "Луга с цветущими лилиями, белыми и красными розами <...>, очень плодородная почва <...>, разнообразие зерновых и бобовых культур...", а также имеющиеся в изобилии дичь и рыба – все это сулило перспективы благополучной и счастливой жизни [4, р. 35, 36]. Александру удалось мастерски усилить эффект этого, созданного им поистине райского образа, представив его на безрадостном фоне экономических и социальных проблем шотландской действительности, решение которых непосредственным образом связывалось с началом и развитием колонизации новых земель в Америке.

Характерно, что автор-шотландец неоднократно апеллирует к национальным чувствам своих соотечественников. Он заявляет: "Когда я стал задумываться о создании колонии, то не мог не обратить внимания на то, что мои соотечественники как никто другой подходят для этой деятельности, ведь они отличаются смелостью, презирая опасность, они способны вынести трудности" [4, р. 38]. Тут же, с немалой долей сожаления, следуют рассуждения о типичных для Шотландии явлениях – перенаселенности шотландского общества и связанного с этим феноменом шотландского наемничества. "Шотландия, из-за ее густонаселенности, вынуждена освобождать себя (подобно пчелиному улью), ежегодно отсылая рой своих уроженцев на военную службу в Польшу, они проявляют себя и в войнах против России, Турции или Швеции. Кто-то в поисках удачи отправляется во Францию, с которой существует длительный союз <...> Немало шотландцев принимают и Нидерланды...". Александр видит в этом прежде всего порочную практику, замечая, что многие солдаты фортуны "погибают, либо, закрепившись на чужбине, подвергаются действию местных законов, направленных против чужеземцев..." В качестве достойной альтернативы сложившейся ситуации он предлагает заселение и освоение свободных земель в Америке, где "... новая колония смогла бы открыть для эмигрантов новые возможности..." [4, р. 38, 39].

Автор трактата не ограничивался призывами к солдатам фортуны. Он обращался к торговцам, рыбакам, охотникам, миссионерам и просто честолюбивым людям – "...каждый там будет иметь возможность реализовать свои устремления". Шотландцы побуждаются поселиться в новой стране, где "... плодородные почвы будут способствовать развитию сельского хозяйства, а хорошим товаром мо-

гут стать тресковые рыбы и сельдь, обитающие в морях, лососевые из рек, пушнина и древесина из лесов, а также полезные ископаемые и многое другое из того, что пока неизвестно, но может быть обнаружено после заселения новой территории..." [4, р. 43].

В соответствии с феодальными ценностями и представлениями о благополучии, Уильям Александер отмечает, что в колонии "могут стремиться честолюбивые люди, привлекаемые большими надеждами пожать плоды победы. И если некто сумеет переправить туда 100 человек с полным снаряжением и провиантом, то он может получить много земли, где можно будет построить город и назвать его своим именем, такой человек может стать основателем поместья, которое быстро начнет приносить доход, и он сможет оставить достойных потомков для продолжения дела, которые станут почитать его как основателя их благородного титула, причем в большей степени, нежели остальных предков..." [4, р. 42].

Не оставив без внимания религиозный фактор, Александер отождествляет национальные интересы с христианскими, акцентирует пользу колонизации с точки зрения расширения возможностей служения Богу и распространение Евангелия среди язычников: "Христиане обретут возможность для миссионерской деятельности. И там, где имя Бога до сих пор не было известно, могут появиться церкви..." [4, р. 44]. Вместе с тем Уильям Александер, воспитанный в протестантской вере и не без влияния гуманистических идеалов, не считал возможным использовать сформировавшееся в христианском мире представление о необходимости распространения слова Божьего среди варваров в качестве обоснования для захвата территорий язычников. Если испанские конкистадоры требовали от аборигенов Южной Америки безоговорочного подчинения испанскому правителю на основании того, что заселяемая ими территория была пожалована ему Папой Римским [21, р. 28], то для протестанта Александра подобное подтверждение его прав на колониальные земли не было необходимым. Он предпочитал развивать мысль о том, что в Новой Шотландии миссионеры имеют возможность без насилия осуществлять свою благородную миссию, поскольку "здесь колонисты могли обосноваться мирно, не лишая при этом права собственности других <...> земля еще или свободна от жителей, или заселена людьми которых интересует, в первую очередь, охота, а не возделывание почвы..." [4, р. 37].

Обращаясь к патриотическим чувствам соотечественников, Уильям Александер в очередной раз рассуждает о пользе освоения новых земель, теперь уже с точки зрения государственных интересов "древнего шотландского королевства". Отмечая, что экспорт шотландских товаров в североамериканские колонии сможет принести не меньшие, если не большие, выгоды, нежели пока еще малоэффективная торговля с Европой, автор особенно отмечает плюсы использования колониальных товаров для расширения возможностей ведения внешней тор-

говли: "Немало пользы для шотландской экономики может принести торговля рыбой, мехом, древесиной и металлами, которая пока что не была характерна для внешней торговли Шотландии". Расширение товарного ассортимента также позволило бы, по мнению Александра, установить выгодные для Шотландии таможенные пошлины, что, в свою очередь, смогло бы "обогащать это древнее королевство, которое, по сравнению с другими, лишилось собственного королевского двора и связанного с этим источника поставки разного рода товаров" [4, р. 39].

В заключении Уильям Александер указывает на то, что сам король поддерживает колонизаторскую деятельность, считая ее "работой на благо королевства". Сам же автор патетично оценивает свой проект Nova Scotia не иначе как "вклад в мою нацию, которой я желаю процветания". При этом он открыто признает, насколько непростым является путь, на который он стал. Как истинный поэт, Александер восклицает: "Только Богу под силу создавать великие вещи простыми средствами", но "ни один человек не в состоянии проделать такую работу в одиночку <...>, и я рассчитываю на то, что будет поддержка со стороны общественного мнения <...> и не сомневаюсь, что многие будут стремиться включиться в эту благородную деятельность" [4, р. 46, 47].

Безусловно, дополнительную ценность сочинению Александера, как историческому источнику, придает включенная в текст карта его владений в Новой Шотландии. (По мнению шотландского историка Томаса Макгрэйла, карта Александера была составлена на основе изданной еще в 1612 г. в Париже карты Новой Франции Марка Лескарбота [15, р. 87; 12]). По-видимому, для того, чтобы уменьшить страх перед неизведанной землей, который вполне обоснованно испытывали простые шотландцы, Александер снабдил ее знакомыми шотландскими топонимами. Хотя не стоит отрицать и возможность того, что им также двигали патриотические чувства, не говоря уже об определенной доле тщеславия. Так или иначе, но таким способом в очередной раз подчеркивался статус Nova Scotia как непосредственно шотландской колонии, управляемой генерал-лейтенантом Александером от имени шотландской короны. Согласно этой карте, территория делилась на две части – Каледонию (нынешняя Новая Шотландия) и Александрию – территорию к северу от бухты Фанди (Argals Bay), включая область на южном побережье Ньюфаундленда. Река, отделявшая Новую Шотландию от Новой Англии и названная французами Сен Круа, именовалась здесь Твидом. Еще одна река – известная ранее как Сент Джон, показана как Клайд. Имелся на карте и залив с шотландским названием Форт, располагавшийся близ восточного побережья Александрии [4; 9, р. 31].

Следует признать, что в целом автор умело использовал аргументы, способные на исходе первой четверти XVII столетия если и не вызвать горячий энтузиазм, то, по крайней мере, убедить читателей в достоинствах новых колонизационных предприятий.

Связывая национальные интересы с моральными и христианскими ценностями, Александер, таким образом, пытался убедить соотечественников в том, что, став колонистами, они способны, действуя на благо своей родины, одновременно обрести достойным способом благополучие в земном мире и перспективу Царствия Небесного. По сути, 'Encouragement to colonies' показывает сложившийся в первой четверти XVII века взгляд на Америку как на такое место, где шотландцы и их потомки смогли бы создать свой Новый Иерусалим без религиозной борьбы, политической и экономической нестабильности и англо-шотландского соперничества.

Вместе с тем нельзя не отметить идеалистический и во многом интуитивный подход автора в подаче информации. 'Encouragement...' никак нельзя назвать справочником-руководством для колонистов, в частности, отсутствуют столь необходимые пионерам-переселенцам какие-либо практические рекомендации для устройства на новом месте. При этом вряд ли можно утверждать, что используемый Александером подход в подаче информации характерен и для других авторов, одновременно с ним издававших подобные рекламные трактаты. Так, сведения, содержащиеся в "Описании Ньюфаундленда" Джона Мейсона, изданном в 1620 г. и предназначенном для привлечения внимания англичан и шотландцев к колонизации острова, вполне могли бы заинтересовать даже современного, искушенного профессиональной рекламой читателя. После обстоятельного описания климата в разное время года, широких возможностей для земледелия, рыболовства, садоводства и охоты, автор четко обозначил четыре причины, по которым будущим колонистам стоит предпочесть Ньюфаундленд более известной колонии Виргинии. Он же создал карту, которая считается первой картой Ньюфаундленда, составленной на основе реального исследования острова [3, с. 110]. Другой компаньон Александера – шотландец Роберт Гордон из Лохинвара, в изданном в 1625 г. "Поощрении намеревающихся стать предпринимателями в новой колонии Кейп Бретон, сейчас именуемой Новый Гэллоуэй, в Америке", посвященном сэру Уильяму Александеру и во многом повторяющем стиль 'Encouragement...', все же четко сформулировал конкретные условия и предложения для представителей разных сословий, решивших покинуть родину и стать колонистами [14]. На фоне этих трактатов сочинение Александера воспринимается в большей степени как эмоционально написанная утопия. Но это вполне объяснимо. Джона Мейсона, который в должности губернатора английской колонии Super's Cove шесть лет провел на Ньюфаундленде и, самолично исследуя территорию, знал не понаслышке о климате, флоре и фауне острова, по сути, можно отнести к колонизаторам-практикам, тогда как Александер, сам не бывавший в Новой Шотландии, лишь теоретизировал, представляя свои заокеанские владения со слов других. Что касается Роберта Гордона, то вполне вероятно, что он, в своем более позднем сочинении, учел имеющийся в 'Encouragement to colonies' недостаток информации.

Эффект, ожидаемый Александером и его компаньонами от публикации трактата в 1624 г., в ближайшие годы заметно не проявился. Трудности преодоления консерватизма общественного мнения усугублялись обострением англо-французского соперничества, результатом чего стала англо-французская война 1627 – 1629 гг., одной из причин которой была амбициозная колониальная политика обоих государств [1, с. 132]. Сложившаяся международная обстановка не способствовала популярности путешествий через Атлантику. Однако Александер не собирался отказываться от реализации своих намерений в отношении Новой Шотландии и надеялся на положительный результат. В 1625 г. трактат был переиздан небольшим тиражом, а карта Александера включена в один из томов знаменитого сочинения собирателя географических сведений, писавшего о морских путешествиях и открытиях англичан, Сэмюэла Пёрчеса [18, р. 400]. В 1630 г. 'Encouragement to colonies' был опубликован вновь под другим названием – 'The Mapp and description of New-England; together with a discourse of plantation, and colonies'. Характерно, что содержание и сопровождающая текст карта при этом совершенно не изменились. Единственным отличием от издания 1624 г. было отсутствие посвящения принцу Чарльзу, которое теперь стало лишним, поскольку к этому времени Чарльз уже несколько лет являлся королем [11, р. 15, 16; 8, р. 10]. По-видимому, используя название уже состоявшейся колонии Новая Англия, Александер рассчитывал на проявление большего интереса к своему сочинению.

На фоне пока еще явно недостаточного внимания со стороны историков к сочинению Уильяма Александера, значение его трактата для изучения процесса шотландской колонизации Америки и ранней истории Канады трудно переоценить. В 'Encouragement to colonies' содержится изложенная от первого лица история возникновения проекта Nova Scotia, и на сегодняшний день – это наиболее полный источник информации об организации и ходе первых экспедиций с территории Британских островов в Новую Шотландию. Кроме того, данный трактат относится к числу самых ранних публикаций о Канаде. В настоящее время, по оценкам специалистов, 'Encouragement to colonies' является ценным экспонатом "американской" коллекции Национальной библиотеки Шотландии, одним из немногих образцов только зарождавшегося в XVII в. публицистического жанра, предназначенного для популяризации эмиграции в Америку [10, р. 12].

Литература

1. Акимов, Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII вв. [Текст] / Ю. Г. Акимов. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 566 с.
2. Ласкова, Н. В. Шотландские наемники в орбите польско-шведского соперничества в XVII в. [Текст] / Н. В. Ласкова // Британия: история, культура, образование. Тезисы докладов Международной

научной конференции 28 – 29 мая 2008 г. – Ярославль: ЯГПУ, 2008. – С. 106 – 108.

3. Ласкова, Н. В. Джон Мейсон – вдохновитель шотландской колонизации Нового Света [Текст] / Н. В. Ласкова // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2009. – № 12. – Вып. 31. История. – С. 109 – 114.

4. Alexander, W. An Encouragement to colonies. [Text] / W. Alexander. – London: William Stansby, 1624 // Reprinted in Royal letters, charters, and tracts, relating to the colonization of New Scotland, and the institution of the order of knight baronets of Nova Scotia. 1621 – 1638. / Ed. by D. Laing. – Edinburgh: George Robb, 1867. – 291 p.

5. Bartlett, R. Scottish Mercenaries in Europe 1570 – 1640: A Study in Attitudes and Policies [Text] / R. Bartlett // Scottish Tradition. – Guelph: University of Guelph, 1985. – Vol. 13. – P. 15 – 24.

6. Carta Domini Willelmi Alexandri equitis Domini et Baroniae Novae Scotiae in America. 10 Septembris 1621 [Text] // Royal letters, charters, and tracts...

7. Gibbon, J. Scots in Canada: a history of the settlement of the Dominion from the earliest days to the present time [Text] / J. Gibbon. – Toronto: Musson Book Company Ltd., 1911. – 162 p.

8. Cressy, D. Coming over: migration and communication between England and New England in the seventeenth century [Text] / D. Cressy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 324 p.

9. Fraser, A. Nova Scotia: the royal charter of 1621 to Sir William Alexander [Text] / A. Fraser. – Toronto: University of Toronto Press, 1922. – 58 p.

10. Halliwell, K. One small portion of a large Empire. A look at the emigrant's guide to North America [Text] / K. Halliwell // Folio: Collections, Research, Events at the National Library of Scotland. – Edinburgh: National Library of Scotland. – Spring 2001. – № 2. – P. 12 – 15.

11. Laing, D. Preface [Text] / D. Laing // Royal letters, charters, and tracts... P. 1 – 119.

12. Lescarbot, M. Histoire de la Nouvelle-France: contenant les navigations, decouvertes et habitations faites par les François ès indes occidentales et nouvelle France avec les mœurs de la Nouvelle France [Text] / M. Lescarbot. – Paris: Librairie Tross, 1866. – Premier volume. – 287 p.

13. Letter of James I to the Privy Council of Scotland from Court at Beauer 5th August 1621 [Text] // The Earl of Stirling's Register of Royal letters relative to the affairs of Scotland and Nova Scotia from 1615 to 1635 / Ed. by Ch. Rogers. – Edinburgh: Burness & Company, 1885. – Vol. 1. – P. xv – xvi.

14. Lochinvar (Sir Robert Gordon of). Encouragements, for such as shall have intention to bee undertakers in the new plantation of Cape Breton, now New Galloway in America, by mee, Lochinvar [Text] / R. Lochinvar. – Edinburgh: John Wreittoun, 1625 // Reprinted in Royal letters, charters, and tracts...

15. McGrail, T. Sir William Alexander First Earl of Stirling. A Biographical study [Text] / T. McGrail. – Edinburgh; London: Oliver and Boyd, 1940. – 268 p.
16. Miller, J. Swords for Hire. The Scottish mercenary [Text] / J. Miller. – Edinburgh: Birlinn Ltd., 2007. – 292 p.
17. Oldmixon, J. The British Empire in America: containing the history of the discovery, settlement, progress and state of the British colonies on the continent and islands of America [Text] / J. Oldmixon. – London: Duck-Lane and Royal-Exchange, 1741. – Vol. 1. – 567 p.
18. Purchas, S. Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrimes, contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells, by Englishmen and others. [Text] / S. Purchas. – Glasgow: James MacLehose and Sons, 1906. – Vol. XIX. – 549 p.
19. Slafter, E. Sir William Alexander and American Colonization [Text] / E. Slafter. – Boston: John Wilson and Son, 1873. – 283 p.
20. The works of Sir Thomas Urquhart, Knight. Reprinted from the original editions / Ed. by T. Maitland. – Edinburgh: Publications of the Maitland Club, 1834. – 419 p.
21. Zavala, S. The political philosophy of the conquest of America. Translated from the Spanish by T. Hall [Text] / S. Zavala. – Mexico: Editorial Cultura, 1953. – 139 p.

УДК: 94 (57) "19/20"+274/278

ЦЕРКОВНЫЕ РАСКОЛЫ В ИСТОРИИ ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН г. ТЮМЕНИ (XX – XXI ВВ.)

Р. О. Поплавский (Коробко)

SPLITS IN THE HISTORY OF TYUMEN PROTESTANT CHURCHES (XX – XXI CENTURIES)

R. O. Poplavskiy (Korobko)

В статье анализируются церковные расколы в протестантских общинах Тюменской области в разные исторические периоды. Особое внимание уделяется разделению, произошедшим за последние два десятилетия: выделяются причины расколов; частные особенности, отличающие региональные процессы от общероссийских; анализируется влияние расколов на количественные характеристики протестантского сообщества и межобщинные отношения.

In this article splits in Tyumen Protestant churches in different historical periods are analyzed. The splits that took part during last two decades are given a special consideration. The causes of the splits and some particularities that differ regional processes from All-Russian situation are marked out. The influence of the splits on quantitative characteristics of the Protestant community and on the interchurch relations is analyzed.

Ключевые слова: церковные расколы, протестантские общины, Тюменская область.

Keywords: church splits, Protestant churches, Tyumen region.

Церковный раскол как объект исторического и религиоведческого анализа открывает перед исследователями возможность глубже и объективнее изучить процесс развития тех или иных религиозных течений и организаций, государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения в отдельно взятой стране. Именно поэтому наиболее часто в научных работах обращаются к истории раскола православной церкви на новостильную и старостильную в XVI веке [15]; выделения из состава Русской православной церкви ряда объединений в XX веке [2; 28]; выделения из евангельского христианства-баптизма движения «инициативников» [4, с. 296 – 323; 31, с. 288 – 310].

Церковные расколы подобного масштаба – прежде всего в географическом и временном измерении – нечастое историческое событие. На уровне же отдельных регионов и даже населённых пунктов это более обычное явление, наиболее распространённое, вероятно, с начала 1990-х годов – с увеличением религиозного многообразия в России и исчезновением необходимости объединяться перед лицом атеистического государства, в ситуации нехватки культовых зданий. Перевод анализа церковных расколов на такой микроуровень позволит обозначить новые тенденции в религиозной сфере; по-новому взглянуть на общероссийские события и выявить

частные особенности последних; определить влияние религиозных разделений на количественные характеристики религиозных сообществ и на межцерковное взаимодействие. В данной статье это будет сделано на примере протестантских общин юга Тюменской области.

Обращение к указанной теме требует от автора сделать одну важную оговорку морального характера. Информация, которая будет представлена ниже, как правило, была получена непосредственно от участников расколов либо от представителей «пострадавших сторон». Как показывает опыт, данная тема является для респондентов достаточно болезненной: они глубоко переживают разрыв давних отношений, потерю прихожан общины, необходимость искать новое помещение для богослужений и т. д. Из официальных текстов по истории общин соответствующие факты, как правило, отсутствуют. В ряде случаев согласие на интервью давалось автору на условиях анонимности, поэтому иногда имена респондентов и их принадлежность к конкретному религиозному объединению в тексте вынужденно умалчиваются.

Прежде всего, необходимо отметить, что в истории развития протестантских общин в регионе можно выделить три периода, характеризующихся активными процессами разделения протестантских общин:

1970 – 1980-е годы; первая половина 1990-х годов; 2000-е годы. Рассмотрим их поподробнее и обозначим основные объекты и причины расколов, а также особенности, свойственные каждому периоду.

1. 1970 – 1980-е годы

В этот период церковный раскол коснулся общин евангельских христиан-баптистов юга Тюменской области. При этом, в отличие от европейской части России [24, с. 160 – 169] и некоторых близлежащих регионов [4, с. 304 – 315], движение «инициативников» в Тюменской области, по имеющимся данным, стало развиваться лишь в конце 1970-х – начале 1980-х годов, в то время как в Алтайском крае, Новосибирской, Омской и Кемеровской областях к тому времени уже прошли аресты и суды над «раскольниками» [4, с. 315 – 319], а само движение «инициативников» переживало определённый спад [4, с. 321]. О разделении тюменской баптистской общины можно говорить с рубежа 1979 – 1980 годов [5; 11], что нашло отражение и в СМИ того времени [1]. Чуть позже раскол произошёл и в ишимской общине [1].

Другой отличительной особенностью движения «инициативников» в регионе можно считать его немногочисленность. В отличие от общин «раскольников» в близлежащих регионах, данные по которым приводит А. В. Горбатов [4, с. 303 – 304], счёт прихожан в общинах юга Тюменской области вёлся лишь на десятки [29, с. 88 – 89]. В целом это объясняется немногочисленностью баптистского движения как такового. Так, среди документов Комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах и по гражданским обрядам (далее – Комиссия) отложились сведения о самой крупной – тюменской общине ЕХБ: в период с 1970 по 1979 годы среднее количество её членов составляло 111 человек, с максимумом в 115 в 1975 году и минимумом в 107 – 1974 и 1979 [5].

2. Первая половина 1990-х годов

Этот период развития протестантских общин в России очень часто наделяется пасторами церквей различными положительными характеристиками и идеализируется, с точки зрения религиозной свободы и состояния государственно-конфессиональных отношений. Во многом такая точка зрения связана с высокой оценкой Закона СССР «О свободе совести и религиозных объединениях», давшего верующим реальную возможность открыто распространять своё учение. Время до середины 1990-х годов отмечено в России широкими евангелизационными кампаниями. В Тюменской области (вместе с округами) они затронули преимущественно юг региона, в то время как, пожалуй, единственным крупным мероприятием в автономных округах была миссионерская экспедиция «Евангелие – народам Сибири» [29, с. 8]. С другой стороны, по свидетельству отдельных религиозных лидеров из северной части региона, в крупных населённых пунктах масштабные евангелизации не были замечены [22]. В целом период конца 1980-х – 1995 годов характеризуется протес-

тантскими пасторами как время наибольшего роста общин за всю историю их существования в Тюмени. Однако обращение к абсолютным цифрам вносит значительные коррективы в эти оценки. Так, пастор церкви «Духовное Возрождение», о которой шла речь выше, отмечает, что численность общины в 1997 году составляла 60 человек, в то время как в 1990 году этот показатель находился на уровне 100 человек [20]. В Витюк отмечает, что первоначальный рост нижевартовской пятидесятнической общины до 650 человек сменился спадом, во время которого количество прихожан уменьшилось вдвое [22].

Обозначенная ситуация, как представляется, может быть объяснена тем фактом, что рассматриваемый период был не только временем быстрого роста общин, но и временем церковных расколов. По нашей информации, с 1991 по 1996 годы расколы на юге Тюменской области пережили 3 – 4 крупные протестантские общины (в Тюмени и Тобольске), результатом чего стало образование ещё четырёх церквей.

Главным объектом церковных расколов в конце 1980-х – начале 1990-х стала церковь «Духовное Возрождение». Полученная ей в 1946 году регистрация привлекла в общину значительное количество верующих, не желавших по тем или иным причинам посещать незарегистрированные собрания. В таких условиях в рамках одной общины собирались верующие с разными религиозными взглядами, которые с наступлением религиозной свободы посчитали возможным выйти из состава баптистской общины и присоединиться к другим протестантским группам [27, с. 55].

Процессы разделения усилились и с увеличением религиозного многообразия в регионе и, как следствие, конкуренции между отдельными направлениями протестантизма и общинами. Отдельные группы верующих за пятилетний период, с 1991 по 1995 годы, могли посещать две-три общины с различным вероучением и стилем богослужения. В качестве ярких примеров может быть приведён ряд прихожан нынешних Тюменской христианской пресвитерианской церкви «Святая Троица» [18] и «Христианского собрания» п. Каскара [3]. Такому переходу из общины в общину, свойственному в целом для описываемого периода, способствовали частые проповеди миссионеров из других городов и стран, по-разному интерпретирующих те или иные аспекты христианского вероучения, а также не сформировавшиеся и не устоявшиеся на тот момент вероучение и особенности богослужения отдельных общин.

3. 2000-е годы

Последние десять лет в Тюменской области отмечены активным образованием новых протестантских общин. Так, в областном центре из 23 церквей около половины начали действовать в период с 2000-го года. Эти процессы, однако, не сопровождались расколами, как это наблюдалось в первой половине 1990-х годов, так как темпы роста количест-

ва прихожан в таких общинах на протяжении десятилетия оставались достаточно низкими: численность ни одной из них в настоящий момент не превышает 50 человек.

Таким образом, произошедшие за это время расколы коснулись протестантских общин, образовавшихся в регионе до 2000 года. Можно выделить две главных причины этого процесса, часто взаимосвязанные между собой и неотделимые друг от друга: догматические разногласия и конфликт между лидерами общины. Результатом разногласий по вопросам вероучения стало образование в Тюмени группы последователей учения Вочмана Ни и Уитнеса Ли, выделившейся из Тюменской христианской церкви «Свет миру» в начале десятилетия; в 2007 году из состава пресвитерианской общины вышла группа прихожан вместе с недавно избранным пастором, причиной конфликта стали слишком строгие требования, предъявлявшиеся последним к внешнему виду женщин, посещающих богослужения, и не принятые большей частью верующих. В качестве примеров личностного конфликта можно привести расколы середины 2000-х годов в Сибирской церкви евангельских христиан «Великая Благодать» и в Церкви христиан веры евангельской «Благая Весть» [21]. Что касается последней общины, то, как предполагает автор, причиной раскола могли стать и догматические разногласия: отколовшаяся от пятидесятнической церкви группа прихожан в настоящее время действует под названием церкви евангельских христиан-баптистов «Христа Спасителя».

В 2000-е годы автором были зафиксированы случаи перехода верующих из незарегистрированных общин в зарегистрированные церкви, относящиеся к той же деноминации. В частности, группа прихожан незарегистрированной пятидесятнической общины при Миссии евангелизации и благотворения «Примиритель» г. Ялуторовска образовала отдельную общину, перешедшую под окормление одной из тюменских пятидесятнических (зарегистрированных) церквей. Были случаи перехода в другие церкви прихожан общины «инициативников» г. Тюмени. Таким образом, в 2000-е годы наблюдается процесс, обратный событиям советского времени: в отсутствие открытых и явных преследований со стороны государства верующие изменяют своё отношение к нему и склоняются к официальной регистрации церкви, что противоречит идеалам незарегистрированных пятидесятнических и баптистских общин.

Какая бы община и в какой бы период не переживала потерю заметного числа прихожан, эти процессы оказывают заметное влияние на развитие церкви. В первую очередь, это отражается на её количественных характеристиках. Так, анализ динамики численности отдельных протестантских общин показывает, что церковные расколы являются одним из важнейших факторов, определяющих динамику численности религиозного сообщества. Проследим эту зависимость на примере двух общин, испытавших расколы в середине 2000-х годов: «Благая Весть» и «Великая Благодать».

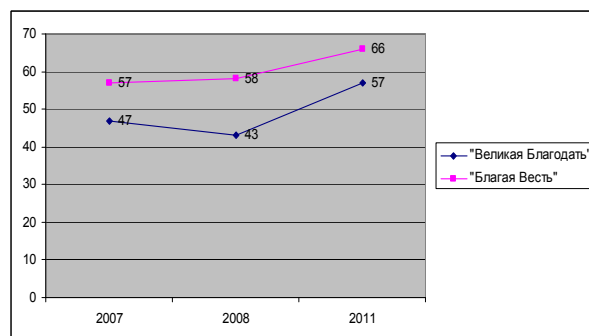

Рис. 1. Динамика численности прихожан в общинах «Великая Благодать» и «Благая Весть» г. Тюмени (2007 – 2011 годы)

Для церкви «Великая Благодать»: 2007 год – среднее арифметическое результатов подсчетов 14, 21 января и 4 февраля; 2008 год – результаты подсчета 13 апреля; 2011 год – среднее арифметическое результатов подсчетов 2 и 5 января.

Для церкви «Благая Весть»: 2007 год – среднее арифметическое результатов подсчетов 18 и 25 февраля; 2008 год – результаты подсчета 13 апреля; 2011 год – результаты подсчета 9 января.

Из рис. 1 видно, что в период с 2007 по 2008 годы – время, когда обе общины переживали последствия расколов, динамика численности верующих, регулярно посещающих богослужения, была незначительна (около 2 %) для церкви «Благая Весть» и отрицательной (– 8,5 %) – для церкви «Великая Благодать». Положительная динамика, выявленная по результатам последних наблюдений, свидетельствует о том, что указанные общины лишь сейчас начинают преодолевать последствия расколов. В частности, для «Благой Вести» это стало возможным, благодаря появлению в этой общине, на две трети состоящей из пожилых женщин, молодых инициативных прихожан [21]. Причём темпы роста численности прихожан этих общин превзошли динамику, наблюдаемую в общинах, не переживавших в последние годы разделений. Сравните с данными по общинам «Свет миру» и «Тюменская Христианская Церковь», представленными в рис. 2.

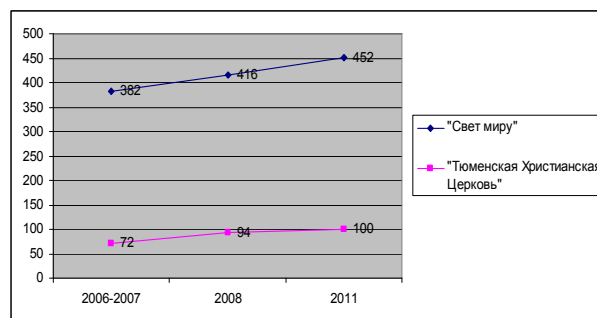

Рис. 2. Динамика численности прихожан в общинах «Свет миру» и «Тюменская Христианская Церковь» г. Тюмени (2006 – 2011 годы)

Для церкви «Свет миру»: 2006 год – среднее арифметическое результатов подсчетов 3, 10 и 17 декабря; 2008 год – результаты подсчета 13 апреля; 2011 год – результаты подсчета 13 февраля.

Для «Тюменской Христианской Церкви»: 2007 год – среднее арифметическое результатов подсчетов 11, 18 и 25 февраля; 2008 год – результаты подсчета 13 апреля; 2011 год – среднее арифметическое результатов подсчетов 2 и 30 января.

Анализ данных, представленных в диаграммах, показывает, что в период с 2008 по 2011 годы численность общин «Тюменская Христианская Церковь» и «Свет миру» увеличилась соответственно на 6 % и 8 %, в то время как «Благая Весть» и «Великая Благодать» выросли на 14 % и 32,5 %. В то же время за весь период с 2007 по 2011 год рост последних общин был заметно ниже, чем рост первой пары. Таким образом, видим влияние расколов на динамику численности протестантских общин как в абсолютных, так и в относительных показателях.

Подтверждение нашему предположению о влиянии церковных расколов на динамику численности общин находим и в архивных документах. Как уже отмечалось выше, средняя численность прихожан церкви «Духовное Возрождение» в 1970-х годах составляла 111 человек. Документы Комиссии свидетельствуют об уменьшении количества прихожан со 107 в 1979 году [5] до 91 – в 1980 [7] и 90 – в 1981 [8] – 1982 [10] годах. Снижение численности общины происходило на фоне конфликта между двумя членами церковного совета [30], завершившегося выводом одного из них из его состава [6]. В результате часть верующих перешла в общину «инициативников». За последующее десятилетие община не восстановила прежней численности даже на фоне активной деятельности пресвитера А. Ф. Иванова по привлечению молодёжи в церковь [23; 9]: количество новых прихожан лишь компенсировало потери общины в результате смертей пожилых верующих [26].

Как показывают наши данные, отколовшиеся религиозные группы также испытывают последствия разделения: ни одна из существующих ныне общин «раскольников» не превышает по численности прихожан 20 – 25 человек. Это объясняется тем фактом, что, как правило, такие общины не ведут активного распространения своего вероучения, в связи с чем приток новых верующих к ним ограничен. За последние 4 – 5 лет лишь тюменская община баптистов-«инициативников» стала заметнее работать в этом направлении, преимущественно посредством распространения религиозной литературы на улицах города.

Негативная динамика численности прихожан довольно болезненно воспринимается пасторами общин. Происходит это ещё и потому, что для тюменского протестантского сообщества, не свойственен свободный переход верующих из общины в общину. Пасторы, как правило, с трудом припоминают тех, кто пришёл в их церковь из другого собрания. Приводимые ими редкие примеры относятся к се-

мейным парам, в которых супруги ранее посещали богослужения разных церквей. На этом фоне неудивителен тот факт, что с «раскольниками», как правило, разрываются отношения. В особенности это касается тех общин, где существует система санкций за «отход от веры».

Разрыв отношений происходит, прежде всего, на личностном уровне, который имеет два измерения: общение между религиозными лидерами и общение между рядовыми прихожанами, с одной стороны, и религиозными лидерами и прихожанами, ушедшими в раскол, с другой стороны. Прерванное по причине церковного раскола общение между лидерами общин восстанавливается редко и нескоро. Из всех упомянутых в данной статье случаев, общение в какой-то мере восстановлено лишь в двух: между пасторами тюменской общины «Свет миру» и тобольской церкви «Новое поколение» (через много лет после возникших разногласий) [19], а также между руководителем тюменской общины «инициативников» и пастором церкви «Духовное Возрождение» по инициативе последнего – в преддверии скорого празднования 95-летия баптизма в Тюмени. В Ишиме зарегистрированная и незарегистрированная общины баптистов не имеют контактов, несмотря на то, что их молельные дома находятся буквально через дорогу друг от друга. Рядовые прихожане иногда сохраняют взаимоотношения с «раскольниками», но эта информация ими не афишируется.

Разрыв отношений на личностном уровне сопровождается прекращением контактов на уровне сообщества. Так, ни одна община «раскольников» не входит в состав Конгресса религиозных объединений Тюменской области (КРОТО) – форума, созданного протестантскими, мусульманскими и иудейскими общинами в 2006 году для координации совместных действий по разрешению проблемных ситуаций в государственно-конфессиональных отношениях. Даже на фоне консолидации протестантского сообщества на юге Тюменской области, наблюдающегося в настоящий момент, религиозные лидеры не спешат привлекать «раскольников» к поиску путей достижения общих целей и взаимодействию с органами государственной власти при решении возникающих проблем. С другой стороны, в настоящее время в Тюменской области отсутствуют какие-либо внешние факторы, которые могли бы подтолкнуть стороны к примирению или воссоединению.

Основанная на примере ряда церковных расколов в протестантских общинах юга Тюменской области периодизация показывает, что для каждого выделенного промежутка времени: конец 1970-х – начало 1980-х годов, конец 1980 – первая половина 1990-х годов, 2000-е годы – характерны различные причины и факторы разделений, что объясняется разными условиями, в которых они возникали. Сквозной причиной расколов для всех периодов является, безусловно, личностный конфликт между религиозными лидерами. Такое большое влияние на эти процессы оказали догматические разногласия, особенно актуализировавшиеся в начале 1990-х го-

дов – время формирования догматической и практической сторон вероучения многих общин. Для советского времени и 2000-х годов характерной причиной церковных разделений стало отношение к государственной регистрации: если в 1970 – 1980-е годы наблюдалось несогласие верующих с этим требованием, то в последние годы ряды незарегистрированных общин редуют по причине перехода верующих в церкви, имеющие государственную регистрацию.

Основным видимым результатом церковных расколов является снижение темпов роста протестантских общин: как отколовшихся, чьи количественные характеристики после раскола колеблются вокруг одного значения, так и «материнских», переживающих после разделения значительный спад в численности прихожан. Кроме того, расколы, как представляется, снижают степень консолидации протестантского сообщества региона.

В целом изучение расколов на микроуровне позволило скорректировать датировки и масштабы общероссийских событий (выделение «инициативников» из баптистского движения) и расширило возможности анализа религиозной ситуации, в особенности межконфессиональных отношений на уровне отдельного региона.

Литература

1. Андреев, А. Диверсанты от религии / А. Андреев // Тюменская правда. – 1984, 21 ноября. – С. 3.
2. Беглов, А. В поисках «безгрешных каткомб». Церковное подполье в СССР / А. Беглов. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2008.
3. Беседа с прихожанкой 1 «Христианского собрания» п. Каскара от 14 августа 2005 года // Архив автора.
4. Горбатов, А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. – Томск: Издательство ТГПУ, 2008.
5. ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1580. Л. 27.
6. ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1580. Л. 33.
7. ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1611. Л. 27.
8. ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1611. Л. 95.
9. ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1657. Лл. 3-5.
10. ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1686. Л. 2.
11. ГУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1714. Л. 54.
12. ГУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 2716. Лл. 200 – 201.
13. ГУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 2868. Л. 184.
14. ГУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 562. Л. 121.
15. Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество. В 2-х т. / С. А. Зеньковский. – М.: Институт ДИДИК, 2006.
16. Интервью Р. Христенко с прихожанином Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» г. Тюмени Такарчуком А. М., б. д. // Архив Р. Христенко.
17. Интервью Р. Христенко с прихожанкой Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» г. Тюмени Кравченко З. К., б. д. // Архив Р. Христенко.
18. Интервью с и. о. пастора Тюменской христианской пресвитерианской церкви «Святая Троица» С. Г. Ионовым от 6 марта 2006 года // Архив автора.
19. Интервью с пастором Тюменской христианской церкви «Свет миру» С. Э. Лавреновым от 10 февраля 2011 года // Архив автора.
20. Интервью с пастором Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» г. Тюмени П. Н. Мочалкиным от 17 августа 2005 года // Архив автора.
21. Интервью с пастором Церкви христиан веры евангельской «Благая Весть» г. Тюмени А. В. Княжевным от 17 января 2011 года // Архив автора.
22. Интервью с пастором Церкви христиан веры евангельской «Слово Жизни» г. Нижневартовска В. Я. Витюком от 10 февраля 2011 года // Архив автора.
23. Интервью с прихожанками Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» г. Тюмени Галиной и Ириной от 23 июня 2010 года // Архив автора.
24. История евангельских христиан баптистов в России. – М.: РС ЕХБ, 2007.
25. История церкви ЕХБ г. Тюмени, описанная Кашниковым Николаем Емельяновичем // Архив Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» г. Тюмени.
26. Коробко, Р. О. Закрашивая «белые пятна» истории: источниковедческий анализ документов 1970-х годов из архива тюменской Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» / Р. О. Коробко // Исторический Ежегодник. 2010: сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2010. – С. 17 – 26.
27. Коробко, Р. О. Место Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» в образовании ряда протестантских церквей в Тюмени в начале 1990-х годов / Р. О. Коробко // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. – Вып. 5: сб. – М.: Российское объединение исследователей религии, 2007. – С. 50 – 55.
28. Макаркин, А. В. Альтернативное православие в России: история и современное состояние / А. В. Макаркин // Политика. – 2002. – № 1. – С. 118 – 145.
29. Протестантизм в Тюменском крае: история и современность / под ред. И. В. Боброва. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006.
30. Протокол расширенного совещания братского совета тюменской общины ЕХБ от 26 августа 1979 года // Архив Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» г. Тюмени.
31. Сосковец, Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40-е – 60-е годы XX в. / Л. И. Сосковец. – Томск, 2003.

УДК 94(47+57)« 1917/1991 »(045)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**В 1985 – 1990 гг. (по материалам журнала «Рабочий класс и современный мир»)****Д. С. Сазанов****TRANSFORMATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS OF SOVIET INTELLIGENTSIA IN 1985 – 1990****(based on materials of the newspaper «Working class and modern world»)****D. S. Sazanov**

Анализируется отражение основных этапов горбачевских преобразований на страницах журнала «Рабочий класс и современный мир». Рассматривается трансформация ценностных ориентации интеллигенции в отношении реформ и социалистического опыта.

The way of reflection of principal stages of Gorbachev's reforms in the columns of the newspaper "Working class and modern world" is analyzed. Transformation of values of intelligentsia in respect of reforms and socialist experience is considered.

Ключевые слова: интеллигенция, журнал «Рабочий класс и современный мир», трансформация ценностных ориентации, перестройка, социализм, капитализм, социал-демократия.

Keywords: intelligentsia, newspaper "Working class and modern world", transformation of values, perestroika, socialism, capitalism, social democracy.

С началом «перестройки» интеллигенция стала внедрять в общественное сознание обсуждение острейших, с ее точки зрения, вопросов. Для этих целей использовались литературно-художественные и общественно-политические журналы. В изданиях стали преобладать материалы исторической тематики, документальные публикации. Политизация журналов привела к небывалому росту их популярности: тиражи некоторых из них подскочили в 3 – 4 раза.

В данной статье исследуется научный и общественно-политический журнал «Рабочий класс и современный мир». Журнал издавался Институтом международного рабочего движения Академии наук СССР с 1971 г. с периодичностью шесть раз в год (один выпуск – раз в два месяца).

Хронологические рамки исследования ограничиваются мартом 1985 г. – декабрем 1990 г. Нижний хронологический рубеж связан с назначением на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и началом политики «ускорения научно-технического прогресса». Верхний хронологический рубеж – попытка реформирования журнала, выход его под новым названием «Политические исследования» («Полис»).

Авторами основного числа публикаций были профессиональные ученые (историки, социологи, политологи, международники, экономисты). Отсюда достаточно сухой, сугубо научный стиль изложения материала, ориентированность на образованные слои населения. Основная целевая аудитория журнала – научная и техническая интеллигенция, представители партийного и государственного аппарата, студенты высших учебных заведений.

Большинство статей было посвящено актуальным социально-экономическим вопросам; проблемам международного рабочего движения и современного социалистического развития; деятельности профсоюзов, общедемократического движения; острым общественно-политическим событиям и др. Значительное внимание было уделено исторической тематике. Но в отличие от других изданий, авторы

журнала занимали более сдержанную, отчасти консервативную позицию.

Наравне с советскими авторами, большинство из которых принадлежали академической и научной элите, на страницах журнала печатались иностранцы. Ближе к 1990 г. многократно возрос удельный вес публикаций иностранных авторов (общественные деятели, политики, политологи, экономисты, представители социал-демократии).

Среди наиболее популярных рубрик журнала можно выделить следующие: «Проблемы и суждения», «Социал-демократия сегодня», «В странах социализма», «Профсоюзы в современном мире», «Капитализм против трудящихся», «Трудящиеся стран Азии, Африки и Латинской Америки», «Страницы истории», «В помощь преподавателю вуза» и др.

Для сбора первичной информации было отобрано 35 номеров журнала за март 1985 – декабрь 1990 гг. Единицей анализа определена журнальная публикация. Данное исследование проведено с помощью метода контент-анализа.

К числу слов-индикаторов в статье были отнесены такие термины и понятия: социал-демократия; рабочий класс; профсоюзные, молодежные, антивоенные, женские и пр. движения; демократическая альтернатива; проблемы демократизации; народная демократия; XXVII Съезд партии; капитализм и социализм; проблемы капитализма; перспективы капитализма; социализм; переосмысление социализма; будущее социализма; плюрализм мнений при социализме; Октябрьская революция; В. Ленин, К. Маркс и И. Сталин и др. Слова-индикаторы позволили вычленивать из общего состава журнальных статей именно те, которые будут являться единицами наблюдения с его последующим анализом.

Слова-индикаторы удалось сгруппировать в категорию содержания, т. е. в группу индикаторов понятий. В итоге были выделены следующие категории содержания:

– концепция ускорения научно-технического прогресса, перестройка управления экономикой,

экономическая стратегия – **«ускорение научно-технического прогресса»;**

– механизм торможения, административно-командная система, неэффективность методов руководства и рычагов управления, партийно-государственная бюрократия, факторы необратимости – **«механизм торможения»;**

– социал-демократия, съезды социал-демократов, Интернационал, объединение социалистических партий, русская социал-демократия – **«социал-демократия»;**

– советский рабочий класс, изучение проблем рабочего класса, рабочий класс в политической культуре стран Европы, класс, определивший характер революции – **«рабочий класс»;**

– общенациональная забастовка и роль профсоюзов, молодежь – профессия – труд, пролетарская солидарность и профсоюзное движение, профсоюзы в современном мире – **«профсоюзное, молодежное, антивоенное и др. движения»;**

– роль В. Ленина и «феномен» И. Сталина в развитии социализма, социализм в эпоху Л. Брежнева, социализм реальный и социализм подлинный, обновление социализма, демократический социализм, мир будущего и социализм – **«социализм»;**

– массовая безработица, экономический кризис стран капитализма, антидемократичность налоговой

системы США, издержки рыночной системы, капитализм и классовая борьба, усиление эксплуатации рабочей силы – **«кризис капитализма»;**

– перестройка, негосударственные формы собственности, новое политическое мышление, сопротивление перестройке, изменение классовой структуры общества, пробуксовка перестройки – **«перестройка»;**

– капитализм-социализм: усложняющееся взаимодействие, эффективность современного капитализма, перспективы рынка, улучшение материального положения западных рабочих, свободная конкуренция, преодоление экономической дискриминации, рост реальных доходов – **«перспективы капитализма, социализм и капитализм».**

За единицу наблюдения взята журнальная публикация, в которой упоминаются те или иные слова-индикаторы. Выделенные категории содержания были сгруппированы по количественному критерию и представлены в виде таблицы. В ней приведена информация о количественном составе журнальных публикаций по годам, посвященная наиболее актуальным аспектам эпохи М. С. Горбачева, начиная с марта 1985 г. по декабрь 1990 г. Таблица позволяет выявить пиковые периоды в освещении знаковых тем.

Таблица 1

**Количество публикаций в журнале «Рабочий класс и современный мир»
за март 1985 – декабрь 1990 гг. (в единицах)**

	<i>1985 г.</i>	<i>1986 г.</i>	<i>1987 г.</i>	<i>1988 г.</i>	<i>1989 г.</i>	<i>1990 г.</i>
Всего публикаций в журнале	100	117	131	126	129	146
В том числе количество публикаций по:						
- ускорение научно-технического прогресса;	6	18	3	2	–	–
- механизм торможения;	–	–	–	3	–	1
- социал-демократия;	6	3	7	8	11	16
- рабочий класс;	7	8	22	7	3	6
- профсоюзное, молодежное, анти-военное и др. движения;	19	18	19	16	9	7
- социализм;	5	1	2	4	9	16
- кризис капитализма;	3	7	7	3	1	–
- перспективы капитализма, социализм и капитализм;	–	–	–	–	4	4
- перестройка.	–	–	5	11	2	2

Таким образом, на страницах журнала можно выделить несколько крупных блоков, посвященных актуальным проблемам современности. Остановимся на некоторых из них.

На апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г. новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев выступил с заявлением о необходимости крупномасштабных преобразований в жизни страны. Среди главных вопросов, стоящих на повестке дня, были выделены – «интенсификация экономики и ускорение научно-технического прогресса, перестройка управления и планирования, структурная и инвестиционная политика...» [4, с. 455].

Журнал «Рабочий класс и современный мир» одним из первых приступил к разъяснительной работе и популяризации концепции «ускорение научно-технического прогресса». Инициативы политического руководства незамедлительно нашли отражение в новых рубриках журнала, среди них – «Навстречу XXVII Съезду КПСС», «XXVII Съезд КПСС и проблемы мирового развития», «Курсом ускорения».

Уже в первом после апрельского Пленума выпуске журнала за май 1985 г. появились статьи, посвященные интенсификации и повышению эффективности народного хозяйства. Авторы уделяли ос-

новное внимание роли парторганизаций в процессе интенсификации экономики [6, с. 20], повышении роли человеческого фактора и материальной заинтересованности работников [13, с. 22]. Последующие материалы лишь подчеркивали нюансы итогов апрельского Пленума.

В феврале 1986 г. на XXVII Съезде ЦК КПСС курс на «ускорение» был конкретизирован. Были определены основные слагаемые концепции «ускорения»: всемерная интенсификация производства на основе научно-технического прогресса, структурная перестройка экономики, эффективные формы управления, организация стимулирования труда [5, с. 42].

Из приведенной таблицы 1 видно, что пик в освещении концепции ускорения журналом приходится именно на 1986 г. За этот год вышло 18 публикаций (15 % от общего числа журнальных статей за год). На страницах журнала авторы (И. К. Пантин, А. А. Коробейников, А. Я. Рыбаков, В. П. Чичканов, Ю. В. Шишков, Т. Т. Тимофеев, Н. П. Иванов, В. Л. Глазычев и др.) подхватили основные тенденции и обозначили основные моменты высказываний руководителя партии. Подавляющая часть из них видели суть «ускорения» в глубокой перестройке хозяйственного механизма на основе экономических методов руководства на всех уровнях [8, с. 58].

Уже на этом этапе предпринимались попытки найти причины экономического отставания. Корни «торможения» хозяйственного механизма были обнаружены интеллигенцией в 1970-х годах и связывались, прежде всего, с бюрократизмом, местничеством и ведомственностью во всех звеньях управления [7, с. 94]. Данные выводы полностью совпадали с мнением М. С. Горбачева.

Однако уже в 1987 г. количество публикаций, посвященных «ускорению», начинает снижаться, а вскоре вовсе сходит на нет. Данный факт был обусловлен негативными экономическими моментами, испытываемыми страной. Расходы на модернизацию промышленности, повышение социальных расходов и выплат пенсионерам, потери от антиалкогольной кампании существенно дестабилизировали бюджет и дискредитировали саму концепцию «ускорения» в глазах общественности и интеллигенции.

Из таблицы 1 явствует, что в 1987 г. интеллигенция вновь переключилась на давно известные темы. Среди них выделялись аспекты, связанные с рабочим, профсоюзным, антивоенным, женским и др. движениями (19 статей), а также вопросы, посвященные возрастанию роли рабочего класса (22 статьи). Возвращение внимания к данной тематике было обусловлено 70-летним юбилеем Октябрьской революции, который отмечался с большим размахом.

Именно в этот момент в журнале появилось огромное количество публикаций «дружественных» иностранных авторов (В. Гене, Г. Холл, Ч. Джаган, Дж. Стюарт, А.-В. Карлсец, Л. Гилейко и др.). Иностранцы, как и их советские коллеги, воспевали историческое значение Октябрьской революции в мировом антиимпериалистическом движении, облича-

ли политику транснациональных корпораций, отмечали огромную роль КПСС в активизации мирового профсоюзного движения и др.

Юбилей Великого Октября был использован советским политическим руководством для переключения внимания общественности с экономической проблематики – на политическую сферу.

После празднования знаменательной даты, интерес к рабочему классу и профсоюзному движению отходит на задний план. В общественном сознании наших современников устойчиво закрепилось представление, что «перестройка» в СССР началась одновременно с приходом к власти М. С. Горбачева, т. е. в 1985 г. Однако, как видно из таблицы 1, это не соответствует реальности. В действительности же тема «перестройки» впервые стала подниматься интеллигенцией и средствами массовой информации лишь с 1987 г., после январского Пленума ЦК КПСС (хотя сам термин использовался и раньше).

На первоначальном этапе собственно политики перестройки интеллигенция, вслед за М. С. Горбачевым, делала упор на революционной сути преобразований, происходящих в обществе, на их всеобъемлющем характере. Революционная суть перестройки виделась в том, что она была нацелена на качественное преобразование основ всего советского общества [12, с. 3], явилась исходным пунктом в скачке в построении коммунизма [1, с. 73 – 74].

По мнению интеллигентского корпуса, заслуга перестройки была уже в том, что она «опрокинула мнение, будто социалистическое общество не способно менять собственную структуру, приспосабливаться к требованиям времени» [10, с. 59]. Наибольшее количество перестроечных публикаций пришлось на 1988 г. (11), значительная часть которых вышла после проведения в июне XIX Всесоюзной партконференции (7).

В это же время интеллигенция начала прорабатывать вопросы, связанные с существованием «механизма торможения социально-экономического развития», «сдерживающего прогрессивные преобразования, позволяющие раскрывать и использовать преимущество социализма» [3, с. 10]. Многие аспекты этого процесса были рассмотрены на «круглых столах», проводимых редакцией журнала. Как и следовало ожидать, основные причины пробуксовки реформирования народного хозяйства были обнаружены в закостенелости бюрократической структуры, которая, «возникнув, проникает повсюду, сковывает весь общественный, экономический и политический механизмы в «монолитное целое», не способное к перестройкам и НТР» [2, с. 68]. Данная тема была продолжена интеллигенцией и в последующем.

XIX Всесоюзная партконференция явилась мощным катализатором для части интеллигенции, в особенности ее радикальной когорты. Провозглашенный на конференции «плюрализм мнений» создал реальную возможность публичного обсуждения природы существующего строя в Советском Союзе. Отныне «перестройка» стала рассматриваться в кон-

тексте реформирования всей политической структуры советского общества.

Одной из главных тем, поднятых на страницах журнала, был вопрос, связанный с развитием, совершенствованием и перспективами социализма в Советском Союзе. Из таблицы 1 отчетливо просле-

живается тенденция роста интереса к социалистической проблематике на страницах журнала. Для определения отношения печатающихся авторов к категории «социализм», в данном исследовании необходимо прописать знаки преподносимой информации: «положительная оценка» и «критическая оценка».

Таблица 2

Количество публикаций о вопросах социализма в журнале «Рабочий класс и современный мир» за март 1985 – декабрь 1990 гг. (в единицах)

	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Всего публикаций в журнале	100	117	131	126	129	146
Количество публикаций, посвященных, вопросам социализма	4	5	3	7	10	22
Положительные оценочные публикации	4	5	3	4	3	7
Критические оценочные публикации	–	–	–	3	7	15

Видно, что на начальном этапе горбачевских преобразований (1985 – 1987 гг.) интерес к социализму имел стабильно-положительный характер. Относительно небольшое количество публикаций подтверждает тот факт, что в общественном сознании вопросы, связанные с социализмом, воспринимались лишь как форма традиционной риторики и необходимый аспект научной жизни. Среди интеллигенции продолжала превалировать точка зрения, что избранный в 1917 г. путь – единственно верный, а марксистско-ленинская теория содержала единственно правильные методологические установки в развитии социализма.

На этом этапе поднимались вопросы строительства социализма в развивающихся странах, развитие социализма в условиях НТП, социализм и борьба против антикоммунизма, буржуазной и реформистской идеологии, освещалась история Великого Октября, Первомая, биографии деятелей коммунистического движения и др.

После XIX Всесоюзной партконференции произошло смещение приоритетов в статьях, освещающих те или иные аспекты социалистической действительности. Таблица 2 демонстрирует рост числа публикаций о социализме с этого момента, причем публикаций в основной массе критического содержания.

Параллельно с обсуждением современного авторам состояния социализма проходили дискуссии о причинах, вызвавших его «деформации». В развернувшейся дискуссии о природе советского строя интеллигенция увидела истоки деформации социалистического строя в эпохе И. Сталина и его ближайшего окружения. Большинство авторов пришли к выводу, что И. Сталин, придя к власти, исказил учение В. Ленина, деформировал принцип демократического централизма, подменил социализм сталинизмом. В связи с этим делался вывод, что построенный в Союзе строй нельзя считать истинно социалистическим [11, с. 69].

Пик в освещении вопросов социализма журналом пришелся на 1990 г. (22 статьи). Данный факт объясняется политизацией значительной части насе-

ления, стремительным ростом интереса людей к ранее малоизвестным фактам собственной истории, надеждами на скорые улучшения экономической ситуации, корректировку вектора политического развития. Представители интеллигенции искали причины системного кризиса, охватившего советское общество в восьмидесятые годы, в основах социалистического строя, особенно в эпохе И. Сталина.

Параллельно с возросшей критикой социализма активизировался интерес к альтернативным путям общественного устройства. К 1989 – 1990 гг. среди части интеллигенции утвердилось представление о перспективе синтеза социал-демократической и коммунистической практики, которая гарантирует «бедным стабильность жизненного уровня, одновременно обеспечивая свободу инициативы отдельной личности» [9, с. 132]. В это же время на страницах издания появились статьи, посвященные творчеству Н. Бухарина, труды Г. Плеханова и Р. Люксембург и др.

Таким образом, на страницах научного и общественно-публицистического журнала «Рабочий класс и современный мир» отразились все основные этапы реформирования советского общества в эпоху М. С. Горбачева: начиная с концепции «ускорения» и перестройки общественно-политической жизни, заканчивая критикой социалистического опыта.

Проведенный контент-анализ публикаций указывает на постепенный, но уверенный мировоззренческий переход части интеллигенции от социалистических идей к демократическим. Журнал четко проиллюстрировал этот процесс. К 1990 г. в журнале все чаще стали печататься материалы, посвященные перспективам развития капитализма, резко сократилась его критика. Часть авторов обратилась к теме взаимодействия двух мировых идеологий.

Однако специфика журнала, как уже было отмечено выше, заключается в том, что, в отличие от большинства перестроечных изданий, статьи в нем имели строго выверенный, точный характер воздействия. Подавляющее число публикаций журнала были подготовлены представителями научной, общественной и политической элиты страны и предна-

значались, в первую очередь, для «внутреннего пользования», то есть для самого истеблишмента. В этом и заключена ценность журнала как исторического источника.

К моменту распада Советского Союза идеи и ценностные ориентиры либеральной части интеллигенции были фактически полностью восприняты новым российским политическим истеблишментом, родившимся на руинах некогда единой системы. Начав с робкой критики социалистического опыта, либерально-демократическая интеллигенция стала основоположником и главным проводником новой идейно-политической доктрины.

Литература

1. Агаев, С. Л. Перестройка в свете исторического опыта социальных революций / С. Л. Агаев // Рабочий класс и современный мир. – 1987. – № 5.
2. Васильчук, Ю. А. Переход ко второму этапу НТР (новый механизм торможения и новая расстановка классовых сил) / Ю. А. Васильчук // Рабочий класс и современный мир. – 1988. – № 3.
3. Горбачев, М. С. О перестройке и кадровой политике партии. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 г. // Материалы Пленума ЦК КПСС, 27 – 28 января 1987 г. – М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1987.
4. Горбачев, М. С. О созыве очередного XXVII Съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. // Избранные речи и статьи. Т. 2. – М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1987.
5. Горбачев, М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС к XXVII Съезду КПСС // XXVII Съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. – М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1986.
6. Макаренко, В. С. Курсом интенсификации и повышения эффективности экономики / В. С. Макаренко // Рабочий класс и современный мир. – 1985. – № 3.
7. Михеев, В. А. Рабочие и научно-технический прогресс / В. А. Михеев // Рабочий класс и современный мир. – 1986. – № 5.
8. Назимов, А. К. Научно-технический прогресс и производственная активность рабочего класса / А. К. Назимов // Рабочий класс и современный мир. – 1986. – № 4.
9. Обновление социализма в теории и практике (Международная встреча коммунистов и социал-демократов в Брюсселе) // Рабочий класс и современный мир. – 1990. – № 2.
10. Перестройка и рабочий класс (ученые социалистических стран обмениваются мнениями) // Рабочий класс и современный мир. – 1987. – № 5.
11. Румянцев, А. М. К обновлению социализма (о некоторых актуальных идейно-теоретических проблемах перестройки) / А. М. Румянцев // Рабочий класс и современный мир. – 1989. – № 4.
12. Турысов, К. По пути перестройки / К. Турысов // Рабочий класс и современный мир. – 1987. – № 4.
13. Ципко, А. С. Возрастание роли человеческого фактора в экономическом развитии социализма / А. С. Ципко // Рабочий класс и современный мир. – 1985. – № 3.

УДК 656.7(091) "1980"

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СЕКТОРОВ АЭРОПОРТОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ В НАЧАЛЕ 1980-х ГОДОВ Т. А. Сычева

ORGANIZATION OF WORK OF THE INTERNATIONAL SECTOR OF AIRPORT WEST-SIBERIAN DEPARTMENT OF CIVIL AVIATION AT THE BEGINNING OF THE 1980-s T. A. Sycheva

В статье анализируются основные направления деятельности международных секторов Западно-Сибирского управления гражданской авиации, материально-техническая база международных секторов, качество обслуживания иностранных пассажиров, состояние регулярности полетов, взаимодействие с различными организациями.

This article analyzes the main activities of the international sector of the West-Siberian Department of civil aviation, the international logistics sector, quality of service for foreign passengers, flight regularity, interaction with various organizations.

Ключевые слова: Западная Сибирь, международный сектор, авиаперевозки, иностранные пассажиры, контроль за перевозкой, организация и обслуживание иностранных пассажиров.

Keywords: the international sector, aviation, foreign passengers, transport, organization and servicing of foreign passengers.

Современное общество сегодня не мыслит себя без авиатранспорта. Авиация позволяет ускорить перевозку грузов, почты, пассажиров, позволяя последним быстро и комфортно перемещаться как внутри страны, так и за ее пределы. Однако не все

аэропорты Аэрофлота в советский период имели право осуществлять международные рейсы.

Международным полетом признавался всякий полет, связанный с пересечением государственной границы СССР и другого государства. Междуна-

родные полеты подразделялись на регулярные, выполняемые по расписанию, и дополнительные к расписанию, также были эпизодические (разовые): чартерные и специальные.

Международные полеты гражданских воздушных судов СССР осуществлялись на основании и в соответствии с условиями: международных договоров СССР о воздушном сообщении; специальных разрешений на выполнение регулярных и разовых полетов, выдаваемых компетентными органами иностранных государств [1].

Указанные полеты выполнялись с разрешения Министерства гражданской авиации (МГА), выдаваемого в установленном порядке. В международном воздушном сообщении Аэрофлот выступал как единое и самостоятельное авиационное предприятие, являющееся юридическим лицом. Международные полеты гражданских воздушных судов СССР совершались под Государственным флагом Союза Советских Социалистических Республик. Перечни международных воздушных трасс и аэропортов (аэродромов), открытых для международных полетов, утверждались Советом министров СССР.

Международные полеты гражданских воздушных судов СССР выполнялись по установленным международным воздушным трассам, определенным разрешением соответствующих органов иностранных государств. Каждое воздушное судно, выполняющее международный полет, должно иметь на борту соответствующие судовые документы, установленные Воздушным кодексом Союза ССР. Для хранения судовых документов воздушное судно должно быть оборудовано сейфами (металлическими ящиками).

Вылет советских и иностранных воздушных судов, выполняющих международные полеты из СССР, а также их посадка после входа в воздушное пространство СССР, производились в аэропортах (аэродромах), открытых для международных полетов, где имелись контрольно-пропускные пункты пограничных войск и таможенные учреждения. Иной порядок вылета и посадки воздушных судов допускается только по разрешению советских компетентных органов.

В начале 1980-х г. перевозки иностранных пассажиров воздушным транспортом по международным и внутренним линиям, проходящим на территории Западно-Сибирского управления гражданской авиации (ЗСУ ГА), проводилась только через аэропорты «Толмачево» и «Омск».

На воздушные суда, их экипажи и пассажиров, прибывающих и отбывающих из СССР, а также на имущество, ввозимое или вывозимое из СССР на воздушных судах, распространялось действие соответственно паспортных, таможенных, валютных, санитарных, карантинных и иных правил о въезде и выезде, а также ввозе и вывозе имущества и транзита через территорию СССР.

Перед вылетом и после завершения международного полета члены экипажа воздушных судов СССР должны были пройти таможенный досмотр, паспортный контроль и другие процедуры, установ-

ленные соответствующими государственными органами, в международных аэропортах (аэродромах) на территории СССР и в иностранных государствах.

Каждый международный полет должен был производиться при наличии полученного в установленном порядке от Главного центра Единой системы управления воздушным движением (ГЦ ЕС УВД) разрешения на вылет и в соответствии с представленным органам управления воздушным движением планом полета (флайт-планом). Воздушные суда, выполняющие международные полеты, должны пересекать государственную границу СССР по установленным воздушным коридорам перелета государственной границы СССР. Пересечение государственной границы вне воздушных коридоров, вылет воздушных судов в воздушное пространство над открытым морем осуществляются в порядке, определенном Инструкцией по применению Положения об использовании воздушного пространства СССР.

При выполнении международных полетов экипажи воздушных судов СССР руководствовались:

а) в воздушном пространстве СССР:

– Воздушным кодексом Союза ССР, Положением об использовании воздушного пространства СССР, Инструкцией по применению этого Положения, Основными правилами полетов в воздушном пространстве СССР, настоящим Наставлением и сборниками аэронавигационной информации по международным воздушным трассам;

б) в воздушном пространстве иностранных государств:

– Конвенцией о международной гражданской авиации (Чикагской конвенцией 1944 г.), соответствующими международными стандартами, рекомендациями и процедурами ИКАО, а также правилами полетов иностранных государств, в воздушном пространстве которых выполняется полет;

– международными договорами СССР о воздушном сообщении и соответствующими разрешениями на полеты со стороны полномочных органов иностранных государств;

– Воздушным кодексом Союза ССР, Основными правилами полетов в воздушном пространстве СССР, если их положения не противоречат правилам, установленным в иностранном государстве, сборниками аэронавигационной информации по международным воздушным трассам (издаваемым ЦАИ ЦУЭРТОС и иностранными фирмами), а также НОТАМ I и II класса, СНОУТАМ и циркулярами аэронавигационной информации.

Аэрофлот осуществлял свою деятельность за границей через представительства Аэрофлота, учреждаемые на основании международных договоров СССР или специальных разрешений иностранных государств. Управления ГА, выполняющие международные полеты, обеспечивались необходимой аэронавигационной информацией через Единую радио-электронную систему [6].

Воздушные перевозки пассажиров, багажа, грузов и почты за установленную плату осуществлялись авиационными предприятиями Министерства

гражданской авиации СССР, в том числе ЗСУ ГА. Регулярные перевозки пассажиров, багажа, грузов и почты осуществлялись авиационными предприятиями по воздушным линиям, определяемым Министерством гражданской авиации СССР. Министерство гражданской авиации СССР обеспечивало движение пассажирских воздушных судов по расписанию.

Работа международных секторов (МС) ЗСУ ГА с иностранными туристами была направлена на активную пропаганду советского образа жизни. Главным в работе Международных секторов являлось повышение уровня культуры обслуживания иностранных пассажиров и авторитета Аэрофлота среди авиакомпаний мира.

В среднем к началу 1980-х г. ежегодно международными секторами аэропортов Западно-Сибирского управления гражданской авиации обслуживалось около 110 тыс. иностранных пассажиров [2].

В начале 1980-х г. произошло резкое сокращение числа иностранных граждан, обслуженных МС в аэропорту «Толмачево», по сравнению с предыдущими годами в среднем от 15 до 17 тыс. человек [2].

Анализ состояния отчетных данных позволяет сделать вывод, что данное сокращение произошло за счёт следующих факторов: в 1980 – 1981 гг. рейсы 3719/3720 и рейсы 4935/4936 не производили посадки в аэропорту «Толмачево» по действующему расписанию. На этих рейсах всегда следовало большое количество иностранных граждан.

По анализу предыдущих лет видно, что именно на данных рейсах следовали большие группы японских туристов в Среднюю Азию, поскольку ВАО «Интурист» продавала среднеазиатские туры со значительной скидкой [3].

С начала 1981 г. Новосибирское отделение ВАО «Интурист» начало обслуживать группы туристов лишь с ноября, так как гостиница, в которой размещаются иностранные туристы, находилась на капитальном ремонте [4].

Обслуживали иностранных пассажиров в МС в аэропортах ЗСУ ГА всего 18 человек [5]. Чтобы соответствовать меняющемуся техническому прогрессу в МС аэропортов «Толмачево» и «Омск» было в значительной степени обновлено радио и электрооборудование. Работе с иностранными пассажирами отводилось особое внимание, так как это был имидж и престиж государства, а также валюта, которую наше государство получало при продаже билетов иностранным пассажирам.

Для работы с иностранными пассажирами в зале отдыха (в аэровокзалах) использовались технические средства (в отчетных документах и материалах данные технические средства квалифицированы как «технические средства пропаганды», так как в основном обслуживали пассажиров «капиталистического лагеря»). К такого рода техническим средствам относились: телевизор цветной «Радуга-716»; стерео-приёмник «Эстония» с проигрывателем; музыкальный центр «Вега-115 стерео» (радиоприем-

ник, магнитофон, проигрыватель); стенды для экспонирования фотовыставок; стенды для размещения литературы агитационно-пропагандистской направленности (АПН).

В аэропорту г. Омска для обслуживания иностранных пассажиров была оборудована комната отдыха на 60 мест и кафе «Интурист» – на 50 мест [6]. В кафе «Интурист» иностранцам предлагался чай, кофе, прохладительные напитки, кондитерские изделия, бутерброды. Большой популярностью у иностранных гостей пользовалась традиционная русская кухня, а также были представлены многочисленные национальные блюда.

В омском зале ожидания располагались технические средства для проведения «информационно-пропагандистской работы»: телевизор цветной «Кварц»; магнитофон стерео «Тембр»; радиолы «Вега-101» (в 1981 году был пополнен комплект грампластинок).

Большое внимание уделялось и качеству обслуживания пассажиров. В аэропорту «Толмачёво», в его международном секторе обслуживание иностранных пассажиров осуществлялось на основе Руководства по обслуживанию пассажиров на воздушных линиях Союза ССР, действующих правил, приказов, технологий и должностных инструкций работников Международных секторов (МС).

В соответствии с Типовым положением о службе организации международных перевозок эксплуатационного авиапредприятия (аэропорта) гражданской авиации [9] было разработано положение о международном секторе аэропорта «Толмачево», переработаны должностные инструкции работников и выработаны определенные *технологии обслуживания*: технология обслуживания иностранных пассажиров при вынужденной посадке, следующих по трассе; технология обслуживания групп иностранных туристов и туристов-индивидуалов в аэропорту «Толмачево»; технология обслуживания вылетающих иностранных пассажиров; технология обслуживания прилетающих иностранных пассажиров; технология обслуживания транзитных иностранных пассажиров; технологии обслуживания иностранных пассажиров при нарушении регулярности полётов и проведения информационно-пропагандистской работы.

Практически перечисленные выше технологии выполнялись, а отступление от них происходило по ряду причин, не зависящих от работников Международных секторов, в основном из-за отсутствия: специально выделенной для иностранных пассажиров зоны спецконтроля; специально выделенных для обслуживания иностранных пассажиров носильщиков; доставка багажа в аэровокзал занимала значительное время, так как его выгружали в багажную машину в первую очередь, а на транспортер – в последнюю; оформление на рейс и приём багажа иностранных пассажиров производились на стойке, где регистрируют всех пассажиров данного рейса и принимают багаж.

При нарушении регулярности полетов и в период массового скопления пассажиров обслуживание

иностранных пассажиров производилось на основе Указания «О порядке действий сотрудников международных служб и представительства «Интуриста» в аэропортах по обслуживанию туристов при длительных задержках рейсов, нарушениях стыковок и при посадке самолетов с туристами на запасной аэродром». Обо всех случаях нарушений расписания незамедлительно информировался представитель «Интуриста» для принятия мер.

В случае, если туристы были доставлены в аэропорт, то им предоставлялось дополнительное обслуживание: размещение в гостинице и питание в буфете МС.

В книге предложений и замечаний международных секторов жалоб от иностранных пассажиров не встречается. Также за рассматриваемый период не поступало и претензий от иностранных пассажиров.

Из нестандартных ситуаций по обслуживанию иностранных пассажиров можно назвать лишь встречающиеся в среднем 3 – 4 раза в год случаи повреждения упаковки багажа, по которым компенсация производилась сразу же при его выдаче. За утрату, недостачу или повреждение груза, багажа или находящихся при пассажире вещей перевозчик нес ответственность в размерах, определенных Воздушным кодексом СССР [1]:

1) за утрату или недостачу груза или багажа, принятых к перевозке с объявленной ценностью, – в размере объявленной ценности, а в случае, если перевозчик докажет, что объявленная ценность превышает действительную стоимость, – в размере действительной стоимости;

2) за утрату или недостачу груза, принятого к перевозке без объявленной ценности, – в размере действительной стоимости;

3) за утрату или недостачу багажа, принятого к перевозке без объявленной ценности, а также вещей, находящихся при пассажире, – в размере действительной стоимости, но не свыше предела, устанавливаемого Советом министров СССР;

4) за повреждение груза, багажа или вещей, находящихся при пассажире, – в сумме, на которую понизилась их стоимость.

При утрате или недостатке груза перевозчик, наряду с возмещением действительной стоимости или объявленной ценности груза, возвращает плату за перевозку, взысканную за утраченный груз, если она не входит в цену этого груза.

При утрате или недостатке багажа, перевозка которого оплачена, перевозчик, наряду с выплатой возмещения, возвращает плату за перевозку, взысканную за утраченный багаж.

Проблема обеспечения сохранности багажа иностранных пассажиров была достаточно весомой. Сложность заключалась в том, что в аэропортах, обслуживающих международные рейсы в начале 1980-х годов, погрузка и разгрузка багажа производилась вручную (не всегда качественно). У советских пассажиров существовало негласное правило, по которому бьющиеся предметы в багаж сдавать не рекомендовалось с целью обеспечения их сохранности.

В соответствии с Воздушным кодексом, перевозчик нес ответственность за утрату, недостачу или повреждение багажа с момента принятия его, к перевозке и до выдачи получателю или передачи его, согласно установленным правилам, другой организации, если не докажет, что им были приняты все необходимые меры для предотвращения вреда или что такие меры невозможно было принять. В частности, перевозчик освобождается от ответственности, если утрата, недостача или повреждение произошли вследствие:

1) естественных свойств перевозимых предметов;

2) недостатков упаковки, которые не могли быть замечены по наружному виду при приеме багажа;

3) особых свойств багажа, требующих специальных условий или мер предосторожности при его перевозке и хранении [1].

Перевозчик нес ответственность за сохранность находящихся при пассажире вещей лишь в том случае, если будет доказано, что утрата, недостача или повреждение этих вещей произошли по вине перевозчика.

В целях обеспечения безопасности полетов, охраны жизни и здоровья пассажиров и членов экипажей гражданских воздушных судов, органам гражданской авиации, милиции, таможенным учреждениям и пограничным войскам предоставляется право производить досмотр ручной клади, багажа и личный досмотр пассажиров гражданских воздушных судов как на внутренних, так и на международных линиях. Досмотр производится в аэропорту (городском аэровокзале) либо на воздушном судне. На воздушном судне, находящемся в полете, досмотр может быть при необходимости произведен, независимо от согласия пассажира. Для целей настоящей статьи: воздушное судно считается находящимся в полете в любое время с момента закрытия всех его внешних дверей после погрузки до момента открытия любой из этих дверей для выгрузки. Правила производства досмотра и перечень лиц, имеющих право производить досмотр, устанавливаются Советом министров СССР.

Обслуживание иностранных пассажиров в МС осуществлялось согласно разработанным технологиям. При сбойных ситуациях иностранных пассажиров размещали в гостиницах, рассчитанных на 50 – 80 мест. Для обслуживания иностранных пассажиров в них было организовано трехразовое горячее питание в ресторане.

В целях улучшения культуры обслуживания иностранных пассажиров в летнее время производилось расширение зоны кратковременного отдыха за счёт оборудования балконов и прилегающей территории. Одной из проблем, сохраняющейся в первой половине 1980-х годов, оставалась проблема обеспеченности новой мебелью гостиниц, обслуживающих иностранных пассажиров.

Другой важной проблемой оставалась регулярность полетов. Аэропорт «Толмачево» являлся запасным для международных рейсов, поэтому посадка самолетов указанных рейсов производилась толь-

ко при нарушении регулярности полетов или по техническим причинам. Наиболее часто производили посадку самолеты УГА КНДР, выполняющие чартерные рейсы, в среднем 150 – 160 посадок в год, с ежегодным обслуживанием 11 – 15 тысяч человек.

Нарушений регулярности по вине работников международного сектора и туристических организаций не было. Аналогичная ситуация была в аэропорту г. Омска. Задержек международных рейсов и рейсов по вине личного состава в основном не было, исключение составлял 1980 г. (рейс СУ-564, Улан-Батор – Москва). Иногда имелись предпосылки к задержкам международных рейсов из-за отсутствия бортовой посуды или по метеоусловиям.

Для более быстрой и эффективной работы обслуживания иностранных пассажиров в аэропорту «Толмачево» было основано на взаимодействии с Новосибирскими отделениями ВАО «Интурист» и «Спутник», локальном договоре, заключенном между новосибирским отделением ВАО «Интурист» и ЗСУ ГА.

Со стороны Новосибирского отделения ВАО «Интурист», в соответствии с действующими международными стандартами считалось, что интуристы с задержанных рейсов должны быть доставлены в аэропорт, и им дополнительно предоставляется обслуживание только в аэропорту.

Для улучшения организации совместной работы с отделением ВАО «Интурист» была пересмотрена технология обслуживания групп иностранных туристов в аэропорту «Толмачево» и технологии обслуживания иностранных туристов при нарушении регулярности полетов с четким указанием обязанностей сторон при обслуживании туристов. В г. Омске отделения ВАО «Интурист» не было.

В аэропорту была организована продажа авиабилетов и бронирование мест для иностранных пассажиров и советских граждан, вылетающих за границу силами работников МС.

Важное место в организации работы играла рекламная и информационно-пропагандистская работа.

Международные секторы аэропортов, обслуживающих иностранных туристов, обеспечивались литературой, рекламными проспектами разной информационной направленности (в основном реклама Аэрофлота, Городов-героев, столиц союзных республик, культурных достопримечательностей как мирового, так и союзного значения). Регулярно шло обновление литературы по историческому прошлому нашего государства (книги о Ленине, о революции, об Академгородке, широкий спектр литературы и рекламных буклетов о Сибири, Новосибирске и т. д.).

Однако не стоит забывать, что, кроме успехов, в этот период были и свои проблемы в организации обслуживания иностранных пассажиров. В аэропорту «Толмачево» недостатки и трудности, отражающиеся на уровне культуры обслуживания иностранных пассажиров, были заключены в том, что помещение МС располагалось на 3 этаже аэровокзала; отсутствовал автономный выход на перрон и пути для подачи багажа. В работе МС аэропорта «Омск»

имелись трудности при обслуживании в часы "пик" и сбойных ситуациях из-за нехватки производственных площадей, спецтранспорта и гостиницы. В период массовых перевозок была недостаточная информация из аэропортов Москвы и Братска о следовании и национальном составе иностранных пассажиров. Однако МС и Толмачево, и Омска прилагали максимум усилий, чтобы сделать пребывание иностранных пассажиров на территории СССР комфортным и безопасным.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что в начале 1980-х годов произошло значительное сокращение в обслуживании авиапредприятиями ЗСУ ГА международных рейсов, которые были вызваны как субъективными (недостаточной организацией системы обслуживания самолетов и пассажиров международных авиарейсов), так и объективными причинами (сокращение контингента туристов, вызванное изменением работы «Интуриста»). Снижение данных по отправке пассажиров и грузов повлекло за собой ухудшение экономических показателей по авиапредприятиям, осуществляющим выполнение международных авиaperевозок, что в итоге снизило их качественные и количественные отчетные показатели. В последующем были предприняты меры, в том числе нормативно-правового характера, направленные на повышение регулярности полетов на международных авиалиниях.

Источники

1. Воздушный кодекс Союза ССР. (1983 г.). Ст. 100. // http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_86683_DocumIsPrint_Page_2.html
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО) Ф. 1712 (Западно-Сибирского управления ГА). Оп.1. Д.1724. Л.1-14.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО) Ф. 1712 (Западно-Сибирского управления ГА). Оп.1. Д.1454. Л.6.; д.1693. Л. 5-6.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО) Ф. 1712 (Западно-Сибирского управления ГА). Оп.1. Д.1750. Л.3
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО) Ф. 1712 (Западно-Сибирского управления ГА). Оп.1.Д.1621.Л.31.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО) Ф. 1712 (Западно-Сибирского управления ГА). Оп.1.Д.1667. Л.3
7. Наставление по производству полетов в гражданской авиации. – М., 1985. – С. 74 – 75.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 55. (Министерство гражданской авиации) О.1. Д.4216. Л.43 – 44.
9. Типовое Положения о службе организации международных перевозок эксплуатационного авиапредприятия (аэропорта) гражданской авиации / Наставление по организации международных перевозок в гражданской авиации СССР (НОМП ГА-83) (утв. МГА СССР 31.12.1982). – М., 1983.

УДК [94(571.1):323.28] “1918/1919”

«БАРЖИ СМЕРТИ» В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918 – 1919 гг.)*Д. Р. Тимербулатов***«DEATH BARGES» IN SIBERIA IN DAYS OF CIVIL WAR (1918-1919 гг.)***D. R. Timerbulatov*

В статье исследуется функционирование речных транспортных средств в качестве мест заключения как одна из форм карательной политики белых правительств в Западной Сибири.

The article is investigated the functioning of river vehicles as places of imprisonment, as one of forms of a retaliatory policy of the white governments in Western Siberia.

Ключевые слова: пенитенциарная система, Гражданская война в России, белый террор.

Keywords: penitentiary system, civil war in Russia, white terror.

Ожесточенность противоборствующих в Гражданской войне сторон порождало небывалые до тех пор формы насилия, которые наиболее ярко проявлялись в репрессивной политике как большевистского Совнаркома, так и белых правительств. Повальные аресты, массовое заложничество, карательные экспедиции и истребление жителей населенных пунктов уже давно стали неотъемлемым фоном при рассмотрении и изучении практически любого из аспектов этого трагического периода в истории России. Но даже при всех перечисленных бедствиях и страданиях людей особенно зловещее звучание приобретает словосочетание “баржи смерти”. Такое название уже после окончания Гражданской войны получили плавучие тюрьмы, под которые оборудовались речные транспортные средства, чаще всего грузовые баржи. Причины использования таких нестандартных мест заключения лежали в специфике самого внутрироссийского противостояния различных сил, которое характеризовалось сложной и непредсказуемой военно-политической обстановкой. Стремительные наступления мгновенно сменялись массовыми отступлениями, незначительная сумятица в войсках перерастала в массовую панику, волнения населения превращались в массовые восстания, которые охватывали огромные территории. Все это приводило к тому, что у одного из противников очень часто оказывались в руках масса захваченных в плен представителей другой противоборствующей стороны. При содержании всех этих задержанных вставал ряд проблем. Во-первых, размещение таких лиц в традиционных местах заключения очень часто становилось невозможным, так как те, особенно в прифронтовой полосе, оказывались переполненными. Во-вторых, при нестабильности военной обстановки всегда сохранялась угроза того, что противная сторона получит возможность отбить своих сторонников, захваченных в плен. В-третьих, в случае перемещения пленных подальше от линии боевых действий, возникала необходимость выделения значительных воинских частей для их конвоирования, что при нехватке людских ресурсов чаще всего представлялось затруднительным. Исходя из этого, требовались такие объекты под места заключения, куда можно было бы поместить наибольшее число арестованных, для охраны которых было бы доста-

точно небольшого количества надзирателей, и которые можно было бы легко эвакуировать подальше от линии фронта. Поскольку на первом этапе Гражданской войны театром военных действий стал Волжско-Камский бассейн, где с дореволюционных времен располагался значительный речной флот, то выход из положения был быстро найден.

Грузовые баржи, использовавшиеся как плавучие тюрьмы, находили применение в карательной практике и белых, и красных. Известно, что во время Ярославского мятежа в июле 1918 г. перхуровцами, после захвата власти в городе, было арестовано и отправлено на баржу около 200 сторонников Советской власти. «Для наиболее опасных, с точки зрения белых, устроили тюрьму на барже с дровами, которую вывели на середину Волги» [1, с. 73]. Примерно в это же время, когда перед большевиками встала необходимость покинуть Уфу, для обеспечения безопасной эвакуации было принято решение арестовать заложников из числа видных горожан и посадить на баржу. Буксиром служил пароход «Урал», на котором плыли советские работники и члены их семей. Когда баржа прибыла в Сарапул, председатель местной чрезвычайной комиссии выразил намерение убить всех заключенных. Только сообщение из Уфы об аресте оставшихся в городе членов семей большевиков и вмешательство в связи с этим Совнаркома остановило расправу [2]. Через месяц, когда вспыхнуло Ижевско-Воткинское восстание и фронт отодвинулся к Волге, в местных городах оказались переполненными все арестантские помещения, куда направлялись приверженцы Советской власти. В результате чего на Каме были установлены две баржи, которые стали местом размещения всех «лишних» заключенных. На одной из них в течение нескольких дней из 600 арестантов было убито 150 человек. Остальную часть заключенных могла ожидать схожая участь, если бы Волжской флотилии красных под командованием Ф. Ф. Раскольникова не удалось отбить и отбуксировать баржу из села Гольяны в Сарапул [3, с. 59]. Вторая же баржа при отступлении белых была сожжена вместе с находившимися на ней людьми. Широко известен эпизод из истории обороны Царицына, когда на Волге была затоплена баржа с содержащимися на ней военспецами и другими подозревавшимися в шпиона-

же в пользу антибольшевистских сил. «Различные способы мучений и истребления русских людей, но неизменной оставалась система террора... в Царицыне удушали в темном смрадном трюме баржи, где 800 человек по несколько месяцев жили, спали, ели и тут же... испражнялись...» [4, с. 77]. Таким образом, следует признать, что обе стороны гражданского противостояния не просто использовали баржи как тюремные заведения, но сознательно стремились к тому, чтобы наименьшее количество заключенных на них осталось в живых.

В целом же проблема «барж смерти» в Поволжье так или иначе изучалась исследователями, например при рассмотрении военных действий на Восточном фронте Гражданской войны. Но немногие знают, что баржи были местами размещения заключенных и в Сибири, в период власти белых правительств. В советское время эта тема в основном затрагивалась в воспоминаниях современников тех событий. Так, работавшая в Томске в санитарной части по борьбе с эпидемией тифа, известная революционерка Р. М. Азарх в своих мемуарах приводит выдержки документов, из которых следует, что пребывание на баржах носило нечеловеческий характер [5, с. 139 – 141]. В том же году, когда выходят мемуары Азарх, в журнале «Новый мир» публикуются воспоминания А. С. Бартова под названием «Побег из колчаковской тюрьмы», которые были особо отмечены А. Т. Твардовским [6, с. 77 – 86]. Ценность данных воспоминаний состоит в том, что Бартов был заключенным на одной из «барж смерти», откуда ему удалось совершить побег. Среди исследователей тему плавучих тюрем в ряде статей затрагивал известный тюменский краевед и журналист Б. И. Галазимов [7]. Таким образом, данная проблема не была в советский период подвергнута научному изучению. К тому же описания тех событий в то время носили крайне тенденциозный характер в силу того, что они касались военно-политической борьбы в период Гражданской войны. В постсоветское же время акцент исследований сместился в сторону изучения красного террора, поэтому проблема «барж смерти» так и не нашла объективного рассмотрения.

В Сибири, где находится много протяженных полноводных рек, как и в Поволжье, в дореволюционный период был построен значительный речной флот. Это обуславливалось как ростом населения в регионе, так и развитием сельского хозяйства. Так, по данным на 1900 год, в Обь-Иртышском бассейне насчитывалось 533 непаровых судов, общая грузоподъемность которых составляла 21,7 млн пудов. Среди этих непаровых судов более половины составляли баржи (321 баржа). Почти все они строились из дерева и эксплуатировались 8 – 15 навигаций. Грузоподъемность барж колебалась в широких пределах – от 10 до 145 тысяч пудов, в зависимости от назначения, района плавания и мощности паровых-буксиров. От этого также зависели и размеры судна. Его длина могла составлять от 17 до 45 саженей, ширина от 3 до 6, а высота могла достигать до 1,8 саженей. Грузоподъемность же обычной баржи

обычно составляла 55 тысяч пудов [8, с. 155 – 156]. На некоторых судах могла присутствовать палуба, что определялось видом перевозимых грузов. Хлеб и другие продукты перевозили на баржах, которые имели палубу, в то время как лесоматериалы, дрова, руду и металлы размещали на открытом транспорте.

Речной транспортный флот Сибири вплоть до революции сохранял свое значение, несмотря на быстрое развитие железнодорожного транспорта. Но бурные послереволюционные события нарушили размеренный порядок вещей. Так, командир парохода «Курган» В. Н. Удинцев вспоминал, что с открытием навигации в 1918 г. получил распоряжение службы эксплуатации следовать вверх по реке Томи до Крапивино, чтобы взять оттуда баржу с углем и спустить ее до города Томска. Забуксировав баржу, пароход стал спускать ее вниз по реке, но в городе Щегловске он был задержан, поскольку было объявлено, что проход до Томска невозможен из-за вооруженного выступления чехословаков и других антибольшевистских сил. Тут же местный Военно-революционный штаб отдал распоряжение о том, что судно переходит в его подчинение, а члены экипажа автоматически вступают в ряды Красной гвардии. Через пару дней верховым красногвардейцем был привезен пакет от командования, в котором было приказано приготовиться к погрузке воинских частей. Кроме «Кургана» для погрузки отступающих вооруженных отрядов с верховьев реки Томи были приведены буксирные пароходы «Дедушка», «Партизан» и «Бурлак». Погрузив воинские части, флотилия направилась вверх по реке до города Кузнецка. Однако через пару недель большевикам пришлось эвакуироваться и оттуда, из-за слухов о приближении чехословацких войск и активизации антибольшевистского подполья. В результате чего на пароходы были погружены отряды местной Красной Гвардии, ответственные советские работники и члены их семей. Причем на пароходе «Курган» находился Кузнецкий Совдеп во главе с А. Г. Петраковым. Им было принято решение отправляться по реке на север, чтобы, высадившись в безлюдном месте, пробраться через тайгу на восток, где вооруженные красногвардейцы еще оказывали сопротивление.

Но этим планам не суждено было сбыться, поскольку отрядом белых под командованием капитана Сурова удалось захватить все пароходы и значительную часть большевиков, которые успели лишь высадиться на берег [9]. Задержанные красногвардейцы были тут же посажены в трюмы тех же самых пароходов. В течение трех суток им не выдавали никакой пищи. После проведенных допросов арестованные были приговорены к смертной казни, но против этого выступил комиссар Временного Сибирского правительства по общественной безопасности Нилов, который направлялся в Кузнецкий уезд для выяснения обстановки [10]. В результате заключенные были разделены на две группы. Одна партия арестованных была сразу же направлена в Томскую тюрьму, а другая, куда входили члены

Совдепа, в Кузнецк на допрос. Согласно воспоминаниям С. Е. Полякова, который входил в первую группу заключенных, когда пароход добрался до деревни Щербак, с него было снято и расстреляно 6 человек, которые показались белым особенно опасными [11]. Вторая же группа арестованных большевиков, добравшись до Кузнецка и пробыв в местном тюремном замке 10 суток, была отправлена в Томск также на пароходе. Причем никаких расправ над арестантами из этой группы по дороге не производилось. Однако, как вспоминал Н. В. Метелкин, к ним часто в трюм в пьяном виде спускался офицер Альманович, который угрожал заключенным расстрелом. Но его каждый раз выводили оттуда по приказу Нилова, возвращавшегося с докладом в Томск. Все же по пути арестантам приходилось испытывать не только переживания за сохранность своих жизней. Погрузив заключенных в трюм парохода, где было очень жарко, надзиратели долгое время не выдавали им воды. «Наконец принесли очень горячего кипятка, но его налили в ведро, незадолго до этого вновь выкрашенное, поэтому он был пропитан олифой, горький, но заменить его водой не разрешали» [12]. В связи с этим неудивительно, что те красногвардейцы, которым пришлось находиться в заключении и на пароходах, и в тюрьмах, при сравнении условий содержания отдавали предпочтение последним [13]. Тем самым это наглядно демонстрирует то, что суда совершенно не были приспособлены под места заключения, где пребывание арестантов было особенно тяжелым. Но при этом следует отметить, что пароходы лишь волей случая стали местом пребывания задержанных большевиков, которым пришлось находиться на них лишь несколько дней.

Настоящие «баржи смерти», в отличие от тех же пароходов, изначально рассматривались властями не просто как средства перевозки арестантов, а как плавучие тюрьмы. При этом заключенным с этих барж приходилось пребывать на них по несколько месяцев, зачастую в совершенно невыносимых условиях. Необходимость в использовании грузовых судов возникла летом 1919 г. в связи с изменением обстановки на Восточном фронте. Именно в это время тюремными властями организуется эвакуация заключенных уральских тюрем в Сибирь и начинается подготовка к разгрузке тюрем Тобольской области. Этот процесс наглядно продемонстрирован в рассказе А.С. Бартова. Будучи арестованным в городе Кунгуре, Бартов вместе с другими заключенными, когда стало известно о приближении красных, сначала был переправлен в Екатеринбург, а затем в Тюмень. Но через 8 дней вновь было объявлено об эвакуации. 25 июля 1919 г. в 12 часов дня с территории Тюменской тюрьмы начался вывод заключенных для проведения переключки и тщательного обыска. Все это продолжалось в течение всего дня при сильной жаре, из-за чего к вечеру многие из арестантов были весьма утомлены. Когда все закончилось, более тысячи человек были выстроены и под сильным пешим и конным конвоем направлены

в сторону пристани на реке Туре. Так, согласно данным правительственных документов, из тюрьмы было принято 622 человека, среди которых 160 арестантов являлись уголовниками, а 462 человека «красными». К этой группе было добавлено из лагеря военнопленных 380 «мадьяр» и 80 красноармейцев [14]. Для того чтобы исключить любые попытки освобождения такого большого числа конвоируемых, улицы Тюмени, через которые производился переход заключенных, были заранее очищены властями от всех посторонних [6]. Подходя к пристани, заключенные увидели на берегу баржу «Волхов», в трюм которой они вскоре были посажены. Простояв на берегу до утра, баржа была взята на буксир пароходом «Батрак», который взял курс вниз по реке Туре в сторону Тобольска [7]. К этому времени на пристани скопилось большое количество людей, которые «долго бежали по берегу, махали, кричали, плакали и ревели» [6]. Все эти люди были родными и близкими заключенных, так как до 500 человек среди них были местными.

Весь трюм, где оказались арестанты, был оборудован трехэтажными нарами; оставлено было только два продольных и три поперечных прохода. Это помещение охватывало крошечный мрак, и только у входного люка было относительно светло [15]. Заключенным было запрещено выходить на палубу, в отличие от военнопленных австрийцев, которые, по воспоминаниям Бартова, получали больше пищи по сравнению с остальными арестантами. Через некоторое время в трюме установилась невыносимая жара, так что находившимся в нем пришлось снять даже рубахи. «Дышать было нечем, а в отверстие пробивался вверх пар, как от парового котла» [6]. Поскольку среди заключенных стал распространяться слух, что якобы Колчаком издан приказ о ликвидации всех содержащихся на барже, начинаются лихорадочные обсуждения возможного побега. Руководителем восстания был избран А. Т. Зубов, возглавлявший при первой Советской власти тюменский земельный отдел и хорошо знавший все окрестности. Поначалу планировалось поднять восстание по прибытии в Тобольск, в надежде на помощь со стороны местных заключенных. Однако шкиперу судна потребовалась помощь нескольких арестантов для управления баржей, и теми было принято решение воспользоваться случаем. В помощь шкиперу вызвались Зубов, Познанский и четверо других руководителей намеченного восстания. Был составлен план, согласно которому, когда у туалета на палубе выстроится очередь из достаточного числа заключенных, после сигнала-крика «ура» последует нападение на конвоиров, а арестанты, находящиеся в трюме поднимутся на палубу.

Несмотря на то, что все было детально разработано, начало выступления было для некоторых неожиданным. Как вспоминал Бартов, когда он находился на палубе, то попросил разрешения выстирать белье. «Выстирал сначала рубашку, день был солнечный, я сразу надел ее на себя, снял кальсоны и

только их смочил, как послышался крик «ура» [6]. По этому сигналу на палубу из двух люков (на корме и на полу баржи) должны были кинуться заключенные. На корме они своевременно поднялись наверх и успели обезоружить 6 человек, а у другого люка произошло некоторое замешательство, из-за чего солдаты успели загрузить люк так, что сорвать его не было возможности [16]. В это время на палубе после короткой, но яростной схватки, в результате которой было убито несколько конвоиров, заключенные, оказавшиеся неспособными справиться с вооруженной охраной, в панике стали прыгать за борт. На пароходе «Батрак» был перерублен канат, связывающий его с баржей, из-за чего та замедлила ход. Воспользовавшись этим, конвоиры открыли прицельный огонь по прыгающим в воду заключенным, в результате чего доплыть до берега удалось лишь считанным единицам, в том числе и Бартову. Загнав оставшихся на палубе арестантов обратно в трюм, конвоиры захлопнули люки и стали сбрасывать тела убитых за борт. По мнению участника событий И. Г. Букова, эта попытка к бегству стоила жизни 160 человекам, в том числе и руководителю восстания Зубову [16]. Однако, обратившись к докладу инспектора Главного управления мест заключения (ГУМЗ) А. Э. Гофланда, от 9 сентября 1919 г. становится видно, что там приводится значительно меньшее количество убитых (72 человека) [14]. Принимая это во внимание и учитывая данные Галаямова, согласно которым вечером того же дня на судне было расстреляно полсотни заключенных [7], за время восстания, очевидно, было убито чуть более 20 человек.

Оставшимся в живых арестантам пришлось пережить немало лишений и трудностей. В качестве наказания за попытку восстания, заключенных не кормили в течение трех дней, им было запрещено опраться на палубе, поэтому отхожее место было оборудовано прямо в трюме. Из-за этого среди узников баржи начинают появляться первые больные. 30 июля 1919 г. судно прибыло в Тобольск, и на него тут же была посажена партия заключенных из губернской тюрьмы в количестве 100 человек. Военный конвой под командованием прапорщика Железнова был значительно усилен [14]. Из Тобольска баржа, буксируемая пароходом, направилась вниз по реке Иртышу. К этому времени надзор над заключенными был несколько смягчен, и их стали понемногу кормить. Как вспоминает Буков: «Питание» состояло из восьмушки так называемого хлеба – это был фактически мох всех цветов радуги. Хлеб был испечен в Самарове, сложен на палубе без укрытия, мок под дождем, подогревался солнцем, заплесневел и превратился в гнилое месиво» [16]. В результате плохого питания и антисанитарных условий в трюме смертность среди заключенных стала неуклонно возрастать. По воспоминаниям того же Букова, на барже ежедневно стало умирать по 5, 10, 20 и даже по 80 человек. После выхода баржи на реку Обь к умершим от болезней стали прибавляться те, кто становился жертвой бессудных расправ. Ежедневно

на палубе расстреливалось 5 – 15 человек, трупы которых тут же выбрасывались за борт. Таким образом, когда в сентябре 1919 г. баржа прибыла в Томск, на ее борту насчитывалось 388 человек [16].

При обращении к другим документам становится очевидным, что в данных воспоминаниях приводится завышенное количество умерших заключенных. Так, по данным доклада инспектора Гофланда, за все время следования баржи в пути 141 человек умер от тифа и других заболеваний. Во время стоянки у города Томска умерло еще 63 человека. Среди 380 военнопленных число умерших по дороге было и того меньше (24 человека). Таким образом, перед высадкой с баржи в живых осталось около 900 заключенных [14]. К тому же, если обратиться к другим воспоминаниям, становится ясно, что заключенных не сбрасывали за борт по ходу следования судна. В августе 1919 года, когда пароход с баржей остановился у села Молчаново, с нее на берег было спущено несколько десятков трупов. Жители этого села были специально согнаны на берег, чтобы вырыть могилу для умерших заключенных. Причем, по воспоминаниям Г. И. Миронова, охранники указывали крестьянам, что те хоронят каких-то китайцев [17]. Видимо, это делалось для того, чтобы не озлоблять местное население, лояльность которого к власти к этому периоду уже была на низком уровне.

После прибытия баржи в Томск перед властями встала задача распределения такого значительного числа заключенных. Группа арестантов в количестве 161 человека, из которых 11 являлись уголовными, а 150 политическими, была размещена по Томской губернской тюрьме. Военнопленные австрийцы и венгры были сданы в Томский концентрационный лагерь, из которого их предполагалось отправить на работы в Кузнецкие каменноугольные копи. Согласно телеграмме начальника ГУМЗ от 23 августа 1919 г. на имя управляющего Томской губернией остальных политических заключенных предполагалось отправить по железной дороге до Никольск-Уссурийского и Охотска [14]. В это время власти города Томска ожидали прибытия второй партии арестантов из Тобольска и Тюмени. Эта партия в количестве 1646 человек, из которых было 221 уголовных и 1427 политических, 10 августа 1919 г. была посажена на баржу «Белая», которую сопровождал военный конвой под командованием поручика Злыгостева. К этой барже также был присоединен отдельный транспорт из Тюмени с 3085 военнопленными на борту. Прибыв 8 сентября в Томск, партия недосчиталась 180 человек, которые умерли в пути от разных заболеваний. Те, кто остался в живых, были разделены на 3 неравные части. Партия количеством 249 заключенных была принята в губернскую тюрьму, при этом среди них оказалось 63 человека больных тифом. В 1-е исправительно-арестантское отделение была отправлена отдельная группа, состоящая из 37 женщин, которых предполагалось посадить в отдельный барак. Оставшиеся на баржах заключенные (1182 человека) должны

были ожидать отбытия в Никольск-Уссурийский [14]. Для более удобной выгрузки, баржи были подведены к берегу недалеко от тюрьмы. Инспектируя одно из прибывших судов, Гофланд вынес самые тяжелые впечатления. «Масса было больных и умерших, последние сложены кучами. Вся баржа была в крайне антисанитарном состоянии, и немедленно были приняты все меры к улучшению положения и оказана медицинская помощь» [14].

В Томске, еще до прибытия барж с заключенными, существовали весьма серьезные трудности с увеличением эпидемических заболеваний. А поскольку прибывшие суда являлись новым источником распространения болезней, перед властями города встала неотложная задача решения возникшей проблемы. С этой целью 10 сентября 1919 г. под председательством управляющего губернией Б. М. Михайловского было собрано совещание по вопросу изоляции эпидемиологических больных на баржах. В самом его начале гарнизонным врачом Кононовым делается доклад о состоянии дел на судах, которые незадолго до этого были тщательным образом им осмотрены. Согласно собранным данным, на барже «Белая», несмотря на разгрузку части заключенных, продолжало оставаться 300 человек больных. На барже № 4, где пребывало около 350 военнопленных австрийцев, многие находились в крайне ослабленном состоянии. Судно под названием «Вера» являлось местом заключения 1263 красноармейцев, которые страдали от тифа и дизентерии. Именно на этой барже была особенно высокая смертность [18]. Следует отметить, что, описывая “зверства белогвардейцев” над томящимися в трюмах заключенными, Б. И. Галязимов и Р. М. Азарх ссылаются на данный доклад врача Коконова. Доказывая, что власти целенаправленно стремились к тому, чтобы все арестанты на баржах скончались от болезней, они не указывают ни на повод, по которому был сделан этот доклад, ни на дальнейшие меры руководства города по борьбе с эпидемиями.

После обсуждения озвученных Кононовым сведений, совещанием составляется постановление, согласно которому было решено немедленно организовать плавучий госпиталь, приспособив для этого баржу «Белая», баржи за № 5, № 8 и № 628, а также две баржи Богословского и Надеждинских горных округов. К этим судам было решено добавить 2 брандвахты для размещения медицинского персонала. Перед этим предполагалось в самый кратчайший срок вывести с судов всех здоровых заключенных и отправить их по железной дороге к месту назначения, предварительно пропустив их через бани и «Гелиосы» (дезинфекционные камеры). Для осуществления указанных мероприятий создавалась особая комиссия, во главе с окружным военно-санитарным инспектором. В эту комиссию также были включены тюремный инспектор, представитель начальника гарнизона, эвакуационного пункта и Бюро беженцев. Поскольку баржи числились за военными властями, на них и были возложены все расходы с пополнением со стороны тюремного ве-

домства той части из них, которая касалась обычных арестантов [18].

Для представления о том, в каком положении находились заключенные барж и что конкретно предпринималось властями для спасения больных арестантов, следует обратиться к воспоминаниям врача И. М. Напольского «Три недели на баржах смерти». Прибыв осенью 1919 г. на плавучий госпиталь в должности старшего ординатора и познакомившись с главным врачом Толстовым, Напольским тут же был предпринят осмотр заключенных одной из барж. В трюме судна оказалось не теплее, чем на палубе, и очень темно, так что, отойдя немного от входного люка, человека тут же охватывал мрак. Когда в трюме открывались все входные люки, внутри становилось относительно свежо, но ночью, особенно с наступлением холодов, все закрывалось, и тогда начинался «кромешный ад» [15]. Осмотревшись, Напольский приступил к обследованию заключенных. «Все этажи нар в поле зрения заполнены лежащими на них человеческими телами, есть люди даже под нарами. Все они сбились в отдельные кучки по 3 – 4 человека и накрылись своей одеждой. Отдельно лежат только не нуждающиеся в чужом тепле – одетые в полушубки, и те, кого называют «неопрятными» или «ходящими под себя» [15]. Осматривать в полутьме больных, которых нельзя было даже раздеть, так как те дрожали от холода, было непростой задачей. Несмотря на то, что многие заключенные страдали от сыпного и возвратного тифа, дизентерии, крупозной пневмонии, ангины и бронхита, большинство из них все же были крайне истощены от недостатка пищи и холода. На некоторых нарах располагались предметы первой необходимости – жестяные чайники, глиняные кружки и черепки, многие из которых были заполнены сырой «заборной водой», употребление которой способствовало распространению кишечных заболеваний. В средней части трюма везде располагались заключенные, но в носовой части оказалось много свободных мест, а в кормовой было совершенно пусто. Это было связано с высокой смертностью, которую необходимо было в ближайшие сроки снизить. После осмотра больных, в ординаторской Напольским было выяснено, что за прошедшие сутки на плавучем госпитале умерло 63 человека [15]. Трупы обычно уносили на корму судна, которая служила своеобразной покойницей. Затем к барже подводили большую лодку и сбрасывали в нее умерших заключенных. Из-за небрежности похоронной команды, которая не находилась в ведении госпиталя, многие трупы падали в реку. По воспоминаниям В. И. Богданова, когда он поехал на охоту в деревню Поподейкино, то увидел на песчаных отмелях реки трупы. «Из разговоров с крестьянами я узнал, что уштинские татары не стали брать воду на Томи, из притока возили ее, а Поподейкинцы перестали рыбачить неводами, так как часто в невод попадали трупы» [19].

Для того чтобы приступить к выполнению возложенных на него обязанностей, Напольским со-

ставляется план работы. В первую очередь, на свободных нарах следовало помыть заключенных, предварительно частично прикрыв люк для сохранения тепла. Затем следовало обеспечить всех горячей пищей и свежим бельем. И только после этого приступить к осмотру и отсортровке больных. Для реализации составленного плана работы по просьбе врачебного персонала на берегу у госпиталя были установлены десятиведерные кипятильники, привезен «Гелиос», а на палубе была устроена кухня. На следующий день на суда прибыли партии одеял, свежего белья и теплой одежды.

Обеспечение больных заключенных всем необходимым происходило в тот момент, когда прибывавшие с запада группы беженцев становились новыми источниками распространения болезней в городе. Эпидемия быстро перекинулась даже на гарнизонные части. Особенно неблагополучным оказался 12-й кадровый полк, который располагал лишь одним испорченным «Гелиосом», работавшим 2 дня в неделю [15]. Все это свидетельствует о том, что хотя власти города и отказывались выделить для больных заключенных с барж отдельное помещение, о чем просил врачебный персонал плавучего госпиталя, арестанты все же не были брошены на произвол судьбы.

Для оказания помощи медицинским работникам из здоровых узников «барж смерти» была сформирована бригада добровольцев. Благодаря слаженной работе этих заключенных, судна быстро были очищены от мусора и насекомых. Также с их помощью больным раздавался свежий хлеб, горячая пища и лекарственные порошки. После помывки некоторые арестанты получали рубашки или кальсоны, а те, кто не имел теплой одежды, и одеяла. В результате всех принятых мер смертность на баржах стала постепенно снижаться. Поскольку надзирателями не проводилось ни переключек, ни проверок из-за отсутствия списков тех, кто содержался на судах, то заключенные, восстановив свои силы, начинали сбегать с плавучего госпиталя [15]. Тех, кто не успевал этого сделать, под конвоем отправляли в лагерь. Врачебный персонал за это время настолько успел привязаться к своим подопечным, что, когда баржи, без их ведома, были отведены на середину реки, то те подняли сильный переполох. Тут же возник слух, что суда по реке Оби будут эвакуированы в Барнаул. Добравшись до барж, врачебный персонал выяснил, что военными властями предприняты маневры для установки судов в порядок, которые продолжались около суток [15]. По прошествии нескольких недель, как только все «узники барж» были распределены по другим местам заключения, плавучий госпиталь был расформирован.

Таким образом, следует отметить, что карательная политика белых правительств никогда не своди-

лась только к физическому уничтожению политических противников. Власть предпринимала все возможные меры, чтобы добиться их полной изоляции от внешнего мира, что и выражалось в использовании таких мест заключения, как речные транспортные средства. Но, если в обычных тюрьмах заключенные еще могли побороться за свои права, то на «баржах смерти» об этом не могло идти речи. Поэтому желание антибольшевистских правительств одержать победу над своими политическими врагами вряд ли может оправдать как использование плавучих тюрем, так и белый террор в целом.

Литература

1. Шестнадцать дней: материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6 – 21 июля 1918 года) / под ред. [и с предисл.] Н. Г. Пальгунова, О. И. Розановой. – Ярославль: Ярославский губком РКП, 1924. – 256 с.
2. Демин, Д. Н. Баржа смерти / Д. Н. Демин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sarapul.ru/wiki/?op=view_thread;board=history_city;hread=117.
3. Широкоград, А. Б. Великая речная война. 1918 – 1920 годы / А. Б. Широкоград. – М.: Вече, 2006. – 416 с.
4. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 5. Вооруженные силы Юга России / А. И. Деникин. – Минск: Харвест, 2002. – 432 с.
5. Азарх, Р. М. У великих истоков / Р. М. Азарх. – М.: Воениздат, 1967. – 160 с.
6. Бартов, А. С. Побег из колчаковской тюрьмы / А. С. Бартов // Новый мир. – 1967. – № 10. – С. 77 – 86.
7. Галязимов, Б. И. Бунт узников "баржи смерти" / Б. И. Галязимов // Проталина. – 2009. – № 2 – 3. – URL: http://protalina.com/num_2_3_09/galjajimov_2_3_09.htm.
8. Большаков, В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век / В. Н. Большаков. – Новосибирск: Наука, 1991. – 216 с.
9. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области), Ф. П.-483, ОП.1, Д.140, Лл. 2 – 6.
10. ГАКО, Ф. П.-483, ОП.1, Д.99, Л. 2.
11. ГАКО, Ф. П.-483, ОП.1, Д.65, Лл. 10 – 11.
12. ГАКО, Ф. П.-483, ОП.1, Д.7, Л. 22.
13. ГАКО, Ф. П.-483, ОП.1, Д.6, Л.9.
14. ЦДНИТО (Центр документации новейшей истории Томской области), Ф.4204, ОП.4, Д.72, Лл. 3 – 6.
15. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области), Ф. П.-5, ОП.2, Д.846, Лл. 78 – 92.
16. ЦДНИТО, Ф.4204, ОП.4, Д.421, Лл. 6 – 7.
17. ЦДНИТО, Ф.4204, ОП.4, Д.140, Лл. 1 – 2.
18. ЦДНИТО, Ф.4204, ОП.2, Д.4, Лл. 139 – 142.
19. ЦДНИТО, Ф.4204, ОП.1, Д.46, Лл. 27 – 28.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.148

МОЗАИКИ ИЗ ВЫПУКЛЫХ ПЯТИУГОЛЬНИКОВ

О. Г. Багина

TILING THE PLANE WITH CONVEX PENTAGONS

O. G. Bagina

Обсуждается задача классификации пятиугольников, покрывающих плоскость ребро к ребру. Доказывается, что в любом таком покрытии плоскости имеется пятиугольник, набор степеней вершин которого может быть одним из следующих: $(3,3,3,3,3)$, $(3,3,3,3,4)$, $(3,3,3,3,5)$, $(3,3,3,3,6)$, $(3,3,3,4,4)$. Это дает возможность организовать перебор, который в конечном счете приводит к исчерпывающей классификации таких пятиугольников.

We consider the problem of classifying the convex pentagons that tile the plane edge-to-edge. It is proved that in each such tiling of the plane by pentagons, there exists a tile whose set of vertex degrees can be one of the following: $(3,3,3,3,3)$, $(3,3,3,3,4)$, $(3,3,3,3,5)$, $(3,3,3,3,6)$, $(3,3,3,4,4)$. This provides the possibility of searching which finally leads to exhaustive classification of such pentagons.

Ключевые слова: выпуклый пятиугольник, мозаика, плоскость.

Keywords: convex pentagon, tiling the plane, plane.

1. Введение

Многоугольник P покрывает плоскость, если существует покрытие плоскости многоугольниками, конгруэнтными данному, такое, что никакие два многоугольника не имеют общих внутренних точек. Такую плоскость называют мозаикой, а сам многоугольник P – плиткой этой мозаики.

Известно, что выпуклым многоугольником, имеющим более 6 сторон, выложить плоскость невозможно. Легко видеть, что любым треугольником и четырехугольником можно выложить плоскость. Мозаики из шестиугольников были исследованы в 1918 г. Рейнхардом – **Ошибка! источник ссылки не найден.**

Он перечислил все выпуклые шестиугольники, которыми можно выложить плоскость. Их оказалось 3 типа.

Проблема построения исчерпывающей классификации выпуклых пятиугольников, которыми можно выложить плоскость, остается до сих пор нерешенной. Было найдено 14 типов таких пятиугольников. Но нет доказательства полноты имеющегося перечня.

Некоторые мозаики из выпуклых пятиугольников были известны еще в древности. В 1918 г. Рейнхард в своей докторской диссертации **Ошибка! источник ссылки не найден** перечислил пять типов таких пятиугольников. В 1968 г. Кершнер нашел еще три типа пятиугольников, покрывающих плоскость [1]. Десятый тип таких пятиугольников был найден Джеймсом в 1975 г. Типы 9, 11 – 13 из приведенного ниже списка найдены Райс в 1976 – 1977 гг. Последний 14 тип в 1985 г. открыл Штейн.

Мозаика называется мозаикой ребро к ребру, если для любых двух плиток мозаики выполняется одно из следующих условий: 1) плитки не имеют общих точек; 2) плитки имеют ровно одну общую вершину; 3) плитки имеют ровно одно общее ребро.

На сегодня известно 14 различных типов выпуклых пятиугольников, покрывающих плоскость, 13 типов таких пятиугольников перечислила Шаттштейндер в **Ошибка! источник ссылки не найден.**

Обозначим последовательные вершины пятиугольника X_0, X_1, X_2, X_3, X_4 , его углы – соответственно x_0, x_1, x_2, x_3, x_4 . Длины сторон пятиугольника $C_i = |X_{i-1}X_i|$, $i = 0, 1, 2, 3, 4$. Известны следующие типы пятиугольников, покрывающих плоскость:

1. $x_0 + x_1 = 180^\circ$;
2. $x_0 + x_2 = 180^\circ$, $C_1 = C_3$;
3. $x_0 = x_2 = x_3 = 120^\circ$, $C_0 = C_1$, $C_3 = C_2 + C_4$;
4. $x_0 = x_2 = 90^\circ$, $C_0 = C_1$, $C_2 = C_3$;
5. $x_2 = 2x_0 = 120^\circ$, $C_0 = C_1$, $C_2 = C_3$;
6. $x_1 + x_3 = 180^\circ$, $x_0 = 2x_3$, $C_0 = C_1 = C_2$, $C_3 = C_4$;
7. $x_0 + 2x_3 = 360^\circ$, $x_2 + 2x_1 = 360^\circ$, $C_0 = C_1 = C_2 = C_3$;
8. $x_1 + 2x_0 = 360^\circ$, $x_2 + 2x_3 = 360^\circ$, $C_0 = C_1 = C_2 = C_3$;
9. $x_1 + 2x_4 = 360^\circ$, $x_2 + 2x_3 = 360^\circ$, $C_0 = C_1 = C_2 = C_3$;
10. $x_4 = 90^\circ$, $x_0 + x_3 = 180^\circ$, $2x_1 - x_3 = 180^\circ$, $2x_2 + x_3 = 360^\circ$, $C_0 = C_4 = C_1 + C_3$;
11. $x_0 = 90^\circ$, $x_2 + x_4 = 180^\circ$, $2x_1 + x_2 = 360^\circ$, $C_3 = C_4 = 2C_0 + C_2$;
12. $x_0 = 90^\circ$, $x_2 + x_4 = 180^\circ$, $2x_1 + x_2 = 360^\circ$, $2C_0 = C_3 = C_2 + C_4$;
13. $x_0 = x_2 = 90^\circ$, $2x_1 = 2x_4 = 360^\circ - x_3$, $C_2 = C_3$, $2C_2 = C_4$;
14. $x_3 = 90^\circ$, $x_0 + x_2 = 180^\circ$, $x_0 + 2x_4 = 360^\circ$, $C_0 = 2C_2 = 2C_4$.

В работе рассматривается задача перечисления всех выпуклых пятиугольников, которые покрывают плоскость ребро к ребру. Однако некоторые из таких пятиугольников могут также покрывать плоскость и не ребро к ребру.

Полученные результаты можно сформулировать в виде следующей теоремы.

Теорема. *Пятиугольник, покрывающий плоскость ребро к ребру, относится к одному из следующих типов:*

- 1) $x_0 + x_1 = 180^\circ$, $C_0 = C_2$ или $C_3 = C_4$;
- 2) $x_0 + x_2 = 180^\circ$, $C_1 = C_3$, $C_0 = C_2$;
- 3) $x_0 = x_2 = 90^\circ$, $C_0 = C_1$, $C_2 = C_3$;
- 4) $x_2 = 2x_0 = 120^\circ$, $C_0 = C_1$, $C_2 = C_3$;
- 5) $x_1 + x_3 = 180^\circ$, $x_0 = 2x_3$, $C_0 = C_1 = C_2$, $C_3 = C_4$;
- 6) $x_0 + 2x_3 = 360^\circ$, $x_2 + 2x_1 = 360^\circ$, $C_0 = C_1 = C_2 = C_3$;
- 7) $x_1 + 2x_0 = 360^\circ$, $x_2 + 2x_3 = 360^\circ$, $C_0 = C_1 = C_2 = C_3$;
- 8) $x_1 + 2x_4 = 360^\circ$, $x_2 + 2x_3 = 360^\circ$, $C_0 = C_1 = C_2 = C_3$;

2. Предложение о центральной плитке

Пусть P – произвольная ребро к ребру мозаика из пятиугольников. P – ее плитка.

Степенью вершины P называется число сходящихся в ней пятиугольников. Степень любой вершины не может быть меньше трех.

Пусть $(\alpha_0, \dots, \alpha_4)$ – строка, в которой $\alpha_0 \leq \dots \leq \alpha_4$, и каждое из чисел является степенью одной из вершин P . Такие строки будем называть набором степеней. Доказательство теоремы основывается на следующем предложении.

Предложение 1. В любой ребро к ребру пятиугольной мозаике найдется хотя бы один пятиугольник, для которого набор степеней вершин может быть одним из следующих: $(3,3,3,3,3)$, $(3,3,3,3,4)$, $(3,3,3,3,5)$, $(3,3,3,3,6)$, $(3,3,3,4,4)$.

Такой пятиугольник мозаики будем называть центральным.

Лемма. Пусть P – произвольная мозаика. Тогда в ней существует бесконечная последовательность множеств U_i – объединение конечного числа многоугольников из P , $i = 1, 2, \dots$ таких, что:

- (1) $\Gamma_i \rightarrow \infty$,
- (2) $\gamma_i/\Gamma_i \rightarrow 0$,
- (3) $\chi_i = 1$ при $i = 1, 2, \dots$,

где Γ_i – число внутренних многоугольников в U_i , γ_i – число граничных многоугольников для U_i , χ_i – эйлерова характеристика U_i .

Доказательство этой леммы приведено в **Ошибка! источник ссылки не найден, Ошибка! источник ссылки не найден.**

Доказательство предложения. Предположим, что в выбранной пятиугольной мозаике каждая плитка имеет набор степеней вершин, отличный от перечисленных в теореме.

Пусть U_i – указанные в лемме множества. Γ_i – число внутренних плиток, γ_i – число граничных плиток. Подсчитаем эйлерову характеристику – χ_i по «вкладам» отдельных плиток: если какая-нибудь вершина принадлежит α плиткам из U_i , то вклад в χ_i каждой из этих плиток для этой вершины равен $1/\alpha$. Каждая внутренняя плитка для U_i имеет одного соседа для каждой стороны, значит плитка «вносит» $1/2$ часть каждой стороны. Для k -й плитки в j -ой вершине сходится α_k^j плиток из U_i . Вклад каждой внутренней плитки в χ_i равен:

$$1 - \frac{5}{2} + \frac{1}{\alpha_k^0} + \dots + \frac{1}{\alpha_k^4} = -\frac{3}{2} + \frac{1}{\alpha_k^0} + \dots + \frac{1}{\alpha_k^4},$$

где набор $(\alpha_k^0, \dots, \alpha_k^4)$ может быть разным для разных плиток покрытия. Обозначим:

$$\Delta(\alpha_0, \dots, \alpha_4) = -\frac{3}{2} + \frac{1}{\alpha_0} + \dots + \frac{1}{\alpha_4}.$$

Тогда вклад всех внутренних плиток равен

$$\sum \Delta(\alpha_k^0, \dots, \alpha_k^4),$$

где сумма берется по всем внутренним плиткам. Вклад всех граничных плиток равен $\gamma_i(1+5\theta_i)$, $|\theta_i| < 1$, где $5\theta_i$ – это разность между вкладами вершин и ребер всех граничных плиток.

Так как $\chi_i = 1$, то

$$\sum \Delta(\alpha_k^0, \dots, \alpha_k^4) + \gamma_i(1+5\theta_i) = 1.$$

Поделим обе части на Γ_i :

$$\frac{1}{\Gamma_i} \sum \Delta(\alpha_k^0, \dots, \alpha_k^4) = \frac{1}{\Gamma_i} - \frac{\gamma_i}{\Gamma_i} (1+5\theta_i). \quad (1)$$

Для перечисленных в предложении наборов степеней имеем:

$$\Delta(3,3,3,3,3) >$$

$$\Delta(3,3,3,3,4) > \Delta(3,3,3,3,5) > \Delta(3,3,3,3,6) > \Delta(3,3,3,4,4) \geq 0.$$

Заметим, для любого другого набора степеней вершин $(\alpha_0, \dots, \alpha_4)$ справедливо неравенство

$$\Delta(\alpha_0, \dots, \alpha_4) \leq -1/42.$$

Действительно, если $\alpha_0 = \alpha_1 = \alpha_2 = \alpha_3 = 3$, $\alpha_4 \geq 7$, то

$$\Delta(\alpha_0, \dots, \alpha_4) = -\frac{3}{2} + \frac{4}{3} + \frac{1}{\alpha_4} = -\frac{1}{6} +$$

$$+ \frac{1}{\alpha_4} \leq -\frac{1}{6} + \frac{1}{7} = -\frac{1}{42}.$$

Если $\alpha_0 = \alpha_1 = \alpha_2 = 3$, $\alpha_3 \geq 4$, $\alpha_4 \geq 5$, то

$$\Delta(\alpha_0, \dots, \alpha_4) \leq -\frac{3}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{5} = -\frac{1}{20} < -\frac{1}{42}.$$

Если $\alpha_0 = \alpha_1 = 3$, $\alpha_2 \geq 4$, $\alpha_3 \geq 4$, $\alpha_4 \geq 4$, то

$$\Delta(\alpha_0, \dots, \alpha_4) \leq -\frac{3}{2} + \frac{2}{3} + \frac{3}{4} = -\frac{1}{12} < -\frac{1}{42}.$$

Поскольку, по предположению, в мозаике нет плиток с указанными в предложении наборами степеней вершин, то для левой части равенства (1) имеем:

$$\frac{1}{\Gamma_i} \sum \Delta(\alpha_k^0, \dots, \alpha_k^4) \leq \frac{1}{\Gamma_i} \sum \left(-\frac{1}{42} \right) = -\frac{1}{42}.$$

Следовательно,

$$\frac{1}{\Gamma_i} - \frac{\gamma_i}{\Gamma_i} (1+5\theta_i) \leq -\frac{1}{42}.$$

Так как в силу леммы $\Gamma_i \rightarrow \infty$, $\gamma_i/\Gamma_i \rightarrow 0$, то $0 \leq -1/42$, противоречие. Предложение доказано.

3. Определения и обозначения

Пусть P – центральный пятиугольник мозаики P .

В дальнейшем будем обозначать вершины и стороны пятиугольника цифрами от 0 до 4.

Пусть v_i – степень i -й вершины пятиугольника P , $v(P) = v_0 v_1 v_2 v_3 v_4$ – последовательность степеней вершин P . Например, запись $v(P) = 33344$ означает, что $v_0 = v_1 = v_2 = 3$, $v_3 = v_4 = 4$. Как доказано выше,

$v(P)$ может принимать с точностью до порядка цифр одно из пяти значений: 33333, 33334, 33335, 33336, 33344. С учетом всех возможных перестановок мы имеем для $v(P)$ 26 значений.

Будем считать, что стороны i, j в P одинакового типа, если их длины равны. Типы сторон будем нумеровать цифрами от 1 до 5. Пусть $\delta(i)$ – это тип i -й стороны пятиугольника P . Обозначим $\delta(P) = \delta(0)\delta(1)\delta(2)\delta(3)\delta(4)$ – тип пятиугольника P . Тогда, например, запись $\delta(P) = 11212$ означает, что $C_0 = C_1 = C_3$, $C_2 = C_4$.

Учитывая, что нумерацию можно начинать с любой вершины и менять направление, имеется ровно 12 различных типов $\delta(P)$: 12345, 11234, 11232, 12134, 12123, 11213, 11212, 11223, 11123, 11122, 11112, 11111.

Обозначим T_i – множество пятиугольников, углы и стороны которых удовлетворяют соотношениям, перечисленным в i -м пункте теоремы из введения, $i = 1, \dots, 8$.

Два пятиугольника мозаики, имеющие общую вершину или ребро, назовем смежными пятиугольниками. Фигура, состоящая из P и всех пятиугольников, смежных с P , называется короной для пятиугольника P **Ошибка! источник ссылки не найден**.

Очевидно, что для существования мозаики из пятиугольников, необходимо существование короны для каждого пятиугольника мозаики. Поиск корон для P осуществляется последовательно для каждого типа $\delta(P)$.

Предложение 2. Если тип пятиугольника $\delta(P)$ один из следующих: 12345, 11234, 11232, 12134, 12123, 11213, 11212, 11223, 11123, то он принадлежит одному из множеств T_i , $i = 1, 2, 3, 4$, либо не имеет ни одной короны, либо имеет один из четырех наборов углов:

$$x_0 = 180^\circ - x_4, x_1 = 90^\circ + x_4/2, x_2 = 180^\circ - x_4, x_3 = 90^\circ + x_4/2;$$

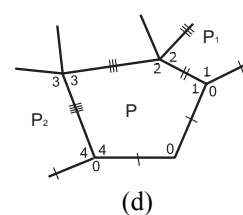
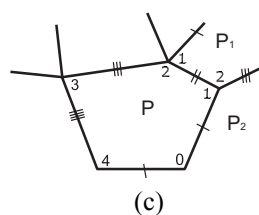
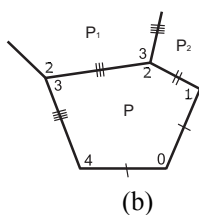
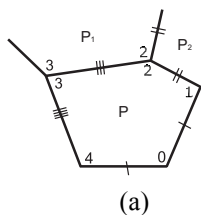

Рис. 2. К лемме 2

Пусть $v_2 = 3$. Пусть плитка P_1 приложена к стороне 3 плитки P . Если плитки P и P_1 ориентированы противоположно, то плитка P_2 имеет две смежные стороны типа 2 (рис. 2а). Пусть плитки P и P_1 ориентированы одинаково. Тогда плитка P_2 имеет две смежные стороны типов 2 и 4 (рис. 2б). В обоих случаях получаем противоречие. Аналогично рассуждаем в случае $v_3 = 3$.

Пусть $v_2 = v_3 = 4$. Тогда $v_1 = v_4 = 3$. Пусть плитка P_1 приложена к стороне 2 плитки P . Если плитки P и P_1 имеют одинаковые ориентации, то плитка P_2 имеет две смежные стороны типов 1 и 3 (рис. 2с), что не так. Пусть плитки P и P_1 имеют

$$x_0 = 90^\circ, x_1 = 135^\circ, x_2 = x_4 = 112,5^\circ, x_3 = 90^\circ; \\ x_0 = x_2 = 120^\circ, x_1 = 150^\circ, x_3 = 45^\circ, x_4 = 105^\circ; \\ x_0 = x_2 = 120^\circ, x_1 = 160^\circ, x_3 = 40^\circ, x_4 = 100^\circ.$$

Во всех четырех случаях корона не может быть продолжена до покрытия плоскости.

Доказательство этого утверждения – содержание пунктов 4 и 5. Отметим, что тип 11111 рассмотрен в **Ошибка! источник ссылки не найден**. По оставшимся типам 11122, 11112 публикация готовится. Доказательство теоремы из введения будет получено после рассмотрения двух последних типов пятиугольников.

4. Первые девять типов

Лемма 1. Если $\delta(P) = 12345$, то плитка P не имеет ни одной короны.

Доказательство. Пусть P имеет корону. Достаточно рассмотреть случай, когда, например, $v_0 = 3$. Если плитки P и P_1 ориентированы одинаково, то плитка P_2 (рис. 1а) имеет две одинаковые стороны. Если плитки ориентированы противоположно, то плитка P_2 (рис. 1б) имеет две смежные стороны типов 2 и 5. В обоих случаях получаем противоречие. Лемма доказана.

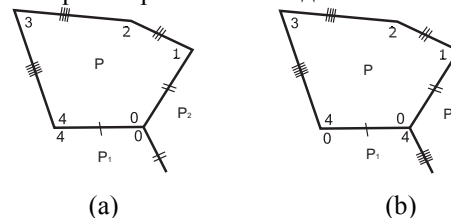

Рис. 1. К лемме 1

Лемма 2. Если $\delta(P) = 11234$, то плитка P не имеет ни одной короны либо $P \in T_1$.

Доказательство. Пусть P имеет корону. Так как $v(P)$ содержит, по меньшей мере, три тройки, достаточно рассмотреть три случая: $v_2 = 3$, $v_3 = 3$, $v_2 = v_3 = 4$.

противоположные ориентации. Пусть плитка P_2 приложена к стороне 4 плитки P . Если эти плитки имеют одинаковые ориентации, то плитка, приложенная к стороне 0 плитки P , имеет две смежные стороны типов 1 и 3, что не так. Пусть плитки P и P_2 имеют противоположные ориентации (рис. 2д).

Тогда $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$, $x_0 + 2x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_1 = x_4 \Rightarrow x_0 + x_1 + x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$. Лемма доказана.

Лемма 3. Если $\delta(P) = 11232$, то плитка P не имеет ни одной короны, либо $P \in T_1$.

Доказательство. Пусть P имеет корону. Достаточно рассмотреть три случая: $v_2 = 3, v_3 = 3, v_2 = v_3 = 4$.

Пусть $v_2 = 3$. Пусть плитка P_1 приложена к стороне 3 плитки P . Тогда плитка P_2 имеет две смежные стороны типа 2 (рис. 3а), противоречие. Аналогично рассуждаем в случае $v_3 = 3$.

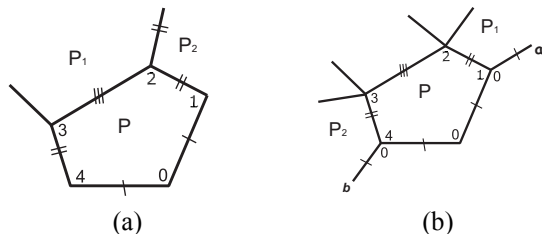

Рис. 3. К лемме 3

Пусть $v_2 = v_3 = 4$. Тогда $v_1 = v_4 = 3$. Пусть плитки P_1 и P_2 приложены к сторонам 2 и 4 плитки P соответственно (рис. 3б). Ясно, что $\delta(a) = \delta(b) = 1$. Тогда либо $x_0 + x_1 + x_4 = 360^\circ$, либо $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$, либо $x_0 + 2x_4 = 360^\circ$.

В любом случае $x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$. Лемма доказана.

Лемма 4. Если $\delta(P) = 12134$, то плитка P не имеет ни одной короны, либо $P \in T_1$.

Доказательство. Пусть P имеет корону. Достаточно рассмотреть три случая: $v_0 = 3, v_1 = 3, v_0 = v_1 = 4$.

Пусть $v_0 = 3$ (рис. 4а). Пусть плитка P_1 приложена к стороне 1 плитки P . Тогда плитка P_2 имеет две смежные стороны типа 1, противоречие. Аналогично рассуждаем в случае $v_1 = 3$.

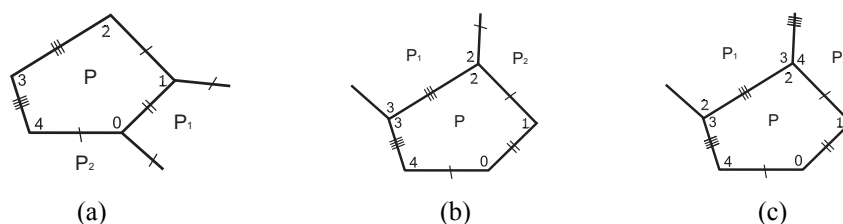

Рис. 4. К лемме 4

Пусть $v_0 = v_1 = 4$. Тогда $v_2 = 3$. Пусть плитка P_1 приложена к стороне 3 плитки P . Если плитки имеют разные ориентации (рис. 4б), то плитка P_2 имеет две смежных стороны типа 1, что не так. Если плитки имеют одинаковые ориентации (рис. 4с), тогда $x_2 + x_3 + x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_0 + x_1 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$. Лемма доказана.

Лемма 5. Если $\delta(P) = 12123$, то плитка P не имеет ни одной короны либо $P \in T_1 \cup T_2$.

Доказательство. Пусть P имеет корону. С учетом «симметрии» достаточно рассмотреть два случая: $v_3 = 3, v_3 = v_4 = 4$. Здесь и далее под «симметрией» мы понимаем возможность перенумерации вершин. В нашем случае $0 \leftrightarrow 2, 3 \leftrightarrow 4$, при этом типы сторон 1 и 2 меняются ролями.

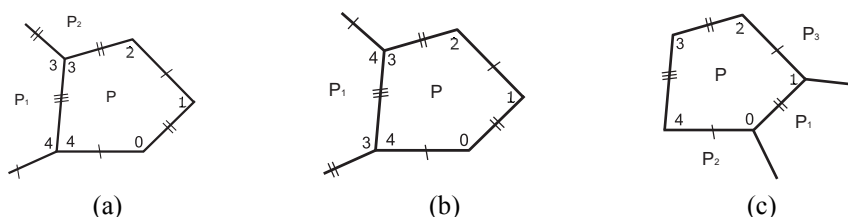

Рис. 5. К лемме 5

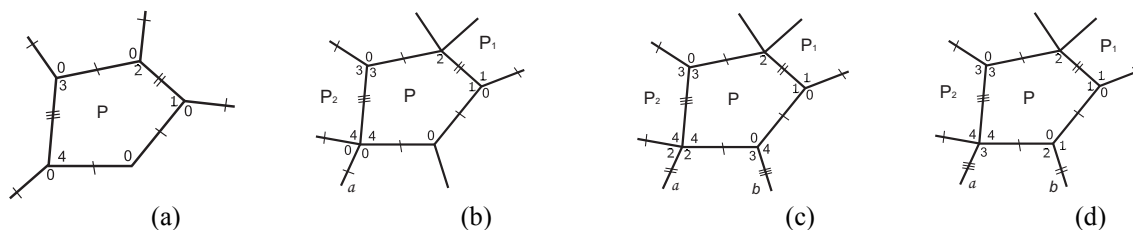

Рис. 6. К лемме 6

Пусть $v_3 = 3$. Пусть плитка P_1 приложена к стороне 4 плитки P . Если плитки имеют противоположные ориентации (рис. 5а), то плитка P_2 имеет две смежные стороны типа 2, противоречие. Пусть плитки имеют одинаковую ориентацию (рис. 5б). Тогда в вершине 3 плитки P

возможны тройки углов $3,4,0$; $3,4,1$; $3,4,2$. Тогда либо $x_1 + x_2 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$; либо

$$x_0 + x_2 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_2;$$

$$\text{либо } x_0 + x_1 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1.$$

Аналогично рассуждаем в случае $v_4 = 3$.

Пусть $v_3 = v_4 = 4$ (рис. 5с). Тогда $v_0 = v_1 = 3$. Пусть плитка P_1 приложена к стороне 1 плитки P . Тогда плитка P_2 или P_3 имеет две смежные стороны типа 1, что не так. Лемма доказана.

Лемма 6. Если $\delta(P) = 11213$, то плитка P не имеет ни одной короны либо $P \in T_1$, либо $x_0 = 180^\circ - x_4$, $x_1 = 90^\circ + x_4/2$, $x_2 = 180^\circ - x_4$, $x_3 = 90^\circ + x_4/2$.

Доказательство. Пусть P имеет корону и $P \notin T_1$. Если $v_i = 3$ для некоторого $i = 1, 2, 3, 4$ (рис. 6а), то $x_0 + 2x_i = 360^\circ$.

Поскольку из четырех вершин две обязательно имеют степень 3, учитывая «симметрию», нам достаточно рассмотреть 4 случая:

- 1) $v_2 = v_3 = 3$ невозможно (рис. 6а).
- 2) $v_1 = v_2 = 3$. Тогда $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$, $x_0 + 2x_2 = 360^\circ \Rightarrow x_1 = x_2 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.
- 3) $v_1 = v_4 = 3$. Следовательно, $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$, $x_0 + 2x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_1 = x_4 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.
- 4) $v_1 = v_3 = 3$. Следовательно, $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$, $x_0 + 2x_3 = 360^\circ \Rightarrow x_1 = x_3 \Rightarrow x_2 + x_4 = 180^\circ$.

Тогда $v_2 = v_4 = 4$, $v_0 = 3$, иначе, попадаем в условия одного из предыдущих случаев.

Рассмотрим по очереди три случая: $\delta(a) = 1, 2, 3$ (рис. 6 b,c,d).

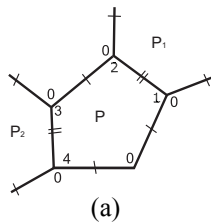
Пусть $\delta(a) = 1$ (рис. 6b).

Тогда $x_0 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow x_0 = 180^\circ - x_4$,

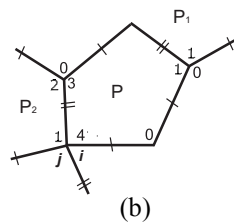
$x_1 = 90^\circ + x_4/2$, $x_2 = 180^\circ - x_4$, $x_3 = 90^\circ + x_4/2$.

Пусть $\delta(a) = 2$. Тогда $\delta(b) = 3$ (рис. 6с), иначе плитка, приложенная к стороне 1, будет иметь три смежные стороны типа 1.

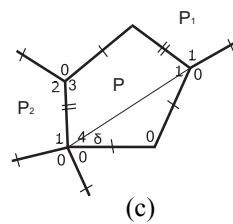
Тогда $x_0 + x_3 + x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_1 + x_2 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.

(a)

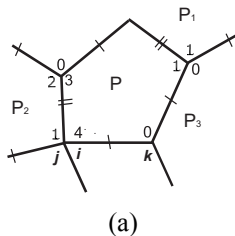

(b)

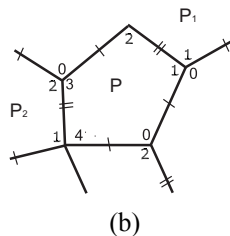

(c)

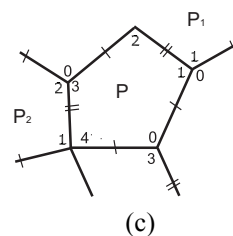
Рис. 7. К лемме 7

(a)

(b)

(c)

Рис. 8. К лемме 7

Пусть $i \neq 0$. Тогда для угла k (рис. 8а) возможны следующие варианты:

- а) $k = 0$, следовательно, плитка P_3 имеет три смежные стороны типа 1;
- б) $k = 2$ (рис. 8б), тогда

Пусть $\delta(a) = 3$ (рис. 6d).

Тогда $\delta(b) = 2 \Rightarrow x_0 + x_1 + x_2 = 360^\circ \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$. Лемма доказана.

Лемма 7. Если $\delta(P) = 11212$, то плитка P не имеет ни одной короны либо $P \in T_1 \cup T_2$.

Доказательство. Пусть P имеет корону и к сторонам 2 и 4 плитки P приложены плитки P_1 и P_2 соответственно.

Если $v_i = 3$, то либо $P \in T_1 \cup T_2$;

либо $x_0 + 2x_i = 360^\circ$, $i = 1, 4$; либо $x_0 + 2x_i = 360^\circ$ или $x_1 + x_4 = 180^\circ$, $i = 2, 3$ (рис. 7а).

Из четырех вершин v_1, v_2, v_3, v_4 две обязательно имеют степень 3. Учитывая симметрию, нам достаточно рассмотреть 4 случая:

- 1) $v_2 = v_3 = 3$ невозможно (рис. 7а).
- 2) $v_1 = v_2 = 3$. Тогда $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$, $x_0 + 2x_2 = 360^\circ \Rightarrow x_1 = x_2 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.
- 3) $v_1 = v_4 = 3$. Тогда $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$, $x_0 + 2x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_1 = x_4 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.
- 4) $v_1 = v_3 = 3$. Тогда $v_2 = v_4 = 4$, $v_0 = 3$. Если $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$, $x_0 + 2x_3 = 360^\circ$, то $x_1 = x_3 \Rightarrow x_2 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_2$.

Если $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$, $x_1 + x_4 = 180^\circ$, то вершине 4 имеет место равенство $x_1 + x_4 + x_i + x_j = 360^\circ$ (рис. 7б), где $x_i + x_j = 180^\circ$.

Если $i = j = 0$, то $x_0 = 90^\circ$, $x_1 = 135^\circ$, $x_4 = 45^\circ$ (рис. 7с). В равнобедренном прямоугольном треугольнике при вершине 0 угол δ при основании равен 45° . Но у нас $x_4 = 45^\circ$. Противоречие.

либо $x_0 + x_1 + x_2 = 360^\circ \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$;

либо $x_0 + x_2 + x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_1 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_2$;

в) $k = 3$ (рис. 8с), тогда

либо $x_0 + x_1 + x_3 = 360^\circ \Rightarrow x_2 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_2$;
 либо $x_0 + x_3 + x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_1 + x_2 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.
 Лемма доказана.

Лемма 8. Если $\delta(P) = 11223$, то плитка P не имеет ни одной короны либо $P \in T_1 \cup T_3 \cup T_4$.

Доказательство. Пусть P имеет корону и плитка P_1 приложена к стороне 4 плитки P . Пусть плитки ориентированы противоположно.

Учитывая симметрию, достаточно рассмотреть следующие случаи: $v_3 = v_4 = 3$; $v_0 = v_4 = 3$; $v_3 = v_4 = 4$; $v_0 = v_3 = 4$.

1) $v_3 = v_4 = 3$ (рис. 9а).

Тогда $x_0 + 2x_4 = 360^\circ$, $x_2 + 2x_3 = 360^\circ$.

Пусть $\alpha = (180^\circ - x_0)/2$, $\beta = (180^\circ - x_2)/2$. Тогда должно выполняться неравенство $\alpha + \beta < x_1$.

Но $\alpha + \beta = x_3 + x_4 - 180^\circ$. Учитывая, что сумма всех углов P равна 540° , получим $x_1 = \alpha + \beta$. Противоречие.

2) $v_0 = v_4 = 3$. Тогда $x_0 + 2x_4 = 360^\circ$ и $\delta(a) = 2$ или $\delta(a) = 3$.

Пусть $\delta(a) = 2$ (рис. 9б).

Тогда $x_0 + 2x_1 = 360^\circ \Rightarrow x_1 = x_4 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.

Пусть $\delta(a) = 3$. Если $v_1 = 3$, то $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$ (рис. 9с). Следовательно, $P \in T_1$.

Пусть $v_2 = 3$, $v_1 = v_3 = 4$. Если $\delta(b) = 3$ (рис. 9д), то $x_2 + 2x_3 = 360^\circ$. Тогда, как и в случае (1), приходим к противоречию. Если $\delta(b) = 1$ (рис. 10а), то $x_2 + x_3 = 180^\circ$ $P \in T_1$. Если $\delta(b) = 2$, то $x_2 = 120^\circ$ и в вершине 3 возможны наборы смежных углов: $3, 1, 1, 3$; $3, 3, 3, 3$.

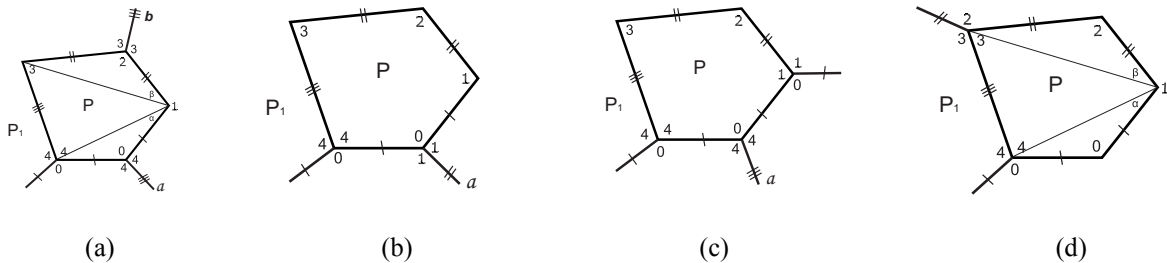

Рис. 9. К лемме 8

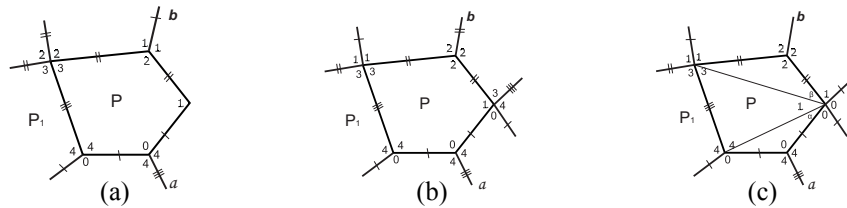

Рис. 10. К лемме 8

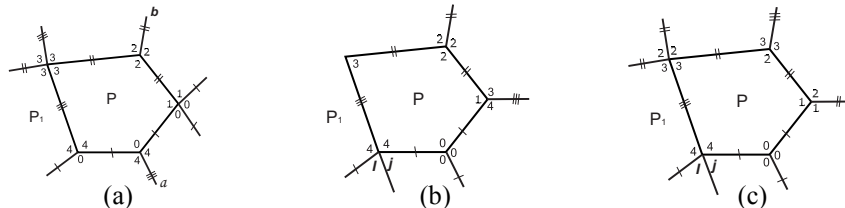

Рис. 11. К лемме 8

В первом случае $x_0 = x_2 = x_4 = 120^\circ$ и в вершине 1 либо $x_0 + x_1 + x_3 + x_4 = 360^\circ$ – противоречие (рис. 10б); либо $2x_0 + 2x_1 = 360^\circ$ (рис. 10с), тогда $x_1 = 60^\circ \Rightarrow x_1 = \alpha + \beta$ – противоречие.

Во втором случае (рис. 11а) $x_3 = 90^\circ$, и далее $x_4 = 150^\circ$, $x_1 = 120^\circ$, $x_0 = 60^\circ$, $P \in T_4$.

3) $v_3 = v_4 = 4$ (рис. 11б,с).

Пусть $i = j = 4$ или $i = j = 1 \Rightarrow x_4 = 90^\circ$ или $x_1 + x_4 = 180^\circ$. В обоих случаях $x_0 = 120^\circ$. Тогда в вершине 1 либо $x_1 + x_4 + x_3 = 360^\circ$ (рис. 11б) $\Rightarrow x_0 + x_2 = 180^\circ \Rightarrow x_2 = 60^\circ$, но $x_2 = 120^\circ$, противоречие; либо $2x_1 + x_2 = 360^\circ$ (рис. 11с) $\Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ$, $P \in T_1$.

Пусть $i = j = 0$. Тогда $x_0 + x_4 = 180^\circ$.

4) $v_0 = v_3 = 4$. Тогда $x_0 + 2x_4 = 360^\circ$ и в вершине 0 для углов i, j, k (рис. 12а) возможны следующие значения:

Пусть $i = 4, j = 3, k = 1$ или $i = 1, j = 3, k = 4$. Тогда $x_2 = 180^\circ$.

Пусть $i = 4, j = 4, k = 0$. Тогда $x_0 + x_4 = 180^\circ$, $P \in T_1$.

Пусть $i = 1, j = 1, k = 0$. Тогда $x_0 + x_1 = 180^\circ$. В вершине 1 либо $x_1 + x_4 + x_3 = 360^\circ$ (рис. 12б) $\Rightarrow x_0 + x_2 = 180^\circ$. Так как $x_2 = 120^\circ \Rightarrow x_0 = 60^\circ$, $P \in T_4$;

либо $2x_1 + x_2 = 360^\circ$ (рис. 12с) $\Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ$, $P \in T_1$.

Пусть $i = 1, j = 2, k = 1$. Так как $x_0 + 2x_1 = 360^\circ$ и $x_0 + 2x_1 + x_2 = 360^\circ \Rightarrow x_2 = 0^\circ$.

Пусть плитки P и P_1 ориентированы одинаково. Достаточно рассмотреть следующие два случая: $v_4 = 3; v_3 = v_4 = 4$.

1) $v_4 = 3$. Тогда $x_4 + x_3 + x_1 = 360^\circ \Rightarrow x_0 + x_2 = 180^\circ$.

Пусть $v_0 = 3$ (рис. 13а). Тогда $x_0 = 120^\circ$,

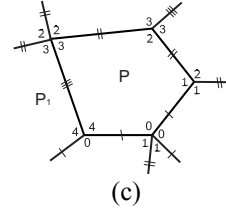
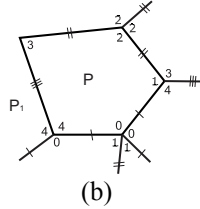
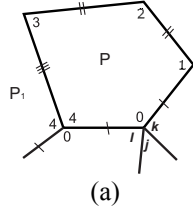

Рис. 12. Лемма 8

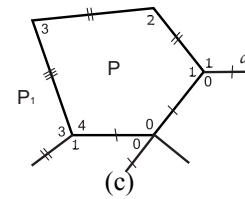
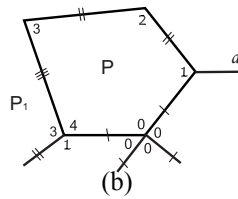
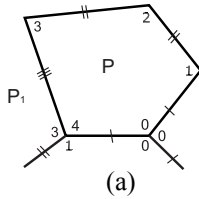

Рис. 13. Лемма 8

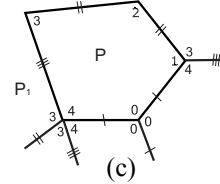
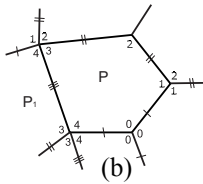
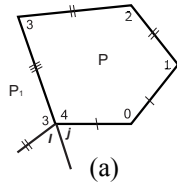

Рис. 14. Лемма 8

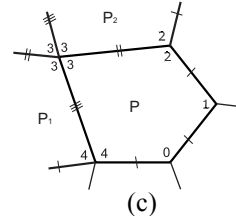
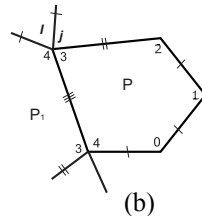
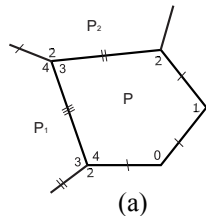

Рис. 15. Лемма 9

2) $v_3 = v_4 = 4$. В вершине 4 для углов i, j (рис. 14а) возможны следующие значения:

Пусть $i = 3, j = 4$. Тогда $x_3 + x_4 = 180^\circ, x_2 = 120^\circ$.

В вершине 1 либо $x_1 + x_4 + x_3 = 360^\circ$

(рис. 14б) $\Rightarrow x_1 = 180^\circ$; либо $2x_1 + x_2 = 360^\circ$

(рис. 14с), то в вершине 3 получаем равенство

$x_3 + x_4 + x_1 + x_2 = 360^\circ \Rightarrow x_0 = 180^\circ$.

Пусть $i = 1, j = 0$ или $i = 2, j = 1$. Тогда $x_2 = 180^\circ$ или $x_0 = 180^\circ$. Лемма доказана.

Лемма 9. Если $\delta(P) = 11123$, то плитка P не имеет ни одной короны либо $P \in T_1$, либо имеет один из следующих наборов углов:

$x_0 = 90^\circ, x_1 = 135^\circ, x_2 = x_4 = 112,5^\circ, x_3 = 90^\circ$;

$x_0 = x_2 = 120^\circ, x_1 = 150^\circ, x_3 = 45^\circ, x_4 = 105^\circ$;

$x_0 = x_2 = 120^\circ, x_1 = 160^\circ, x_3 = 40^\circ, x_4 = 100^\circ$.

$x_2 = 60^\circ \Rightarrow P \in T_4$.

Пусть $v_0 = 4, v_1 = 3$. Если $\delta(a) = 2$ или $\delta(a) = 3$

(рис. 13б), то $x_0 = 90^\circ, P \in T_3$. Если $\delta(a) = 1$

(рис. 13с), то либо $x_0 = 0^\circ$,

либо $x_0 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.

Доказательство. Пусть P имеет корону и плитка P_1 приложена к стороне 4 плитки P . Пусть P и P_1 ориентированы одинаково.

Если $v_4 = 3$ (рис. 15а), то $x_4 + x_3 + x_2 = 360^\circ \Rightarrow x_0 + x_1 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$. Аналогично рассуждаем, если $v_3 = 3$.

Пусть $v_3 = v_4 = 3$. Если $i = 0, j = 2$ (рис. 15б), то $x_1 = 180^\circ$. Если $i = 1, j = 2$, то $x_0 = 180^\circ$.

Если $i = 4, j = 3$, то $x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.

Этим случай, когда плитка P_1 ориентирована одинаково с P , исчерпан.

Пусть P и P_1 имеют разные ориентации. Ввиду «симметрии» можно считать, что плитка P_2 , приложенная к стороне 3 плитки P , ориентирована с P тоже противоположно.

Ясно, что $v_3 \geq 4$. Учитывая «симметрию», достаточно рассмотреть случаи: 1) $v_3 = v_4 = 4$;

2) $v_0 = v_4 = 4$; 3) $v_3 \geq 4$, остальные вершины имеют степень 3.

4) Пусть $v_3 = v_4 = 4$ (рис. 15с). Тогда $x_3 = 90^\circ$.

В таблице 1 приведены выкладки для всех возможных наборов смежных углов для вершин 2, 1, 0, 4. Наборы углов записываются в виде строк $i_0 i_1 \dots i_k$, где i_0 – номер вершины, далее идут номера углов, взятых по часовой стрелке. Ясно, что

$$x_{i_0} + x_{i_1} + \dots + x_{i_k} = 360^\circ.$$

2) $v_0 = v_3 = 4$ (рис. 16а). Тогда $x_3 = 90^\circ$. Как и в первом случае составим таблицу 2 всех возможных наборов смежных углов для вершин 2, 1, 4, 0.

3) $v_3 \geq 4$, остальные вершины имеют степень 3 (рис. 16б).

Составим таблицу 3, в которой рассмотрены все возможные наборы смежных углов для вершин 4, 2, 1, 0.

Таблица 1

	2	1	0	4	
1	221	100			$x_0 = x_2 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
2	221	101	000		$x_0 = x_1 = x_2 = 120^\circ \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
3	221	101	001		
4	221	101	022		
5	221	122	010		$x_0 = x_2 \Rightarrow P \in T_1$
6	221	122	011	4004	$x_0 = 0^\circ$
7	221	122	011	4014	$x_0 = 180^\circ$
8	221	122	011	4224	
9	220	110			$x_1 = x_2 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
10	220	111	000		$x_0 = x_1 = 120^\circ \Rightarrow P \in T_1$
11	220	111	001		
12	220	111	022	4104	сумма всех углов не равна 540°
13	220	111	022	4114	$x_0 = 180^\circ$
14	220	144	000		$x_0 = x_2 = 120^\circ, x_4 = 150^\circ, x_1 = 60^\circ \Rightarrow P \in T_1$
15	220	144	001		$x_0 = x_4 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$

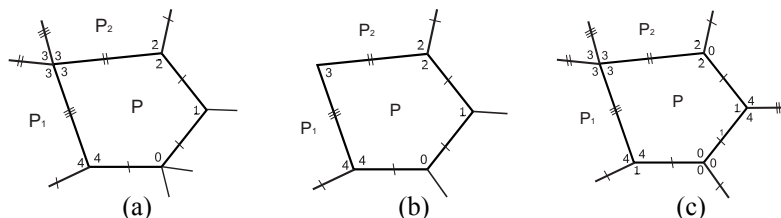

Рис. 16. К лемме 9

Таблица 2

	2	1	4	0	
1	221	100			$x_0 = x_2 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
2	221	101	404		$x_1 = x_4 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
3	221	101	414		$x_2 = x_4 \Rightarrow x_3 = x_0 = 90^\circ, x_1 = 135^\circ, x_2 = x_4 = 112,5^\circ$
4	221	122	414	0100	$x_2 = x_4 \Rightarrow x_3 = x_0 = 90^\circ \Rightarrow x_1 = 90^\circ \Rightarrow x_0 + x_1 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
5	221	122	414	0110	
6	221	122	414	0122	$x_0 = 0^\circ$
7	221	122	404	0101	$x_0 + x_1 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
8	221	122	404	0111	
9	221	122	404	0144	$x_1 = 0^\circ$
10	220	110			$x_1 = x_2 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
11	220	111	404		$x_1 = 120^\circ, x_2 = x_4 \Rightarrow x_1 + x_3 = 180^\circ$, но $120^\circ + 90^\circ = 210^\circ \neq 180^\circ$
12	220	111	414		$x_1 = x_4 = 120^\circ \Rightarrow x_2 = 150^\circ, x_0 = 60^\circ, x_0 + x_1 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
13	220	144	404		$x_0 = x_1 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
14	220	144	414		$x_2 = 180^\circ - x_0/2, x_4 = 180^\circ - x_1/2 \Rightarrow x_0 + x_1 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$

Таблица 3

	4	2	1	0	
1	404	220	110	011	$x_1 = x_4 = x_2 \Rightarrow P \in T_1$
2	404	220	111	001	$x_0 = x_1 = x_2 = x_4 = 120^\circ \Rightarrow x_3 = 60^\circ \Rightarrow P \in T_1$
3	404	220	110	044	$x_1 = x_4 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
4	404	220	144	001	$x_0 = x_4 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
5	404	221	100	011	$x_1 = x_4 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
6	404	221	101	001	
7	404	221	100	044	$x_0 = x_2 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
8	414	220	110	010	$x_1 = x_2 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
9	414	220	111	000	$x_0 = x_1 = x_2 = x_4 = 120^\circ \Rightarrow x_3 = 60^\circ \Rightarrow P \in T_1$
10	414	220	144	000	$x_0 = x_2 = 120^\circ, x_1 = 360^\circ - 2x_4$
11	414	221	100	010	$x_0 = x_4 \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
12	414	221	101	000	$x_0 = x_1 = x_2 = x_4 = 120^\circ \Rightarrow x_3 = 60^\circ \Rightarrow P \in T_1$
13	414	221	122	010	$x_0 = x_2 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$
14	414	221	101	022	$x_0 = x_1 \Rightarrow x_3 + x_4 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$

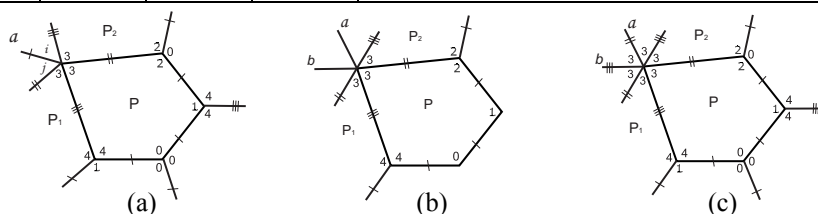

Рис. 17. К лемме 9

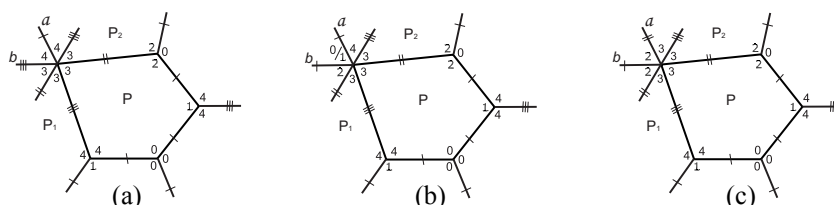

Рис. 18. К лемме 9

Дальнейшего рассмотрения требует случай 10. Всюду ниже мы считаем, что выполнены равенства $x_0 = x_2 = 120^\circ, x_1 = 360^\circ - 2x_4$.

Пусть $v_3 = 4$ (рис. 16с). Тогда $x_3 = 90^\circ \Rightarrow x_4 = 150^\circ, x_1 = 60^\circ \Rightarrow x_0 + x_1 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.

Пусть $v_3 = 5$ (рис. 17а). Тогда $\delta(a) = 1$ и $i = 4, j = 2 \Rightarrow x_2 + x_4 + 3x_3 = 360^\circ$. Тогда $x_0 = x_2 = 120^\circ, x_1 = 150^\circ, x_3 = 45^\circ, x_4 = 105^\circ$.

Пусть $v_3 = 6$. Рассмотрим варианты значений $\delta(a), \delta(b)$ (рис. 17б).

1) Пусть $\delta(a) = 2, \delta(b) = 3$ (рис. 17с).

Тогда $x_3 = 60^\circ \Rightarrow x_2 + x_3 = 180^\circ \Rightarrow P \in T_1$.

2) Пусть $\delta(a) = 1, \delta(b) = 3$ (рис. 18а). Тогда $4x_3 + 2x_4 = 360^\circ$. Отсюда $x_0 = x_2 = 120^\circ, x_1 = 160^\circ, x_3 = 40^\circ, x_4 = 100^\circ$.

3) Пусть $\delta(a) = 1, \delta(b) = 1$ (рис. 18б). Тогда либо $3x_3 + x_2 + x_0 + x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_1 = 180^\circ + 2x_3 > 180^\circ$, либо $3x_3 + x_2 + x_1 + x_4 = 360^\circ \Rightarrow x_0 =$

$= 180^\circ + 2x_3 > 180^\circ$.

4) Пусть $\delta(a) = 2, \delta(b) = 1$ (рис. 18с).

Тогда $2x_2 + 4x_3 = 360^\circ$. Отсюда $x_4 = 90^\circ, x_1 = 180^\circ$. Лемма доказана.

5. Исследование пятиугольников, имеющих корону

Из пункта 4 следует, что существует лишь 4 выпуклых пятиугольника, имеющих корону и не относящихся к типам T_i . Рассмотрим эти пятиугольники.

1. $\delta(P) = 11213$ (Лемма 6).

Углы пятиугольника: $x_0 = 180^\circ - x_4, x_1 = 90^\circ + x_4/2, x_2 = 180^\circ - x_4, x_3 = 90^\circ + x_4/2$.

Легко заметить, что $x_3 + x_4 > 180^\circ$ и $2x_3 > 180^\circ$. Имеем две короны (рис. 19а), отличающиеся лишь расположением одной плитки. В обоих случаях препятствием для продолжения покрытия плоскости служит вершина, обведенная на рисунке 19а кружочком. Кроме двух углов, равных x_3 , с учетом

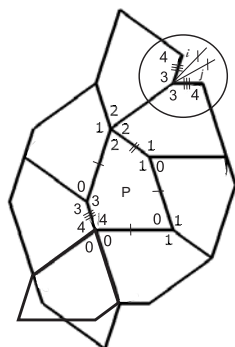
длин сторон, в указанной вершине могут сходиться дополнительно не менее двух углов. Для углов i, j (рис. 19a) априори возможны следующие варианты:

$$1) i = j = 3 \Rightarrow 4x_3 \leq 360^\circ.$$

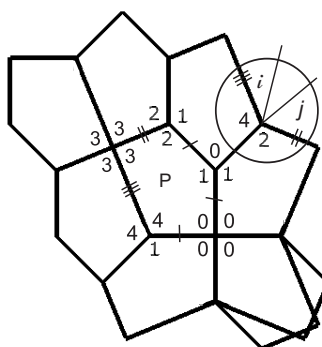
$$2) i = 3, j = 4 \text{ или } i = 4, j = 3 \Rightarrow 2x_3 + x_3 + x_4 \leq 360^\circ.$$

$$3) i = j = 4 \Rightarrow 2x_3 + 2x_4 = 2(x_3 + x_4) \leq 360^\circ.$$

Во всех трех случаях получаем противоречие с полученными выше неравенствами.

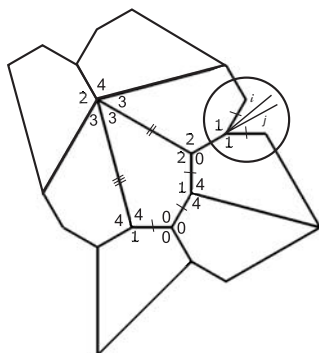

(a)

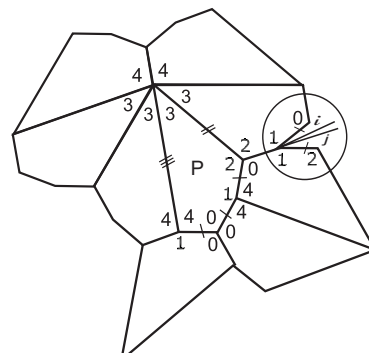

(b)

Рис. 19.

(a)

(b)

Рис. 20.

2. $\delta(P) = 11123$ (Лемма 9).

1) Углы пятиугольника: $x_0 = 90^\circ$, $x_1 = 135^\circ$, $x_2 = x_4 = 112,5^\circ$, $x_3 = 90^\circ$.

Препятствием для продолжения покрытия плоскости служит указанная на рисунке 19b вершина. Если в указанной вершине кроме x_2, x_4 дополнительно сходятся один угол, то, учитывая длины сторон, это угол x_3 , но $x_2 + x_3 + x_4 = 315^\circ \neq 360^\circ$. Пусть в этой вершине дополнительно сходятся не менее двух углов. Для углов i, j (рис. 19b) априори возможны следующие варианты:

$$1) i = 2, j = 3 \Rightarrow 427,5^\circ = 2x_2 + x_3 + x_4 \leq 360^\circ.$$

$$2) i = 2, j = 4 \Rightarrow 450^\circ = 2x_2 + 2x_4 \leq 360^\circ.$$

$$3) i = j = 3 \Rightarrow 405^\circ = x_2 + 2x_3 + x_4 \leq 360^\circ.$$

$$4) i = 3, j = 4 \Rightarrow 427,5^\circ = x_2 + x_3 + 2x_4 \leq 360^\circ.$$

Во всех четырех случаях получаем противоречие.

3) Углы пятиугольника: $x_0 = x_2 = 120^\circ$, $x_1 = 150^\circ$, $x_3 = 45^\circ$, $x_4 = 105^\circ$.

Препятствием для продолжения покрытия плоскости служит указанная на рисунке 20a вершина. Если в указанной вершине кроме двух углов x_1 дополнительно сходятся один угол, то, учитывая длины сторон, это угол x_0 или x_1 , но $x_0 + 2x_1 = 420^\circ > 360^\circ$ и $3x_1 = 450^\circ > 360^\circ$. Пусть в

этой вершине дополнительно сходятся не менее двух углов (рис. 20a). Тогда $i = 2, j = 4$ или $i = 4, j = 2$, но $2x_1 + x_2 + x_4 = 525^\circ > 360^\circ$.

3) Углы пятиугольника: $x_0 = x_2 = 120^\circ$, $x_1 = 160^\circ$, $x_3 = 40^\circ$, $x_4 = 100^\circ$.

Препятствием для продолжения покрытия плоскости служит указанная на рисунке 20b вершина. Если в указанной вершине кроме двух углов x_1 дополнительно сходятся один угол, то, учитывая длины сторон, это угол x_0 или x_1 , но $x_0 + 2x_1 = 440^\circ > 360^\circ$ и $3x_1 = 480^\circ > 360^\circ$. Пусть в вершине дополнительно сходятся не менее двух углов (рис. 20b). Тогда $i = 2, j = 4$ или $i = 4, j = 2$, но $2x_1 + x_2 + x_4 = 540^\circ > 360^\circ$.

Литература

1. Agaoka, Y. An example of convex heptagon with Heesch number one / Y. Agaoka // Mem. Fac. Integrated Arts and Sci. Hiroshima Univ. Ser. IV, Science Report. – 2005, December. – 31. – P. 117 – 123.
2. Bagina, O. Tiling the Plane with Congruent Equilateral Convex Pentagons / O. Bagina // J. Combin. Theory. Ser. A. – 2004. – 105 (2). – P. 221 – 232.
3. Grünbaum, B. Tilings and Patterns / W. H. Freeman and Company / B. Grünbaum, G. C. Shephard. – 1987. – P. 472 – 518.

4. Hirschhorn, M. D. Equilateral Convex Pentagons Which Tile the Plane / M. D. Hirschhorn and D. C. Hunt // J. Combin. Theory. Ser. A. – 1985. – 39. – P. 1 – 18.

5. Kershner, R. B. On Paving the Plane / R. B. Kershner // American Mathematical Monthly. – 1968. – 75. – P. 839 – 844.

6. Reinhardt, K. Über die Zerlegung der Ebene in Polygone: Dissertation / K. Reinhardt. – Universit dt Frankfurt, 1918.

7. Schattschneider, D. Tiling the Plane with Congruent Pentagons / D. Schattschneider // Math. Magazine. – 1978. – 51. – P. 29 – 44.

8. Делоне, Б. Н. Комбинаторная и метрическая теория планигонов / Б. Н. Делоне, Н. П. Долбилин, М. И. Штогрин // Труды математического института. – 1978. – 148. – С. 109 – 140.

УДК 515.17+517.545

ГРУППА ХАРАКТЕРОВ И МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ НА ТОРЕ

Т. С. Крепицина

GROUP OF CHARACTERS AND MULTIPLICATIVE FUNCTIONS ON TORUS

T. S. Krepizina

Автор поддержан грантом ФЦП, №02.740.11.0457.

В статье дается описание группы характеров и ее некоторых подгрупп, найдена связь с многообразием Якоби. Найдены размерности и построены базисы в пространстве голоморфных мультипликативных функций и голоморфных дифференциалов Прима для любого порядка на торе.

In this article given a description for group of characters and her some subgroups. Connections their with Yacobi variety on torus are established. Dimensions and basics for space of holomorphic multiplicative functions and holomorphic Prymdifferentials for every orders on torus are obtained.

Ключевые слова: группа характеров на торе, дифференциал Прима, дивизоры, многообразие Якоби.

Keywords: group of characters on torus, Prym differential, divisors, Yacobi variety.

Введение

Теория мультипликативных функций и дифференциалов Прима для случая специальных характеров на компактной римановой поверхности нашла приложения в теории функций, аналитической теории чисел и в уравнениях математической физики. На торе такие функции изучались в работах П. Аппеля, Е. Лакруа, А. Форсайта [1 – 4], где были получены формулы разложения в сумму и произведение элементарных мультипликативных функций, а также найден общий вид таких функций. В дальнейшем, как правило, теория таких функций строилась на компактной римановой поверхности рода $g \geq 2$ (Ф. Прим, Г. Рост, П. Аппель, Х. Фаркаш, И. Кра, Р. Ганнинг [3; 4]). Гиперэллиптические поверхности и, в частности, тор, находят даже большее приложение в современной математике, чем в случае $g \geq 2$. Это связано с тем, что на них можно строить явно такие функции и дифференциалы Прима, в отличие от общего случая, где в основном встречаются только теоремы существования.

Цель настоящей работы – описать группу характеров и ее некоторые подгруппы, связь с многообразием Якоби для тора. Найти размерности и построить базис в пространстве голоморфных мультипликативных функций и дифференциалов Прима для любого порядка на торе.

§ 1. Предварительные сведения

Пусть F будет компактная риманова поверхность рода $g = 1$, $F = \mathbb{C}/\Gamma$, где Γ – группа с двумя

образующими: $a_1(z) = z + 1$, $b_1(z) = z + \mu$, $\text{Im } \mu > 0$. Фундаментальная группа для поверхности F имеет следующее алгебраическое представление: $\pi_1(F) \cong \Gamma = \langle a_1, b_1 : [a_1, b_1] = 1 \rangle$. В дальнейшем будем отождествлять a_1 , b_1 с петлями канонического базиса в $\pi_1(F)$. Характер ρ на F это произвольный голоморфизм Γ в $\mathbb{C}^* = \mathbb{C} \setminus \{0\}$. Он однозначно определяется либо вектором $(\rho(a_1), \rho(b_1)) \in [\mathbb{C}^*]^2$, либо через отображение $\mathfrak{H} : C^2 \rightarrow \text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*)$ по правилу

$$C^2 \ni (x, y) \rightarrow \rho_{x,y} \in \text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*),$$

где $\rho_{x,y}(a_1) = \exp 2\pi i x$, $\rho_{x,y}(b_1) = \exp 2\pi i y$. Характер $\rho \in \text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*)$ называется несущественным, если существует $c \in C$, такая, что $\rho(a_1) = \exp 2\pi i c$, $\rho(b_1) = \exp 2\pi i c \mu$, где для канонического базиса ζ_1 голоморфных абелевых дифференциалов на римановой поверхности F двойственного к $\{a_1, b_1\}$ имеем $\int_{a_1} \zeta_1 = 1$, $\int_{b_1} \zeta_1 = \mu$. Несущенные характеры образуют подгруппу L_1 , которая биективно отображается на множество

$$L_0 = \{(x, y) \in \mathbb{C}^2 : y = \mu x\} [1].$$

Мультипликативной функцией f на F для ρ называется однозначная мероморфная функция $w = f(z)$ на C , удовлетворяющая условиям:

$$f(z+1) = \rho(a_1)f(z), f(z+\mu) = \rho(b_1)f(z).$$

Если f_0 – мультипликативная функция на F без нулей и полюсов, то $\frac{df_0}{f_0} = d(\log f_0)$ – голоморфный абелев дифференциал на F .

Отсюда $\frac{df_0}{f_0} = d(\log f_0) = c\zeta_1$, а значит:

$$f_0(P) = f_0(P_0) \exp \int_{P_0}^P c\zeta_1, \quad (1.1)$$

где $c \in \mathbb{C}$, $P, P_0 \in F$, и P_0 – фиксированная точка. Эту функцию f_0 назовем мультипликативной единицей на поверхности F для ρ .

Определение. q – дифференциалом Прима Φ относительно группы Γ для ρ , т. е. (ρ, q) – дифференциалом, называется дифференциал $\Phi(z)dz^q$, такой, что $\Phi(Tz)(T'z)^q = \Phi(z)\rho(T)$, $z \in C$, $T \in \Gamma$.

Дивизором D называется выражение вида $D = P_1^{\alpha_1} \dots P_m^{\alpha_m}$, где $P_1^{\alpha_1}, \dots, P_m^{\alpha_m}$ – точки на F , а $\alpha_1, \dots, \alpha_m$ являются целыми числами. Обозначим через $r_\rho(D^{-1})$ и $i_{\rho^{-1}}(D)$ пространства функций для ρ кратных дивизору D^{-1} и 1-дифференциалов для ρ^{-1} кратных дивизору D соответственно. Также степень $\deg D = \alpha_1 + \dots + \alpha_m$.

Теорема (Римана-Роха для характеров) [1; 3]. Пусть F – компактная риманова поверхность рода один. Тогда для любого характера $\rho, \rho \neq 1$ верно равенство $r_\rho(D^{-1}) = \deg D + i_{\rho^{-1}}(D)$.

Теорема (Римана-Роха для q – дифференциалов и характеров) [1]. Для любого $q \in \mathbb{Z}$ верно

$$i_{\rho, q}(D) = \deg D + i\left(\frac{(f)Z^q}{D}\right) = -\deg D + r\left(\frac{(f)Z^{q-1}}{D}\right)$$

при любом характере ρ на римановой поверхности F рода $g = 1$, где f – любая мультипликативная функция для ρ , $f \neq 0$ и Z – канонический класс дивизоров абелевых дифференциалов на F .

Многообразие Якоби для поверхности F есть фактор пространство $J(F) = F/L(1; \mu)$, где $L(1; \mu)$ – целочисленная решетка, порожденная $1, \mu$.

Теорема (Абеля для характеров на торе) [1; 3]. Пусть $[F; \{a_1, b_1\}]$ – отмеченная компактная риманова поверхность рода 1, ρ – характер на F и

$$D = \frac{P_1^{\alpha_1} \dots P_m^{\alpha_m}}{Q_1^{\beta_1} \dots Q_s^{\beta_s}} \text{ дивизор степени нуль на } F. \text{ Тогда}$$

существует мультипликативная функция f для ρ с

$$(f) = D \Leftrightarrow \sum_{j=1}^m \alpha_j z_j - \sum_{k=1}^s \beta_k w_k = \frac{1}{2\pi i} (\log \rho(b_1) - \log \rho(a_1) \mu),$$

где $\varphi(P_j) = z_j$, $\varphi(Q_k) = w_k$ и φ – отображение Якоби на F со значениями в $J(F)$. При этом

$$f(P) = \exp \left(\sum_{j=1}^m \alpha_j \int_{Q_0}^P \tau_{P_j P_0} - \sum_{j=1}^s \beta_j \int_{Q_0}^P \tau_{Q_j P_0} + 2\pi i c_1 \int_{Q_0}^P \zeta_1 \right),$$

где $\tau_{Q_j P_0}$ – нормированный абелев дифференциал третьего рода на F с простыми полюсами в P, Q на F .

Следствие. [1 – 3] Каждый дивизор

$$D = \frac{P_1^{\alpha_1} \dots P_m^{\alpha_m}}{Q_1^{\beta_1} \dots Q_s^{\beta_s}} \neq 1, \quad \alpha_j \beta_j \in \mathbb{N} \text{ степени нуль на}$$

торе F будет дивизором для мультипликативной функции:

$$f(z) = f(z_0) \exp \left(\sum_{j=1}^m \alpha_j \int_{z_0}^z \tau_{P_j P_0} - \sum_{j=1}^s \beta_j \int_{z_0}^z \tau_{Q_j P_0} \right) \exp 2\pi i c z = A e^{\lambda z} \frac{H(z-a)}{H(z)} \Phi(z) = A e^{\lambda z} \frac{\sigma(z+a)\sigma(z-b)}{\sigma^2(z)} \Phi(z)$$

для некоторого нормированного характера $\rho(a_1) = \exp 2\pi i c$, $\rho(b_1) = \exp 2\pi i (c\mu + d)$, d , не принадлежит $\mathbb{Z}$, и $\Phi(z)$ – эллиптическая функция для Γ , а $H(z)\sigma(z)$ – классические функции Вейерштрасса на F .

§ 2. Группа характеров для тора

Теорема 1. Отображение

$$\psi(\rho) = \frac{1}{2\pi i} (\log \rho(b_1) - \log \rho(a_1) \mu) \in J(F) = \mathbb{C}^1 / L(1; \mu)$$

задает изоморфизм $Hom(\Gamma, \mathbb{C}^*) / L_1 \cong J(F)$.

Доказательство. Докажем, что ψ будет корректно определенный групповой гомоморфизм из $Hom(\Gamma, \mathbb{C}^*)$ на $J(F)$. Если для ρ существует

$$f_1, f_2 \neq 0 \text{ мультипликативные функции, то } f = \frac{f_1}{f_2}$$

– однозначная мероморфная функция на компактной римановой поверхности F . Следовательно, дивизор (f_1) – линейно эквивалентен дивизору (f_2) , и по

теореме Абеля имеем: $\psi(\rho) = \varphi((f_1)) = \varphi((f_2))$, $\psi(\rho_1 \rho_2) = \varphi((f_1 f_2)) = \varphi((f_1)) + \varphi((f_2)) = \psi(\rho_1) + \psi(\rho_2)$ и $\psi(\rho)^{-1} = -\psi(\rho)$, ρ_1, ρ_2 и $\rho \in Hom(\Gamma, \mathbb{C}^*)$.

Покажем, что ψ отображение «на». По теореме Якоби для любого $a \in J(F)$ существует $D_a \in F$, такой, что $\varphi_{P_0}(D_a) = a$. Таким образом, $\varphi_{P_0}\left(\frac{D_a}{P_0^1}\right) = a$ и дивизор $\frac{D_a}{P_0^1}$ степени нуль является дивизором мультипликативной функции f_a с некоторым ρ_a . Отсюда:

$$\psi(\rho_a) = \varphi(f_a) = \varphi_{P_0}\left(\frac{D_a}{P_0^1}\right) = a.$$

Из теоремы Абеля для характеров имеем, что $\rho \in \text{Ker}\psi$ тогда и только тогда, когда ρ – несущественный характер, то есть $\rho \in L_1$. Теорема доказана.

Известно, что $\text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*) \cong [S^1]^2 \times L_1$ (прямое произведение групп), где $S^1 = \{z \in \mathbb{C} : |z| = 1\}$ и определены проекции: $j_0 : \text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*) \rightarrow [S^1]^2$; $j_1 : \text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*) \rightarrow L_1$, где по теореме Фаркаша-Кра любой характер $\rho = \rho_0 \rho_1$, ρ_0 – нормированный, ρ_1 – несущественный характеры и $j_0(\rho) = \rho_0$, $j_1(\rho) = \rho_1$. Приведем формулировку и доказательство теоремы Фаркаша-Кра. Используемые при этом обозначения будут нужны нам в дальнейшем.

Теорема (Фаркаш-Кра) [3]. Для любого $\rho \in \text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*)$ существует и единственно представление в виде $\rho = \rho_0 \rho_1$ где $\rho_0 \in [S^1]^2$, $\rho_1 \in L_1$.

Доказательство. Положим,

$$\rho(a_1) = \exp(s + it), \quad s, t \in \mathbb{R}, \quad \rho(b_1) = \exp(u + iv), \quad u, v \in \mathbb{R}.$$

Построим несущественный характер ρ_1 , такой, что $|\rho_1(T)| = |\rho(T)|$, $T \in \Gamma$. Выберем константы $c = \alpha + i\beta$, $\alpha, \beta \in \mathbb{R}$, из представления несущественного характера

$$\rho_1(a_1) = \exp c, \quad \rho_1(b_1) = \exp \Omega c, \quad \Omega c = \mu c$$

следующим образом:

$$|\rho_1(a_1)| = |\exp c| = \exp \alpha = \exp s = |\rho(a_1)|.$$

Отсюда $\alpha = s + 2\pi i n$, $n \in \mathbb{Z}$. Но так как $\alpha, s \in \mathbb{R}$, то $n = 0$ и $\alpha = s$. Затем

$$|\rho_1(b_1)| = |\exp(\mu c)| = \exp \text{Re}(\mu c) = \exp u = |\rho(b_1)|, \quad \text{или } \text{Re}(\mu c) = u \quad (1.2)$$

Покажем, что такой выбор c действительно возможен и единственный. Матрицу b – периодов $\Omega = (\mu)$, состоящую только из одного элемента, можем записать в виде $\Omega = X + iY$, где Y – положительное число. Из (1.2) получаем

$\text{Re}[(X + iY)(\alpha + i\beta)] = u$, где $\alpha, \beta, u \in \mathbb{R}$. Так как уже выбрали $\alpha = s$, то требуется решить уравнение

$\text{Re}[(X + iY)(\alpha + i\beta)] = u$ или $Y\beta = -u + Xs$, для которого $\beta = Y^{-1}(-u + Xs)$ – единственное решение. Таким образом, несущественный характер ρ_1 будет единственно определен. Теорема доказана.

Теорема 2. Проекция j_0 и j_1 являются комплексно-гармоническими, но не комплексно-аналитическими отображениями относительно координатных карт на $\text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*)$.

Доказательство. Возьмем терминологию из доказательства теоремы Фаркаша-Кра. Начнем с проекции j_1 , так как ее явный вид найден в указанной выше теореме. Пусть ρ – произвольный характер и

$$\rho(a_1) = \exp(s + it) = \exp 2\pi i c,$$

$$\rho(b_1) = \exp(u + iv) = \exp(2\pi i \mu c + 2\pi i d), \quad s, t, u, v \in \mathbb{R}.$$

В терминах отображения $\mathfrak{R} : C^2 \rightarrow \text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*)$ характер ρ имеет комплексные координаты c, d , или $x = c$, $y = d + \mu c$. Построим ρ_1 – единственный несущественный характер по разложению $\rho : \rho_1(a_1) = \exp 2\pi i \tilde{c}$, $\rho_1(b_1) = \exp 2\pi i \mu \tilde{c}$, где $2\pi i \mu \tilde{c} = \alpha + i\beta$, $\alpha, \beta \in \mathbb{R}$. Имеем: $\alpha = s$, $\beta = Y^{-1}(-u + Xs)$, где $\alpha, s, u \in \mathbb{R}$, $\Omega = X + iY$; или $2\pi i \mu \tilde{c} = s + i(-Y^{-1}u + Y^{-1}Xs)$, $\tilde{c} \in \mathbb{C}$. Число $\tilde{c}$ есть координата ρ_1 по отображению $\mathfrak{R}$. Последнее равенство можно переписать в виде:

$$2\pi i \mu \tilde{c} = \ln |\rho(a_1)| + i(-Y^{-1}(\ln |\rho(b_1)|) + Y^{-1}X(\ln |\rho(a_1)|)). \quad (1.3)$$

Положим, $\rho(a_1) = z_1$, $\rho(b_1) = w_1$. Компоненты вектора (z_1, w_1) представляют собой координаты характера ρ в карте $\psi_1 : \text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*) \rightarrow [C^*]^2$. Поэтому равенство (1.3) дает вид функций j_1 в указанных координатах:

$$[C^*]^2 \ni (z_1, w_1) \xrightarrow{\psi_1, j_1, \mathfrak{R}} \rho \rightarrow \rho_1 \rightarrow \tilde{c},$$

где $\rho \in \text{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*)$, $\rho_1 \in L_1$ и

$$2\pi i \mu \tilde{c} = \ln |z_1| + i(-Y^{-1}(\ln |w_1|) + Y^{-1}X(\ln |z_1|)).$$

Следовательно, координаты α и β будут вещественными гармоническими функциями от комплексных переменных z_1 и w_1 . Таким образом, $2\pi i \mu \tilde{c}$ комплексно-гармонически зависит от z_1, w_1 , но не будет, очевидно, комплексно-аналитически зависеть от них. Утверждение теоремы относительно проекции j_1 доказано.

Рассмотрим проекцию j_0 , найдя $\rho_0 = \frac{\rho}{\rho_1}$ в координатах. Имеем:

$$\begin{aligned}\rho_0(a_1) &= \frac{\exp(s+it)}{\exp(\alpha+i\beta)} = \exp(i(t+(Y^{-1}u)-(Y^{-1}Xs))) = \\ &= \exp\left[2\pi i\left(\frac{Argz_1}{2\pi} + \frac{1}{2\pi}(Y^{-1}(\ln|w_1|)) - \frac{1}{2\pi}(Y^{-1}X(\ln|z_1|))\right)\right] = \exp(2\pi i x_1^0); \\ \rho_0(b_1) &= \frac{\exp(u+iv)}{\exp(2\pi i \mu \tilde{c})} = \frac{\exp(u+iv)}{\exp((X+iY)(s+i(-Y^{-1}u+Y^{-1}Xs)))} = \frac{\exp(iv)}{\exp[i(XY^{-1}Xs+Ys-XY^{-1}u)]} = \\ &= \exp\left[2\pi i\left(\frac{Argw_1}{2\pi} + \frac{1}{2\pi}(XY^{-1}(\ln|w_1|)) - (XY^{-1}X+Y)(\ln|z_1|)\right)\right] = \exp(2\pi i y_1^0).\end{aligned}$$

Из последних равенств следует, что вещественные координаты x_1^0, y_1^0 для ρ_0 в картах $\mathfrak{R}$ и ψ_1 будут вещественными гармоническими функциями от z_1 и w_1 , но не будут комплексно-аналитическими относительно этих координат. Теорема доказана.

Предложение 1. (i) Множество $L_1 \cap \bar{L}_1$ есть изоморфный образ при отображении $\mathfrak{R}$ дискретной решетки в $\mathbb{C}$, порожденной линейно независимыми над $\mathbb{R}$ комплексными числами $\frac{i\bar{\mu}}{2\operatorname{Im}\mu}$ и $\frac{-i}{2\operatorname{Im}\mu}$;

(ii) $L_1 \cap \bar{L}_1 \cong \mathbb{Z}^2$ и является подгруппой в группе $\operatorname{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*)$.

Доказательство. (i) Ясно, что $1 \in L_1 \cap \bar{L}_1$. Найдем все пресечение $L_1 \cap \bar{L}_1$. Пусть $\rho \in L_1 \cap \bar{L}_1$, то есть $\rho = \bar{\rho}_1$, где ρ_1 – некоторый несущественный характер. Имеем

$$\exp(2\pi i c) = \overline{\rho_1(a_1)} = \overline{\exp 2\pi i c^1} = \exp(-2\pi i \bar{c}^1),$$

$$\exp(2\pi i \mu c) = \rho_1(b_1) = \overline{\rho_1(b_1)} = \exp(-2\pi i \bar{c}^1 \bar{\mu}).$$

Эти равенства эквивалентны двум равенствам $c = -\bar{c}_1 + k$, $\Omega c = -\overline{\Omega c_1} + n$, $k, n \in \mathbb{Z}$. Из первого следует, что c_1 явно выражается через $c \in \mathbb{C}$ и $k \in \mathbb{Z}$. Из второго найдем общий вид для c : $\Omega c = \bar{\Omega}(c - k) + n$, или

$$(\Omega - \bar{\Omega})c = -\bar{\Omega}k + n,$$

$$c = \frac{1}{2\pi}(-Y^{-1}\bar{\Omega}k + Y^{-1}n) = \frac{1}{2}(k + i(Y^{-1}Xk - Y^{-1}n)).$$

Координаты для $\frac{1}{2i}(-Y^{-1}\bar{\Omega}; Y^{-1})$ линейно независимы над $\mathbb{R}$, так как Y – положительное число и координаты $(-\bar{\Omega}; I_1)$ линейно независимы над $\mathbb{R}$. Последнее утверждение есть классический факт из теории компактных римановых поверхностей и их многообразий Якоби.

(ii) Это утверждение следует из того, что $\mathfrak{R}$ есть голоморфный изоморфизм из L_0 в L_1 и из пункта (i) доказываемой теоремы. Так, если бы существовала последовательность различных $\rho_n \rightarrow 1, n \rightarrow \infty$

в $L_1 \cap \bar{L}_1$, то существовала бы и последовательность различных $(c_n, \Omega c_n)$, сходящаяся к $(0, 0)$, но это противоречит дискретности решетки из утверждения (i). Предложение доказано.

§ 3. Голоморфные мультипликативные функции и дифференциалы Прима на торе

Если ρ – несущественный характер, то единица f_0 для ρ имеет вид $f_0(z) = M(z_0)\exp 2\pi i c z$ на $\mathbb{C}/\Gamma$. Если ρ – существенный характер, то нетривиальная мультипликативная функция f для ρ должна иметь полюса на торе.

Теорема 3. Пусть ρ – любой характер на торе F . Тогда для любого $q \in \mathbb{Z}$ размерность пространства голоморфных (ρ, q) -дифференциалов на F равна:

$$i_{\rho, q}(1) = \dim_{\mathbb{C}} \Omega_{\rho}^q(1; F) = \begin{cases} 1, & \text{при } \rho \in L_1 \\ 0, & \text{при } \rho \in \operatorname{Hom}(\Gamma, \mathbb{C}^*) \setminus L_1. \end{cases}$$

Причем пространство $\Omega_{\rho}^q(1; F)$ порождено дифференциалом вида $M(z_0)(\exp 2\pi i c z)(dz)^q$ на торе F .

Доказательство. Пусть сначала $q = 0$. В случае $\rho = 1, q = 0$ это утверждение является классическим фактом [3] и уже знаем, что $r(1) = i(1) = g = 1$. По теореме Римана-Роха для характеров $\rho \neq 1$ имеем:

$$r_{\rho^{-1}}(1) = i_{\rho}(1). \quad (1.4)$$

По определению $i_{\rho}(1) \geq 0$. Затем $i_{\rho}(1) \leq 1$, так как $i_{\rho}(1) = i((f)^{-1}) = r((f)) - \deg(f)^{-1} \leq 1$ ввиду того, что $r((f)) \leq 1$ при $\deg(f) = 0$, где f – отличная от тождественного нуля мультипликативная функция на F для ρ . Кроме того, $i_{\rho}(1) = 1 \Leftrightarrow r_{\rho^{-1}}(1) = 1 \Leftrightarrow$ существует отличная от тождественного нуля мультипликативная голоморфная функция $f_0 \in L_{\rho^{-1}}(1)$. Здесь f_0 не может быть постоянной, так как постоянные функции не принадлежат нетривиальному характеру. Затем f_0

не имеет нулей из-за того, что $\deg(f_0) = 0$ и f_0 не имеет полюсов. Следовательно, f_0 – единица (т.е. мультипликативная функция для несущественного характера ρ^{-1}). Поэтому $i_\rho(1) = 1$, если и только если ρ – несущественный характер.

Пусть ρ – несущественный характер на F , $\rho \neq 1$. Тогда по теореме Римана-Роха для дифференциалов имеем:

1. Если $q > 1$, то $i_{\rho,q}(1) = r(Z^{q-1})$.
2. Если $q = 1$, то $i_{\rho,q}(1) = r(1) = 1$.
3. Если $q = 0$, то $i_{\rho,0}(1) = r(Z^{-1}) = i(1) = g = 1$.
4. Если $q < 0$, то $i_{\rho,q}(1) = r(Z^{q-1})$.

Но

$r(Z^{-q}) = i_{\rho,q}(1) = (g-1)(2q-1) + r(Z^{q-1}) = r(Z^{q-1})$, а значит, $r(Z^{-q}) = r(Z^{q-1})$. Затем на торе есть голоморфный, отличный от нулевого, абелев дифференциал, например, dz , где $(dz) = 1$ на F . Умножение на него дает равенство $i_{\rho,q}(1) = i_{\rho,q+1}(1; F)$. Из $r(1) = 1$ следует $r(Z^{q-1}) = 1$ для любого q .

Пусть ρ – существенный характер на торе F . Тогда при $q \geq 1$ имеем $i_{\rho,q}(1) = r((f)Z^{q-1}) \leq 1$, так как $\deg((f)Z^{q-1}) = 0$. Но, если существует ϕ – голоморфный m – дифференциал Прима ($\phi \neq 0$) для существенного характера ρ на торе F , т.е.

$\phi = f(z)dz^q$ для ρ на F , то функция $\frac{\phi}{dz^q} = f$ будет голоморфной мультипликативной на торе для существенного характера ρ , где dz – голоморфный абелев дифференциал на $F = \mathbb{C}/\Gamma$. У этой функции нет полюсов, так как dz не имеет нулей на торе, а значит, нет нулей, ввиду того, что $\deg(f) = 0$. Следовательно, f будет единицей для существенного характера ρ . Противоречие. Поэтому $i_{\rho,q}(1) = 0$ при $q \geq 1$ и существенном характере ρ .

Рассмотрим случай $q < 0$. Если существует нетривиальный голоморфный дифференциал Прима $\phi = f(z)dz^{-m}$, $m = -q > 0$ для существенного характера ρ на компактной римановой поверхности F , то умножая на dz^m – нетривиальный голоморфный абелев дифференциал, получим, что $f(z)$ единица для ρ . Противоречие.

Теорема доказана.

Следствие 1. Для любого существенного характера ρ на торе F существует мультипликативная функция f для ρ , имеющая точно один простой полюс в любой точке Q_1 на F . При этом:

$$f(P) = \exp \left[\int_{P_0}^P \tau_{P_1 P_0} - \int_{P_0}^P \tau_{Q_1 P_0} + \log \rho(a_1) \int_{P_0}^P \zeta_1 \right],$$

где $\varphi(P_1) = \varphi(Q_1) + \psi(\rho)$ в $J(F)$ и $\psi(\rho) \neq 0$.

Теорема 4. Для любого несущественного характера ρ и любой точки Q_1 на торе F не существует мультипликативной функции для ρ с единственным простым полюсом Q_1 на F .

Доказательство 1. Для $\rho = 1$ это утверждение есть известный классический факт [3].

Пусть ρ – любой несущественный характер на торе F и $\rho \neq 1$. Предположим, что существует функция f_0 для ρ , такая, что $(f) = \frac{P_1}{Q_1} = D$, где

$\deg D = 0$. Для такого дивизора D существует функция f_1 для некоторого нормированного характера ρ_1 на торе F и $(f_1) = D$. Рассмотрим функцию $g = \frac{f}{f_1}$. Так как $(g) = 1$, то g будет мультипликативной единицей для некоторого несущественного характера $\rho_0 = \frac{\rho}{\rho_1}$. Отсюда $\rho_1 = \frac{\rho}{\rho_0}$, а зна-

чит, $\frac{\rho}{\rho_0} = \rho_1 = 1$ на F [3]. Следовательно, f_1 будет однозначной функцией с единственным и простым полюсом в Q_1 на F . Противоречие.

Доказательство 2. Докажем от противного. Если существует функция f для ρ с $(f) = \frac{P_1}{Q_1}$ на торе

F , то для дивизора $D = \frac{P_1}{Q_1}$ имеем два условия:

$\deg D = 0$. и $\varphi(D) = \psi(\rho) = 0$ в $J(F)$. По классической теореме Абеля [3] существует f_1 – однозначная функция на торе F с единственным простым полюсом в Q_1 на F . Противоречие.

Теорема доказана.

Литература

1. Чуешев, В. В. Мультипликативные функции дифференциала Прима на переменной компактной римановой поверхности. Ч. 2. / В. В. Чуешев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003.
2. Appell, P. Principes de la theorie des fonction-selliptiques et applications / P. Appell, E. Lacour. – Paris: Gauthier-Villars, 1897.
3. Farkas, H. M. Riemann surfaces, Grad. Texts in Math., 71 / H. M. Farkas, I. Kra. – New-York: Springer-Verlag, 1992.
4. Gunning, R. C. On the period classes of Prym differentials / R. C. Gunning // J. Reine Angew. Math. – 1980. – № 319. – 153 – 171.

УДК 517:519.71; 62.50

УПРАВЛЯЕМОСТЬ ЛИНЕЙНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ СИСТЕМ КАК СВОЙСТВО ИХ ТОЧЕЧНЫХ МОДЕЛЕЙ

В. В. Осипов

CONTROLLABILITY OF LINEAR DYNAMICAL SYSTEMS AS PROPERTY OF THEIR POINT MODELS

V. V. Osipov

При анализе точечных моделей многомерных линейных динамических систем (стационарных и нестационарных) решена задача управляемости моделируемых объектов, которая непосредственно связана с положительной определенностью и невырожденностью системных матриц таких моделей.

In the analysis of point models of multidimensional linear dynamical systems (stationary and nonstationary) solved the problem of controllability of the modeled objects, which is directly connected with the positive definite and nondegeneracy system matrix of such models.

Ключевые слова: метод точечных представлений, точечное моделирование, многомерные нестационарные динамические системы.

Keywords: method of point representations, the point modeling, multidimensional nonstationary dynamical systems.

Пусть имеем линейную нестационарную динамическую систему:

$$\frac{dX(\tau)}{d\tau} + TA(\tau)X(\tau) = TK(\tau) \cdot U(\tau), \quad (1)$$

n фазовых переменных которой (n -вектор состояния $X(\tau) = \text{Colon}[x_1(\tau), \dots, x_i(\tau), \dots, x_n(\tau)]$) оказываются ее выходными переменными, а q -вектор $U(\tau) = \text{Colon}[u_1(\tau), \dots, u_i(\tau), \dots, u_q(\tau)]$ является вектором ее выходных сигналов (вектор-функции входа). Рассматриваются управляемые динамические системы, выходные процессы $X(\tau)$, в которых определяющие их динамику на отрезке $[0, 1]$ безразмерного времени τ (или $[0, T]$ времени $t = T\tau$), возникают под воздействием входных сигналов $U(\tau)$, т. е. управляются этими сигналами. Будем их называть управлением.

Возникает естественный вопрос: при каких условиях система будет обладать таким свойством, которое будем называть свойством управляемости или просто управляемостью [1].

Определение 1. Линейную систему (1) назовем управляемой на отрезке $[0, \tau_0] \subset [0, 1]$, если для всякого конечного состояния $X(\tau_0)$ на этом отрезке существует управление $U(\tau)$, которое переводит систему из состояния покоя $X(0) = 0$ в состояние $X(\tau_0)$.

Выделим сразу множество линейных стационарных систем – частного случая нестационарных систем (1), когда матрицы $A(\tau)$, ($n \times n$) и $K(\tau)$, ($n \times q$) оказываются постоянными:

$$\begin{aligned} \frac{dX(\tau)}{d\tau} + TA \cdot X(\tau) &= T \cdot K \cdot U(\tau) \Rightarrow \\ \Rightarrow X(\tau) + TA \int_0^\tau X(\tau) d\tau &= T \cdot K \int_0^\tau U(\tau) d\tau. \end{aligned}$$

Будем искать условия управляемости систем (1) на основе их точечных моделей, точнее, точечных моделей их эквивалентных интегральных уравнений вида ($X(0) = 0$):

$$X(\tau) + T \int_0^\tau A(\tau)X(\tau) d\tau = T \int_0^\tau K(\tau)U(\tau) d\tau, \quad (2)$$

которые являются гомоморфными алгебраическими образами этих уравнений. Однако переход к точечным моделям требует несколько иного определения свойства управляемости уже на языке метода точечных представлений.

Для линейной динамической системы (2), точечная модель которой, ассоциированная с чебышевской N -сеткой I рода, связывает блочные точечные вектора входа и выхода:

$$\left. \begin{aligned} U(\tau) \xrightarrow{T_1} \bar{U}_{T1} &= \text{Colon}[U(\tau_1^{(N)}); \dots; U(\tau_v^{(N)}); \dots; U(\tau_N^{(N)})] \quad a) \\ X(\tau) \xrightarrow{T_1} \bar{X}_{T1} &= \text{Colon}[X(\tau_1^{(N)}); \dots; X(\tau_v^{(N)}); \dots; X(\tau_N^{(N)})] \quad б) \end{aligned} \right\} \quad (3)$$

в форме линейного преобразования

$$\bar{X}_{T1} = W_N(A_v; K_v) \cdot \bar{U}_{T1} \quad (4)$$

реализуемого блочной передаточной матрицей [2]:

$$W_N(A_v; K_v) = T_N^{-1} [B_v] \cdot D_N [(E_n + \lambda_0 A_v)^{-1}] \cdot \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] \cdot D_N [K_v] \quad (5)$$

может быть дано следующее определение свойства управляемости.

Определение 2. Линейную динамическую систему (2), имеющую точечную модель (4), назовем управляемой на отрезке $[0, 1]$ безразмерного времени (или на отрезке $[0, T]$ для переменной $t = T\tau$), если для всяких состояний $X(\tau_v^{(N)})$ ($v = 1, N$), как значений выходного n -мерного сигнала $X(\tau)$, $\tau \in [0, 1]$ в узлах чебышевской N -сетки I рода

$\tau_v^{(N)} = \frac{2v-1}{2N}$, $(v = \overline{1, N})$, т. е. для всякого выходного точечного вектора $\bar{X}_{TI}$ (3 б) существуют такие соответствующие q -мерные управления $U(\tau_v^{(N)})$, $(v = \overline{1, N})$, образующие точечные вектора входа $\bar{U}_{TI}$ (3 а), которые переводят динамическую систему из состояния покоя $X(0) = \bar{X}0 = 0$ в любое из заданных состояний $X(\tau_v^{(N)})$ $(v = \overline{1, N})$, при любой размерности чебышевской сетки.

Замечание. Управляемость всякой линейной динамической системы вида (2) означает и существование управления $U(t) = U(T\tau)$, способного перевести систему и из состояния покоя $X(0) = 0$ в некоторое конечное состояние $X(T)$ за конечный промежуток

времени $[0, T]$ и удерживать ее в таком состоянии в последующее время. Но такое свойство может реализовываться лишь в асимптотически устойчивых системах. Таким образом, устойчивость системы вида (2) является необходимым условием для ее управляемости.

Используя это определение, найдем условие управляемости прежде для стационарной динамической системы (1) – более простого частного случая системы (2). Точечная модель такой системы [2]:

$$\bar{X}_{TI} = W_N(A; K) \cdot \bar{U}_{TI} \quad (6)$$

имеет более простую передаточную матрицу, которую представим в виде произведения двух блочных матриц, одна из которых определяется только системной матрицей A , $(n \times n)$, другая только матрицей K , $(n \times q)$:

$$W_N(A; K) = T_N^{-1}[-B] \cdot D_N[(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] \cdot \lambda_0[(E_n + Z) \otimes E_n](E_n \otimes K) = W_N(A) \cdot (E_n \otimes K) = W_N(A) \cdot D_N[K], \quad (7)$$

где матрицы $W_N(A)$, учитывая перестановочность блочных матриц, будет иметь представление:

$$W_N(A) = D_N[(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] \cdot T_N^{-1}[-B] \cdot \lambda_0[(E_n + Z) \otimes E_n]. \quad (8)$$

Для матриц в ее составе найдем развернутые представления. Так, обращение матрицы $T_N[-B]$ дает для матрицы $T_N^{-1}[-B]$:

$$T_N^{-1}[-B] = \{T_N[-B]\}^{-1} = \{E_n + [Z \otimes (-B)]\}^{-1} = \sum_{v=0}^{N-1} (-1)^v [Z \otimes (-B)]^v =$$

$$= \sum_{v=0}^{N-1} [Z^v \otimes (-1)^v (-B)^v] =$$

E_n						
$-(-B)$	E_n					
$(-B)^2$	$-(-B)$	E_n				
$\vdots$						
$(-1)^v (-B)^v$	$\dots$	$(-B)^2$	$-(-B)$	E_n		
$\vdots$						
$(-1)^{N-1} (-B)^{N-1}$	$\dots$	$(-1)^v (-B)^v$	$\dots$	$(-B)^2$	$-(-B)$	E_n

$$\quad (9)$$

В компактной записи для нулевых степеней предполагается, что $Z0 = En$; $(-B)0 = En \Rightarrow [Z0 \otimes (-B)0] = (En \otimes En) = Enn$. Символом $(-B)$ обозначен дробно-рациональный матричный блок:

$$(-B) = \frac{E_n - \lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} = (E_n + \lambda_0 A)^{-1} (E_n - \lambda_0 A) = (E_n - \lambda_0 A)(E_n + \lambda_0 A)^{-1}, \quad (n \times n).$$

Обратную матрицу $(E_n + \lambda_0 A)^{-1}$ часто удобно представлять в виде дробно-рациональной функции матрицы A $(n \times n)$ с положительным параметром $\lambda_0 = T/2N > 0$, полагая:

$$(E_n + \lambda_0 A)^{-1} = \frac{E_n}{E_n + \lambda_0 A} \quad (n \times n).$$

Тогда квазидиагональная матрица $DN[(En + \lambda_0 A)^{-1}]$ в (7) и (8) запишется в виде:

$$D_N[(E_n + \lambda_0 A)^{-1}] = \text{Diag} \left[\frac{E_n}{E_n + \lambda_0 A} : \dots : \frac{E_n}{E_n + \lambda_0 A} : \dots : \frac{E_n}{E_n + \lambda_0 A} \right]. \quad (10)$$

Для последней блочной матрицы в произведении (8) будем иметь:

$$[(E_n + Z) \otimes E_n] = (E_n \otimes E_n) + (Z \otimes E_n) = \begin{bmatrix} \boxed{} & \boxed{} & & \\ \boxed{} & \boxed{} & & \\ & & \boxed{} & \boxed{} \\ & & & \boxed{} \end{bmatrix} \quad (11)$$

Подставим теперь в (8) найденные явные представления матриц (9), (10) и (11) и осуществим операции матричных умножений. При этом возникают следующие преобразования блочных матричных элементов:

$$\begin{aligned} [(-1)^v(-B)^v + (-1)^{v-1} \cdot (-B)^{v-1}] &= (-1)^{v-1} \cdot (-B)^{v-1} [-(-B) + E_n] = \\ &= (-1)^{v-1} \cdot (-B)^{v-1} \left[-\frac{E_n - \lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} + E_n \right] = (-1)^{v-1} \cdot (-B)^{v-1} \cdot \frac{2\lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A}, \quad (v = \overline{1, (N-1)}) \end{aligned}$$

которые и определяют блочные элементы результирующей матрицы $WN(A)$ (8):

$$W_N(A) = \frac{E_n}{E_n + \lambda_0 A} \cdot \begin{bmatrix} E_n & & & & \\ \frac{2\lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} & E_n & & & \\ \vdots & \ddots & \ddots & & \\ \frac{2\lambda_0(-1)^{v-1}(-B)^{v-1}A}{E_n + \lambda_0 A} & \dots & \frac{2\lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} & E_n & \\ \vdots & \ddots & \vdots & \ddots & \ddots \\ \frac{2\lambda_0(-1)^{N-2}(-B)^{N-2}A}{E_n + \lambda_0 A} & \dots & \frac{2\lambda_0(-1)^{v-1}(-B)^{v-1}A}{E_n + \lambda_0 A} & \dots & \frac{2\lambda_0 A}{E_n + \lambda_0 A} E_n \end{bmatrix}. \quad (12)$$

В связи с представлением (7) для передаточной матрицы в стационарном случае динамической системы ее точечная модель (6) может быть записана в виде:

$$\bar{X}_{TI} = W_N(A; K) \cdot \bar{U}_{TI} = W_N(A) \cdot D_N(K) \cdot \bar{U}_{TI}, \quad (13)$$

где квазидиагональная матрица $DN(K)$ ($N \times N$) имеет прямоугольную матрицу K ($n \times q$) в качестве своих блочных элементов:

$$D_N(K) = (E_n \otimes K) = \text{Diag}[K; \dots; K; \dots; K]. \quad (14)$$

Если матрица $(En + \lambda_0 A)$ ($n \times n$) при всяких положительных значениях параметра $\lambda_0 = T/2N$ окажется невырожденной, то будут существовать все блочные элементы матрицы $WN(A)$ (12), и она также окажется невырожденной и, следовательно, для всяких $\lambda_0 > 0$ будет существовать обратная матрица:

$$W_N^{-1}(A) = \frac{1}{\lambda_0} [(E_n + Z) \otimes E_n]^{-1} \cdot T_N [(-B)] \cdot D_N [(E_n + \lambda_0 A)]. \quad (15)$$

Поэтому точечная модель (13) может быть представлена в форме следующего векторно-матричного равенства:

$$W_N^{-1}(A) \cdot \bar{X}_{TI} = D_N(K) \cdot \bar{U}_{TI}. \quad (16)$$

Теперь, на основе известных положений обычной линейной алгебры, может быть доказана следующая теорема об управляемости линейных стационарных динамических систем.

Теорема 1. Если матрица A ($n \times n$) стационарной динамической системы (1) положительно определена [3], а матрица K ($n \times q$) ($q \geq n$) имеет ранг n , то такая система с точечной моделью (13) окажется управляемой на $[0, T]$. При этом ее передаточная матрица $WN(A; K)$ (7) при любых N будет иметь ранг Nn , равный размерности точечного вектора выхода $\bar{X}_{TI}$.

Доказательство. Положительная определенность матрицы A означает отрицательность вещественных частей собственных значений матрицы $(-A)$, т. е. устойчивость динамической системы (1) – необходимого условия ее управляемости [3]. Это также означает положительную определенность матрицы $(En + \lambda_0 A)$ ($n \times n$) при любых $\lambda_0 = T/2N > 0$ (т. е. любых N при фиксированных T), т. е. означает выполнение условия теоремы о существовании передаточной матрицы $WN(A; K)$ в точечной модели (6) динамической системы в рассматриваемом случае. Что означает также невырожденность матрицы

$WN(A)$ (12) и существование обратной матрицы $WN^{-1}(A)$ (15).

Введем блочный вектор

$$\bar{Y}_{TI} = W_N^{-1}(A) \cdot \bar{X}_{TI}, \quad (17)$$

который будет однозначно определен для всякого заданного вектора $\bar{X}_{TI}$ и запишем точечную модель (16) в виде линейного уравнения для блочного вектора управления $\bar{U}_{TI}$ с системной матрицей $\lambda 0DN(K)$ ($Nn \times Nq$) и правой частью (17), т. е. в виде

$$D_N(K) \cdot \bar{U}_{TI} = \bar{Y}_{TI} = W_N^{-1}(A) \cdot \bar{X}_{TI}. \quad (18)$$

Это уравнение окажется совместным, т. е. будет иметь решение $\bar{U}_{TI}$, если его системная матрица $DN(K)$ ($Nn \times Nq$) (14) будет иметь ранг Nn . Последнее будет наблюдаться лишь тогда, когда все блочные элементы этой квазидиагональной матрицы, т. е. матрица K ($n \times q$) будет иметь ранг n , что возможно, если $q \geq n$, т. к. $\text{Rang}(K) \leq \min(n, q)$. Решение окажется единственным, если матрица K ранга n окажется квадратной ($q = n$), т. е. невырожденной.

Таким образом, если выполняется и второе условие теоремы 1 относительно ранга матрицы K ($n \times q$), то для всякого однозначного заданного вектора $\bar{X}_{TI}$ существует вектор управления $\bar{U}_{TI}$ и, значит, по определению 2 стационарная динамическая система с точечной моделью (13) окажется управляемой на временном отрезке $[0, T]$.

Точечную модель (6) (или (13)) запишем в виде уравнения для вектора $\bar{U}_{TI}$ с системной матрицей $WN(A; K)$ (7) и правой частью $\bar{X}_{TI}$:

$$W_N(A; K) \cdot \bar{U}_{TI} = \bar{X}_{TI}.$$

Это уравнение эквивалентно уравнению (18), поэтому оно также совместно и, следовательно, его системная матрица, а это передаточная матрица $WN(A; K)$ ($Nn \times Nq$) рассматриваемой динамической системы, будет иметь ранг Nn , равный размерности вектора $\bar{X}_{TI}$. Теорема доказана.

Логика доказательства теоремы об управляемости динамической системы частного вида, основанного на известных положениях линейной алгебры и само определение понятия управляемости линейной динамической системы общего вида со всей очевидностью показывает, что свойство управляемости линейной динамической системы, описываемой функциональным уравнением (2), есть, в сущности, свойство ее точечной модели (4), как линейного уравнения для точечного вектора управления $\bar{U}_{TI}$ при любых N иметь решение (в общем случае – множество решений) для любого заданного вектора $\bar{X}_{TI}$ с конечной нормой.

Имеет место следующий общий факт, который сформулируем в виде следующей теоремы.

Теорема 2. Если ранг передаточной матрицы $WN(A_v; K_v)$ ($q \geq n$) (5) линейной динамической системы (2) при любых N будет равен Nn , то такая система окажется управляемой на отрезке $[0, T]$.

Доказательство. Утверждение теоремы становится очевидным, т. к. оно, в сущности, устанавливает хорошо известный факт о том, что линейное алгебраическое уравнение (4)

$$W_N(A_v; K_v) \cdot \bar{U}_{TI} = \bar{X}_{TI}$$

относительно вектора $\bar{U}_{TI}$ с системной матрицей $WN(A_v; K_v)$ ($Nn \times Nq$) ($q \geq n$), окажется совместным, т. е. будет иметь решение $\bar{U}_{TI}$ при любой заданной правой части $\bar{X}_{TI}$ и любых N , если его системная матрица будет иметь ранг Nn , совпадающий с размерностью блочного вектора $\bar{X}_{TI}$.

Отметим, что в доказательстве теоремы 1 об управляемости динамических систем частного вида фактически строго доказан именно этот факт. На этом доказательство можно закончить.

Утверждение теоремы 2 может рассматриваться как факт, характеризующий полностью и само понятие управляемости линейной динамической системы общего вида (2). Очевидно, свойства системных матриц $A(\tau)$ ($n \times n$) и $K(\tau)$ ($n \times q$) нестационарной динамической системы (2), как и в стационарном случае, будут определять свойства ее точечной модели (4), т. е. свойства ее передаточной матрицы $WN(A_v; K_v)$ (5). В частности, для этих матриц могут быть указаны условия управляемости динамическими системами типа (2).

Может быть доказана следующая теорема, обобщающая теорему 1 на этот более общий тип динамических систем.

Теорема 3. Если матрица $A(\tau)$, ($n \times n$), $\tau \in [0, 1]$ нестационарной динамической системы (2) будет положительно определенной, а ее матрица $K_v(\tau)$, ($n \times q$), ($q \geq n$), $\tau \in [0, 1]$ будет иметь ранг n , то передаточная матрица $WN(A_v; K_v)$ ($Nn \times Nq$) (5) такой системы при любом N будет ранга Nn , совпадающего с размерностью блочного вектора $\bar{X}_{TI}$, и система окажется управляемой на отрезке $[0, T]$ (по времени $t = T\tau$).

Доказательство. Сводится к установлению того факта, что при выполнении указанных условий передаточная матрица $WN(A_v; K_v)$ (5) динамической системы (2) будет иметь ранг Nn . Приведем соответствующие рассуждения, повторяя, по существу, логику доказательства теоремы 1. Представим прежде передаточную матрицу $WN(A_v; K_v)$ в виде:

$$W_N(A_v; K_v) = W_N(A_v) \cdot D_N(K_v), \quad (19)$$

как это было сделано в стационарном случае (см. (7)). Теперь, однако, будем иметь:

$$W_N(A_v) = D_N \left[(E_n + \lambda_0 A_v)^{-1} \right] \cdot T_N^{-1} [B_v] \cdot [(E_n + Z) \otimes E_n] \lambda_0 \quad (20)$$

и

$$D_N(K_v) = \text{Diag} [K_1 : \dots : K_v : \dots : K_N] \quad (21)$$

Невырожденность блочных матриц $T_N^{-1} [B_v]$ и $DN[(E_n + \lambda_0 A_v) - 1]$ гарантируется при выполнении условия положительной определенности матрицы

$A(\tau)$, $\tau \in [0, 1]$ и матриц $(En + \lambda_0 A_v)$ ($v = \overline{1, N}$) при всех $\lambda_0 = T/2N > 0$ [2]. Это означает, очевидно, и невырожденность матрицы $WN(A_v)$ (20) и существование обратной ей матрицы $W_N^{-1}(A_v)$, а также, что точечная модель (4) нестационарной динамической системы (2), согласно (19), может быть представлена в следующем эквивалентном виде, подобном виду (16) для стационарного случая:

$$\begin{aligned} \bar{X}_{TI} &= W_N(A_v; K_v) \cdot \bar{U}_{TI} \Leftrightarrow \\ &\Leftrightarrow W_N^{-1}(A_v) \cdot \bar{X}_{TI} = D_N(K_v) \cdot \bar{U}_{TI}. \end{aligned} \quad (22)$$

Или в виде линейного уравнения для блочного вектора управления $\bar{U}_{TI}$ с системной матрицей $DN(K_v)$ (21) и вектором правой части $W_N^{-1}(A_v) \bar{X}_{TI}$, который однозначно определен заданным вектором состояния $\bar{X}_{TI}$, т. е. представлена в виде:

$$D_N(K_v) \cdot \bar{U}_{TI} = W_N^{-1}(A_v) \cdot \bar{X}_{TI}. \quad (23)$$

Это уравнение окажется совместным, т. е. будет иметь решение $\bar{U}_{TI}$, если его системная матрица $DN(K_v)$ (21) будет иметь ранг Nn , совпадающий с размерностью блочного вектора правой части. Последнее будет иметь место лишь тогда, когда все N матричных блок-элементов K_v ($n \times q$), ($q \geq n$), ($v = \overline{1, N}$) системной квазидиагональной матрицы $DN(K_v)$ (21) будет иметь ранг n . Заметим, что решение окажется единственным, если матрицы $K_v = K(\tau_v^{(N)})$ ($v = \overline{1, N}$) ранга n окажутся квадратными ($q = n$) и, следовательно, невырожденными. Уравнение (22), как уже отмечалось, эквивалентно уравнению (23). Оно также совместно при всяких N и, следовательно, его системная матрица $WN(A_v; K_v)$ ($Nn \times Nq$), а это – передаточная матрица линейной нестационарной системы (2), будет иметь ранг Nn , совпадающий с размерностью блочного вектора $\bar{X}_{TI}$ правой части, что и доказывает управляемость системы на временном отрезке $[0, T]$.

В заключение сделаем несколько следующих замечаний.

Замечание 1. Если нестационарная динамическая система (2) с точечной моделью (22) (или в эквивалентном виде (23)) управляема, то существуют такие управления $U(\tau)$ $\tau \in [0, 1]$ и их точечные представления $\bar{U}_{TI}$, которые способны на отрезке $[0, 1]$ (т. е. за время $[0, T]$) перевести систему из некоторого начального состояния $X(\tau_1^{(N)})$ (это первая блочная компонента точечного вектора состояния $\bar{X}_{TI}$) в состояние покоя $X(0)$, точнее, в конечное состояние $X(\tau_N^{(N)})$, близкое к $X(0) = 0$ (это последняя блочная компонента вектора $\bar{X}_{TI}$), причем при наличии множества различных других промежуточных со-

стояний $X(\tau_v^{(N)})$, ($v = \overline{2, (N-1)}$). Такие точечные управления $\bar{U}_{TI}$ могут быть найдены как решения совместного уравнения (23) при заданном векторе состояния $\bar{X}_{TI}$.

Замечание 2. Выделим случай, когда $q = n$, т. е. когда совпадает число входов и выходов, совпадающих с числом фазовых переменных, у линейной динамической системы (управляемого объекта, описываемого дифференциальным уравнением (1) или интегральным (2)). В этом случае будем иметь n -вектор функции $X(\tau)$ и $U(\tau)$ и квадратные матрицы $A(\tau)$ и $K(\tau)$ одинаковой размерности ($n \times n$). Блоки точечных представлений входа $\bar{U}_{TI}$ и выхода $\bar{X}_{TI}$ окажутся одинаковыми, как n -векторные значения $U(\tau_v^{(N)})$ и $X(\tau_v^{(N)})$, ($v = \overline{1, N}$), полученные в узлах чебышевской N -сетки I рода. Одинаковыми окажутся и размерности ($n \times n$) матричных блоков $A(\tau_v^{(N)}) = A_v$ и $K(\tau_v^{(N)}) = K_v$ для всех $v = \overline{1, N}$, а передаточная матрица в точечной модели (4), определяемая формулой:

$$\begin{aligned} W_N(A_v; K_v) &= T_N^{-1} [B_v] \cdot D_N [(\lambda_0 A_v + E_n)^{-1}] \cdot \\ &\cdot \lambda_0 [(E_n + Z) \otimes E_n] D_N [K_v] \end{aligned}$$

окажется квадратной размерности ($Nn \times Nn$) и если динамическая система управляема, то, согласно теореме 2, эта матрица будет иметь полный ранг Nn , т. е. окажется невырожденной. Она окажется и блочной нижнетреугольной матрицей и тёплицевой – в стационарном случае.

Замечание 3. Отметим следующую особенность матричных произведений в точечных моделях линейных динамических систем. Так, рассмотрим произведение матриц в представлении передаточной матрицы (ПМ) точечной модели (22) линейной нестационарной динамической системы:

$$\begin{aligned} \lambda_0 T_N^{-1} [B_v] \cdot D_N [(\lambda_0 A_v + E_n)^{-1}] \cdot \\ \cdot [(E_n + Z) \otimes E_n] D_N [K_v] &= W_N(A_v; K_v). \end{aligned} \quad (24)$$

Если отдельные блочные матрицы – сомножители в произведении (24) рассматривать в роли ПМ точечных моделей отдельных динамических звеньев, то при схемном (графическом) представлении всей точечной модели системы будем иметь последовательную цепочку этих динамических звеньев, причем порядок их следования окажется обратным порядку следования их ПМ в произведении (24). Покажем это.

Прежде отметим, что все блочные матрицы в произведении (24) оказываются квадратными размерности ($Nn \times Nn$), за исключением последней матрицы $DN[K_v]$ ($Nn \times Nq$). Такую же размерность будет иметь и ПМ $WN(A_v; K_v)$ (24).

Введем динамические звенья с передаточными матрицами – сомножителями из произведения в (24):

$$\left. \begin{aligned}
 D_N[K_v] \cdot \bar{U}_{TI} &= W_1 \cdot \bar{U}_{TI} = \bar{X}_1; & \Rightarrow \bar{U}_{TI} \rightarrow [W_1] \xrightarrow{\bar{X}_1}; & a) \\
 [(E_n + Z) \otimes E_n] \bar{X}_1 &= W_2 \cdot \bar{X}_1 = \bar{X}_2; & \Rightarrow \bar{X}_1 \rightarrow [W_2] \xrightarrow{\bar{X}_2}; & б) \\
 D_N[(E_n + \lambda_0 A_v)^{-1}] \bar{X}_2 &= W_3 \cdot \bar{X}_2 = \bar{X}_3; & \Rightarrow \bar{X}_2 \rightarrow [W_3] \xrightarrow{\bar{X}_3}; & в) \\
 \lambda_0 T_N^{-1} [B_v] \bar{X}_3 &= W_4 \cdot \bar{X}_3 = \bar{X}_{TI}; & \Rightarrow \bar{X}_3 \rightarrow [W_4] \xrightarrow{\bar{X}_{TI}}. & г)
 \end{aligned} \right\} \quad (25)$$

Очевидно, теперь точечная модель (24) может быть записана в виде:

$$W_N(A_v; K_v) \cdot \bar{U}_{TI} = W_4 \cdot W_3 \cdot W_2 \cdot W_1 \cdot \bar{U}_{TI} = \bar{X}_{TI}, \quad (26)$$

т. е. ее ПМ получит представление

$$W_N(A_v; K_v) = W_4 \cdot W_3 \cdot W_2 \cdot W_1, \quad (27)$$

которое будем иметь, если последовательно будем исключать промежуточные сигналы «вход – выход» введенных динамических звеньев (9). Возникает следующая процедура с соответствующими схемами иллюстрациями.

Умножим обе стороны равенства (25 а) – точечные модели 1-го динамического звена, на W_2 – передаточную матрицу 2-го звена (25 б) и, учитывая равенство (25 б), получим:

$$\begin{aligned}
 W_2 \cdot W_1 \cdot \bar{U}_{TI} &= W_2 \cdot \bar{X}_1 = \\
 = \bar{X}_2; &\Rightarrow \bar{U}_{TI} \rightarrow [W_1] \xrightarrow{\bar{X}_1} [W_2] \xrightarrow{\bar{X}_2}.
 \end{aligned} \quad (28)$$

Следующий шаг: умножим возникшее равенство в (28) на W_3 – ПМ динамического звена (25 в). В результате будем иметь:

$$\begin{aligned}
 W_3 \cdot W_2 \cdot W_1 \cdot \bar{U}_{TI} &= W_3 \cdot \bar{X}_2 = \\
 = \bar{X}_3; &\Rightarrow \bar{U}_{TI} \rightarrow [W_1] \xrightarrow{\bar{X}_1} [W_2] \xrightarrow{\bar{X}_2} [W_3] \xrightarrow{\bar{X}_3}.
 \end{aligned} \quad (29)$$

Наконец, умножая (29) на матрицу W_4 и учитывая (25 г), найдем:

$$\begin{aligned}
 W_4 \cdot W_3 \cdot W_2 \cdot W_1 \cdot \bar{U}_{TI} &= \bar{X}_{TI} \Rightarrow \\
 \Rightarrow \bar{U}_{TI} \rightarrow [W_1] \xrightarrow{\bar{X}_1} [W_2] \xrightarrow{\bar{X}_2} [W_3] \xrightarrow{\bar{X}_3} [W_4] \xrightarrow{\bar{X}_{TI}}.
 \end{aligned}$$

т. е. получим точечную модель (26) рассматриваемой динамической системы с ПМ (27), которая схемно представляется в виде последовательной цепочки динамических звеньев, соединенных в обратном порядке по сравнению с порядком следования их ПМ в произведении (27), образующей ПМ динамической системы. Отметим, что для управляемой динамической системы с точечной моделью (26) и с ПМ (27) ранга Nn , введенные динамические звенья (25) также окажутся управляемыми, и ранги их ПМ также будут равны Nn .

Замечание 4. Отметим более общий и практически важный случай, когда число выходных переменных линейной динамической системы не равно числу ее переменных состояния. В этом случае система описывается уравнениями:

$$\left. \begin{aligned}
 \frac{dX(\tau)}{d\tau} + T \cdot A(\tau) X(\tau) &= T \cdot K(\tau) \cdot U(\tau); & a) \\
 Y(\tau) &= C(\tau) \cdot X(\tau). & б)
 \end{aligned} \right\} \quad (30)$$

Пусть по-прежнему, q – размерность векторного сигнала входа $U(\tau)$ (вектора управления), а n – размерность вектора состояний $X(\tau)$ (число фазовых

переменных), который линейным преобразованием, осуществляемым матрицей $C(\tau) (r \times n)$, определяет r -вектор выхода $Y(\tau)$, причем $r \leq n$. Соответствующая точечная модель такой динамической системы, как ее гомоморфный алгебраический образ, представляется равенствами [2]:

$$\left. \begin{aligned}
 W_N(A_v; K_v) \bar{U}_{TI} &= \bar{X}_{TI}; & a) \\
 D_N(C_v) \bar{X}_{TI} &= \bar{Y}_{TI}, & б)
 \end{aligned} \right\} \quad (31)$$

где $W_N(A_v; K_v) (Nn \times Nq)$ есть прежняя ПМ (27)

для Nn – вектора состояний $\bar{X}_{TI}$, а квазидиагональная матрица

$$\begin{aligned}
 D_N(C_v) &= D_N[C(\tau_v^{(N)})] = \\
 &= \text{Diag}[C_1 \vdots \vdots C_v \vdots \vdots C_N] (Nr \times Nn)
 \end{aligned}$$

с блоками-элементами $C_v (r \times n)$ ($v = \overline{1, N}$) связывает точечный вектор состояний $\bar{X}_{TI}$ с Nr – вектором выхода $\bar{Y}_{TI}$.

Умножим обе стороны равенства (31 а) на матрицу $D_N(C_v)$ (31 б) и, учитывая (31 б), получим точечную модель связи «вход-выход» для динамической системы (30):

$$D_N(C_v) \cdot W_N(A_v; K_v) \cdot \bar{U}_{TI} = \bar{Y}_{TI} \quad (32)$$

с ПМ

$$D_N(C_v) \cdot W_N(A_v; K_v) (Nr \times Nq). \quad (33)$$

Ее схемное представление изображено на рис 1.

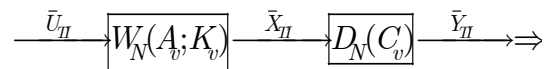

Рис. 1.

Обращает на себя внимание отмеченный ранее факт взаимно-обратного порядка следования отдельных динамических звеньев в схемном представлении и в следовании их ПМ в произведении (33), образующем ПМ модели (32). И еще одно: для динамической системы (31), управляемой по выходу, ранг ее ПМ (33) должен быть равен Nr – размерности вектора выхода $\bar{Y}_{TI}$, а это означает, что ПМ, образующие ПМ (33), должны иметь соответствующие ранги.

Замечание 5. Утверждения всех ранее доказанных теорем относительно управляемости различных линейных динамических систем как свойства их точечных моделей ассоциированных с чебышевской

N -сеткой I рода, непосредственно распространяются и на их точечные модели, ассоциированные с чебышевской $2N$ -сеткой II рода, с передаточными матрицами $W_{2N}(A_k; K_k)$.

Необходимо лишь в соответствующих утверждениях и выкладках N заменить на $2N$, а вместо ранга Nn передаточных матриц $W_N(A_v; K_v)$ указывать ранг $2Nn$ передаточной матрицы $W_{2N}(A_k; K_k)$, равный размерности точечного вектора выхода $\bar{X}_{\Pi}^{(2N)}$. Для этого варианта точечной модели динамической системы окажутся справедливыми и все предыдущие замечания.

Литература

1. Директор, С. Введение в теорию систем / С. Директор, Р. Рорер; пер. с англ.; под ред. Н. П. Бусленко. – М.: Мир, 1974. – 464 с.
2. Осипов, В. М. Моделирование линейных динамических систем методом точечных представлений / В. М. Осипов, В. В. Осипов. – М.: МАКС-Пресс, 2005. – 296 с.
3. Осипов, В. М. Положительная определённость и положительность функций. Элементы теории и некоторые приложения / В. М. Осипов, В. В. Осипов. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. – 415 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 373.1.013

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Н. А. Боброва, Г. Г. Солодова

CONCEPTUAL APPROACHES TO PERFORMING PROFESSIONAL SELF DETERMINATION OF STUDENTS

N. A. Bobrova, G. G. Solodova

В статье обосновываются концептуальные подходы, реализация которых в образовательном процессе вуза обеспечивает подготовку студентов к педагогической деятельности в новых социокультурных условиях.

The article presents some results of reconsidering Higher school period of training students for teaching in modern conditions.

Ключевые слова: становление, профессиональное самоопределение.

Keywords: performing, professional selfdetermination.

Изучение педагогической культуры изменяющегося социума и её влияния на становление профессионального самоопределения студентов делает необходимым поиск новой образовательной практики, обеспечивающей подготовку студентов к педагогической деятельности в новых социокультурных условиях. Глобальный характер изменений, происходящих в педагогической культуре современного социума, требует *переосмысления концептуальных подходов* в организации педагогического образования, направленного на подготовку современного социокультурного типа учителя как субъекта педагогической культуры.

Если ранее «знаниевый» подход определял организацию образовательного процесса вуза, направленного на подготовку студента к педагогической деятельности в условиях стабильного социума, то изменяющийся социум актуализирует поиск культурно-значимых форм саморазвития личности. Это значит, что студент должен овладеть не только знаниями, необходимыми для будущей профессиональной деятельности, но и, учитывая возрастающую роль социально-культурных функций педагога,

развивать личностные качества и умения, значимые в ситуациях поликультурности и поисковой активности. В контексте актуальной педагогической культуры в изменяющемся социуме студент должен осознавать ситуацию переходности и формировать сознание, побуждающее его к преобразовательной деятельности. Из этого следует, что организация воспитательно-образовательного процесса вуза должна рассматриваться в контексте педагогической культуры, где отражён мировой педагогический опыт и представлены лучшие образцы педагогической деятельности.

Вузовский этап подготовки студентов к педагогической деятельности рассматривается как основополагающий, в этот период профессионального развития осуществляется формирование психологической готовности студентов к пониманию сущности деятельности профессионала, осваивается научно-теоретическая база специальных профессиональных знаний по предмету, происходит развитие умений функционально-ориентированной деятельности. В образовательном процессе вуза создаются условия, обеспечивающие подготовку студентов к будущей

профессии, в контексте тех задач, которые определяет социум, а потому изменения требований к личности профессионала приводит к реорганизации воспитательно-образовательного процесса на принципах, адекватной для данного социума культуры.

В настоящее время осуществляется попытка реформирования высшей школы на принципах субъектной педагогики. Практически для всех вузов страны характерна ситуация поиска адекватных для современного социума организационных форм и методов учебной деятельности. В данном параграфе нашего исследования мы попытались обосновать концептуальные подходы, реализация которых в образовательном процессе вуза будет способствовать становлению профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума, а также исследовать возможности их использования в целях подготовки студента к педагогической деятельности на принципах субъектной педагогики.

Концептуальный подход в организации образовательного процесса понимается нами как такой теоретический метод познания педагогических процессов и явлений, который предполагает обоснование целе- и культуросообразности определённых принципов и организационных форм, реализация которых обеспечивает социокультурную адекватность студента как будущего профессионала.

Обосновать концептуальный подход – значит:

1) определить *направление* поиска, которое позволяет переосмыслить сущностные характеристики познаваемого процесса;

2) актуализировать внимание *на проблемах* (или противоречиях), которые возникают в новых социокультурных ситуациях;

3) *создать условия*, адекватные поставленной задаче и обеспечивающие её решение.

В научной литературе (Н. К. Карпова, В. В. Краевский и др.) отмечается, что базовой основой «подхода» в исследовании (или организации процесса) являются принципы, «регулирующие научное познание в целом или частнопроблемном знании» [5, с. 27]. В нашем исследовании такие принципы определяются актуальной для сегодняшнего времени педагогической культурой – это принципы: субъектности, саморазвития, самоопределения, «авторское право на культуру» и т. п., что, на наш взгляд, привносит в педагогическое образование культурологическую составляющую и акцентирует внимание на формулировании положений, выступающих в качестве обоснования нашего выбора из тех концептуальных подходов, которые уже сформулированы в педагогической науке, но возникает необходимость выявления возможностей их использования для становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума.

Выводы, к которым мы пришли в теоретической части нашего исследования относительно сущностных характеристик профессионального самоопределения, позволяют сформулировать положения, ко-

торые должны быть реализованы в воспитательно-образовательном процессе вуза. Студент как будущий педагог должен: осознавать ситуацию обновления школы как ситуацию переходного состояния социума, когда происходит смена образовательной парадигмы; понимать ценностно-смысловые основы педагогической деятельности, предполагающие реализацию антропоцентристского типа культуры; осознавать себя субъектом педагогической культуры, в процессе познания которой он реализует «авторское право» на культуру, создавая концептуальную модель своей будущей профессии; уметь осуществлять выбор целе- и культуросообразных форм, методов и стиля педагогической деятельности и т. д.

Таким образом, в качестве *концептуальных подходов*, обеспечивающих становление профессионального самоопределения студентов, являются: историко-цивилизационный, социокультурный, аксиологический, междисциплинарный. Далее мы попытались представить возможности использования данных подходов на этапе вузовской подготовки студентов.

Историко-цивилизационный подход в решении проблемы становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума рассматривается нами как *необходимое условие обоснования ситуации изменяющегося социума*. Данный подход реализуется в процессе освоения студентами тех учебных дисциплин, где раскрываются исторические аспекты осмысления педагогической деятельности, позволяющие студенту осваивать педагогическую профессию в её исторической ретроспективе. Осмысление педагогического процесса в логике историко-цивилизационного подхода позволяет отойти от обыденного восприятия педагогической реальности и взглянуть на происходящее в системе образования с точки зрения «глобальной исторической перспективы» (Г. Б. Корнетов).

Реализация данного подхода в учебно-познавательной деятельности студента актуализирует *познавательно-ориентационную функцию* профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума, и в этом смысле этот подход должен рассматриваться как основополагающий для обоснования содержания тех учебных дисциплин, предмет изучения которых – человек, общество, культура. Профессиональное самоопределение студента в историческом прошлом (а не только в личной биографии) создаёт ту научную основу, которая может стать основанием для формирования концепции его будущей профессии.

Историко-цивилизационный подход предполагает теоретическое осмысление прошлого в форме научных понятий, теорий, концепций, которые рассматриваются относительно конкретных этапов развития социума на протяжении длительного временного периода, а также изучение педагогических процессов и явлений в их развитии, противоречивости, соотношении со временем и культурным контек-

стом социума, что позволяет: проследить *изменчивость* педагогических систем, оценивать необходимость их изменения и совершенствования относительно идеологии социума; показать *объективность* и *необходимость* тех или иных форм воспитательной и образовательной деятельности относительно особенностей социума; оценивать *необходимость инноваций* для педагогической практики в логике цивилизационных процессов, происходящих в социуме; осознавать необходимость *инновационной деятельности педагога*, возможности его влияния на совершенствование педагогической практики и на этом основании *воспринимать его как субъекта историко-педагогического процесса*, от инициативных действий которого зависит будущее школы; акцентировать внимание как *на сущностных характеристиках* педагогических процессов, в которых отражаются признаки *устойчивости* и *стабильности*, так и *на особенностях* реализации данных процессов в зависимости от условий, в которых эти процессы осуществляются и т. д.

Исторический аспект в становлении профессионального самоопределения позволяет студенту овладеть *историческими формами сознания*: умением отображать реальный историко-педагогический процесс; ориентироваться на общечеловеческие ценности конкретного социально-исторического времени; адекватно отражать содержание исторической памяти и линейную развёрнутость социального времени; быть полифоничным и др.

Становление профессионального самоопределения студента, как было отмечено ранее, обостряет в его самосознании связь «*прошлое – будущее*», а потому в процессе подготовки к педагогической деятельности ему необходимо научиться разграничивать данные категории относительно педагогической теории и педагогической практики. В этой связи исторический опыт в развитии системы образования создаёт ту научную основу, которая может стать основанием для формирования исходных позиций при разработке педагогических концепций будущей школы. Осмысление исторического опыта способствует решению таких важных для изменяющегося социума проблем, как – *преодоление маргинальности* при принятии решений (осуществлении выбора) и *достижение личностью социокультурной адекватности* относительно цивилизационных процессов, восприятие себя адекватной времени. Как справедливо заметил М. Вебер, что всё определяется «в конечном счёте “интересом эпохи”, который и даёт ему направленность взгляда» [2, с. 25].

На наш взгляд, становление профессионального самоопределения в рамках историко-цивилизационного подхода должно быть направлено на изучение исторического прошлого в трёх аспектах:

1) выявление «вечных» ценностей, которые являются значимыми для педагогической деятельности и в прошлом, и в настоящем, а потому определяют будущее;

2) отделение сущностных характеристик педагогических явлений и процессов от их идеологической интерпретации;

3) изучение гуманистических традиций в истории отечественной и зарубежной педагогики и школы как базовой основы для выстраивания концепций модернизации воспитательно-образовательного процесса соответственно цивилизационным процессам, характерным для современного социума.

Таким образом, становление профессионального самоопределения студента, осуществляемое в контексте изучения исторического прошлого должно быть нацелено на: осознание его значимости для решения сегодняшних проблем, возможности использования уже отработанного опыта в условиях современной школы; усвоение уроков прошлого – выявление причин, приводящих к негативным результатам в развитии личности; критический анализ исторического опыта, выявление его прогрессивных идей и тенденций, обуславливающих прогрессивное развитие системы образования; бережное отношение к педагогическим традициям и педагогическим практикам, реализация которых в новых социокультурных условиях позволяет эффективно решать проблемы развития личности современных школьников.

Реализация историко-цивилизационного подхода в подготовке студентов к педагогической деятельности обуславливает их самоопределение в профессии и в самом себе относительно социальных аспектов будущей профессиональной деятельности.

Переход системы образования на новую парадигму требует соотнесения динамики педагогической культуры и личности педагога относительно конкретной социальной среды, обоснования новой, зарождающейся сегодня педагогики и педагогической практики. Изменения, происходящие в образовании, являются частью тех глобальных процессов, которые наблюдаются во всех сферах жизнедеятельности современного человека и оказывают своё влияние на педагогические процессы и явления, поэтому для решения сугубо педагогических проблем оказывается значимым анализ философско-культурологического плана. В связи с этим при решении проблемы становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума особую значимость приобретает *социокультурный подход*. Его применение воспринимается нами в качестве *научной основы* изучения педагогических явлений и процессов как *элементов социально-культурной системы*, позволяющих включать их в более широкий контекст человеческого бытия. Реализация социокультурного подхода в познании студентами профессии и научных основ профессиональной деятельности актуализирует *познавательно-ориентационную* и *ценностно-ориентационную функции* профессионального самоопределения.

Социокультурный подход реализуется в процессе изучения студентами гуманитарных дисциплин, где рассматриваются проблемы социума и культу-

ры, что позволяет осваивать педагогическую профессию в контексте культуры как «парадигмы человеческого существования»

(В. П. Порус). Осмысление педагогических процессов в логике социокультурного подхода позволяет осваивать культурно-значимые формы самореализации личности в педагогической деятельности. Профессиональное самоопределение в социокультурной реальности создаёт научную основу для формирования студентом концепции его будущей профессии.

Социокультурный подход обуславливает необходимость социокультурной составляющей в процессе профессиональной подготовки студента, которая предполагает развитие его социально-культурного опыта, включая его преобразующую функцию. Профессиональное самоопределение студентов в педагогической культуре изменяющегося социума проявляется как понимания смысла происходящих событий, определяющего его как субъекта педагогической культуры.

Применение социокультурного подхода к становлению профессионального самоопределения студента предоставляет возможность: осмыслить педагогическую реальность как *отражение изменений*, происходящих в социуме, и как *проявление новых тенденций* в педагогической культуре данного социума; изучить *характеристики изменяющегося социума* и обосновать соответствующий ему тип культуры; проследить *развитие* конкретной идеи и педагогического опыта в *его социокультурной обусловленности*; обосновать *изменения в социальной ситуации развития личности* и объяснять проблемы, возникающие в развитии школьников разных поколений, что обуславливает поиск новых форм и методов обучения и воспитания; обеспечить поиск культурных программ, овладение которыми помогает выстраивать педагогическую деятельность с учётом особенностей изменяющегося социума; обосновать социокультурную востребованность педагогических теорий, принципов, подходов, форм и методов, значимых для решения современных проблем; воссоздавать «образы» культуры каждой исторической эпохи и обосновать их в зависимости от социальных условий, что определяет выбор концепций воспитания и обучения, наиболее адекватных для данного социума; понимать профессиональную деятельность педагога как культурно-педагогическую деятельность, направленную на демократизацию и гуманизацию социума; обосновывать социокультурный тип педагога, значимый в конкретном социуме – «философ», «ментор», «человек культуры» и т. д.; актуализировать поиск наиболее целе- и культуросообразных форм и методов воспитательно-образовательного процесса в разных типах учебных заведений; осознавать необходимость самоизменений относительно требований социума и профессии; рассматривать учебно-познавательную деятельность в вузе как *диалог* преподавателя и студентов *во времени и в культуре*, смысл которого состоит в обмене позициями, опытом, взглядами на

будущее, определении перспектив в развитии, оценке происходящего и т. п.

Таким образом, становление профессионального самоопределения студента в рамках социокультурного подхода обуславливает его ориентацию в проблемах изменяющегося социума, в условиях поликультурности педагогической культуры создаёт ситуацию выбора – студент, реализуя своё «право на культуру», создаёт концептуальный образ своей будущей профессии.

Аксиологический подход в решении проблемы становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума рассматривается нами как обеспечение *возможностей для поиска ценностно-смысловой основы* педагогической деятельности, как обоснование ценностей и принципов, которые будут определять цели и содержание воспитательно-образовательного процесса, а также педагогическую деятельность учителя в новых социокультурных условиях. Согласно данному подходу, ценности являются смысловой и функциональной характеристикой при анализе педагогических процессов и педагогической деятельности. В условиях изменяющегося социума в педагогической культуре осваиваются ценности, которые по-новому позволяют взглянуть на мир, профессию, личность учащегося, самого себя в профессии.

В нашей работе мы придаём особое значение аксиологическому подходу, так как переоценка жизненных и профессиональных ценностей достаточно противоречиво воспринимается как педагогами, так и студентами, которые оказались в ситуации выбора, который определяет будущее. С точки зрения культурологов, «общество становится таким, каким оно репрезентировано в сознании людей» [3, с. 19]. Посредством педагогического образования происходит изменение ценностно-смысловой основы педагогической деятельности, а посредством освоения ценностей для будущего педагога создаётся возможность вписаться в педагогический процесс, принять тот или иной социокультурный образ педагога.

Педагогический опыт показывает, что переход на новую парадигму образования требует педагогического сопровождения. Е. А. Климов писал по этому поводу: «Ценностные представления надо активно культивировать в сознании подрастающего человека, не рассчитывая, что они сами “произрастут” в порядке вольного самоопределения» [4, с. 46]. Применение аксиологического подхода в педагогическом образовании студентов позволяет акцентировать их внимание, прежде всего, на осмыслении ценностей гуманистической педагогики, которые должны выступать в качестве ориентира их самоопределения.

Понимание ценностной ориентации как мотивационно-потребностной сферы личности актуализирует проблему профессионального самоопределения студента (*ценностно-ориентационная функция*), так как процесс самоопределения предполагает анализ,

оценку, выбор личностью смысловых оснований профессиональной деятельности. Мы согласны с точкой зрения А. Г. Асмолова, который утверждает, что в данной ситуации человек «выступает как *поисковая система*, а не как система, в которую “вкладывается” знание» [1, с. 326]. Самоопределение личности в восприятии и оценке педагогических ценностей обуславливает формирование профессиональной позиции, в которой отражаются нормативно-ценностные характеристики педагогической деятельности. Таким образом, реализация аксиологического подхода в профессиональном самоопределении студентов предполагает необходимость в ситуациях учебно-познавательной деятельности создавать условия значимые для осмысления: ситуации переходности в педагогической культуре современного социума как ситуации *переосмысления педагогических ценностей*; ценностей гуманистической педагогики, которые определяют *систему аксиологических приоритетов*, значимых при переходе системы образования на новую парадигму; *аксиологических оснований* традиционных и инновационных процессов, которые характерны для современной школы.

Реализация аксиологического подхода к профессиональному самоопределению обусловлена сложностями, характерными для социума переходного периода, которые выражаются в том, что студенты испытывают затруднения в ситуациях выбора и обоснования принятых решений. В целях преодоления этой сложности в содержании гуманитарных дисциплин (прежде всего педагогических) необходимо отразить ситуацию поликультурности и неопределённости, что обеспечивает направленность познавательного процесса на создание поисковой ситуации ценностно-смысловой основы педагогической деятельности и объективно ставит студента в ситуации выбора, анализа, сравнения и т. д., т. е. создаёт возможность развивать необходимые интеллектуальные умения и навыки. Таким образом, в воспитательно-образовательном процессе вуза создаются условия, обеспечивающие освоение тех жизненных и профессиональных ценностей, которые определяют гуманистическую направленность педагогической деятельности.

Переоценка педагогических ценностей приводит к переоценке педагогической парадигмы образования. Парадигма – это исходная концептуальная схема, которая задаёт эталон и выражает взгляд на целостную модель педагогического процесса, которая делает возможным систематизировать наработанные в педагогической культуре знания и опыт, выстраивать их в определённую систему, позволяет осуществлять целостное познание педагогической реальности.

Смена парадигмы, которая происходит в педагогической культуре изменяющегося социума, переживается студентом как экзистенциальная ситуация поиска новых смыслов, моделей, идей, подходов, многообразных вариантов решения проблем, как преодоление ситуации неопределённости. В связи с

этим научное познание (осмысление) переходного состояния в культуре характеризуется ситуацией *«межпарадигмального пространства»* (Т. Кун). В таких условиях студент как будущий педагог вынужден совершать выбор относительно образа профессии и нормативов профессиональной деятельности, т. е. ситуация смены образовательной парадигмы предполагает самоопределение.

Подготовка студентов к педагогической деятельности происходит в условиях изменения образовательной парадигмы, а потому возникает необходимость в *межпарадигмальном подходе*, который является *отражением ситуации переходности в педагогической культуре изменяющегося социума и образует теоретическое пространство для выбора студентом личной позиции*. Межпарадигмальный подход позволяет исследовать логику развития педагогической реальности в единстве её основных подсистем – теории и практики; дать целостное объяснение многообразию педагогических явлений и процессов, что приобретает значимость в условиях изменяющейся педагогической реальности. Анализ педагогической культуры, осуществляемый в контексте межпарадигмального подхода, позволяет осознать объективность происходящих в историческом процессе изменений, причём для студента создаётся возможность обосновать логическую закономерность перехода педагогической культуры на уровень креативно-педагогической цивилизации и оценить роль инициативной деятельности педагога как субъекта историко-педагогического процесса, а педагогическую деятельность воспринимать как социально-культурную.

Реализация межпарадигмального подхода предполагает, что в содержании учебных дисциплин (прежде всего педагогических) должны быть представлены и те парадигмы, которые в рамках новых социокультурных условий уже не отражают «интереса эпохи» (М. Вебер), и те «новые» парадигмы, которые приходят им на смену и позволяют выстраивать педагогические процессы с точки зрения их культуросообразности.

В педагогической деятельности изменение парадигмы вызвано изменением ценностных отношений. Так, современные авторы размышляют о педагогике как о «культуре» социума (А. М. Анохин, Е. Н. Бондаревская, И. Е. Видт, В. А. Кан-Калик, Е. А. Ямбург) как о «социальной пластике» (А. И. Кузнецов), в содержании которой находят отражение изменения социума. Смена парадигмы в образовании рассматривается авторами как изменение (смена) базовой идеи (ценности), выработка нового проекта, определяющего теоретические основания новой социокультурной практики.

Мы уже отмечали ранее, что становление «новой» педагогики происходит опытно-экспериментальным путём, когда наблюдается противопоставление «педагогик». Так, «старая» педагогика представляется сегодня как «педагогика насилия», «педагогика угнетения», «педагогика несвободы», «педагогика мероприятий», «”тюремная” педагоги-

ка» и т. д. Зарождающаяся педагога описывается как «субъектная педагогика» (А. А. Попов, В. А. Сластёнин, П. Г. Щедровицкий и др.), «психологическая педагогика» (В. П. Зинченко), «понимающая педагогика» (Н. Б. Крылова, Е. А. Александрова), «педагогика сердца» (Я. Корчак), «гуманная педагогика» (Ш. А. Амонашвили), «нетрадиционная педагогика» (Б. Г. Матюнин), «педагогика самоопределения» (А. Н. Тубельский), «культурно-историческая педагогика/ педагогика культуры» (Е. А. Ямбург), «педагогика как гуманистическая этика» (В. И. Бакштановский, М. Н. Дудина, Ю. В. Согомонов и др.), «неопознанная педагогика» (А. М. Цырульников), «педагогика поддержки и свободы» (О. С. Газман), «реалистическое воспитание» (С. Д. Поляков) и т. д.

Как видим, в педагогической культуре изменяющегося социума происходит противопоставление «старой» и «новой» педагогики, но и в контексте этих «педагогик» (парадигм) мы наблюдаем разнообразие точек зрения и теорий, каждая из которых предлагает *свой* вариант *новой* образовательной парадигмы.

И. А. Колесникова, Г. Б. Корнетов, О. Г. Прикот и др. пишут о полипедагогическом пространстве в системе современного педагогического образования, при этом диалог педагогик понимается не как «слабость» современной педагогической науки, а как следствие субъективированности позиции авторов, носителей педагогического знания, интерпретирующих педагогическую действительность. Именно в диалоге противоположных по своему смыслу парадигм и происходило развитие педагогической культуры, социокультурные условия актуализировали значимость авторитарной или гуманистической тенденции в развитии педагогической науки и практики. Демократизация и гуманизация современного общества актуализируют сегодня гуманистическую парадигму в понимании сущности педагогических процессов и явлений. Студенту, который готовится к педагогической деятельности, необходимо определять для себя образовательную парадигму как целостную модель педагогической деятельности.

Мы проанализировали работы современных авторов, разрабатывающих авторские концепции гуманистической педагогики, и пришли к выводу, что в содержании учебных дисциплин должна найти отражение ситуация поисковой активности, так как личная позиция студента обуславливает его «вхождение» в педагогическую реальность современного социума, в рамках которого будет осуществляться его педагогическая деятельность. Профессиональное самоопределение студента относительно образовательной парадигмы позволяет ему реализовать «авторское право» на культуру и сформировать концептуальную модель своей будущей профессии.

Межпарадигмальный подход позволяет рассматривать внутреннюю логику развития педагогического процесса и систематизировать знания о педагогических процессах, а также предполагает исследовательскую модель для анализа историко-педагогических исследований позволяющую:

а) выявление ведущих идей и ценностных представлений, общих для определённой группы педагогов;

б) теоретические обоснования идейно-ценностных представлений о воспитании и образовании;

в) способы реализации обоснованных идей и ценностей в воспитательно-образовательном процессе;

г) оценка педагогического опыта в плане соответствия той или иной парадигме и т. д.

Таким образом, межпарадигмальный подход, осуществляемый в учебно-познавательной деятельности вуза, обеспечивает профессиональное самоопределение студентов как будущих педагогов относительно каждой сущностной характеристики процессов воспитания и обучения; у студентов появляется возможность анализировать, сравнивать и оценивать известные педагогические парадигмы и на этом основании формулировать свою позицию.

Подводя итоги обоснования концептуальных подходов к становлению профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума, следует обратить внимание на необходимость актуализации в педагогическом образовании *философско-культурологической* и *психолого-педагогической* составляющих, которые привносят в содержание педагогических дисциплин социокультурный и личностный контекст, ориентируют студента на овладение культурой (включая и педагогическую культуру), где отражён мировой педагогический опыт и представлены лучшие образцы педагогической деятельности.

Литература

1. Асмолов, А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А. Г. Асмолов. – М.; Воронеж, 1996.
2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.
3. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. – М., 2000.
4. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов. – М., 1996.
5. Краевский, В. В. Общие основы педагогики / В. В. Краевский. – М., 2003.

УДК 159.947

**ФАКТОРЫ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГОВ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ***Н. В. Козлова, Е. Н. Вержицкая***PRODUCTIVE LEVEL FACTORS OF THE LEVEL OF PERSONAL
AND PROFESSIONAL PEDAGOGUE'S DEVELOPMENT IN CONDITIONS
OF EDUCATION MODERNIZATION***N. V. Kozlova, E. N. Verzhitskaya*

Рассматриваются факторы личностно-профессионального развития как движущие силы развития личности и профессиональной деятельности педагогов в условиях модернизации образования. Выделяются акмеофакторы акмеологического уровня личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования: акмеологическая позиция, психологическая готовность к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования и творческий потенциал в их взаимообусловленности.

The article describes factors of pedagogue's personal and professional development as driving forces of personality and professional activities development of pedagogue's in conditions of education modernization. The akmeofactors of productive (akmeological) level of pedagogue's personal and professional development are marked. Such factors are: akmeological position, psychological readiness to professional activity in conditions of education modernization and creative potential.

Ключевые слова: личностно-профессиональное развитие, акмеофакторы личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования, акмеологическая позиция, психологическая готовность к профессиональной деятельности в условиях модернизации, творческий потенциал.

Keywords: personal and professional development, akmeofactors of personal and professional development of pedagogues in conditions of education modernization, akmeological position, psychological readiness to professional activity in conditions of modernization, creative potential.

Решение вопросов личностно-профессионального развития педагогов в современной социально-экономической ситуации является объектом пристального внимания всех, кто заинтересован в модернизации российской системы образования. Анализ программных документов [1 – 5], регламентирующих процесс модернизации, показывает, что от педагога, развития его личности и профессионализма, зависит основной успех модернизации современной школы, эффективность реализации предлагаемых нововведений.

Междисциплинарный характер акмеологии позволяет получить новые возможности решения проблемы личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования с позиции идеи целостности, единства личностного и профессионального развития человека. При этом важным представляется не только определение базовых профессиональных компетенций педагога (что обусловлено деятельностным подходом и развивается в педагогических исследованиях), а обоснование особенностей личностно-профессионального развития в ходе реализации деятельности (акмеологический и антропологический подходы), выявление факторов подобного развития.

Анализ исследований, направленных на изучение личностно-профессионального развития (Н. В. Кузьмина, А. А. Деркач, А. А. Бодалев, А. К. Маркова, Л. М. Митина, О. С. Анисимов и др.) позволяет выделить следующий ряд факторов такого развития (мотивация достижения успеха; отношение к профессиональной деятельности и к условиям, в которых она выполняется; рефлексия; личностные характеристики, обеспечивающие достижение профессионального мастерства; высокие

профессиональные и личностные стандарты в профессиональной деятельности; творческий потенциал), которые могут выступать в роли психолого-акмеологических оснований личностно-профессионального развития педагога. Следует подчеркнуть, что современные психолого-акмеологические исследования ориентированы на изучение высших уровней личностно-профессионального развития. Так, А. А. Деркач и В. Г. Зазыкин, рассматривая высокий профессионализм субъекта труда, говорят об «акмеологическом уровне» профессионализма личности и деятельности как характеристике высокого профессионализма специалиста, акмеологическое содержание которой зависит от специфики профессиональной деятельности [6, с. 64]. С нашей точки зрения, такой высокий уровень личностно-профессионального развития, на котором педагог демонстрирует способность к самоактуализации в личностном и профессиональном развитии, целесообразно называть продуктивным [7].

Для педагогической деятельности характеристиками продуктивного (акмеологического) уровня личностно-профессионального развития являются: мотивация достижения в профессиональной деятельности, положительное отношение как к профессиональной деятельности, так и к нововведениям в ней; развитая рефлексия, положительный эмоциональный фон личностно-профессионального развития, проявления профессиональных затруднений, связанных с неудовлетворенностью собственным статусом (социальным, профессиональным), ощущением нехватки внутренних ресурсов личности для преодоления этих затруднений, использование более конструктивных стратегий и моделей поведения их преодоления; высокая самооценка творче-

ского потенциала, готовность реализовать творческую деятельность и творческую активность в выполнении профессиональных обязанностей. Данные характеристики продуктивного уровня личностно-профессионального развития педагога совпадают с требованиями, которые выдвигаются к личности и профессиональной деятельности педагога в условиях модернизации образования, как способные обеспечить успешность и эффективность введения новшеств в современную школу.

А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин подчеркивают, что достижению высокого (акмеологического) уровня способствуют факторы личностно-профессионального развития (акмеологические факторы), которые носят характер движущих сил, основных причин, главных детерминант прогрессивного развития личности и ее профессионализма [6, с. 229]. Выявление факторов, способствующих достижению высшего (акмеологического) уровня личностно-профессионального развития педагогов – акмеофакторов, – одна из актуальнейших проблем личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования.

Факторы личностно-профессионального развития Н. В. Кузьмина предлагает разделять на объективные, субъективные и субъективно-объективные факторы [8], в то время как А. А. Деркач и В. Г. Зазыкин подчеркивают, что акмеологические факторы должны быть, прежде всего, субъективными (это мотивы, направленность, интересы, компетентность и т. д.) [6, с. 74 – 75]. Однако и факторы среды влияют на личностно-профессиональное развитие, поскольку воздействуют на личность и вызывают необходимые изменения в ней, т. е. играют роль акмеологических условий. Объективно существующие в среде возможности личность преобразует в субъективно значимую среду, которая уже и будет содержать (или не содержать) факторы развития [9]. Поэтому важным моментом, с нашей точки зрения, является изучение отношения педагогов не только к профессиональной деятельности, но и к изменениям в образовании.

Рассматривая личностно-профессиональное развитие педагога, Е. И. Рогов предлагает изучать воздействие не отдельных (частных) факторов, а пересечение основных факторов, которое образует некое «профессиональное пространство», «плоскость» становления педагога-профессионала. Такое пересечение основных факторов развития профессионализма, по мнению автора, охватывает все многообразие проявлений личности педагогов, педагогических процессов и явлений, т. е. сферу педагогического взаимодействия [10, с. 9 – 16]. Данный подход представляет интерес для нашего исследования, т. к. мы предполагаем, что в условиях модернизации образования недостаточно рассматривать детерминацию личностно-профессионального развития педагогов отдельно взятыми факторами, воздействие которых может быть «достаточным» для личностно-профессионального развития педагогов в обычных условиях. При введении новшеств, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать воздействие

факторов в комплексе, т. е. в их взаимообусловленности.

Следовательно, в условиях модернизации образования правомерно выделять не только факторы, акмеологические факторы, но и *акмеофакторы личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования* – специальные (комплексные) факторы личностно-профессионального развития педагогов, способствующие достижению продуктивного (акмеологического) уровня развития в условиях модернизации.

На основе анализа теоретических и практических исследований нами были выделены следующие факторы личностно-профессионального развития педагога в условиях модернизации образования – акмеологическая позиция, психологическая готовность к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования и творческий потенциал, которые во взаимообусловленности выступают как акмеофакторы и способствуют достижению педагогом высокого акмеологического (продуктивного) уровня личностно-профессионального развития в условиях модернизации.

При этом *акмеологическая позиция* – фактор личностно-профессионального развития; устойчивое стремление к профессиональным достижениям, к самореализации творческого потенциала и жизненных сил в гуманистически оправданных видах деятельности; ценностно-смысловое самоопределение личности, избирающей приоритетные ценности (А. А. Деркач, А. А. Бодалев, Н. В. Кузьмина, В. Н. Максимова, Н. В. Сосновских и др.). Показателями акмеологической позиции являются: позитивное отношение к самой профессиональной деятельности и нововведениям; мотивация достижения, как стремление к саморазвитию, самореализации и успеху в профессиональной деятельности. Во взаимосвязи с факторами личностно-профессионального развития – психологической готовностью к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования и творческим потенциалом педагога, выступает как акмеофактор личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования.

Психологическая готовность к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования – фактор личностно-профессионального развития; внутреннее свойство личности, единство ее мотивационных, познавательных, эмоционально-волевых, рефлексивных проявлений, обеспечивающих успех профессиональной деятельности [11]. Показателями психологической готовности к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования являются: удовлетворенность условиями работы; позитивные состояния и качества личности, обеспечивающие педагогу успешность выполнения профессиональной деятельности; развитая рефлексия; затруднения в профессиональной деятельности и наличие стратегий и тактик их преодоления. Во взаимосвязи с факторами личностно-профессионального развития – акмеологической позицией и творческим потенциалом – выступает как

акмеофактор личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования.

Творческий потенциал педагога – еще один фактор личностно-профессионального развития; составная часть процесса самореализации, готовность и способность личности меняться, преодолевать стереотипы [12]. Показателями творческого потенциала педагога являются: самооценка творческого потенциала; готовность к реализации творческого потенциала, высокий уровень творческой активности [13]. Во взаимосвязи с факторами личностно-профессионального развития – акмеологической позицией и психологической готовностью к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования выступает как акмеофактор личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования.

Для подтверждения выдвинутых предположений проведено исследование 132 педагогов общеобразовательных учреждений, демонстрирующих акмеологический уровень личностно-профессионального развития, во время введения таких новшеств в муниципальной системе образования, как: новая система оплаты труда педагога, подушевое финансирование, Единый государственный экзамен, подготовка к введению ФГОС. Цель исследования – выявление акмеофакторов подобного развития педагогов и их показателей: акмеологической позиции, психологической готовности к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования, творческого потенциала.

Исследование показало, что для педагогов характерно наличие акмеологической позиции (положительное отношение к профессиональной деятельности и к нововведениям в ней, наличие мотивации достижения, стремления к неким вершинам в про-

фессиональной деятельности); проявления психологической готовности к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования, а именно: профессиональные затруднения проявляются как неудовлетворенность социальным и профессиональным статусом, ощущением нехватки внутренних ресурсов личности для преодоления этих затруднений, как результат недостаточности позитивных стратегий совладающего поведения специалиста, что побуждает к преобразованию собственного опыта, конструированию профессиональной деятельности на уровне целей и задач, более активному использованию прямых, активных и просоциальных стратегий поведения; профессиональная деятельность рефлексруется педагогом, ответственность за ее выполнение и качество принимается на себя, личностно-профессиональное развитие происходит на положительном эмоциональном фоне, при отсутствии проявлений высокой депрессивности, невротичности, раздражительности, при демонстрации открытости, общительности и удовлетворенности условиями реализации профессиональной деятельности; творческий потенциал и инициатива высоко оцениваются самим педагогом, проявляются в готовности реализовать творческую деятельность и активность непосредственно в ходе выполнения повседневных профессиональных обязанностей [7].

Факторный анализ характеристик личности и профессиональной деятельности педагогов позволил выявить семь факторов, достаточно явно связанных с выделенным нами высшим уровнем развития педагогов в условиях модернизации образования. Выделенные факторы в совокупности описывают 69,761 % выявленной дисперсии (что считается приемлемым результатом). В таблице приведена содержательная характеристика выделенных факторов.

Таблица

Содержание факторов продуктивного уровня личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования (при $p < 0,05$)

<i>Факторы</i>	<i>Содержание</i>	<i>Значение факторных весов</i>
Фактор № 1	Умение адекватно воспринимать критику со стороны окружающих.	0,808
	Мотивация на повышение качества профессиональной деятельности.	0,794
	Умение критично относиться к собственной профессиональной деятельности.	0,767
Фактор № 2	Самооценка творческого потенциала.	0,845
	Готовность к реализации творческой деятельности.	0,723
	Творческая активность.	0,691
Фактор № 3	Высокий уровень профессионального мастерства.	0,918
	Удовлетворенность социальным и профессиональным статусом.	-0,566
Фактор № 4	Непрямая стратегия поведения.	0,852
	Удовлетворенность социальным и профессиональным статусом.	-0,584
Фактор № 5	Уровень рефлексии.	0,936
Фактор № 6	Мотивация достижения.	0,938
Фактор № 7	Отношение к модернизации образования.	0,970

Фактор № 1 имеет наибольший вес (14,778 %) и четко выраженную позитивную корреляцию с продуктивным уровнем личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации. Он объединил следующие характеристики готовности личности: умение адекватно воспринимать внешнюю критику окружающих (0,808), мотивацию на повышение качества и личностный рост (0,794), умение критично относиться к собственной профессиональной деятельности (0,767). Таким образом, развитие способности педагога к конструктивному восприятию критики извне, актуализация его стремления к личностному росту, создание условий для повышения качества профессиональной деятельности (что является обязательным условием модернизации образования) будет способствовать достижению педагогом более высокого уровня его личностно-профессионального развития.

Фактор № 2 (его вес или информативность – 12,889 %) представлен самооценкой творческого потенциала (0,845), готовностью к реализации творческой деятельности (0,723) и творческой активностью (0,691), которые положительно коррелируют с продуктивным уровнем личностно-профессионального развития педагогов, являются показателями выделенного в ходе теоретического анализа фактора «творческий потенциал». Таким образом, повышение самооценки педагога, предоставление условий для его творческого самовыражения в профессиональной деятельности, обеспечение условий активизации творческого проявления будут способствовать достижению педагогом более высокого уровня его личностно-профессионального развития.

Фактор № 3 (его информативность – 9,536 %) содержал характеристику готовности личности педагога – «высокий уровень профессионального мастерства» (0,918) и удовлетворенность педагога своим социальным и профессиональным статусом (-0,566), при этом характеристика личности положительно коррелирует с продуктивным уровнем личностно-профессионального развития педагога, а удовлетворенность статусом имеет отрицательную корреляцию. Таким образом, создание условий для непрерывного повышения квалификации с целью достижения высокого уровня профессионального мастерства, организация пространства рефлексии, проблематизации и критического осмысления результатов своей профессиональной деятельности, связанного с чувством неудовлетворенности собственным социальным и профессиональным статусом, будет способствовать достижению педагогом более высокого уровня его личностно-профессионального развития.

Фактор № 4 (его информативность – 9,405 %) включал непрямую стратегию поведения (0,852) и удовлетворенность социальным и профессиональным статусом (-0,584), при этом стратегия положительно коррелировала с продуктивным уровнем педагогов, а неудовлетворенность статусом имела обратную связь с данным уровнем развития педагогов. Таким образом, развитие гибкости поведения и способности выбирать различные способы поведения в

зависимости от профессиональной ситуации (с чем связана непрямая стратегия поведения), а также организация пространства рефлексии, проблематизации и критического осмысления результатов своей профессиональной деятельности, связанного с чувством неудовлетворенности собственным социальным и профессиональным статусом, будет способствовать достижению педагогом более высокого уровня его личностно-профессионального развития.

Фактор № 5 (информативность – 7,999 %) представлен одним весомым показателем – уровнем рефлексии (0,936), с которым он положительно коррелирует. Таким образом, развитие рефлексивных способностей педагогов и рефлексивной культуры будет способствовать достижению педагогом более высокого уровня его личностно-профессионального развития.

Фактор № 6 (информативность – 7,942 %) включал также один показатель – мотивацию достижения (0,938), корреляция продуктивного уровня личностно-профессионального развития педагога со стремлением к высоким достижениям также была положительной и значимой. Таким образом, развитие мотивации достижения успеха в профессиональной деятельности будет способствовать достижению педагогом более высокого уровня его личностно-профессионального развития.

Фактор № 7 (информативность – 7,212 %) определялся показателем положительного отношения к модернизации образования (0,970), который положительно и значимо коррелировал с продуктивным уровнем развития педагогов. Таким образом, помощь педагогам в более позитивном восприятии и отношении к нововведениям в образовании будет способствовать достижению педагогом более высокого уровня его личностно-профессионального развития.

Анализ факторов достижения высокого личностно-профессионального уровня позволяет выделить акмеофакторы личностно-профессионального развития педагога в условиях модернизации образования.

В *факторе № 2* между показателями наблюдаются значимые взаимосвязи: самооценка творческого потенциала и готовность к реализации творческой деятельности ($r = 0,433$, при $p < 0,01$); готовность к реализации творческой деятельности и творческая активность ($r = 0,409$, при $p < 0,01$); творческая активность и самооценка творческого потенциала ($r = 0,405$, при $p < 0,01$). Таким образом, мы можем назвать данные показатели этого фактора акмеофактором личностно-профессионального развития педагога в условиях модернизации образования – *творческий потенциал*.

Анализ взаимосвязей между *фактором № 6* и *фактором № 7*: мотивацией достижения и отношением к модернизации образования ($r = 0,269$, при $p < 0,01$); а также наличие взаимосвязи между мотивацией достижения и отношением к профессиональной деятельности ($r = 0,200$, при $p < 0,05$) дает основание объединить, выявленные факторы в акмеофактор – *акмеологическая позиция*.

Анализ оставшихся факторов №№ 1, 3, 4, 5, а именно: уровень рефлексии (0,936), высокий уровень профессионального мастерства (0,918), непрямая стратегия поведения (0,852), умение адекватно воспринимать критику со стороны окружающих (0,808); мотивация на повышение качества профессиональной деятельности (0,794); умение критично относиться к собственной профессиональной деятельности (0,767) и удовлетворенность социальным и профессиональным статусом (-0,584), позволяет нам выделить еще один акмеофактор – *психологическая готовность к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования*, которая предполагает наличие личностных характеристик, обеспечивающих педагогу успешность выполнения педагогической деятельности: отсутствие большого количества затруднений в профессиональной деятельности; наличие способов их преодоления, высокий уровень рефлексивных способностей.

Таким образом, прогрессивное личностно-профессиональное развитие педагога (переход на более высокий уровень личностно-профессионального развития) в условиях модернизации образования обеспечивается воздействием специальных факторов, акмеофакторов, в качестве которых выступают акмеологическая позиция, психологическая готовность к профессиональной деятельности в новых условиях и творческий потенциал.

Корреляционный анализ акмеофакторов: акмеологической позиции (мотивация достижения, отношение к профессиональной деятельности в новых условиях, отношение к модернизации образования), психологической готовности к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования (профессиональные затруднения, стратегии преодоления профессиональных затруднений, уровень рефлексии, качества личности, удовлетворенность условиями труда) и творческого потенциала (самооценка творческого потенциала, готовность к реализации творческой деятельности, творческая активность) показал следующие значимые связи:

- мотивация достижения имеет прямо пропорциональную взаимосвязь с экстравертированностью ($r = 0,235$, при $p < 0,01$), самооценкой творческого потенциала ($r = 0,230$, при $p < 0,01$), с эмоциональной лабильностью ($r = 0,183$, при $p < 0,05$), с прямой стратегией преодоления профессиональных затруднений ($r = 0,179$, при $p < 0,05$);

- отношение к профессиональной деятельности в новых условиях имеет прямо пропорциональную взаимосвязь с удовлетворенностью с заработной платой ($r = 0,268$, при $p < 0,01$), с удовлетворенностью санитарно-гигиеническими условиями труда ($r = 0,262$, при $p < 0,01$) и с уравновешенностью ($r = 0,244$, при $p < 0,01$);

- отношение к модернизации образования имеет обратно пропорциональную взаимосвязь с просоциальной стратегией преодоления профессиональных затруднений ($r = 0,191$, при $p < 0,05$) и с депрессивностью ($r = 0,176$, при $p < 0,05$);

- самооценка творческого потенциала имеет прямо пропорциональную взаимосвязь с общительностью ($r = 0,244$, при $p < 0,01$), со способом преодоления профессиональных затруднений «вступление в социальный контакт» ($r = 0,197$, при $p < 0,05$) и «активной стратегией» ($r = 0,183$, при $p < 0,05$) и обратно пропорциональную взаимосвязь с затруднением в оценке собственной профессиональной деятельности ($r = -0,258$, при $p < 0,01$);

- готовность к реализации творческой деятельности имеет прямо пропорциональную взаимосвязь с удовлетворенностью заработной платой ($r = 0,254$, при $p < 0,01$), обратно пропорциональную взаимосвязь с реактивной агрессивностью ($r = 0,299$, при $p < 0,01$) и затруднением в оценке собственной профессиональной деятельности ($r = -0,264$, при $p < 0,01$);

- творческая активность имеет прямо пропорциональную взаимосвязь с удовлетворенностью отношениями с руководителем ($r = 0,245$, при $p < 0,01$), с удовлетворенностью равномерностью обеспечения работой ($r = 0,290$, при $p < 0,01$), с экстравертированностью ($r = 0,245$, при $p < 0,01$) и уровнем рефлексии ($r = 0,232$, при $p < 0,01$).

Таким образом, результаты корреляционного анализа показали взаимосвязь показателей акмеологической позиции, психологической готовности к профессиональной деятельности в условиях модернизации образования и творческого потенциала педагога. Это позволяет нам утверждать, что акмеофакторы личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования – специальные (комплексные) факторы личностно-профессионального развития педагогов, способствующие достижению продуктивного (акмеологического) уровня развития в условиях модернизации: акмеологическая позиция, психологическая готовность к профессиональной деятельности в условиях модернизации и творческий потенциал педагога в их взаимообусловленности. Это дает возможность определить основные направления работы по активизации процесса личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования.

Литература

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М.: АПК и ПРО, 2002. – 24 с.
2. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2006 – 2010 гг. // Вестник образования России. – 2005. – № 22. – С. 8 – 37.
3. Наша новая школа. Национальная образовательная стратегия // Вестник образования России. – 2010. – № 4. – С. 63 – 70.
4. Программа модернизации педагогического образования // Вестник образования России. – 2003. – № 10. – С. 10 – 13.
5. Приказ Министерства образования и науки от 24 апреля 2010 г. № 209 «О порядке аттестации педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений».

6. Акмеологический словарь / под ред. А. А. Деркача. – М., 2004. – 160 с.
7. Вержицкая, Е. Н. Уровневая дифференциация профессионализма как закономерность личностно-профессионального развития педагогов в условиях модернизации образования / Е. Н. Вержицкая // Вестник КемГУ. – 2011. – № 2. – С. 70 – 75.
8. Психология развития личности. Средний возраст, старение, смерть / под ред. А. А. Реана. – М.: АСТ; СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2007. – С. 130 – 131.
9. Богдан, И. Т. Готовность к творческому саморазвитию учителей и учащихся средней общеобразовательной школы работающей в инновационном режиме / И. Т. Богдан // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 12. – URL: www.rae.ru (дата обращения: 21.10.09).
10. Рогов, Е. И. Учитель как объект психологического исследования / Е. И. Рогов. – М.: Владос, 1998. – 496 с.
11. Акмеологический словарь / под ред. А. А. Деркача. – М., 2004. – 160 с.
12. Деркач, А. А. Потребность в самореализации как феномен социального мира и основание акмеологического развития / А. А. Деркач, Э. В. Сайко // Мир психологии. – 2008. – №1. – С. 218 – 228.
13. Анисимов, О. С. Креативная акмеология: учебно-методическое пособие / О. С. Анисимов; под общ. ред. А. А. Деркача. – М.: РАГС, 2007. – 276 с.
14. Максимова, В. Н. Акмеология: новое качество образования. Книга для педагога / В. Н. Максимова. – СПб., 2002. – 201 с.
15. Сосновских, Н. В. Формирование акмеологической позиции школьников в учебном процессе / Н. В. Сосновских: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ульяновск, 2009. – 26 с.

УДК 378.147

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. В. Мальковец, Е. А. Мытарева

TRAINING OF STUDENTS TO INTERACTION OF THE GOVERNMENTS AND BUSINESS IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE MODERN SOCIETY

N. V. Malkovets, E. A. Mutareva

Глобализация – процесс современного мирового хозяйства, проявляющийся на разных уровнях. Особую значимость приобретают культурный и педагогический, т. к. связаны с процессом обучения молодого поколения. В связи с этим перед высшим образованием встает проблема воспитания нового человека с уникальным набором компетенций, позволяющих выживать в сложных жизненных условиях агрессивной информационно-экологической среды, готового к переменам и дальнейшему обучению, но сохраняющему свои национальные, местные и исторические особенности.

Globalization – the process of modern world economy, which is manifested at different levels. Acquire special importance is the cultural and pedagogical, as connected with the process of training of the young generation. In this connection the higher education faces the problem of raising a new person with unique competencies and opportunities for survival in difficult life conditions of aggressive information and ecological environment, ready to change and further training, but remaining their national, local and historical features.

Ключевые слова: глобализация, высшее образование, власть, бизнес, гражданские компетенции.

Keywords: globalization, higher education, governments, business, civil competencies.

Глобализация – одна из тенденций XXI века. Развиваясь и втягивая в активную деятельность все новые и новые стороны мирового сообщества, она объединяет их в единый взаимосвязанный комплекс. Как объективный процесс современного мирового хозяйства глобализация проявляется на разных уровнях: политическом, социально-экономическом, финансовом, экологическом, культурном и педагогическом. Особую значимость приобретают два последних, так как они напрямую связаны с процессом воспитания молодого поколения. Так, культурный аспект представляет рост контактов и появление новой категории сознания – глобализма, которое воплощает культурное распространение, желание обладать иностранными продуктами и идеями, а также участвовать в «мировой культуре», т. е. потреблять стандартную продовольственную продукцию, следовать стандартам моды, теле- и радиорекламы и

т. д. Социальный уровень связан с достижением свободного обращения людей всех наций, народностей разных стран мира.

Высшее образование не может не учитывать эти направления. Поэтому во многих вузах открываются отделения и кафедры, обучающие специальности «Мировая экономика» или «Международные экономические отношения».

В настоящее время перед молодыми людьми глобализация открывает большие возможности. Это, в первую очередь, обмен культурными и образовательными программами; общение между собой и получение обширной международной информации за счет доступа к средствам связи (интернет, мобильный телефон, спутниковое ТВ); стандартизация системы высшего образования и обучение за рубежом; устранение визового режима и посещение многих стран мира с целью ознакомления с куль-

турно-историческим наследием, с социально-экономическим развитием и др.

В принципе нет ничего плохого, если молодые люди разных наций и народностей стремятся к общению, к взаимодействию между собой, к решению общих задач, стоящих перед мировым сообществом (таких, как международный терроризм, сохранение экологического состояния, ликвидация безграмотности и нищеты и т. д.). Однако не надо забывать, что глобализация имеет обратную сторону, связанную с массовым перемещением населения из стран с переходной экономикой и развивающихся – в промышленно развитые страны; с неравномерностью распределения информации и злоупотреблением возможностями бесконтрольного выхода в мировое информационное пространство; с возрастанием стандартизации потребления товаров, пищи, одежды, культурных символов и образов.

Опасность заключается в том, что происходит стирание граней между национальными, региональными, личными аспектами. При этом теряются специфические черты, традиции, обычаи каждой нации и народности и образуется среднее – интернациональное. Поэтому перед высшим образованием встает проблема воспитания нового человека с уникальным набором компетенций, позволяющих выживать в условиях агрессивной информационно-экологической среды, готового к переменам и дальнейшему, на протяжении всей жизни, обучению, но при этом сохраняющему свои национальные, местные и исторические особенности.

Это особенно актуально в условиях перехода высшей школы на двухуровневую систему, когда меняются цели, задачи, содержание и методы подготовки кадров. Идет процесс ориентации на международные стандарты и востребованность будущих бакалавров на российском рынке труда пока никем не гарантируется. В этих условиях особое значение приобретает задача формирования гражданских компетенций у студентов, необходимых для эффективной социализации, для того, чтобы стать активным гражданином. Такая компетенция является надпрофессиональной, межпрофильной и дополняет общекультурные и профессиональные компетенции.

Мировой опыт показывает, что воспитание человека с качествами, указанными выше, наиболее эффективно может осуществляться в условиях гражданского демократического общества. В нашей стране совсем недавно начали говорить о становлении гражданского общества. Еще велика степень коррупции в нем, а такие его атрибуты, как права человека, политическая и экологическая культура, развитый средний и малый бизнес, инновационная деятельность, активное местное самоуправление находятся на начальной стадии своего развития.

Современное высшее образование учитывает политические и социально-экономические изменения в стране, в том числе связанные с необходимостью развития таких институтов, как внешнеэкономическая деятельность, местное самоуправление, социальный сектор и другие. Для социализации личности в современном обществе, достижения

профессионального успеха и карьеры будущему специалисту недостаточно профессиональных знаний и умений. Человек нового типа должен не только обладать прочными профессиональными знаниями, анализировать и предвидеть события, находить оптимальные пути их решения, но и обладать определенным набором нравственных ценностей, таких, как ответственность, терпимость, выдержка, дисциплинированность. Необходимы знания о своих гражданских правах и свободах, умение защитить их, навыки участия в управлении и взаимодействия с государственными и муниципальными структурами, воспитание толерантности, умение объединяться для решения общих проблем. Это необходимо для будущих бакалавров профиля «Внеэкономическая деятельность предприятий и фирм» и направления «Государственное и муниципальное управление», чья деятельность связана с гражданским обществом и его институтами.

Гражданское общество вырабатывает систему этических принципов как основу личности. Не всем студентам предстоит будущая профессиональная деятельность в институтах гражданского общества, возможна работа не по специальности. Но жить в этих условиях, принимать участие в управлении местным сообществом, взаимодействовать с внешними и муниципальными структурами придется всем. Поэтому необходимо готовить молодых специалистов к жизнедеятельности в новых условиях гражданского демократического общества.

Студент, получающий образование в высшем учебном заведении по названным нами специальностям (направлениям, профилям), получает уникальный набор знаний и умений: юридических дисциплин, различного менеджмента, экономических и финансовых основ, иностранные языки и т. д. В процессе обучения в вузе студенты овладевают навыками аналитической и проектной деятельности, развивают свои коммуникативные способности и др. Все это позволяет выпускнику быстро находить престижную и высокооплачиваемую, перспективную работу. Но вот человеческие качества – гражданская позиция, степень воспитанности, набор личностных ценностей, формирование демократического мировоззрения, склонность к обману – не подлежат оценке государственной аттестационной комиссии.

К сожалению, ни школа, ни вуз до сих пор не поставили перед собой приоритетную задачу развития и воспитания таких качеств личности, как честность, толерантность, открытость, дисциплинированность. Тех качеств, которые являются дефицитными у многих современных руководителей. Практика показывает, что самыми активными действующими лицами в системе общественных отношений являются, несомненно, руководители предприятий, фирм, органов местного самоуправления, специалисты различных подразделений местной администрации. От этих органов и должностных лиц зависит очень многое. Во многих муниципальных образованиях имеется такой положительный опыт, когда они действуют совместно с общественностью и актив-

ными жителями. Но, к сожалению, далеко не везде. Поэтому, на наш взгляд, процесс формирования нравственных ценностей должен проходить целенаправленно, на основе разумной и содержательной организации условий жизнедеятельности студентов. Характерными особенностями формирования нравственных ценностей являются: осмысление общечеловеческих и национальных факторов, формирование мотивов формирования нравственных ценностей; воспитывающий характер самого процесса обучения и его гуманизация; стимулирование стремления личности к самопознанию, самовоспитанию, самосовершенствованию; создание среды высшего учебного заведения, ориентированной на гуманные, уважительные отношения между преподавателями и студентами, между студентами разных наций и народностей.

В разные годы классические университеты формировали традиции особой культурной среды и пространства, воспитывающие в духе свободы и творчества. Примером воплощения идей гуманизации как средства формирования нравственности, служит педагогическая деятельность многих ученых-педагогов Н. И. Пирогова, Д. И. Менделеева, С. И. Гессена и других. Так, С. И. Гессен утверждал, что целью образования является приобщение ученика к культурным достижениям человечества и одновременно формирование высоконравственной, свободной и ответственной личности. Важнейшими нравственными ценностями, по его мнению, являются долг, ответственность, выдержка, терпимость, дисциплина. Получение образования – это, прежде всего, духовно-нравственный процесс становления личности, процесс приобщения ее к ценностям жизни и культуры [1, с. 110 – 120].

С начала 90-х годов прошлого столетия многие ученые стали говорить о необходимости гуманизации образования. Указывается, что только направленность воспитательно-образовательного процесса вуза на развитие и саморазвитие студента может обеспечить свободу мысли и выбора, уверенность в своих силах, но требуются новые подходы к организации системы высшего образования. В основе этих подходов должны лежать принципы гуманизации, нравственных ценностей, демократизации, индивидуализации.

Сегодня приходится признать, что провозглашенные принципы – гуманизация, демократизация, духовность, самостоятельность – остались декларациями только на бумаге. Нельзя не признать значимость данной проблемы, так как при переходе к рыночным отношениям многие прежние нравственные ценности были разрушены, и в настоящее время очень часто провозглашается материальный приоритет над духовным.

К выпускнику классического университета общество всегда предъявляет особые требования, связанные с участием в развитии науки и практики. На наш взгляд, эти традиции может и должен сохранить современный вуз, где имеется немало ресурсов для внедрения гуманистических методов в образовательный процесс. Формирование нравственных

ценностей должно исходить из идей воспитывающего обучения, не отделяя учебный процесс от личностного развития студента. В. Димов отмечает, что «во многих программах и спецкурсах на гуманитарных факультетах полностью отсутствует тематика гражданского общества и демократии», а между тем «главный инновационный ресурс нации – свободный, творческий, инициативный человек» [2, с. 150 – 151].

С целью формирования гражданских компетенций у будущего специалиста на экономическом факультете Новокузнецкого института (филиала) ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (НФИ КемГУ) проводится педагогическое исследование условий и методов обучения взаимодействию власти и бизнеса [3, с. 227]. С 2008 года к этой работе привлекаются студенты специальностей «Государственное и муниципальное управление» и «Внешнеэкономическая деятельность предприятий и фирм». Идея проведения такого исследования возникла, когда в 2006 – 2007 гг. авторы данной статьи в составе творческого коллектива приняли участие в разработке программ социально-экономического развития муниципальных образований Кемеровской области. В ходе работы анализ взаимодействия властей и руководителей промышленных предприятий показал очень слабый уровень совместных действий, отсутствие единых проектов и т. д.

Работа с будущими предпринимателями, проходившими обучение в Центре занятости населения города Новокузнецка, также показала отсутствие знаний об устройстве власти, правах и возможностях, предоставляемых гражданам на уровне местного самоуправления. В связи с этим возникла идея, еще в вузе обеспечить необходимыми знаниями, навыками и компетенциями будущих экономистов и управленцев, т. к. им предстоит взаимодействовать с властью в дальнейшей профессиональной деятельности и личной жизни.

Федеральный закон Российской Федерации от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» среди основных принципов муниципальной службы провозглашает «взаимодействие с общественными объединениями и гражданами» [6]. Поэтому для студентов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление», важны навыки, связанные с организацией взаимодействия с населением и представителями общественности, в том числе организации взаимодействия с бизнесом разного уровня.

Студентам, обучающимся по специальности ««Внешнеэкономическая деятельность предприятий и фирм» в будущей профессиональной деятельности предстоит выстраивать отношения с различными структурами общества, учитывать решения, принимаемые властями. Поэтому важно уметь взаимодействовать с органами власти всех уровней и демократическими методами оказывать влияние на принимаемые решения.

Учитывая, что те и другие студенты обучаются на одном факультете, представляется возможным

начать формирование навыков такого взаимодействия в вузе, сформировав «партнерские группы».

Объектом настоящего исследования является подготовка студентов в вузе.

Предметом является обучение студентов взаимодействию власти и бизнеса в условиях глобализации современного общества.

За время эксперимента нами было использовано несколько направлений. Мы остановимся на двух из них: обучение методам «Паблик рилейшнз» и внедрение собственной образовательной концепции вуза.

В настоящее время специалисты все чаще и чаще используют в своей практической деятельности систему «Паблик рилейшнз» (PR). Система «Паблик рилейшнз» становится составной частью управления экономикой. Сегодня все финансово-промышленные группы, крупные промышленные предприятия, фирмы внедряют систему PR в свою деятельность, совмещая ее с производством, с подбором квалифицированных кадров, с формированием внешнего имиджа работника.

Основная цель введения PR – это создание внешней и внутренней социально-психологической среды, благоприятной для руководителей предприятий и фирм, государственных и муниципальных управленческих кадров, потребителей, членов различных объединений. По мнению американского экономиста Сэма Блэка, PR – это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности» [5, с. 180].

«Паблик рилейшнз» рассматривается нами как институт по связям с общественностью, как продуманные, спланированные и постоянные усилия по установлению и укреплению взаимопонимания между фирмой и ее «публикой». PR – это институт общественных отношений, созданный в Великобритании в феврале 1948 года. До настоящего времени единого определения «Паблик рилейшнз» не существуют, т. к. для каждой сферы деятельности оно будет различным. Основными направлениями деятельности PR являются работа со средствами массовой информации (СМИ), отношение с местной общественностью, с местными органами самоуправления и органами государственной власти, с различными институтами гражданского общества.

Сущность PR заключается в воздействии на состояние общественного мнения. При этом все действия проводятся с целями: сформировать общественное мнение, когда его нет; убедить людей изменить свое мнение по какому-либо вопросу, продукту или организации; усилить существующее общественное мнение.

Общественное мнение – это совокупность многих индивидуальных мнений по конкретному вопросу, затрагивающему группу людей. Общественное мнение – консенсус. В оценке человека какой-либо конкретной проблемы проявляется его отношение к ней. Это отношение проявляется рядом факторов: личные, семейные, культурные. Совместные занятия по обучению методам PR студентов разных специальностей, когда в качестве целевой

группы рассматривается партнерская студенческая группа, позволили будущим бизнесменам и будущим государственным и муниципальным служащим лучше узнать друг друга, специфику будущей профессии группы-партнера, сформулировать общее видение проблем современного общества. Например, как совместно реализовать программы сохранения идентичности жителей юга Кемеровской области, сохранения их исторического и культурного наследия и т. д.

Вторым направлением является принятие в университете собственной программы или образовательной концепции, ориентированной на внедрение принципов гуманизации. По нашему мнению, каждое учебное заведение должно принять собственную стратегию, приступить к длительной работе по формированию нового сознания, специальных навыков, соблюдению этических норм будущими специалистами.

Мы, в частности, предложили принять программу формирования гражданских компетенций для студентов НФИ КемГУ. Такая компетенция рассматривается нами как необходимость подготовки к жизни студента и как способность применять знания, умения, личностные качества для успешной гражданской деятельности.

Формирование компетенции, в соответствии с Международными образовательными стандартами, подразумевает наличие мотивации. В данном случае мотивацией служит то, что гражданское образование личности во все периоды развития гражданского общества способствует адаптации человека к новым социально-экономическим условиям, его социализации, гуманизации.

Под гражданским образованием студентов мы понимаем непрерывный процесс усвоения молодыми людьми знаний об устройстве и действиях общества, приобретение навыков и особых компетенций, связанных жизнью и деятельностью в условиях глобализации, демократизации, гуманизации гражданского общества.

Гражданское образование студентов – это социально-педагогическая проблема, которая требует решения с учетом новых целей, методов, технологий.

Гражданское образование в высшем учебном заведении предполагает совмещение профессионального образования с формированием нравственного мировоззрения и психолого-педагогических навыков (надпрофессиональная составляющая).

Внедрение гражданского образования в систему высшей школы обеспечит подготовку специалистов из числа современных студентов для осуществления таких видов деятельности, как управленческая, организационная, образовательная, воспитательная.

На процесс внедрения гражданского образования в систему высшей школы оказывают влияние различные факторы.

Мы выделяем две группы факторов: социально-экономические и психолого-педагогические. К социально-экономическим факторам относятся: политические, экономические, социально-экологические

условия в стране и в мире, уровень жизни населения, уровень заработной платы; уровень развития объединений граждан. К психолого-педагогическим: ценности и мотивы граждан, их потребности, интересы, отношение молодежи к образованию, уровень нравственного воспитания и т. д.

С участием тех же групп студентов мы приступили к реализации мероприятий, направленных на то, чтобы молодые выпускники вуза стали активными гражданами общества. Предлагаемая нами компетенция является для этих студентов надпрофессиональной и межпрофильной. Она дополняет общекультурные и профессиональные компетенции. Формирование гражданской компетенции предполагает: формирование навыков социально-политической деятельности в демократических условиях; обучение толерантности как терпимости к иному, навыкам социального партнерства, гражданской деятельности; приобретение навыков жизнедеятельности в условиях демократизации гражданского общества, способствующих воспитанию гражданственности и социализации личности; развитие творческого потенциала студенческой молодежи; развитие способностей и навыков объединяться для того, чтобы отстаивать общие интересы; овладение навыками самоорганизации и самоуправления, формирования общих целей; развитие умения свободно и самостоятельно принимать решения; получение знаний, гарантирующих юридическую и экономическую независимость; овладение демократическими навыками на местном уровне, участие в управлении своим муниципальным сообществом; преодоление отчуждения власти и общества; приобретение знаний об устройстве и действиях общества.

Овладение гражданской компетенцией позволяет молодому человеку стать членом местного сообщества; быть активным жителем; сохранять активную жизненную позицию; формировать готовность к дальнейшему обучению и совершенствованию; установить партнерские взаимоотношения с другими членами общества.

Особенностью работы по формированию гражданской компетенции у студентов вуза является то, что эту работу могут вести только преподаватели, имеющие собственный опыт гражданской деятельности. Нами выявлены такие преподаватели, способные в ходе учебной и внеучебной деятельности способствовать организации университетской среды, атмосферы духовности, ориентированной на гуманные, нравственные межличностные отношения, побуждающие студентов думать и действовать, отдавая приоритет нравственным ценностям. Эта работа ведется с участием властных структур и структур гражданского общества, по месту жительства, в процессе подготовки к профессиональной деятельности (в ходе производственных и преддипломных практик) и т. д.

В этой работе нельзя недооценивать роль институтов гражданского общества, участвующих в развитии местного самоуправления. С нами сотрудничает ряд таких организаций, члены которых берут на себя такую важную роль, как ведение собствен-

ной просветительской деятельности и участие в образовательном процессе всех уровней: школа – вуз – послевузовское образование. Трудно переоценить и ту помощь, которую оказывают нам местные сообщества, организации граждан, активные жители. Они вместе с нашими студентами развивают различные формы участия граждан в местном самоуправлении, предусмотренные Федеральным законодательством, сохраняют формы, основанные на местных и исторических традициях и т. д. По нашему мнению, тем самым формируется особое образовательное пространство [4, с. 120 – 125]. Это пространство как раз и становится школой демократии. Опыт показывает, что хороших результатов можно добиться, только организовав взаимодействие высшего учебного заведения с органами местного самоуправления, различными институтами гражданского общества.

Наши студенты в ходе аудиторной и внеаудиторной деятельности принимают участие в работе советов микрорайонов, организации общих собраний по месту жительства, публичных слушаниях по различным вопросам и т. д. Оканчивая университет, они знают, как изменить ситуацию по месту жительства, многие из них готовы использовать полученные знания о гражданском обществе и опыт взаимодействия с его институтами в будущей профессиональной деятельности.

На следующем этапе нашего исследования мы планируем ввести для партнерских групп студентов межкафедральный семинар «Взаимодействие власти и бизнеса», разработать ряд деловых игр и др.

Мы считаем, что практическое взаимодействие студентов, обучающихся различным специальностям, и преподавателей, работающих на разных кафедрах, в рамках единого проекта, связанного с организацией взаимодействия бизнеса, государственных и муниципальных органов власти, местного сообщества, некоммерческих организаций, является необходимой составляющей учебной деятельности. Это приводит к повышению роли местного сообщества в воспитании будущих граждан, способствует их более активному вовлечению в гражданское общество и в деятельность общественных организаций, дает необходимый набор знаний и навыков, стимулирует для дальнейшего самообразования и т. д.

Будущий руководитель, экономист, бизнесмен, организатор и просто человек, прошедший такую школу и обладающий гражданской компетенцией, приобретает особый стержень. Этот стержень позволяет ему сохранять честность, порядочность, толерантность, достоинство в процессе всей активной жизнедеятельности в современном обществе.

Литература

1. Гессен, С. И. Мировоззрение и образование / С. И. Гессен // Педагогика российского зарубежья: хрестоматия. – М., 1996. – 328 с.
2. Димов, В. Институты распознают будущее / В. Димов // Вестник института экономики. – М., 2008. – № 3. – С. 141 – 151.

3. Мальковец, Н. В. Подготовка муниципальных кадров к работе в условиях открытого управления, свободного от коррупции / Н. В. Мальковец // Антикризисное управление: производственные и территориальные аспекты: сб. ст.; под общ. ред. И. Г. Степанова, Е. Н. Старченко. – Новокузнецк, 2010. – С. 226 – 231.

4. Мальковец, Н. В. Гражданское образование студентов вуза / Н. В. Мальковец; под общ. ред. Н. Э. Касаткиной. – Кемерово; М.: Кузбассвуиздат: АСПТ, 2006. – 227 с.

5. Мытарева, Е. А. Роль «Паблик рилейшнз» в системе экологического образования / Е. А. Мытарева // Формирование профессиональной и личностной культуры специалиста. – Новокузнецк: НФИ КемГУ. – С. 179 – 183.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 2 марта 2007 г. N 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». – URL: <http://www.rg.ru/2007/03/07/sluzhba-dok.html>.

УДК 371.69(09)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ВОСПИТАНИЯ ИНЖЕНЕРОВ

Е. Г. Огольцова

THE THEORY AND METHODOLOGY KOMPETENTNOSTNOGO OF EDUCATION OF ENGINEERS

E. G. Ogol'cova

Разработаны и внедрены в педагогическую практику принципы системы организации воспитания: пролонгированности, результативности, этичности, согласованности, магнификации и сатисфакции. Обосновано введение модели Единой системы управления образовательными системами, включающей в себя основные элементы теории управления (менеджмента), теории воспитания и теории развития.

Principles of system of the organization of education are developed and introduced in student teaching: about-longirovannosti, productivity, etichnosti, coordinations, магнификации and satisfactions. To Obosnova The introduction of model of a uniform control system by the educational systems, elements of the theory of management (management) including bases thes, theories of education and the development theory.

Ключевые слова: воспитание, образовательная система, целостная система, целеполагание.

Keywords: education, educational system, complete system, целеполагание.

Последнее столетие характеризуется глобальными экологическими и экономическими кризисами. Неоднократные попытки его разрешить с помощью технических и организационных средств не увенчались успехом. Глобальный кризис охватил все стороны жизнедеятельности страны и закономерно привел к актуализации проблем образования, в особенности его неотъемлемой части – воспитания. Именно воспитание отвечает на важнейшие вопросы, а миссия воспитания – научить жить, познавая и осмысливая существующие феномены бытия. Особенностью современного педагогического процесса, стремящегося к переходу на позиции социально-личностной парадигмы образования, является его гуманитарность, признающая сложность, противоречивость, неисчерпаемость и постоянную изменчивость человеческого в человеке. Возрастающая роль гуманитарной составляющей культуры, под-сказанная сложившейся экологической и экономической обстановкой, не находит должного отражения в проектировании и реализации образовательных систем вузов. Вместе с тем понимание того, «как воспитывать», не подразумевает осознание механизма воспитания, суть процессов, проходящих в психике в процессе направленного воспитания и не всегда понятна [3]. Еще более острой становится проблема организации воспитания, ведь сам воспитатель, вновь осмысливая и переосмысливая собственный опыт, присваивая опыт коллег, изменяясь в ходе приобретения новых смыслов, ценностей и знаний, не может являться константой для воспита-

тельного процесса в силу собственной включенности. В связи с этим одной из важнейших проблем современного образования является проблема организации воспитания, имеющая несколько аспектов.

Теоретический: философское переосмысление положений классического гуманизма применительно к воспитательному процессу, месту и роли воспитателя и воспитанника в нем; психолого-педагогическая интерпретация понятия «организация воспитания»; поиск адекватных точек соприкосновения теории управления (менеджмента), теории воспитания и теории развития.

Методический: разработка организационно-методического инструментария, расширяющего возможности образовательной системы в воспитании студентов; разработка системы показателей деятельности и эффективности системы воспитания.

Воспитательный: создание гуманистически ориентированной воспитательной среды, способствующей успешности формирования у студентов профессионально-личностных компетенций, социальной компетентности и профессионально и социально значимых качеств личности.

Воспитание – процесс, ориентированный на личность и регулируемый изнутри, детерминированный внутренним миром человека [2]. В центре его находится человек со своими жизненными, экзистенциальными проблемами. Целеполагание воспитания – ввести молодого человека в мир культуры: личность, благодаря активной деятельности человеческого сознания, осмысливает предлагаемые куль-

турой ценности, смыслы, знания, вырабатывает собственное отношение, приобретая независимость, неповторимость, субъектность. Воспитание – не столько присвоение смысла «Я», сколько движение субъекта за пределы самого себя, в область иного, более организованного смысла. Преодоление в этом процессе отождествлений с иными субъектами возможно в развитии способностей создавать индивидуальную жизненную миссию. В образовании – смысловом ядре воспитания – осуществляется постоянное осмысление (переосмысление) нового через известное (или кажущееся таковым), что и превращает неосвоенное в освоенное. Неоднозначность смыслов, внутренние противоречия, присущие культурной реальности, инициируют процесс интерпретации. Интерпретация – творческий акт изменения накопленных смыслов, точка роста культуры. Моделирование воспитания как полиинтерпретационной спирали, где точки осмысления представляют собой новые векторы развития [1].

Специфика воспитания в инженерном вузе очевидна, прежде всего, из-за высокой внутренней специфичности образовательного пространства, не ориентированного на гуманитарную сослагательную культуру. Преподаватели в инженерном вузе, как правило, далеки от теории воспитания, и в воспитательном процессе ориентированы на собственные жизненные ценности и смыслы, которые, впрочем, не являются чуждыми для их воспитанников. Вместе с тем потребность в приобретении педагогического знания, осмысление и присвоение психолого-педагогической культуры, понимание всех сторон образовательного процесса (от социального заказа до конкретного методического приема), достижение понимания сути воспитания с опорой и на рационально-логическое, и на иррациональное (чувственное) начало человеческой деятельности не могут не становиться «камнем преткновения» для преподавателей-инженеров. Исторически обусловленная практика создания технических университетов вновь обращает инженеров к гуманитарной составляющей культуры [4].

В таких условиях все более возрастает роль, с одной стороны, грамотного куратора, являющего собой педагога-психолога по призванию, с другой стороны, – студенческого само- и самоуправления, способствующего развитию социально значимых качеств личности и социальной компетентности [8].

Таким образом, особенно заметными становятся противоречия: между потребностями субъектов образования в наличии эффективно работающих систем воспитания, в получении объективной, полной информации о качестве воспитания, постоянном обновлении и стимулировании воспитательно-значимых культурных ценностей, знаний, смыслов; между сложившейся практикой воспитательной деятельности, с оценкой эффективности по формальным (чаще количественным) показателям, эклектичным привлечением методических приемов воспитания в чуждую для них образовательную среду; между конкретным характером воспитания свободной личности и монастыризмом, присущим сис-

теме высшего профессионального, а в особенности инженерного, образования, государственной политикой унификации и стандартизации; между новым гуманитарным смыслом педагогической деятельности, быстро меняющимся ценностно-смысловым содержанием педагогических процессов и реальным содержанием воспитания и использованием морально устаревших моделей воспитания; между изменившимся характером основной деятельности вуза в условиях конкуренции, повышением требований к качеству образовательных услуг и сохраняющимся традиционным подходом к ресурсному обеспечению реализации услуг исключительно за счет расширения объема внешних источников средств, недооценки внутренних источников в повышении эффективности использования ресурсов; между традиционным пониманием вуза как хранилища традиций и научного наследия и необходимостью использования наиболее передовых достижений науки и техники при подготовке грамотных специалистов; между объективной ограниченностью средств, направляемых государством на развитие высшего образования, и растущим социальным спросом на образовательные услуги.

По нашему мнению, эффективность воспитания студентов в инженерном вузе возрастет, если [6]:

1. Модель организации воспитания будет представлять открытую систему, управляемую целевыми установками общества, социальным заказом и личными, нравственно детерминированными интенциями воспитателей, накапливающую культурные, организационно-технические, интеллектуальные и прочие ресурсы, передающую данные ресурсы в воспитательную среду вуза и преодолевающую таким образом косность монастыризма, присущего образовательному пространству современной высшей школы.

2. Обеспечить гуманитарную направленность воспитательного процесса на основе интеграции предметного, психолого-педагогического, нравственно-эстетического и философского знания в целостную систему, создающую почву для самоактуализации и саморазвития, учитывающую наличествующие в вузе материально-ресурсные, социально-экономические, психолого-педагогические и прочие условия, средства и факторы.

3. С целью обеспечения наиболее глубокого взаимодействия когнитивной, мотивационно-потребностной и эмоционально-волевой сфер личности преподавателя наряду с основными дидактическими принципами, раскрытыми в теории обучения, применить при профессиональной подготовке к реализации миссии куратора принципы системы организации воспитания (продолжительности, результативности, этичности, согласованности, магификации и сатисфакции).

4. Для эффективной организации конкретивного характера воспитания применить в отборе содержания воспитательных мероприятий принцип натурности, экологоориентированную модификацию принципа наглядности.

5. Организовать в процессе воспитания взаимодействие студенческого контингента и профессорско-преподавательского состава, направленное на взаимообогащение знаниями, образами, переживаниями, эмоциями, волевыми проявлениями и пр.

6. Внедрить в образовательное пространство вуза систему организации воспитания и систему менеджмента качества воспитания, являющиеся компонентами системы управления высшего учебного заведения, позволяющей максимально эффективно распоряжаться внутренними ресурсами вуза.

По нашему убеждению, организация воспитания в инженерном вузе – целенаправленный процесс создания условий для содействия становлению профессиональной и социальной компетентности выпускников, а также формирование определенной совокупности социально- и профессионально значимых качеств личности студентов. Воспитание студентов в инженерном вузе представляет собой сложную, целенаправленную, динамическую систему интенций и действий воспитателей и адекватных реакций студентов, базирующихся на позициях социально-личностной парадигмы образования, обеспечивающих формирование социально- и профессионально значимых качеств личности студента, предполагающую освоение определенной системы знаний и умений, необходимых для успешной социализации, моделируемый уровень социальной и профессиональной компетентности. Ключевыми компонентами воспитательной системы являются [7]: общие положения – совокупность сведений о ее назначении, правовом и методическом обеспечении, границах эффективного применения, месте в педагогической области знаний, теории воспитания и теории управления; понятийный аппарат – терминологическая система, обеспечивающая однозначное понимание процесса воспитания и фиксирующая принципиальную авторскую позицию по ключевым понятиям; теоретико-методологические основания – единство теоретико-методологических подходов исследования процесса воспитания, способствующего становлению профессиональной и социальной компетентности студентов, в котором системный подход – общенаучная основа, ценностный подход – теоретико-методологическая стратегия, а деятельностный подход – практико-ориентированная тактика; ядро – комплекс сформулированных закономерностей и соответствующих им принципов воспитания как фактора личностного развития и личностной успешности выпускников; цель воспитания студентов зависит от личностного опыта; принципы: целеполагания, субъектности, опыта, ориентации на личностные, социальные и профессиональные ценности и ценностные отношения; эффективность воспитания определяется сочетанием объективных и субъективных потребностей в выборе разнообразных форм и методов деятельности; принципы: аффилиации, вариативности в выборе средств взаимодействия субъектов образовательного процесса, диалогизации.

Воспитание в инженерном вузе должно подчиняться императиву конкретизации, так как содержа-

ние образования инженеров дистанцировано от гуманитарной сослагающей общечеловеческой культуры, что не может не создать определенные трудности в развитии социально значимых качеств личности и социальной компетентности. Отбор и применение направлений, форм и методов воспитательной работы со студентами в контексте воспитания социальной компетентности оптимизируется при использовании принципа натурности (учет возможности прямого взаимодействия студентов с объектами природы) [5].

Таким образом, целостная модель воспитания студентов в инженерном вузе, включающая в себя систему организации воспитания, базирующуюся на принципах пролонгированности, результативности, этичности, согласованности, магификации и сатисфакции, систему менеджмента качества воспитания, построенную на базе стандартов, комплекс воспитательных мероприятий и систему социально-психологической и социально-экономической поддержки и защиты студенчества. Комплекс педагогических средств воспитания студентов должен включать в себя приемы прогнозирования и моделирования последствий с привлечением исторического опыта, сюжетов художественных произведений; экоцелесообразную деятельность в ближайшем природном окружении; натурмоделирование; игровые средства и т. п.

Литература

1. Алексашина, И. Ю. Тенденции гуманизации и гуманитаризации содержания естественнонаучного образования / И. Ю. Алексашина // Гуманистические ценности, глобальное мышление и современное образование. – СПб.: СПбГУПМ, 1992. – С. 6.
2. Алексашина, И. Ю. Тенденции гуманизации и гуманитаризации в научном и учебном познании в области естествознания / И. Ю. Алексашина // Гуманизация образования. Теория. Практика. – СПб.: СПбГУПМ, 1994. – С. 62 – 67.
3. Алексеев, Н. А. Личностно ориентированное обучение: вопросы теории и практики / Н. А. Алексеев: монография. – Тюмень: ТюмГУ, 1997. – 215 с.
4. Библер, В. С. Мышление как творчество (Введение в логику смыслового диалога) / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1979. – 399 с.
5. Библер, В. С. Нравственность, культура, современность: философские размышления о жизненных проблемах / В. С. Библер. – М.: Знание, 1990. – 62 [2] с.
6. Гершунский, Б. С. Общечеловеческие ценности в образовании / Б. С. Гершунский, Р. Шейерман // Педагогика. – 1992. – № 5 – 6. – С. 3 – 12.
7. Загвязинский, В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учебное пособие для студентов пед. вузов, обучающихся по спец. 031000 – «Педагогика и психология» / В. И. Загвязинский, Р. Атаханов. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
8. Загвязинский, В. И. Педагогическое творчество учителя / В. И. Загвязинский. – М.: Педагогика, 1987. – 159 с.

УДК 373.1.013

**ВЛИЯНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА
НА СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА***Г. Г. Солодова***INFLUENCE PEDAGOGIC CULTURE IN CHANGING SOCIETY ON PERFORMING
SELFDETERMINATION OF HIGHER SCHOOL STUDENTS***G. G. Solodova*

В статье представлены особенности педагогической культуры изменяющегося социума и показано её влияние на профессиональное самоопределение студентов.

The article concerns the problem of training students for teaching under modern sociocultural conditions.

Ключевые слова: педагогическая культура, становление профессионального самоопределения.

Keywords: pedagogic culture, performing selfdetermination.

Наше обращение к педагогической культуре изменяющегося социума обусловлено тем, что в данном понятии отражается социокультурный аспект в изучении педагогической реальности, а потому педагогическая культура выступает тем социальным фоном, который обуславливает содержание и формы педагогической деятельности, значимыми для становления профессионального самоопределения студентов вуза как будущих педагогов.

Обновление системы образования как одного из направлений модернизации современного социума характеризуется изменениями, которые описываются в научной литературе (А. С. Ахиезер, М. С. Каган, Н. Д. Никандров, Д. И. Фельдштейн и др.) как «цивилизационный слом», как «переход системы от одной социокультурной целостности к другой», как «кризисное состояние в системе образования» и т. п. Проблемы, которые возникают в процессе модернизации образования, не могут быть решены только лишь путём внедрения более совершенных методик и педагогических технологий, а требуют переоценки *методологических оснований* педагогической деятельности, выработки *новой концепции* образования, формирования *нового социокультурного типа* современного учителя, что находит отражение в изменениях педагогической культуры современного социума.

Глобальность изменений, происходящих в системе образования, обосновывает необходимость обращения к педагогической культуре, которая, если исходить из определения культуры как характеристики социума, выступает «содержанием социальной жизни людей» (Э. А. Орлова), и на этом основании культура «задаёт смыслы и цели общественного и личностного бытия» (В. П. Порус). Понимание взаимообусловленности социума и культуры определяет смысловую нагрузку педагогической культуры как социокультурного феномена и обуславливает её изучение в контексте изменяющегося социума, по отношению к которому самоопределяется студент вуза.

Приступая непосредственно к анализу ситуации модернизации образования, мы предполагаем, что

педагогическая культура изменяющегося социума – это такой этап историко-педагогического процесса, в котором отражается смена образовательной парадигмы социума и происходит становление социокультурного типа учителя, способного реализовать в практической деятельности ценности субъектной педагогики.

Представленные в данной статье материалы обосновывают наше предположение. Анализируя сложившуюся ситуацию в современной системе образования, важно заметить, что изменяющийся социум – это среда, в которой осуществляется педагогическая деятельность, а потому его характеристики – *неопределённость, поликультурность, противоречивость, динамичность и др.* – находят своё отражение и в педагогической культуре. Ранее было отмечено, что в переломные моменты истории решается проблема цивилизационного будущего. Если для социума эпохи перемен характерна «смена стратегий цивилизационного развития» [10, с. 98], то и в системе образования мы также наблюдаем глобальные перемены: происходит смена образовательной парадигмы – от авторитарной педагогики к педагогике, обеспеченной ценностями свободы и гуманизма.

Ситуацию в системе образования характеризуют (Е. П. Белозерцев, В. А. Болотов, Б. С. Гершунский, И. А. Колесникова, Г. Б. Корнетов, Н. Д. Никандров, Д. И. Фельдштейн и др.) как такой этап в её историческом развитии, который свидетельствует «об исчерпанности внутренних ресурсов репродуктивно-педагогического развития образования и наступлением времени перехода в качественно иную эпоху» [7, с. 49]. Авторы фиксируют изменения в культурных основаниях педагогической реальности, акцентируют внимание на смене культурных эпох и соответствующих им педагогических парадигм. И. А. Колесникова, изучая педагогическую реальность современного социума, обосновывает становление новой педагогической цивилизации – креативной педагогики.

Педагогическая культура в ситуации переходности описывается культурологами как ситуация «пе-

рекрёстка» культур, традиций, смыслов, для которой характерны: сопряжённость, несводимость друг другу культур, их сосуществование во временном пространстве (Т. А. Яковлева). Для ситуации переходности характерно нарушение культурной целостности. Ю. Козелецкий описывает её как ситуацию «межвременья», когда «одна система изжила себя, а другая ещё не родилась» [6, с. 64].

Ситуация неопределённости, характерная для современной системы образования, обуславливает сложности в восприятии новой педагогической реальности. В работах социологов (В. Н. Введенский, О. В. Падалко, Н. С. Ширшина и др.) выделяются те особенности, которые характеризуют ситуацию, сложившуюся в педагогической культуре изменяющегося социума: «Во-первых, в настоящее время нет единства в отношениях тех требований, которые должны быть приняты и превращены в действия, ожидаемые от каждого учителя; во-вторых, социальная роль, построенная на основе критерия субъектности, осваивается будущими педагогами неоднозначно и неравномерно; в-третьих, нередким случаем является принятие социальных ролей, которые в современном обществе квалифицируются как устаревшие» [1, с. 61].

Обращение к работам, выполненным в области философии образования (О. С. Газман, Б. С. Гершунский, М. С. Каган, И. А. Колесникова, Г. Б. Корнетов, Ю. М. Лотман, Н. М. Розин, П. Г. Щедровицкий, Б. Ю. Щербаков и др.), позволяет отметить, что в педагогической культуре изменяющегося социума, прежде всего, находит отражение *переходное состояние*, которое выступает тем социально-культурным фоном, в рамках которого происходит профессиональное самоопределение студентов вуза. Переходное состояние в педагогической культуре – это время перехода системы образования на новую парадигму, предполагающую утверждение новых ценностей, новых способов общения, форм педагогической деятельности, новых типов школ и т. д.; это период разрушения “старой” и рождение “новой” культурной целостности; это время переформирования смыслообразующих оснований педагогической культуры, для которого характерно появление нового языка, стиля, рождение новой ментальности, нового образа.

Для педагогической культуры в условиях изменяющегося социума, на наш взгляд, характерна *ситуация поисковой активности* – метод «проб и ошибок» становится значимым для проверки инноваций, выбора наиболее целесообразных форм и методов воспитания и обучения. Как показывает педагогический опыт, некоторые из апробированных на практике форм и методов отсеиваются, другие закрепляются, становясь основанием новой культуры.

Переход на новую парадигму образования проявляется в том, что в педагогической культуре происходит становление её нового исторического типа – *антропоцентристского типа культуры*, в котором отражается общая тенденция к персонификации культуры. Анализ педагогических течений XX века,

проведённый Б. М. Бим-Бадом, Г. Б. Корнетовым, И. А. Колесниковой, Н. Д. Наумовым, А. П. Огурцовым и др. показал, что антропологические основания педагогической деятельности развивались и ранее, однако для сегодняшнего времени они оказались более значимыми и востребованными.

Антропоцентристский тип культуры обуславливает ведущую *тенденцию* в становлении педагогической культуры изменяющегося социума. Основу новой образовательной парадигмы составляют *идеи субъектной педагогики* – идея свободного развития и саморазвития личности, её индивидуальной культуры; идея самостоятельности и самоуправления в рамках образовательных учреждений и т. д. Эти идеи определяют ведущие педагогические ценности и цели педагогического процесса, его содержательные и организационно-методические подходы, что даёт основание рассматривать их в качестве образца культурно-образовательной стратегии социума. Таким образом, в изменяющемся социуме формируется образ «актуальной» педагогической культуры, который осознаётся как ценностно-смысловой мир педагога.

Наше понимание понятия «актуальная культура» основывается на определении Л. Н. Когана, который трактует её как «общие для всех людей требования общества (профессии) к культурному уровню человека; это те ценности культуры, которые непосредственно функционируют в обществе и участвуют в формировании социального типа личности – нормы и культурные стереотипы, овладение которыми необходимо для каждого человека» [5, с. 192]. Содержание «актуальной» для изменяющегося социума педагогической культуры, на наш взгляд, отражает те культурные нормативы, которые обуславливают ведущие тенденции в развитии данного социума, и представляет собой понимание культурно-ценностной системы современного образования, которая реализуется в педагогической практике. «Актуальная» педагогическая культура обуславливает ценностные ориентиры, в рамках которых осуществляется инициативная деятельность школы и конкретного педагога, осмысливается педагогика будущего.

Оформление актуальной для изменяющегося социума культуры имеет очень важное значение для личности, так как “общезначимое” способствует стабильности отношений и образа жизни. «Актуальная» педагогическая культура представляет “идеальный план” профессиональной деятельности. В условиях неопределённости изменяющегося социума актуализация педагогических ценностей и идей, отражающих стратегию его развития, может рассматриваться в качестве *ориентира*, значимого для профессионального самоопределения личности. Самоопределение студента в педагогической культуре изменяющегося социума, где представлены её лучшие образцы (социокультурный тип современного педагога, нормативы профессиональной деятельности и др.), проявляется как «возвышение» индивидуальной деятельности и опыта до всеобщих форм,

а «авторское право» студента на культуру реализуется, прежде всего, в его самоопределении, обусловленным ценностями субъектной педагогики.

Однако для педагогической культуры в изменяющемся социуме складывается ситуация, для которой характерны *противоречия*, прежде всего, между «старой» и «новой» педагогикой, традицией и инновациями, обусловленными переходом системы образования от авторитарной (соционаправленной) парадигмы к личностно ориентированной (антропоцентрической) парадигме. Педагогическая культура в условиях перехода на новую парадигму образования характеризуется, с одной стороны, наличием в ней уже устоявшихся ценностей, способов общения и взаимодействия с ребёнком, традициями и, с другой стороны, появлением (актуализацией) новых ценностей, новых способов общения, форм педагогической деятельности, новых типов школ. Причём формирование «актуальной» педагогической культуры предполагает *многообразие* путей, подходов и точек зрения в решении конкретных задач.

В связи с этим научное познание (осмысление) педагогической культуры изменяющегося социума характеризуется ситуацией «межпарадигмального пространства» (Т. Кун). Изучение научной литературы по проблеме профессионального самоопределения подтверждает наши взгляды относительно того, что ситуация, сложившаяся в педагогической культуре, объективно ставит студента перед выбором, необходимостью определения своей профессиональной позиции.

Понимание нами межпарадигмальной основы профессионального самоопределения студентов базируется на концепции парадигмальной природы педагогической реальности, разработанной И. А. Колесниковой (1999 – 2001). Автором обосновано понятие «парадигмальное самоопределение», которое лежит в основе вхождения личности в профессию, когда происходит профессиональное движение как внутри «своей» парадигмы, так и по направлению к другой [7, с. 40].

Учитывая сложность ситуации, которая характерна для педагогической культуры изменяющегося социума, следует уточнить некоторые *особенности* профессионального самоопределения студента, проявляющиеся в процессе овладения педагогической деятельностью. На наш взгляд, недостаточно проработан вопрос о профессиональном самоопределении личности в ситуациях *поликультурности, противоречивости и динамичности* педагогической культуры изменяющегося социума. Поскольку педагогическая культура изменяющегося социума обладает специфическими характеристиками, то профессиональное самоопределение студента следует рассмотреть через призму этих особенностей.

Так, в современной педагогической практике нет чётко и однозначно сформулированных целей, существуют разные типы школ, в основе которых разные концепции, обучение каждому предмету становится возможным по разным учебникам и т. д. В процессе обновления школы наблюдается множе-

ство подходов, которые существуют как равноценные для совершенствования воспитательно-образовательного процесса. По оценке И. А. Колесниковой, специфика современной ситуации состоит в том, что здесь соседствуют и развиваются во многом противоречивые учебно-воспитательные модели; нет той упорядоченности и стабильности, которая была характерна для школы доперестроечного периода.

Такая ситуация в педагогической культуре изменяющегося социума характеризуется *поликультурностью и противоречивостью*, т. е. в рамках определённой культуры отмечается «культурное многообразие» (Ю. М. Лотман). Присутствие в педагогической культуре разнообразных подходов, точек зрения и суждений обуславливают необходимость процесса самоопределения. Культура (в том числе и педагогическая) обеспечивает личности «пространство смыслов» (А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко), в рамках которого происходит её самоопределение (включая и профессиональное самоопределение).

Для студента, готовящегося к педагогической деятельности, важным становится умение выбирать формы и методы своей профессиональной деятельности, соотносить их с особенностями своей личности и социокультурными характеристиками профессиональной среды. Студенту необходимо самоопределяться в многообразии подходов и педагогических практик, выбирать для себя нормативы педагогической деятельности, обосновывать целе- и культуросообразность стиля во взаимоотношениях с воспитанниками, решить для себя проблему своей профессиональной идентичности относительно новых социокультурных условий. Профессиональное самоопределение в данном случае следует рассматривать как *поиск точки опоры (позиции, отношения) в ситуациях множественности, плюрализма мнений*.

Однако, с другой стороны, ситуация поликультурности чревата столкновением ценностей, их конфликтностью, проявлением деструктивных свойств личности, что выступает как дестабилизирующий фактор в её взаимоотношениях с социумом и с другими людьми. Для самоопределения, как мы отмечали ранее, важны ориентиры, но в ситуации поликультурности отмечается их множественность, что усложняет процесс самоопределения студента. Ситуация поликультурности и противоречивости иначе ставит проблему поиска «должного» в профессии как ориентира в процессе самоопределения будущего педагога. Именно его поиск рассматривается нами как цель профессионального самоопределения студента.

Изменяющийся социум, т. е. его поисковый, неопределённый характер, *затрудняет* процессы идентификации будущего педагога, так как новые ценности ещё окончательно не закрепились в его культуре, происходит их оценка и переоценка. Актуализация субъектного фактора в условиях изменяющегося социума становится возможной, если

студент в процессе подготовки к педагогической деятельности научается стратегической форме. Однако культурологами фиксируется противоречие, которое ограничивает возможности решения данной проблемы, а именно: наблюдается противопоставление мира социального (пространство заданных ограничений) и мира культурного (пространство свободы). Н. В. Рыбалкина, А. Ю. Тупицин, П. Г. Щедровицкий и др., анализируя проблему самоопределения личности в современном социуме, видят два возможных аспекта в ситуациях выбора личностью значимого для жизнедеятельности. Выбрав, личность ориентируется на:

1) «должное» с точки зрения *субъекта*, когда реализуется его право выбора и свобода самовыражения;

2) «должное» как необходимое (обязательное) для *социума* (его тенденции, проблемы).

Проблема состоит в том, что представленные аспекты в процессе выбора не всегда совпадают, и это приводит к негативным результатам.

Таким образом, ориентация личности только на социум позволяет наблюдать адаптивные формы самоопределения, ситуации конформистского поведения; ориентация личности только лишь на свободу самовыражения достаточно часто проявляет себя в маргинальных формах поведения, которая реализуется в отстранённости от чуждого личности опыта, как отрицание известного опыта или ценностей, замена старого на противоположно новое. Для овладения педагогической деятельностью маргинальность приобретает негативные формы, так как наблюдается забвение традиций, потеря тех ценностей-целей, которые составляли основу педагогической системы прошлого, обеспечивая ей прогрессивное развитие.

Проведённые исследования и наша опытно-экспериментальная работа показывают, что актуализация субъектного фактора становится возможной, если профессиональное самоопределение студентов осуществляется в *позиционной форме*, которая реализуется, учитывая категорию «должного» и в аспекте необходимого для социума, и в аспекте интересов самого субъекта, реализующего тем самым «авторское право» на самоопределение в мире педагогической культуры. Такое понимание процесса профессионального самоопределения обуславливает необходимость создания в учебно-познавательной деятельности студента условий, которые обеспечивают поиск личностного смысла в профессии и формирование педагогических ценностей.

Анализ особенностей профессионального самоопределения в педагогической культуре изменяющегося социума позволяет прийти к выводу о том, что для студентов вуза, овладевающих педагогической деятельностью, ситуация переходного состояния в педагогической культуре осуществляется в промежутке между «прошлым» и «будущим», между «авторской» и «иными» культурами, а потому логически обосновано обращение в нашем исследовании к теоретическому анализу профессионального само-

определения с позиции его *временного* и *смыслового* будущего.

Исходя из ведущей характеристики *социальной ситуации развития личности в юношеском возрасте*, – обращённость в будущее, – следует уточнить её реализацию в развитии студента вуза, обусловленностью особенностями педагогической культуры изменяющегося социума. Мы полагаем, что профессиональное самоопределение студента – это всегда его *взгляд в будущее*, когда у личности формируется образ его будущей профессии, который выполняет нормативно-регулирующую функцию в её профессиональном развитии. В ситуациях переходного периода в самосознании личности и оценке ею происходящего обостряется связь «*прошлое – настоящее – будущее*», а потому самоопределение, осуществляемое в процессе подготовки к будущей профессии, предполагает не только обращённость в будущее, но также и *обращённость в прошлое*, поиск значимого для выработки новых форм социальности.

Для процесса профессионального самоопределения важно осмыслить связь «прошлое – настоящее – будущее». Поскольку человек представляет собой единство трёх составляющих – прошлого, настоящего и будущего, то и в процессе профессионального самоопределения также отражаются эти составляющие. «Настоящее» воспринимается личностью как действительность, которую необходимо познавать и осмысливать. «Будущее» определяется как проект, который необходимо выработать, что обуславливает смысловые переживания личности. Профессиональное самоопределение, понимаемое, с точки зрения временного и смыслового будущего, позволяет нам согласиться с мнением М. Р. Гинзбурга, который видит смысл самоопределения личности в «переосмыслении прошлого с позиций будущего» [3, с. 25].

Однако студент в процессе своего самоопределения относительно будущей профессии переживает не просто ситуацию ожидания будущего, он представляет себя, особенности своей личности по отношению к значимому для него будущему, он переживает то состояние, которое, пользуясь терминами А. Маслоу, можно представить как «настоящее будущее» и «настоящее прошлое». Профессиональное самоопределение студента базируется на достижениях прошлого, но личности приходится решать задачи, преодолевать трудности и противоречия, возникающие в «настоящем»; оценивая перспективы принимающих решений, думать о «будущем». Причём, в условиях изменяющегося социума категории «прошлое – настоящее – будущее» воспринимаются иначе, чем в условиях стабильного социума. Рассмотрим это обстоятельство более подробно, так как именно эти особенности в проявлении названных категорий оказывают влияние на профессиональное самоопределение студента.

Для будущего профессионала становится важным обоснование проблем, которые возникают в профессиональной деятельности в *настоящем*, что

позволяет вырабатывать ориентиры на будущее, видеть профессиональную деятельность как способ решения проблем в развитии социума и личности, но восприятие и оценка «настоящего» для студента представляет собой далеко неоднозначную картину. Ранее нами были представлены такие характеристики педагогической культуры изменяющегося социума, которые в ситуациях принятия решения создают для студента трудности.

Восприятие «будущего» также характеризуется неопределённостью и поликультурностью, что позволяет культурологам (А. Бергсон, В. С. Стёпин, Т. А. Яковлева и др.) высказывать мнение о его принципиальной непредсказуемости и утверждать, что оно не может быть принято личностью в качестве ориентира. Как ранее показал анализ характеристик «актуальной» педагогической культуры, её неопределённость и поликультурность приобретает черты поисковой активности, а потому восприятие будущего и педагогами, и студентами, готовящимися к педагогической деятельности, приобретает черты *субъективности*, а само будущее оценивается как «*возможное будущее*». Размышления студентов о будущей профессии, образе педагога, нормативах педагогической деятельности и т. п. отличаются большим разнообразием, что, безусловно, отражается на процессе их подготовки в вузе и, нередко, вызывает сомнение относительно возможности некоторых учебных дисциплин достигнуть намеченного образа. «Авторское право» на самоопределение в культуре, как показывает наш педагогический опыт, реализуется, и в учебно-познавательной деятельности, что требует поиска адекватных современному социуму содержательных и организационно-методических подходов.

Подготовка студентов к педагогической деятельности зависит не только от того, насколько точно ему видится его профессиональное будущее (т. е. профессия и он сам в профессии), но и то, на какой *опыт прошлого* он опирается, когда осуществляет свой выбор. У каждого студента сформированы свои представления о педагогической профессии, эталонном, на их взгляд, образе педагога, что выступает своего рода точкой отсчёта для выбора их (пока ещё предполагаемого) будущего. Именно «прошлое» выступает для личности исходным моментом в его ориентациях на будущую профессию, а потому закономерно предположить, что процесс вузовского обучения (и прежде всего педагогические дисциплины) должен способствовать *переоценке* прошлого опыта с позиции проблем настоящего, ориентируя студента на овладение им «должного» в профессии, обусловленного педагогической культурой изменяющегося социума.

Таким образом, возникает проблема *соотнесения* прошлого опыта студента с теми требованиями, которые предъявляются к личности педагога в условиях изменяющегося социума, когда выявляются новые тенденции в развитии современной системы образования. В целях наиболее успешной подготовки к педагогической деятельности студенту стано-

вится важным разобраться в своих представлениях о профессии, жизненных ценностях и нормах, стиле общения с другими людьми и т. п. для того, чтобы осмыслить «исходный» уровень своего профессионального развития, соотнести его с реалиями современного социума.

В связи с этим, на наш взгляд, профессиональное самоопределение студента в процессе его подготовки к педагогической деятельности следует рассматривать в двух аспектах:

1) как ориентацию, направленную *в будущее*, как определение своей перспективы, выстраивание эталонного образа профессионала и нормативов педагогической деятельности;

2) как ориентацию *в прошлом опыте*, выявлении тех потенциальных возможностей, которые оказываются значимыми для решения проблем, возникающих в «настоящем», и изменять себя в соответствии с требованиями социума.

Ситуация «межвременья» (Ю. Козелецкий) в овладении профессией позволяет нам рассматривать процесс профессионального самоопределения студента в условиях вузовской подготовки *и как постижение тысячелетнего опыта человечества по воспитанию и образованию подрастающего поколения, и как осмысление всех инноваций, обуславливающих модернизацию образования.*

Данное положение мы рассматриваем как основополагающее для выстраивания воспитательно-образовательного процесса в вузе, необходимости учитывать отражение переходного состояния в педагогической культуре как диалога между «прошлым» и «будущим». В процессе подготовки к педагогической деятельности студент как будущий педагог должен *осознавать* ситуацию переходности в педагогической культуре, в учебно-познавательной деятельности *актуализировать* поиск наиболее целе- и культуросообразных форм и методов, посредством профессионального самоопределения реализовывать «авторское право» на культуру, формируя адекватную социуму профессионально-педагогическую позицию.

Изучая профессиональное самоопределение личности в условиях изменяющегося социума, мы обосновали его *культуротворческий* характер, который проявляется в преобразующей деятельности человеком социума (профессии) и самого себя относительно новых условий его жизнедеятельности. Как отмечали ранее, в педагогической культуре изменяющегося социума происходит преобразование норм данной культуры относительно ценностей субъектной педагогики. Рассматривая студента как субъекта педагогической культуры, мы также воспринимаем его как творца новой педагогической реальности, а потому в воспитательно-образовательном процессе вуза студент, овладевающий педагогической культурой, не просто должен овладевать известной суммой знаний, но иметь возможность *переосмысливать* известный в культуре опыт педагогической деятельности, *выстраивать* свои представления о будущей профессии и нормативах про-

фессиональной деятельности *с учётом реалий сегодняшнего дня*. Студент в процессе подготовки к педагогической деятельности должен получить возможность «творить» профессию, осваивая «актуальную» для изменяющегося социума педагогическую культуру.

Подчёркивая важность культуротворческой направленности процесса самоопределения студентов, следует заметить, что, занимая позицию субъекта педагогической культуры, он реализует возможность «авторского права» на культуру (отражённую в содержании образовательного процесса), что позволяет ему проявлять свою позицию, а потому в учебно-познавательной деятельности студент должен воспринимать себя создателем и преобразователем профессиональной деятельности. Выстраивая образ будущей профессии, студент не только усваивает педагогическое знание, он интерпретирует педагогический опыт, представляет себя в рамках созданного им образа, он «созидает» новый педагогический опыт относительно достижения идеала современного человека (созданного им в общении с другими студентами). Таким образом, студент получает возможность в рамках воспитательно-образовательного процесса вуза занять позицию субъекта педагогической культуры – он созидает своё понимание профессии, определяет своё видение профессии и своё место в ней.

Ситуация неопределённости, которую переживает студент, актуализирует и особое состояние его личности. Поскольку прошлый опыт в профессиональной деятельности перестаёт быть значимым, а новый ещё не сложился, то для него возникает проблема: не просто привыкнуть к переменам, а выработать новые способы деятельности, адекватные тенденциям изменяющегося социума. У студента как будущего педагога должна актуализироваться значимость интуитивного познания изменяющейся педагогической реальности, обоснования новых смыслов, их сопоставления с новыми социокультурными условиями. При таком понимании ситуации студенту как будущему педагогу важно понять, что он становится «создателем» нового образа профессии и нормативов педагогической деятельности. Такое понимание ситуации, сложившейся в современной системе образования, даёт нам основание размышлять о профессиональном самоопределении *как форме культуротворчества личности в педагогической культуре изменяющегося социума*.

Подводя итоги, мы считаем необходимым уточнить определение профессионального самоопределения личности. Изучив особенности педагогической культуры изменяющегося социума и её влияние на данный процесс, мы пришли к выводу: *профессиональное самоопределение студента в педагогической культуре изменяющегося социума – это процесс, направленный на осмысление и преобразо-*

вание педагогической реальности и самого себя с учётом положений субъектной педагогики.

В процессе подготовки студентов к педагогической деятельности в условиях изменяющегося социума возникают задачи: во-первых, осмысления педагогической реальности переходного состояния общества, по отношению к которому происходит самоопределение будущего педагога; во-вторых, осмысления *самого себя* в этом переходном состоянии, своей роли и места, осознание собственных возможностей и притязаний, а также условий для самоосуществления и самореализации студента в педагогической деятельности.

Мы полагаем, что в процессе подготовки студентов к педагогической деятельности в условиях изменяющегося социума необходимо учесть, что «знаниевый» подход в организации учебно-познавательной деятельности не снимает обозначенных в данном параграфе проблем, а потому профессиональное самоопределение не может проявиться в полной мере для того, чтобы помочь студенту как будущему педагогу подготовиться к решению профессионально-значимых задач. В связи с этим необходимо решить проблему: каким по содержанию должно быть профессиональное самоопределение студента вуза в педагогической культуре изменяющегося социума.

Литература

1. Введенский, В. Н. Педагогическая профессия как социальный институт / В. Н. Введенский // Педагогика. – 2006. – № 2.
2. Газман, О. С. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы / О. С. Газман. – М., 2002.
3. Гинзбург, М. Р. Психология содержания личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3.
4. Ильин, Г. Л. Образование и культура: поиски взаимного соответствия / Г. Л. Ильин. – М., 1992.
5. Коган, Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. – М., 1984.
6. Козелецкий, Ю. Многомерный человек (психологическое эссе): [пер. с польск.] / Ю. Козелецкий. – Киев, 1991.
7. Колесникова, И. А. Педагогическая реальность: опыт междисциплинарной рефлексии / И. А. Колесникова. – СПб., 2001.
8. Михайлов, А. В. Языки культуры / А. В. Михайлов. – М., 1997.
9. Мудрик, А. В. Социализация личности / А. В. Мудрик. – М., 2004.
10. Стёпин, В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего / В. С. Степин. – М., 1996.
11. Цукерман, Г. А. Психология саморазвития / Г. А. Цукерман. – М., 1995.
12. Щедровицкий, П. Г. Очерки по философии образования / П. Г. Щедровицкий. – М., 1992.

УДК 37.02

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА КАК РЕСУРС ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НОВОГО КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ***Трубин Г. А.***THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF SPECIALIST AS A RESOURCE
FOR NEW QUALITY VOCATIONAL EDUCATION***Trubin G. A.*

В статье рассматривается профессиональная компетентность в контексте нового качества профессионального образования. Определяется понятие профессиональной компетентности.

The professional competence at the context of new quality of trade education is examined in the article. The concept of professional competence is determined there.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, специалист, профессиональное образование.

Keywords: professional competence, specialist, trade education.

Актуальность статьи. Анализ парадигмальных характеристик современного образования – один из центральных элементов осмысления профессиональной компетентности. Новый образ человека должен основываться на сочетании глубоких профессиональных знаний с умением непрерывно учиться, быть готовыми к смене деятельности, иметь духовно-этическую ориентацию, самостоятельно формировать «Я-концепцию». Специалиста новой формирующейся эпохи будут отличать социальная активность, стремление к духовному единению с другими людьми, новое понимание мира и смысла существования в нем индивида, сопричастность к происходящим вокруг событиям.

Цель статьи – раскрыть специфику профессиональной компетентности специалиста как ресурс обеспечения нового качества профессионального образования.

Введение понятия «профессиональная компетентность» обусловлено широтой его содержания, интегративностью характеристик, которые включают такие понятия, как «профессионализм», «квалификация», «компетенции», «профессиональные способности» и др.

Проанализировав разные подходы, которые определяют понятие «профессиональная компетентность» (Н. Кузьмина, В. Сластенин, И. Зязюн, Г. Беленькая, А. Маркова, В. Монахов и др.) мы отмечаем, что профессиональную компетентность большинство авторов рассматривают как совокупность интегративных характеристик педагога, которые помогают ему в решении профессионально-педагогических заданий.

Профессиональную компетентность ученые рассматривают преимущественно в трех аспектах: личностный (субъектные, личностные, профессионально-значимые образования); теоретический (фундаментальная профессиональная подготовка, метазнания); практический (способность использовать приобретенные знания, умения, навыки на практике и в повседневной жизни).

Наряду с развитием идей компетентностного подхода в последнее время в отечественной педагогике и психологии все большее значение приобретает субъектный подход (С. Рубинштейн, А. Брушлинский, К. Абульханова-Славская, В. Слободчиков,

Е. Волкова, А. Гогоберидзе) к изучению личности, суть которого состоит в том, что он позволяет рассматривать профессионала как целостного субъекта образовательного процесса.

Методологией субъектного подхода является концепция личности С. Рубинштейна, в соответствии с которой развитие субъектного начала проходит в пространстве личности, которая понимается как интегратор всех психических процессов человека [10].

В психологии субъект рассматривается как «индивид или группа, как источник познания и преобразования действительности; носитель активности, делающий изменения в других людях и в себе как в других» [5, с. 37].

С позиции субъектного подхода одним из приоритетных заданий системы непрерывного образования является формирование субъектных качеств личности педагога как профессионально значимых.

Профессиональная компетентность – это уровень профессиональной подготовки, включающий: систему знаний и умений, позволяющих решать профессиональные задачи; философско-методологическую культуру, помогающую определить нравственные приоритеты, сущность бытия, предназначение человека, понимание неограниченных возможностей его самосовершенствования; правовую культуру как стабилизирующий фактор его гуманистической ориентации во всех жизненных ситуациях.

Поэтому в содержание профессиональной подготовки должен быть заложен механизм, обеспечивающий развитие будущих специалистов нового качества профессионального образования, открытого изменениям и творческому поиску, исследованию быстро меняющегося мира, изменений конъюнктуры на рынке труда. При этом ценностные ориентации состоят в признании приоритета гуманистических традиций, самооценки и значимости человеческой личности, способной к саморазвитию и конструктивному взаимодействию с окружающей природой и социальной средой.

Следовательно, структура учебно-воспитательного процесса учебного заведения должна закрепить мотивацию студентов на поиск истины, на исследование, на постоянство образования и самообразования в течение всей жизни.

М. А. Князян пишет о необходимости включения личности в качественно новый вид учебно-познавательной деятельности – самостоятельно-исследовательский, который бы интегрировано, целостно, системно активизировал ценностный, культурный, интеллектуальный, творческий, поисковый, рефлексивный потенциал будущего специалиста на субъективном уровне [4, с. 18].

Ю. Г. Репьев утверждает, что система профессионального образования должна готовить специалистов к продуктивной деятельности в течение всего дееспособного периода его жизни с различным уровнем квалификации в одной из сфер общественной деятельности, включая переработку информации, энергии, материалов. Главной функцией системы научного образования является развитие способностей к научному творчеству [9, с. 24].

С. С. Кошлев [3] считает, что ведущими методами в системе профессионального образования должны быть методы самотворчества, методы мыследеятельности, метод частично-поисковый и исследовательский.

Исследовательская деятельность студентов, как компонент системы профессионального образования, изучается уже давно. Выделяют два ее вида: учебно-исследовательская работа студентов (далее – УИРС) и научно-исследовательская работа студентов (далее – НИРС). Различия между ними фиксируются по произвольности включения: УИРС – обязательный для каждого студента вид деятельности, включенный в учебный план вуза. Научно-исследовательская работа – это самостоятельная, осуществляемая на добровольных началах исследовательская работа будущего специалиста.

Средства достижения цели в УИРС – система форм взаимодействия преподавателя и студента, уровни саморегуляции (от максимальной помощи к нарастанию активности вплоть до саморегулируемых и самопобуждаемых исследовательских действий).

Цели НИРС – это установление новых взаимосвязей, зависимостей в предметно-специфической сфере.

Эффективность НИРС зависит от степени овладения исследовательской деятельностью, потребностью ее осуществлять.

В качестве критериев эффективности УИРС должны быть взяты: уровень саморегуляции в исследовательской деятельности; уровень удовлетворенности процессом и результатом исследования; уровень избирательности как мера сформированности личностно значимых элементов исследовательской деятельности; системность организации внутреннего плана исследовательских действий, позволяющая в любой ситуации воспроизвести всю картину исследовательской деятельности. Иными словами, итогом учебно-исследовательской деятельности студента должна стать его способность свести все неизвестные к известному исследовательскому алгоритму, поставить новые задачи, выдвинуть гипотезы их решения; отобрать средства для их

решения; проверить гипотезы; отбросить ненужные; обосновать правомерность решения.

Учебно-исследовательская работа студентов является обязательным условием формирования профессиональной компетентности.

С учетом изложенного выше, мы предлагаем понимать профессиональную компетентность как интегративную характеристику личности педагога, структурными компонентами которой являются теоретическая, технологическая, коммуникативная и личностная компетентность, которые формируются благодаря профессионально значимым качествам, позволяющие быть учителю субъектом педагогической деятельности и жизнетворчества.

Ключевые компетентности многофункциональны, надпредметны и многомерны, основываются на свойствах человека и проявляются в определенных способах поведения, которые опираются на его психологические качества, включают широкий практический контекст с высокой степенью универсальности. Овладение ими позволяет решать самые различные проблемы в повседневной, профессиональной, социальной жизни.

В ходе нашего исследования, были выделены такие продуктивные в контексте, ключевые социальные компетентности, как способность ориентироваться в социально-экономических условиях производства; умение межличностного взаимодействия; сознание и понимание групповых (коллективных) ценностей; способность к соединению личных интересов с общественными; готовность к взаимопомощи; коммуникативная компетенция; культура речи и речевого общения; культура поведения; правовая культура; политическая грамотность; способность к взаимопониманию.

Перечень ключевых компетентностей, индикаторов для их эксплицирования, а также предложения по структуре оценочных средств, желательных к использованию в стандарте среднего профессионального образования нового поколения, могут быть представлены в виде инвариантной части требований к качеству подготовки выпускников профессиональных заведений, которая представляется следующим образом.

Целями образовательного процесса в дополнительном профессиональном заведении, по нашему мнению, являются: формирование базовых (полипрофессиональных), общекультурных (ключевых) и профессиональных (монопрофессиональных) компетентностей; духовное и нравственное развитие личности выпускника среднего профессионального учебного заведения; формирование активной жизненной, гражданской и профессиональной позиции; формирование коммуникативной и информационной культуры.

Резюмируя, можно заключить, что модель современного специалиста должна учитывать: требования к специалисту, вытекающие из экономики, основанной на знаниях; психологические представления о структуре трудовой деятельности; перспективный, но пока еще только формирующийся под-

ход к оценке качества образования на основе компетенций специалиста.

Каждый из отмеченных аспектов выдвигает определенные требования к выпускнику дополнительного профессионального заведения.

В значительной мере они пересекаются. Итоговая модель присвоения квалификации по специальности должна интегрировать эти требования.

Суммируя сказанное, можно предложить, что выпускник дополнительного профессионального заведения должен характеризоваться:

1. *Ключевыми компетенциями (социально-личностными)*: относящимися к человеку как индивиду, субъекту деятельности и личности; социальными, определяющими его взаимодействие с другими людьми; относящимися к умению учиться.

2. *Общепрофессиональными компетенциями*: информационными, связанными с получением и обработкой информации; расчетными, связанными с умением решать профессиональные задачи с использованием адекватного математического аппарата; эксплуатационными; управленческими, организационными; конструкторскими; проектировочными; экономическими, включающими поведение на рынке труда.

Эти компетенции должны формироваться как общие для широкого круга профессий. Они обеспечивают гибкое поведение на рынке труда.

3. *Специальными компетенциями* или профессионально-функциональными знаниями и умениями, которые обеспечивают привязку к конкретному объекту, предмету труда. Они обеспечивают конкретизацию общепрофессиональных компетенций.

В предлагаемой модели акцент в подготовке специалиста смещается на *социально-личностные и общепрофессиональные компетенции*, которые служат фундаментом, позволяющим выпускнику гибко ориентироваться на рынке труда и в сфере дополнительного образования. В то же время необходимо избегать ситуаций, когда выпускник подготовлен ко всему и ни к чему конкретно. *Задачи объектной и предметной подготовки решает блок специальных компетенций*, профессионально ориентированных знаний и навыков.

Нами были разграничены три основные группы компетенностей: компетенности, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности; компетенности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми; компетенности, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах [2, с. 34 – 42]; [11, с. 20 – 26].

Теоретической основой выделения трех групп ключевых компетенностей послужили сформулированные в отечественной психологии положения относительно того, что человек есть субъект общения, познания, труда; что человек проявляется в системе отношений к обществу другим людям, к себе, к труду, что компетентность человека имеет вектор акмеологического развития [1; 6].

Акмеология D (O) T – наука о путях достижения вершин профессионализма, что профессионализм

включает компетентности [7, с. 76 – 82; 8, с. 82 – 88].

Анализ трактовок компетентности, представленный в логике названных выше трех оснований их группировки (с учетом теоретического обоснования), позволяет определить нижеследующую номенклатуру: а) самих компетентностей, б) набор входящих в каждую из них компонентов.

Зимняя И. А. в своей работе выделяет следующие виды ключевых компетентностей:

1. *Компетентности, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности, общения*: компетентности здоровьесбережения: знание и соблюдение норм здорового образа жизни, знание опасности курения, алкоголизма, наркомании, СПИДа; знание и соблюдение правил личной гигиены, обихода; физическая культура человека, свобода и ответственность выбора образа жизни; компетентности ценностно-смысловой ориентации в мире: ценности бытия, жизни; ценности культуры (живопись, литература, искусство, музыка), науки; производства; истории цивилизаций, собственной страны; религии; компетентности интеграции: структурирование знаний, ситуативно-адекватной актуализации знаний, расширения приращения накопленных знаний; компетентности гражданственности: знания и соблюдение прав и обязанностей гражданина; свобода и ответственность, уверенность в себе, собственное достоинство, гражданский долг; знание и гордость за символы государства (герб, флаг, гимн); компетентности самосовершенствования, саморегулирования, саморазвития, личностной и предметной рефлексии; смысл жизни; профессиональное развитие; языковое и речевое развитие; овладение культурой родного языка, владение иностранным языком.

2. *Компетентности, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы*: компетентности социального взаимодействия: с обществом, общностью, коллективом, семьей, друзьями, партнерами, конфликты и их погашение, сотрудничество, толерантность, уважение и принятие другого (раса, национальность, религия, статус, роль, пол), социальная мобильность; компетентности в общении: устном, письменном, диалоге, монологе, порождение и восприятие текста; знание и соблюдение традиций, ритуала, этикета; кросскультурное общение; деловая переписка; делопроизводство, бизнес-язык; иноязычное общение, коммуникативные задачи, уровни воздействия на реципиента.

3. *Компетентности, относящиеся к деятельности человека*: компетентности познавательной деятельности: постановка и решение познавательных задач; нестандартные решения, проблемные ситуации – их создание и разрешение; продуктивное и репродуктивное познание, исследование, интеллектуальная деятельность; компетентности деятельности: игра, учение, труд; средства и способы деятельности: планирование, проектирование, моделирование, прогнозирование, исследовательская деятельность, ориентация в разных видах деятельности; компетентности информационных технологий: при-

ем, переработка, выдача информации; преобразование информации (чтение, конспектирование), массмедийные, мультимедийные технологии, компьютерная грамотность; владение электронной, Интернет-технологией.

Очевидно, что эти актуальные компетентности будут включать такие характеристики, как:

а) готовность к проявлению компетентности (т. е. мотивационный аспект);

б) владение знанием содержания компетентности (т. е. когнитивный аспект);

в) опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (т. е. поведенческий аспект);

г) отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения (ценностно-смысловой аспект);

д) эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности.

Такая трактовка компетентностей в совокупности их характеристик в общем плане становления компетентностного подхода (СВЕ) к образованию свидетельствует, как это отмечается ранее, об очень большой сложности их измерения и оценивания.

Качество подготовки выпускников дополнительных профессиональных учреждений может оцениваться в соответствии с конкретными компетентностными показателями (индикаторами).

Однако для оценки качества подготовки выпускников в рамках компетентностной модели оценочные средства должны быть дополнены инструментами, позволяющими определить готовность (мотивированную способность) выпускника осуществлять те или иные виды профессиональной деятельности.

Итак, по нашему мнению, для объективной и комплексной оценки качества подготовки выпускников дополнительных профессиональных учреждений необходимо: применять рейтинговую оценку в процессе использования каждого итогового оценочного средства; привлекать для участия в итоговой аттестации преподавателей и специалистов из других вузов и научно-исследовательских организаций, представителей органов управления образованием, педагогической общественности и других социальных партнеров.

Рекомендуемыми критериями для оценки качества подготовки выпускников на итоговом государственном экзамене являются следующие: владение информацией и умениями в рамках предметной области знания; способность разрешать учебные (смоделированные) проблемы профессиональной деятельности; качество ответов на дополнительные вопросы; коммуникативные умения и навыки.

Таким образом, компетентность как сложное и объемное качество личности практически не поддается прямой диагностике в ходе испытаний в форме предметных или даже междисциплинарных экзаменов.

Вместе с тем отдельные ее компоненты, в первую очередь, связанные со знаниями и отдельными профессиональными умениями, могут быть диагно-

стированы. Особую трудность в оценке компетентности выпускника вызывает то обстоятельство, что для этого необходимо иметь сведения об успешности (безуспешности) его деятельности в профессиональной сфере, с которой, как правило, он еще не сталкивался.

Из вышесказанного следует несколько важных выводов:

1. Целесообразно всемерно расширять в образовательной программе все виды учебной деятельности, приближенные профессиональной. Речь идет о практиках, выполнении расчетных и проектных работ, учебно-исследовательской работе студентов, деловых, ролевых, имитационных играх и в более общем плане творческой самостоятельной работе студентов.

2. При создании планов внеучебных мероприятий следует учитывать необходимость формирования ценностно-смысловых компонентов компетентности будущего специалиста.

Выводы. Понятие «компетентность» в своей сущности подвижно, исторически изменчиво, антиинерционно. Знания и умения, даже определенные творческие способности, устаревают со временем, становятся неадекватными новой исторической ситуации. При ускоряющемся накоплении знаний, смене технологий и социокультурных условий отставание воспроизводит и углубляет перманентный кризис образования. Компетентность же не привязана жестко к определенным образовательным содержаниям, знаниям или к иным способностям. Меняются ситуации, меняются цели и нормы, меняются культурные образцы (интеллектуальные, технические и прочие), обращения с ситуациями, меняются сами люди, их запросы и возможности – при всем этом инвариантным остается требование компетентности. Сама эта ценность устойчива, но именно благодаря подвижности наполнения компетентности в меняющемся времени.

Важным компонентом профессионального образования будущих специалистов в условиях нового качества профессионального образования является вовлечение студентов в систематическую исследовательскую работу, что, в свою очередь, требует совершенствования учебно-методической деятельности преподавателей, создания соответствующих пособий, активизирующих аудиторную и внеаудиторную деятельность студентов.

Литература

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – М., 1968. – С. 339.
2. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34 – 42.
3. Кашлев, С. С. Интерактивные методы обучения педагогике: учеб. пособ. / С. С. Кашлев. – Мн.: Высш. шк., 2004. – 176 с.
4. Князян, М. О. Система формирования самостоятельно-исследовательской деятельности в про-

цессе ступенчатой подготовки / М. О. Князян: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – О., 2007. – 37 с.

5. Краткий психологический словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 512 с.

6. Кузьмина, Н. В. Очерки психологии труда учителя / Н. В. Кузьмина. – М., 1967.

7. Маркова, А. К. Психологические особенности индивидуального стиля деятельности учителя / А. К. Маркова // Вопросы психологии. – 1982. – № 2. – С. 76 – 82.

8. Маркова, А. К. Психологический анализ профессиональной компетентности учителя /

А. К. Маркова // Советская педагогика. – 1990. – № 8. – С. 82 – 88.

9. Репьев, Ю. Г. Интерактивное самообучение / Ю. Г. Репьев: монография. – М.: Логос, 2004. – 248 с.

10. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. – М., 1973. – С. 255 – 382.

11. Татур, Ю. Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста / Ю. Г. Татур // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 20 – 26.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.22

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ «ПРОСТЫХ» РАБОТОДАТЕЛЕЙ: ЧТО ЗА «КАДРОМ»?

В. И. Киселев, Л. Л. Шпак

POLITICAL INTEREST OF ORDINARY EMPLOYERS: «WHAT IS OFFSCREEN»?

V. I. Kiselev, L. L. Spak

В статье характеризуются политические интересы современных работодателей – представителей малого бизнеса и предпринимательства. Авторы делают акцент на реализации политических интересов в региональной и муниципальной политике на основе соблюдения нескольких востребованных сегодня принципов: эффективности и справедливости, политического реализма и социального партнерства. Предлагаются результаты прикладного исследования, доказывающие необходимость политического участия работодателей, в том числе и через непосредственное вхождение в структуры власти.

The article describes political interests of modern employers – representatives of small business and enterprise. The authors emphasize implementation of political interests in local and municipal politics on basis of following several principles of effectiveness and justice, political realism and social partnership. In the article, the result of applied research are submitted which prove the necessity of employers' political contribution including direct entering the structures.

Ключевые слова: интересы политические, политика муниципальная, работодатели, принципы осуществления интересов, регион.

Keywords: political interests, municipal politics, employers, principles of materializing the interests, region.

Политика в социологическом аспекте есть принуждение к согласию на определенных условиях совместной деятельности. Политический интерес работодателя как субъекта (организатора) определенной хозяйственной и социальной практики направлен на преобразование характера взаимодействий и условий жизни для осуществления в малом бизнесе и предпринимательстве принципа экономической эффективности. К числу таких условий относятся социальный порядок в местах фиксированного местопребывания открытого «дела», создание благоприятного имиджа в глазах местной власти и населения, поддержание лояльных отношений с наемными работниками. Это означает, что «простой» работодатель заинтересован в получении дополнительных шансов на расширение границ свободы и согласия с помощью механизма властного вмеша-

тельства без ослабления социальных связей. Участие в политике дает такие дополнительные шансы.

Политический интерес наёмного работника как субъекта совместной деятельности – это приобретение дополнительных шансов на реализацию принципа социальной справедливости непосредственно во взаимодействии с работодателем.

Прикладное исследование, проведенное нами с техническим участием новокузнецких студентов в проведении опроса, показало, что работодатели, связанные с малым бизнесом и предпринимательством, не имеют «династического» статуса, передаваемого по семейной традиции, как «заводские династии» – по стопам дедов и прадедов. Новое поколение на свой страх и риск включилось в рискованное для себя дело, наличные кадры имеют небольшой стаж самостоятельного ведения дел (см. таблицу 1).

Таблица 1

Социальные характеристики работодателей
(г. Новокузнецк Кемеровской обл., анкетный опрос – весна 2011 г., 100 % – 227 чел.)

<i>Всего респондентов</i>	<i>Из них</i>			<i>Усредненные показатели</i>	
	<i>мужчин</i>	<i>женщин</i>	<i>доля семейных м.+ж.</i>	<i>возраст (полных лет)</i>	<i>деловой стаж в биз- несе и предприни- мательстве (лет)</i>
227 – 100,0	72 – 31,7	155 – 68,3	85 – 37,4	32,5	5,87

Возрастное преобладание лиц от 30 до 45 лет позволяет судить о том, что малый бизнес на самостоятельных началах развертывался респондентами по прошествии нескольких лет исполнительской работы в бизнесе.

В авторитетной в Кузбассе Торгово-промышленной палате состоят 64 респондента из 227, в основном в возрасте от 25 до 45 лет. Основное число респондентов еще не проявили себя настолько, чтобы стать членами Кузбасской торгово-промышленной палаты, активно сотрудничающей с Администрацией Кемеровской области в развитии предпринимательства и бизнеса.

Занятие бизнесом у 2/3 предпринимателей продиктовано желанием иметь достаток лично для себя и семьи. Основной профиль деятельности – это торговые и другие услуги.

Известно, что современным деловым людям приходится быть не только инициативными, целеустремленными, образованными, способными к взвешиванию ситуативного риска и определению стратегических перспектив своей деятельности, но и граждански ответственному, проявляющему мобилизационную готовность утверждать социально

ориентированное дело. Безразличие большой массы населения к институту частной собственности и её развитию ослабляет возможности рекрутирования работодателей из числа действительно предпринимчивых, творчески мыслящих организаторов производства.

Благоприятный облик работодателей, их реальное участие в социальном развитии населения постепенно утверждают в массовом сознании местного сообщества представление о частной собственности как социальной ценности и о необходимости более тесного взаимодействия муниципальной и региональной власти с представителями малого бизнеса и предпринимательства непосредственно в публичной политике.

Такой облик современного работодателя формируется через преодоление реальных трудностей – барьеров. На косвенный вопрос об этом новокузнецкие респонденты ответили так, как представлено в таблице 2. Из причин, мешающих успеху в предпринимательской деятельности, каждый второй респондент назвал коррумпированность чиновников (см. таблицу 2).

Таблица 2

Мнение работодателей о трудностях на пути к успеху в малом бизнесе и предпринимательстве
(г. Новокузнецк Кемеровской области. Анкетный опрос весной 2010 г., 100 % – 227 чел.)

<i>Перечень трудностей (по мере убывания значимости в выборке)</i>	<i>Число ответивших (доп. не более трех ответов)</i>	
	<i>чел.</i>	<i>%</i>
Коррумпированность чиновников	112	49,33
Нечеткость нормативно-правового регулирования отношений участников бизнеса, предпринимательства	65	28,63
Вмешательство властей в экономические дела работодателей	60	26,43
Мало квалифицированных кадров (рабочих, управленцев и др.)	57	25,11
Вмешательство криминальных кругов в дела	56	24,67
Ненадежные отношения с наемными работниками	42	18,5
Нечестность партнеров и других участников дела	41	18,06
Проволочки в доставке товаров, услуг	40	17,62
Необязательность партнеров и др. участников дела	28	12,39
Не ответили	18	7,93

Положение работодателя, окруженного конкурентами, заставляет его сосредоточить всё своё внимание на экономической эффективности своего бизнеса (прибыли). Чем выше эффективность бизнеса работодателя, тем устойчивее его положение.

В качестве критериев для властного воздействия на процессы реализации политических интересов работодателей мы предлагаем: сбалансированность противоречивых принципов «социальной справедливости» и «экономической эффективности» в политической практике; оптимизацию формы и мер

заинтересованного соучастия работодателей в региональной и муниципальной политике, в частности в разработке, принятии и осуществлении решений.

Работодатель ради партнерства с властью должен постепенно смещать акцент с *результата* предпринимательской деятельности – материального благополучия, выступающего в качестве индивидуального интереса, на *сам процесс* предпринимательской деятельности – рациональность деятельности, проявляющуюся как социальный интерес.

Политический интерес современных российских работодателей опосредует формирование баланса интересов с трудовыми объединениями.

Содействие трудовым объединениям в публичной политике не противоречит реализации политического интереса современных российских работодателей, оно обеспечивает работодателям доверие и поддержку со стороны трудовых объединений. Наряду с трудовыми объединениями, при осуществлении главного политического интереса работодателей возможна поддержка работодателей и со стороны местных сообществ. Судя по опросу, деловые взаимодействия новокузнецких работодателей, представляющих малый бизнес и предпринимательство, простираются в основном по Сибири (Томск, Иркутск, Новосибирск, Красноярск и др. города).

Успех деловых судеб работодателей во многом определяется отношениями в сфере их деловых, социальных и политических интересов. Мы предлагаем читателям самооценку статуса новокузнецкими работодателями (таблица 3).

Активное участие работодателей в публичной политике позволяет им соединять непосредственный политический интерес – приобретение части административного ресурса – с основным интересом: сохранением стабильности и социального порядка в регионе как условия успешного ведения дел.

Вопросы перехода в структуры власти, на наш взгляд, могут быть поворотными, прорывными в судьбе человека, принимающего решение отойти от начатого или подхваченного им дела.

В целом исследование подтверждает нашу гипотезу, что в политику люди нередко включаются, чтобы позаботиться о принятии тех решений, которые обеспечивают благоприятные условия для развития бизнеса, предпринимательства на территории города и региона. Респонденты не исключают миссионерскую роль лиц, представляющих интересы бизнеса и предпринимательства в органах власти. Каждый четвертый из 227 респондентов поддерживает личные знакомства с такими людьми во власти.

Таблица 3

Самооценка (в школьных баллах) работодателями своего положения в Кузбассе
(г. Новокузнецк. Анкетный опрос весной 2010 г., N= 227 чел.

<i>Параметры оценки статуса</i>	<i>Ответы (чел.) в школьных баллах</i>					<i>Усредненная самооценка, в баллах</i>
	«1»	«2»	«3»	«4»	«5»	
В кругу предпринимателей и бизнесменов	19	25	36	75	12	2,36
Во взаимоотношениях с простым населением	8	4	21	67	54	3,12
На уровне региональной власти	23	4	21	75	54	3,21
На уровне муниципальной власти	16	31	28	59	10	1,95
Во взаимоотношениях с подчиненными работниками	2	15	58	85	67	3,86
Во взаимоотношениях с политическими организациями	16	18	27	57	10	1,81

В настоящее время, на период становления «новых» социальных отношений, вполне оправдана активная позиция региональной и местной власти, проявляющаяся как транзитивный патернализм. В качестве примера мы можем привести Кузбасс, где наряду с развитием регионального бизнеса успешно решаются многие социальные проекты.

Отношения работодателей с органами региональной власти и местного самоуправления в достижении политического согласия можно разделить на три вида: умеренно патерналистские – со стороны органов региональной власти к работодателям; партнёрские – со стороны местного самоуправления; оппозиционно-конструктивные отношения к органам региональной власти и местного самоуправления – со стороны работодателей.

Политической функцией региональной власти является восстановление и поддержание равновесия, которое нарушается попытками той или иной соци-

альной группы изменить соотношение сил в свою пользу. Так, работодатели всегда стремятся увеличить прибыль путём повышения цен, работники требуют увеличения заработной платы или контроля над предельным уровнем цен. Политика транзитивного патернализма наиболее действенно и эффективно, как нам представляется, позволяет на этапе становления рыночных отношений сдерживать стремление той или иной группы к «агрессивной» реализации своих интересов. В этом случае государственные органы не являются пассивными репрезентантами чьих-то интересов, а признаны активно регулировать отношения между разными группами (Бирюков С. В., 2007).

В такой ситуации политические субъекты начинают приспособливать свои намерения и планы с новыми параметрами, восстанавливая равновесие на новом уровне. Результатом политики транзитивного патернализма должно стать продвижение к более

гуманному обществу, где «цивилизованная» предпринимательская деятельность и реализация интересов их представителей (работодателей) будут проводиться не только с целью получения прибыли, но и в интересах общественного блага, что позволяет государству не вмешиваться в рыночные отношения (относительно) свободных субъектов, в дела социально ориентированного бизнеса.

Партнёрские отношения со структурами местной и региональной власти, согласованность интересов развития бизнеса и региона внутри местного сообщества позволят современным российским работодателям достичь политической цели – стать относительно свободным, самостоятельным субъектом региональных отношений.

Стабильность и социальный порядок в регионе – условия успешного ведения дел и «мягкого», адаптивного возведения частной собственности в социальную ценность. Принятие основной частью населения частной собственности как социальной ценности, по существу, является обоснованием возможностей реализации политических интересов работодателей через личное участие в региональной политике.

Развивая свой бизнес *не за счет* региона, а *совместно с регионом*, работодатель реализует через прямое и представительное участие социальные интересы в региональной политике посредством механизма взаимодействия. В этом случае возможна повсеместная поддержка со стороны электората кандидатов во власть от малого бизнеса и партнёрские отношения к малому бизнесу со стороны как местной, так и региональной власти.

Конструктивное взаимодействие работодателей с органами местного самоуправления и государственной власти региона позволяет решать одну из задач региональной политики – обеспечивает согласованность интересов работодателей и населения региона.

Это взаимодействие может осуществляться по направлениям: согласование позиций по вопросам регулирования социально-трудовых отношений и связанных с ними экономических отношений с про-

фессиональными союзами и их объединениями; участие в установленном порядке в реализации мер по обеспечению занятости населения; консультации (переговоры) о перспективных разработках (проектах, планах, целевых программах) регионального развития; соучастие в формировании внебюджетных государственных фондов в соответствии с законодательством Российской Федерации.

От взаимодействия работодателей с органами местного самоуправления и государственной власти региона в осуществлении политических интересов будет зависеть востребованность социального и политического потенциала работодателей.

Литература

1. Дилигенский, Г. Г. Люди среднего класса / Г. Г. Дилигенский. – М., 2002. – 285 с.
2. Качанов, Ю. Л. Социология и политика: casus “социальная группа предпринимателей” / Ю. Л. Качанов // Социс. – 1999. – № 9. – С. 33 – 40.
3. Курбатова, М. В. Общественно-договорные основы российского государства (региональный и местный уровень) / М. Курбатова // Экономическая теория. – 2006. – № 3. – С. 97 – 100.
4. Петросян, Д. Экономическая эффективность и социальная справедливость / Д. Петросян // Общество и экономика. – 2006. – № 12. – С. 37 – 47.
5. Реутов, Е. В. Региональные бизнес-сообщества: легитимация властных притязаний / Е. В. Реутов // Социс. – 2007. – № 6. – С. 72 – 77.
6. Тощенко, Ж. Т. Кентавр-проблема. (Опыт философского и социологического анализа) / Ж. Т. Тощенко. – М.: Новый хронограф, 2011. – 562 с.
7. Хахулина, Л. А. Средний класс в России: мифы или реальность / Л. А. Хахулина // Куда идет Россия?: Власть, общество, личность, 2000. – М., 2000. – С. 279 – 293.
8. Шабанова, М. А. Российский бизнес на пути к более цивилизованному? Ст. 1. Новое поколение деловых людей в контексте взаимодействий с властью / М. А. Шабанова // ОНС. – 2008. – № 5. – С. 18 – 35.

УДК 32.019.5(574):070

ПУБЛИКАЦИИ «FINANCIAL TIMES» И «BOSTON GLOBE» О РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (религиозная проблематика)

Г. С. Кусаинова

PUBLICATIONS OF «FINANCIAL TIMES» AND «BOSTON GLOBE» ABOUT REPUBLIC KAZAKHSTAN (a religious problematics)

G. S. Kussainova

В статье с помощью контент-анализа исследуется отражение процессов религиозной жизни в Республике Казахстан на страницах газет «Financial Times» и «Boston Globe», а также образ политики казахстанского государства, формирующийся на основе публикаций этих изданий. Автор анализирует политический смысл публикаций указанных изданий. Ставится вопрос об определении критериев для оценки информации, представленной СМИ.

In article by means of the content-analysis reflection of processes of religious life in Republic Kazakhstan from «Financial Times» and «Boston Globe» is considered. Author considers an image of a policy of the Kazakhstan state in the religious field, formed on the basis of publications of «Financial Times» and «Boston Globe». The author analyzes

political sense of materials from these newspapers. She poses the question on definition of criteria for an estimation of the information presented by mass-media.

Ключевые слова: религиозная жизнь, религиозная политика, Financial Times, Boston Globe, контент-анализ, политические коммуникации.

Keywords: religious life, the religious policy, Financial Times, Boston Globe, the content-analysis, political communications.

Средства массовой информации стали неотъемлемой частью современного общества. Они не просто информируют потребителя о различных аспектах социальной, экономической, политической жизни общества, но и активно участвуют в формировании общественного мнения. Средства массовой информации могут помочь разобраться в какой-то проблеме или, напротив, увести от правильного понимания ее, поэтому современному человеку очень важно научиться ориентироваться в разнообразном потоке информации.

СМИ нередко и по праву называют «четвертой властью» (после законодательной, исполнительной и судебной), учитывая степень их воздействия на население и всю жизнь общества.

Глобализация и развитие новых технологий позволяют ускорить передачу сигнала в разные точки земного шара. Это приводит к тому, что, с одной стороны, создаются глобальные газеты. Их немного, всего четыре: «Wall Street Journal», «Financial Times», «USA Today», «International Herald Tribune». Все они издаются на английском языке – языке общения международного бизнеса. На французском, немецком, русском и других языках газет такого глобального масштаба пока нет.

С другой стороны, появилось новое деление прессы, которого всего несколько десятилетий назад не существовало. Появилась пресса элитарная, прежде всего финансово-экономическая, и пресса массовая, которая перешла, по существу, в категорию бульварной.

В большинстве стран уменьшается влияние массовой, бульварной прессы, бульварной ежедневной газеты. Больше становится качественных газет, рассчитанных на более образованные круги населения. Это связано с несколькими причинами и прежде всего с изменением социального статуса многих групп в обществе, с возрастанием роли «белых воротничков», которые предпочитают серьезную во всех отношениях прессу. В то же время сама качественная пресса также меняется, расширяя круг своих интересов и охватываемых проблем: наряду с традиционными разделами, посвященными искусству, печатаются материалы о возможности приобретения произведений искусства, которые могли бы представлять интерес для богатых читателей, появляются многочисленные публикации о спорте, музыке, религии, телевидении и кино. То есть происходит некое опрожнение элитарных газет.

Что касается бульварной прессы, то она маргинализируется во всех странах, за исключением Англии и Германии. В Англии, в Лондоне, издается несколько традиционных бульварных газет, таких, как «Star». В то же время их число уменьшается, тиражи сокращаются. В Германии выходит одна крупная

бульварная массовая газета – «Bildzeitung», во Франции практически нет ежедневных бульварных газет. То же относится и к США, где бульварная пресса себя изжила еще раньше, ее заменили «мужские» и «женские» журналы и многочисленные развлекательные еженедельники.

В то же время наблюдается достаточно активное усиление газет, которые раньше считались специализированными и рассчитанными на биржевиков и экспертов-аналитиков в этой сфере, – «Financial Times» в Англии, «Handelsblatt» в Германии, «Wall Street Journal» в США, «Les Echo» во Франции. Они занимают нишу качественной прессы первой категории – для управляющей элиты.

«Financial Times» – международная деловая газета, издаётся на английском языке в 24 городах мира с общим тиражом до 450 тыс. экземпляров. Штаб-квартира главной редакции находится в Лондоне. Принадлежит медиа-холдингу en:Pearson PLC и специализируется на публикации и анализе новостей из мира финансов и бизнеса.

Мы рассмотрели 335 статей в газете «Financial Times» за период март 2005 – февраль 2009. Из них 117 публикаций посвящены непосредственно Казахстану, а в остальных 218 Казахстан упоминается в связи с определенными событиями в регионе или целом мире, это так называемое косвенное упоминание нашей республики. Так как газета является путеводителем в мире финансов и бизнеса, основная тема публикаций – финансовая ситуация на уровне региона или глобального масштаба.

Мы проводили свою выборку в рамках нашего исследования – исследования, посвященного тому, как англоязычные СМИ освещают религиозную ситуацию, межконфессиональные отношения в республике Казахстан.

С этой позиции мы несколько подробно остановимся на определенной публикации. Статья под заголовком «Questions of faith» («Вопросы веры») от 10 декабря 2005 в «Financial Times» – единственная статья за последние 5 лет, из которой английский читатель может почерпнуть какую-то информацию о степени религиозности наших соотечественников. По большому счету она посвящена роли религии в личной жизни граждан своей страны. После прочтения данной публикации западный читатель, возможно, составит себе некоторое представление о том, насколько важна религия в нашем обществе и какова ее роль в семье в вопросе воспитания детей. Публикация повествует о проблеме, возникшей в семье на религиозной почве. Для нас она представляет интерес, в первую очередь, потому, что одна из главных ее героинь – наша бывшая соотечественница, мусульманка Иман.

Автор статьи Candida Crewe задается вопросом: «Что каждый из нас может рассказать о Боге?» (в первую очередь, своим детям). Приводятся различные точки зрения на религию, опросы, проведенные среди жителей страны. Среди опрошенных Иман Пар (Емаан Пар), которая родилась в Казахстане и была воспитана как мусульманка. 20 лет назад она переехала в Лондон, в 1994 году вышла замуж за англичанина. В 2001 они разошлись, и религиозный вопрос стал почвой для противостояний между супругами. Муж настаивал на свободе вероисповедания для детей. Жена выросла в обстановке, где, по ее словам, «Бог значил все». «Каждый прием пищи начинался молитвой, читали Коран, это было частью моего воспитания. Я очень набожная и считаю, что для родителя желательно практиковать обучение Корану и укреплять в период пубертатного развития в детях то, чему вы учили их все это время – уважение к родителям, терпение, смирение и так далее».

Иман пытается воспитать детей мусульманами. Ее бывший муж, который не относит себя ни к какой определенной вере, утверждает, что Иман промывает детям мозги, насильно обращает их в ислам, усложняя таким образом жизнь детям.

«К сожалению, – отмечает автор статьи, – ситуация дошла до конфликта. Муж Пар запретил детям ходить на уроки арабского в мечеть и советует им не принимать ислам».

Мать жалуется, что во время священного месяца Рамазан дети испытывают стресс, проводя время с отцом, так как отец не будит их рано утром до наступления рассвета для приема пищи. Иман настоятельно умоляла супруга понять, что у нее есть определенные обязательства перед детьми. Супруги не обсудили данный вопрос до свадьбы, но с рождением детей он превратился в большую проблему для всех.

«Возможно, мы, взрослые, – заключает автор статьи, – недооцениваем трудности, испытываемые нашими детьми в ситуациях, когда они пытаются примирить конфликтующие взгляды» [1].

По прочтении данной статьи у английского читателя складывается впечатление, что Казахстан – страна с глубоко укоренившимися традициями ислама: реплика Иман «Бог значил все», «Каждый прием пищи начинался молитвой, читался Коран» как часть полученного ею воспитания в родительском доме. Однако для большинства взрослого населения нашей страны строгое религиозное воспитание в семье было скорее редкостью, нежели нормой, что было обусловлено нашим атеистическим прошлым.

Политологи единодушны во мнении, что идентичность многих этносов мира напрямую связана с доминирующей религией. Фундаментом национальной культуры многих стран является именно традиционная религия, причем даже при преобладании в стране безразличных к религии граждан культура сохраняет в значительной степени свои исконные религиозные корни.

Мы выбрали «Financial Times» для нашего анализа, так как она относится к группе так называемых

«качественных изданий», к которым относят солидные газеты с почтенной историей (такие, как «The Times», «The Guardian» и другие).

Глобализация сопровождается также усиленным развитием местной прессы и малых по тиражу, но весьма влиятельных для определенных регионов и общин изданий. Подобная тенденция наблюдается и в США, где растет число газет, предназначенных для определенных групп или региона. К их числу относится и региональная газета «Boston Globe».

Газета «Boston Globe» – крупнейшая [газета](#), издаваемая в [Бостоне](#), штат [Массачусетс](#), США. Газета основана в [1872 году](#) шестью бостонскими бизнесменами, во главе с Эбен Джордоном. Первый выпуск газеты «Boston Globe» вышел в свет 4 марта 1872 года. В течение 100 лет существования газета работала как частная компания. С [1993 года](#) компания принадлежит [The New York Times Company](#). Сейчас «Boston Globe» является филиалом этой компании.

Версия веб-сайт газеты была запущена в 1995 году, и с тех пор она входит в десятку лучших газетных веб-сайтов США. Газета была удостоена многочисленных национальных наград, а в 2009 году была удостоена двух региональных премий Эмми за видео-работы.

В 2001 – 2003 гг. за серию публикаций разоблачительного характера «Скандал сексуального насилия в Римско-католической церкви» («[Roman Catholic Church sex abuse scandal](#)») газета была награждена Пулицеровской премией. Публикации, главным образом, затрагивали деятельность католических церквей в Массачусетсе.

«Boston Globe» неизменно занимает первые места в американской журналистике. Журнал «Time» зачислил ее в десятку лучших американских ежедневных газет за последние десятилетия, а, согласно опросу, проведенному среди топ-редакторов Columbia Journalism Review, «Boston Globe» заняла шестое место, таким образом, войдя в категорию «Лучшие газеты Америки» в 1999 году.

Из проанализированных нами 290 статей за период январь 2006 – январь 2011 в газете «Boston Globe», в которых есть прямое или косвенное упоминание Казахстана, мы выделили 22 публикации, посвященные непосредственно Казахстану. В остальных 168 статьях Казахстан упоминается в связи с теми или иными событиями в регионе или событиями мирового масштаба. Основные темы, по которым Казахстан цитируется в этих 168 публикациях – это спорт (фамилии казахстанских или бывших казахстанских спортсменов А. Винокурова, Я. Шведовой, О. Маскаева и др.), российские космические ракеты, запускаемые с космодрома «Байконур», полет американского гражданина в космос с космодрома «Байконур»; события в Кыргызстане 2010 года; урановые добычи и ядерный полигон в Семипалатинске (официально закрытый Указом Президента Республики Казахстан 29 августа 1991 года) и экологические последствия гибели Аральского моря. В прямых публикациях, посвященных Казахстану, обсуждаются следующие темы: аресты лиц, причаст-

ных к убийству лидера оппозиции А. Сарсембаева; погибшие горняки в шахтах Ленинска; несколько статей посвящены нашумевшему в свое время фильму о Борате. Затрагиваются и политические вопросы, например, прием президентом США Бушем президента Казахстана Н. Назарбаева; выборы президента Республики Казахстан; встреча К. Райс с министром иностранных дел М. Тажиным; а также есть несколько публикаций о Р. Алиеве. Статья [«Iran pursuing uranium deal with Kazakhstan»](#) («Иран в поисках урановой сделки с Казахстаном») от 30 декабря 2009 года – о просочившейся в прессу информации относительно намерений Ирана приобрести незаконным образом у Казахстана 1350 тонн очищенной руды урана.

Теме культуры и истории Казахстана посвящена отдельная статья [«Domestication of horses traced back 5,500 years»](#) («Одомашнивание лошадей происходило 5500 лет назад») от 6 марта 2009. В ней говорится о представителях Ботайской культуры и породе лошадей, которых древние ботайцы разводили на территории Казахстана.

Фильм «Тюльпан» – «степная драма с элементами комедии», выпущенный кинематографистами Казахстана и Германии в 2008 году, вызвал немало комментариев в западной прессе, в том числе и в исследуемой нами газете «Бостон Глоуб».

«Boston Globe» поднимает и этническую проблему в Казахстане – этой теме посвящена статья от 20 июля 2009 «Kazakh Uighurs stage protest» (Акция протеста казахских уйгуров) о волнениях казахстанских уйгуров в связи с событиями в китайской провинции Хинджан.

Социальным проблемам посвящены статьи: [«37 killed in fire at Kazakh drug rehab clinic»](#) («37 человек погибли при пожаре в Казахской наркореабилитационной клинике») от 14 сентября 2009 [5]; [«25 people killed in Kazakhstan flooding»](#) («25 человек погибли в Казахстане от наводнения») от 12 марта 2010 [6] и [«Kazakhstan flooding death toll rises to 35»](#) («Число погибших в Казахстане от наводнения возросло до 35») от 13 марта 2010) о жертвах стихийного бедствия в Талдыкоргане.

Из 22 прямых публикаций о Казахстане тема религии, религиозной свободы в Казахстане затрагивается лишь в одной из них, да и то косвенным образом. Статья под названием «Для восстановления мышечной деятельности мозг подростка подвергается операции. Медицинский тест на веру, устроенный для смелого подростка» («He risks deep brain surgery to regain muscle control. For brave teen, medical tests of faith»), была опубликована в газете Бостон Глоуб 25 ноября 2007 года. Автор статьи Кэрей Голдберг (Carey Goldberg). Семья баптистов Анисимовых переехала в Массачусетс из Казахстана в конце 1997 года. Тогда Алексу было всего 6 лет, – пишет Голдберг. Покинуть родной Шымкент их вынудили поиски религиозной свободы, которая в Казахстане ограничивалась и строго преследовалась. Основной сюжет публикации о сложной операции на черепе 15-летнего подростка. Родители заметили первые признаки болезни у мальчика, когда они еще

жили в Шымкенте и когда сыну было всего 2 года. Теперь вера баптистской семьи подвергается серьезному испытанию. Эту сложную операцию проводят хирурги Медицинского центра Дьяконоу Бет Израэль. Но вера семьи помогает преодолевать все трудности. Даже на операционном столе Алекс Анисимов дарит всем свою кроткую христианскую улыбку. Таково краткое содержание статьи.

Тема религии и Казахстана не основная в данной публикации, но она незримо присутствует во всем повествовании в качестве необходимого фона. «Русская баптистская семья Анисимовых переехала в Массачусетс из Казахстана в конце 1997... в поисках религиозной свободы»; упоминание географических названий «Шымкент», «Казахстан», и непосредственное упоминание темы религии в заголовке «Медицинский тест на веру...» позволяет нам отнести эту статью в список публикаций, пригодных для нашего анализа. Итак, какую информацию о Казахстане черпает читатель «Бостона» из этой публикации? – Право на вероисповедание в Казахстане ограничено, что вынуждает казахстанцев покидать родину в поисках религиозной свободы.

Как видно из проведенной выборки, тема религии в Казахстане не выделяется газетой «Boston Globe» в отдельную категорию. Наиболее обсуждаемые вопросы – политические, причем оценка политической ситуации в стране, даваемая журналистами «Boston Globe», негативная.

В данной работе мы не рассматривали англоязычные публикации, где затрагивается тема взаимодействия религии и институтов власти в Казахстане. Этой проблеме посвящены наши отдельные работы, вышедшие в свет в казахстанских и российских изданиях. Здесь мы анализируем информацию более частного порядка – о личной жизни граждан Казахстана, их религиозных традициях, системе требований, определяющих повседневное поведение последователей той или иной конфессии дома и в обществе.

Мы рассматриваем материалы в качественных газетах. В отличие от массовой популярной прессы, аудитория которой исчисляется миллионами человек, качественная пресса работает с избранной, достаточно узкой аудиторией. Такая сегментация позволяет оказывать влияние наиболее действенным способом на различные слои населения, исходя из социального положения, профессии, пола, вероисповедания, политических взглядов и других факторов.

Казахстан является поликонфессиональной страной. В республике живут представители 130 наций и этнических групп, в ней насчитывается более 40 конфессий и деноминаций. Этот факт, с одной стороны, говорит о демократических основаниях существования казахстанского общества – реализации принципа свободы совести, а с другой – актуализирует вопросы национальной безопасности и межконфессионального взаимодействия.

В условиях резкого возрастания роли средств массовой информации особое значение приобретает вопрос о том, кому принадлежат средства массовой

информации, какие идеи они пропагандируют, как данная информация влияет на политическую ситуацию в стране или мире.

В данном контексте необходимо отметить степень важности информационной безопасности. Информационная безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности. Исходя из этого положения, исследователи А. Т. Керашев, А. В. Макеева, В. А. Семенова считают необходимым разграничивать понятия «государственная цензура» и «информационная защита». В функциональном плане их можно толковать как одноуровневые понятия, но в институциональном плане цензура является продуктом тоталитаризма, направленным на ограничение свободы слова, тогда как информационная защита выражает качественно более высокий корректный уровень неизбежного взаимодействия общества, СМИ и государства. По определению А. Т. Керашева, «информационная защита есть механизм систематического, постоянного ограждения общества от умышленного или безответственного, вредоносного воздействия со стороны любых СМИ посредством применения технологий ложной или даже провокационной информации, распространение которой влечет угрозу дестабилизации фундаментальным ценностям, общественному порядку, конституционному строю, перспективам общественного развития, деградации этических и гражданственных устоев личности и социальной жизни» [2].

В данном контексте актуальным является выработка критериев для оценки информации, представленной СМИ. Необходимо выработать механизм обнаружения ложной информации, определить продолжительность ее распространения и выработать

целый ряд других мер, что в конечном счете будет направлено на выявление потенциальных угроз национальной безопасности в сфере информационных технологий.

Предложенные меры предполагают дальнейшее усовершенствование правовой разработки понятий: «информационная безопасность», «источник информации, угрожающей обществу», «носитель информационной опасности», «последствия распространения ложной информации» и др. Оценить меру опасности информации, распространяемой СМИ, должны специально подготовленные органы.

Исследователь И. Каро отмечает, что «развитие средств массовой информации и глобализация экономики способствуют восстановлению религиозного пространства в различных странах и регионах мира...» [3]. Нам хотелось бы добавить, что развитие средств массовой информации и глобализация экономики способствуют и выработке определенного имиджа конкретно взятой страны в мировом пространстве, и огромная роль в этом принадлежит «четвертой власти» – СМИ.

Литература

1. Questions of faith // Financial Times. – 2005. – 10 december.
2. Керашев, А. Т. Информационная безопасность и информационная политика в структурообразовании межнациональных отношений (на примере Северного Кавказа) / А. Т. Керашев: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. – М., 1999.
3. Каро, И. Религиозный фактор в международных отношениях / И. Каро, Е. Федякова // Латинская Америка. – М.: Наука, 2001. – № 7. – С. 39 – 48.

УДК 323.173(4-15)

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ И ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ РЕГИОНАЛЬНОГО СЕПАРАТИЗМА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

К. С. Пузырев

PROBLEMS OF TYPOLOGISATION AND EXPERTISE OF THE POTENTIAL OF VARIOUS TYPES OF REGIONAL SEPARATISM IN WESTERN EUROPE COUNTRIES

K. S. Puzyrev

В статье анализируются основные типы регионального сепаратизма в странах Западной Европы. Рассматриваются предпосылки и особенности проявлений регионального сепаратизма в западно-европейском регионе. Автором представлен сравнительный анализ основных типичных случаев регионального сепаратизма в Западной Европе, оценивается их политический потенциал и возможные последствия для западно-европейских государств.

The basic types of the regional separatism in countries of Western Europe are being analyzed in article. Preconditions and features of cases of regional separatism in the West European region are discussed. The comparative analysis of typical cases of regional separatism in the Western Europe are being presented, their political potential and possible consequences for the West European states are being expertized.

Ключевые слова: регион, регионализация, сепаратизм, национализм, европейская интеграция, политизация этничности.

Keywords: region, a regionalization, separatism, nationalism, the European integration, politicization of the ethnicity.

Предпосылки для возникновения различных типов сепаратизма в современном мире более чем значительны. Сегодня практически не существует эт-

нически гомогенных государств, а интересы Центра и регионов нередко приходят в конфликт друг с другом. Тем большее значение приобретают сегодня

своевременное прогнозирование и упреждение различных форм и проявлений этого многообразного феномена.

Автор статьи рассматривает региональный сепаратизм как комплексный феномен, связанный со стремлением региональных или этнорегиональных общностей к политическому самоопределению через отделение от существующего государства с созданием собственной государственности. Сепаратизм проявляется не только в политической, но и в экономической, и в социальной, и в культурно-информационной сферах. Он опирается на исторически сложившуюся региональную (этнорегиональную) идентичность и находит свое воплощение в форме регионально-сепаратистского движения, лидеры которого используют технологии этнополитической мобилизации и ту или иную версию сепаратистской идеологии. Основанием этой идеологии является та или иная разновидность идеи «регионального самоопределения» и/или «регионального национализма». Национализм (политический, экономический, культурно-лингвистический) является питательной средой для регионального сепаратизма, поскольку без последнего невозможна политизация факторов этнического и регионального своеобразия в целях последующего самоопределения. Кроме того, национализм позволяет регионально-сепаратистскому движению мобилизовать ресурсы из различных сфер жизни общества (политической, экономической, культурно-информационной), сформировать свою базу и получить массовую поддержку.

Кроме того, региональный сепаратизм принимает различные формы, в зависимости от особенностей и условий конкретного общества, страны, государства. Соответственно могут быть выделены различные виды регионального сепаратизма – конфессиональные, лингвистические, социально-экономические, социально-статусные и другие. Подтверждением этого разнообразия являются многочисленные примеры регионального сепаратизма – в Великобритании, Испании, Франции, Бельгии, Италии и др., когда практически в каждом из случаев он представляет собой уникальное политическое явление. Частные случаи сепаратизма отличаются друг от друга определенным набором межрегиональных и межэтнических противоречий, исторических предпосылок, особенностями взаимоотношений этнического большинства и меньшинства, а также между региональной и центральной властями государства. Подобные различия столь масштабны и велики, что классификация региональных сепаратизмов является весьма сложной научной задачей. В то же время можно выделить общие черты регионального сепаратизма: связь с идеей особой этнорегиональной судьбы и миссии, антиэтатизм (неприятие доминирующего государства и его истории), демократизм (этнически и регионально окрашенный), стремление к защите и политическому выражению этнорегиональной идентичности, стремление получить массовую поддержку и мобилизовать различ-

ными средствами своих сторонников из разных страт регионального сообщества.

Что касается оценки потенциала и перспектив регионального сепаратизма в странах Запада, то в настоящее время трудно объективно оценить, является ли появление сепаратизма в таких развитых странах, как Бельгия (из-за противоречий между валлонами и фламандцами), Канада (проведение референдума о независимости Квебека) и Италия (борьба Лиги Севера за образование государства «Падания», в которую предполагается выделить северные области страны) историческим курьезом, или же продолжением упомянутой тенденции [1, с. 3]. Так или иначе, выборы в Европейский парламент продемонстрировали политическую силу регионов с устойчивым национальным самосознанием. Так, на выборах 1989 г. 14 регионалистских партий завоевали места в Страсбурге, из которых 10 представляли регионы с сильной национальной напряженностью. К их числу, в частности, принадлежали такие регионы, как Фландрия (с умеренной Volksunie и радикальной Vlaams Block), Южный Тироль, Каталония, Страна Басков и Северная Ирландия. В последующие годы электоральные манифестации регионального сепаратизма продолжались, подтверждением чему являются ощутимые успехи таких регионально-сепаратистских партий, как Шотландская национальная партия и Новый фламандский альянс на региональных выборах в Шотландии и во Фландрии в 2009 и 2010 годах.

В Западной Европе истоками феномена регионального сепаратизма, по мнению автора, являются современный кризис системы национальных государств, неоформленность проекта «Европа регионов», активизация национально-региональных движений как реакция на процессы глобализации и евроинтеграции, сознательное усиление европейскими элитами стратегии «политизация этничности», нацеленной на приоритетное отстаивание прав меньшинств и др.

Наряду с этим автор рассматривает региональный сепаратизм в странах Западной Европы как закономерное следствие европейских межрегиональных диспропорций, кризиса европейской модели «государства-нации», кризиса европейской модели «государства-нации» и «государства всеобщего благоденствия». Западно-европейский региональный сепаратизм также оценивается автором как значимый фактор трансформации национальных политических систем и системы управления в рамках формирующегося сегодня «общеевропейского пространства».

Современные процессы европейской интеграции оказывают неоднозначное воздействие на политический статус и положение европейских регионов. С одной стороны, многолетняя политика ЕС, направленная на поддержку регионального развития и межрегиональной (трансграничной) кооперации, способствовала формированию институциональной инфраструктуры, необходимой для полноценного представительства и реализации региональных интересов на уровне общеевропейской политики [2,

р. 137 – 189, 209 – 269; 3, s. 58 – 68]. Она стимулировала процесс «естественной» интеграции европейских регионов (вместе с их «материнскими» государствами) в общеевропейское пространство, что объективно смягчало противоречия по линии «Центр – регионы» и уменьшало потенциал регионального сепаратизма в Западной Европе. С другой стороны, современные тенденции централизации власти и управления в ЕС с созданием новых «наднациональных» властных инстанций, нашедшие свое выражение в подписании (ратификации) странами ЕС Лиссабонского договора 2008 года, принятии в 2010 году т. н. «Пакта конкурентоспособности» и недавних инициативах Германии по усилению контроля за бюджетно-финансовой политикой государств «зоны евро», вызвали неоднозначную реакцию стран и регионов [4, s. 142 – 143]. В частности, предполагаемое в результате централизации ослабление национальных государств в масштабах ЕС может усиливать стремление к «обособлению» элит некоторых политически и экономически «эмансипированных» регионов ЕС (например Фландрии или Каталонии). С другой стороны, усиливающееся сопротивление планам «централизации» со стороны национальных правительств делает туманными сами перспективы дальнейшей европейской «интеграции», создавая тем самым политическую неопределенность, которой также могут воспользоваться региональные сепаратисты. Наконец, ослабление единого экономического и социального пространства вследствие переживаемого современной Европой кризиса (вкуче с угрозой банкротства целых стран), может дать некоторым экономически сильным регионам с устойчивой национально-региональной идентичностью дополнительный стимул к обособлению от своих государств.

С учетом многообразия проявлений весьма разнообразна современная типология регионального сепаратизма как политической стратегии и политического движения определенного типа. С учетом критериев, существующих в современной политологии, можно выделить ряд его типов. Так, например, в зависимости от исходных оснований принято выделять культурный, государственный, религиозный, интегральный и ряд других. При этом количество типологий, формируемых на основании различных критериев, может быть достаточно большим.

При этом, поскольку речь в нашем исследовании идет о западно-европейском сепаратизме, следует задаться вопросом о том, что отличает данное сепаратистское движение от сепаратизмов Восточной Европы? По мнению французского политолога П. Ланглуа, специалиста в сфере геополитики и глобальных стратегий, в современной Европе выделяется несколько основных разновидностей национального и регионального сепаратизма. Как полагает автор, в ситуации, когда две части объединившейся Европы все еще не представляют собой единого целого в культурном, политическом и экономическом отношениях, но несут в себе различный исторический и политический опыт, следует оценивать возникающие на западе и востоке континента сепаратистские движения как качественно различные феномены.

Обобщенно П. Ланглуа определяет сепаратизм как политическое движение, нацеленное на освобождение в той или иной степени от государства, в рамках которого заключена национальная или региональная общность, стремящаяся к созданию собственного независимого государства [5]. Развивая заявленный им подход, автор выделяет несколько основных типов сепаратизма, проявляющихся в разных частях Европы.

Первый из них – западно-европейский сепаратизм, находящийся на «линии пересечения» между федерализмом и централизацией. Его примеры хорошо известны по опыту Западной Европы. При этом две разновидности западно-европейского федерализма должны быть отличимы друг от друга.

Западно-европейский сепаратизм, по мнению Ланглуа, проявляет себя в государствах федеративного или конфедеративного типов, и стремится спровоцировать полный или частичный разрыв с этим государством, что неизбежно приводит к перераспределению власти.

Наилучшим примером подобного рода, который мы имеем перед глазами, очевидно, является Бельгия. Фландрия, влекомая волной симпатий к идеям сепаратистской партии *Vlaamse Belang* (бывший *Vlaams Blok*), наглядно демонстрирует эту тенденцию. Две вещи являются в этом отношении наиболее характерными. Первая из них – это способ действия, одновременно социокультурный и политический, непосредственно ведущий к усложнению системы федеральных учреждений. Вторая непосредственно связана с тем обстоятельством, что отделение Фландрии неизбежно будет означать разрушение Бельгии.

Другой интересный пример сепаратизма западно-европейского типа, по мнению Ланглуа, представляет Испания. Проблемы, существующие в Испании в отношениях между регионами и центральным правительством, в значительной степени являются результатом недостаточно четко проведенного в Конституции Испании разграничения между двумя этими регионами. Отсюда берут свой источник определенные формы национализма, которые, по мнению некоторых других исследователей, в каждом из этих регионов имеют привнесенный характер [6, s. 123]. В результате, вместо укрепления «единства во многообразии», происходит ослабление прочности и стабильности испанского государства.

В отличие от Бельгии, сепаратизм в Испании весьма многообразен. В Стране Басков одновременно существуют как умеренные политические националисты (*Parti Nationaliste Basque* – PNV), так и радикальное национальное движение с политическим «ответвлением» (партия *Batasuna*, отныне запрещенная) и военной «ветвью» (ETA). В других испанских регионах потенциал сепаратизма не меньше, например в тех же Галисии или Каталонии. В Каталонии, где партии (Государство Каталония, Каталонский Блок *Estat Catala*, *Bloc Catala* и др.) весьма многочисленны, очевидно проявленными явля-

ются другие характеристики. Каталония постепенно расширяет объем своих властных полномочий, но ее отношение к независимости в меньшей степени отмечено радикализмом.

Ситуация с Каталонией в составе Испании, по мнению автора, может и должна рассматриваться как особый случай. Каталония с 1939 по 1975 г. находилась в подавленном состоянии, как и другие провинции страны. Следствием этого было активное подавление любых проявлений каталонского языка и культуры в масс-медиа, системе управления и образования. С концом диктатуры Каталония добилась официального признания статуса каталонского языка. Испанская Конституция создала систему самоуправления, в рамках которой было признано право провинций на автономный статус. Каталония эффективно сотрудничала с центральным правительством в Мадриде, что способствовало мирному переходу всей страны к демократии. Интегрированность Каталонии в состав испанского государства объясняется не только общей историей: вместе с Арагоном с XII века и с Кастилией с XV века (вследствие династического брака) они составили единое политическое целое. Благодаря испанской монархии, выступавшей в качестве института и символа единства, удалось сохранить это наследие.

Второй важный момент связан со способностью Каталонии принять и интегрировать значительное число переселенцев из других частей Испании. Миграция, как полагают некоторые исследователи, не представляет собой никакой серьезной проблемы для каталонской культуры. Напротив, близость языков способствовала относительно легкой ассимиляции переселенцев. М.-А. Роке писала, в частности, что уже в 1900 году каждый четвертый житель Каталонии был переселенцем. Это не вело к разрушению или к утрате каталонской идентичности. Несмотря на гетерогенность происхождения своего населения, Каталония, по мнению Роке, может служить «примером общества со значительной степенью закрытости и с весьма ясными характерными чертами» [7, p. 97].

Эти два элемента с высокой интеграционной силой тем не менее не смогут удержать Каталонию в составе союзного испанского государства, если ее автономный статус в составе испанского государства не будет расширяться. Масштабы этой автономии в сознании руководства и большей части населения еще не достигли своих пределов [8, p. 114 – 115].

При этом долгосрочной целью Каталонии не является переход от статуса несuverенного к статусу суверенного актера в смысле государственного принципа, но последовательное расширение своей компетенции. Таким образом, Каталония должна в сфере политики, равно как и в сферах экономики и культуры, перейти с периферии в центр (испанской политики).

В Испании, когда один из регионов добивается большего объема власти, другой стремится к тому же, третий – действует аналогично. При этом испанский сепаратизм, по мнению Ланглуа, не провоцирует напрямую распад государства в случае, если

какой-либо из регионов добьется независимости, но сепаратистские движения в других провинциях неизбежно ведут к федерализации государства, которое было централизовано во времена Франко, где провинции всегда стремились к более широкой автономии.

Другой тип западно-европейского сепаратизма, выделяемый П. Ланглуа, – так называемый «анти-централистский сепаратизм». Его примером является деятельность испанских сепаратистов-радикалов из ЭТА (террористического ответвления сепаратистской баскской политической партии «Эрри бата-суна»). Одна из самых жестоких на сегодня террористических группировок в Европе – организация баскских радикалов-сепаратистов ЭТА (Euskadi Ta Askatasuna – «Баскония и свобода») – была создана еще в 1950-х годах. Однако ее деятельность обрела свой фирменный ужасающий размах только после 1966 года, когда от сравнительно умеренного, чисто националистического крыла ЭТА-V откололась радикальная ветвь ЭТА-VI, принявшая программу «Puntos basicos» («Основополагающие позиции»). В этом вполне марксистском документе был открыто провозглашен курс на социалистическую революцию, совершить которую должен, естественно, рабочий класс. Это обстоятельство можно было бы объяснить чисто историческими причинами: ЭТА сформировалась и выросла в годы франкистской диктатуры, под флагом борьбы против действительно практиковавшейся тогда этнической дискриминации басков, а в 1950-х и 60-х годах все, кто выступал против правых, автоматически встраивались в шеренги левых.

В то же время, по мнению Ланглуа, подобный же тип сепаратизма можно обнаружить во Франции, в регионе, более большей или меньшей степени периферийном, желающим покинуть единое целое, в качестве которого не признается сама страна. Подобным образом, в различных пропорциях и с разной массовостью, проявляют себя сепаратистские движения в Новой Каледонии, Французской Полинезии, Корсике, Антильских островах. В то же время другие провинции (особенно Страна Басков с ЭТА, Бретань и Окситания с местными сепаратистскими партиями, Савойская Лига в Савоие) в большей степени проявляют себя в борьбе за культурную автономию, прежде всего добиваясь лингвистического и фольклорного признания. Безусловно, последнее также представляет собой определенный способ достижения политической власти, но сама независимость считается чем-то недостижимым.

Характерен в этом отношении пример корсиканского сепаратизма. Французская исследовательница М. Лефевр рассматривает последний как «искусственное» и «спровоцированное» политикой центральных властей явление. Сама «корсиканская национальность» представляется ей не эндогенным (внутренним) продуктом деятельности корсиканских националистов, но сознательным результатом децентрализации, осуществляемой правительством в Париже, которая превратила жителей острова в «иностранцев» по отношению к остальной Франции

[9, p. 35 – 36]. Будучи дополненной изменениями социальной структуры корсиканского общества и закреплением прав общества на самоуправление, она привела к возникновению «политического вакуума», который не сумела заполнить корсиканская элита, провозгласившая свою верность «корсиканским интересам». В то же время Париж продолжал оказывать острову экономическую помощь, что способствовало возникновению на нем «клиентарной экономики», что еще более усилило отрыв островного департамента вместе со всеми его проблемами от Республики [10, p. 156 – 158].

Автор статьи предлагает собственную классификацию региональных сепаратизмов в Западной Европе, комбинируя историко-культурный, социально-экономический, политический и идеологический критерии, а также типы национализма, на которые опираются лидеры сепаратистских движений. В качестве наиболее типичных примеров автор соответственно выделяет:

1) этнолингвистический и национально-государственный национализм, принимающий форму экономического и культурного регионализма как особой формы самоопределения («случай» Каталонии). Противовесом сепаратистским устремлениям Каталонии, по мнению автора, может служить политика испанских властей, нацеленная на реализацию принципа «многоуровневой идентичности» (общеевропейской и каталонской), реализация совместных с автономным регионом проектов социально-экономической модернизации, проведение политики разумной децентрализации. При всем своем ненасильственном характере и преобладающих экономических и культурных ориентациях обладает значительной базой и нереализованным потенциалом, что создает серьезную угрозу целостности и единству испанского государства;

2) культурно-исторический национализм, принявший форму «движения элиты» за политическое и государственное самоопределение (Шотландия). Политический потенциал шотландского сепаратизма далеко не исчерпан, и при определенных условиях он может способствовать подрыву единства Соединенного Королевства. Для эффективного противодействия ему правительство страны призвано принять меры по укреплению «общеевропейской идентичности», прибегнуть к более справедливому перераспределению полномочий в социально-экономической сфере, разумно направляя деволюционные процессы;

3) этнокультурный и этнолингвистический национализм, принявший форму массового движения за политическое и государственное самоопределение (Страна Басков). Баскский сепаратизм, в силу своих глубоких корней и радикального политизированного характера, имеет масштабный нереализованный потенциал, а противодействие ему требует долговременного диалога испанских властей с баскскими элитами и дальнейшую поступательную реформу испанского государства в направлении федерализации;

4) этнокультурный и этнолингвистический национализм, принявший форму «латентного сопротивления», регионального изоляционизма и терроризма (Корсика). Корсиканский сепаратизм в основном проявил свой деструктивный потенциал и превратился в преимущественно маргинальное политическое явление. Однако ослабить его все еще значительную базу может лишь комплексная стратегия французского государства по реинтеграции островного департамента Корсика в единое общепольское политическое, правовое и социально-культурное пространство.

Таким образом, западно-европейский региональный сепаратизм представляет собой неоднозначное и многообразное явление, а различные его типы заметно отличаются друг от друга по своим источникам, содержанию и возможным последствиям. С точки зрения автора, для нейтрализации угрозы регионального сепаратизма и ослабления порождающих его факторов необходима новая качественно стратегия евроинтеграции и модель европейской региональной политики. В свою очередь, решение проблемы сепаратизма, как представляется автору, предполагает проведение формирования новых исследовательских подходов и проведение новых исследований по проблеме как теоретического, так и прикладного характера. Как представляется автору, дополнительного внимания заслуживают антропологические и социально-психологические, а также общемировоззренческие основания региональных национализма и сепаратизма как двух взаимосвязанных политических явлений. Необходимо и более глубокое исследование происхождения, специфики и политической роли движений за региональное самоопределение. Необходимы также исследования, акцентирующие общее и различное у различных проявлений сепаратизма в разных странах и регионах мира с учетом их исторических, культурно-цивилизационных и политико-правовых особенностей. Наконец, весьма актуальной является разработка качественно новой стратегии национальной и региональной политики и национально-государственного строительства. Как представляется автору, решение этих исследовательских задач возможно на основе соединения правового, политологического, социально-психологического и страноведческого анализов.

Литература

1. Баранов, С. А. Опыт борьбы центрального правительства с проявлением сепаратизма в независимой Индии / С. А. Баранов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 25 с.
2. Hillard, P. Minorités et régionalismes en Europe / P. Hillard. – Paris: Guibert, 2004. – 345 p.
3. Kochler-Koch, B. Regionen als Handlungseinheiten in der europäischen Politik / B. Kochler-Koch // Kraemer R. (Hrsg.) Regionen in der Europäischen Union. – Berlin: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 1998. – S. 45 – 74.

4. Grant, Ch. Europa tanzt nach Deutschland Pfeife / Ch. Grant // Welttrends. – 2011. – № 76. – S. 142 – 143.

5. Langlois, P. Typologie du séparatisme en Europe / P. Langlois // Le Monde. – 2008. – 5 avril.

6. Petschen, S. Nationalismus und das Europa der Regionen / S. Petschen // Welttrends. – 1994. – №. 4. – S. 121 – 129.

7. Roque, M. A. L'identité catalane dans les forces centripètes européennes. Un cas d'intégration / M. A. Roque // Mappa S. (ed.) Les sources de

l'exclusion. Economisme et replis identitaires. – Paris: Karthala, 1993. – P. 85 – 134.

8. Giralt, J. Notas sobre los fundamentos del nacionalismo catalan / J. Giralt, E. Paventos // Enaroya Pu- vista de Historia de Euskal Herria. – Nr. 11. – Abril, 1994. – P. 114 – 115.

9. Lefevre, M. Écologie et géopolitique en Corse / M. Lefevre // Hérodote. – 2001. – 1er trimestre. – № 100. – P. 32 – 54.

10. Lefevre, M. Démocratie et géopolitique en Corse / M. Lefevre // Hérodote. – 1993. – № 69 – 70. – P. 129 – 160.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.1:37.018.1

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫХ РОЛЕВЫХ КОНФЛИКТОВ РОДИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ

Ю. В. Борисенко

THE SPECIFICS OF CULTURE DETERMINATE ROLE CONFLICTS OF PARENTS IN THE MODERN FAMILY

J. V. Borisenko

В статье рассмотрены проблемы и тенденции трансформации современной семьи. Анализируются современные особенности выполнения родительской функции семьи. Предпринята попытка проанализировать, каким образом социально-исторические, экономические, демографические, культурные условия, нормативные установки современного общества, культурно-обусловленные ролевые ожидания матерей и отцов оказывают влияние на становление ролевой структуры семьи при рождении ребенка. Автор полагает, что несогласованность современных гендерных моделей приводит к возникновению родительских и супружеских конфликтов, обуславливающих нестабильность семьи.

In the article there the issues and tendencies of the transformation of the modern family are discussed. The modern specifics of parenting are being analyzed. There is the attempt to analyze the way social, historical, economic, demographic cultural circumstances, culture determinate attitudes of mothers and fathers influence on development of role structure of the family when he child appears. The author postulates that a mismatch of modern gender models leads to parents' and matrimonial conflicts, which determinate the instability of the family.

Ключевые слова: социальные условия, родительство, ролевой конфликт.

Keywords: social circumstances, parenting, role conflict.

Современная семья переживает период трансформации или кризиса становления в новых социальных, экономических демографических условиях. Увеличивается количество форм брака и возможных видов взаимоотношений в семье, допустимого распределения ролей и функций внутри семьи, расширяется диапазон приемлемого в сфере семьи и брака. С одной стороны, это ведет к уменьшению ответственности и эмоциональной вовлеченности в брачных отношениях таким образом, что становится возможной так называемая последовательная моногамия, когда отношения поддерживаются до первого серьезного конфликта или до появления нового партнера в жизни одного из супругов. С подобной проблемой пытаются работать европейские страны и США. В контексте «свободной» семьи очень сложным становится вопрос о детях: их появления вообще, опеки над детьми от предыдущих браков или отношений, распределении обязанностей разведенных родителей. Появляются даже теории, опи-

сывающие отношения в браке и родительство через призму личностной зрелости супругов [9]. При этом нежелание вступать в брак вообще, нежелание иметь детей рассматриваются как признаки незрелости (инфантильности) личности. С другой стороны, появляются приверженцы «осмысленного» включения супругов в жизнь семьи [11]. При этом теоретическое осмысление, развитие концепции исследования данного феномена следует за формированием устойчивого интереса к проблеме в психологической практике [16]. В США существует несколько частных центров поддержки родительства и семьи, где происходит обмен опытом самих увлеченных родителей друг с другом. Эти центры поддерживают, а иногда и финансируют исследования в этой области [11]. Согласно зарубежным исследованиям психологическое значение «ответственного» «включенного» отношения к семье для личности и для семьи в целом особенно ярко проявляется в кризисные периоды брака. За рубежом родительство часто изу-

чается в контексте и взаимосвязи с брачными отношениями [11]. При этом считается, что успешность родительства связана с развитием супружеской системы, которая, как любая другая, характеризуется динамикой: развиваются супруги и меняются их отношения. Среди самых сложных моментов начального этапа жизни семьи большинство исследователей выделяют нормативные кризисы семьи: первый год супружеской жизни [4]; кризис появления первого ребенка [5]. Эти кризисы являются точками бифуркации системы, когда возможно принятие новых ролей и формирование новых subsystemов семьи, но возможно и достаточно быстрое разрушение системы.

При этом очень важна социальная поддержка молодой семьи, начиная с отношения близкого окружения к данному браку, присутствия родственников и друзей на свадьбе, разного рода помощи супругам (психологической, материальной), отсутствия серьезных конфликтов по поводу супружества и стратегии родительства со старшим поколением расширенной семьи и заканчивая специфическими социальными условиями в государстве, таким, как: возможность оформления брака, условия проживания, наличие социальных пособий молодым родителям и др. Subsystem супружеской пары начинает особенно активно формироваться с момента заключения брака. Это время совместной выработки семейных правил, распределения ролей имеет большое значение для последующей устойчивости семьи. Основной деятельностью, объединяющей супругов в супружескую subsystemу на начальных этапах брака, является аккомодация (приспособление) супругов друг к другу, согласование ожиданий относительно близости-отдаленности, распределения домашних обязанностей, уровня допустимых контактов с окружением. Subsystem родителей начинает складываться в семье с момента осознанного решения о появлении в ней ребенка. Понятия супругов об отцовстве и материнстве могут быть различными, в интересах ребенка желательно, чтобы они были согласованы. Большое количество супружеских конфликтов так или иначе связано с разногласиями в сфере воспитания детей. В этом смысле важно, что позитивный опыт согласования и приспособления друг к другу, построенный в subsystemе супружеской пары до рождения ребенка, помогает разрешать конфликтные ситуации конструктивно. Соответственно нарушение процесса принятия ролей мужа и жены, смешение супружеских и родительских ролей, связанное с ранним рождением ребенка (при наличии добрачной беременности), может выступать фактором нестабильности семьи [4].

Под «ролью» в данном контексте понимается определенный способ поведения человека в отношениях с другими людьми, сложившийся у него при жизни, наиболее предпочитаемые формы взаимоотношений с другим человеком [4]. И супружеские, и родительские роли могут быть комплиментарны (взаимодополняющие модели поведения супругов) и некомплементарны. Когда роли взаимодействующих супругов не дополняют друг друга, то их отно-

шения легко могут стать конфликтными, совместная деятельность не будет эффективной, совместное пребывание будет вызывать дискомфорт. Однако в современном обществе рассогласование родительских ролей является общей для всех семей проблемой. Такое рассогласование, связанное с современной трансформацией семьи и гендерных ролей, имеет длительную историю формирования и не разрешается одномоментно, так как обусловлено историческими и социальными процессами. *Целью данной статьи* является анализ этих процессов для формирования научной базы для разработки программ психологической помощи молодым семьям.

Работы социологов и историков по родительству говорят о том, что родительство – по существу, социальное явление. Например, каждое поколение формирует свой культурный идеал отца, согласно своему времени и условиям, и каждое имеет дело с неизбежным пробелом между тем, что LaRossa [16] назвал «культура» отцовства и «поведение» отца в семье. Социологические и исторические исследования также проясняют, что отцовство не может быть определено в изоляции от материнской заботы и ожиданий матерей, и от социальных стереотипов заботы о детях в обществе, и что эти социальные ожидания были довольно разнообразными в двадцатом столетии: культура отцовства и поведения отцов изменяется от столетия к столетию, как изменяются и социальные, и политические условия.

На ранних этапах развития человеческого общества уход за детьми и их воспитание были делом всей родовой общины. Родительские функции распределяются между широким кругом родственников, и детей поощряют считать себя принадлежащими к группе как к целому. Привязанность между ребенком и его физическими родителями не развивалась.

Демографы считают, что существует специфическая «потребность в родительстве», в отцовстве и материнстве. С одной стороны, эта потребность поддерживалась тем, что дети были экономически полезны. Дети были помощниками в производстве и кормильцами в старости. В патриархальной семье много детей, особенно сыновей, было гарантией прочности социальных позиций в семье [2].

Существует другое объяснение, с точки зрения теории «полезности», которая заявляет, что «дети нужны как объект альтруистической заботы и опеки». Но у этой теории есть серьезные ограничения: данная теория гласит, что, когда полезность детей падает, то и «потребность в детях» ослабевает. Но люди прошлого далеко не всегда имели выбор – это противоречило основным догматам их поведения (религия, традиции) [2].

Кроме того, существовала практика инфантицида, связанная с дефицитом средств к существованию. Оседлый образ жизни и более надежная пищевая база снижают вероятность инфантицида, убивали в основном младенцев, которых считали физически неполноценными, или по ритуальным соображениям, например близнецов [10].

В первобытном обществе убийство ребенка не считалось таким преступлением, как убийство взрослого, похоронный обряд сводился к минимуму или отсутствовал. Но иметь детей считалось почетным, и не только родители и близкие родственники, но и другие взрослые члены общины обычно были ласковы и внимательны к детям [4].

Даже в античном обществе забота о детях зависела от воли взрослого. Аристотель считал справедливым, что ребенка-калеку кормить не следует, Цицерон писал, что смерть ребенка нужно переносить «со спокойной душой». Маленькие дети не вызывали у античных народов чувства умиления, их, по большей части, не замечали. Ребенок рассматривался как низшее существо, которое принадлежит родителям, как прочая собственность. Например, по данным Ш. Барта [6], в древнем Египте отношения отцов и детей строились на взаимовыгодном сотрудничестве, дети помогали по дому, отцы их кормили. Дети были полностью подчинены воле отца. И хотя в позднем Египте уже существовали школы, тем не менее в большинстве случаев, подчиняясь традиции, именно отцы обучали своих сыновей, в том числе и тому, что значит быть отцом.

В древней арабской культуре отец был главой семьи и решал все вопросы, в том числе и выбирал брачных партнеров своим детям. Отношения «отец – ребенок» строились на строгости и жесткости. У древних израильтян отец почитался как Бог-творец, был не только защитником и кормильцем, но и карал за проступки. В Древней Греции отец вообще не принимал участия в воспитании своих детей. В Древнем Риме отношения отца и детей строились как отношения владения вещью, а не на основе любви или заботы [5]. Однако такая картина родительства просматривается только по нормативным и юридическим документам Древнего Рима. Сейчас считается, что отец в Древнем Риме был не чужд милосердия и не был жесток к своим детям [2]. Право полновластного распоряжения жизнью и смертью детей было отобрано у отцов только около 390 г. н. э. [2], инфантицид только в 318 г. был приравнен к человекоубийству [10].

Раннее христианство привнесло духовность в отношения отца и детей, кроме того, стали четче разграничиваться отцовская и материнская функции. В отношениях появилась эмпатия. Однако позднее, в средние века, происходят значительные изменения: появляется новая социальная роль – священник, исповедник, который вмешивается во все внутренние дела семьи и берет на себя функцию отца. При этом сам дает обет безбрачия и не имеет права иметь детей. Таким образом, происходит ущемление отцовства как важнейшей роли в жизни мужчины. Данная тенденция еще более усиливается в двенадцатом – тринадцатом веках, когда отцовство связывается с женщиной и грехом. Только в четырнадцатом веке церковь начинает почитать материнство и позднее отцовство, когда, согласно учению Фомы Аквинского, духовные наставления отца становятся важны для воспитания ребенка в духе почитания религии.

Однако формирование стойкой привязанности родителей к детям затруднялось из-за высокой смертности и высокой же рождаемости: холодное отношение к смерти детей – своеобразная психологическая защита. Воспитание детей вне семьи, в закрытых пансионах и монастырях в среде феодальной знати приводило к тому, что взаимоотношения родителей и детей регламентировались не чувствами, а нормой и сознанием родственных обязанностей и правил этикета. В России дети практически рабски зависели от родителей. Женщина (жена) и дети находились в зависимости от отца. Церковные предписания требовали строгости воспитания. Домострой запрещал даже смеяться и играть с ребенком [2].

В средневековой Европе воспитание детей было небрежным, не играло сколько-нибудь важной роли в жизни человека. Однако в пятнадцатом – шестнадцатом веках происходит усиление требовательности и строгости к детям [6].

Только во времена Ренессанса отношения к семейным функциям начинают меняться. Реформация сделала женские роли матери и хозяйки в доме главными и единственными в жизни женщины. Отцовские же функции не контролировались больше церковью, так как брак был теперь в ведении государства, таким образом, и отцовские функции регулировались обществом [10].

В восемнадцатом веке мать берет на себя еще больше семейных функций, занимаясь только домом. Отец становится кормильцем, работает для того, чтобы мать занималась детьми. Тогда и появляется концепция материнской любви, о любви отца речи не идет. В девятнадцатом веке провозглашается незаменимость матери в воспитании детей, появляется теория «материнского инстинкта». Отец постепенно теряет свои функции, так защиту и образование берет на себя государство. Становится возможным обеспечение семьи женщиной, развивается женское движение во многих западных странах.

Отношение родителей к детям меняется не только со временем, оно зависит от культурных традиций. Работы М. Мид [3] показали, что родительство заложено в человеке биологическими предпосылками, и только социальные установки могут подавить его. Там, например, где беременность наказывается социальным неодобрением, женщины могут идти на все, чтобы не рожать детей. Кросскультурные исследования свидетельствуют, что там, где люди ценят прежде всего социальный ранг, женщина может убить собственного ребенка (например, когда прежде всего ценится законнорядность).

Родительские установки в отношении, например, беременности совпадают с установками культуры. Иногда беременность считается неприличным состоянием, о котором нельзя говорить и неприлично замечать. В некоторых культурах к беременным относятся с почтением и наделяют особым статусом [2]. В западных культурах к беременности относятся как к обычному явлению. Существуют культуры, в которых беременность воспринимается как измене-

ние состояния и матери, и отца. Например, среди коренного населения штата Юкатан в Мексике знаком того, что женщина беременна, считаются приступы тошноты, рвоты, диареи и колики у ее мужа. Будущих отцов тянет на соленое, снятся зловещие сны [3]. Взаимоотношения между родителями и детьми сильно детерминированы установками общества. Например, в Японии дети до трех лет спят либо с родителями, либо с бабушками или дедушками, либо с братьями или сестрами, но никогда одни. Такая ориентация детского сна способствует установлению близких, гармоничных отношений между детьми и родителями и принятию культуры, где ценятся гармоничные коллективные отношения. Американские дети почти всегда спят в отдельной комнате, что, по мнению родителей, способствует развитию независимости. Вырастая, представители разных культур по-разному организуют свое взаимодействие с детьми [3]. Культура формирует отношение к детям и опосредовано – через принятое количество детей: в маленькой семье родители уделяют гораздо больше внимания ребенку, чем в большой.

Кросскультурные данные И. Кона [2] показывают, что национальная принадлежность и социально-классовое положение, как вместе, так и порознь, сильно влияют на отношение родителей к ребенку. Но картина далеко не единообразна. Во всех этнических группах родители из более низших социально-экономических слоев склонны к большей строгости, чем представители средних слоев. Но у разных народов это проявляется по-разному, в зависимости от типа поведения. Существенная разница выявилась между европейским и американским стилем воспитания: американские родители более либеральны и терпимы, нежели европейцы. Но речь идет не столько о большей или меньшей строгости национального стиля, сколько о различном отношении к тем или иным поступкам, так как терпимость в одном часто сопровождается повышенной строгостью в другом. Такая же качественная, а не просто количественная разница, обнаружилась между отцами и матерями. Родительские установки и стиль воспитания тесно связаны с наличием у данной субкультуры тех или иных мотивационных синдромов (потребность в достижении, потребность в аффилиации, ориентация на других). Люди, в этнической культуре которых сильнее выражена потребность в достижении, склонны больше опекать детей, незамедлительно откликаясь на их просьбы о внимании, но они гораздо острее реагируют на проявление дерзости, нежели люди, которые больше ценят групповую принадлежность и дружественные отношения с окружающими [2].

В большинстве культур признается решающая роль матери в выхаживании и воспитании ребенка, об этом единодушно свидетельствуют и этнографические, и исторические данные. Даже когда мать заменяется нянькой или кормилицей, это не меняло принципиального различия мужских и женских функций. Однако в некоторых обществах, в которых очень важную роль играют традиции, например в

Полинезии, отцовская роль, ассоциирующаяся с властью и статусом вождя, структурируется и символизируется детальнее, чем материнская [2].

Но у многих народов существуют строгие правила избегания, ограничивающие контакт между отцом и детьми, делающие их взаимоотношения чрезвычайно сдержанными и суровыми, исключающими проявления нежности. Культ мужчины всегда был культом силы и суровости, а «невостребованные», подавленные чувства атрофируются.

Соответственно отцовство в разных культурах зависит от факторов половых различий и жизненного цикла мужчин и женщин, культурного регулирования сексуальности, интернализации социальных норм и правил поведения, мотивов аффилиации, предприимчивости, достижения и соревнования, особенностей традиций ухода за младенцами и даже языка и экологических условий [11]. Таким образом, анализ исторических данных дает возможность увидеть «размытость», нечеткость ролевого функционала отца и достаточную конкретность и даже в некоторых случаях «узость» роли матери. Это создает серьезные предпосылки для ролевого конфликта в современных условиях отсутствия четкой, нормативной модели семьи, признаваемой в обществе.

Множество исследований взаимоотношений в супружеской диаде показало, что качество отношений отца и ребенка вне брака и в браке коррелирует с качеством отношений супругов больше, чем в случае «мать-ребенок». Среди внешних влияний на отцовство, роль матери имеет свою специфику, так как матери служат партнерами и иногда препятствием в отцовско-детских отношениях и в браке, и вне его. Влияние матери, конечно, связано с отношениями родителей. Но существуют данные, что, даже в удовлетворительных брачных отношениях, вовлеченность отцов, особенно когда дети маленькие, часто зависит от отношений и ожидания матери, ее поддержки отцу, так же, как и степенью ее занятости. Действительно, исследования показали, что многие матери имеют двойственное отношение к активной вовлеченности отцов [11]. Учитывая мощные культурные ожидания в отношении материнской роли, не удивительно, что активная отцовская вовлеченность в некотором смысле может угрожать женской идентичности.

С другой стороны, необходимо подчеркнуть специфическую уязвимость отцовства к средовым воздействиям [14]. Исследования констатируют большую сложность признания юридического отцовства вне брака и, как следствие, мотивирование абортот и отказов от детей финансовыми и статусными причинами; большее воздействие социальных проблем, например безработицы, на отцовство, чем на материнство. Этим объясняется нелогичность ухода отца из семьи или прекращение выполнения отцовских функций в сложных экономических условиях [7, 15, 17].

В итоге рост разводов приводит к возрастанию количества детей, живущих с одним родителем, в подавляющем большинстве – это мать. Т. А. Гурко [1] говорит о том, что мужчины редко вносят мате-

риальный или духовный вклад в воспитание детей, не живущих с ними в одном домохозяйстве. А женщины в таких семьях выполняют и родительские роли и роли добытчиц. Особенно это распространено в России, так как в советское время понятие «отцовство» было весьма слабо представлено в общественном мнении, появляясь только тогда, когда речь шла о лишении родительских прав [2]. В современном обществе мысль о слабости и некомпетентности «нынешних отцов» является весьма распространенным стереотипом общественного сознания. Ученые констатируют [2]: рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье; незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими; педагогическую некомпетентность, неумелость отцов; незаинтересованность и неспособность отцов выполнять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми. Снижению вклада отца в воспитание способствует ломка традиционной системы половой стратификации, оценка отцовства по традиционно женским критериям [13]. В традиционной семье отец выступает как: 1) кормилец, 2) персонификация власти и высший дисциплинизатор, 3) пример для подражания и наставник во внесемейной общественной деятельности и отношениях.

В современной семье эти традиции ослабели из-за женского равноправия, вовлечения женщин в профессиональную работу, тесный семейный быт, где для отца не предусмотрено пьедестала, и пространственная разобщенность труда и быта. В патриархальной семье дети, особенно мальчики, проводили много времени, работая с отцом и под его руководством. В городе дети не видят, как работает отец, а количество и значимость его внутрисемейных обязанностей значительно меньше, чем у матери. По мере того, как «невидимый родитель» становится видимым и более демократичным, он все чаще подвергается критике со стороны жены, а его авторитет, основанный на внесемейных факторах, снижается [2].

В итоге в современном обществе, при отсутствии какой-либо системы воспитания отцовства (в отличие от материнства) и религиозных или социальных санкций за отказ от ребенка, родительство становится личностно обусловленным. Этим объясняется описываемое всеми авторами противоречие в социальных тенденциях проявлений современного отцовства. Появляется социальный запрос на исследования готовности к супружеству и родительству, что находит отражение в исследованиях. Меняются и научные теоретические представления о том, какие именно функции должен выполнять отец по отношению к своим детям. Например, раньше было распространено и в быту, и в науке представление о том, что мать лучше справляется и взаимодействует с ребенком-младенцем «по природе», подчиняясь природному инстинкту, и более приспособлена к этому генетически, поэтому она более компетентна в уходе за ребенком. Сейчас ученые считают и научно обосновывают факт, что принципиальной разницы между отцом и матерью в уходе даже за со-

всем маленькими детьми нет. Отец может делать это так же хорошо, как и мать, что доказано исследованиями [8]. Но отец делает это совершенно по-другому, чем мать. Исследования показывают, что многие женщины считают, что отцы заботятся о детях хорошо, но делают это только тогда, когда хотят (эта проблема известна как проблема «представления о компетенции») [2]. Однако, согласно Н.-Л. Canitz [8], часть отцов вполне удовлетворяются так называемой ролью «заместителя матери», то есть они заменяют мать, когда ее нет, и помогают ей, выполняя ее поручения. Но сейчас все более заметна тенденция к увеличению количества отцов, которые принимают самое активное участие в жизни своего ребенка, начиная с момента его рождения. По статистическим данным, в Германии [6] присутствуют при рождении своего ребенка 90 % отцов – это не просто наблюдение, это переживание процесса родов вместе с ребенком. Хотя это стало нормой сравнительно недавно, раньше долгое время совместные роды по гигиеническим или моральным соображениям были запрещены [12]. Такие отцы очень сближаются со своими детьми, с которыми они вместе пережили роды. В дальнейшем они более близки своим даже очень маленьким детям: они заботятся о них, вполне справляются с пеленанием и проводят с ними очень много времени, ходят с детьми, например, к детскому врачу, очень часто они проводят с детьми свободное время, например на детских площадках и различных мероприятиях для детей, где раньше можно было увидеть только матерей [18]. Одним словом, они стараются принимать самое настоящее живое участие в жизни своих детей и рассматривают время, проведенное с ребенком, по существу (конечно, не все 100 % отцов), как нечто ценное, как личное достижение, а не как бесцельно потерянное. Фактически даже стиль воспитания изменился за последние несколько поколений. Современные отцы во многом менее авторитарны, чем даже поколение современных дедушек, более эмпатичны и знают больше о каждодневных проблемах и заботах своих детей. Эти данные подтверждаются и американскими исследованиями [15].

Мы полагаем особенно важным отметить, что материнская роль в связи с положением женщины в обществе претерпевает существенные изменения в последние десятилетия. Например, меняются представления женщин о ценности материнства, о роли мужчины в жизни женщины и ребенка. Считается, что если женщина решается родить ребенка, на первом году жизни ребенка материнские функции достаточно определены. Женская роль более традиционна, более инертна – так как во многом биологически обусловлена. Но и она уже не является неизменной. Сейчас часто в обыденном сознании людей материнство ассоциируется лишь с исполняемой ролью, обязанностями и правами. Современная культура не предлагает женщине адекватный образ материнства. Произошедшие социально-экономические изменения в обществе, развитие феминистского движения дали обществу образ самореализующейся в профессиональном плане женщины, на фо-

не чего образ матери стал менее значимым. В современном обществе очень мало осталось традиционно материнских функций женщины, на них накладываются еще профессиональные. При этом женщина становится более несвободна в отношении карьеры, от нее требуется «быть успешной» в профессиональном плане, однако и требования к материнской роли остаются. В итоге женщина старается выполнить все свои социальные роли: учиться, реализоваться в карьере, планирует рождение ребенка после тридцати лет, отказывается от грудного вскармливания, выходит на работу сразу после родов и составляет воспитание ребенка на откуп более или менее профессиональным педагогам: няням, воспитателям, бабушкам. Юридически и статусно она становится матерью, но фактически ее роль в становлении личности ребенка минимальна. Ее стремление быть матерью обществом не поддерживается.

В соответствии с этими тенденциями и ожиданиями женщины меняется и отцовство. Видоизменение отцовства заметно уже в течение нескольких поколений. Предыдущее поколение уже отошло от традиционной модели поведения отца. В советском обществе была значительно распространена ситуация, когда мужчина был «еще одним ребенком в семье». В итоге нормальное материнское поведение, согласно транслируемым нормам предыдущего поколения в нашей стране, и современными женщинами воспринимается как авторитарное. При этом материнская роль составляет основу самооценки женщины. Ситуация во многом усложняется тем, что женщины сами воспринимают отцов, как своих заместителей, зачастую мужчина вообще не включен в общение и заботу о ребенке-младенце, хотя данный период является важным для установления взаимоотношений отца и ребенка. Однако потом от отца требуется участие в воспитании ребенка, с которым он уже привык не общаться. С другой стороны, мужчина-отец обязан обеспечивать семью, и если для матери общество полагает возможным и даже предписывает уход за ребенком и обеспечивает женщин специальным отпуском, то мужчины в данном случае менее свободны.

На фоне этих ожиданий конкретные отцовские функции могут варьироваться от полного игнорирования рождения ребенка – до попытки вытеснения матери из отношений с ребенком. Например, после совместных родов, при возникновении сильного бондинга, отец пытается сам включаться в жизнь ребенка и испытывает ревность к жене, когда она кормит ребенка грудью. Это происходит из-за противоречивости материнских ожиданий и отсутствия нормативной модели родительского поведения у современного отца.

Согласно экологическому подходу, провозглашенному Doherty [11], социальная детерминированность отцовства связана, в первую очередь, с зависимостью выполнения отцовских функций от отношений с женщиной-матерью. Согласно ему, женщина должна помочь мужчине быть хорошим отцом. Изменчивость индивидуального выполнения функций отца обуславливает два важных момента:

а) положительная поддержка от матерей и среды может помочь мужчине быть более ответственным отцом, даже при плохих экономических условиях;

б) сильное желание отца, знание и навыки, вероятно, могут преодолеть отрицательное отношение матери, конфликты с ней, а также неблагоприятные влияния среды.

Однако современная женщина сама не всегда способна разобраться в предписываемых женщине ролях, так как они тоже имеют некоторое рассогласование. Поэтому она не может помочь мужчине в становлении отцовства, такая мать чувствует в этом угрозу собственной «священной материнской роли» от мужчины, который, даже если он участвует в жизни ребенка, но, не имея определенной модели родительства и культуры отцовства, просто пытается перенять женскую модель. В итоге современной женщине проще самой вырастить ребенка – экономически она это сделать может, и не надо ни с кем «делить» ребенка, искать компромисс в воспитании. И зачастую такая непримиримая позиция приводит к незаключению брака во время беременности или даже распаду семьи и воспитанию ребенка одной женщиной.

Таким образом, свойственное современному обществу рассогласование родительских ролей приводит к семейным и детско-родительским проблемам. Выход из подобной ситуации не может быть найден только в изменении административных, юридических или экономических условий жизни общества. Кризисная, разобщенная, потерявшая ориентиры современная семья остро нуждается в качественных моделях супружеских и родительских взаимоотношений. Многие современные семьи потеряли связи с прародителями и традиционными каналами передачи знаний от поколения к поколению и часто не имеют ясного представления о распределении родительских ролей семье. В настоящее время задачей психологов, работающих с семьей, особенно с молодой семьей на этапе беременности и рождения детей, является разработка программ, методов и методик работы по созданию общности родительских ролей конкретной семейной пары. Думается, что, помимо всего прочего, активная просветительская работа специалистов всех направлений и уровней, работающих со школьниками, с молодежью, взрослыми людьми, семьями, пропаганда здоровых семейных ценностей в молодежной среде, если и не способна кардинально вывести современную семью из кризиса, но поможет сделать шаги для изменения ситуации к лучшему.

Литература

1. Гурко, Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях [Текст] / Т. А. Гурко // Социс. – 1997. – № 1. – С. 72 – 79.
2. Кон, И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива [Текст] / И. С. Кон. – М.: Наука, 1988. – 269 с.
3. Мид, М. Культура и мир детства [Текст] / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

4. Олиферович, Н. И. Семейные кризисы: феноменология, диагностика, психологическая помощь. [Текст] / Н. И. Олиферович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Ф. Велента. – М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2005. – 356 с.
5. Ariès, P. Geschichte der Kindheit [Text] / P. Ariès. – München; Wien, 1975.
6. Barth, S. Vaterschaft im Wandel [Text] / S. Barth // Sozialmagazin. – 2000. – № 1. – S. 14 – 22.
7. Camus, J. Väter. Die Bedeutung des Vaters für die psychische Entwicklung des Kindes [Text] / J. Camus. – Beltz, 2001.
8. Canitz, H.-L.v. Väter. Die neue Rolle des Mannes in der Familie [Text] / H.-L.v. Canitz. – Frankfurt; M.; Berlin; Wien, 1982.
9. Carroll, J. S. Ready or not? Criteria for marriage readiness among emerging adults [Text] / J. S. Carroll, S. Badger, B. J. Willoughby, L. J. Nelson, S. D. Madsen, C. M. Barry // Journal of adolescent research. – May, 2009. – Vol. 24. – P. 349 – 375.
10. de Mause, L. Evolution der Kindheit [Text] / L. de Mause // Ders. (Hrsg.): Hört ihr die Kinder weinen. Eine psychogenetische Geschichte der Kindheit. – Frankfurt; M., 1977. – S. 12 – 111.
11. Doherty, W. J. Family theories and methods: A contextual approach [Text] / W. J. Doherty, P. G. Boss, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz // P. G. Boss, W. J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm, S. K. Steinmetz Family theories and methods: A contextual approach. – New York: Plenum Press, 1993.
12. Fthenakis, W. E. Engagierte Vaterschaft – Die sanfte Revolution in der Familie [Text] / W. E. Fthenakis // Herausgeber: LBS-Initiative Junge Familie. – Opladen: Leske & Budrich, 1999. – S. 352.
13. Fthenakis, W. E. Väter, Band I, Zur Psychologie der Vater-Kind-Beziehung [Text] / W. E. Fthenakis. – München: Urban & Schwarzenberg, 1985.
14. Fthenakis, W. E. Väter, Band II, Zur Vater-Kind-Beziehung in verschiedenen Familien-Strukturen [Text] / W. E. Fthenakis. – München: Urban & Schwarzenberg, 1988.
15. Grams, A. Fatherhood and motherhood in a changing world [Text] / A. Grams // Internat. Child Welfare Rev. – Geneve, 1970.
16. LaRossa, R. Continuity and change in middle class fatherhood: 1925 – 1939 [Text] / R. LaRossa, D. Reitzes // Journal of Marriage and the Family. – 1993. – № 55. – P. 455 – 468.
17. Lenzen, D. Vaterschaft. Vom Patriarchat zur Alimentation [Text] / D. Lenzen. – Reinbek bei Hamburg, 1991.
18. Pleck, J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences [Text] / J. H. Pleck // Lamb M. E. The role of the father in child development (5th ed.). – New York: Wiley, 2010. – P. 58 – 93.

УДК 159.922

ПОНЯТИЕ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ЛИЧНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

О. А. Браун

CONCEPT «PSYCHOLOGICAL FUTURE OF THE PERSON» OF THE CONTEXT OF RESEARCH OF THE COURSE OF LIFE

O. A. Braun

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Социальные и психологические факторы планирования своего будущего в юношеском возрасте»), проект №11-36-00304a2.

В статье рассматриваются ключевые понятия психологии жизненного пути. Подробно анализируется понятие «психологическое будущее личности». Описывается структура и характеристики психологического будущего личности.

Article contains key concepts of psychology of a course of life. The concept «the psychological future of the person» is in detail analyzed. The structure and characteristics of the psychological future of the person is described.

Ключевые слова: психология жизненного пути, жизненные планы, психологическое будущее личности, жизненные стратегии личности

Keywords: Psychology of a course of life, vital plans, the psychological future of the person, vital strategy of the person.

Наличие осознанных жизненных планов, представлений о своем будущем, непрерывности своего жизненного пути является одной из важнейших характеристик зрелой личности. Без представлений о том, к чему мы стремимся, каких результатов хотим достичь, не возможна никакая целенаправленная деятельность человека. От того, к чему человек стремится в своем будущем, будет зависеть, какие

решения он принимает в настоящем и во многом, как относится к событиям своего прошлого. Таким образом, значение психологического изучения процесса планирования своего будущего сложно переоценить. Именно поэтому психология жизненного пути в настоящее время выделяется в крупное самостоятельное направление психологических исследований.

За рубежом изучением различных вопросов жизненного пути занимались еще Ш. Бюлер, А. Адлер, В. Франкл. Так, Ш. Бюлер попыталась понять жизнь человека не как цепь случайностей, а через ее закономерные этапы, и понять личность через ее внутренний мир. Главная движущая сила развития личности, по Ш. Бюлер, – врожденное стремление человека к самоосуществлению, самоисполнению, т. е. всесторонней реализации самого себя. Реализовать себя человек может только благодаря творчеству, созиданию. Самоосуществление – итог жизненного пути. Ш. Бюлер считает, что причина психического нездоровья человека, причина неврозов – в отсутствии жизненных целей, наиболее адекватных его внутренней сущности [11]. Позже Л. Франком было введено понятие «временной перспективы», которое включает в себя психологическое прошлое и психологическое будущее в данный момент. Чтобы поведение стало сознательным, необходимо принятие человеком ценностей и наличие временных перспектив, а жизненный путь представляется результатом самоопределения личности.

К настоящему времени в работах зарубежных авторов выделяется целый блок исследований, посвященных изучению планируемого будущего и временной перспективы. Так, Дж. Трамсдорф, Х. Лэмм исследовали когнитивные, оценочные, аффективные аспекты ориентации индивида в будущем, а Ж. Нюттен разграничивает временную перспективу, временную ориентацию и временной аттитюд или отношение ко времени [4].

Очень близко к проблематике проектирования своего будущего подходит как теория самоактуализации А. Маслоу, так и экзистенциально-гуманистическая философская антропология и «вершинная» психология в целом. Важность изучаемой проблемы подтвердило и создание под эгидой Совета по социальным исследованиям США в 1981 г. специального Комитета по изучению развития человека в контексте его жизненного пути.

В отечественной психологии о вопросах «жизненного пути личности», «стилях жизни» и «стратегиях жизни», «жизненной программе личности» и «жизненной перспективе» активно заговорили в 70 – 80 годы XX века. Хотя различные проблемы возрастной периодизации, онтогенетического развития личности попали в фокус внимания ученых значительно раньше (Л. И. Божович, Д. Б. Эльконин, А. В. Петровский и др.). При этом, описывая ситуацию, сложившуюся в изучении жизненного пути личности к началу 80-х гг. XX в., И. С. Кон упрекает большинство собственно психологических работ в философствовании, слабом использовании зарубежных исследований и накопленных эмпирических данных [6]. В то же время автор подчеркивает, что к этому времени так или иначе жизненный путь человека становится предметом исследования различных наук: «В психологии развития, которую у нас до сих пор по инерции называют возрастной психологией, возникло новое предметное и одновременно теоретико-методологическое направление – изучение развития человека на всем протяжении его жизни, от

рождения до смерти. В социологии появилась историческая социология жизненного пути, основанная на широком применении когортного и поколенного анализа. Разобобщенные и описательные этнографические исследования обрядов жизненного цикла, возрастных категорий и обрядов перехода постепенно соединяются в единую предметную область – этнологию жизненного цикла» [6, с. 253]. Соответственно наиболее перспективным, по мнению И. С. Кона, будет синтез различных научных направлений или хотя бы учет достижений представителей смежных дисциплин.

В несколько ином русле жизненный путь, а именно проблему личности как субъекта, творца этого пути, рассматривали К. А. Абульханова-Славская, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Н. А. Логина, Л. И. Анцыферова, Т. Б. Карцева и др.

С. Л. Рубинштейн обращается к проблематике жизненного пути уже в 1935 г. в своей работе «Основы общей психологии». При этом жизненный путь рассматривается им и как совокупность некоторых стадий, и как система переходов между ними, он не предопределен заранее, на любом этапе благодаря своей активности личность может радикально изменить свой жизненный путь. Особое внимание Рубинштейн уделяет влиянию жизненного пути личности на развитие психики, рассматривая различные психические способности, вплоть до темперамента, не только как предпосылку развития, но и как результат жизненного пути личности [13].

Вслед за Рубинштейном, К. А. Абульханова-Славская рассматривает жизненный путь как «целостный, специфический и динамический жизненный процесс», расчлененный жизненными событиями на некоторые «кванты», причем именно личность выступает «причиной, субъектом жизненной динамики, субъектом жизненного пути» [1, с. 70].

В настоящее время интерес к проблеме жизненного пути только возрастает, в чем убеждают результаты исследований таких психологов, как В. И. Ковалев, А. А. Кроник, Р. А. Ахмеров, К. В. Карпинский, В. М. Слущкий, С. С. Гончарова и М. И. Яковчук и др. [2].

Согласно Н. А. Логиновой, в изучении жизненного пути можно выделить два аспекта, которые соответствуют двум главным направлениям биографических исследований в психологии:

- а) возрастной аспект, раскрытие общих особенностей личности на разных возрастных ступенях;
- б) индивидуально-психологический аспект, исследование своеобразия психологического развития конкретной, единичной личности [9].

Не удивительно, что такое активное изучение проблемы представителями различных психологических школ и направлений привело к появлению множества близких понятий, отражающих отдельные характеристики проблемы или специфическую точку зрения автора. Ниже мы проанализируем только несколько наиболее широко используемых в современных исследованиях.

Понятие «жизненный путь» до сих пор остается одним из наиболее разработанных конструктов,

употребляемых при изучении развития личности. Так, О. В. Белановская, опираясь на работы С. Л. Рубинштейна и К. А. Альбухановой, рассматривает жизненный путь как «преемственную по своим стадиям, в целом завершённую протяжённость времени жизни человека, объективно обусловленную возрастными изменениями его природного организма и социально-историческими изменениями человеческой личности» [2, с. 2]. Ю. С. Кузнецова даёт более развёрнутое описательное определение жизненного пути как «индивидуальной истории развития личности во времени жизни, содержащей все факты, поступки события, изменения, происходившие с личностью, и характеризующиеся сознательным и целенаправленным формированием через реализацию жизненных планов» [8, с. 160]. В целом большинство определений подчёркивают стадийность и непрерывность процесса, наличие в нем ключевых моментов и активность личности. Данное понятие во многом рассматривается как базовое и включает прошлое, актуальное состояние (настоящее) и будущее.

Описывая понятие «жизненный путь личности» Ю. С. Кузнецова выделяет 4 его характеристики: целостность (неразрывность прошлого, настоящего и будущего), удовлетворённость жизнью (состояние общего психологического комфорта, положительное отношение к событиям собственной жизни), убеждённость в возможности контролировать свою жизнь, способность к прогнозированию.

Поскольку, как мы уже говорили, понятие «жизненный путь» является более общим по отношению к его этапам, то все перечисленные параметры могут быть использованы и для характеристики отдельно прошлого, настоящего или будущего. Однако мы не вполне согласны с тем, что способность к прогнозированию является характеристикой жизненного пути, на наш взгляд, это именно способность, то есть некоторое качество, имеющее, скорее всего, интеллектуальную природу, обеспечивающее успешность в процессе прогнозирования. Безусловно, это качество, как и практически все личностные характеристики, складывается и созревает в процессе развития личности, однако утверждение о том, что эту способность можно рассматривать именно как *характеристику* жизненного пути, является, на наш взгляд, достаточно спорным.

Отдельным блоком в психологии жизненного пути выделяются понятия, связанные с психологическим будущим («опережающее отражение», «жизненная перспектива», «жизненные планы», «профессиональные планы»). При этом, по мнению К. А. Альбухановой, несмотря на большое количество работ, понятие «психологического будущего» (перспективы) остается достаточно неопределённым. Так, одни авторы определяют будущее относительно прошлого и настоящего, другие – с точки зрения его структуры, третьи – ценностного содержания. Исходя из этого, автор предлагает различать психологическую, личностную и жизненную перспективы [1, с. 77].

Психологическая перспектива – это когнитивная способность предвидеть будущее, прогнозировать его, представлять себя в будущем.

Личностная перспектива – целостная готовность к будущему в настоящем, установка на него.

Жизненная перспектива включает совокупность обстоятельств и условий жизни, которые при прочих равных условиях создают возможность оптимизации дальнейшего жизненного продвижения.

М. Г. Гинзбург определяет психологическое будущее как некий проект жизненного поля личности (совокупности индивидуальных ценностей и смыслов и пространства реального действия – актуального и потенциального, охватывающего прошлое, настоящее и будущее) и следующим образом описывает функции и характеристики психологического будущего [3, с. 46].

Психологическое будущее: а) по отношению к психологическому настоящему мотивирует и придает ценность или обесмысливает и обесценивает; б) по отношению к психологическому прошлому сопоставляется с прошлым, принимается как преемственность и развитие прошлого либо как его отвержение и отрицание. Человек может рассматривать свою жизнь как непрерывную линию развития, проецируя продолжение этого развития в будущее, либо может планировать изменение своего образа жизни вплоть до полной его противоположности.

В целом, по мнению М. Г. Гинзбурга, функция временного будущего заключается в обеспечении временной перспективы. Временная перспектива, в свою очередь, представляет собой видение своего будущего во времени, или собственное планирование.

В качестве основных характеристик психологического будущего тот же автор называет планируемость (позитивное отношение к планированию и наличие планов) или случайность (негативное отношение к планированию и отсутствие планов) и организованность, т. е. обеспеченность целей средствами их достижения. Параметры планируемости и организованности объединяются в показатель «структурированность». По этому показателю временное будущее выступает на положительном полюсе как структурированное (планируемое и организованное), а на негативном полюсе – как аморфное (случайное и неорганизованное) [3].

Чем насыщеннее временная перспектива событиями, планами и надеждами, тем интенсивнее, содержательнее жизнь человека. И наоборот, чем меньше надежд, планов на будущее и реальных событий на временном горизонте, тем беднее и бессодержательнее его жизнь.

Исходя из определений различных авторов и целей планируемого нами исследования, мы будем определять *психологическое будущее* как некий образ, представление о грядущих жизненных событиях. Опыт работы с методикой «Проективная автобиография» показывает, что степень детализированности представлений о своем будущем может быть совершенно различна. От наиболее общих: «Я буду богатым, знаменитым и счастливым», – до достаточно конкретных и проработанных. Именно поэто-

му мы используем термин «образ», подчеркивая тем самым, что речь идёт о некой субъективной картине грядущего, включающей самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий [12].

На основе типологии К. А. Альбухановой, мы предлагаем выделять следующие компоненты психологического будущего личности: профессиональное будущее (образование, планируемая профессия, предполагаемая карьера и т. д.); семейное будущее (образ будущей семьи); личностное будущее (в этот блок мы включаем планы, связанные с саморазвитием и не касающиеся при этом напрямую карьеры или профессии, например, изучение иностранного языка, планируемые путешествия, хобби и т. д.); материальное будущее (этот компонент, безусловно, очень связан с профессиональным блоком, но, учитывая степень его представленности в самоописаниях жизненных планов, особенно в юношеском возрасте, мы решили выделить его отдельно и включить сюда все внешние маркёры материального благосостояния (квартира, машина, зарплата и т. д.)).

Опираясь на описанные различными авторами характеристики жизненного пути, психологического будущего, жизненных стратегий и т. д., для описания образа будущего мы предлагаем использовать следующие *параметры*: содержательность (насыщенность планируемыми событиями); организованность (указание на средства до-стижения поставленных планов); конкретность (степень детализированности представлений); близость (временной отрезок, к которому относится планируемое событие); целостность (представленность в планах на будущее всех 4-х компонентов и степень их взаимосвязанности); реалистичность (этот параметр мы относим к дополнительным, поскольку, на наш взгляд, оценка реалистичности жизненных планов весьма субъективна).

Помимо понятия «психологическое будущее», выделяется еще ряд понятий, относящихся по своей временной локализации к будущему и по своей основной функции призванных побуждать и направлять активность человека. Мы условно обозначили их как «мотивационные» – это «жизненные планы», «жизненные притязания», «личностные стремления», «сфера возможного» и т. д. Все эти понятия отличаются различной степенью операционализации и распространённости. Так, под жизненными планами И. С. Кон понимает совокупность представлений о конечном результате, способе его достижения, пути, которым человек намерен следовать, и тех объективных и субъективных ресурсах, которые ему для этого понадобятся [6, с. 5]. На основе работы В. С. Магуна и М. В. Энговатого, используемый ими термин «жизненные притязания», можно определить как стандарт достижений, который индивид устанавливает для себя, которого ожидает достичь, общее жизненное положение к которому стремится [10]. Иванченко предлагает термин «личное стремление», рассматривая его как некоторый «обобщающий конструкт, объединяющий различные цели или действия вокруг общей темы» [5, с. 6]. Тот же автор вводит понятие «сфера возмож-

ного» – относительно устойчивая система взаимосвязанных целей – ценностей, достижимых при изменении наличной ситуации субъекта вследствие её собственной динамики развития или в результате деятельности субъекта (либо прекращения деятельности) [5, с. 3]. В целом большинство предлагаемых понятий включает в себя указание на некоторую цель или событие, к которому индивид стремится и различается акцентами на включение в определение осознанности, проработанности способов достижения поставленных целей.

Помимо перечисленных, в рамках рубинштейновской концепции личности как субъекта жизни, были предложены понятия: «жизненная позиция», «жизненная линия», «жизненная перспектива». Жизненная позиция есть результирующая достижений личности (и в этом смысле она аккумулирует ее прошлый опыт). Под жизненной позицией и ее уровнем подразумевается полученное человеком образование, уровень профессионализма, социальное положение и ряд других приоритетных социальных позиций, а также его личностные достижения, прежде всего личностную зрелость, богатство освоенных жизненных отношений. Жизненная перспектива: достигнутые уровень и качество жизни (ценностное, духовное, материальное). «Логика», или траектория жизненного движения личности, была обозначена понятием «жизненной линии», которая соответственно имеет восходящий или нисходящий, прерывистый или непрерывный (с точки зрения самовыражения, самореализации личности), конвергентный или дивергентный характер [14].

Близок по смыслу к понятию «жизненная линия» и часто используемый конструкт «жизненные стратегии личности». Поскольку использование термина «стратегия» в различных вариантах (жизненная, профессиональная, адаптации, инкультурации, профессионального самоопределения и т. д.) в психологии в настоящее время весьма популярно, а, давая определение, каждый автор подчеркивает аспекты существенные именно для его темы исследования, рассмотреть все предлагаемые дефиниции в рамках одной статьи не представляется возможным. Поэтому мы остановимся на одном варианте, предлагаемом В. Н. Кормаковой, которая понимает под жизненной стратегией устойчивую систему обобщенных способов преобразования жизненных ситуаций в соответствии с иерархией своих ценностных ориентаций [7, с. 55]. При этом, по мнению автора, жизненные стратегии включают личные ориентации (представление личных событий жизни), профессиональные ориентации (направленность на достижение определенного профессионального статуса), жизненные ориентации (принятие определенных жизненных образцов поведения) и характеризуются: продолжительностью, которая определяется периодом времени, на который человек предопределяет свое будущее; реалистичностью, отражающей способность человека оценивать свои возможности и концентрировать усилия на достижимых целях; соотношением положительных и отрицательных ожиданий; согласованностью, подразумевающей

связанность событий жизненного пути личности; дифференцированностью и структурированностью будущего, выделением ближайшей и отдаленной перспективы своей жизни [7, с. 58]. Обобщая понятие «жизненные стратегии», как правило, используется для обозначения относительно устойчивых и закрепившихся в поведении человека способов достижения поставленных целей.

Безусловно, проведенный нами анализ понятий, наиболее часто используемых на современном этапе развития отечественной психологии жизненного пути не является полным. Однако он позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Психология жизненного пути является динамично развивающимся направлением современной психологической науки.

2. Большое количество исследований, проводимых авторами, стоящими на разных теоретических позициях, порождает значительное количество близких по содержанию терминов, многие из которых до конца не операционализированы.

3. Эмпирическое изучение характеристик жизненного пути человека сопряжено с методическими трудностями, поскольку касается вопросов, о которых сами испытуемые зачастую не задумывались или подробно не анализировали.

4. Основные биографические методы являются качественными методами исследования, что в свою очередь создает сложности для статистического анализа и изучения степени распространённости той или иной характеристики.

5. Изучение жизненного пути личности и психологического будущего обладает значительным эвристическим потенциалом, что подтверждается появлением т. н. психолого-акмеологического консультирования, построенного на принципах моделирования отношений настоящего и будущего и проектировании пути достижения этого будущего.

6. Маловероятно, что в изучении жизненного пути личности в ближайшее время будет поставлена жирная точка, поскольку любое социальное изменение, а мы живем в очень динамичной стране, порождает изменение как отношения к прошлым событиям, так и содержания жизненных планов человека и способов их достижения. Кроме того, интенсивный научный поиск хорош еще и тем, что давая ответ на один вопрос, он ставит перед исследователями несколько новых. Например, почему в представлении одних людей их будущее состоит из многих возможностей, а другими эти возможности вообще не осознаются? Кто в конечном счете успешнее и счастливее – тот, кто видел десятки возможностей и не реализовал их, или тот, кто выделил одну и планомерно достиг её? Или в чем причина рассогласования между декларируемыми и реализуемыми целями? И еще множество новых вопросов, ответить на которые призваны дальнейшие исследования.

Литература

1. Альбуханова, К. А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и иссле-

дования реальной личности): избранные психологические труды [Текст] / К. А. Альбуханова. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 224 с.

2. Белановская, О. В. Временная перспектива жизненных планов в юношестве / О. В. Белановская. – URL: <http://psyjournals.ru/articles/d7598.shtml>.

3. Гинзбург, М. Г. Психологическое содержание личностного самоопределения [Текст] / М. Г. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 42 – 52.

4. Иванушкина, С. А. Восприятие старшеклассниками событий собственного жизненного пути и профессиональное самоопределение [Текст] / С. А. Иванушкина: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – МГЛУ, 1998. – 14 с.

5. Иванченко, Г. В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора [Электронный ресурс] / Г. В. Иванченко. – URL: <http://lib.mexmat.ru/books/72130>.

6. Кон, И. С. Социологическая психология [Текст] / И. С. Кон. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 560 с.

7. Кормакова, В. Н. Проектирование жизненных стратегий как условие профессионально-личностного самоопределения старшеклассников [Текст] / В. Н. Кормакова // Образование и общество. – 2009. – № 1. – С. 55 – 58.

8. Кузнецова, Ю. С. Исследование психологических особенностей отношения юношей и девушек к жизненному пути и времени [Текст] / Ю. С. Кузнецова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2008. – № 34(74). Ч. 2: педагогика, психология, теория и методика обучения. – С. 160 – 165.

9. Логинова, Н. А. Жизненный путь как проблема психологии [Текст] / Н. А. Логинова // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 103 – 108.

10. Магун, В. С. Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985 – 2001 гг. [Текст] / В. С. Магун, М. В. Энговатов // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России. – М.: Новое литературное обозрение, 2005 – С. 180 – 233.

11. Пергаменщик, Л. А. Кризисная психология: учебное пособие [Текст] / Л. А. Пергаменщик. – Мн.: Вышэйшая школа, 2004. – 288 с.

12. Психология. Словарь [Текст] / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

13. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.

14. Самсоненко, Л. С. Особенности влияния семейного воспитания на формирование жизненной перспективы личности / Л. С. Самсоненко. – URL: http://www.orenipk.ru/novosti/novosti04_samsonenko.htm.

УДК 159

ЭТАПЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ У ВОСПИТАННИКОВ КОРРЕКЦИОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ VIII ВИДА

Ланина Е. М.

STAGES OF PSYCHOLOGO-PEDAGOGICAL WORK ON FORMATION OF MOTIVATIONAL SPHERE AT PUPILS OF CORRECTIONAL EDUCATIONAL INSTITUTION OF VIII KIND

Lanina E. M.

В статье анализируются общие проблемы формирования мотивационной сферы учащихся специальных коррекционных образовательных учреждений VIII вида на всех этапах профессионально-трудового обучения, с учетом структуры личности, структуры дефекта, возрастных особенностей и индивидуальных возможностей к осуществлению трудовой деятельности.

In article shared problems of formation of motivational sphere of pupils of special correctional educational institutions of VIII kind at all stages of is professional-labor training taking into account structure of the person, structure of defect, age features and individual possibilities to realization of labor activity are analyzed.

Ключевые слова: нарушение интеллекта, мотивационная сфера, трудовая мотивация, профессионально-трудовое обучение, воспитательно-образовательный процесс.

Keywords: intelligence infringement, motivational sphere, labor motivation, is professional-labor training, воспитательно-образовательный процесс.

Опыт работы коррекционных школ города Кемерово и Кемеровского района, анализ данных о трудовой деятельности выпускников свидетельствуют о недостаточном уровне социально-трудовой адаптации и реабилитации лиц с нарушением интеллекта. Причина такого состояния в значительной мере усматривается нами в недочетах, имеющихся в организации работы по формированию мотивации к трудовой деятельности и профотбора в коррекционных школах. Это обуславливает необходимость изыскания более рациональных путей осуществления соответствующей психолого-педагогической работы, готовящей школьников с нарушением познавательной сферы к выбору и изучению профессии.

Теоретической опорой решения этого вопроса явились исследования в области современной психологической науки.

Результаты исследований отечественных и зарубежных специалистов показывают наличие потенциальных возможностей коррекции и компенсации развития лиц с нарушением интеллекта (особенно легкой степени), выдвигают идею реабилитации и максимального включения их в жизнь и труд общества. Речь идет об изыскании наиболее эффективных путей психолого-педагогического воздействия на развитие личности ребенка с нарушением интеллекта в целом, которое обеспечило бы максимальный уровень его социальной и профессиональной готовности.

Отечественные и зарубежные авторы сходятся во мнении на том, что на разных возрастных и образовательных уровнях развития лиц с нарушением познавательной сферы должен соблюдаться соответствующий подход к организации и определению содержания работы по формированию мотивационной сферы лиц с нарушением интеллекта.

В коррекционной школе четко определились три основных этапа трудовой подготовки интеллектуально неполноценных школьников: пропедевтический период, общетехническая подготовка и профессиональное обучение, реализация которых соответственно годам обучения представлена в табл. 1, но при этом четко не обозначены этапы формирования мотивации к трудовой деятельности.

Таблица 1

№	Этапы трудового обучения	Классы
1	Пропедевтический период	I-III
2	Общетехническая подготовка	IV
3	Профессионально-трудовое обучение	V-IX

Прежде чем перейти к определению содержания и методов работы по формированию мотивационной сферы соответственно этим этапам, считаем целесообразным дать характеристику каждому из них. К начальному этапу относится пропедевтический период трудового обучения учащихся.

Следует отметить, что в коррекционной школе VIII вида каждому направлению общеобразовательного и специального обучения учащихся предшествует соответствующий пропедевтический период, представляющий собой систему занятий, направленных на пробуждение у них познавательного интереса, соответствующих мотивов, подготавливающих к изучению учебных предметов.

Пропедевтический период трудового обучения в воспитательно-образовательном процессе представлен занятиями ручного труда, а также различными видами посильного труда по самообслуживанию во внеурочное время.

Занятия ручным трудом рассматриваются не только как подготовительный, пропедевтический этап трудового обучения, но и как образовательный курс и коррекционно-воспитательное средство. Про-

граммой по ручному труду предусмотрена связь трудового обучения с другими учебными предметами. Занятия по ручному труду проводятся в I – III классах. В IV классе осуществляется общетехническая подготовка школьников с нарушением познавательной сферы. Учащиеся распределяются по школьным мастерским, в которых проходят занятия по ручному труду. Задачи и цели этого периода трудового обучения школьников с нарушением интеллекта определены в программе по трудовому обучению [7]. В ней подчеркивается необходимость формирования и развития мотивационной сферы в процессе общетехнической подготовки, формирование устойчивого положительного отношения к труду, воспитание организационных умений и навыков работы в мастерской, развитие умения ориентироваться в трудовом задании, знакомство с элементарными понятиями по технологии, обучение простым приемам обработки материалов наиболее распространенными инструментами.

Общетехническая подготовка воспитанников рассматривается как продолжение предыдущего этапа формирования мотивационной сферы как необходимой базы для последующей трудовой подготовки. Именно в этот период формируются у учащихся те умения и навыки, личностные качества и мотивы, на основе которых может осуществляться профессионально-трудовое обучение. Проявление склонностей, интересов, характерологических особенностей личности ребенка в процессе общетехнического обучения позволяет раскрыть потенциальные профессиональные возможности ребенка и направить их развитие, создает условия для более объективного его профессионального определения, а также дать положительную и прочную основу для формирования мотивации к доступным видам трудовой деятельности.

Ознакомление с теоретическими положениями, исследованиями педагогической психологии в отношении лиц с сенсорными нарушениями развития, а также данными практики соответствующих специальных школ дает основание утверждать, что во всех случаях аномалий развития школьников целесообразно вводить как пропедевтический курс трудовой подготовки, так и общетехническое обучение в образовательных и коррекционно-развивающих целях. Опыт показывает, что эти два периода являются залогом и предпосылкой более устойчивой мотивации к осуществлению доступной трудовой деятельности и результативного профессионально-трудового обучения. В образовательных учреждениях для детей, имеющих сенсорные нарушения (слуха, зрения), на общетехническое обучение учащихся отводится значительное время: в среднем 4 – 5 лет. И лишь после этого учащиеся переходят к изучению конкретной профессии.

В современных условиях специального коррекционного образовательного учреждения VIII вида общетехническая подготовка осуществляется только в IV классе, а с V класса начинается профессионально-трудовое обучение. Согласно ныне действующему учебному плану и программе, профессио-

нальное обучение проходит параллельно с общеобразовательным. Как известно, взаимосвязь трудового и общеобразовательного обучения учащихся рассматривается в педагогической психологии как наиболее эффективный путь активизации учебного процесса, повышения качества усвоения знаний учащимися, осуществления максимального мотивирующего и коррекционно-воспитательного воздействия на школьника с нарушением интеллекта.

Однако, как показывает опыт общеобразовательной школы и специальных коррекционных школ других видов, сочетать общеобразовательное обучение с трудовым, соблюдая двухстороннюю связь, значительно результативнее на уровне общетехнической подготовки учащихся, чем профессиональной. Завершающим уровнем трудовой подготовки лиц с нарушением познавательной сферы является профессиональное обучение, в процессе которого учащиеся изучают определенную профессию и получают разряд на уровне единых квалификационных стандартов.

При существующей системе профессиональной подготовки выпускники коррекционных школ VIII вида устраиваются по приобретенной специальности на соответствующее производство или в специализированное профессиональное училище. Изучается профессия в V-IX классах, в некоторых школах введены десятый-одиннадцатый классы.

Таким образом, в практической деятельности психолога по формированию мотивационной сферы, а в частности, трудовой мотивации учащихся, можно выделить три основных уровня, реализация которых осуществляется на соответствующих этапах трудового обучения.

Соответственно уровням трудовой подготовки, определяются период, содержание и формы трудового обучения учащихся, а также содержание и методы работы по формированию мотивационной сферы (в частности, трудовой мотивации, необходимой для осуществления профессионального отбора и определения профессионального маршрута учащихся коррекционной школы VIII вида).

Работа по формированию мотивации к трудовой деятельности в пропедевтический период трудового обучения в специальных коррекционных образовательных учреждениях VIII вида

Пропедевтический период трудового обучения в коррекционных школах VIII вида представлен занятиями ручным трудом и рассматривается как подготовительный этап трудового обучения, в период которого осуществляется соответствующая работа по формированию мотивационной сферы, допрофессиональной ориентации умственно отсталого школьника.

Следует отметить, что такой подход к формированию мотивации к трудовой деятельности в коррекционных школах не предполагает раннего выбора профессии учащимися. В данном случае мы исходим из известного общепсихологического положения о целесообразности воспитательного воздействия на личность с раннего детства и положения

психологии труда, утверждающего эффективность раннего формирования мотивационной сферы, согласно которому: «...подготовка детей к труду, воспитание моральных и производственных качеств будущего работника, ознакомление с профессиональным трудом должны начинаться с детства» [4].

В этот период у учащихся младших классов с нарушением интеллекта уточняются представления и понятия об окружающем мире, формируется готовность к учебной деятельности, воспитывается умение жить в детском коллективе, уважать его требования. Работа эта сложна, многогранна. Разнообразны подходы к личности интеллектуально неполноценного ребенка и средства воздействия на нее.

Исходя из того, что работа по формированию мотивационной сферы и, в частности, мотивации к трудовой деятельности среди учащихся должна начинаться с первых дней пребывания их в школе, и что ребенок с нарушением познавательной сферы своеобразно включается в учебный процесс, нуждается в продолжительной специальной подготовке к обучению, работа по формированию мотивационной сферы по содержанию и форме должна соответствовать этим положениям: организовываться с учетом специфических задач и особенностей контингента.

Прежде всего, в пропедевтический период трудового обучения учащихся коррекционных школ работа по формированию мотивационной сферы значительно больше сочетается со всей коррекционно-воспитательной и образовательной работой среди учащихся, чем на двух последующих уровнях. Кроме того, на этом уровне трудовой подготовки уделяется особое внимание наглядно-конкретным формам ориентации.

По содержанию работа по формированию мотивационной сферы начинается с профессионального просвещения – формирования у учащихся в условиях предметно-практической деятельности, конкретной наглядной ситуации понятий «профессиональная деятельность человека», «профессия». На примере трудовой деятельности окружающих взрослых в школе и дома у учащихся закладывается отношение к труду: любовь к труду, точность, исполнительность и старательность, прилежание, умение трудиться в коллективе, умение выслушать замечание, хорошо выполнить каждое задание и т. д.

Как уже отмечалось, профессии должны познаваться в доступной и исключительно конкретной форме. Младшим школьникам не так важно постигнуть многообразие профессий, как познать суть профессиональной деятельности, а именно: каждая профессия нужна людям, любой труд почетен, каждый человек должен иметь профессию. Рассказывая, читая, анализируя фильм о профессии в пропедевтический период трудового обучения, психологом акцентируется внимание учащихся на социальной значимости труда, на примерах трудолюбия, старания, на радости труда, на воспитании моральных качеств будущего рабочего. Не отрицая необходимости прививать учащимся трудовые умения и навыки, необходимые для выполнения разнообразного (в первое время элементарного) труда, мы подчеркива-

ем важность формирования прежде всего и раньше всего правильного отношения к труду, как основы всей мотивационной сферы в целом.

Профессиональное просвещение учащихся младших классов коррекционных школ VIII вида в процессе формирования мотивационной сферы является органической частью воспитательно-образовательного процесса и проводится в ходе общеобразовательного обучения и во внеурочное время. Осуществление работы по формированию мотивационной сферы у учащихся младших классов коррекционных школ VIII вида предусматривает сочетание профпросвещения и профконсультации.

В ряде работ, посвященных вопросам психологии труда, выделяются строго последовательные этапы профконсультационной работы среди молодежи. Например, в работе К. К. Платонова «Проблемы способностей» при осуществлении психологического профессионального консультирования выделено три этапа: подготовительный, завершающий и уточняющий [5].

В условиях работы по формированию мотивации к трудовой деятельности с интеллектуально неполноценными учащимися младших классов речь может идти лишь о подготовительном этапе профессиональной консультации, которая проводится на всех уровнях профессионально-трудовой подготовки.

Первый этап профессионального консультирования тесно связан с профпросвещением и преследует две цели: изучить динамическую функциональную структуру личности учащегося и его способности; формировать недостаточно развитые свойства личности, ее способности и мотивов к овладению доступной профессией.

Следовательно, в процессе профессиональной консультации в пропедевтический период трудового обучения в коррекционных образовательных учреждениях VIII вида осуществляется изучение личности школьника с нарушением познавательной сферы, выявление тех ее свойств и качеств, которые определяют развитие ребенка, нуждаются в коррекции, определяют возможность компенсации.

Функции подготовительной профконсультации в основном прогностические, так как цель ее – не только выявить наличие и уровень развития профессионального качества, но и определить пути максимального развития этих качеств и осуществить их. Поэтому необходимо соблюдать постоянную четкость, последовательность психолого-педагогических наблюдений за ребенком в различных ситуациях школьной жизни и внеурочной деятельности, систематически фиксируя результаты наблюдений, подробно психологического изучения каждого учащегося.

Однако это лишь половина работы по профессиональному консультированию как неотъемлемой части работы по формированию мотивационной сферы подростков с нарушениями интеллектуального развития. Цель профессиональной консультации – формирование мотивационной сферы, в частности, формирование мотивации к трудовой деятельности,

а также выявление путей специального изучения структуры личности интеллектуально неполноценного ребенка не только в статике, главное – дать оценку ее особенностей в динамике, осуществить максимальную коррекцию ее развития, в том числе по средствам трудовой деятельности.

Поэтому в пропедевтический период трудового обучения детей с нарушением интеллекта уделяется особое внимание коррекционному воздействию на личность ребенка в процессе обучения как на занятиях ручным трудом, общеобразовательного обучения, так и во внеурочное время, особенно в условиях коллективного и индивидуального труда и игровой деятельности. Важным элементом работы по формированию мотивационной сферы, которая продолжается и на последующем уровне, является психологическая подготовка к труду, направленная на формирование интересов и склонностей учащихся. Учет возрастных и психических особенностей развития учащихся младших классов коррекционных школ VIII вида выдвигает на одно из первых мест использование такого важного средства мотивации и психологической подготовки к труду, как различные виды игровой деятельности.

Подбирая игры, психолог (педагог) в доступной форме раскрывает реальные отношения людей в процессе трудовой деятельности, воспитывает творческое воображение, формирует эмоциональные переживания результатов труда (радость, удовлетворение), интерес и потребность в трудовой деятельности.

Особого внимания заслуживает тренинговая работа с использованием игровых методов, в которых учащиеся, воспроизводя позаимствованные из жизни социальные отношения, различные ситуации бытового или производственного труда, учатся быть самостоятельными, деловыми, наблюдательными, учатся вести себя организованно, соответственно требованиям игры, не выходить из своей роли, творчески развивать сюжет игры. Безусловно, учащиеся младших классов коррекционных школ VIII вида, особенно в первые годы обучения, плохо умеют играть, безынициативны, с трудом понимают правила, ход игры, не умеют играть коллективно. Поэтому игровые ситуации в коллективе интеллектуально неполноценных детей редко возникают спонтанно. В данном случае инициатива и руководящее начало должны исходить от взрослых. Довольно эффективно в психологическом и педагогическом отношениях организовывать сюжетно-ролевые игры или игры-драматизации на темы, которые уже обсуждались с детьми или наблюдались во время экскурсий, тематических прогулок, или же взяты из близких для учащихся жизненных ситуаций (школа, столовая, швейная мастерская, семья и т. п.), но обязательно с выполнением трудовой роли (уборка помещения, стирка, глажение, сортировка одежды, продуктов, уход за посудой, комнатными растениями и т. п.).

Каждую игру психолог должен рассматривать как средство изучения и воспитания ребенка. По этому поводу интересны высказывания известного

отечественного психолога М. Я. Басова, который изучал развитие игрового поведения детей с нормальным интеллектуальным развитием во всем разнообразии его конкретного содержания. Он считает, что своеобразие игрового процесса основано на особенностях взаимоотношений индивидуума со средой, на почве которых он возникает. Это положение имеет важное принципиальное значение, так как оно переносит центр тяжести проблемы с личности на объективные условия ее существования. При умелом использовании воспитательных ресурсов, присущих каждой игре, значение игровой активности для роста внутренней организованности личности ребенка может быть чрезвычайно большим [1].

Данные психологии дошкольника и младшего школьника богаты примерами того, как в процессе психолого-педагогического наблюдения за игровой деятельностью ребенка психолог познает причины и суть, казалось бы, не совсем понятных проявлений его поведения; как в игровой ситуации удастся влиять на такие отклонения в поведении, реакциях детей, которые невозможно было преодолеть ни поощрением, ни наказанием.

Значимость игровой деятельности в познании структуры личности ребенка с нарушением интеллектуального развития высоко ценится в педагогической психологии, о чем свидетельствует наличие специального метода изучения ребенка в целях диагностики, так называемого метода психолого-педагогического наблюдения за игровой деятельностью [2]. Изучая ребенка путем постоянного психолого-педагогического наблюдения и отдельных экспериментальных проб, психолог замечает положительные и отрицательные проявления трудовых качеств и сразу же, путем специального психолого-педагогического воздействия, либо развивает их, либо корригирует. Например, на уроках ручного труда, наблюдая работу К., было установлено, что плохие результаты выполнения задания (небрежность, неточность и т. п.) связаны с ускоренным темпом работы учащегося, хотя уровень мотивации к выполнению даже элементарных заданий оставался достаточно высоким. Оказывается, К. считает, что самое главное – раньше всех выполнить работу, первым сдать. Поэтому он суетится, не соблюдает последовательности, совершенно не контролирует качество работы. Отсюда и такие результаты. Оценка работы, замечания учителя очень огорчали К., но не помогли ему понять сути своей ошибки. Тогда было рекомендовано подбирать для К. такие задания, в которых точность выполнения и четкость работы были решающим условием выполнения задания. Четко направленная коррекционная работа дала желаемые результаты.

Этот пример следует рассматривать как иллюстрацию высказанных положений, а не как эталон. Важна суть – в пропедевтический период трудового обучения работа по формированию мотивационной сферы обеспечивает формирование доступных профессиональных понятий, умений, навыков, а также коррекцию и развитие профессиональных качеств.

Работа по формированию мотивационной сферы в период общетехнической подготовки учащихся коррекционных школ VIII вида

Формирование мотивации к трудовой деятельности учащихся коррекционных школ VIII вида в период общетехнической подготовки представляет собой следующий уровень трудовой подготовки, позволяющий решать проблему социально-трудовой реабилитации лиц с нарушением интеллекта, готовить их к более правильному профессиональному определению.

Общетехническую подготовку школьников с нарушением познавательной сферы мы рассматриваем как сложную, поступательную систему профессиональных проб на соответствующей общеобразовательной основе с техническим уклоном. Важным моментом работы по формированию мотивации к трудовой деятельности на этом уровне профессионально-трудовой подготовки учащихся является уточнение, конкретизация и дифференциация представлений учащихся о профессиях. Путем различных трудовых проб на базе школьных учебных мастерских, учебных опытных участков, внеклассных трудовых мероприятий и выполнения общественно полезного труда осуществляется плановая трудовая подготовка, разносторонняя информация о видах доступного труда, о требованиях рекомендуемых профессий к кандидату, о социальной значимости профессий, условиях труда.

В общей системе психолого-педагогической работы по формированию мотивационной сферы общетехнической подготовки профессиональное просвещение сочетается с профессиональной консультацией. Сочетание целенаправленной психолого-педагогической работы с сознательным усвоением учащимися учебных предметов, соответствующее воспитание и трудовая подготовка являются основой трудовых мотивов и профессионального определения учащихся, способствуют более осознанному выбору профессии выпускниками коррекционных школ VIII вида.

Основными формами работы по формированию мотивации к трудовой деятельности, профессионального просвещения являются беседы, лекции, обсуждения фильмов, статей, книг соответствующего содержания, встречи с выпускниками, представителями профессии, родителями, экскурсии, общественно-полезный труд. При проведении этой работы учащихся в доступной форме знакомят с определенной профессией, ее социальной значимостью, престижем, перспективой трудоустройства, повышением квалификации, техникой безопасности, материальным обеспечением, санитарно-гигиеническими условиями труда, демонстрируют примеры высокой производительности.

На положительных примерах у учащихся формируется положительное отношение к труду: старательность, честность, прилежание, трудолюбие, исполнительность, дисциплинированность, борьба за качество, экономию и т. п. Важно также обращать внимание на межличностные отношения в коллективе, практически показать учащимся суть и значе-

ние взаимопомощи, уважения, дружбы, товарищества в коллективе.

На данном уровне психолого-педагогической работы по формированию мотивационной сферы осуществляются подготовительный и завершающий этапы профессиональных консультаций. В процессе общетехнической подготовки продолжается изучение и формирование личности учащегося. В условиях коррекционного воспитательно-образовательного процесса это особенно важно при общетехнической подготовке, которая, обеспечивая широкопрофильное трудовое обучение, создает благоприятные условия для познания и коррекции аномальной личности, позволяет более успешно формировать профессиональные интересы, способности и склонности учащихся, создать психологическую готовность их к выбору профессии. Этот этап способствует проведению профессиональных консультаций, которая помогает ученику правильно выбрать дальнейший жизненный путь, осознать мотивы труда в соответствии с его способностями. Она проводится в период завершения общетехнической подготовки и перехода к профессиональному обучению подростков с нарушением познавательной сферы.

В этих условиях осуществления психолого-педагогической работы по формированию мотивации к труду наблюдается слияние профессиональных консультаций с профессиональным отбором. Осуществляется такая работа только коллективом коррекционного образовательного учреждения с учетом пожеланий родителей и медицинских показаний. На современном уровне развития психолого-педагогического сопровождения коррекционного воспитательно-образовательного процесса не возникает сомнения в целесообразности работы по формированию мотивационной сферы, способствующей правильному профессиональному определению подростков с нарушением интеллекта. Однако ни общая, ни специальная психология не располагает еще четко разработанными методиками экспериментально-психологического исследования в целях профконсультаций и профотбора.

Наши рекомендации представляют собой несколько модернизированную и адаптированную схему проведения работы по формированию мотивационной сферы на этапе профессиональной консультации, предложенную рядом исследователей [6]:

1. Профессиональная консультация должна начинаться с анализа структуры личности учащегося. Материалом для этого служат собранные школьным психолого-медико-педагогическим консилиумом обобщенные данные об особенностях профессиональных качеств учащегося, его развития, поведения, деятельности на разных ступенях обучения, в разных условиях учебной и практической деятельности. Эти данные при необходимости дополняются специальными экспериментально-психологическими исследованиями и медицинским обследованием.

2. Анализ указанных данных производится с целью: определить доступную сферу дальнейшей дея-

тельности; определить отрасли экономики с учетом потребности в кадрах и практических возможностей консультируемого для последующей трудовой деятельности; осуществить выбор профессии с учетом уровня подготовки, состояния здоровья, свойств личности.

3. Определить рекомендации для развития отсутствующих и совершенствования недостаточно развитых качеств личности, необходимых для овладения избранной профессией.

Профессиональная консультация должна представлять собой квалифицированную психологическую рекомендацию профиля профессионального обучения каждого учащегося. Подготовительная профконсультация на уровне общетехнической подготовки в одних случаях соприкасается с завершающей (изыскание путей совершенствования профессиональных качеств личности), в других – дополняет ее (изучение структуры личности).

Осуществление правильной работы по формированию мотивационной сферы, в частности мотивации к трудовой деятельности, выбора профессии и определенного уровня профессионального обучения, возможно при условии обеспечения должной общетехнической подготовки на соответствующей общеобразовательной основе с техническим уклоном.

Это подтверждают данные катамнеза, результаты трудоустройства и закрепление на рабочем месте выпускников коррекционных образовательных учреждений VIII вида.

Работа по формированию мотивационной сферы в период профессионального обучения подростков с нарушением интеллекта

Профессиональное обучение подростков с нарушением интеллекта является завершающим звеном их трудовой подготовки, качественный уровень которого в значительной степени обуславливается всей предшествующей работой по формированию мотивации к получению доступной профессии и трудовой деятельности в целом, трудовому воспитанию, обучению и профессиональному определению учащихся коррекционных школ.

В период профессиональной подготовки подростков с нарушением интеллекта работа по формированию мотивации к трудовой деятельности, являясь продолжением предыдущей, включает профессиональное просвещение, профессиональное ориентирование, профессиональную консультацию и профессиональную адаптацию. Реализуется эта работа теми же путями, что и на более ранних этапах, хотя приобретает некоторую специфику.

На уровне трудовой подготовки нужно уделять больше внимания ознакомлению подростков со смежными, близкими к изучаемой профессии специальностями, создавая тем самым у них некоторую готовность и мотивацию к повышению квалификации, переквалификации, овладению несколькими смежными специальностями.

При осуществлении психолого-педагогической работы в период профессионально-трудового обу-

чения подростков с нарушением интеллекта необходимо знакомить с наиболее распространенными формами государственной профессиональной ориентации. На уровне профессиональной подготовки осуществляется уточняющая профессиональная консультация этого контингента подростков, позволяющая провести наиболее рациональное уточнение и, если в этом есть необходимость, изменение избранного профессионального пути. Нет необходимости доказывать, насколько важен этот этап профконсультации при обучении лиц с нарушением познавательной сферы, диагноз и прогноз развития личности которых очень сложен.

Средством достижения целей данного этапа работы по формированию мотивации к трудовой деятельности, т. е. уточняющей профессиональной консультации является постоянное квалифицированное психолого-педагогическое наблюдение за личностью и деятельностью подростка с нарушением интеллекта в процессе овладения им профессией. Особого внимания в период трудовой подготовки заслуживает специальная психолого-педагогическая работа, направленная на развитие личностных качеств, необходимых для успешной социальной адаптации подростков с нарушением интеллектуальной сферы.

В этой связи необходимо отметить большое значение производственной практики учащихся непосредственно в рабочем коллективе на предприятии, которая включает интеллектуально неполноценного подростка в естественные условия производственных отношений, режима работы.

Таким образом, на этом уровне трудовой подготовки подростков с нарушением интеллекта при проведении работы по формированию мотивации к трудовой деятельности осуществляется сочетание их профессионально-трудового обучения с формированием умений устанавливать положительные профессиональные межличностные отношения, что повышает качество профессиональной адаптации.

На основании всего сказанного можно сделать следующие выводы:

– психолого-педагогическая работа по формированию мотивационной сферы и трудовой мотивации, в частности, среди учащихся коррекционных школ VIII вида проводится с первых лет и на протяжении всего периода их воспитания и обучения в специальном коррекционном образовательном учреждении VIII вида;

– центральной задачей психолого-педагогической работы является всестороннее изучение профессиональных возможностей учащихся и всемерное развитие их, психологическая подготовка лиц с нарушением интеллекта к более осознанному, правильному профессиональному определению;

– содержание и формы психолого-педагогической работы по формированию мотивации к трудовой деятельности разрабатываются с учетом: возраста, образовательной подготовки, психофизического развития, уровня трудовой подготовки учащихся.

Рекомендуется следующая последовательность реализации этапов психолого-педагогической работы, направленной на процесс формирования мотивации к трудовой деятельности учащихся коррекционных школ соответственно уровням трудовой подготовки:

I уровень (пропедевтический период) – профпросвещение, подготовительная профконсультация.

II уровень (общетехническая подготовка) – профпросвещение, профпропаганда, подготовительная и завершающая профконсультация, профотбор.

III уровень (профессиональное обучение) – профпросвещение, профпропаганда, уточняющая профконсультация, профессиональная адаптация.

Соответственно уровням трудовой подготовки, а также этапам работы по формированию мотивации к трудовой деятельности определяются цели формирования трудовой мотивации учащихся коррекционных школ VIII вида, а именно: а) психолого-педагогическое изучение динамической структуры личности каждого учащегося и осуществление коррекционного воздействия на ее развитие (на всех уровнях); б) определение наиболее подходящей для каждого учащегося сферы трудовой деятельности (I уровень); в) выбор наиболее соответствующей профессиональным возможностям учащихся (индивидуально каждому) трудовой деятельности, подбор профессии (II уровень); г) уточнение правильности выбора профессии и совершенствование профессиональных умений и личностных качеств будущего рабочего (III уровень).

Безусловно, вся эта работа по формированию мотивационной сферы должна найти свое место, форму согласования с существующей системой и

содержанием коррекционного обучения вообще и трудового в частности, соответствовать структуре школы для детей с нарушениями интеллекта.

Литература

1. Басов, М. Я. Избранные психологические произведения [Текст] / М. Я. Басов. – М.: Педагогика, 1985. – 432 с.
2. Гамезо, М. В. Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие для студентов всех специальностей педагогических вузов / М. В. Гамезо, Е. А. Петрова, Л. М. Орлова. – М.: Педагогическое общество России, 2004.
3. Подласый, И. П. Педагогика: в 2 т. [Текст] / И. П. Подласый. – М.: Владос, 1999. – 584 с.
4. Климов, Е. А. Развивающийся человек в мире профессий / Е. А. Климов. – Обнинск: Принтер, 1993.
5. Платонов, К. К. Проблемы способностей [Текст] / К. К. Платонов. – М., 1980. – 312 с.
6. Платонов, К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
7. Программы специальной (коррекционной) образовательной школы VIII вида. 1 – 9 кл.: в 2 сб. – Ч. 1 / под ред. В. В. Воронковой. – М.: Владос, 2001. – 232 с.
8. Пряжников, Л. С. Профессиональное и личностное самоопределение / Л. С. Пряжников. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1996.
9. Семаго, М. М. Организация и содержание деятельности психолога специального образования: методическое пособие / М. М. Семаго, Н. Я. Семаго. – М.: АРКТИ, 2007.

УДК 159.9.072.5

МЕТОДИКА ПОЛУЧЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т. О. Отт, Е. С. Казан

THE METHOD OF GETTING OF THE QUANTITATIVE ESTIMATION OF THE INTEGRATED INDICATOR OF SELF-CONTROL OF TEACHING & PROFESSIONAL ACTIVITIES

T. O. Ott, E. S. Kagan

В статье рассмотрена проблема саморегуляции личности, представлены различные подходы к изучению саморегуляции. Описана методика построения интегрального показателя саморегуляции учебно-профессиональной деятельности. Проинтерпретированы и проанализированы полученные результаты исследования. Сделаны общие выводы по исследуемой проблеме.

In article the problem of self-control of the person is considered, various approaches to self-control studying are presented. The method of construction of an integrated indicator of self-control of teaching & professional activities is presented. The received results of research are analysed. The general conclusions on an investigated problem are drawn.

Ключевые слова: саморегуляция, учебная деятельность, метод анализа иерархий, многоуровневая иерархическая модель, интегральный показатель

Keywords: self-control, educational activities, the method of analyses hierarchical, multilevel hierarchical model, integral index.

В современных психолого-педагогических исследованиях отмечается, что успешность учебно-профессиональной деятельности студентов во многом определяется уровнем развития осознанной са-

морегуляции, т. е. такими умениями, которые помогают им организовывать процесс выполнения деятельности и управлять. Именно система саморегуляции осуществляет интегрирующую функцию по

отношению к действиям человека, его психическим процессам, состояниям, которые включаются в процесс реализации деятельности.

В психологических периодизациях Д. Б. Элькнина и А. Н. Леонтьева учебно-профессиональная деятельность как ведущая реализуется на этапе юности. По мнению Д. И. Фельдштейна, в юношеском возрасте характер развития определяют труд и учение как основные виды деятельности [12]. Если для старшеклассника общеобразовательной школы ведущей деятельностью является учебная, а для специалиста – трудовая, то для студентов высшего учебного заведения – одновременно две ведущие деятельности: учебная и профессиональная (трудовая). Если учебная деятельность учащихся профессиональной школы необходима для формирования общего развития и обеспечения качественной профессиональной подготовки, то профессиональная деятельность предназначена для формирования и развития профессиональных способностей, индивидуально-психологических качеств, присущих специалисту-профессионалу социально-интегративного типа (А. П. Беляева). Эти две деятельности учащихся слиты воедино, взаимозависимы и взаимообусловлены, организационно обеспечиваются учебно-воспитательным процессом образовательного учреждения.

Для становления профессионала стадия профессионального обучения является во многом определяющей, поскольку от того, насколько эффективно прошла эта стадия, насколько глубоко человек разобрался в содержании своей профессии, освоил её операциональную сторону, осознал свои возможности и перспективы для саморазвития, настолько реализованы и перспективны будут его профессиональные планы и эффективна его профессиональная деятельность. Наличие профессионально важных качеств также является непременным условием профессиональной пригодности специалиста. В процессе учебно-профессиональной деятельности происходит параллельно приобретение психологических новообразований – знаний, умений, навыков, привычек на основе усвоения социального опыта. Так же развиваются характерологические особенности индивидуально-психологических качеств личности и, конечно же, совершенствуются функциональные механизмы психики – восприятие, память, мышление, психомоторика и саморегуляция [3].

Такой широкий спектр задач определяется парадоксами данного возрастного периода. Первокурсники имеют больше свободы действий, меньший контроль за самостоятельной подготовкой со стороны преподавателей, но и больше ответственности и обязательств: быть самостоятельным, инициативным, иметь сформированные навыки, позволяющие адекватно оценить необходимое время, достаточное для подготовки учебных заданий. Умение правильно определить учебную цель и конкретизировать ее согласно сложившимся значимым условиям обучения, способность быстро включиться в деятельность и выходить из нее, гибко определять тактику поведения функционирования программ учеб-

ных действий, умение оценивать и корректировать результаты деятельности и т. д. Для реализации программы учебно-профессиональной деятельности студентам необходимо иметь, по нашему мнению, высокий уровень сформированности саморегуляции.

Саморегуляция, по нашему мнению, относится к числу универсальных, имеющих место на всех уровнях организации учебно-профессиональной деятельности студентов, процессов. Под саморегуляцией человека нами, вслед за О. А. Конопкиным, понимается «системно организованный психический процесс по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей» [8; 6].

Анализ подходов к исследованию иерархического строения саморегуляции [1, 2, 5, 6, 8] дает возможность в самом общем виде разделить проблему ее изучения на три направления: саморегуляция как продукт психической активности, как личностное свойство и как свойство субъекта деятельности.

Мы считаем, что осуществление оценки учебно-профессиональной деятельности возможно на основе представлений о саморегуляции как универсальном механизме организации деятельности студентов. О. А. Конопкин рассматривает высоту организации живого с позиции целостности системы саморегуляции. По его мнению, о целостности системы саморегуляции свидетельствует сформированность, т. е. функциональная развитость всех ее основных компонентов: отсутствие любого звена функциональной структуры нарушает целостность, замкнутость информационного контура регуляции, т. е. «принцип кольца» в построении процесса. При этом все структурные компоненты, системно взаимодействующие в целостных регуляторных процессах, должны иметь высокий уровень сформированности [8]. Отсюда, по нашему мнению, показателем саморегуляции учебно-профессиональной деятельности студентов могут выступать целостность и взаимосвязь структурных компонентов саморегуляции. Уровень сформированности саморегуляции учебно-профессиональной деятельности студентов – это количественно-качественная характеристика степени ее развития.

Для определения сформированности саморегуляции учебно-профессиональной деятельности студентов вуза нами было проведено исследование на базе Кемеровского государственного университета. В исследовании приняли участие 326 человек, учащихся первого курса следующих факультетов: социально-психологического, биологического, исторического, химического, физического, математического, филологического и факультета социологии и политических наук.

На сегодняшний день не существует методики, которая бы позволяла всесторонне полно и достоверно оценивать уровень саморегуляции студентов. Само понятие «саморегуляция», как было отмечено ранее, представляет собой сложное явление, со-

стоящее из ряда компонент. Для того чтобы всесторонне оценить уровень саморегуляции студента, необходимо представить этот показатель в виде инте-

грального показателя. Для получения его интегральной оценки мы предлагаем использовать следующую методику.

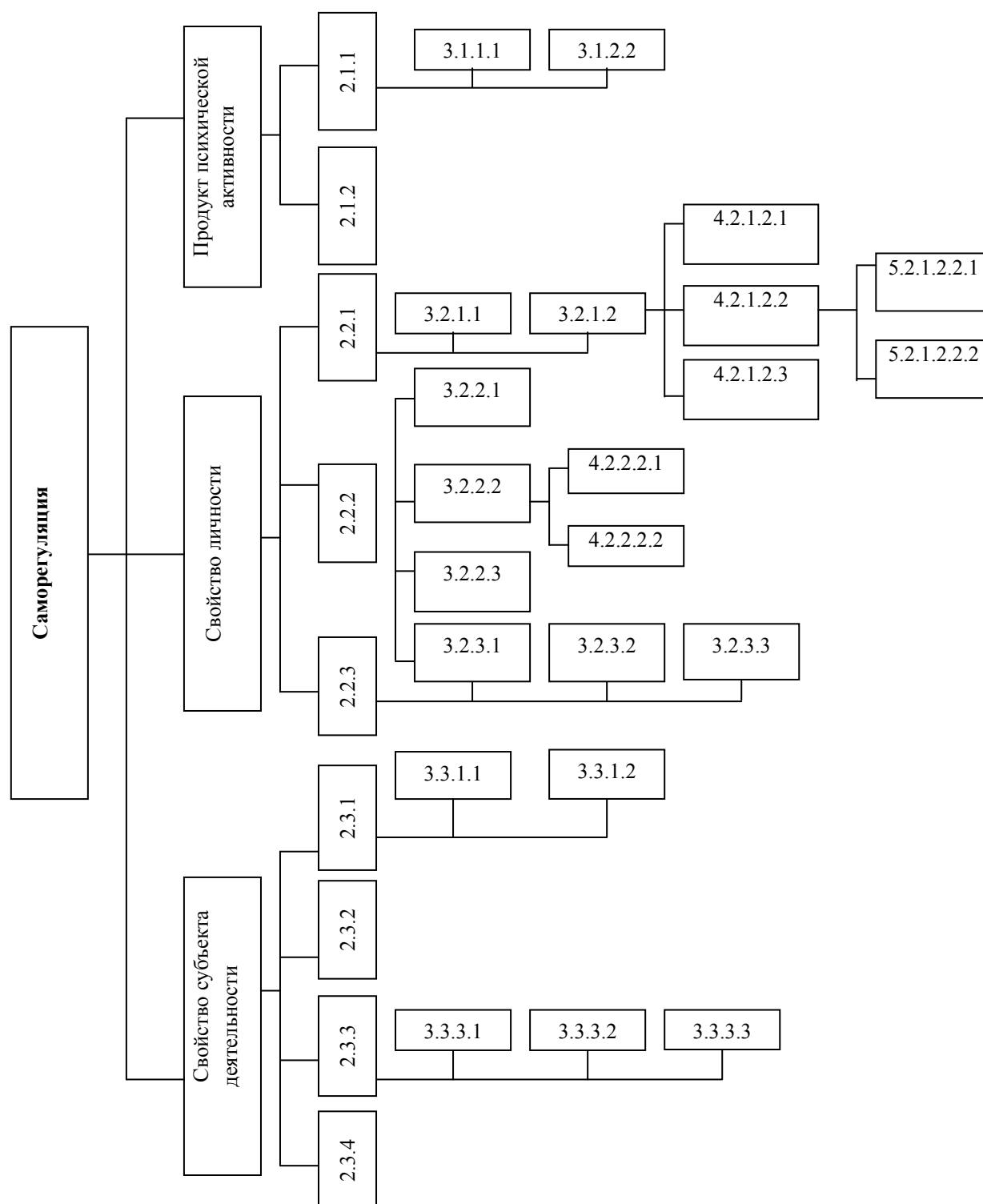

Рис. 1. Многоуровневая иерархическая модель саморегуляции

На первом этапе исследования целесообразно провести декомпозицию понятия на составляющие. На основании этой декомпозиции можно построить иерархическую многоуровневую модель, фокусом иерархии которой является само оцениваемое явление. При создании интегрального показателя необ-

ходимо учитывать тот факт, что степень влияния различных компонент на фокус иерархии может быть различной. Для определения весовых коэффициентов компонент, учитывающих степень их влияния на фокус иерархии, применяется метод анализа иерархий (МАИ). Второй аспект, который необ-

димо учесть при измерении составляющих саморегуляции, заключается в том, что все составляющие оцениваются с помощью различных методик и могут иметь различный диапазон изменения своих значений. В этом случае непосредственное суммирование результатов измерений для получения интегральной оценки недопустимо. Поэтому при измерении значений составляющих иерархии целесообразно провести процедуру шкалирования переменных, позволяющую перейти к безразмерной числовой шкале для обеспечения сравнимости признаков различной физической природы.

Разрабатывая многоуровневую иерархическую модель саморегуляции личности, мы считаем необходимым указать, что эта модель, давая представле-

ние об идеальном объекте психологического анализа саморегуляции, выступает в форме взаимодействия целостных и достаточно крупных блоков регуляции деятельности. В предлагаемой концепции саморегуляции это – блоки «саморегуляция как продукт психической деятельности», «саморегуляция как личностное свойство» и «саморегуляция в контексте деятельностного подхода» (рис. 1).

Для определения весовых коэффициентов компонент каждого уровня иерархии применяется метод парных сравнений. Рассмотрим процесс расчета приоритета составляющих всех уровней иерархической модели на примере выделенной на рис. 2 ветви иерархии, отражающей свойство субъекта деятельности.

Рис. 2. Ветвь иерархии, описывающая компоненту «свойства субъекта деятельности» показателя саморегуляции

Рассматривая саморегуляцию как свойство субъекта деятельности, необходимо провести анализ трудов, посвященных этой проблематике. Согласно взглядам С. Л. Рубинштейна [11], специфическими способами реализации психической активности являются «сознание» и «действие». Можно сказать, что активность человека как индивида, личности и индивидуальности осуществляется в форме «действия», т. е. различных видов активности (практическая деятельность, общение, познание, поведение и т. д.) и регулируется «сознанием», в форме процессов саморегуляции различных видов активности (функциональные системы, кольцевой контур регуляции, система осознанной саморегуляции деятельности и т. д.). Такое выделение двух сторон единого процесса психической активности человека в форме двух специфических способов его существования послужило методологической предпосылкой и в какой-то мере предопределило развитие психологических представлений о возможности относительно независимого выделения процессов активности и процессов регуляции этой активностью на каждом из уровней организации психики человека [10].

Регуляция деятельности предполагает не только постановку цели и побуждение деятельности, но также приведение себя в состояние активности, соответствующее объективным задачам, проведение

единой линии требований к себе и их последовательную реализацию [9].

Саморегуляция понимается В. И. Моросановой как целостная система выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности. Эта система реализуется процессом осознанной саморегуляции, имеющим универсальную структуру для разных видов активности и деятельности. Система реализуется соответствующими частными регуляторными процессами выдвижения целей, моделирования значимых условий, программирования действий, оценивания и коррекции результатов. Индивидуальные особенности саморегуляции характеризуются тем, как человек планирует и программирует достижение цели, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает результаты и корректирует свою активность для достижения субъективно-приемлемых результатов. В этой концепции не только констатируется, что когнитивные процессы переработки информации имеют определенную структуру, но и разработаны теоретические и методические подходы к исследованию индивидуальных различий и их личностных предпосылок.

Принцип субъекта деятельности, по мнению Л. Г. Дикой, дает возможность реализовать в экспериментальных исследованиях саморегуляции в деятельности человека принципы активности, развития

и показать, что именно они и составляют ядро саморегуляции [6].

По мнению В. К. Калина, проявление самосубъектных отношений происходит в ходе преобразования исходной организации психических процессов посредством волевого акта в необходимую для достижения поставленной цели, изменения состояния и направленности мобилизации. Под самосубъективными отношениями автор понимает активность, направленную не на внешний мир или других людей, а на самого себя [7].

Концепция субъекта деятельности дает комплексную характеристику психологической системы деятельности, предполагающей взаимную соотнесенность состояний, способностей, отношений индивида и объективных условий его деятельности. Способность организации собственной активности – ее мобилизации, направления, согласования с объективными требованиями и активностью других людей – важнейшая характеристика личности как субъекта деятельности и одновременно отличительная черта личностного уровня регуляции деятельности. Принцип субъекта деятельности позволяет понять, каким образом согласованы регуляция деятельности обществом, с одной стороны, и личностью – с другой. Таким образом, появляется возможность связать объективные общественные структуры деятельности (с их нормативными требо-

ваниями) с личностно-психологической структурой деятельности (отношение к деятельности, цели, мотивация, способности, активность личности и т. д.) [9].

Теория деятельности, рассматривающая личность в контексте порождения, функционирования и структуры психического отражения в процессах деятельности, разработана во второй половине XX в. в трудах А. Н. Леонтьева. По его мнению, первоначально деятельность детерминируется предметом, а затем она опосредуется и регулируется его образом как своим субъективным продуктом. Взаимно превращающимися единицами деятельности считается потребность $\Leftrightarrow$ мотив $\Leftrightarrow$ цель $\Leftrightarrow$ условия и соотносимые с ними деятельность $\Leftrightarrow$ действия $\Leftrightarrow$ операции.

Опираясь на труды А. Н. Леонтьева, саморегуляцию как деятельность (второй уровень иерархии) мы рассматривали в блоках: «Целеполагание», где объединены потребность, мотив и цель; «Гипотеза», под которой мы подразумеваем учет условий и соотносимые способы выполнения деятельности; «Выбор способов», что предполагает ответственный выбор из имеющихся вариантов, и «Проверка», что подразумевает сопоставление реального результата с параметрами идеального продукта. Результаты расчета приоритетов для этих блоков представлены в таблице 1.

Таблица 1

Матрица парных сравнений для составляющей «свойства субъекта деятельности»

Какая из составляющих свойства субъекта деятельности (1.3) является наиболее важной для саморегуляции?	2.3.1 целеполагание	2.3.2 гипотеза	2.3.3 выбор способов	2.3.4 проверка	Вектор приоритетов
2.3.1 целеполагание	1	3	7	9	0,58237
2.3.2 гипотеза	1/3	1	5	7	0,290282
2.3.3 выбор способов	1/7	1/5	1	3	0,084986
2.3.4 проверка	1/9	1/7	1/3	1	0,042361
	$\lambda_{\max}=4,16$		ИС=0,058	СИ=0,9	ОС=0,058

В последнем столбце таблицы приведены значения вектора приоритетов составляющих компоненты «1.3 – свойство субъекта деятельности». Анализ результатов, представленных в таблице 1, позволяет сделать вывод о том, что в контексте деятельностного подхода наибольшее влияние на саморегуляцию оказывает «Целеполагание». Тогда как блок «Проверка» является менее значимым для всей системы координации человеческой деятельности. Таким образом, целеполагание является одним из важнейших звеньев саморегуляции и позволяет увидеть личностно и профессионально наполненные перспективы собственного будущего.

Психологический словарь определяет целеполагание как «первый этап любого осознанного процесса, разворачивающегося во времени. Сначала появляется желание совершить то или иное действие, строится план или схема предстоящего действия, четко определяющая, что и в какой последовательности нужно делать. За целеполаганием следует этап исполнения задуманного». Следовательно,

осознанно или нет, человек задействует эту функцию постоянно.

Целеполагание – это вид активности, опирающийся на знание об объекте деятельности и методику применения средств. Многообразие функциональных целей наталкивается на оценочный аспект целеполагания, выстроенный по актуальности и значимости целей, когда осознается приоритет перспективных целей, реализация которых и составляет стратегию целеполагания. Человек ставит цели и осуществляет целенаправленное поведение, выбирает тактику и стратегию движения к результату. Само целеполагание как мысленное предвосхищение результата деятельности может рассматриваться в качестве продукта деятельности.

Выделение блока «Гипотеза» (2.3.2) осуществлено с опорой на исследования А. А. Братко. Рассматривая деятельность, А. А. Братко считает, что процесс познания любого объекта или явления никогда не бывает совершенно новым, полностью отличным от уже известного человеку [4]. При реше-

нии новых задач исследователь сравнивает их с ранее известными ему задачами, находит между ними сходные элементы. Этот блок мы исследовали с помощью методики «Уровень субъективного контроля» (Роттер). Для того, чтобы сделать хоть какой-то шаг в решении новой задачи, выдвигается гипотеза, т. е., иными словами, в соответствии с нашими представлениями о решении задачи создается определенная модель. Отвлечение от некоторых сторон, свойств прототипа, происходящее при моделировании любых объектов, с одной стороны, позволяет в каком-то отношении лучше изучить объект познания. С другой стороны, существенным недостатком моделирования является упрощение объекта исследования. Природа модели такова, что в ней не учитываются несущественные в определенном отношении свойства, которые могут быть существенными в другом отношении. Одной из основных задач субъектов учебно-профессиональной деятельности является рационализация и оптимизация своей самостоятельной работы по средствам выбора определенного способа поведения. Выбор наиболее рациональной стратегии поведения позволяет реализовать студентам всю программу студенческой жизни. Занять свое место в студенческом коллективе, сформировать навыки и умения рациональной организации умственной деятельности, осознать призвание к избранной профессии, выработать оптимальный режим труда, досуга и быта, установить систему работы по самообразованию и самовоспитанию профессионально значимых качеств личности. В условиях учебно-профессиональной деятельности система

отношений ответственной зависимости предполагает необходимость самостоятельной регуляции своего поведения, наличие определенных степеней свободы в организации своих занятий и быта. Стратегия поведения студентов может быть различной: как позитивной, направленной на поддержание и развитие организации и самого себя в этом направлении, адаптивным, выражающимся в стремлении выстроить гармоничные, взаимовыгодные отношения с вузом, так и негативной, направленной на разрушение учебной организации и личностной деградации. Таким образом, блок «Выбор способов» демонстрирует стратегические возможности студентов, оценку возможных вариантов реализации учебно-профессиональной деятельности.

Оценка параметров блока «Проверка результатов» (2.3.4) осуществлялась нами при помощи методики В. И. Моросановой «Опросник диагностики индивидуально стилевых особенностей саморегуляции», шкалы «Надежность». Данные по этой шкале характеризуют индивидуальную устойчивость процессов моделирования значимых условий обучения, процессов определения и постановки учебных целей, функционирование программ учебных действий, критериев оценки, процессов контроля, оценки и коррекции результатов деятельности.

На третьем уровне иерархии компонента второго уровня «Целеполагание» разбивается на две составляющие. Матрица парных сравнений и вектор приоритетов для компонент составляющей «Целеполагание» представлена в таблице 2.

Таблица 2

Матрица парных сравнений для составляющей «Целеполагание»

Какая из составляющих целеполагания (2.3.1) является наиболее важной для саморегуляции	3.3.1.1 потребность	3.3.1.2 этапность	Вектор приоритетов
3.3.1.1 потребность	1	3	0,75
3.3.1.2 этапность	1/3	1	0,25

Целеполагание обслуживает практическую деятельность человека и оценивается в зависимости от того, как оно влияет на эту деятельность. Отсюда следует, что практическая деятельность человека по отношению к целеполаганию выступает как целеосуществление. Планирование является этапом целеосуществления. Планирование можно рассматривать как систему мероприятий по достижению заранее поставленной цели, оно основано на достоверных знаниях о возможных будущих ситуациях и событиях, о способах и методах соединения цели со средствами. Соотношение между целеполаганием и планированием имеет диалектический характер. Целеполагание предшествует планированию, оно задает направленность и общий характер планирования, планирование конкретизирует и уточняет целеполагание с учетом объективных условий. Это важный этап и составляющая предметной деятельности любого человека. Планирование тесно связано с прогнозированием. Без представления будущего результата действий планирование невозможно. Прогнозирование — высшая форма опережающего отраже-

ния, которое осуществляется в процессе мышления и вероятностного предвидения будущего на основе учета динамики прогнозируемых явлений, прошлого опыта и текущей информации о наличной ситуации. Планирование отличается от прогнозирования тем, что в нем предусматривается комплекс конкретных действий, направленных на достижение поставленной цели. При составлении планов намечаются порядок, последовательность, способы и средства осуществления поставленной цели деятельности.

Нас же интересует динамический аспект планирования в системе целеполагания, так как личность представляет собой динамическую систему, находится в состоянии непрерывного изменения и развития. Но специфика самой функции целеполагания такова, что ее инициирует осознаваемая потребность. Потребности являются источником мотивации человека к различным формам деятельности. При изучении целеполагания в структуре деятельности человека необходимо обратиться к работам Дж. Локка, который предположил, что постановка целей — познавательный

процесс, имеющий практическую полезность. Его точка зрения состоит в том, что индивидуальные сознательные цели и намерения – первые детерминанты поведения. Таким образом, «одна из обычно отмечаемых характеристик намеренного поведения – стремление сохранить его до тех пор, пока цель не будет полностью достигнута». Познавательный интерес, как потребность проникновения в неизвестное (этот компонент назван «Потребность») (3.3.1.1), изучался нами с помощью методики «САТ» (Э. Шостром), шкала «Познавательных потребностей». Она определяет степень выраженности у субъекта стремления к приобретению знаний об окружающем мире.

Кроме того, мы считаем, что блок «Целеполагание» включает в себя компонент «Этапность» (3.3.1.2). Для изучения этапности целеполагания, была использована методика В. И. Моросановой «Опросник диагностики индивидуально стилевых особенностей саморегуляции». Шкала «Планирование» демонстрирует индивидуальную развитость самостоятельности и инициативности в выборе и постановке учебных целей, гибкость изменения целей в соответствии с меняющимися обстоятельствами, их устойчивость в сложных условиях.

После того как построены матрицы парных сравнений всех уровней иерархии, начинается процедура иерархического синтеза, позволяющая определить приоритеты составляющих нижнего уровня иерархии, в нашем примере это компоненты «Потребность» и «Этапность», относительно фокуса иерархии – показателя саморегуляции.

Для определения приоритета составляющей «Потребность» необходимо приоритет составляющей «свойства деятельности субъекта» умножить на приоритет компоненты «целеполагание» и полученный результат умножить на приоритет «потребности». Таким образом, получаем:

$$\frac{1}{3} \cdot 0,58237 \cdot 0,75 \approx 0,146.$$

Аналогичным образом вычисляется приоритет компоненты «этапность»:

$$\frac{1}{3} \cdot 0,58237 \cdot 0,25 \approx 0,048.$$

Второй этап измерения – это оценка значений составляющих нижнего уровня иерархии. Как было отмечено выше, составляющие иерархической модели могут иметь различный диапазон и характер изменений. Так, например, для того, чтобы показате-

ль саморегуляции достиг наибольшего значения, необходимо, чтобы значения одних составляющих принимали наибольшее значение (будем называть их показателями первой группы), а значения других показателей заключалось в пределах нормы (будем называть их показателями второй группы). Поэтому для получения оценок уровня саморегуляции по измеренным значениям показателей нижнего уровня необходимо провести их предварительное шкалирование. Для анализа было бы удобным, чтобы значение интегрального показателя измерялось в диапазоне [0,1]. Для этого необходимо, чтобы значения каждого показателя нижнего уровня иерархической модели измерялись в таком же диапазоне.

Для показателей первой группы перевод его значений в диапазон [0,1] (процедура шкалирования) осуществляется по формуле: $z_i = \frac{x_i - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}$,

где x_i – измеренное значение показателя, z_i – нормированное значение показателя, $x_{\max}$, $x_{\min}$ – максимальное и минимальное значения показателя.

Для показателей второй группы перевод его значений в диапазон [0,1] осуществляется по формуле:

$$z_i = \begin{cases} \frac{x_i}{x_1}, & \text{если } x_i < x_1 \\ 1, & \text{если } x_1 \leq x_i \leq x_2 \\ \frac{x_{\max} - x_i}{x_{\max} - x_2}, & \text{если } x_i > x_2, \end{cases}$$

где x_1 и x_2 соответственно верхнее и нижнее значения диапазона нормы.

Используя вышеизложенный алгоритм, у группы испытуемых из 326 человек был измерен интегральный показатель саморегуляции. В таблице 1 представлено разбиение значений интегрального показателя саморегуляции на уровни. Так как уровень интегрального показателя саморегуляции учебно-профессиональной деятельности измерялся в диапазоне от 0 до 1, то низкому уровню соответствует диапазон от 0 до 0,3, среднему уровню соответствует диапазон показателя от 0,3 до 0,7 и высокому уровню интегрального показателя саморегуляции учебно-профессиональной деятельности соответствует диапазон от 0,8 до 1,0 (таблица 3).

Таблица 3

Частотный анализ уровней интегрального показателя саморегуляции

Уровень	Интервал разбиения	Число испытуемых	%
Низкий	[0-0,2)	0	0
Ниже среднего	[0,2-0,4)	7	2,2
Средний	[0,4-0,6)	138	42,8
Выше среднего	[0,6-0,8)	174	44
Высокий	[0,8-1]	3	0,6

Таким образом, анализируя полученные результаты, мы можем констатировать, что 42,8 % опрошенных имеют средний показатель сформированности саморегуляции учебно-профессиональной деятельности и 44 % имеют показатель выше среднего, что свидетельствует о преобладающем большинстве студентов с сформированной саморегуляцией собственной активности. Саморегуляция является важнейшим показателем зрелости личности. В условиях обучения в высшем учебном заведении, находясь без опеки родителей и учителей, взяв ответственность за свое профессиональное будущее, студентам приходится адаптироваться, по-новому регулировать свое поведение. Сначала, в начальных классах, у школьников формируется внутренний план действий, затем, в подростковом возрасте, задействована сознательная регуляция поступков средствами эмпатийности и конгруэнтности. В юношеском же возрасте «фундамент уже заложен», физиологически человек зрел, теперь, чтобы вся система стала работать отлаженно, чтобы личностно созреть, на наш взгляд, необходимо сформировать оптимальный уровень саморегуляции.

Развитие способности к саморегуляции учебно-профессиональной деятельности обеспечивает готовность к личностному, профессиональному и социальному самоопределению и становлению в изменяющихся условиях поликультурного взаимодействия. В психологическом плане сформированная система саморегуляции учебно-профессиональной деятельности – это, в первую очередь, развитие способностей к осознанному и ответственному поведению, к осознанному проектированию и построению своей будущей профессиональной деятельности и социальной активности.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Личностные механизмы регуляции деятельности [Текст] /

К. А. Абульханова-Славская // Проблемы психологии личности. – М.: Наука, 1982. – С. 92 – 99.

2. Астафьев, А. К. Философские аспекты синтеза понятий в технике и биологии (на примере теории надежности) [Текст] / А. К. Астафьев – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 103 с.

3. Батаршев, А. В. Учебно-профессиональная мотивация молодежи [Текст] учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. В. Батаршев. – М.: Академия, 2009. – 192 с.

4. Братко, А. А. Моделирование психической деятельности [Текст] / А. А. Братко, П. П. Волков, А. Н. Кочергин, Г. И. Царегородцев. – М.: Мысль, 1969. – 384 с.

5. Гримак, Л. П. Резервы человеческой психики [Текст] / Л. П. Гримак. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.

6. Дикая, Л. Г. Психологическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход) [Текст] / Л. Г. Дикая. – М.: Институт психологии РАН, 2003. – 318 с.

7. Ильин, Е. П. Психология воли [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2000. – 288 с.

8. Конопкин, О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) [Текст] / О. А. Конопкин // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 5 – 12.

9. Морозова, И. С. Личность и саморегуляция деятельности [Текст]: учеб. пособие / И. С. Морозова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 110 с.

10. Прохоров, А. О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности [Текст] / А. О. Прохоров. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 352 с.

11. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1973. – 416 с.

12. Фельдштейн, Д. И. Психология взросления [Текст] / Д. И. Фельдштейн. – М., 1999.

УДК 159.2 + 616.89.

СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ РАБОТНИКАМИ УГЛЕДОБЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

А. В. Полетаева, А. В. Серый, Н. Р. Хакимова

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF EXPERIENCING TRAUMATIC EVENTS OF WORKERS OF THE COAL ENTERPRISES

A. V. Poletaeva, A. V. Seryy, N. R. Khakimova

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-16-42006а/Т.

В статье обсуждается вопрос о переживании травматического события работниками угледобывающего предприятия. Выделены структурные и функциональные характеристики смысловой составляющей переживания. Показана роль актуального смыслового состояния в переживании травматического опыта, описаны психологические механизмы переживания.

The paper discusses the experience of traumatic events employees of the coal-mining enterprise. Allocated structural and functional characteristics of the semantic composition-the crucial aspects of the experience. Shows the role of the contemporary meaning status in the experiencing of the traumatic experience, describes the psychological mechanisms of the experience.

Ключевые слова: травматическое событие, посттравматический стресс, травматический опыт, механизмы переживания, личностный смысл, актуальное смысловое состояние.

Keywords: traumatic event, post-traumatic stress disorder, traumatic experience, mechanisms experiences, personal meaning, actual semantic status.

Актуальность проблемы. Риски производственного травматизма относятся к числу отраслевых рисков угольной индустрии. Включение России в сферу стран с рыночным регулированием экономики привело к значительному изменению условий труда на многих предприятиях угольной промышленности. Ужесточение конкуренции и ориентация на максимальную прибыль повлекли за собой уменьшение затрат на мероприятия по сохранению здоровья и безопасности труда работающих в опасных условиях, что, в свою очередь, зачастую приводит к нарушению техники безопасности и служит причиной несчастных случаев на производстве.

Сегодня, несмотря на усилия изобретателей, ученых, инженеров по созданию более безопасных условий труда на угледобывающих предприятиях, по снижению рисков, способных привести к нежелательным, а порой к трагическим последствиям, человечество постоянно сталкивается с различными катастрофами, авариями, чрезвычайными ситуациями, возникающими по вине человека. Перед специалистами стоит задача разработки программ психологической профилактики несчастных случаев в трудовой деятельности шахтеров и реабилитации работников, пострадавших вследствие аварий на производстве. Для ее решения необходима разработка концепции переживания работниками несчастных случаев в профессиональной деятельности. Имеющийся у нас опыт работы по проблематике совладания с травматическими событиями позволяет нам утверждать, что, хотя интерес к этой проблеме продолжает расти, в психологической науке вопрос о способах переживания шахтерами несчастных случаев на производстве и факторах преодоления негативных психологических последствий аварий и травм относится к числу малоизученных.

Исторический экскурс в проблему переживания травматического события. С начала 80-х гг. XX века в зарубежной психологии сформировалось исследовательское направление, занимающееся изучением проблемы экстремальных перегрузок. В результате сложились такие понятия, как «психическая травма», «травматические перегрузки», «травматическое событие», «травматический стресс». Однако, как справедливо отмечает М. Перре, несмотря на частое употребление этих терминов, их определение до сих пор весьма расплывчато и неоднозначно [6, с. 365]. «Перекопав» в отечественную литературу, не имеющую четко оформленного теоретико-методологического базиса исследований данной проблематики, эти понятия тем более не получили должного прояснения.

В отечественной психологии основные направления исследований функционирования индивида в стрессовых и потенциально травматических условиях определили Ю. А. Александровский, Ф. Б. Березин, Е. С. Калмыкова, Ц. П. Короленко, М. Ш. Магомед-Эминов, Ф. З. Меерсон, В. Я. Семке, Н. В. Тарабрина и др. Большинство исследователей эта

проблема рассматривались в основном в рамках стрессологии и психопатологии (В. А. Бодров, М. Е. Зеленова, Е. О. Лазебная, А. Г. Маклаков, Н. Н. Пуховский, А. Л. Пушкарев, Е. В. Снедков). К настоящему времени наиболее интенсивно исследовалась связь травматических жизненных событий с посттравматическими стрессовыми расстройствами [4; 12; 15; 16]. На наш взгляд, преимущественное рассмотрение круга данных вопросов с методологических позиций клинического подхода не учитывает смысловую проблематику преодоления травматического опыта. Однако существует немало исследований, в которых можно найти прямое или косвенное подтверждение связи способов преодоления травматического опыта с особенностями ценностно-смысловой сферы личности [1; 4; 7; 8; 10; 14]. Еще В. Н. Мясищев высказывал мысль о том, что в психогениях патогенную причинную роль имеют нарушения отношений, понимаемые им как целостная система индивидуальных, избирательных связей личности с различными сторонами объективной действительности [10]. Л. И. Анцыферова отмечает, что проблема «копинга», или преодоления, стала разрабатываться отдельно от нравственных проблем, что является существенным препятствием на пути раскрытия сущности стратегий преодоления, потому как имеются все основания полагать, что эти два направления исследований соединяются тесно и органично [1, с. 15]. Б. В. Зейгарник предполагала, что глубина и устойчивость ценностных установок способны воспрепятствовать разрушительному влиянию многих болезненных состояний, таких, например, как при психической травме [5, с. 8].

Руководствуясь принципом системного детерминизма (С. Л. Рубинштейн, В. Н. Мясищев, Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская) и концепцией смысловой структуры сознания (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев), мы рассматриваем травматическое событие как функцию интегративного фактора внешней и внутренней реальности субъекта. Интенсивность и глубина влияния события на личность определяется не только исходя из внешнего деструктивного воздействия, но также из внутренних, психологических особенностей личности, особое место в системе которых занимает смысловая структура сознания, определяющая индивидуальные различия в силе и направленности разрушающего эффекта.

В контексте современных социальных, культурных, экономических трансформаций перед человеком на разных этапах его жизненного пути возникают различные по содержанию и силе стрессовые ситуации, которые предъявляют совершенно новые требования к его психическим возможностям успешно переживать, разрешать или предотвращать их [2, с. 520]. Травматическое событие предъявляет к человеку требования, зачастую превышающие ресурсы индивида. При столкновении с травматическим событием происходит активизация особой,

специфической системы психологических явлений, предназначенной либо для преодоления трудностей или уменьшения их отрицательных последствий, либо для избежания этих трудностей, либо для развития способности принятия факта их присутствия [9]. Процесс преодоления как сложноорганизованная деятельность субъекта протекает на разных уровнях функционирования психики и определяется особенностями деятельности комплекса психологических механизмов. Теоретический анализ позволяет заключить, что в существующих представлениях о психологических механизмах преодоления травматического опыта нашли отражение два основных направления научных исследований.

Первое направление связано с изучением психологической защиты. От исследований психологических защит берут начало истоки современного изучения способов и форм преодоления, лежащих за пределами сознательного контроля индивида. Первоначально психологическая защита понималась преимущественно как интрапсихический феномен (З. Фрейд, А. Фрейд). Со временем термин «психологическая защита» начинает адресоваться и к межличностным феноменам как к своим аналогам (А. У. Хараш, Б. Ф. Поршнев, Г. Г. Дилигенский). Ряд отечественных исследователей (В. Ф. Бассин, А. А. Деркач, Г. В. Грачев, В. А. Агарков) обратили внимание также и на проблему психологической защиты от воздействия внешней среды.

Второе направление исследований переносит свое внимание на сознательный уровень функционирования психических процессов, связанный с действием такого механизма, как совладание. К настоящему времени в трудах зарубежных психологов сложились три основных подхода к толкованию понятия «coping». В рамках первого, представленного в работах Н. Хаан, он трактуется как один из способов психологической защиты, используемый для ослабления напряжения. Для представителей второго подхода (П. Коста, Р. МакКре, Р. С. Мос) ключевым вопросом является выявление степени эффективности определенных диспозиционных тенденций, обозначаемых как стили совладания – устойчивые индивидуальные различия в преодолении стресса. Согласно третьему подходу, coping определяется как то, что человек думает и делает для преодоления требований травматической ситуации и необязательно относится к личностным чертам или устойчивым диспозициям (Р. Лазарус и С. Фолькман).

В соответствии с основными положениями деятельностного подхода А. Н. Леонтьева, развитыми в работах Ф. Е. Василюка, преодоление травматического события происходит в процессе переживания – особого рода внутренней деятельности по трансформации внутреннего мира, изменению смысловых ориентиров жизнедеятельности личности, восстановлению связей между различными компонентами смысловой сферы личности [3]. По нашему мнению, данное понятие является наиболее комплексным, раскрывающим разные стороны процесса преодоления и отражающим все уровни протекания психических процессов.

Отталкиваясь от понимания В. Н. Мясищевым последовательности изменений психической деятельности как процесса, развивающегося на фоне общего функционального уровня – состояния [10], мы поставили своей задачей описать работу психологических механизмов переживания травматического опыта через обуславливающие их состояния. На предыдущем этапе исследования было установлено, что отличительной особенностью психического состояния индивида, столкнувшегося с травматическими обстоятельствами, является неспособность к установлению временных связей и осмыслению событий разных временных модусов [11]. Поэтому в данном контексте мы будем придерживаться выделенной А. В. Серым классификации типов актуального смыслового состояния (АСС), базирующейся на временных аспектах направленности вектора смысла [13]. Придерживаясь представления о наличии противоречия в смысловой системе личности в кризисной ситуации, автор переносит акценты на функционирование временных локусов смысла, то есть смыслов настоящего в контексте определенного отношения к будущему и прошлому опыту индивида. Необходимым условием эффективного функционирования индивида является синхронизация временных локусов. Процесс синхронизации формирует особое состояние личности, обозначаемое автором как актуальное смысловое состояние (АСС), представляющее собой форму переживания совокупности актуализированных, генерализованных смыслов, размещенных во временной перспективе [там же, с. 107]. Типы АСС отражают различную степень смысловой связанности элементов жизненного опыта, располагающихся в определенной последовательности в пространстве субъективной временной реальности индивида и воспринимаемых им с позиции настоящего.

Методы исследования. При решении поставленных в исследовании задач использовались следующие методики: опросник травматических событий LEQ, разработанный под руководством Н. В. Тарабриной; гражданский вариант Миссисипской шкалы для оценки посттравматических реакций; тест СМОЛ; репертуарный тест личностных конструктов; методика ценностного спектра Д. А. Леонтьева; тест смысловых ориентаций (СЖО).

Выборка. В исследовании приняли участие 75 работников предприятий Кузбасса, ведущих добычу угля подземным способом (горные мастера, горные диспетчеры, начальники участков), имеющие опыт переживания травматического события (аварийная ситуация, участие в ликвидации аварии, производственная травма, несчастный случай на производстве) и повышающие квалификацию по программе, разработанной Кемеровским региональным институтом повышения квалификации работников угольной промышленности.

Результаты исследования и их обсуждение. С целью изучения роли связанности событий различных временных модусов в переживании травматического события работниками угольного предприятия был проведен дисперсионный однофакторный

анализ, где в качестве переменных, обуславливающих результирующий признак, выступали типы АСС. В качестве результирующего признака была выбрана Миссисипская шкала как показатель, отражающий наличие такого негативного психологического последствия травматического события, как посттравматический стресс (ПТС). Поскольку актуальные смысловые состояния, характеризующие условия действия фактора, демонстрируют различную степень осмысленности и целостности восприятия событий прошлого, настоящего и будущего, соответственно, типы АСС представляют степень градации действующего фактора.

В первую группу, выделенную на основании действия данного фактора, вошли работники с низкими показателями осмысленности психологического прошлого, настоящего и будущего, что является показателем дискретности восприятия жизненного пути, утраты связей между жизненными событиями. Вторую группу составили испытуемые с жесткой фиксацией на определенном временном периоде, на что указывают низкие показатели осмысленности одного или нескольких модусов. Соответственно, третья группа включила исследуемых, которым свойственно целостное, осмысленное восприятие как происходящего в настоящий момент времени, так и случившегося в ближайшем и отдаленном прошлом, а также предполагаемого будущего. Количество испытуемых, составивших каждую группу, составило 13, 25 и 37 человек для каждой выделенной группы соответственно.

В результате проведенного дисперсионного анализа было выявлено, что различия в степени выраженности признаков ПТС между группами являются более значимыми, чем случайные различия внутри каждой группы, что показывает изменение результирующего признака (ПТС) в зависимости от градации фактора (критерий $F = 9,621$ при $p = 0,0002$). Это указывает на обнаружение статистически достоверного влияния осмысленности переживаемого опыта и взаимосвязи между событиями разных временных этапов жизни на переживание травматического события, причем количественный показатель выраженности посттравматического стресса монотонно меняется в зависимости от степени продуктивности смыслового состояния.

Следующим этапом исследования было определение элементов, входящих в смысловую структуру, и принципов связей между ними. С этой целью была использована методика Ценностного спектра (ЦС), где в качестве оцениваемых объектов выступили несколько категорий, выделенных нами по принципу их отнесения к наиболее общим смысловым образованиям, в большей степени подверженным влиянию травматических событий. К числу таких смысловых образований были отнесены представления: 1) об окружающем мире, закономерностях его устройства, функционирования и о своем месте в нем; 2) об окружающих людях; 3) о самом себе.

В качестве оцениваемых объектов (понятий), отражающих различные аспекты данных смысловых образований, выступали: «Окружающий мир», «Че-

ловек», «Я», «Дружба», «Любовь», «Семья», «Прошлое», «Настоящее», «Будущее». На наш взгляд, выделенные объекты могут быть условно взяты с целью построения модели функционирования системы смыслов и связей между ведущими и периферическими смысловыми образованиями.

Для изучения структуры смысловых состояний работников угольного предприятия, переживающих травматическое событие, определения количественных и качественных характеристик связи между элементами системы использовался корреляционный анализ. Для более полной структурной характеристики моделей переживания данные, полученные при проведении корреляционного анализа, были дополнены кластерным анализом. Использовался метод одиночной связи. В качестве объектов для кластеризации были приняты признаки, которыми выступили ценностные спектры категорий, отражающих ряд находящихся под влиянием травматического события смысловых образований.

Рассмотрение корреляционных связей между объектами в группах дало основание для выделения трех основных механизмов переживания травматического события.

В первой группе переживание травматического опыта опосредуется через механизм, получивший условное название «Разрыв смысловых связей». Испытуемых, демонстрирующих действие данного механизма переживания, отличает самое малое количество корреляционных связей между объектами. Всего было обнаружено 8 значимых связей.

Наибольшее количество значимых связей в этой группе было получено с категорией «Будущее». Такие категории, как «Любовь» и «Прошлое», при действии данного механизма не обнаружили ни одной значимой связи с другими объектами. «Выпадение» категорий «Дружба» и «Любовь» позволяет рассматривать данный феномен как своего рода блокировку ценностей метауровня. Данные смысловые образования у обследуемой группы носят статус автономных, обособленно функционирующих, не включенных в целостную систему. Особенностью функционирования механизма является нарушение связей между элементами смысловой сферы, разрушение ведущих смысловых образований, сегментарная организация системы личностных смыслов.

Кластерный анализ показал, что смысловые образования, отражающие некоторые актуальные для человека жизненные сферы, значительно удалены друг от друга. Так, наиболее близкие пары элементов – «Человек» – «Я», «Семья» – «Настоящее» – объединены на достаточно большом расстоянии (65 и 71 единица соответственно). Объединение всех смысловых образований в один общий кластер происходит на расстоянии 125 единиц. Неэффективное функционирование механизма преодоления травматического события обуславливается таким расположением смысловых образований, при котором их элементы воспринимаются как имеющие мало общего, не схожие в субъективном восприятии индивида друг с другом и потому обнаруживающие затруднения в реальном жизненном воплощении.

Относительно эффективный механизм переживания, обнаруженный у испытуемых второй группы, получил название «*Фиксация смысла*». Данный механизм отличается большим, чем при действии первого механизма, количеством связей между элементами смысловой системы. Всего в обследуемой группе было выявлено 15 значимых корреляций.

Для структуры смысловых связей между категориями характерны разветвленность, более сложная опосредованность и устойчивость. Достаточно четко выделяется центр корреляционной плеяды («*Будущее*»), обнаруживающий максимальное число связей с остальными объектами, что свидетельствует о жесткой фиксации системы личностных смыслов на одном ведущем смысловом образовании.

Кластерный анализ показал уменьшение расстояния между смысловыми категориями при выборе более оптимальных средств совладания. Как и в предыдущем случае, наиболее близкой парой элементов является «*Человек*» – «*Я*», однако расстояние между составляющими этой подгруппы уже значительно меньше (35 единиц). При данном варианте переживания объекты, объединенные в кластеры, демонстрируют наибольшую склонность к выраженной интеграции и тенденцию проявляться совместно. В один большой кластер они объединяются на расстоянии 82 единиц. Для данного механизма свойственна монолитность системы личностных смыслов, низкая автономность, слитность и тесная сцепленность между собой отдельных смысловых образований. Человеку становится сложнее разграничить понятия, отражающие различные смысловые сферы, из-за высокой степени их подобия и подчинения ведущему смыслу. Хотя данный механизм переживания более эффективен с точки зрения преодоления дистресса, такую структуру нельзя считать достаточно устойчивой. Фиксированный, негибкий характер связей между элементами представляет угрозу для всей системы в случае «повреждения» центрального звена. В таком случае разрушается большое количество связей, приводя к автономизации целого ряда элементов.

В третьей группе действует наиболее оптимальный механизм переживания, который был идентифицирован как «*Переструктурирование и образование новых ведущих смысловых образований*». Наибольшее количество высоко значимых связей выявлено с категориями «*Будущее*», «*Любовь*» и «*Семья*», что и позволяет определить их как ведущие при данном механизме переживания. Связи между образованиями характеризуются гибкой опосредованностью и в то же время относительной устойчивостью, о чем свидетельствует наибольшее среди рассматриваемых структур смысловых состояний число значимых связей.

Функционирование данного механизма определяется наиболее сложным, неоднозначным характером расположения элементов, кардинально отличным от рассмотренных ранее структур. Как и в двух предыдущих случаях, наиболее близкими в смысловом пространстве элементами, составляющими один кластер, являются «*Человек*» – «*Я*». Расстояние ме-

жду этими элементами составляет 33 единицы, что говорит о высшей степени их подобия в сравнении с расстояниями, зафиксированными в двух других группах.

Эта парная подгруппа представляет относительно автономную группировку и объединяется с другим кластером на достаточно большом расстоянии – 82 единицы. Расположение элементов целостной системы смыслов демонстрирует относительно малую разницу межкластерных расстояний в одной группе объектов («*Окружающий мир*» – «*Семья*» – «*Будущее*» – «*Любовь*» – «*Настоящее*») и достаточно большую при соединении этой группы с другими. Ведущие смысловые образования «*Будущее*», «*Семья*» и «*Любовь*» объединяются в один общий кластер на самом близком по сравнению со структурой смыслов других механизмов, расстоянии (62 единицы). Ведущие смысловые образования обнаруживают относительно высокую степень подобия и объединены в единый смысловой комплекс, но в то же время не сливаются в слабодифференцируемое единство, а среднеудалены в общем смысловом пространстве.

Для получения более полной информации о возможном характере различных способов переживания травматического события все возможные психологические феномены должны рассматриваться комплексно. Для содержательной психологической характеристики механизмов переживания травматического события нами также использовались показатели тестов СМОЛ, РТЛК. Эти данные были подвергнуты стандартному методу сравнения средних величин по *t*-критерию Стьюдента.

Оценка актуального психического состояния показала наличие наиболее дисгармоничного профиля у испытуемых первой группы, отчасти напоминающего невротический. Испытуемые демонстрируют пикообразный профиль с повышением по 2-й, 6-й, 3-й шкалам и умеренным повышением по 9-й.

Пик на 2-й шкале с одновременным повышением уровня профиля по 9-й отражает наличие общего депрессивного фона со склонностью к перепадам настроения, а также попытку избавления от дискомфортных переживаний за счет отрицания наличия психологических проблем, связанных с травматическим опытом. Заметим, что наличие депрессивных черт свидетельствует о тенденции обесценивать исходные потребности, что, возможно, и сказывается на выключении ведущих, смыслообразующих ценностей из целостной структуры смыслов. Все это указывает на неадекватность восприятия собственного состояния, отсутствие понимания сущности психотравмирующего опыта и его последствий.

Сочетание с пиками по 6-й и 3-й шкалам говорит о стремлении к вытеснению факторов, вызывающих тревогу, и тенденции к аффективной ригидности, неспособности гибко переключаться в изменяющейся ситуации. Недостаточная гибкость переключения при действии механизма разрыва смысловых связей, на наш взгляд, обусловливается недостаточной развитостью и опосредованностью

связей между смысловыми образованиями, а также разрушением ведущих смысловых образований вследствие отсутствия адекватной переработки травматического опыта. Качественно иное психологическое состояние диагностируется при действии механизма «Фиксация смысла». В этой группе испытуемых при анализе результатов СМОЛ также можно заметить наличие широко разбросанного пикообразного профиля, но уже двухфазного, с 9-й и 6-й ведущими шкалами. Повышенная 9-я шкала может выявлять завышенную самооценку, легкость в принятии решений, высокую активность, способность испытывать удовольствие от жизни. Учитывая снижение показателей по этой шкале от первой к третьей группе, вероятнее всего заключить, что данный феномен отражает постепенное ослабление механизма отрицания проблем. Следовательно, во второй группе начинают активизироваться процесс осознания испытуемыми способов влияния травматического события на жизнедеятельность в настоящем, принятие самого факта наличия психологических проблем и понимания их истоков.

Отмеченный профиль по 6-й шкале, выявляющий устойчивость интересов, сложность переключения, опосредуется фиксацией на одной или нескольких значимых для человека сферах, наиболее характерных именно для данного механизма переживания травматического события. Также отметим незначительное повышение показателей по сравнению с остальными группами по 1-й шкале, диагностирующей соматизацию тревоги. Обнаружение у себя симптомов различных заболеваний, некоторое ухудшение состояния здоровья и сосредоточение внимания на нем может объясняться неосознанной тенденцией перевода психологических проблем в разряд соматических.

В третьей группе, выявленной нами на основании действия механизма «Переструктурирование и образование новых ведущих смысловых образований» отмечается наиболее сглаженный гармоничный профиль с ведущей 9-й шкалой, что указывает на активность жизненной позиции испытуемых, высокий уровень жизнелюбия, уверенность в себе, высокую мотивацию достижений. Такие характеристики данного типа, как умеренное стремление к смене деятельности, впечатлений, отсутствие фиксации на проблеме определяются свойственными данному механизму возможностью гибкого переключения с одной значимой сферы на другую, в основе которой лежит сложно опосредованная, разветвленная система связей между различными ведущими смысловыми образованиями.

Для реконструкции индивидуальной системы смысловых противопоставлений и обобщений, лежащей в основе субъективного отношения к жизненному событию и к самому себе в континууме прошлое-настоящее-будущее, использовался Репертуарный тест личностных конструктов (РТЛК). В качестве элементов предлагаемого ролевого списка для заполнения репертуарной решетки выступали образы «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем». Испытуемым предлагалось сравнить эле-

менты в ситуации триадического выбора, т. е. выбрать, в чем два элемента из трех предложенных сходны между собой и отличны от третьего. Далее испытуемым предлагалось отметить все элементы, для характеристики которых также применим выявленный полюс каждого конструкта. Затем испытуемые ранжировали элементы по выявленному полюсу каждого конструкта, в результате чего определялась близость элементов, которая интерпретировалась как направленность процесса идентификации «Я-образа» испытуемых к другим элементам ранговой решетки. Также с целью выявления смысловых образований, обуславливающих переживание травматического опыта, проводился анализ семантического поля испытуемых по выявленным конструктам.

Сравнение коэффициентов близости элементов «Я в настоящем» и «Я в прошлом» показало, что наибольшую тенденцию направленности идентификации проявляют испытуемые, прибегающие к неэффективным попыткам переживания травматического опыта. Это лишний раз подтверждает то, что прошлое, содержащее в себе травматический опыт, по-прежнему актуально при действии данного механизма преодоления в силу своей «незавершенности». Учитывая, что испытуемые в рассматриваемой группе обнаруживают наиболее слабую направленность идентификации себя в настоящем с образом «Я в будущем», отметим, что неспособность видеть себя в перспективе указывает на затруднения в долгосрочном планировании, целеполагании.

При переходе к выбору более эффективного варианта совладания расхождения между «Я-образами» прошлого и настоящего увеличиваются, достигая максимальной величины при функционировании оптимального механизма переживания травматического события. Одновременно с этим происходит сближение образа себя в настоящем с «Я в будущем».

Анализ конструктов, используемых испытуемым для характеристики себя и других людей, позволил выявить сферы расположения смысловых образований, участвующих в формировании представлений и отношения к определенным элементам полученного травматического опыта. В соответствии со спецификой исследования в ходе семантического анализа было выделено несколько категорий конструктов:

1) отношение к другим – описывающие позицию человека по отношению к другим людям, а также личностные характеристики, проявляющиеся в межличностном общении («жестокость – доброта», «замкнутость – открытость», «общительность – нежелание говорить», «любящие людей – недоверчивые» и т. д.);

2) отношение к себе – конструкты, отражающие принятие или непринятие себя, уверенность или неуверенность в себе и своих способностях, эгоистичность, эгоцентричность и проч. (например, «высокая самооценка – низкая самооценка», «стремление к саморазвитию – пассивность», «самостоятельность –

несамостоятельность», «неуверенность в себе – уверенность в себе» и т. д.);

3) экзистенциальные конструкты – позиционирующие общий настрой человека, его жизненное кредо и точку зрения на окружающий мир и свое место в нем («оптимист – пессимист», «реалистические взгляды на происходящее – летает в облаках», «положительное отношение к миру – негативизм», «смотрит в будущее – заиклился на ситуации потери, утраты» и др.);

4) травматическое событие и способы совладания с ним – описывают различные типы тяжелых жизненных ситуаций, внешние и внутренние формы активности, связанные с попытками преодоления, а также последствия этих событий («выход из травматической ситуации – неспособность выхода», «боль потери – адаптированность к создавшимся условиям», «расставание с любимым – хорошая полноценная семья», «связывают глубокие переживания, стрессы – далекий от трагедий и опасностей» и т. д.).

При семантическом анализе выявленных конструктов были обнаружены две категории, демонстрирующие значимые различия между группами – отношение к другим и травматическое событие. Испытуемые, переживающие травматическое событие посредством механизма «Разрыв смысловых связей», для характеристики «Я-образов» и образов знакомых, также столкнувшихся с травматическим опытом, значительно чаще, чем представители других групп, употребляют конструкты, характеризующие межличностные отношения. Возможно, это обусловлено высокой потребностью в поддержке и понимании со стороны значимых лиц при данном механизме переживания.

Такие категории конструктов, как «Отношение к себе» и «Экзистенциальные конструкты», не обнаруживают значимых различий в количественном признаке между группами, однако наблюдается незначительно выраженная тенденция увеличения числа их встречаемости от первой к третьей группе.

С увеличением степени эффективности механизмов переживания связано также увеличение численности конструктов, описывающих травматическое событие, его последствия и способы совладания с ним. Несмотря на то, что по соотношению со всеми остальными категориями конструкт «Травматическое событие» находится на последнем месте в третьей группе, его характеристики все же встречаются чаще, чем во второй группе, и значительно чаще, чем в первой. Следовательно, в данном случае мы должны учитывать и возможную ценность этой категории, а следовательно, и самого опыта переживания для человека. Для эффективного переживания события человеку необходимо принятие самого факта случившегося, включение его в целостную картину мира, обнаружение смысла в произошедшем.

Выводы. Проведенное исследование позволяет заключить, что переживание травматического события работниками угольного предприятия обуславливается процессом трансформации связей между различными компонентами смысловой сферы личности и изменением смысловых ориентиров жизне-

деятельности. Можно сделать вывод, что эффективность функционирования механизмов переживания несчастного случая на производстве определяется: 1) образованием новых ведущих смысловых образований, составляющих единый смысловой комплекс; 2) переструктурированием и формированием гибкой, опосредованной сети связей в системе смыслов; 3) осмысленностью событий всех временных модулей с интеграцией травматического события в целостный временной контекст.

Переживание психологических последствий травматического опыта, полученного вследствие аварии на угледобывающем предприятии, опосредуется такими механизмами, как:

– механизм разрыва смысловых связей, специфика которого заключается в нарушении связей между элементами смысловой сферы, «распаде» ведущих смысловых образований, сегментарной организации системы личностных смыслов;

– механизм фиксации смысла, которому свойственны увеличение числа связей между элементами смысловой системы, фиксация на одной наиболее значимой сфере, низкая автономность, слитность и тесная сцепленность между собой отдельных смысловых образований;

– механизм переструктурирования и образования новых ведущих смысловых образований, реализуемый посредством роста силы и численности гибко опосредованных связей между смысловыми образованиями, формированием новых ведущих смыслов.

Функциональными характеристиками, определяющими рост эффективности механизмов переживания травматического события работниками угольного предприятия, являются: степень активности жизненной позиции, уровень жизнелюбия, самооценка, способность гибкого переключения при внезапно меняющейся ситуации, стремление к постановке целей и формированию жизненных перспектив, сила направленности идентификации на образ «Я» в будущем, стремление к рефлексии травматического опыта.

Литература

1. Анцыферова, Л. И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1993. – № 2. – С. 3 – 16.
2. Бохан, Т. Г. Культурно-исторический подход к проблеме стрессоустойчивости и ее формированию в онтогенезе / Т. Г. Бохан // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность: материалы Сибирского психологического форума. – Томск, 2004. – С. 519 – 526.
3. Васильюк, Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Васильюк. – М.: МГУ, 1984. – 200 с.
4. Грининг, Т. Посттравматический стресс с позиций экзистенциально-гуманистической психологии / Т. Грининг // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 92 – 96.

5. Зейгарник, Б. В. Очерки по психологии аномального развития личности / Б. В. Зейгарник, Б. С. Братусь; МГУ. – М.: МГУ, 1980. – 69 с.
6. Клиническая психология / под. ред. М. Перре, У. Бауманна. – СПб.: Питер, 2002. – 1312 с.
7. Магомед-Эминов, М. Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация / М. Ш. Магомед-Эминов // Вестник МГУ, сер. 14 «Психология». – 1996. – № 4. – С. 26 – 35.
8. Мазур, Е. С. Смысловая регуляция негативных переживаний у пострадавших при землетрясении в Армении / Е. С. Мазур, В. Б. Гельфанд, П. В. Качалов // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 2. – С. 71 – 86.
9. Муздыбаев, К. Стратегия совладания с жизненными трудностями: теоретический анализ / К. Муздыбаев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 100 – 111.
10. Мясичев, В. Н. Психологическая наука в СССР. / В.Н. Мясичев. – Т. 2. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 372 с.
11. Полетаева, А. В. Особенности смысло-жизненных ориентаций лиц с признаками посттравматического стрессового расстройства / А. В. Полетаева // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность: материалы Сибирского психологического форума. – Томск, 2004. – С. 430 – 437.
12. Семке, В. Я. Типология и клиническая динамика посттравматических стрессовых расстройств у комбатантов / В. Я. Семке, Е. М. Епанчинцева // Российский психиатрический журнал. – 2001. – № 5. – С. 19 – 23.
13. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый; КемГУ. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
14. Торчинская, Е. Е. Роль ценностно-смысловых образований личности в адаптации к хроническому стрессу (на примере спинальных больных) / Е. Е. Торчинская // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 2. – С. 27 – 35.
15. Brewin, C. R. A Dual Theory of Posttraumatic Stress Disorder / C. R. Brewin, T. Dalgleish, S. Joseph // Psychological Review. – 1996. – Vol. 103. – №. 4. – P. 670 – 686.
16. Horowitz, M. J. Stress response syndromes / M. J. Horowitz. – New York: Aronson, 1976. – P. 311.
17. Sery, A. Modification of Purpose-in-Life Test / A. Sery, A. Yupitov // 28 Congreso Interamericano de Psicologia. – Santiago, Chili, 2001. – P. 127.

ФИЗИКА

УДК 53:004.925.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СВОБОДНО РАСПРОСТРАНЯЕМОГО ГРАФИЧЕСКОГО РЕДАКТОРА SYNFIGSTUDIO ДЛЯ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Л. В. Журавлева

USE OF FREELY EXTENDED GRAPHIC EDITOR SYNFIGSTUDIO FOR VISUALISATION OF THE PHYSICAL PHENOMENA

L. V. Zhuravleva

В статье рассматриваются возможности свободно распространяемого графического редактора SynfigStudio для визуализации физических явлений. Внимание уделяется как методике использования инструментария программы SynfigStudio, так и методическим аспектам решения задачи по нахождению траектории, описываемой мгновенной осью вращения в условиях конкретных задач. Особое внимание уделяется заданию взаимосвязанных параметров и визуализации их зависимостей от времени.

In article it is considered possibilities of freely extended graphic editor SynfigStudio for visualization of the physical phenomena. The attention is given as a technique of use of toolkit of program SynfigStudio, and methodical aspects of the decision of a problem on a finding of the trajectory described by an instant axis rotation in the conditions of specific targets. The special attention is given to the task of the interconnected parameters and visualization of their dependences on time.

Ключевые слова: визуализация физических явлений, мгновенная ось вращения.

Keywords: visualization of the physical phenomena, an instant axis of rotation.

Физика – одна из дисциплин, которая максимально требует как тщательной прорисовки физических процессов и явлений, так и представления их в динамике. Именно поэтому в среде преподавателей-физиков наиболее популярны различные графические редакторы.

Для создания динамических физических моделей самым популярным является Adobe Flash. Этот

графический редактор имеет достаточно простой интерфейс и встроенный, хорошо известный язык программирования ActionScript. Но программа дорогая и далеко не все образовательные учреждения могут себе позволить ее приобрести.

Как альтернативу многие школы уже включили в образовательный пакет свободно распространяемый графический редактор SynfigStudio. В качестве

недостатка этого редактора следует отметить отсутствие возможности создавать интерактивные материалы, специфический для новичков интерфейс и недостаточное описание возможностей программы на русском языке [1]. Тем не менее этот редактор имеет ряд своих преимуществ, поэтому его использование в преподавании физики представляется перспективным.

Пример простой анимации, выполненной в SynfigStudio, по теме «Поляризация света» представлен ниже (рис. 1).

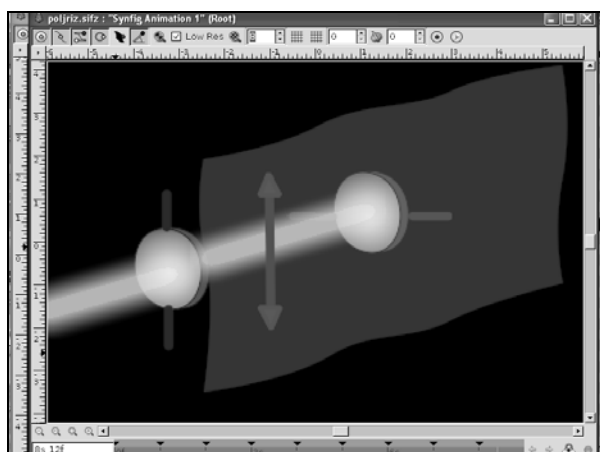

Рис. 1. Простая анимация в SynfigStudio

Не менее интересен графический редактор Synfig для визуализации сложных физических задач. В данном редакторе, так же, как и в AdobeFlash, есть возможность программирования, т. е. можно задавать изменение различных параметров согласно имеющимся закономерностям. И что наиболее интересно – есть возможность в рабочем режиме одно-временного просмотра графиков зависимости программируемых величин и окончательного варианта движения [1].

Пример: вращающийся диск движется в положительном направлении оси x . Найти уравнение $u(x)$, характеризующее положение мгновенной оси вращения, если в начальный момент времени ось S диска находилась в точке O и в дальнейшем движется:

- с постоянным ускорением a (без начальной скорости), а диск вращается с постоянной угловой скоростью ω ;
- с постоянной скоростью v , а диск раскручивается без начальной угловой скорости с постоянным угловым ускорением β .

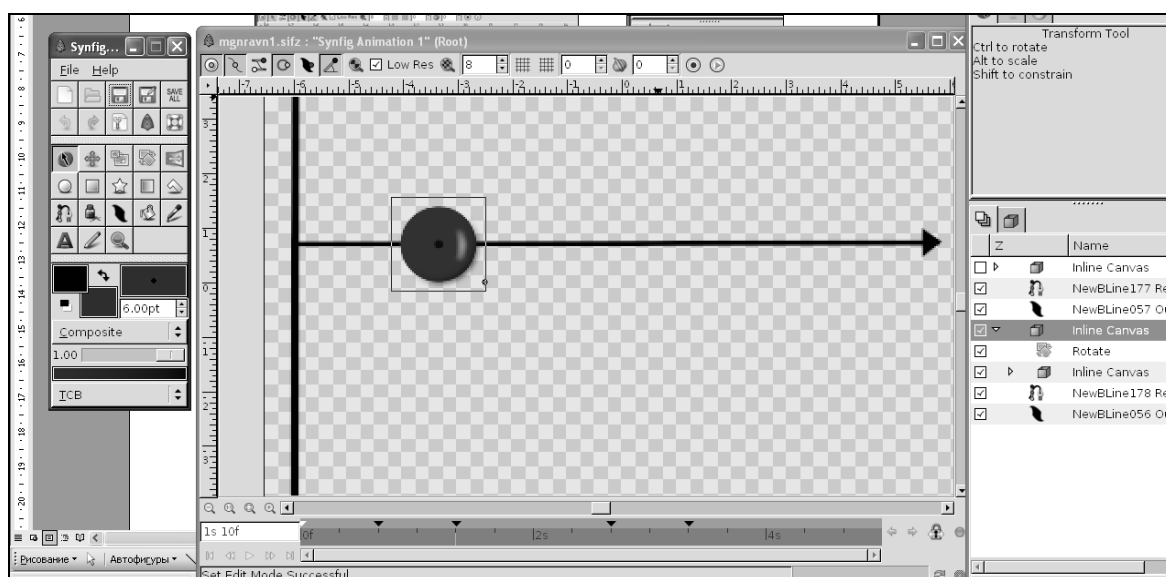

Рис. 2. Средства рисования в SynfigStudio

Средствами инструментов рисования (рис. 2) создается диск, который должен двигаться согласно законам, указанным в п. а) и б). Для моделирования раскручивания диска с постоянной угловой скоростью и движения оси диска с постоянным ускорением вдоль оси x вводятся дополнительные взаимосвязанные параметры, определяющие угол вращения и значение координаты x для точки, являющейся центром масс диска (рис. 3, 4).

Для проверки правильности заданного закона движения раскручивающегося диска необходимо на панели Curves просмотреть графики зависимости изменяющихся величин от времени. Для координаты x , согласно условию задачи, графиком зависимости от времени является парабола, так как движение равноускоренное, а для угла поворота диска графиком зависимости от времени является прямая, так как угол поворота меняется равномерно (рис. 5).

ID	Type	ValueBase
Canvases		
ValueBase Nodes		
3.3415 0.4015 t	Linear	2.666667
3.3415 0.4015 a	real	0.500000
3.3415 0.4015 x0	real	-5.000000
3.3415 0.4015 x00	Animated	-5.000000

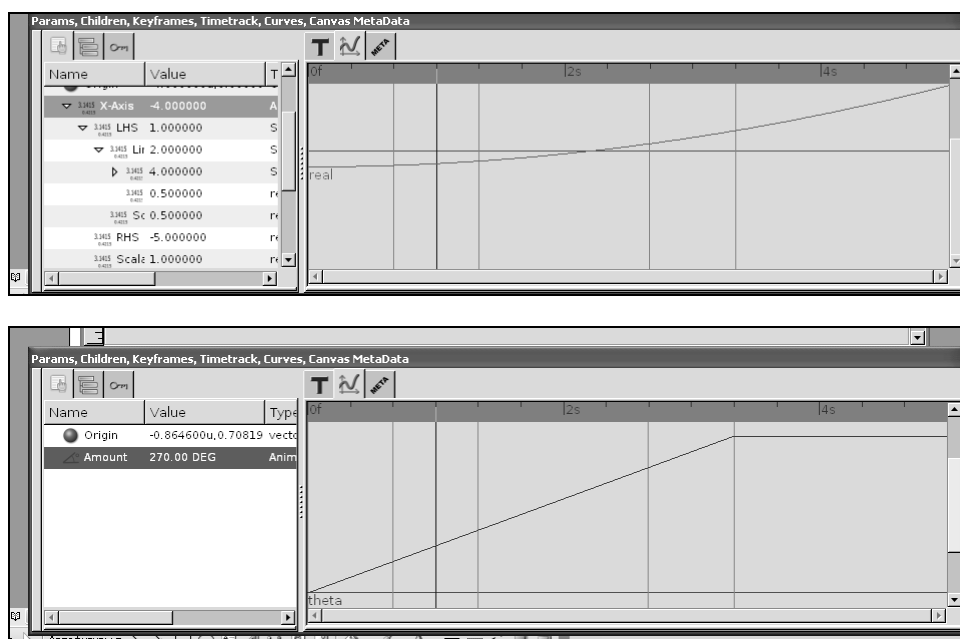
Name	Value	Type
Origin	-0.864600u, 0.708190u	vector
Amount	360.00 DEG	Animated

Рис. 3. Взаимосвязанные параметры

Name	Value	Type
Origin	-3.222222u, 0.000000u	Composite
X-Axis	-3.222222	Add
LHS	1.777778	Scale
Link	3.555556	Scale
Link	7.111111	Scale
Link (t)	2.666667	Linear
Rate	2.000000	real
Offset	0.000000	real
Scalar (t)	2.666667	Linear
Rate	2.000000	real
Offset	0.000000	real
Scalar (a)	0.500000	real
Scalar	0.500000	real
RHS (x0)	-5.000000	real

Z	Name
☐	Circle177
☐	Circle179
☐	Circle178
☒	NewBLine177 Regi
☒	NewBLine057 Outlir
☒	Inline Canvas
☒	Rotate
☒	Inline Canvas
☒	NewBLine175 Outlir
☒	Circle176
☒	Inline Canvas
☒	Bevel
☒	Circle150
☒	NewBLine178 Regi

Рис. 4. Программирование в SynfigStudio

Рис. 5. Кривые зависимости координаты x центра масс диска и угла поворота от времени

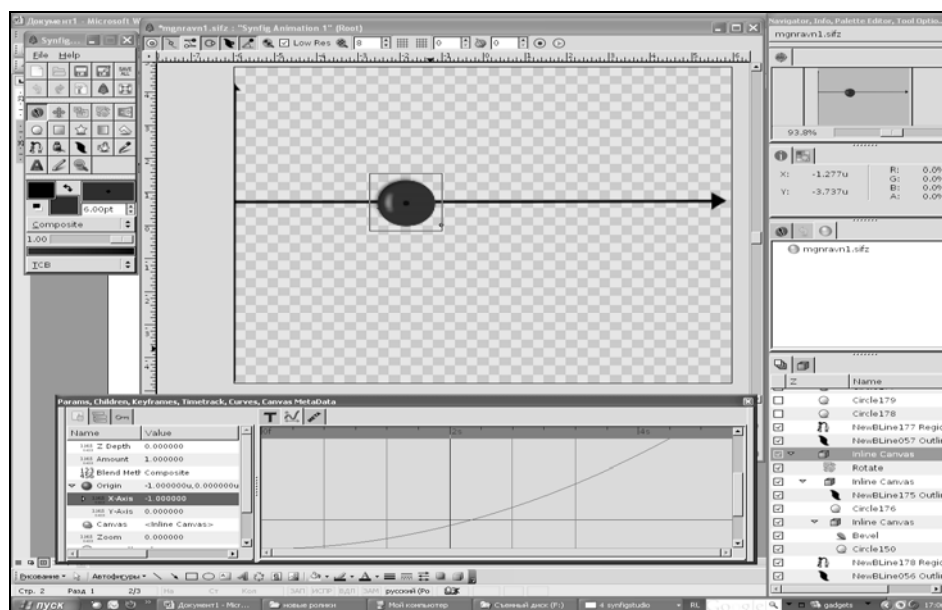

Рис. 6. Рабочий режим просмотра кривых и окончательного варианта движения

Как говорилось выше, программа Synfig, в отличие от других графических редакторов, позволяет визуально отслеживать запрограммированные законы изменения различных физических величин и одновременно с этим наблюдать окончательный вид движения. Для решения подобных физических задач это является большим преимуществом (рис. 6).

После моделирования движения раскручивающегося диска необходимо определить и визуализировать положение мгновенной оси вращения. Сделать это позволяют простые математические расчеты, согласно физическому определению мгновенной оси вращения [2, 3]:

$$0 = \vec{V}_0 + [\vec{\omega} \vec{r}'] \quad (1)$$

Согласно формуле (1), мгновенная ось вращения в каждый момент времени будет проходить через точку, для которой выполняется условие:

$$\vec{V}_0 = -[\vec{\omega} \vec{r}'] \quad (2)$$

Левая часть, по условию задачи, изменяется по закону равноускоренного движения. Следовательно, и правая часть должна по модулю изменяться по такому же закону. Но угловая скорость по модулю постоянна, следовательно, должен изменяться модуль радиуса-ветра по такому же закону, что и модуль вектора линейной скорости. Радиус-вектор – это и есть та величина, которая определяет положение мгновенной оси вращения относительно вращающегося диска и соответственно относительно выбранной неподвижной системы отсчета. Расчеты, произведенные либо вручную, либо с использованием любого математического процессора, позволяют определить модуль радиуса-вектора в выбранные моменты времени и изобразить соответствующие точки на рисунке (рис. 7).

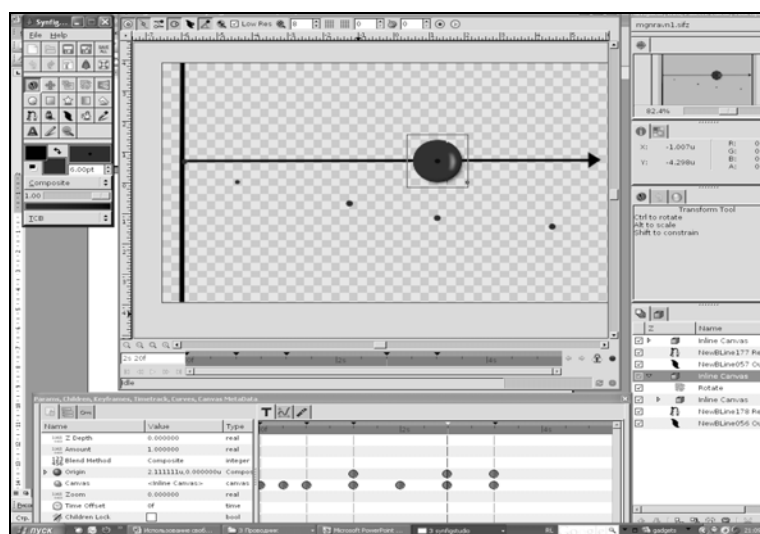

Рис. 7. Визуализация положения точек, через которые проходит мгновенная ось вращения

Из рисунка видно, что относительно неподвижной системы отсчета точки, которые соответствуют положению мгновенной оси, образуют параболу. Это значит, что мгновенная ось вращения в условиях данной задачи в пространстве будет описывать параболу. Этот результат полностью согласуется с аналитическим способом решения задачи.

Для пункта *b* характер движения диска меняется – скорость движения центра масс постоянная, а раскручивается диск с постоянным угловым ускорением.

Для моделирования раскручивания диска с постоянным угловым ускорением и движения оси диска с постоянной скоростью вдоль оси *x* также вводятся дополнительные взаимосвязанные параметры,

определяющие угол вращения и значение координаты *x* для точки, являющейся центром масс диска (рис. 8, 9).

Так же, как и первом случае, для проверки правильности заданного закона движения раскручивающегося диска необходимо на панели Curves просмотреть графики зависимости изменяющихся величин от времени. Для координаты *x*, согласно условию задачи, графиком зависимости от времени является прямая, так как движение равномерное, а для угла поворота диска графиком зависимости от времени является парабола, так как угол поворота меняется равноускоренно (рис. 10).

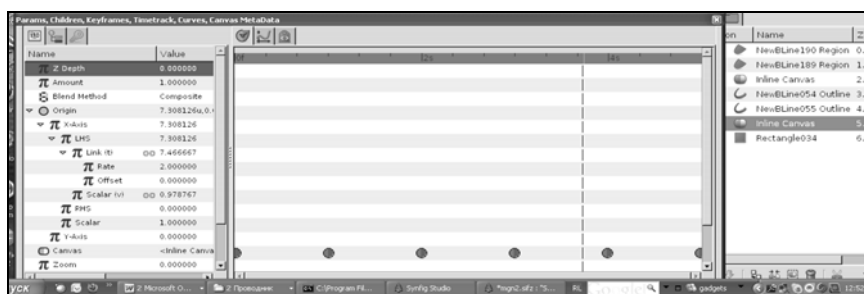

Рис. 8. Программирование в SynfigStudio

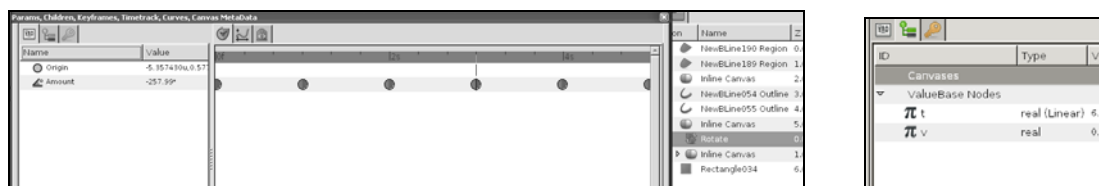

Рис. 9. Взаимосвязанные параметры

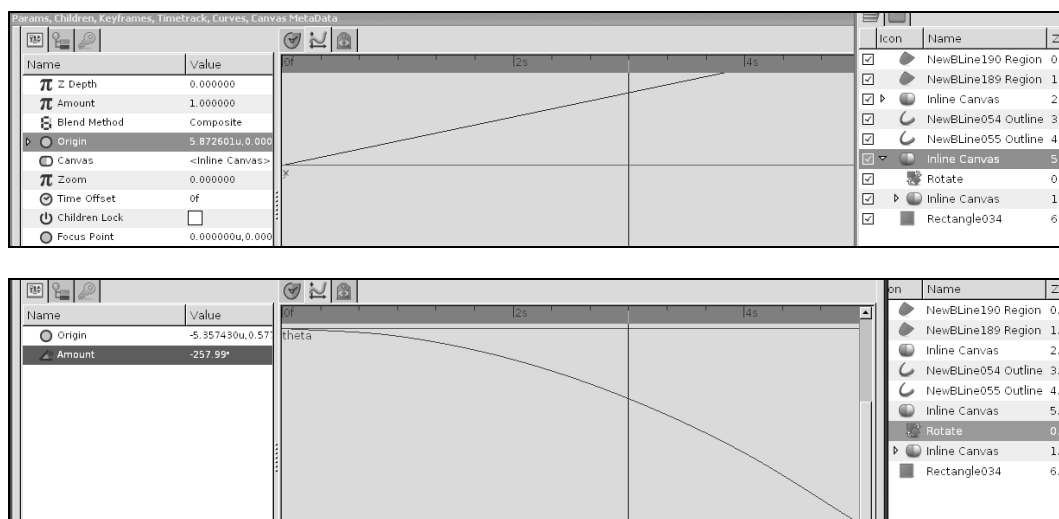

Рис. 10. Кривые зависимости координаты *x* центра масс диска и угла поворота от времени

После проведения расчетов для определения положения мгновенной оси вращения по описанной выше методике получим траекторию, которую будет описывать мгновенная ось вращения в условиях

данной задачи. В данном случае это будет гипербола, что также полностью согласуется с аналитическим методом решения задачи (рис. 11).

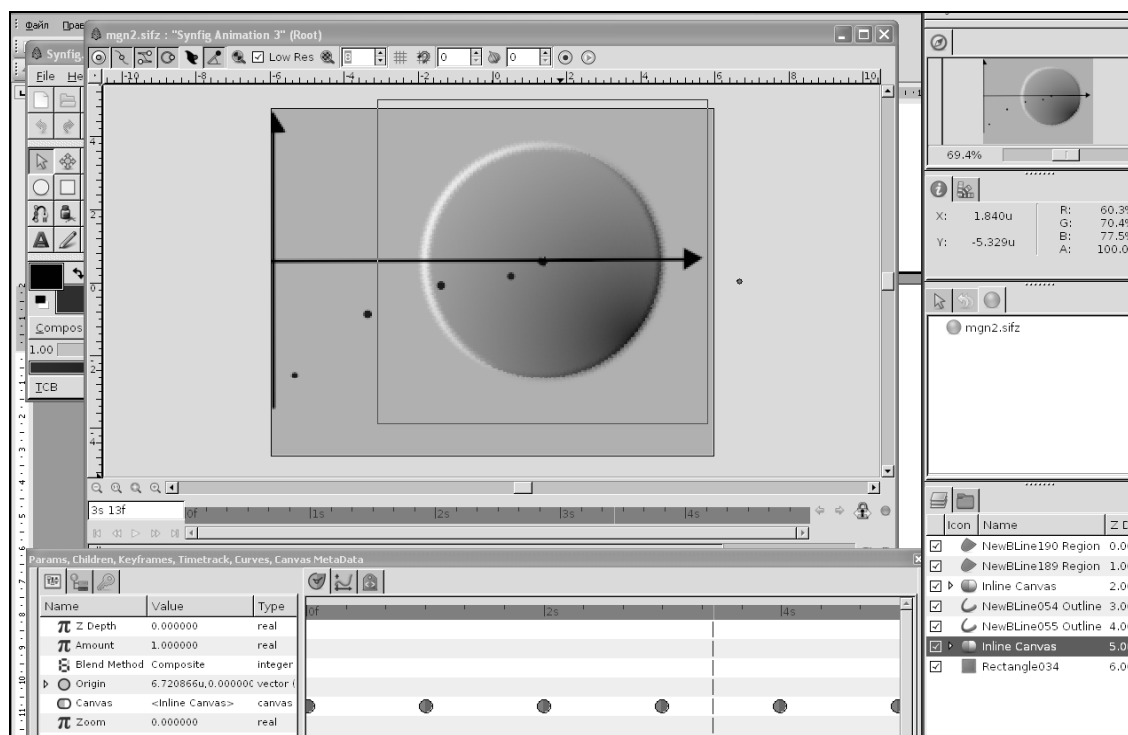

Рис. 11. Траектория, описываемая мгновенной осью вращения при равномерном движении оси вращения и раскручивании с постоянным ускорением

К сказанному выше надо добавить, что подобный материал необходимо использовать на аудиторных занятиях при наличии интерактивной доски, либо обычного проектора как дополнение к меловой доске, на которой ведется аналитическое решение задачи. При таком подходе студенты начинают видеть и понимать суть физических явлений на качественно более высоком уровне.

Литература

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://synfig.org/>.
2. Матвеев, А. Н. Механика и теория относительности: учебное пособие для вузов / А. Матвеев. – М.: ОНИКС XXI век: Мир и Образование, 2003. – 432 с.
3. Иродов, И. Е. Основные законы механики: учебное пособие для вузов / И. Е. Иродов. – М.: Высшая школа, 1985. – 248 с.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК: 81'373.612

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ ДЕРИВАЦИОННЫХ ЕДИНИЦ

И. В. Евсеева

CONCEPTUALIZING OF HUMAN'S EXPERIENCE THROUGH DERIVATIONAL UNITS

I. V. Evseeva

В статье раскрывается сущность единиц деривации, участвующих в процессе концептуализации знания и заключающих в себе опыт человека. Современная теория языковой концептуализации в рамках когнитивного направления дала толчок к рассмотрению деривационных единиц как концептуальных структур фреймового типа. Деривационные единицы, с одной стороны, предстают как категории, ориентированные на порождение знания по определенному образцу – производные слова, словообразовательные типы, с другой стороны, являются категориями, в которых хранится уже созданное знание – лексико-словообразовательные гнезда.

In this paper the essence of derivation units, involved in process of knowledge conceptualization and embodying human experience in itself, is revealed. The modern theory of linguistic conceptualization within the framework of cognitive direction gave a rise to consideration of derivational units as framing type conceptual structures. On the

one hand, derivational units appear as categories focused on generation of knowledge of a particular model – derivative words, derivational types, on the other hand are the categories which contain an already-created knowledge – lexical-derivational nests.

Ключевые слова: концептуализация знания, лексико-словообразовательное гнездо, производное слово, словообразовательный тип, метод фреймового пропозиционально-семантического моделирования.

Keywords: conceptualization of a knowledge, lexical-derivational nest, derivative word, derivational type, method of framing propositional-semantic modeling.

1. Постановка проблемы. В настоящее время в самом центре лингвистических исследований находятся разнообразные вопросы изучения смысловой стороны языка, такие, как анализ семантической структуры его единиц, способов номинации и семантической деривации. Кроме того, внимание лингвистов, опирающихся в своих работах на когнитивные методы и приемы исследования, направлено на системное описание и объяснение процессов и инструментов усвоения и использования языка в жизнедеятельности человека.

Когнитивное направление исследования меняет традиционное представление о языке, как «вещи в себе». Взгляд на язык, с точки зрения когнитивного подхода, характеризуется безусловной антропоцентричностью, т. к. требует описания семантики языковых единиц от всей суммы знаний, полученных в ходе познавательной деятельности человека. Характерной чертой когнитивной лингвистики является в настоящее время не выделение нового предмета или процедур исследования, а методологическая установка – на первый план выходит идея объяснения языковых фактов.

Наиболее конкретное определение когнитивного направления в лингвистике, на наш взгляд, дают Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков, которые говорят о том, что в центре данного направления находится язык как общий когнитивный механизм и когнитивный инструмент, как «система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [12, с. 53]. Это определение вполне отвечает пониманию основной задачи когнитивной лингвистики одним из ее основателей Дж. Лакоффом, который писал, что если считать, что язык отражает тот способ, с помощью которого человек представляет себе мир, то необходима теория языка, отражающая этот опыт [13]. В лингвокогнитивных исследованиях знание является особым объектом, выявляемым в языке культуры, поскольку в ценностно-коммуникативных системах, организующих сознательную деятельность человека, знание играет ведущую роль [1]. Лингвистов интересует то, каким образом хранится знание, как оно передается, каковы правила и процедуры его передачи, и какую языковую или, шире, знаковую форму может иметь передаваемое знание.

Словообразование (дериватология) – это тот раздел языкознания, который наиболее ярко демонстрирует механизмы категоризации и концептуализации как на уровне реальных лексических единиц – производных слов, так и метаязыковых структур – комплексных единиц – разнообразных объединений

производных слов. В связи с этим, в рамках предлагаемой работы поставлена задача – раскрыть сущность единиц деривации, участвующих в процессе концептуализации знания и заключающих в себе опыт человека.

2. Категоризация и концептуализация – важнейшие практические инструменты познания мира. В 90-е годы XX века российская лингвистическая мысль сталкивается с необходимостью ввести термин, который бы со всей полнотой описывал содержательную сторону языкового знака и «снял бы функциональную ограниченность традиционных значений и смысла и в котором органически слились логико-психологические и языковедческие категории» [5, с. 7]. Наиболее жизнеспособным из предлагаемых терминов («концепт», «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема») оказался «концепт».

В современной лингвистике выделяется множество подходов к изучению концептов, которые учеными сводятся к двум основным взаимодополнительным типам: лингвокогнитивным и лингвокультурологическим. Лингвисты при изучении концептов неизбежно фиксируют внимание на их языковых и речевых проявлениях. Именно проблема концептуализации видится одной из основных в когнитологии, точнее, – каким образом тот или иной концепт представлен в сознании человека. Важность ее решения предопределена тем, что человек познает мир через исчисление и классификацию представляющих мир элементов. По мнению Э. Кассирера, «классификация – фундаментальная черта человеческой речи. Сам акт деноминации зависит от процесса классификации. Дать имя предмету или действию – значит отнести его к некоторому классу понятий» [9, с. 596].

В науке вообще и в лингвистике в частности проблема категоризации объектов далеко не нова (обзор работ, касающихся вопроса категоризации опубликован нами в [7]). Она интересует исследователей со времен Аристотеля, но в разные временные периоды всегда решалась с точки зрения той научной парадигмы, к которой принадлежал конкретный ученый.

Современные точки зрения ориентированы на рассмотрение категоризации как важнейшего практического инструмента познания мира и человека, на то, что человек мыслит понятиями, комбинируя и осуществляя в их рамках глубинные предикации, и формирует новые классы в процессе мышления. Мышление же, в свою очередь, есть «оперирование

концептами как глобальными единицами структурированного знания» [14, с. 3]. Уже традиционным считается то, что «главная роль, которую играют концепты в мышлении, – это именно категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы» [4, с. 16]. Когнитивная лингвистика, занимаясь системным описанием разных видов знания и объяснением механизмов человеческого усвоения языка, изучает принципы структурирования этих механизмов и исследует структуры языка как ментальные процессы, как факты концептуализации и категоризации человеческого опыта.

3. Деривационные единицы. Механизмы категоризации и концептуализации находят непосредственное отражение при характеристике деривационных единиц – простых (производное слово) и комплексных (словообразовательный тип, словообразовательная категория и лексико-словообразовательное гнездо). Комплексные единицы в рамках когнитивного направления определяются нами как имеющие не одну, а две основные функции: они трактуются не только как структуры, содержащие информацию в упорядоченном виде, объективируя данные о мире, но и как знания, порождающие концептуальный и языковой мир.

3.1. Производное слово. Производное слово, являющееся центральной единицей словообразовательной системы, оценивается сегодня как «единица хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания» [11, с. 56]. Для языковых, в частности, деривационных, категорий в рамках когнитивного подхода наиболее важной задачей предстает установление закономерностей категоризации и концептуализации действительности человеческим мышлением, выявление глубинных структур знания, заложенных в сознании человека, и конкретных реализаций этих структур на каждом языковом уровне, описание особенностей их функционирования. При характеристике всех этих процессов существенным является учет фактора субъективности восприятия мира, признание того, что при анализе и таксономии языковых единиц важно опираться не на логические, а на естественные категории, обусловленные опытом взаимодействия человека с окружающей средой и его мыслительными способностями.

А. А. Потебня, вслед за В. Гумбольдтом, признает, что «язык не есть нечто готовое и обозримое в целом; он вечно создается, притом так, что законы, по которым он создается, определены, а объем и даже род произведения остаются неопределенными» [15, с. 15]. Действительно, словарь языка постоянно изменяется: одни единицы уходят из употребления, другие – новые – занимают свое место в языке. Образование производных слов, которых в русском языке до 75 – 80 % от общего лексического фонда, происходит, как правило, по определенным правилам и моделям, но область применения правил и продуктивность моделей вовсе не одинакова.

Когнитивное направление в лингвистике ориентировано на рассмотрение производного слова с синтаксических позиций. Принимая во внимание положение в отечественной лингвистике, по видимому, впервые сформулированное акад. Н. Д. Арутюновой [3], согласно которому предложение и слово строятся по одинаковым глубинным образцам – пропозициональным структурам, а на их основе организуются пропозиции, под пропозициональными структурами слов понимаем пропозициональные, или структурно-логические, схемы, а конкретные реализации этих схем называем пропозициями.

Основным («вершинным») элементом пропозициональной структуры и пропозиции является предикация, то есть предикат (чаще всего глагол) и его основные распространители (актанты). Например: слово *конюх* ‘человек, который ухаживает за конями’ соотносится с пропозицией ‘лицо, ухаживающее за животными’, которая является реализацией пропозициональной структуры «субъект – предикат – объект». Эта же пропозициональная структура лежит в основе, например, дериватов *травник* ‘человек, собирающий целебные травы’, *телятница* ‘женщина, ухаживающая за телятами’ и мн. др. Иными словами, эти дериваты опираются на одну пропозициональную структуру, но разные пропозиции: ‘лицо, собирающее что-либо’ – *травник* (ср. также *грибник*, *ягодница* и др.), ‘лицо, ухаживающее за животными’ – *телятница* (ср.: *конюх*, *скотник*, *птичница* и др.). Реализация пропозициональных структур на семантическом уровне наглядно демонстрирует индивидуальность каждого производного слова, которые создаются по абстрактным моделям – пропозициям и пропозициональным схемам.

Виды словообразовательной семантики – от предельно абстрактного (например, ‘предмет, названный по предмету’) до предельно конкретного (‘тарелка, предназначенная для подачи на стол селедки (или другой рыбы)’ – *селёдочница*) были выделены Л. А. Араевой [2] посредством анализа, обобщения и систематизации имеющихся ранее исследований. По сути, это одно из пионерских исследований, в котором, вслед за М. Н. Яценецкой, лингвист обосновывает значимость такого уровня словообразовательной семантики, как словообразовательно-пропозициональное значение производного слова. Возможность выделения разных видов словообразовательного значения у каждого деривата, а также способность производных слов объединяться на уровне тождественных по семантике видов, говорит об участии этих единиц в процессе категоризации знания.

3.2. Комплексные единицы дериватологии. На наш взгляд, на раскрытие механизмов порождения и хранения знаний о мире направлены такие комплексные единицы дериватологии, как словообразовательный тип и лексико-словообразовательное гнездо.

В границах словообразовательных типов происходит процесс образования производных слов, что

отражает особенности мыслительной деятельности человека называть новые явления по аналогии с имеющимися в языке наименованиями, образованными в рамках определенных моделей. Большинство лингвистов отводят словообразовательным типам главную деривационную роль по той важной причине, что новые производные слова образуются именно в пределах типа – по аналогии с дериватами, которые уже давно вошли в данный тип. При создании нового слова, а также воспроизведении уже известного, говорящий опирается на знакомую ему модель, которая является, по сути, ключом к образованию слов. По мнению Н. В. Крушевского, «всякое слово связано с другими словами узлами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, то есть звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое. Или, другими словами, всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами» [10, с. 145].

Когнитивная сущность лексико-словообразовательных гнезд объясняется тем, что гнезда – наиболее удобные хранилища дериватов, объединенных по общности корня. Потенции, заложенные в корне слова, заметнее всего прослеживаются именно в гнезде: дериваты, группируясь вокруг базового слова, вбирают в себя частично или полностью семантику этого базового слова. Производные слова, занимая в гнездах свою ячейку, в нужный момент без труда извлекаются говорящими.

Таким образом, словообразовательный тип предстает как комплексная метаязыковая единица, ориентированная на порождение знания по определенному образцу, по аналогии, а словообразовательное гнездо как комплексная метаязыковая единица хранения уже созданного знания.

Производные слова, наполняющие словообразовательные типы и гнезда по особым правилам, формируют из комплексных единиц концептуальные структуры фреймового типа, в которых все дериваты взаимосвязаны. Т. Л. Ван Дейк, разрабатывая теорию фреймов, считает эти единицы знания «организованными «вокруг» некоторого концепта. В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типичную и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и потому могут определять и описывать, что в данном обществе является «характерным» или «типичным» [6, с. 16]. То есть деривационные единицы представляют собой один из способов формирования концепта в языке. События, стоящие за значениями производных слов одного словообразовательного типа или гнезда, логично связываются друг с другом, образуя тем самым цепочку последовательных соединений.

Использование таких понятий, как «фрейм», «пропозициональная структура и пропозиция» для анализа единиц словообразования, дает возмож-

ность рассматривать их как иерархически организованные структуры знаний, как способы и места хранения информации, заключенной в базовом и производном словах. Именно такие комплексные единицы, как словообразовательный тип и гнездо, на наш взгляд, в большей степени когнитивны, именно они позволяют вскрыть механизмы порождения и хранения знаний о мире.

Фреймовая пропозиционально-семантическая организация фрагмента словообразовательного типа «основа существительного + формант *-ниц(а)*», в границах которого взаимодействуют мотивирующие и мотивированные слова, показана нами в [8] на материале дериватов, образованных от соматизмов. В данной статье продемонстрируем фреймовую пропозиционально-семантическую организацию лексико-словообразовательного гнезда с вершиной «рука» (далее – ЛСГ «рука») на уровне лингвистического макроконструкта. Под лингвистическим макроконструктом мы понимаем совокупность всех дериватов, всех лексико-семантических вариантов полисемичных производных слов, образованных от одного базового слова, которые существуют в современном русском национальном языке. Тем самым мы объединяем деривационные единицы литературного и диалектного языков, а также возможные просторечия, жаргоны, арготизмы и т. п. Лингвистический макроконструкт является собой потенциальную модель, элементы которой (с той или иной степенью полноты) реально существуют в некоторой территориальной или социальной подсистеме языка.

Слово *рука* в русском языке имеет 7 значений (дадим описание этих значений по словарям): 1. Одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев. *Правая рука*. 2. Перен. – почерк, подпись. *Неразборчивая рука*. 3. Разг. – сторона, направление. *По правую руку от кого-чего-н.* (справа). 4. Перен. – человек, обладающий властью, влиянием, способный оказать протекцию. *Своя рука в министерстве*. 5. Разг. – тот или иной вид, сорт, качество. *Товар средней руки*. 6. Перен. – индивидуальная, характерная манера, почерк. *Видна умелая рука мастера*. 7. Посредством кого, с помощью кого. *Действовать руками наемников* [16, с. 842 – 843].

В «Словообразовательном словаре русского языка» (1985 г.) в качестве самостоятельных выделены словообразовательные гнезда с этимологически родственными вершинами *рука*, *ручаться*, *руководить*, *рукопашный* и *поручить*. Даже самый поверхностный анализ семантики этих слов и в самом деле позволяет говорить о том, что в современном русском языке они формируют самостоятельные гнезда: с соматическим объектом *рука* как частью человеческого тела единицы *ручаться*, *руководить*, *рукопашный* и *поручить*, непосредственно не связаны. Ср. *ручаться* ‘принимать на себя ответственность за кого-, что-нибудь’, *руководить* ‘направлять чью-нибудь деятельность’, *рукопашный* ‘о бое, схватке: производимый холодным оружием, штыка-

ми, прикладами', *поручить* 'вверить, возложить на кого-, что-нибудь исполнение чего-нибудь, заботу о ком-, чем-нибудь' [16].

Нас в данном исследовании далее будут интересовать только дериваты, образованные от соматического объекта *рука*, то есть рассматриваемом в значении 'одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев'.

Лексико-словообразовательные значения дериватов, организующих ЛСГ «рука», отражают языковые знания, онтологически значимые для человека. Покажем, каким образом возникают логические связи пропозиций (ниже выделены подчеркиванием), на основе которых строятся дериваты (их указываем в скобках, цифровым индексом 1, 2, 3 ... фиксируются многозначные дериваты).

Рука значима для человека прежде всего как инструмент, а потому в русском языке представлены имена людей, делающих, изготавливающих что-то руками (*рукодeль, рyкодeльница, рyкодeльник, рyкодeлец, рyкодeль, рyчник, рyчница 1, рyкaвичник*). Эти слова имеют положительные коннотации в противовес *белорyчке* – *человеку, избегающему работы, не привыкшему к труду*. В языке зафиксированы также дериваты, называющие действие, производимое руками (*рукодeльничать, рyкодeлить*), процесс, производимый руками (*рукодeлье, рyкомeсло*), вещи, изготовленные руками (*рукодeльство, рyкодeльщина, рyкодeлье, рyкодeль* – 'шитье, вязание, вышивка и под.'), нечто, сделанное /написанное руками – кустарным способом (*рукотвoрный, врyчнyю, рyкомeслом, рyкодeльный, рyкодeльный, рyчнo, рyкописный*).

Есть в языке и слова, которые называют людей, подписывающих какой-либо документ за неграмотного (*рукопpикладчик, рyчник 1*); к ним примыкают дериваты, обозначающие действие, производимое руками (*зарyчить, рукопpикладствовать* 'подписаться за неграмотного') или процесс, названный по действию (*рукопpикладство*).

Поименованы также люди, участвующие в заключении сделки (*рукобйчик*), а также процесс хлопанья друг друга рукой по руке в знак взаимного согласия при заключении сделки, соглашения (*запорyчки*).

Кроме того, получили особые имена люди, участвующие в процессе обручения (*обручальщик* 'друг жениха', *обручница* 'невеста'), действия, производимые руками, которые способствуют процессу обручения и сопровождают его (*ручить, запорyчить* 'уговорить невесту дать руку на согласие ее выдать замуж'), действие, направленное на руку (ее часть) как на функционально выделенное место (*обручить* 'совершить помолвку, во время которой жениху и невесте надевают кольца на руку, на безымянный палец руки'), действие, названное по глаголу обручить (*обручиться* 'обменяться кольцами'), процесс, названный по действию, направленному на руки (*обручение, обручение* 'обмен кольцами'), процесс завершения сватовства (*рукобйтьe*, ср.: "Все кладут

*руки – одна на другую. Первым кладет руку женихов отец, вторым – отец невесты, потом – женихова мать и на ее руку – мать невесты. Родные их раскидывают. Наверх всех рук кладут руки крестные. Когда руки кладут, все гости стоят. Все это должно было означать крепость и обязательность выполнения договора. После «рукобйтия» невеста считалась просватанной". Словари и энциклопедии на Академике: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/139506>). Эта группа слов связана с атрибутом кольца, которое надевают во время обручения (*обручальный*).*

Называют также людей, находящихся под рукой у кого-то (то есть рядом), ср. *сподручник* 'помощник', действие, отражающее нахождение рядом кого-либо, ср. *сподручничать*, а также признак, связанный с нахождением /ненахождением рядом – *подручный* 'о вещи, находящейся поблизости – на расстоянии вытянутой руки', *подручный, сподручный, срyчный, несподручный* 'о человеке, помогающем в каком-либо деле'.

Люди, вручающие что-либо, именуются *врyчитель* и *врyчительница*, действие, производимое руками, обозначается глаголом *врyчить*, а действие, названное по этому глаголу – *врyчение*.

Название получили также люди, страдающие (болеющие) чем-либо – *рукоблyдник, рукоблyдница*. К этим словам примыкают единицы, называющие действие, производимое руками – *рукоблyдничать* 'заниматься онанизмом') и процесс – онанизм – *рукоблyдие*.

Людей, сующих руки куда попало, трогающих, хватающих что-либо без разрешения называют (*рукосyйка, рукосyйник, рукосyйница, рукосyльник, рукосyй*). От этих слов образуются дериваты, называющие соответствующее действие, производимое руками (*рукосyеть*).

Кроме названных действий, выделяются также и другие действия, более специализированные, тоже производимые руками (*рукоплескать* 'аплодировать', *рукополагать* 'посвящать в духовный сан возложением руки епископа на голову посвящаемого', *рукопpикладствовать* 'бить', *порyчаться* 'поздороваться', *обезручать*); процессы, называемые по этим действиям (*рукоплескание, рукоположение, рукопpикладство*) или процесс – пожатие руки в знак приветствия (*рукопожатие, рукожатие*), процесс, связанный с писанием рукой (*рукописание*). К последнему слову прикрепляются дериваты, называющие разного вида текст, написанный руками (*рукописание 1* 'церковная грамота с портретами святых, которую вкладывают в руки покойнику', *рукописание 2* 'любой текст', *рукопись 1* 'текст произведения, написанный автором от руки или переписанный на пишущей машинке', *рукопись 2* 'памятник письменности').

Ряд действий именуется по признаку (*приручить, приручать, приручить, приручить, рyчнеть*) и по действию (*приручиться, приручаться, приручиться* 'стать ручным, привыкнуть к челове-

ку'). Кроме того, по действию называют такой процесс, как приручение.

По руке называют одежду, покрывающую часть руки, ср. рукавица 'одежда на кисть руки с отделением для большого пальца', рукавичка, рукавочки, нечто, относящееся к рукавице или принадлежащее рукавице (рукавичный), часть одежды, частично или полностью покрывающую руку (рукáв 1, рукáвчик, рукáвец 2), что-либо, относящееся к рукаву (рукáвный 1) или предназначенное для рукава (рукáвный 2 'для шитья рукавов, рукавный материал'). По наличию / отсутствию рукавов называют часть одежды (рукава́, рука́ва 2 'верхняя часть женской сорочки с длинными рукавами, сшитая из тонкой ткани'), одежду (безрукáвка 'кафтан', рукáва 1 'кофточка', безрукáвник 'жилетка', рукáвное собир. 'народная женская одежда – сарафаны и под.). Значимыми для человека являются прилагательные, именующие некий объект (обычно одежду или ее часть), не имеющий рукавов (безрукáвный) или находящийся на / под рукавом (подрукáвный 'с изнанки рукава', нарукáвный).

Словом рукав в результате метафорического стали называть также ответвление от главного русла реки (рукáв 2), трубу или кишку для отвода жидкостей, газов, сыпучих тел (рукáв 3), рыболовный снаряд в виде плетеной из прутьев продолговатой корзины (рукáв 4).

В русском языке имеется целый ряд имен различных приспособлений, тем или иным способом связанных с руками. Это, например, приспособления, предназначенные для мытья рук (рукомойник, рукомойка, рукомой, рукомольник 'сосуд различной формы, служащий для подачи воды при умывании'), для вытирания рук (рукотёрка, рукотёр, рукотёнце, рукотейник, рукотельник, рукотёрник, рукотёрник, рукотёрник, ручнйк, рушнйк, рукотёрт, рушнйк, рчнйк, рукотёрок, рукавишник – 'полотенце или тряпка'), для защиты рук (рукáвки 'кожаные рукавицы', пóручи 'в Др. Руси – часть брони или лат, защищавшая руки от локтя до колена'), приспособления, названные по руке, точнее, по ее нормальному размеру, ср. ручнйца 2 'мушкет, ручная пушка с фитильным замком длиной с руку (22 – 24 см.)' или ручнйца 3 'ружье', а также приспособления, названные по части того же приспособления (ручóнка 1 'небольшое деревянное ведерко с крышкой, на которой крепится деревянная ручка, запирающаяся палочкой'), приспособления, при помощи которых действуют рукой как средством (ручнйк 'стальной молоток для работы одной рукой', рúчка 1 'письменная принадлежность'), приспособления, за которые держатся / берутся / опираются рукой (пóручень 1 'стержень, брус, ремень, за который держатся рукой при подъеме или спуске', рукоя'ть, рукоя'тка 1 'ручка оружия, инструмента', рукоя'тка 2 'часть механизма', рúчка 2 'часть предмета', рукоя'тка 'деревянная ручка двери', пóдручник 1 'небольшая подушка или низкая скамеечка, о которые опираются руками, когда бьют поклоны во время молитвы', пóручень 2, рúчка 3 'часть

кресла, дивана и под.)', приспособления, находящиеся под руками (пóдручник 'железный подсвечник') и надеваемые на руку (нарúчники 'металлические кольца, соединенные цепочкой', пóручень 3 'наручные кандалы', пóручни). Есть также объекты, надеваемые на часть одежды, покрывающей руку. Их семантика, как и во многих других случаях, отмеченных выше, может быть весьма специализированной, ср. дериваты нарукáвник 1 'коротенькая кофточка с рукавами в обтяжку, надеваемая во время жатвы трепки льна, чтобы не секло рук', нарукáвник 2, а также зарукáвник 'чехол, надеваемый на рукав от кисти до локтя руки для предохранения от загрязнения', рукáвец 1 'холщевый рукав, надеваемый во время жатвы на рукав для предохранения рубашки от порчи', пóручи 'парчовые нарукавники – часть церковного облачения', рукáвчик, зарукáвье 1 'манжета, прикрепляемая на рукав платья и под. для украшения', зарукáвье 2 'старинный браслет, надеваемый на рукав').

Важным для человека оказалось именовать руку, указывая на её размер (рúчка 4, ручйшка, ручйща), называя руку, давая субъективную оценку руке (ручóнка 2, рúченька), называть что-либо, надеваемое на руку (нарúчный), какие-то объекты, предназначенные для манипулирования рукой, обычно в утилитарных целях (ручнóй 1 'для использования с помощью рук', ручнóй 2 'удобный для переноски в руках', однорúчный 'приспособленный для работы одной рукой').

Самое большое множество по числу дериватов в ЛСГ «рука» образуют слова, характеризующие человека в связи с его руками, ср. рукáстый 1 'с длинными руками', большерúкий, рукáстый 2 'с большими руками', косорúкий 1 'с косою, перекошенной рукой', безру́кий 1 'не имеющий руки', однорúкий, двурукий, многорукий 'имеющий одну (две, много) руку', длиннорукий, долгорукий 'с длинными руками', короткорúкий 1 'с короткими руками', сухорúкий, тонкорúкий 'с тонкими, сухими руками', рукодéльный, рукодéлливый 'искусный в изготовлении чего-либо', рукосúйливый 'непоседливый, неутомонный, все трогает руками', леворукий 1 'пишущий левой рукой', голорúкий, голору́ком, голору́чью, голору́чем, голору́чь 'без рукавиц'. Существует много прилагательных, характеризующих человека по его действию руками (воберу́к 'обеими руками', голору́кий 'с пустыми руками, ничего не нести', голору́ком 2 'без оружия', безру́кий 2, короткорúкий 2, кривору́кий, косору́кий 2 'неловкий, неумелый в работе', рукáстый 3 'ловкий, умелый в работе'). Встречаются и языковые выражения признаков объекта, связанного с конкретной рукой (левору́кий 2 'с левосторонним управлением').

В ЛСГ «рука» выделяется имя класса животных, крылья которых соотносятся с руками – рукóкры'лье 'отряд млекопитающих'.

Лексико-словообразовательные значения, связанные между собой и наличием общих смысловых компонентов, и логической связью, демонстрируют фреймовую организацию конкретного тематическо-

го объединения. Подобную упорядоченность лексико-словообразовательных значений дериватов мы считаем важной как для лексикографической теории, так и для практики составления словарей. В «Толковом словообразовательном словаре русского языка» И. А. Шишова (2004 г.) производные слова в гнезде даются в алфавитном порядке. Мы предлагаем другой способ подачи производных единиц, а именно – включать их в словарную статью с учетом отражения последовательности семантико-словообразовательных связей. Такой способ подачи в пределах каждого гнезда, как кажется, более точно будет отражать соответствующий логически выстроенный и упорядоченный фрагмент языковой картины мира.

4. Подведение итога. Производные слова, являясь когнитивными единицами, заключающими в себе определенное знание о мире, объединяются в комплексные структуры. Эти комплексные единицы, в свою очередь, с одной стороны, предстают как категории, ориентированные на порождение знания по определенному образцу, по аналогии – словообразовательные типы, с другой стороны, являются категориями, в которых хранится уже созданное знание – словообразовательные гнезда.

Современная теория языковой концептуализации в рамках когнитивного направления дала толчок к рассмотрению деривационных единиц как концептуальных структур фреймового типа. Теория фреймовой пропозиционально-семантической организации комплексных единиц деривации, общая методика и инструментарий ее обнаружения применимы не только к словообразовательному типу, но и к другой важной комплексной единице словообразования, – к лексико-словообразовательному гнезду.

Выделенные значения производных слов, входящих в гнездо, образуют сложную и достаточно разветвленную семантическую сеть (семантический граф). Эти значения подчиняются определенной логике, когда в логической последовательности одни значения обуславливают появление других. Так строится в динамике и так выглядит в статике эта семантическая сеть. В ней, по мере построения, все значения производных слов, образованных от одной мотивирующей единицы, соединяются и связываются определенными, чаще разными, смысловыми связями. Спектр значений, таким образом, предстает в результате как логически выстроенный фрагмент языковой картины мира. Разные дериваты с разными значениями вербализуют, хотя и разные, но взаимосвязанные признаки (стороны) глубинных концептов. Чем ближе в смысловом отношении друг к другу стоят концепты, скрытые за дериватами разных лексико-словообразовательных гнезд, тем ярче проявляют себя смысловые связи между дериватами из одного и другого ЛСГ.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005.
2. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров) / Л. А. Араева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994.
3. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976.
4. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996.
5. Воркачев, С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье»: (русско-английские параллели) / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2003.
6. Дейк Ванн, Т. А. Фреймы знаний и понимание речевых актов / Т. А. Дейк Ванн; пер. с англ. М. А. Дмитриевой // Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ. – М., 1989. – С. 12 – 40.
7. Евсеева, И. В. Категоризация и концептуализация знания: теоретические проблемы / И. В. Евсеева // Вестник КемГУКИ. – Кемерово, 2011. – № 16. – С. 90 – 96.
8. Евсеева, И. В. Словообразовательный тип: когнитивное моделирование / И. В. Евсеева // Вестник КрасГПУ им. В. П. Астафьева. 2011 (3). Красноярск, 2011.
9. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – М.: Гардарики, 1998.
10. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский // Избранные работы по языкознанию. – М., 1998. – С. 96 – 222.
11. Кубрякова, Е. С. Словообразование / Е. С. Кубрякова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 467 – 469.
12. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац. – М.: МГУ, 1996.
13. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350 – 368.
14. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 1999.
15. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. В 2-х т. / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – С. 14 – 67.
16. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н. Ю. Шведова. – М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2007.

УДК 81-139

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИМОТИВАЦИИ ДЕРИВАТОВ*П. А. Катыхов, С. К. Соколова***SOURCE STUDY ASPECT IN THE CONTEXT OF RESEARCH OF DERIVATIVES' POLYMOTIVATION***P. A. Katyshev, S. K. Sokolova*

В статье описывается один из этапов экспериментального изучения полимотивации, связанный с характеристикой системно-структурных свойств дериватов, предъявляемых испытуемым в качестве слов-стимулов. Установление системно-структурных особенностей дериватов возможно при их рассмотрении как элементов подсистем национального языка (в нашем случае – диалектных подсистем). Это, в свою очередь, предполагает актуализацию источниковедческого аспекта, заключающегося, по мнению основоположника диалектной мотивологии О. И. Блиновой, в использовании данных диалектных словарей для решения лексикографических, словообразовательных и иных проблем. Информация, полученная при анализе словарных статей, позволяет выявить системную эпидигматику слов-стимулов, их морфемно-словообразовательные свойства, которые на этапе сбора и интерпретации ассоциативного материала расцениваются в качестве условий (детерминант) речемыслительной деятельности испытуемых.

This paper describes an experimental research of the stages of polymotivation associated with the characteristics of the system-structural properties of the derivatives, which were placed by a word-stimulus. The establishment of a systemic and structural features of derivatives possible when the derivatives considered as elements of the subsystems of the national language (dialect subsystems). And it implies the actualization of source study aspect, which consists, according to the founder of dialect motivological research Olga Blinova, in the use of dialect data dictionaries for solving lexicographic, word formation and other problems. Information obtained by the analysis of entries, identifies the system epidigmatic of word-stimulus, their morphemic-derivational properties, which are considered as determinants of speech activity of subjects at the stage of data collection and interpretation of the associative material.

Ключевые слова: полимотивация дериватов, источниковедческий аспект.

Keywords: derivatives' polymotivation, source study aspect.

Проблема полимотивации неоднозначно решается в современном словообразовании. В рамках системно-структурной лингвистики данным явлением обозначаются случаи формально-семантического соотношения производного слова с несколькими производящими единицами.

Распространение функционального подхода в языкознании позволило по-новому взглянуть на явление полимотивации. Так, в работах, выполненных в Томской мотивологической школе, полимотивация рассматривается как фактор, детерминирующий варьирование внутренней формы слова; см., например, [1, с. 117 – 128]. Важно отметить, что варьирование внутренней формы слова, обусловленное полимотивацией, выводится из показаний языкового сознания диалектоносителей. Именно обращение к метаязыковой деятельности диалектоносителей способствовало обоснованию и развитию когнитивно ориентированной теории полимотивации, основные положения которой представлены в [7]. Полимотивация в рамках данной теории определяется как «стратегия речемыслительной деятельности носителя языка» [11], направленная «на раскрытие смыслового потенциала словообразовательной формы» и осуществляемая «по принципу замены дериватом множеством конкретизаторов, включенных как в одно, так и в несколько мотивирующих суждений» [7, с. 12]. Системное описание данного явления способствовало выделению основной и сопутствующих детерминант полимотивации (более подробно об этом в [7; 8; 9; 10]).

Особый интерес представляет структурная детерминанта, изучение которой позволило сделать

предположение о зависимости речемыслительной деятельности носителей языка от свойств структуры деривата; в частности, выявляется зависимость интенсивности полимотивации от агглютинативности / фузионности морфонологической структуры [17] и от степени членности производного [18].

В соответствии с современной тенденцией противопоставления системоцентризма и антропоцентризма изучение любого явления может проводиться как в рамках первого, так и в рамках второго подхода. Однако следует отметить, что столь резкое противопоставление этих двух подходов в современной лингвистике поддерживают не все исследователи. Так, Л. Г. Зубкова отмечает, что «лингвистика, изучающая естественный язык человека, не может не быть антропологической; изучение языка (тоже, разумеется, осуществляемое человеком) не может быть отделено от “человеческого фактора”, даже если такие попытки предпринимаются. Поэтому определение современной лингвистики как антропологической в сущности избыточно. Оно может быть оправдано лишь возникшей недавно необходимостью “очеловечивания” лингвистики в ответ на угрозу ее дегуманизации в крайних течениях структурализма» [6, с. 101]. Кроме того, существует мнение о необходимости объединения этих двух парадигм. Так, В. А. Пищальникова отмечает, что системоцентризм должен находиться с антропоцентризмом в отношениях дополнительности, а следовательно, возможно совмещение обоих подходов в рамках более общей концепции, в которой объекты включаются в иной парадигматический ряд и становятся предметом сопоставления и сравнительной

оценки на основе иных интегративных свойств и характеристик [13].

При изучении структурных детерминант полимотивации, с одной стороны, необходимо выявить системно-структурные характеристики производных знаков, а с другой – определить зависимость интенсивности полимотивации от этих характеристик. При таком подходе к изучаемой проблеме появляется необходимость в привлечении как системоцентрического, так и антропоцентрического подходов. Так, для того чтобы иметь представление о том, какими характеристиками обладают интересующие нас производные в системе языка, необходимо рассмотреть, в каких эпидигматических и парадигматических отношениях они находятся с другими знаками. Реконструировать же такие отношения, а соответственно и характеристики языковых знаков, можно по данным словарей. В свою очередь, посредством психолингвистического эксперимента, целью которого является определение зависимости интенсивности полимотивации от структурных характеристик производного, можно узнать, насколько те или иные структурные особенности слова являются значимыми для продуцирования речевой деятельности конкретного индивида, что актуализирует антропоцентрическую парадигму.

Для выявления структурных детерминант полимотивации был проведен психолингвистический эксперимент, в котором использовались производные наименования растений – фитонимы (**красноголовник**, **медуница**, **девятильник**, **рекостав** и **свербигуз**). Важным этапом в освещении и оценке экспериментальных данных выступает характеристика слов-стимулов как элементов частных диалектных систем, поскольку в процессе анализа экспериментального материала требовалось установить корреляцию между условиями речемыслительной деятельности и способами их проявления. Соответственно до сбора и анализа экспериментального материала были использованы данные разных словарей, что обусловило актуализацию источниковедческого аспекта исследования.

Источниковедческий аспект активно развивается учеными Томской мотивологической школы. В рамках данного направления исследуются показания языкового сознания носителей языка [3; 4; 15; 19], анализируются этимологические словари как источник мотивологии [12]. Источниковедческий аспект включает «два направления: анализ источниковой базы для составления словарей и анализ информативных возможностей диалектных словарей для решения лексикографических, словообразовательных и иных проблем» [2]. Как известно, диалектные словари, во-первых, составляют базу для синхронического и диахронического изучения лексики, во-вторых, «обобщая и приумножая языковое, а значит, и ментальное богатство, дают четкость ... слову, ясность в вопросах происхождения языка и народа, отражают многообразие народного литературно-речевого творчества» [5].

Авторы статьи опираются на второе направление в применении источниковедческого аспекта в целях лингвистического описания: данные диалект-

ных словарей используются для выявления эпидигматических особенностей слов-стимулов.

Наименования растений, предъявляемые испытуемым в эксперименте, функционируют в диалектной макросистеме, и для выявления базовых системно-структурных характеристик искомым слов сначала использовались данные Словаря русских народных говоров (СРНГ), что позволило определить степень распространенности выбранных фитонимов и степень их интегрированности в диалектные системы разных говоров.

По данным словаря, производное **красноголовник** функционирует в Архангельской, Воронежской, Иркутской, Калужской, Томской, Тверской областях, Красноярском крае, на Среднем Урале и Среднем Приобье. Производное является полисемантом и включает 6 лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ). Примечательно, что в качестве первого в словаре отмечено значение *гриб подосиновик*, функционирующее в Тверской, Иркутской областях и на Среднем Урале, а значение *растения, относящееся к тому или иному семейству*, отмечено в 2 – 6 ЛСВ [СРНГ, выпуск 15].

Фитоним **медуница** встречается в Архангельской, Тверской, Вятской, Смоленской, Новгородской, Вологодской, Калужской, Пермской, Рязанской, Ярославской, Нижегородской областях и на территории бывшей Латвийской ССР. Данное производное используется в диалектах как для именования растения, так и для обозначения насекомых (*пчел, имелей, ос, мух*), что приводит к возникновению омонимии. Оба наименования являются многозначными словами: первый омоним, именуемый растением, включает 10 ЛСВ, обозначающих то или иное растение (*растение Trifolium pratense L., сем. мотыльковых; клевер луговой; растение Trifolium repens L., сем. мотыльковых; клевер ползучий, дятлиная белая; растение Spigaea ulmaria L., сем. розанной; лабазник вязолистный; растение Mentha agrestis Soil., сем. губоцветных; мята полевая* и др.), второй – 4 ЛСВ [СРНГ, выпуск 18].

В СРНГ отмечается, что наименование **девятильник** встречается в Томской, Кемеровской, Тверской, Тобольской, Тюменской, Курганской, Пермской, Вятской областях, в южных районах Красноярского края. Данная лексема включает 9 ЛСВ; в ЛСВ 1 – 8 содержатся сведения о различных растениях, а 9 ЛСВ фиксирует собирательное наименование *дикорастущих растений сем. сложноцветных. Aster amellus L., астра ромашковая; Achillea millefolium L., тысячелистник обыкновенный; Senecio erucifolius L., крестовник эруколистый* [СРНГ, выпуск 7].

Производное **рекостав** используется на территории Архангельской, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Томской, Тульской областях, северной Сибири и республики Коми. Следует отметить, что ЛСВ *комнатное растение (кактус, столетник), которое цветет во время рекостава*, является только пятым в ряду переносных значений. Так, данная лексема в 1-м значении обозначает *осенний ледоход*, во 2-м – *льдины, беспорядочно нагроможденные во время рекостава или первый осенний лед*,

в 3-м – *первый сильный мороз*, а в 4-м – *холодный ветер (северный или восточный)* или *восточный ветер во время осеннего ледохода* [СРНГ, выпуск 35].

Многозначное производное *свербигуз* встречается на территории Тамбовской, Оренбургской, Тульской областей. Все ЛСВ данной лексемы содержат указание на то или иное растение. При этом каждый ЛСВ функционирует на какой-то одной территории [СРНГ, выпуск 36].

Следует отметить, что представленная в СРНГ информация отражает функционирование диалектных слов на разных территориях. Соответственно в СРНГ представлена система совокупности диалектов, а характеристики лексем, выводимые с опорой на данные этого словаря, обусловлены макросистемой, из чего следует, что эти характеристики отличаются обобщенностью, инвариантностью, абстрактностью, потенциальностью.

Анализ функционирования фитонимов в микросистемах отдельных говоров позволяет сделать вывод о том, что потенциальные возможности макросистемы, как правило, реализуются лишь частично. Так, в результате изучения микросистем отдельных говоров было выявлено, что ни в одном из региональных словарей все фитонимы не встречаются сразу. При этом наименования растений указываются преимущественно как однозначные, за исключением производного *рекостав*, которое в некоторых говорах функционирует как многозначное слово.

Производное *красноголовник* встречается в 7 из 29 словарях, причем в 2 из них в значении *гриб, подосиновик* [Ярославский областной словарь, 1986, 1987; Словарь орловских говоров, 1992, 2003] и в одном словаре данное слово имеет 2 ЛСВ: 1. *лекарственное растение, кровохлебка*; 2. *гриб подосиновик* [Словарь русских говоров Прибайкалья: вып. 2. К – Н. 1987]. Примечательно, что более распространенным в говорах фитонимом является производное *красноголовик*. Кроме того, в одном из словарей дериват *красноголовик* указывается в качестве синонима к фитониму *красноголовник*, наравне с дериватом *красноголовка*, а в другом – значение производного *красноголовник* указывается через синоним: *то же, что красноголовик (гриб подосиновик)* [Ярославский областной словарь, 1986, 1987].

Производное *медуница* встречается в 12 словарях. Однако в 8 из них данное наименование имеет значение пчела или дикая пчела, а в одном – в значении *змеевидная с медным отливом чешуи ящерица, безобидная для человека*. В значении растения данное производное встречается в 4 словарях, т. к. в одном словаре отмечается как наименование пчелы – *медуница*, так и фитоним – *медуница*.

Наиболее распространенным является фитоним *девятильник*: данное наименование встречается в 16 словарях. Следует отметить, что данный дериват последовательно воспроизводится в словарях в значении того или иного растения, преимущественно в значении *пижма*.

Производное *рекостав* отмечено в 8 словарях. При этом, в отличие от других дериватов, данное производное отмечается в основном как многознач-

ное, а первым значением в словарях, как правило, отмечается значение *ледостав* или *время замерзания реки*. В значении *комнатное растение* данное наименование фиксируется 5 словарями, причем в 4 – в качестве переносного значения и только в одном – в качестве единственного [Словарь русских говоров Новосибирской области, 1979].

Фитоним *свербигуз* является наименее распространенным – указывается только в 1 словаре, что, впрочем, может быть связано с отсутствием словарей на букву «С».

Максимальная представленность рассматриваемых наименований отмечается в [Мотивационный словарь сибирского говора, 2009], где определяются такие фитонимы, как *красноголовник*, *медуница*, *рекостав* и *девятильник*; отсутствует только фитоним *свербигуз*.

В результате анализа словарных статей СРНГ и ряда региональных словарей были выявлены структурные характеристики слов-стимулов. Однако характеристики производных, выявленные на основании их функционирования в макросистеме, могут отличаться от характеристик, полученных в результате анализа статей словарей отдельных диалектов в силу того, что в словарях вообще отражается усредненное представление о языковом знаке, а в СРНГ оно еще и максимально обобщено. Кроме того, СРНГ ориентирован прежде всего на фиксирование дефиниции, а не на отражение речемыслительной деятельности. Тем более, обнаруживается разница при сравнении характеристик, полученных в результате анализа словарных данных и экспериментального материала. Соответственно при формулировании свойств структуры слов-стимулов, с одной стороны, выявляются «словарные», узальные характеристики, а с другой – отмечаются индивидуальные представления о структуре слова, полученные в ходе эксперимента

Определяя структурные характеристики данных фитонимов, можно отметить, что, с точки зрения морфонологической структуры, производные слова образуют определенную шкалу, на одном полюсе которой располагается фитоним *красноголовник*, морфологическая структура которого тяготеет к агглютинативности, а на другом – производное *свербигуз*, обнаруживающее фузионную технику соединения морфем, остальные слова располагаются между этими полюсами соответственно.

В Словаре лингвистических терминов агглютинация (от лат. agglutinare — приклеивать) определяется как «способ образования форм слова и производных слов механическим присоединением стандартных аффиксов к неизменяемому (лишенным внутренней флексии) основам или корням. Каждый аффикс имеет только одно грамматическое значение, равно как каждое грамматическое значение выражается всегда одним и тем же аффиксом», а под фузией (франц. fusion – сплавление, слияние от лат. fusio – литье) понимается «слияние морфем, сопровождающееся изменением их фонемного состава. Чаще всего происходит тесное морфологическое соединение изменяемого корня с многозначными нестандартными аффиксами, приводящее к стиранию

границ между морфемами. В качестве примера приводятся:

1) сплетение приставки и корня, в результате чего один и тот же звук принадлежит обоим морфемам (*приду*, ср.: *при* + *иду*, *разевать*, ср.: *раз* + *зевать*);

2) слияние конечного звука корня с начальным звуком суффикса (*расти*, ср.: *раст* + *ти*);

3) двоякая роль суффикса (*Свердловский район*, ср.: *Свердлов* + *-ск-* + *-ск-ий* - первое *-ск* входит в основу существительного, второе *-ск* должно было бы служить суффиксом относительного прилагательного);

4) сплетение частей в сложном слове в результате выпадения одного из двух непосредственно следующих друг за другом одинаковых слогов (*дикобраз*, ср.: *дик* + *о* + *образ*, *знаменосец*, ср.: *знамен* + *о* + *носец*, *минералогия*, ср.: *минерал* + *о* + *логия*).» [Розенталь, Словарь лингвистических терминов: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php.].

Соответственно производное **красноголовник** характеризуется агглютинативностью морфонологической структуры, т. к. в данном случае можно наблюдать последовательное присоединение двух корней и аффикса без каких-либо морфонологических изменений. Относительно фитонима **медуница** можно отметить некоторое проявление фузионности, т. к. инвариантный суффикс *-ица* в производном представлен одним из своих вариантов *-уница*, что способствует некоторой степени спаянности корневой и аффиксальной морфем. У производного **девятильник** также можно наблюдать тенденцию к слиянию морфем: в результате усечения начальной части второго корня происходит сплетение корневых частей сложного слова, что является признаком фузионности морфонологической структуры. Способ соединения морфем наименования **рекостав** также можно охарактеризовать как тяготеющий к фузионному, в силу изменения второй корневой части композита (вместо *-ста-* в результате наращивания в состав слова входит *-став*). Под воздействием такого фактора, как нераспространенность отдельных частей композита в современном русском языке морфонологическая структура производного **свербигуз** может быть охарактеризована как фузионная. Примечательно, что при рассмотрении последнего фитонима в рамках макросистемы степень фузионности снижается в силу того, что отдельные части сложного слова (*сверб-* и *-гуз*) с разной степенью активности и самостоятельности функционируют в различных говорах. Важно отметить, что такая характеристика морфонологической структуры слов, как агглютинативность / фузионность, по-видимому, является предпосылкой большей / меньшей степени членимости производных в экспериментальных условиях.

Для определения степени членимости фитонимов в работе использовалась классификация Н. А. Янко-Триницкой, в которой выделяется три типа членимости, каждый из которых делится на 1 и 2 степени (полная членимость 1 и 2 степени, достаточная членимость 1 и 2 степени, недостаточная членимость 1 и 2 степени) [20, с. 173 – 219], ав-

тор обращает внимание на то, что «только полная членимость 1-й степени отражает систему современного русского языка» [20, с.210], а «слова, относящиеся ко всем остальным степеням членимости, всегда фразеологичны в той или иной степени» [20]. Важно, что Н. А. Янко-Триницкая, выделяя степени членимости основ, учитывает тот факт, что делимость слова является фактом языковой системы, объективным признаком, улавливаемым языковым сознанием, и то, что «достижению полного и непротиворечивого описания степеней членимости слов словарного состава препятствует наличие в русском словообразовании значительного количества несистемных фактов, а также целый ряд субъективных факторов: текучесть состава словаря, с которым оперирует анализирующий, огромность материала, из которого не всегда все учитывается и своевременно извлекается, и отсутствие твердых критериев установления семантического тождества морфем» [20, с. 218 – 219].

Таким образом, в соответствии с классификацией Н. А. Янко-Триницкой, все предъявляемые в эксперименте производные по степени членимости основ можно отнести к полной свободной членимости или полной членимости первой степени, так как «обе части основы с тем же значением наличествуют и в других основах, причем корень встречается в виде самостоятельной основы» [20, с. 185]. В фитониме **красн-о-голов-ник** данный факт не вызывает сомнений (ср.: *красн-о-голов-ник*: **красный**, **голова** – общерусские единицы, **белоголовник** – наименование фитонима по данным СРНГ). Относительно производного **мед-уница** следует отметить, что если отрезок *-униц(а)* рассматривать так, как это указано в [16, § 349], т. е. в качестве разновидности морфемы *-ица* со значением, содержащим отсылку к классу растений, то данный фитоним на основании соотнесенности с такими словами, как *мед* и *пушица*, следует рассматривать как производное полной членимости первой степени. Производное **девятильник** также следует отнести к полной членимости первой степени, т. к. корень *девять-* может представлять самостоятельную основу в общерусском слове *девять*, а суффикс *-ильник* является вариантом морфемы *-ник*, которая встречается в словах, обозначающих растения (*бель-ник*, *коров-ник*, отмеченные СРНГ). Наименование растения **рек-о-став** соотносимо с общерусским словом **река** и диалектным **ледостав**, что свидетельствует о той же степени членимости. Также к полной членимости первой степени можно отнести производное **сверб-и-гуз**, т. к. первая часть композита встречается в слове **свербеть**, которое отмечается и в словаре С. И. Ожегова в значении *саднить*, *зудеть*, и в СРНГ, где указывается и непереходный глагол *свербеть*, имеющий 3 омонимичные формы, и переходный *свербить*, включающий 3 ЛСВ. Кроме того, в СРНГ можно отметить большое количество производных слов: *свербец*, *свербёшка*, *свербина*, *свербилка*, *свербежница*, *сверба* и др., что свидетельствует о развитости словообразовательного гнезда с вершиной – *сверб-*. Вторая часть производного **сверб-и-гуз** выступает в качестве самостоятельной основы в диа-

лектном слове *гуза*, и участвует в образовании общерусского производного *гуз-к-а*, которое отмечено в Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой и Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова. Однако примечательно, что ни слово *гуз*, ни *гуза* в современных толковых словарях не встречается, а в СРНГ отмечается две омонимичные формы слова *гуз* и слово *гуза*. Кроме того, можно увидеть большое количество производных: *гузан*, *гузанье*, *гузево*, *гузёнка*, *гузель* и др.

Однако следует отметить, что полную членимость первой степени данные производные обретают в результате функционирования в рамках диалектной макросистемы. Интересными, на наш взгляд, являются данные, отмеченные в словаре орловских говоров относительно фитонима *свербигуз*: «*Свергибус, сверпигус – Травянистое растение с горьковатым съедобным стеблем*» [Словарь орловских говоров, 1992, с. 170]. Исходя из словарной статьи, можно сделать вывод, что наименование растения *свербигуз* в рамках данного диалекта воспринимается как нечленимое, что находит отражение в изменении морфонологической структуры фитонима.

Такая тенденция еще сильнее проявляется в условиях эксперимента: все производные могут демонстрировать разную степень членимости, что находит отражение в метатекстах информантов. Данный факт связан, с одной стороны, с компетентностью реципиентов (степень владения родным языком, в том числе диалектной подсистемой национального языка, знание иностранных языков и т. д.), а с другой – обусловлено структурными характеристиками каждого производного, которые могут способствовать / не способствовать выделению отдельных частей структуры слова.

Для проведения направленного эксперимента, который позволяет углубить представления о связи полимотивации и структурных свойств деривата (агглютинативности / фузионности его морфонологической структуры и степени его членимости), испытуемым – школьникам гимназии № 21 г. Кемерово (6-е классы) в количестве 45 человек и студентам КемГУ в количестве 81 человека – предъявлялись установочный текст и задание, в той или иной мере настраивающие продуцентов на внимательное отношение к словам определенной структуры и фантазийное их осмысление в форме рассказа травницы о свойствах фитонимов *красноголовник*, *медуница*, *девятильник*, *рекостав*, *свербигуз*. От 126 информантов получено 558 текстов (в некоторых случаях наблюдалась стратегия отказа интерпретировать языковой знак), что позволяет сделать некоторые обобщения.

Полимотивация представлена в 46 из 118 текстов с дериватом-темой *красноголовник*, в 20 из 117 текстов с дериватом-темой *медуница*, в 11 из 110 текстов с дериватом-темой *девятильник*, в 9 из 102 текстов с дериватом-темой *рекостав*, в 1 из 111 текстов с дериватом-темой *свербигуз*. Это свидетельствует о регулярности основной аналогии при семантизации единиц с аддитивным типом межморфемного синтеза и увеличении ассоциативных воз-

можностей, а также продуктивности звуковой аналогии в случаях осмысления слов фузионной структуры.

Высокая степень членимости приводит к появлению в метатекстах конкретизаторов основы деривата, носящих тривиальный характер и совпадающих по звуковому облику с определяемым. Напротив, затрудненная выделимость знаменательной морфемы не только сокращает частоту основных конкретизаторов, но и вызывает их вариативность, нетривиальность, трансформируемость для более выразительной передачи звукового облика темы.

Красноголовник воспринимается носителями языка как легко членимое, что подтверждается неоднократным использованием в метатекстах конкретизаторов знаменательных морфем *красн-* и *-голов-* (*красный, краснеть; голова, головка, головной*). Однако если корень *красн-* вычленяется носителями языка регулярно, то при определении морфемных границ между корнем *-голов-* и суффиксом *-(н)ик* обнаруживается вариативное членение основы слова, что вызывает не только модификацию конкретизаторов, но и снижение регулярности полимотивации.

Несмотря на достаточную прозрачность морфореляционной структуры, у фитонимов *медуница* и *девятильник* обнаруживаются случаи нетривиального выделения знаменательных морфем. Поэтому, наряду с полимотивацией регулярными конкретизаторами *мед, медовый* и *девять*, в метаязыковую деятельность включаются индивидуальные основные аналогии типа *медуница* < *медуза*, *девятильник* < *дева*, поддерживаемые в деривате-теме размытостью границ морфореляционного шва.

Фитоним *рекостав* по параметру низкой степени членимости приближается к производному *свербигуз*, о чем свидетельствуют резкое сокращение аналогичных по корню / основе сближений и увеличение звуковых ассоциаций. Вместе с тем даже при нерегулярной семантизации деривата *рекостав* точным повтором конкретизатора *река* членимость знаменательной морфемы *рек-* еще воссоздается. Случай же единичной морфологизованной семантизации деривата *свербигуз* расходящимися по звучанию элементами *север, северный* свидетельствует о наименьшей выразительности определяемого корневого элемента *свер-*, эпентетически преобразуемого в уточняющем множестве.

Таким образом, в освещении и оценке экспериментальных данных важным этапом выступает характеристика слов-стимулов как элементов макросистемы, а также частных диалектных систем. Это позволяет констатировать значимость историко-лингвистического аспекта, предполагающего использование информации диалектных словарей для комплексного описания эпидигматического потенциала искомым дериватов. Однако использование историко-лингвистического подхода является лишь одним из этапов в процессе анализа материала, так как в словарях отражается усредненное представление о языковом знаке. Кроме того, рассматриваемые словари ориентированы по преимуществу на формулирование дефиниции, а не на фиксацию речемыслитель-

ной деятельности диалектоносителей, что обуславливает различие в характеристиках, выявленных у дериватов, с одной стороны, по данным словарей, а с другой – исходя из метаязыковой деятельности носителей языка. В свою очередь, метаязыковая деятельность служит необходимым источником знаний об условиях возникновения / затухания внутренней формы слова, а также о специфике действия правил языковой аналогии, реализуемых через полимотивацию.

Литература

1. Блинова, О. И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект) / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 191 с.
2. Блинова, О. И. Томская лингвистическая школа (взгляд изнутри и извне) / О. И. Блинова // Вестник ТГУ. – Т. 266. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 69 – 77.
3. Блинова, О. И. Обыденное метаязыковое сознание как источник лингвистической информации (на материале диалектной мотивологии) / О. И. Блинова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008 а. – С. 13 – 19.
4. Блинова, О. И. «Словарь фитонимов среднего Приобья» как источник диалектной мотивологии / О. И. Блинова // Вестник ТГУ. Филология. – Томск, 2008 б. – № 2 (3). – С. 14 – 23.
5. Богатова, Г. А. Размышления после Международного съезда русистов в Красноярске / Г. А. Богатова // Вопросы языкознания. – М., 1998. – № 3. – С. 115 – 122.
6. Зубкова, Л. Г. Антропологический подход к языку: истоки, принципы, эволюция / Л. Г. Зубкова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – М.; Барнаул, 2003. – С. 101 – 113.
7. Катышев, П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы / П. А. Катышев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 260 с.
8. Катышев, П. А. Субстантно-семиологическая детерминанта полимотивации деривата / П. А. Катышев // Антропотекст-1. – Томск, 2006 а. – С. 112 – 122.
9. Катышев, П. А. Полимотивация – проявление детерминанты русского языка (на материале дискурсивной деятельности носителей диалектного и русского языка) / П. А. Катышев // Актуальные проблемы русистики. – Вып. 3: языковые аспекты регионального существования человека. – Томск, 2006 б. – С. 488 – 494.
10. Катышев, П. А. Полимотивированность деривата в системологическом освещении / П. А. Катышев // Язык в контексте гуманитарных знаний. – Великий Новгород, 2008. – С. 37 – 47.
11. Катышев, П. Полимотивация деривата как стратегия речемыслительной деятельности. К основаниям когнитивно-дискурсивной интерпретации явления / П. Катышев. – LAP LAMBERT Academic Publishing. – Saarbrücken, 2011. – 292 с.
12. Курапова, М. Н. Источниковедческий аспект мотивологии: на материале этимологических словарей / М. Н. Курапова: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2002. – 297 с.
13. Пищальникова, В. А. Психолингвистика и современное языковедение / В. А. Пищальникова // Методология в современной психолингвистике: сб. статей. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – URL: <http://psycholing.narod.ru/monograf/pi-psyhrest.htm>.
14. Розенталь, Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/a.php.
15. Ростова, А. Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения / А. Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 49 – 58.
16. Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1. – 783 с.
17. Соколова, С. К. Агглютинативность / фузионность как структурная детерминанта полимотивации деривата / С. К. Соколова // Вестник ЧГУ. – № 34 (172). – Вып. 36. – Серия «Филология. Искусствоведение». – Челябинск: ЧелГУ, 2009 а. – С. 110 – 118.
18. Соколова, С. К. Степень членимости деривата как детерминанта полимотивации / С. К. Соколова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск: НГУ, 2009 б. – № 4. – С. 131 – 136.
19. Тубалова, И. В. Показания языкового сознания как источник изучения варьирования внутренней формы слова / И. В. Тубалова // Явление вариативности в языке: материалы Всероссийской конференции (13 – 15 декабря 1994 г.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 385 – 390.
20. Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М.: Индрик, 2001. – 503 с.

Источники

1. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. – М., 1980 – 1999.
2. Арьянова, В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / В. Г. Арьянова. – Томск: Изд-во ТГУ, 2007.
3. Богданов, В. Н. Талицкий словарь (диалектная лексика старожильского населения Талицкого сельсовета Усть-Канского района Горно-Алтайского автономной области) / В. Н. Богданов. – Горно-Алтайск, 1993.
4. Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002.
5. Дружинина, М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учебное пособие по русской диалектологии / М. Ф. Дружинина. – Якутск, 2002 (Г-И), 2007 (Р-Я).
6. Мотивационный словарь сибирского говора / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во ТГУ, 2009. – Т. 1, 2.

7. Мызников, С. А. Русские говоры Среднего Поволжья / С. А. Мызников. - Чувашская Республика, Республика Марий Эл. – СПб.: Наука, 2005.
8. Полный словарь сибирского говора: в 3 т. / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993.
9. Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1983 – 1996.
10. Словарь говора д. Ачим Красновишеревского района Пермской области (Акчимский словарь). – Пермь: Перм. ун-т, 1990. – Вып. 1 А – 3; Вып. 2 И – М.
11. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. – Пермь, 1973.
12. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск: Из-во СО РАН, 1999.
13. Словарь диалектного просторечья Среднего Приобья / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003.
14. Словарь орловских говоров: учебное пособие. - Орел: ОГПИ, 1992 – 2003.
15. Словарь русских говоров Алтая / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. - Т. III. – Ч. I. (буквы Л – О).
16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 вып. / отв. ред. О. А. Черепанова; гл. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.
17. Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. д-ра филол. наук А. И. Федорова. – Новосибирск, 1979.
18. Словарь русских говоров Приамурья. – М.: Наука, 1983.
19. Словарь русских говоров Прибайкалья. - Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1986, 1987. - Вып. 1. А – И; Вып. 2. К – Н.
20. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. - Красноярск: изд-во КГПИ, 1992.
21. Словарь русских говоров Сибири. – Новосибирск: Наука, 2005.
22. Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. – Свердловск, 1964 – 1988.
23. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвалдт). – Красноярск: КГПУ, 2003, 2005. – Т. 1, 2.
24. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. – Красноярск, 1988.
25. Словарь русских народных говоров. – СПб., 1953 – 1977. – Вып. 7, 15, 18, 35, 36.
26. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. – Омск, 1998.
27. Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. - Смоленск: СГПИ им К. Маркса, 1974 – 1993.
28. Ярославский областной словарь: учебное пособие. – Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981 – 1990.

УДК 81'23

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГО-МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

Е. В. Кушина

THE SEMANTIC OPPOSITION «OWN – ALIEN» AS THE REALIZATION OF IDEOLOGICAL MANIPULATIVE POTENTIAL OF POLITICAL DISCOURSES

E. V. Kishina

В статье описывается научное осмысление онтологических свойств семантического образования «свой – чужой» и его конкретная реализация на уровне политического дискурса, конструируется модель, отражающая наполнение семантических сфер «свой» и «чужой» в политической коммуникации разных исторических периодов.

The article deals with the scientific comprehension of ontological properties of the semantic formation «own – alien» and its particular realization at the level of political discourse, the model which reflects the content of semantic spheres «own» and «alien» in the political communication of different historical periods being created.

Ключевые слова: семантическая оппозиция «свой – чужой», политический дискурс, советский дискурс, манипулятивная функция.

Keywords: semantic opposition «own» – «alien», political discourse, soviet discourse, manipulative function.

Особенности представления знаний, отраженных в языке, установление соотношения между языковыми и неязыковыми знаниями являются базовыми вопросами, рассматриваемыми современной лингвистикой. Языковое структурирование внеязыковой действительности связывается с особенностями познания, менталитетом народа, его культурой.

В русле когнитивной науки были разработаны и описаны такие структуры представлений знаний, как категории, концепты, схемы, фреймы, сценарии, гештальты, модели и т. д. В ряду подобных образований выделяется и семантическая оппозиция «свой – чужой», онтологическая сущность которой определяется разными лингвистами как категория (семантическая, понятийная, лингвокультурологическая, коммуникативная, имплицитная), категориаль-

ный комплекс, концепт, концептуальная диада, лексико-семантическое поле. Языковеды сегодня решают вопросы, связанные с внутренней организацией данного образования, семантической общностью, характером экспликации и особенностями функционирования.

Актуальность исследования семантической оппозиции «свой – чужой» обусловлена сущностными признаками выделенного явления: «своё – чужое» – универсальный феномен, организующий все формы человеческого существования. Фундаментальный характер данной оппозиции определяется её участием в формировании онтологических представлений о бинарной структуре мира, его организованности по принципу «своё – чужое». «Это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [8, с. 127].

Гносеологическая деятельность, направленная на познание мира, преломление бинарной онтологической сущности в сознании наделяет дискретность мира опосредованным характером. Сферы «своё» и «чужое» наполняются многомерным содержанием, обусловленным как опытом всего человечества, так и ментальной деятельностью индивидуума. Универсальность представлений о бинарной структуре мира находит своё выражение в языке, отражающем фундаментальный принцип восприятия человеком мира. Знаковые системы раскрывают сущность «свойственности – чуждости» как базовой оппозиции, отражающей специфику мировосприятия определённой лингвокультурной общности.

Статья направлена на описание научного осмысления онтологических свойств семантического образования «свой – чужой» и представления его гносеологического образа на уровне организации политического дискурса.

Семантическая оппозиция «свой – чужой» в научном осмыслении. Универсальный характер оппозиции предопределяет междисциплинарный подход к её рассмотрению. Осмыслением феномена «свой – чужой» активно занимаются как отечественные, так и зарубежные представители разных областей гуманитарных знаний. Выделяемое образование подвергается научной рефлексии с позиций разных теоретико-методологических подходов.

Так, в рамках философской и культурной антропологии, социологии, политологии «своё – чужое» сводится к противопоставлению разных этнических общностей: «свой/русский народ» – «чужой народ/нерусский» (Э. Гуссерль, Н. Печерских, Р. Штихве, Е. Шервуд и др.). Подобная интерпретанта наделяется рядом функций:

1) этнодифференцирующая функция, выражающаяся в противопоставлении этнической специфики разных народов (наша культура – их культура, наш менталитет – их менталитет);

2) этноинтегрирующая функция, способствующая осознанию единства своей нации (осознание

некоторой группой самой себя как «своих» в отличие от «чужих»).

Широкое научное освещение получает социальная сущность данного феномена. Учёные размышляют о проблеме социального и духовного *отчуждения*, активно обсуждают вопросы *чужеродности* и преодоления *чуждости чужого*, проблеме *границы* и выявления *между-пространства*. Проблема *отчуждения* поднимается в разных аспектах как в русской, так и в западной философии, социологии, психологии, культурологии (Н. Бердяев, М. К. Мамардашвили, Э. Гуссерль, Э. Фромм, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. П. Сартр, Гадамер, Ю. Эппель и др.).

Проблема духовного и социального *отчуждения человека* обосновывается психологическим функционированием оппозиции «свой/чужой». Как отмечают в своих работах исследователи, затрагивающие вопросы психологического обоснования функционирования оппозиции «свой/чужой», данная дихотомия уходит своими корнями в принципы организации древнего мира. В. С. Иванов и В. Н. Топоров отмечали наличие этого противопоставления ещё в системе представлений древних славян, отмечая реализацию его в трёх планах:

1) социальная интерпретация оппозиции «свой – чужой»: первый член оппозиции («свой») означает принадлежность данной социальной группе, а под «чужим» понимается то, что не является преимущественным символом данной группы;

2) этническая интерпретация «своего – чужого»;

3) интерпретация по принципу «человеческое/нечеловеческое»: «свой» обозначает принадлежность к человеческому, а «чужой» – к нечеловеческому, звериному, колдовскому [3, с. 96].

Идентификация человеком себя как члена какой-либо общности включает многочисленные и разноплановые аспекты. Критериями отделения «своих» от «чужих» могут оказаться различные факторы: социальные, политические, этнические, религиозные, родственные или целый комплекс факторов. Подобная содержательная мозаичность предполагает разносторонний анализ выделяемого образования.

Так, в последнее время «своё – чужое» привлекает внимание как социологов, философов, так и лингвистов в связи с актуальностью проблемы толерантности, которая «основана на противопоставлении «свой – чужой» и постулирует терпимость к «другому», «иному» при отсутствии враждебности или отрицательного отношения к чужому» [4, с. 105]. Являясь индикатором категории человеческих взаимоотношений, толерантность непосредственно связывается с оппозицией «своё – чужое».

В современной научной парадигме широко представлен культурологический подход к описанию «свойственности – чуждости». Исследования духовной сферы человечества, выявление и описание констант русской культуры прямым образом соотносено с рассмотрением дихотомии «своё – чужое», отражающей ценностные ориентиры русского народа и многовековой опыт человечества (В. В. Воробьёв, Г. Г. Гачев, З. М. Волоцкая,

А. К. Байбурин, Ю. С. Степанов, В. А. Маслова, Е. С. Яковлева и др.). Исследования в данном направлении носят в преобладающем большинстве лингвокультурологический характер, так как построение русской национальной модели мира неотделимо от знакового воплощения дихотомии «свой – чужой». Путём выделения и описания «лингвокультурем» создаётся семантическое поле «свой – чужой», в роли компонентов которого выступают концепты, отражающие национальные стереотипы мировидения и мировосприятия. Так, доминантами сферы «свое», репрезентирующей особенности русской национальной личности, выступают такие черты, как доброта, отзывчивость, максимализм, альтруизм и т. д. «Наши»/«русские» особенности выделяются на основе сопоставления и противопоставления с компонентами сферы «чуждость» как репрезентантами архетипических признаков иной народности.

В последнее время внимание лингвистов привлекает собственно языковая сущность феномена «свой – чужой». Как уже было отмечено выше, лингвисты рассматривают вопросы, связанные с сущностными признаками данной группировки, её семантическими и формальными основаниями (В. В. Красных, А. Н. Серебренникова, М. Н. Петроченко, Р. Н. Порядина, С. Л. Сахно, Н. А. Санцевич, Е. П. Захарова и др.).

Гипотеза о существовании в русском языке особой категории семантического характера – категории «чуждости» была впервые высказана А. Б. Пеньковским: «На обоснование предлагается гипотеза о существовании семантической категории «чуждости» («отчуждения»? «алиенации»?), которая, в силу сказанного, должна сопрягаться с категорией отрицательной оценки («чужое – плохое») и иметь специальные средства языкового выражения (хотя бы в виде отдельных, не связанных друг с другом звеньев)» [5, с. 54].

Идея А. Б. Пеньковского, сформировавшаяся в рамках структуралистского подхода, нашла своё преломление в современных исследованиях когнитивного направления. «Описание «свойственности – чуждости» в свете когнитивной проблематики осуществляется на базе двух подходов: семиотического (объект – культурная оппозиция, структурирующая модель мира) и концептуального (объект – культуроспецифичный ментальный субстрат)» [7, с. 18].

Особенности смысловой реализации семантической оппозиции «свой – чужой» раскрываются лингвистами на разнообразном материале (фольклорные тексты, публицистика). Базовыми же являются исследования языковой репрезентации «свойственности – чуждости» на материале диалектной речи.

Наиболее активно данное направление развивается представителями томской лингвистической школы (З. И. Резанова, Т. А. Демешкина, И. В. Тубалова, А. Н. Серебренникова, Р. Н. Порядина, М. Н. Петроченко и др.). Анализ смыслового содержания «свойственности – чуждости» на уровне индивидуального дискурса диалектоносителей выявляет специфику моделирования народной картины

мира в аспекте противопоставления «свой – чужой». Интерпретация данной оппозиции в диалектах проводится в разных аспектах: территориальном, социальном, конфессиональном, этническом.

В исследованиях, посвящённых «свойственности – чуждости», не подвергается сомнению категориальный статус данной группировки. Признание за данным объединением категориального статуса мотивирует обращение лингвистов к вопросам, связанным с внутренней организацией «свойственности – чуждости». К сожалению, работы, обосновывающие именно категориальную сущность «свойственности – чуждости», на сегодняшний день единичны. Данный аспект последовательно отражён в исследованиях Р. Н. Порядиной, которая, определяя категорию «свойственности» как семантическую категорию, обосновывает её семантическую дискретность (распадение семантической области категории на три взаимосвязанных зоны – «близкий к «Я», «необходимый для существования «Я», «требующий участия «Я») и разноуровневые способы выражения, базовыми из которых являются единицы лексического уровня [6].

Привлекает внимание лингвистов и разноуровневая эксплицированность семантики «свойственности – чуждость». При общем признании приоритетного положения единиц лексического уровня речь сегодня идёт о широких путях экспликации «свойственности – чуждости». Экспликантами «свойственности – чуждости» признаются единицы прагматического, словообразовательного, синтаксического, текстового уровней.

Таким образом, семантическая оппозиция «свой – чуждой», будучи объектом научной рефлексии представителей разных областей знаний, привлекает в последнее время и внимание лингвистов. Но, несмотря на активизирующиеся исследования в этом направлении, проблема языковой сущности «своего – чужого» остаётся малоизученной. Нерешёнными остаются многие вопросы, связанные как с теоретическими основаниями, так и с функционированием данной категории. К числу проблемных «зон» могут быть отнесены и вопросы, касающиеся репрезентации «свойственности – чуждости» на уровне социального дискурса.

Семантическая оппозиция «свой – чужой» в политическом дискурсе. Фундаментальный характер «свойственности – чуждости» как отражение онтологической бинарности мироустройства обуславливает широкую репрезентативность выделяемого образования. Коммуникативная гибкость «своего – чужого» основана на прагматической и социальной сущности данного феномена: членение мира на сферы «свое» и «чужое» осуществляется субъектом познания, категоризирующего мир относительно себя. Социологизированная сущность познающего субъекта мотивирует категоризацию по принципу «свое – чужое» как с позиций индивидуализированного Я, так и с позиции социальной группы.

Основу анализируемого феномена составляет фигура говорящего – Я, что обуславливает эгоцен-

трический характер подобного образования. Для определения границы между «своим» и «чужим» необходимо осознание себя как Я в противопоставлении ДРУГОМУ. Оппозиция Я – ДРУГОЙ, организующая единство семантического образования «свой – чужой», является производящей основой для образования групп более сложного характера, предполагающих не только различие, но и потенциальное взаимодействие:

Я – МЫ (выражение человеческой общности);

Я – ТЫ (процесс коммуникации с другими людьми);

Я – Я (процесс автокоммуникации, внутренний диалог с собой);

МЫ – ОНИ (взаимодействие на уровне разных социальных общностей);

Я – ОНИ (противопоставление себя социальной группе).

Разноуровневая категоризация обуславливает нетождественный характер отождествляемых денотатов: с позиций Я категоризации подвергаются объекты реальной действительности и ментальные образования, наделяемые определёнными личностно-ценностными смыслами, с позиций совокупного МЫ такому членению подвергаются различные образования социально-ценностного характера. Двуправленность категориальной модели вербализируется на уровне двух типов дискурсов – личностного и социального.

В группе дискурсов, раскрывающих социологизированную сущность «своего – чужого», особое место занимает политический дискурс, возводящий «свойственность – чуждость» в ранг социально-политических отношений. Специфика «свойственности – чуждости» в политической коммуникации предопределяется сущностными признаками политического дискурса как такового.

Институциональный характер политического дискурса наделяет данные сферы ярко социологизированным характером: в качестве категоризирующего субъекта выступает статусно-ролевое МЫ, членящее мир на «свое» и «чужое» с социально-прагматических позиций. Смена категоризирующего субъекта мотивирует и изменение объекта категоризации, относительно которого выстраивается оппозиция. В качестве объектов реальности, по отношению к которым категоризирующий субъект определяет расположение компонентов «свое – чужое», начинают выступать различного рода объединения (общественно-политические группы, партии, нации, страны) либо отдельные объекты как носители определённых социально-политических признаков (политические оппоненты, противники, представители иных социальных группировок).

Видоизменение денотативного ядра категории мотивирует трансформацию аксиологической направленности данной группировки. Ценностные установки познающего субъекта, формирующие категориальные сферы «свое – чужое» на уровне личностно-ориентированного дискурса, перерастают в прагматико-манипулятивные установки, организующие пространство политического дискурса. По-

добная модификация обуславливает наделение «свойственности – чуждости» манипулятивным и регулятивным характером.

Семантико-ценностные параметры «свойственности – чуждости», проявляющиеся в прагматическом противопоставлении компонентов политической деятельности, переводят рассматриваемую оппозицию в разряд ядерных образований политической коммуникации. «Оппозиция «свой – чужие» определяет специфику политического, так же, как оппозиция «добро – зло» является базовой для области морального, «прекрасное – безобразное» – в области эстетического ...любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичным по отношению к данной оппозиции» [9, с. 122].

Манипулятивно-прагматический потенциал «своего – чужого», обуславливающий ведущую роль данной группировки в построении конвенциональных стереотипов, речевых тактик и стратегий, политических мифов, неоднократно подчёркивался лингвистами: «бинарная оппозиция «свой – чужой» составляет основу идеологического компонента значения, присущего идеологемам» [1, с. 91]. При этом подобные идеи высказываются как лингвистами, так и социологами, политологами, определяющими базовую роль «свое – чужое» и производных от неё образований («друг – враг», «мы – они») в общественно-политической жизни российского государства (А. Цуладзе, Б. С. Ерасов, О. Погонина и др.).

Воздействующий потенциал оппозиции «свой – чуждой» предопределён базовой семантикой дихотомии: интеграции/сплочённости – разъединения/отчуждения. Обыгрывание значения единения – разобщённости в политической коммуникации наделяет данную дихотомию идеолого-манипулятивным смыслом

Роль «свойственности – чуждости» как элемента государственной идеологии сводится к репрезентации значения единения и сплочённости общества, оппозиция «мы – они» становится одним из важнейших средств консолидации общества. Интегративное значение сферы «свое» используется в целях стабилизации и поддержания существующего типа государственного устройства. Идеологическая мотивированность языкового употребления сферы «чужое» сводится к выражению компенсаторной функции, усиливающей консолидацию нации (образ «чужих» может быть рассмотрен как социальный конструкт, используемый для поддержания сплочённости «своих»).

Языковые репрезентанты «свойственности-чуждости» являются коррелятами внедряемых и поддерживаемых идеологом совместности, единения, развития и функционирования государства. Использование категориальной семантики «свойственности – чуждости» в политической коммуникации наделяет лексические единицы анализируемой группы идеологическим компонентом значения. Лексические показатели «свойственности – чуждости» становятся идеологическими маркерами,

влияющими на характер социальных действий представителей нации.

Семантика «свойственности – чуждости» становится базовым языковым механизмом в реализации стратегий и тактик, направленных на моделирование общественного сознания и корреляцию социальных действий. Категориальная организованность политических дискурсов по принципу «своё – чужое» позволяет реализовать ведущие коммуникативные стратегии адресантов – «солидаризирующие» и «изолирующие» стратегии, которые, однако, нельзя полностью разделять, так как определение группы «мы» («свои») всегда осуществляется относительно группы «чужие» и наоборот» [2, с. 104].

«Солидаризирующие» и «изолирующие» стратегии, базирующиеся на прагматической репрезентации компонентов «своё – чужое», используются в целях внедрения в массовое сознание требуемых образов и представлений.

Рассматриваемая бинарная оппозиция выступает в роли своеобразного индикатора иллюкативной направленности политических дискурсов: интерпретация и созидание социальной реальности по «своим» правилам, акцентуированным конфронтационным изображением «других». Манифестация «своих» позиций, оценок, противостоящих «чужим», репрезентация авто- и гетеростереотипов приводит к выработке общественного мнения и корреляции социальной доминанты, является эффективным способом внедрения желаемого образа действительности и формирования определённых стереотипов массового сознания.

Подобное положение, с одной стороны, подчёркивает широкую репрезентативность «своего-чужого» в политической коммуникации, а с другой стороны, актуализирует необходимость его научного осмысления. Одним из возможных направлений в данном случае представляется построение модели, отражающей устройство анализируемого образования.

Модель семантической оппозиции «свой – чужой» на уровне политического дискурса. Яркий социологизированный характер «своего – чужого» в политическом дискурсе находит отражение в структуре рассматриваемого семантического образования. Как уже было отмечено выше, ядерное положение индивидуализированного Я, оценивающего мир относительно себя, в политическом дискурсе занимает совокупное МЫ как репрезентант социальной общности людей.

Смена ядерных позиций предопределяет трансформацию вертикального членения мира. Если с позиции индивидуума мир дробится снизу вверх (от личного Я до социальных образований), то реальность, преломленная через общественное сознание, членится сверху вниз (от социального континуума до личного Я). Фокусное расширение и сужение отражается в полевой организации семантической оппозиции: периферийное положение социологизированных сегментов с индивидуальных позиций и

центральное – с точки зрения общественно-социальных отношений.

Семантические сферы «своё – чужое» в политическом дискурсе наполняются содержанием, репрезентирующим социально-политическую модель общества и стереотипы восприятия социального миростроения. Формирование категориальных сфер «своё – чужое» в публицистике во многом обусловлено эмоционально-когнитивными процессами объединения /разобщения себя с другими представителями социума по разным основаниям, базовыми из которых являются: 1) социальный статус; 2) политическая позиция; 3) этнический фактор.

Характер интенциональной направленности политических дискурсов мотивирует участие каждого из выделенных образований в содержательном наполнении как сферы «своё», так и сферы «чужое». Позиция субъекта политической коммуникации, отражающая субъективную категоризацию мира по принципу «своё – чужое», координирует структурную амбивалентность данных групп. Социальные, политические, этнические факторы могут являться как содержательными конструктами сферы «своё» (*мы, рабочие, учителя, коммунисты, патриоты, русские люди*), так и сферы «чужое» (*чиновники, правящий класс, лжедемократы, левые, зюгановцы, фашисты, лица кавказской национальности*).

Содержательная амбивалентность модели «свойственности – чуждости» сопряжена с динамичным, подвижным характером рассматриваемого образования. Различные этапы становления и развития общественного сознания модифицируют смысловое наполнение семантических полей «своё – чужое».

Так, в средствах массовой информации советского периода существования языка членение мира на сферы «своё – чужое» по социальному, политическому и этническому факторам являлось репрезентантом единства нации, её сплочённости и монолитности (*нерушимое единство партии и народа, морально-политическое единство советского народа, общенародное государство, интернациональное братство, братская солидарность*). Участие же данных процессов в формировании диаметрально противоположной сферы «чуждость» носит дискретный характер.

Политическая ситуация обуславливает актуализацию прежде всего политического фактора при формировании категориальной сферы «чуждость», то есть неприятия советским государством позиции отчуждаемых, враждебно настроенных стран (*толстосумы-антикоммунисты, антисоветские элементы, империалистические агрессоры, враги Советской власти*) и представителей советского социума, не согласных с господствующей идеологией (*диссиденты, идейные враги, беспартийцы, политические диверсанты, пособники антисоветских деяний, предатели*). Категоризация мира сквозь призму политических мотивов подчёркивает доминирующий в этот период идеологизированный характер отчуждения. Формирование сферы «чуждость» по социальному основанию базируется на принципах социально-ценностной регуляции. В ка-

честве отчуждаемых объектов выступают советские люди, нарушившие нормы общественной жизни (*пьяницы, стяжатели, тунеядцы, хулиганы, приспособленцы, воры*).

Отчуждение по этническому признаку в доперестроечной политической коммуникации практически элиминировано. Идеологическая позиция советского государства, одним из принципов которой был принцип братства и единства со всеми народами, мотивирует отнесение данного образования к категориальным репрезентантам сферы «своё» (*единение стран, братское сотрудничество, солидарность с народами, содружество*).

Современные политические дискурсы демонстрируют модификацию содержательных компонентов «свойственности – чуждости». Трансформация модели «свойственности – чуждости» заключается в перераспределении ядерных позиций категориальных компонентов. Ядерное положение сферы «своё» советских политических дискурсов (при ярко дуалистической организации «своего – чужого») занимает сфера «чуждость» современных политических текстов (при мозаичном характере данной группировки).

Социальные, политические, этнические признаки как базовые образования, формирующие векторы «своего – чужого», получают иное смысловое наполнение в современных политических дискурсах: доминирующая сема «национальное единство» трансформируется в базовое выражение расчленённости общества. Современное российское общество в публицистических текстах последних лет предстаёт как социально гетерогенное и расчленённое по различным признакам.

К примеру, социальный фактор становится конструктом целого ряда образований, репрезентирующих прежде всего социальную расчленённость людей. При этом доминирующее место в многоступенчатой общественной конфигурации занимает противопоставление двух крупных социальных страт: «народ» и «власть». Политическое расслоение социума сводится к выделению групп «*наша партия – их партия*», «*единомышленники – оппоненты*». Этническая самоидентификация выражается в выделении группы «*русских людей, россиян*» и «*иностранцев*».

Помимо названных концептообразующих параметров в современных политических дискурсах выделяются и не функционирующие ранее образования, конструирующие сферы «своё» и «чужое». К таким единицам может быть отнесён религиозный признак, на основе которого выделяются такие конфессиональные страты, как «*мусульмане*», «*иудеи*» и т. д.

Каждый из обозначенных векторов подвергается дальнейшей сегментации, их содержательное наполнение выкристаллизовывается целым рядом смысловых компонентов. Так, внутри образования «*народ – власть*» выделяются такие более частные группы, как «*люди труда – чиновники*», «*работяги – пустословы*», «*нищие – олигархи*», «*обыватели – бюрократы*» и т. д. При этом выделенные группы подвергаются дальнейшей категоризации по принципу «своё – чужое» («*власть*» → *структура власти: «верхи» – «местничество»* и т. д.).

Полевая организация «свойственности – чуждости» осложняется наложением пространственных и временных векторов, характерных для дискурсов различных типов. В политической коммуникации советского периода пространственная организованность по принципу «своё – чужое» касалась прежде всего противопоставления «*нашего государства*» идеологически чуждым нам странам. Для современных же политических дискурсов характерно не только внешнее противопоставление одного государства другому, но и противопоставление внутри страны (*Москва – периферия, центр – окраина*).

Временная соположенность мотивирует выделение образований, соотносящих настоящий момент действительности с прошлым опытом человечества. При этом сегмент «прошлое» может наделяться как семей «отчуждение» (*раньше было плохо → не наше время*), так и семей «своё» (*раньше было лучше → наше время*).

Таким образом, модель семантической оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе представляет собой иерархическое образование ярко социологизированного характера, обладающего признаками динамичности и амбивалентности компонентов.

Литература

1. Бакумова, Е. В. Коммуникативные характеристики институциональных типов политиков / Е. В. Бакумова // Социальная власть языка. – Воронеж, 2001. – С. 91 – 96.
2. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика: [пер. с англ. и нем.] / Р. Водак; ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1997. – 138 с.
3. Иванов, В. С. К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы / В. С. Иванов, В. Н. Топоров // Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965. – С. 63 – 218.
4. Михайлова, О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста / О. А. Михайлова // Филологические и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 99 – 111.
5. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики 1985 – 1987. – М.: Наука, 1989. – С. 54 – 82.
6. Порядина, Р. Н. О семантической категории «свойственности» в русском языке / Р. Н. Порядина // Картина мира: модели, методы, концепты: материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 74 – 80.
7. Серебренникова, А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности – чуждости» (лингвокультурологический аспект) / А. Н. Серебренникова: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 210 с.
8. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 482 с.
9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 386 с.

УДК 7.01+821.111

**РОЛЬ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ РЯДОВ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ
В ПЛАНЕ РЕЧЕВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ УЧЕНОГО***М. П. Котюрова***THE ROLE OF COORDINATIVE NUMBER IN SCIENTIFIC TEXT
IN TERMS OF SCIENTIST'S SPEECH INDIVIDUALITY***M. P. Kotyurova**Исследование выполнено при поддержке Гранта РГНФ 11-34-00228a1.*

В статье рассматривается одна из востребованных научным стилем речи языковых единиц – лексико-синтаксическая единица «сочинительный ряд», ориентированный на выражение аналитико-синтезирующей способности мышления ученого. Различное оформление сочинительных рядов и их контекстуального окружения свидетельствует о тяготении автора либо к аналитической, либо к синтезирующей стороне мысли. На этом основании акцентируется роль сочинительных рядов, использованных в научном тексте, в отношении выражения либо процесса, либо результата мысли – в плане речевой индивидуальности ученого.

One of the most popular in scientific speech style linguistic units – lexical-syntactical unit “coordinative number” that is focused on the expression of analytic-synthesize ability of scientist’s mind is under consideration. Different organization of coordinative numbers and their contextual surrounding testify that the author is prone to analytical or synthesize side of thought. On the base of this fact the role of coordinative numbers used in scientific text is accented concerning the expression of thought’s process or of thought’s result – in terms of scientist’s speech individuality.

Ключевые слова: аналитико-синтезирующая познавательная деятельность, научный текст, сочинительный ряд, индивидуальный стиль речи ученого.

Keywords: analytic-synthesize cognitive activity, scientific text, coordinative number, individual speech style of scientist.

Из психологии научного творчества известно, что аналитико-синтезирующая деятельность ученого лежит в основе любого стиля его мышления (дискретно-логического, критического, метафорического и др.). Мало того, анализ пронизывает также и всю речевую деятельность человека, по существу, каждую речевую единицу.

Понятно, что анализ неизбежно либо проявляется в гармонии со всем речевым контекстом, либо определенно доминирует и потому не просто эксплицируется, но даже акцентируется специальными или функционально ориентированными единицами. Иначе говоря, несмотря на всеобъемлющий характер аналитичности мышления ученого, она репрезентируется в тексте единицами разных языковых уровней в зависимости от предпочтений автора, обусловленных индивидуальными особенностями его мышления. На наш взгляд, при развертывании текста неизбежно обращение к использованию сочинительных рядов – такой лексико-синтаксической конструкции, которая способна передать и процессуальность мыслительного действия, и его результат.

Цель данной статьи – рассмотреть функционирование сочинительных рядов как одной из ярких лексико-синтаксических единиц, которые *формируются* в языке в условиях нерасторжимого единства таких мыслительных действий, как анализ, притяжение, объединение, обобщение и синтез предметов рассмотрения, а *используются* автором под воздействием различных нелингвистических факторов, и прежде всего индивидуального стиля мышления ученого и научного функционального стиля речи.

В «Русской грамматике» 1980 г. о сочинительных рядах читаем: «Словоформы, составляющие ряд, обычно занимают в предложении одну и ту же синтаксическую позицию... Такие словоформы, объединенные сочинительной связью, являются однородными членами предложения... ряд может быть образован также словоформами, связанными с одним и тем же членом предложения, но занимающими разные синтаксические позиции. ... Это – неоднородные члены. ... В составе ряда в сочинительные отношения вступают не только отдельные словоформы, но и целые словосочетания или синтаксические группы, включающие обособленный оборот или придаточное предложение» [1, с. 166 – 167].

Из этой трактовки сочинительных рядов видно, что они предоставляют широкие возможности для выражения анализа предмета рассмотрения, притяжения однородных и неоднородных в семантическом отношении понятий, их конкретизации (уточнения), объединения и даже синтеза, причем не только в различных соотношениях анализа, притяжения и синтеза, но и в их переходах, «переливчатости». Особенно интересными представляются сочинительные ряды и их использование в тексте применительно к вопросу об авторской речевой индивидуальности ученого.

Благодаря многочисленным ассоциативным экспериментам, осуществленным в рамках психолингвистических исследований, установлено, что вербальные ассоциации, а также притяжение, осуществленное на их основе, индивидуальны. Развернутый текст, в котором эксплицируются сочинительные ряды, позволяет трактовать содержание, с одной стороны, как продукт познавательной дея-

тельности субъекта. С другой стороны, форма этого «субъективированного» продукта социально закреплена, «одобрена» в предшествующем опыте как форма самой познавательной деятельности. Исходя из этого, по-видимому, можно выявить не только общие черты ассоциативных процессов, имеющих место при построении текста с сочинительными рядами, но и увидеть определенные предпочтения автора, связанные с тяготением к выражению научного знания либо со стороны его «результативности», либо со стороны «процессуальности».

Обратимся к семантике конструкций с сочинительными рядами.

1. Подчеркнутое выражение **дифференциации**: «В языковых значениях следует различать их смысловую основу и интерпретационный компонент» (4, с. 35); «При анализе семантики длительности и средств ее выражения необходимо различать а) внутреннюю длительность действия и б) внешнюю детерминацию длительности» (4, с. 38); «Он (О. Дюкро. – М. К.) предлагает разделить семантическое описание языка на два компонента: собственно лингвистический и риторический» (2, с. 55).

2. Явное выражение **притяжения, присоединения, уточнения**.

Важно отметить, что концентрация сочинительных рядов в одном предложении, а также использование парных союзов *не только.., но и; не.., а; не как.., а как* и мн. др. в качестве акцентуаторов связи однородных членов сочинительного ряда, неизбежно индивидуализируют речь автора. Как представляется, употребление таких «сигналов», свидетельствующих об открытых сочинительных рядах, как *и др., и т.д., и т. п.*, также обусловлено ориентацией мышления автора на выражение процессуальности (а не результативности) мысли, что, в свою очередь, вносит вклад в формирование индивидуального стиля изложения.

«К рематизирующим единицам относятся частицы, наречные обороты, глагольные обороты и формулы» (4, с. 19).

«Научная картина мира, напротив, строится (далее следует 1-й сочинительный ряд) осознанно, сознательно, целенаправленно и искусственно», при помощи (2-й ряд) специального языка, терминологии, И ПОТОМУ ее устройство легко поддается (3-й ряд) описанию и экспликации: она стремится (далее, 4-й ряд) к строгости, точности, объективности, логичности, обобщенности, абстрактности, рациональности, непротиворечивости, унифицированности, универсальности и формальности» (3, с. 64);

«...направление в лингвистике,.. ставшее к началу ХХI в. магистральным. Оно позволяет связать сущность языка с жизнью, личностью, народом, его менталитетом, культурой, национальными особенностями и т. п., И ПОТОМУ выводит лингвистику в общественный гуманистический контекст» (3, с. 58);

«Языковая картина мира запечатлена НЕ ТОЛЬКО в лексических единицах, их **пресуппози-**

циях, коннотациях, импликациях, этимологии, внутренней форме и др., НО И в грамматическом строе языка» (3, с. 62);

«Изложенные воззрения Рассела во многом определили НЕ ТОЛЬКО основные **признаки** пропозиции, НО И тот **круг проблем**, который стало принято связывать с этой категорией» (2, с. 27);

«...теперь значение слова рассматривается уже НЕ КАК семантически автономная **категория**, своего рода **смысловой атом**, А КАК **функция** значения предложения» (2, с. 23);

«По существу, концептуальный анализ представляет собой семантический анализ лексики, грамматики и прагматики языка, сочетаемости, идиоматики, этимологии и др.» (3, с. 62 – 63).

Сочинительные ряды представляют собой языковую реализацию притяжения если не однородных предметов мысли, то во всяком случае имеющих имплицитное сходство, на основе которого и возможно ассоциирование. См., например: «Самая яркая черта языковой картины мира – ее **выразительность, эмоциональность, импрессионность, вовлеченность** в нее субъекта – его отношения к миру, **предметность, наглядность, образность, «симптоomaticность», меткость и** в целом – **антропоцентричность и интерпретативность**» (3, с. 66). Поэтому можно считать возможным соотношение его применения со степенью интенсивности ассоциирования, а именно (соответственно) со слабым, средним и сильным притяжением.

Разумеется, в речи выражение этого способа познания континуально и вполне отражает то обстоятельство, что любые высказывания, в том числе сочинительные ряды, – как открытого, так и закрытого типов – представляют собой «застывшие продукты» знания, полученного в определенные, актуальные для автора моменты познавательной деятельности. В частности, открытые сочинительные ряды выражают аналитичность с акцентом на процессуальности, закрытые же – на результативности, причем компоненты сочинительных рядов объединены с различной степенью интенсивности.

Ср.: «Модель мира – скорее **принцип** анализа картины мира, **отбор** ее **параметров и координат**, **отражение** внешней **формы и структуры** мира, **осознание** базового, доконцептуального уровня его практической категоризации, а не его содержания, устройства и внутреннего смысла, того, что движет миром человека, его ценностей» (3, с. 68).

Как видим, дефиниция «модели мира» построена на иерархическом соотношении сочинительных рядов как открытого типа **принцип, отбор, отражение, осознание; базового, доконцептуального уровня; человека, его ценностей** (можно продолжать перечисление однородных членов), так и закрытого – **параметров и координат; содержания, устройства и внутреннего смысла; внешней формы и структуры** мира.

Интересно, что при слабом ассоциировании (притяжении) компоненты сочинительного ряда либо не имеют конкретизаторов, либо конкретизатор входит в состав термина, представляющего собой

восполняющее словосочетание, либо один из них или каждый имеют несущественные, *незначимые конкретизаторы*. Например: «...ментальная / интеллектуальная сфера человека неразрывно связана со всеми другими его системами, но особенно показательна ее *связь с восприятием, эмоциональными состояниями, социальными действиями и поведением*» (3, с. 228).

При наличии сочинительного ряда с *общим конкретизатором* можно говорить о *средней* степени ассоциативности компонентов ряда, так как общий компонент эксплицирует основание притяжения; общий компонент может иметь различное синтаксическое оформление; например:

«Действующие в человеке *разнообразные «силы» – желания, потребности и опасения, голос разума и рассудка, социальные факторы*, делают его поведение (= решение) *слабо предсказуемым*» (3, с. 254);

«Итак, пропозиция, по Льюису, имеет полную семантическую структуру термина, образуемую в его системе *такими категориями, как денотация, или экстенсия, коннотация, или интенсия, протяженность (comprehension) и обозначающее, или сигнификация*» (2, с. 31) и др.

Сильную ассоциативную связь компонентов, т. е. синтезирующую сторону познания, подчеркивает сочинительный ряд с *общим конкретизируемым компонентом*, который фиксирует результат расчленения (деления) понятия по определенному ассоциативному признаку. Общий компонент ограничивает область ассоциирования. Приведем примеры.

«Принято говорить, что предложение и его номинативные эквиваленты обозначают *события (ситуации, факты, положения дел, реальные и гипотетические)*...» (2, с. 78);

«В последнее десятилетие генеративный принцип построения грамматики смягчил границы между явлениями *фонологии и морфологии, морфологии и синтаксиса, синтаксиса и лексики*, подчинив их единой цели порождения предложения» (2, с. 81);

«Проблема соединения слов имеет *два аспекта – лексический и семантический*, – которые не всегда ясно разграничиваются» (2, с. 81).

Использование сочинительных рядов способствует компрессии текста, поскольку, наряду с эксплицитным, дает возможность опустить (имплицитовать) повторяющийся компонент сочинительного ряда; см., например: «Различается соответственно *«находчивость», «умысел» и «вымысел», или ловкость, хитрость и фантазия*» (3, с. 255) (можно опустить общий компонент сочинительного ряда: «...*обман как средство самосохранения, [обман – опустить] как средство получения личной выгоды за счет нанесения ущерба другим людям/ обществу, и [«обман» - опустить] ради развлечения...*»;

«... общий взгляд на мир *как объект исследования и* (имплицитно: *как объект*) *логического осмысления*» (2, с. 22);

«Категории классической логики, как известно, определялись прежде всего *по их отношению к типам и* (имплицитно: *по их отношению к*) *формам мышления*» (2, с. 23);

«... пропозиция... стала постепенно освобождаться от категорий субъективной модальности, передвигаясь тем самым *в направлении от утверждения о событии... к обозначению* самого события, (имплицитно: *в направлении от*) *выражения* того, что мы думаем о мире, *к обозначению* того, что происходит в мире» (2, с. 24);

«...гомогенная теория, которая бы не делала принципиальных различий между *значением слова*, (имплицитно: *значением*) *предложения и* (имплицитно: *значением*) *высказывания*, едва ли может оказаться эффективной» (2, с. 44);

«... исследования представлений и понятий, сформировавшихся *в языке и* (имплицитно: *сформировавшихся*) *языком*» (3, с. 57) и др. [Заметим, что этот пример свидетельствует о грамматической ситуации, когда компонентами сочинительного ряда являются неоднородные члены; см.: *в языке и языком*].

Нельзя не сказать и о том, что сочинительный ряд – не «чисто» синтаксическая единица, а именно лексико-синтаксическая, поскольку хотя и формируется как средство выражения определенного смысла, но неизбежно приспосабливается к окружению, контексту. Компоненты сочинительного ряда могут объединяться посредством:

а) глагола (*Практическая картина мира отражает повседневную жизнь, ее естественный фон, который находится на периферии внимания, так как фиксирует близкое, знакомое, привычное, типичное, повторяющееся* – 3, с. 63); *Практическая картина мира состоит из простых, «физических», а не абстрактных понятий, ее главная отличительная черта – интерпретация ненаблюдаемого через наблюдаемое, воспринимаемое, предметное, явное, «осознаемое»* – 3, с. 63);

б) имени существительного (см. выше: *интерпретация*);

в) предлога (*В языке соответствующие операции нашли свое предельно активное воплощение в виде синкретизма, многозначности и полифункциональности*) (3, с. 22);

г) восполняющего словосочетания (*Возрастающие на порядки объемы обрабатываемой информации и ее небывалое разнообразие особо остро ставят проблему качества, скорости и эффективности их работы*) (3, 51 – 52).

Нельзя не констатировать, что развернутые тексты предоставляют богатейший материал для анализа функционально-семантической стороны сочинительных рядов. Особенно интересным представляется рассмотрение сочинительных рядов в плане а) «силы» их ассоциирования и б) индивидуальных предпочтений авторов, использующих данную синтаксическую конструкцию. Так, «сила ассоциирования», несомненно, увеличивается при использовании вместе с союзом дополнительных связующих средств.

Например: «Современная **логика**, а *вслед за ней* [или: *вместе с ней*. – М. К.] **и лингвистика** часто прибегают к понятию пропозиции» (2, с. 21);

«...однако мы судим *не о предмете* как о физической сущности, субстанции, а *о его свойствах*, образующих факт» (2, с. 22);

«...теперь значение слова рассматривается уже *не как семантическая автономная категория, своего рода смысловой атом, а как функция значения предложения*» (2, с. 23);

«...термин «пропозиция» ... был воспринят лингвистами, отнесшими его к языковой форме выражения суждения – к **повествовательному предложению**, а *затем и к любому предложению вообще*» (2, с. 24).

Примеры показывают, что компрессию обеспечивают не компоненты сочинительного ряда, а их непосредственное окружение. И чем более развернут контекст сочинительного ряда, тем теснее связываются компоненты сочинительного ряда, тем более компрессируется содержание текста. Ср.: «(Концептуальный анализ. – М.К.) показал **роль** (имплицитно: *метафорического осмысления действительности в обыденном сознании и языке*) **и место** *метафорического осмысления действительности в обыденном*» *сознании и языке*» (Рябцева, 59).

Естественно, что в тексте сочинительные ряды могут находиться в весьма развернутом окружении, которое, несомненно, актуализирует связь компонентов (акцентирует притяжение) или ослабляет ее посредством наиболее полного и точного либо размытого (многословного) выражения содержания. С одной стороны, с целью усиления, акцентуации

притяжения компонентов сочинительного ряда используются различные языковые и несобственно языковые возможности оформления текста. С другой стороны, выражение компонентов сочинительных рядов в форме развернутых смысловых групп (относительно самостоятельных), конечно, не способствует их притяжению, наоборот, как бы ослабляет связь, формально эксплицированную сочинительными союзами.

Важно подчеркнуть, что конструкции с сочинительными рядами в различном контекстуальном оформлении нет смысла рассматривать как сугубо индивидуальные, поскольку они если и не реализованы в данном тексте, то потенциально вполне возможны в речи любого автора. Тем не менее реальное их использование с доминантой на дифференциации, притяжении, присоединении или обобщении, несомненно, обусловлено тяготением автора к аналитической или синтезирующей стороне его мыслительной деятельности.

Литература

1. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1980.

Список исследованных цитированных текстов

2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976.

3. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М.: Академия, 2005.

4. Язык: система и функционирование: сб. научных трудов. – М.: Наука, 1988.

УДК 82.09

СПОР ВОКРУГ «МЕРТВЫХ ДУШ»: ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА ОБ «АКТЕ ТВОРЧЕСТВА»

М. Ю. Лучников

DISPUTE ABOUT «DEAD SOULS»: DISCUSSION OF THE «CREATION ACT» ISSUE

М. Y. Luchnikov

В статье определяется объем понятия «акт творчества» – центрального в полемике между В. Г. Белинским и К. С. Аксаковым. Автор приходит к выводу, что сложная диалектика схождений и расхождений в позициях критиков обусловлена, с одной стороны, стремлением размежеваться по линии идеологии (особенно это заметно у Белинского) и, с другой – общностью базовых принципов эстетической оценки литературного произведения.

The article defines denotation of the word combination «creation act», which is central in the polemic between V. G. Belinsky and K. S. Aksakov. The author concludes that complex dialectics of agreements and disagreements in the critics' positions are based, on the one hand, on the desire to line up ideologically, especially evident in Belinsky's works, and, on the other hand – on the solidarity in *fundamental* principles of the literature work's aesthetic estimation.

Ключевые слова: акт творчества, художественное, риторическое, западничество, славянофильство.

Keywords: creation act, artistic, rhetoric, Westernism, Slavophilism.

В предыдущих статьях [11, 12] была сделана попытка уяснить смысл «послания» Белинскому, скрыто содержащемуся в брошюре К. Аксакова. Вкратце его содержание можно свести к следующему: Аксаков хочет, чтобы Белинский ясно высказал свое мнение о масштабе такого явления, как «Мерт-

вые души», и его месте в мировой и русской литературе.

Двойное сопоставление Аксакова (поэмы Гоголя с древним эпосом и Гоголя с Гомером и Шекспиром) такой масштаб задавало с непреложной ясностью и сразу ставило «Мертвые души» выше не только текущей литературы (русской и европей-

ской), но и выше самых высоких образцов поэзии Нового (в широком смысле этого слова) времени, в том числе и поэзии русской в лице Пушкина и Лермонтова.

Между тем в статье Белинского поэма Гоголя **прямо** была сопоставлена только с текущей русской литературой (после Пушкина и Лермонтова), которая в целом оценивалась крайне низко. Это, разумеется, затемняло представление о масштабе «Мертвых душ» и до известной степени ставило под сомнение энтузиазм Белинского. Однако отсутствие прямого сравнения (вообще говоря, в высшей степени характерного для Белинского) не исключало возможности косвенного, между строк, сопоставления. Коль скоро творчество Гоголя было охарактеризовано Белинским как синтез «художественности» (понятие, ассоциирующееся у него прежде всего с творчеством Пушкина) и «глубины мысли» (понятие, ассоциирующееся у него прежде всего с творчеством Лермонтова), возникала возможность считать его высшей по отношению к предыдущим (которые в этом случае выступают как тезис и антитезис) фазой развития творчества.

Отсутствует в статье Белинского и прямое сопоставление «Мертвых душ» с древним эпосом. Однако характеристика пафоса Гоголя, в котором «духовно-личная самость» автора, так сказать, растворяется в «блаженствующем в себе национальном самосознании», **объективно** сближала поэму Гоголя с архаическими формами искусства и прежде всего именно с гомеровским эпосом.

Можно выделить и другие места в статье Белинского, с которыми Аксаков мог бы условно согласиться. Такова характеристика Гоголя как «русского национального поэта во всем пространстве этого слова» и упоминание о том, что «русский дух ощущается ... в характерах действующих лиц, от Чичикова до Селифана и «подлеца чубарого» включительно» [4:5, с. 52], [29]. При сопоставлении того места из письма Белинского к Аксакову, в котором Гоголю отказывалось в звании русского поэта, со словами его статьи о том, что «в «Мертвых душах» автор сделал такой великий шаг, что все, доселе им написанное, кажется слабым и бледным в сравнении с ними» [4:5, с. 51]. Аксаков **мог** толковать слова из статьи Белинского как дальнейшее сближение их позиций. При этом, однако, качество гоголевской «русскости» Белинским подробно не раскрывалось, а следующий за словами о «русском национальном поэте во всем пространстве этого слова» пассаж о характеристической черте «жизни русского простонародья, не отличающегося, как известно, излишнею чистоплотностью» [4:5, с. 52], существенно сужал широту и содержательность заявленного тезиса, делая в «национальном» акцент на «характерном», причем пейоративно характерном.

Начало рецензии Белинского свидетельствует о том, что послание дошло до адресата. Предложение Аксакова объясниться он принимает. «Пожалуй, — чего доброго! — найдутся люди, которые заключат ..., что «Отечественные записки» разделяют мнение автора брошюры о Гоголе и о «Мертвых душах»:

вот этого-то мы никак не хотели бы, и желание отклонить от себя незаслуженную честь участвовать в ультраумозрительных московских воззрениях на просто понимаемое нами дело побудило нас взяться за перо» [4:5, с. 56]. Свою задачу, стало быть, Белинский видит в том, чтобы показать, что между его позицией и позицией автора «странной брошюры» нет и не может быть никаких точек схождения. Поэтому **все** положения К. Аксакова подвергаются им тотальной деструктивной критике. Внимательное чтение текстов Белинского и К. Аксакова должно показать, в какой мере это размежевание осуществилось.

В центре полемики оказывается вопрос об «акте творчества», по сродству которого Гоголя и только Гоголя из современных писателей можно поставить рядом с Гомером и Шекспиром. Сравнение это у К. Аксакова имеет два аспекта, не совсем обособившихся друг от друга: типологический (перед нами один и тот же тип творчества) и ценностный (это «высший» тип творчества). Забегая вперед, скажем, что в зависимости от полемических нужд Аксаков может актуализировать то один, то другой аспекты сравнения.

Отметим прежде всего, что само выражение «акт творчества» не имело общеупотребительного толкования, не являлось термином, даже учитывая условность применения понятия «термин» к понятийному аппарату русской и европейской рефлексии первой половины XIX в. Сам Аксаков свою мысль сколько-нибудь основательно не развернул ни в процессе полемики, ни за ее пределами, что развязывало Белинскому руки и давало ему дополнительные возможности для опровержения точки зрения противника.

Позицию большинства исследователей [22, 10, 27, 25, 15, 23, 8], [31], писавших по этому вопросу, можно изложить следующим образом: Белинский отверг аксаковское сопоставление по причинам и идеологического, и эстетического характера.

В плане идеологии западник Белинский не мог не считать, что возвышение Гоголя у Аксакова, который у него как бы представляет за отечественную культуру в целом, осуществляется за счет принижения западноевропейской литературы Нового времени и западноевропейской культуры в целом же. Поэтому славянофильской доктрине он спешит противопоставить доктрину западническую («революционно-демократическую»). А это приводит к тому, что Белинский в полемическом увлечении отказывает не только Гоголю, но и всей русской литературе во «всемирно-историческом содержании», наличие которого является неременным условием для сопоставления какого бы то ни было современного писателя с Гомером и Шекспиром, чье творчество знаменует собой этапы поступательного развития человеческого духа в сфере искусства. По этой логике, чтобы сравняться с Гомером и Шекспиром, современный поэт должен в своем творчестве выразить принципиально новое содержание духовной жизни человека, стать свидетельством исторического прогресса человечества в целом.

Исследователи советской эпохи акцентировали внимание на том, что мысль о всемирно-историческом значении «Мертвых душ», которая, действительно, присутствует в кругозоре Аксакова и которую они полагали в самом общем смысле «верной», покоится на «совершенно ложных» основаниях славянофильской историософии. В то же время «ошибочная» (опять-таки в самом общем смысле) оценка значения «Мертвых душ» в статьях Белинского не принципиальна и не мешает ему точнее видеть место Гоголя в перспективе развития мировой (европейской) литературы. С. А. Машинский, например, полагал даже, что впоследствии Белинский эту свою ошибку «исправил», признав мировое значение поэмы и творчества Гоголя [14, с. 524], [32].

В плане же эстетики Белинский отвергает сопоставление Аксакова как непродуктивное. По «акту творчества», Гоголь, действительно, «напоминает» и Гомера, и Шекспира, но напоминает не более и не менее любого другого поэта, наделенного «естественным талантом». Так что, взятое само по себе, это сравнение возможно, но «не идет к делу», бессодержательно, и, во всяком случае, наличие «акта творчества» не является основанием для того, чтобы **только** Гоголя ставить рядом с Гомером и Шекспиром.

В дальнейшем Белинский даже ужесточает свою позицию: в «Объяснении на объяснение» сказано, что и **в этом отношении** «Мертвые души» (и другие, но не все, произведения Гоголя) не могут быть поставлены рядом с творениями Гомера и Шекспира, потому что «непосредственная сила» «у него имеет свои границы и иногда изменяет ему (*чего таким образом, как у Гоголя, не случилось ни с Гомером, ни с Шекспиром, ни с Байроном, ни с Шиллером, ни даже с Пушкиным*)» [4:5, с. 156]. Таким образом, под актом творчества, по мнению современных исследователей, Белинский понимает «естественный талант», то есть, попросту говоря, природную одаренность писателя. Поэтому она и уподоблена им «отвлеченной сообразительности в математике» [4:5, с. 155].

При таком объяснении эстетического смысла аксаковского сопоставления становилась как бы самоочевидной и диаметральной противоположностью позиций критиков, и правота Белинского. При этом истолкование позиции Аксакова, предпринятое Белинским, прямо или по умолчанию признавалось адекватным первоисточнику, по крайней мере, в той степени, в которой смысл аксаковских слов вообще может быть переведен на язык научной рефлексии.

Однако понятие «акта творчества» у Аксакова не сводимо к понятию «природного дарования». Более того, несводимо оно к нему и у Белинского, сколько бы последний ни пытался ограничить его этими рамками в полемических целях.

«Акт творчества» и для Аксакова, и для Белинского – «величина» не столько природная, сколько историческая. «Природна» она в том смысле, что отсылает нас к природе поэтического творчества, к идее поэзии, которая есть мимесис, пресуществленные слова в образ. Такое творчество «непосред-

венно», то есть внесловесная реальность фактов и переживаний в нем не опосредована условными формами искусства, между изображенным «предметом» и воспринимающим его субъектом исчезает (точнее, не создается) слово как преломляющая его (и «украшающая» его) среда. Поэтому «то же самое» нельзя сказать «по-другому».

Иными словами, «естественность» – это художественность [33]. Признаком художественности является изначальное единство идеи и формы в образе, следствием чего и является впечатление жизненности изображенного и даже жизненности большей, чем в любом эмпирическом факте, где преобладает случайное, в то время как в художественном образе ничего случайного нет [34].

При этом круг авторов, наделенных, по Белинскому, «непосредственной силой творчества», и в этом смысле «подобных» Шекспиру и Гомеру, широк, но не безграничен, и, что главное, эти авторы отнюдь не равномерно распределены в историческом поле литературы. В него входит античная греческая классика, средневековая «романтическая» литература, творчество Сервантеса, Лопе де Вега, Вальтера Скотта, Байрона, Шиллера и Гете, из русских писателей творчество, прежде всего, Пушкина, Лермонтова и Гоголя и, с некоторыми оговорками, Крылова, Грибоедова, Жуковского. Но в этот круг не входят ни Гораций, ни Вергилий, ни Тассо, ни Мильтон, ни Расин, ни Корнель, ни Мольер, ни Вольтер, ни Гюго, которых трудно заподозрить в отсутствии природной одаренности, но которые, с точки зрения Белинского, лишены «непосредственности» [35]. Из русских писателей исключены бесспорно наделенные «природным талантом» Ломоносов, Державин, Карамзин.

Антиподом «художественности» выступает «реторичность», а сами эти «качества» приобретают черты «историчности», поскольку разные эпохи благоприятствуют или препятствуют их проявлению.

И в период полемики с Аксаковым для Белинского сохраняет свою актуальность выработанная европейской (и прежде всего немецкой) литературной рефлексией система представлений, согласно которой новая («романтическая» в первоначальном смысле этого слова, то есть оригинальная, самобытная, идущая от своей природы, а не от готовых «образцов») европейская поэзия есть возвращение к истокам поэтического творчества, к идее поэзии в том ее виде, как она впервые сказала в античной Греции [36].

Разумеется, перед нами уже по-другому осмысленная античность. Если рефлексивно-традиционалистская поэтология присоединяла греческую поэтическую архаику к римской «классике», ставя знак равенства между ними и даже предпочитая «римское» «греческому», то сознание следующей за ней эпохи скорее склонно противопоставлять их и предпочитать, в частности, «первозданного» Гомера «искусственному» Вергилию, а «естественного» Шекспира его «ученым» современникам. При этом «древность», преображаясь в «первозданность»,

становилась, по выражению А. В. Михайлова, «естественным языком художественной выразительности», а враг этой естественности в лице риторики обнаруживался чуть ли не у самых ее истоков. Так, например, Ф. Шлегель «упадок» греческой трагедии видит уже у Еврипида и прямо связывает его с влиянием софистов. «Построение, правда, то же, что и у древних, ... но уже нет музыкальности, а только голая риторичность в ложном вкусе, склонном к мажорности» [28, с. 73], [37].

А. В. Михайлов, как известно, главной особенностью риторической культуры, от которой отталкивается Новое время, обращаясь через ее голову к «первозданности» древней Греции, полагал ее тотальную опосредованность. «Риторический тип творчества – риторический в широком смысле слова – означает то, что художник или поэт никогда не имеет дела с самой непосредственной действительностью, но всегда с действительностью, упорядоченной согласно известным правилам и превращающейся в слово искусства благодаря известным типизированным слово-образам, которые впитывают в себя реальность, но и сразу же налагают на нее известную схему понимания, уразумения» [17, с. 590]. Другая (и связанная с первой) особенность риторического слова – это его поучительность. «Риторическое слово выступает всегда как *моральное ведение*» [16, с. 417].

В таком понимании «реторического», как «условного» и «искусственного», так и морализирующего, Белинский как нельзя более близок современному исследователю. С одной оговоркой. Для него противопоставление «реторического» (прошлого и прошедшего) и «непосредственного» (современного и вместе первозданного) не только (и не столько) историко-типологическое, сколько ценностное противопоставление. В эстетической несостоятельности всего «реторического» Белинский никогда не сомневался.

В таком понимании и риторического, и художественного Белинский и Аксаков едины. Поэтому и тот, и другой исходят из максимальной естественности, а значит, и художественности, Гомера и греческой «высокой классики». И тот, и другой не видят в ней дориторичности в смысле чреватости ее риторикой, того, что обеспечило ее исключительно высокое место в пантеоне словесности рефлексивно-традиционалистской эпохи [38]. Гомер и у Белинского, и у Аксакова [39] весь обращен назад, к «первозданному», к естественным истокам поэзии. Шекспир же, наоборот, весь опрокинут в современность. Он – прообраз поэзии будущего [40]. Именно поэтому и для Аксакова, и для Белинского оказывается недоступен риторический «горизонт» поэзии Шекспира, его связь с поэтикой рефлексивного традиционализма, так же, как и связь с ней Гомера и «гомеровского».

Но по этой же причине они оказываются невосприимчивы и к «риторическому» как к «условному» и «морализаторскому» у самого Гоголя. Точнее, они невосприимчивы к этому риторическому как поэ-

тивному, существенному и сущностному «пласту» гоголевской поэтики и эстетики.

Белинский здесь чувствительней Аксакова. «Реторическое» в «Мертвых душах» он почувствовал сразу и притом, так сказать, в самом сердце гоголевского пафоса, но сначала не был склонен заострять на этом внимание [41]. Впоследствии, однако же, количество «мест», в которых Гоголь «впадает в реторику», у Белинского начинает расти с угрожающей быстротой, а их негативная оценка становится столь категоричной, что в рецензии на второе издание поэмы Белинский предлагает читать ее «выборочно» и настаивает на том, что такое чтение нисколько не повредит впечатлению от «романа» [42].

Беспримесный восторг Аксакова от первого тома, разумеется, не предполагал никаких критических замечаний. Однако продолжение «Мертвых душ» невольно сближает его с Белинским. Известно солидарное мнение семейства Аксаковых о том, что второй том «Мертвых душ» в целом неизмеримо ниже первого тома. И вообще стремление Гоголя выйти за рамки «непосредственного» творчества не встретило у них никакой поддержки. С. Г. Бочаров констатирует (с некоторым сожалением), что в этом случае они оказались солидарны с Белинским [5, с. 5 – 6].

Итак, можно сказать, что и для Белинского, и для Аксакова риторика – это всегда «реторика» [43].

Таким образом, движение Аксакова назад, к истокам творчества, как и движение Белинского вперед, в будущую литературу [44], оказывалось одним и тем же движением, поскольку опиралось на общее представление о развитии поэзии как ее возвращении к первоистокам, к ее «идее», через голову предшествовавшей литературной эпохи. Поэтому Аксаков не преминет отметить, что «Мертвые души» творение «в высшей степени свободное и современное» [3, с. 143], а Белинский незадолго до появления «Мертвых душ» в самом общем виде обозначит связь современной поэзии с архаикой следующим образом: «В наше время едва ли возможна поэзия в смысле древних поэтов, созерцающая явление жизни без всякого отношения к личности поэта (поэзия объективная), и в наше время тот не поэт и особенно не художник, у которого в основании таланта не лежит созерцательность древних и способность воспроизводить явления жизни без отношения к своей личности ...» [4:3, с. 253 – 254].

В этом контексте становится понятным, что для Белинского художественность вообще, а значит и гоголевская художественность восходит к «созерцательности древних». Определение пафоса «Мертвых душ» в первой статье Белинского и представляет собой привязку общего определения характера новейшей поэзии к творчеству конкретного автора. Так что для Белинского **вся** поэзия нового времени в той мере, в какой она преодолевает «реторику», оказывается причастной к «гомеровскому» как наиболее полному выражению духа «древних», он же и «идея» поэзии как таковой, и к «шекспировскому» как началу возрождения этого духа, причем такому

началу, которое уже содержит в себе и свои «концы», все элементы будущего развития.

Поэтому сравнения Гоголя с Шекспиром и Гомером, присутствующие у Белинского начиная со статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя», исчезнув на период полемики, вновь появляются в конце 40-х гг., правда, в усеченном виде. В статье «Ответ «Москвитянину» (1847) и в письмах этого же года к К. Д. Кавелину, полемизируя с представителями «реторической литературной школы», которые требуют изображать характеры как олицетворенные пороки и добродетели, он заговорит о «шекспировском» у Гоголя, особенность таланта которого, «... состоит не в исключительном только даре живописать ярко пошлость жизни, а проникать в полноту и реальность явлений жизни. Он, по натуре своей, не склонен к идеализации, он не верит ей, она кажется ему отвлечением, а не действительностью, в действительности для него добро и зло, достоинство и пошлость не раздельны, а только перемешаны не в равных долях. Ему дался не пошлый человек, а человек вообще, как он есть, не украшенный и не идеализированный. Писатели реторической школы утверждают, будто все лица, созданные Гоголем, отвратительны как люди. Справедливо ли это? – Нет, и тысячу раз нет! Возьмем на выдержку несколько лиц. Манилов пошел до крайности, сладок до приторности, пуст и ограничен, но он не злой человек, ... Достоинство отрицательное – не спорим, но ... уважим же в Манилове и это отрицательное достоинство. Собакевич – антипод Манилова, он груб, неотесан, обжора, плут и кулак, но избы его мужиков построены хоть неуклюже, а прочно, ... и, кажется, его мужикам хорошо в них жить ...» [4:8, с. 313].

Нужды нет, что характеристики, данные Белинским героям Гоголя, как и его представление о «многосторонности» характеров у Шекспира, куда более пристали бы русской психологической прозе середины XIX века. К риторическому горизонту словесной культуры, как уже говорилось, Гоголь ближе, чем, скажем, Тургенев или Гончаров. Логика сведения «лица» к «свойству» ему отнюдь не чужда. Правда, «свойство» это у него дано в такой конкретности и индивидуальности, которые неведомы и не нужны литературе рефлексивного традиционализма [45]. Его невозможно отвлечь от «лица», так что, например, Плюшкин становится воплощением «плюшкинства», но никак не «скупости», и в этом смысле он (как и Чичиков) «похож» на Ахилла или Гамлета.

Важно другое. Выдвигая в полемике с Ю. Ф. Самариным на первый план умение Гоголя «проникать в реальность явлений жизни» и сравнивая его в этом отношении с Шекспиром, он делает шаг навстречу К. Аксакову [46], который настаивал на «удивительной полноте жизни», присущей «созданиям» Гоголя именно в смысле их многосторонности, прямо противопоставляя характерологию Гоголя риторической характерологии. «Общий характер лиц Гоголя тот, что ни одно из них не имеет ни тени односторонности, ни тени отвлеченности, и ка-

кой бы характер в нем ни высказывался, это всегда полное, живое лицо, а не отвлеченное качество (как бывает у других, так что над одним напиши: *скупость*, над другим: *вероломство*, над третьим *верность* и т. д.), нет, все стороны, все движения души у какого бы то ни было лица, все не пропущены его взором, видящим полноту жизни, он не лишает лицо, отмеченное мелкостью, низостью, ни одного человеческого движения, все вообразены в полноте жизни, на какой бы низкой степени ни стояло лицо у Гоголя, вы всегда признаете в нем человека, своего брата, созданного по образу и подобию Божию» [3, с. 147].

Так что психологизации Гоголя в духе позднейшего реализма не чужд был и Аксаков. Приведем другой пример. Объяснение критиком связи Чичикова с «субстанцией» русской жизни («Чичиков едет в бричке, на тройке; тройка понеслась шибко, и кто бы ни был Чичиков, хоть он и плутоватый человек, и хоть многие будут совершенно против него, но он был русский, он любил скорую езду, – и здесь тотчас это общее народное чувство, возникнув, связало его с целым народом, скрыло его, так сказать; здесь Чичиков, тоже русский, исчезает, поглощается, сливаясь с народом в этом общем всему ему чувстве» [3, с. 145]), выглядит неубедительно, прямо-таки напрашивается на пародию не потому, что такой связи в художественном мире Гоголя нет, а потому, что это объяснение не отвечает строю гоголевской поэмы. Оно находится на прямой линии со знаменитым шевыревским панегириком «неиспорченной натуре» Селифана.

Но и мысль Белинского изначально тоже находилась на этой линии. Не случайно он усомнился в психологической достоверности передачи некоторых «задушевных мыслей автора» Чичикову и Собакевичу [47]. Причастность героев «Мертвых душ» к «субстанциальным началам», очевидно, необъяснима из «обстоятельств» их жизни и должна быть поставлена в связь с «привилегированной точкой зрения, с которой в эйдетической (т. е. риторической – М.Л.) поэтике открывалась абсолютная перспектива видения реальности» [26, с. 225] и которая в принципе доступна для любого субъекта речи в риторическом литературном произведении. Добавим, что такая абсолютная перспектива восходит к субъектному синкретизму архаических форм поэзии.

Таким образом, сравнение Гоголя с Гомером и Шекспиром даже в рамках так понимаемого «акта творчества» оказывалось далеко не столь бессодержательным и далеко не столь чуждым Белинскому, как он это пытался представить в полемике с Аксаковым. Связь Гоголя с «гомеровским» и «шекспировским» как «естественным языком поэтического выражения» он отрицать не мог, хотя эта связь понималась им в гораздо более опосредованном и более «широком» виде, чем у Аксакова.

Но Белинский, разумеется, был прав, утверждая, что признание за Гоголем «непосредственной силы творчества» недостаточно для того, чтобы **только** его ставить рядом с Гомером и Шекспиром, как и краткого замечания о «свободности и современно-

сти» поэмы Гоголя недостаточно для определения ее продуктивных связей с литературной современностью.

К. Аксаков вынужден разъяснять свою позицию (отсюда и название его статьи), но при этом он оказывается в сложном положении. Белинский для него как бы раздваивался на недобросовестного полемиста и «идеолога», вести с которым спор он считал ниже своего достоинства, и признанного знатока и ценителя современной прежде всего поэзии, с которым в принципе можно было спорить и соглашаться. Эту свою вторую ипостась Белинский яснее всего обнаружил в первой статье о «Мертвых душах». К ней и обращается Аксаков в своем «Объяснении». Но это уже тема для другой статьи.

Литература и примечания

1. Абрам Терц. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. [Текст] / А. Д. Синявский. – М., 1992.
2. Аверинцев, С. С. Образ античности в западно-европейской культуре XX в. / Образ античности [Текст] / С. С. Аверинцев. – СПб., 2004.
3. Аксаков, К. С. Литературная критика [Текст] / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. – М., 1981.
4. Белинский, В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М., 1976 – 1982.
5. Бочаров, С. Г. Пути Гоголевской критики [Текст] / С. Г. Бочаров // Гоголь в русской критике: антология. – М.: ФортунaЭЛ, 2008.
6. Григорьев, Аполлон. Литературная критика [Текст] / А. А. Григорьев. – М., 1967.
7. Егоров, Б. Ф. Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского [Текст] / Б. Ф. Егоров. – М., 1982.
8. Кийко, Е. И. В. Г. Белинский: очерк литературно-критической деятельности [Текст] / Е. И. Кийко. – М., 1972.
9. Кошелев, В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840 – 1950). [Текст] / В. А. Кошелев. – Л., 1984.
10. Кулешов, В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века [Текст] / В. И. Кулешов. – М., 1959.
11. Лучников, М. Ю. К предистории полемики вокруг «Мертвых душ» (Триада Гомер – Шекспир – Гоголь в переписке В. Г. Белинского и К. С. Аксакова 1840 года) [Текст] / М. Ю. Лучников // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2007. – № 2 (30).
12. Лучников, М. Ю. Спор вокруг «Мертвых душ». В. Г. Белинский и К. С. Аксаков: начало полемики [Текст] / М. Ю. Лучников // Школа теоретической поэтики: сборник научных трудов к 70-летию Натана Давидовича Тмарченко. – М., 2010.
13. Манн, Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: писатель – критика – читатель» [Текст] / Ю. В. Манн. – М., 1984.
14. Машинский, С. А. На позициях историзма [Текст] / С. А. Машинский // Белинский В. Г. Собрание сочинений. – М., 1979. – Т. 5.
15. Мезенцев, П. А. Белинский и русская литература [Текст] / П. А. Мезенцев. – М., 1965.
16. Михайлов, А. В. Роман и стиль [Текст] / А. В. Михайлов // Языки культуры. – М., 1997.
17. Михайлов, А. В. Гете и отражения античности в немецкой культуре на рубеже XVIII – XIX вв. [Текст] / А. В. Михайлов // Языки культуры. – М., 1997.
18. Михайлов, А. В. Гоголь в его литературной эпохе [Текст] / А. В. Михайлов // Обратный перевод. – М., 1997.
19. Михайлов, А. В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII – XIX вв. / Языки культуры [Текст] / А. В. Михайлов. – М., 1997.
20. Михайлов, А. В. Из истории эстетики «энаргейи»: Бодмер и Брейтингер. Фюссли // Гетевские чтения 1997 [Текст] / А. В. Михайлов. – М., 1997.
21. Михайлов, А. В. Судьба классического наследия на рубеже XVIII – XIX вв. // Классика и современность [Текст] / А. В. Михайлов. – М., 1991.
22. Мордовченко, Н. И. Белинский и русская литература его времени [Текст] / Н. И. Мордовченко. – М.-Л., 1950.
23. Нечаева, В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество 1842 – 1848 [Текст] / В. С. Нечаева. – М., 1968.
24. Пехтелев, И. Г. Белинский – историк русской литературы [Текст] / И. Г. Пехтелев. – М., 1961.
25. Поляков, М. Я. Виссарион Белинский. Личность – идеи – эпоха [Текст] / М. Я. Поляков. – М., 1960.
26. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т. 2: Бройтман, С. Н. Историческая поэтика [Текст] / С. Н. Бройтман – М.: Академия, 2004.
27. Храпченко, М. Б. Творчество Гоголя. 3-е изд. [Текст] / М. Б. Храпченко. – М., 1959.
28. Шлегель, Фридрих. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т. 2 [Текст] / Ф. Шлегель. – М., 1983.
29. Курсивом здесь и в других случаях отмечены выделения автора цитируемого текста.
30. «... Он не русский поэт в том смысле, как Пушкин, который выразил и исчерпал собою всю глубину русской жизни и в раны которого мы можем вложить персты, чтобы чувствовать боль своих и врачевать их. Пушкинская поэзия – наше искупление...» [4:9, с. 388]. Точнее было бы сказать, используя выражение Белинского из его статьи, что он не считает Гоголя русским национальным поэтом не абсолютно, но «во всем пространстве этого слова». Смысловое ударение здесь явно стоит на слове «всю». Своеобразным комментарием к словам Белинского может послужить тема незнания (неполного знания) Гоголем «великороссийской жизни», постоянно присутствующая у А. Григорьева. См., например: «Вообще же не только в мире художественных, но и в мире всех общественных и нравственных наших сочувствий – Пушкин есть первый и полный

представитель нашей физиономии. Гоголь явился только меркою наших антипатий и живым органом их законности, поэтом чисто отрицательным; симпатий же наших кровных, племенных, жизненных он олицетворить не мог, во-первых, как малоросс, а во-вторых, как уединенный и болезненный аскет» [6, с. 169]. Примечателен тот факт, что никакого прямого влияния Белинского на А. Григорьева здесь усмотреть невозможно. Письма Белинского он, разумеется, не читал, а в своих публичных выступлениях, насколько нам известно, эту тему Белинский никогда не поднимал.

31. Особо следует выделить работы В. А. Косшелева [9], Ю. В. Манна [13] и Б. Ф. Егорова [7].

32. Такая мысль не лишена оснований, хотя в целом сильно упрощает ситуацию. В переписке последних лет жизни Белинский, действительно, неоднократно называет Гоголя (и Пушкина, но только их из русских поэтов!) «гением» в ответственном смысле этого слова, предполагающем «непреходящее значение» и, разумеется, «мировое содержание», а не только «исторические заслуги» и не только значение для национальной литературы, сколько бы ни были они велики. Но слова о гениальности Гоголя не могут быть механически перенесены в контекст полемики 1842 г., заменив в них тезис об отсутствии у Гоголя «всемирно-исторического содержания». Размеры статьи не позволяют осветить этот вопрос подробнее.

33. «Истинно художественное произведение всегда поражает читателя своего истиною, естественностию, верностию, действительностию до того, что, читая его, вы бессознательно, но глубоко убеждены, что все, рассказываемое или представляемое в нем, происходило именно так и совершиться иначе никак не могло. Когда вы его окончите, – изображенные в нем лица стоят перед вами, как живые, во весь рост, со всеми малейшими своими особенностями ... Простота есть необходимое условие художественного произведения, по своей сущности отрицающее всякое внешнее украшение, всякую изысканность» [4:3, с. 22].

34. «Поэзия есть выражение жизни, или, лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: в поэзии жизнь более является жизнью, нежели в самой действительности» [4:3, с. 225].

35. В этом отношении взгляды Белинского отличаются удивительным и, вообще говоря, ему несвойственным постоянством. В 1835 г. он исключал из области «истинной поэзии» весь европейский классицизм, в том числе и в лице его великих французских представителей, далеко превзойдя во «французестве» своих немецких учителей от Лессинга до братьев Шлегелей, («... Не понимаю, как можно восхищаться трагедиями Корнеля, Расина, Вольтера Где нет истины, природы, естественности, там для меня нет очарования» [4:1, с. 136], всю средневековую латинскую литературу, всю литературу эпохи эллинизма (александрийская поэзия названа им «бледной тенью» поэзии греческой»), литературу древнего Рима («латинскую поэзию») Белинский сравнивает с «паяцем в мишурной порфире

и бумажной короне, важно расхаживающим перед входом в балаган» [4:1, с. 143]. В 1846 г., когда, казалось бы, Белинский менее всего склонен подходить к произведениям искусства с абсолютными мерками и более всего «историчен», он скажет о «величавом и могущественном гении» (здесь слово «гений» употреблено именно в значении «природное дарование») Корнеля, но при этом отметит «уродливость формы» его «псевдоклассических» трагедий. Драматургия Мольера и Скриба, с его точки зрения, имеет огромное историческое значение как для развития театра, так и по благотворному воздействию на сознание общества, но «ни одна комедия Мольера не выдержит эстетической критики, потому что все они больше *сделаны* нежели *созданы* ... пружины их действия всегда искусственны и однообразны, характеры абстрактны, сатира слишком резко выглядывает из-под формы поэтического изображения», и «нельзя указать ни на одну его (Скриба – М.Л.) драму, ни на один водевиль, как на художественное произведение, которое всегда будет иметь свою цену» [4:8, с. 57].

36. И это представление, что немаловажно, Белинский сохранит на всю жизнь. В «Русской литературе в 1847 г.» он будет утверждать, что «греческое искусство (но не римское! – М. Л.) ... ближе других к идеалу абсолютного искусства» [4:8, с. 365].

37. Подробно о новом восприятии античности как «непосредственного творчества» см. [21, 20, с. 7 – 22; 19, 17]. См. также [2].

38. «В Европе классицизм был литературным католицизмом. В папы одного был избран, без его ведома и согласия, покойник Аристотель, каким-то непризнанным конклавом; инквизицией этого католицизма была французская критика, великими инквизиторами: Буало, Баттё и Лагарп с братиею; предметами обожания: Корнель, Расин, Вольтер и другие. Волею или неволею, гг. инквизиторы завербовали в свой календарь и древних, а в числе их и вечного старца Гомера (вместе с Вергилием), Тасса, Ариоста, Мильтона, кои (за исключением, может быть вставочного) не виноваты в классицизме ни душою, ни телом, ибо были естественны в своих творениях [4:1, с. 92]. Ясно, что для Белинского Аристотель и Гомер попали в святцы риторической теории (а классицизм для Белинского и есть предельное выражение духа «реторики»), так сказать, по недоразумению, без их «ведома и согласия». В случае с Аристотелем недостаточность такой позиции особенно очевидна. Аристотель стоит на пороге рефлексивного традиционализма. Не принадлежа к этой эпохе целиком, он оказывает мощное воздействие на ее становление. Поэтому для нее «отцом» поэтики и критики он становится так же непреложно, как отцом поэзии становится Гомер. Напомню слова С. С. Аверинцева « ... Можно утверждать, что сама возможность демокритовско-аристотелевской рефлексии над литературой некоторым образом была содержательно заложена в художественной практике уже самых ранних греческих поэтов, начиная с Гомера... Между Гомером и греческой теоретической поэтикой существует смысловое отношение

вопроса и ответа Греческая литература всей своей сутью как бы требует, чтобы ее мыслили как предмет теоретической поэтики; в этом смысле потенциальная соотнесенность с возможностью теоретической поэтики есть характеристика *всей* греческой литературы, включая те ее произведения, которые возникли задолго до рождения поэтики» [2, с. 43 – 44].

39. См. об этом у А. В. Михайлова [18] и В. А. Кошелева [9, с. 118]: «Эпическая система Гомера (в представлении К. Аксакова – М.Л.) восходит к древней, все обнажавшей жизни слова», когда «поэзия заключалась уже в самом наименовании, в простом выговаривании словом того, что есть».

40. «Шекспир есть Гомер драмы, его драма – высочайший первообраз христианской драмы. В драмах Шекспира все элементы жизни и поэзии слиты в живое единство, необъятное по содержанию, великое по художественной форме. В них все настоящее человечества, все его прошедшее и будущее, они – пышный цвет и роскошный плод развития у всех народов и во все века. В них и пластичизм и рельефность художественной формы, и целомудренная непосредственность вдохновения, и рефлектирующая дума, мир объективный и мир субъективный проникли друг друга и слились в неразрывном единстве» [4:3, с. 342].

41. «Мы говорим о некоторых, – к счастью, немногих, хотя, к несчастью, и резких – местах, где автор слишком легко судит о национальности чуждых племен и не слишком скромно предается мечтам о превосходстве славянского племени над ними» [4:5, с. 55].

42. «Важные же недостатки романа «Мертвые души» находим мы почти везде, где из поэта, из художника силится автор стать каким-то прорицателем и впадает в несколько надутый и напыщенный лиризм.... К счастью, число таких мест незначительно в отношении к объему всего романа, и их можно пропускать при чтении, ничего не теряя от наслаждения, доставляемого самим романом» [4:8, с. 511]. Перед нами почти математическая формула: поэма – риторика = роман. При этом в разряд «ретирики» попадает и финал первого тома. В первой статье он процитирован Белинским почти полностью и охарактеризован как наиболее полное воплощение пафоса поэмы, от которого «волосы встают на голове при священном трепете» [4:5, с. 55].

43. Негативное восприятие всего риторического сохранялось в отечественной литературно-критической, а затем и научной традиции вплоть до конца XX в. Видимо, первым, кто еще в самом начале 70-х гг. XX в., когда об эстетической реабилитации риторики речи еще не шло, увидел продуктивную связь Гоголя с риторической традицией (прежде всего через «низкую» барочную культуру), был А. Д. Синявский. В своей замечательной книге «В тени Гоголя» он обозначил эту связь следующим образом: «По речевой культуре Гоголь с детских ногтей риторичен и вместе вульгарен (что так отчетливо проявилось в его переписке); он ощущает словесность немного по-старомодному, как выде-

ленную *письменную* речь, требующую особого подчерка, стилистического нажима в ту или иную сторону, всевозможных украшений, экивоков и порою заведомых нарушений общепризнанных правил» [1, с. 195 – 196]. В настоящее время положение о существенной зависимости поэтики и эстетики Гоголя от традиций «учительной культуры» (С. А. Гончаров) считается общепризнанным, и работы, в которых выявляются самые многообразные аспекты связи Гоголя с «риторическим», насчитываются десятками. Здесь стоит упомянуть и об особой позиции А. В. Михайлова. Ученый, который (наряду с С. С. Аверинцевым) так много сделал для переосмысления и переоценки феномена риторики в отечественной культурной и научной традиции, в вопросе о риторическом в «Мертвых душах» занимает совершенно особую позицию. В уже упомянутой работе «Гоголь в его литературной эпохе» он выделяет «гомеровский», «ветхозаветный» и «ренессансный» пласты, или горизонты, «Мертвых душ», которые актуализируются в поэме. Что же касается риторического горизонта, то А. В. Михайлов предпочитает его рассматривать совершенно в другом смысле: как то, от чего поэтика «Мертвых душ» отталкивается. Риторическое, в том числе и современно риторическое, выразившееся в «развале больших органических форм», – это то, что Гоголь получает от эпохи уже в готовом виде, отчасти воспроизводит в своем творчестве (в качестве примера приводятся «Арабески») и в «Мертвых душах» преодолевает. «Чересполосицу перебивающих друг друга стилей (то, что подсказывалось эпохой) Гоголь обращал в непрерывность, в переход, и в этом как раз состояло стилистическое своеобразие гоголевского шедевра — первого тома «Мертвых душ». В этом произведении, в своем «творении» Гоголь достиг высот подлинно-органической формы» [18, с. 345]. Однако творческая история всех «Мертвых душ» (а не только первого тома) должна, скорее, свидетельствовать именно о развале такой «большой органической формы», чем о преодолении «чересполосицы перебивающих друг друга стилей». Культурная традиция, опять же с подачи Белинского и Аксакова, немало потрудились над «ощельнением» первого тома, она хотела видеть «Мертвые души» художественно завершенным произведением и увидела их такими. Но очевидно, что для Гоголя, как и для многих его современников, дело обстоит прямо противоположным образом. В монографии «Творчество Н. В. Гоголя и традиции учительной культуры» (СПб, 1992) С. А. Гончаров предлагает считать поздние произведения Гоголя (и прежде всего «Выбранные места из переписки с друзьями») продолжением «Мертвых душ». Допустим, что это так, и первый том «Мертвых душ», действительно, образует с этой «учительной» прозой некое единство. Но это не снимает вопроса об «органичности» образовавшейся «большой формы». И не свидетельствует ли это новое образование о возвращении к риторической полистилистичности? Возвращаясь к работе А. В. Михайлова, отметим, что подход исследователя к «Мертвым душам» складывается с осознанной

опорой на К. Аксакова, коль скоро он считает, что «статья Аксакова, при всем своем небольшом объеме, представляет собой конспект полноценного и всестороннего исследования гоголевской поэмы – конспект, не утративший своего значения и для наших дней, несмотря на некоторую старинность «слога» [18, с. 348].

44. «Великий критик на деле обладал не просто острым критическим суждением, но и крайне редким для критика свойством – провидением тенденций развития литературы, таким критическим чутьем, которое, можно сказать, шло даже впереди реально достигнутого литературой в ее развитии, обгоняло ее и направляло ее именно в ту сторону, куда она и двигалась. В созданиях своих современников, в том числе и в созданиях Гоголя Белинский очень ясно видел черты, особенности, самую суть зрелого русского реализма середины и второй половины XIX века» [18, с. 348]. Все это, однако же, не означает, на наш взгляд, что, «устремленный вперед», Белинский, совсем «не видел» связи поэмы с поэтической «первозданностью». В первой статье о «Мертвых душах» он указывал на это достаточно определенно.

45. Эта особенность гоголевского стиля была уже отмечена в отечественном литературоведении и

получила название «реалистического гротеска» (Ю. В. Манн). Термин, на наш взгляд, не совсем удачный, поскольку в нем затемнен генезис репрезентируемого явления.

46. В полемике же с Аксаковым он, скорее, склонен утверждать, что герои Гоголя именно «отвратительны как люди». Впрочем, «человеческое» в них Белинский готов признать и в это время, хотя и в исчезающее малой степени, что в принципе не противоречило словам Аксакова.

47. Первым, кто почувствовал, что мерки психологического реализма неприменимы (еще неприменимы) к Гоголю, был, видимо, А. Григорьев. «... Гоголевские произведения верны не действительности, а общему смыслу действительности в противоречии с идеалом: в обыкновенной жизни нет Хлестакова, даже как типа, в обыкновенной жизни и Земляника даже не скажет на вопрос Хлестакова: «Вы, кажется, вчера были меньше ростом?», «Очень может быть-с», ... – в обыкновенной жизни ни один самый слабохарактерный из Подколесиных не убежит от невесты в окно и т. д. Все это – не просто действительность, но действительность, возведенная в перл, ибо она прошла через горнило сознания» [6, с. 45].

УДК 811.111'1:82-225

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В АНГЛИЙСКИХ ЗАГАДКАХ-ШУТКАХ

Г. И. Лушников, Н. В. Потапова

LINGUISTIC PLAY IN ENGLISH HUMOROUS RIDDLES

G. I. Lushnikova, N. V. Potapova

В статье загадка-шутка представлена как малоформатный игровой текст, обладающий текстовыми категориями специфического характера. Рассматриваются две группы загадок-шуток: загадки, основанные на парадоксе, и абсурдные загадки.

In the article a humorous riddle is considered as a minor form of a play text with textual categories of a specific character. Two kinds of riddle-jokes are being analyzed: paradox riddles and nonsense riddles.

Ключевые слова: загадка-шутка, игровой текст, языковая игра, парадокс, абсурд.

Keywords: riddle-joke, play text, linguistic play, paradox, nonsense.

Традиционно под загадкой понимают «жанр народнопоэтического творчества у всех народов мира» [1]. Часто загадка – это метафорическое выражение, «в котором один предмет изображается через посредство другого, имеющего с ним какое-нибудь, хотя бы отдаленное, сходство; на основании последнего вопрошаемый и должен отгадать задуманный предмет» [2]. В нашем представлении загадка – это всегда игра, игра с формой, игра со смыслом.

Существует три основных вида игры: 1) детская игра, забава; 2) игра-соревнование, подразумевающая цель и правила; 3) игра-представление, истоками которой являются карнавальные формы культуры.

На основе игры-представления получили развитие так называемые игровые тексты, к которым можно отнести риторические диалоги древних мыслителей, афоризмы, анекдоты, языковые шутки,

басни, поэзию, пародию, эпиграмму, а также и загадки.

Игровые элементы встречаются практически в любом художественном тексте неигрового жанра. Игровая стратегия широко используется в языке прессы (например в заголовках, текстах объявлений), в рекламных текстах, в текстах радиопередач, в названиях магазинов и пр. Подобное проникновение игровых текстов в различные сферы жизни человека можно объяснить следующим: во-первых, сам язык располагает богатым арсеналом игровых ресурсов, который обусловлен прежде всего асимметрией формы и значения языковых единиц. Во-вторых, исходя из коммуникативно-деятельностной природы языка, предполагающей активное взаимодействие участников коммуникативного акта, можно говорить о том, что речевая деятельность индивида базируется на языковой игре, мотивированной эмоциями языковой личности. От коммуникантов

требуются эмоциональный интеллект, изобретательность, остроумие при создании игровой упаковки для эмоциональных идей [14, с. 7 – 18]. Одни жанры не предполагают использование автором игровой стратегии (жанры научного стиля, официально-делового и пр.), для других она является имманентным свойством их жанровой принадлежности и реализуется в наибольшей степени (загадка, афоризм, каламбур, сказка, пародия и др.).

Анализируя игровые тексты, Л. Г. Ким выделяет коммуникативно и системно обусловленные признаки. К первым относятся: а) соответствующее коммуникативное намерение автора, б) реализация игровой стратегии, предполагающей преднамеренное противопоставление реального и условного; в) адресованность текста «чувствительному» читателю [5, с. 208].

Коммуникативное намерение говорящего, прибегающего к использованию игровой загадки, ориентировано на достижение комического или гедонистического (развлекательного) эффекта. Часто говорящий имеет своей целью испытать сообразительность и остроумие собеседника, поставить его в тупик, «подловить», задав тот или иной каверзный вопрос.

Осуществляя речетворческую деятельность, говорящий реализует ту или иную речевую стратегию. В случае с игровыми загадками стратегия будет игровой, которая состоит в «преднамеренной разделенности реального мира и мира речи в акте коммуникации» [3, с. 8]. Мир речи осознается как мир условный, подчиняющийся определенным правилам. С целью реализовать свое коммуникативное намерение автор прибегает к игровой стратегии путем актуализации формы речи, привлечения к ней внимания. При игровой стратегии языковая форма из средства отображения действительности становится предметом такого изображения. Примером могут послужить следующие загадки, построенные на обыгрывании языковой формы, смысл здесь вторичен:

Отчего утки плавают? – От берега!

Что стоит между стеной и дверью? – Буква И.

По замечанию Г. Ф. Рахимкуловой, «формальные свойства игрового текста в целом существеннее содержательных, так как именно его игровые ресурсы обуславливают эстетическое наслаждение читателя» [10, с. 4].

Весьма значимым коммуникативно обусловленным признаком игрового текста является его адресованность соответствующему типу читателя, «читателя-эрудита», «посвященного читателя», «способного улавливать отстроенные на игру аспекты текста» [там же, с. 4]. Языковая игра требует творчества реципиента; это речевое поведение как взаимодействие, где оба участника бессознательно чувствуют правила своих языковых сообществ и осознают стратегии, которые они могут использовать. Если текст воспринимает «непосвященный» читатель, то его игровые признаки нейтрализуются. Текст в восприятии такого читателя приобретает

иной смысл, передает иную информацию, отличающуюся от авторского замысла [5, с. 209].

Кроме коммуникативно обусловленных признаков, игровой текст характеризуется и системно обусловленными признаками, т. е. признаками, отражающими реализованность в тексте игровых ресурсов языка. К числу таких признаков относят каламбуры и игровые манипуляции со словами; редкие, архаичные, малоизвестные слова, провоцирующие истинную или ложную семантизацию; иноязычные вкрапления, иногда сознательно не проясняемые или вступающие в игровые отношения друг с другом; словесные загадки, лингвистические ребусы; окказионализмы; фонетические игры, аллитерация, ассонанс; игровое использование графики, сознательные нарушения в орфографии и пунктуации; игровое использование цитации; аллюзийность; специфическое использование синтаксических конструкций и др. [Ким, 2006: 209 – 210].

Загадка обладает основными категориями, присущими лингвистическому тексту:

1) поверхностные компоненты текста загадки связаны грамматически как на синтаксическом, так и на семантическом уровне. Значит, он отвечает критерию *связанности*, или *когезии*;

2) в тексте загадки легко прослеживается *когерентность*, то есть связность на содержательном уровне, иными словами, когнитивное содержание текста подчеркивает его поверхностное выражение;

3) загадка обладает также категорией *модальности*. *Модальность* – выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций. Важно заметить, что нет таких текстов, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления;

4) загадке присуща предикативность. Понятие *предикативности* входит в состав синтаксических понятий «предикативная связь», «предикативные отношения», которыми обозначают отношения, связывающие подлежащее и сказуемое, а также отношения логического субъекта и предиката. Предикативная единица представляет собою синтаксическое построение, образованное словоформой или соединением словоформ;

5) *закодированность* заключается в принципе существования загадки – сознательной зашифрованности отношения означающего загадки (текста загадки) к означаемому загадки (отгадке);

6) *информативность* загадки рассматривается как своеобразный уровень, на котором явления, представленные в тексте, вводятся посредством бинарной оппозиции «ожидаемое vs. неожиданное». Таким образом, информативность непосредственно связана с *неконгруэнтностью*, лежащей в основе большинства вербальных комических текстов;

7) членение текста загадки на вопросную и ответную части отвечает требованию *членности* текста;

8) загадка является *завершенным* текстом, т. к. замысел автора получает исчерпывающее выражение, и достигается желаемый результат;

9) *интертекстуальность* загадки проявляется не только в ее связи с другими загадками и стереотипами загадочного пространства, но и в связи с текстами других типов.

Помимо собственно текстовых характеристик загадка обладает рядом черт, присущих игровому типу текстов. К ним относятся следующие:

1) *игровая интенция автора* загадки касается целей и задач говорящего, в нашем случае - вызвать чувство эстетического удовлетворения и/или смех со стороны слушающего;

2) коммуникативная направленность игровой загадки проявляется в ее *адресованности* «чувствительному» собеседнику, способному на творческое осознание действительности;

3) для загадки характерен весь набор *системно обусловленных признаков* (о них речь пойдет ниже).

Принимая во внимание все вышесказанное, можно заключить, что загадка представляет собой не только типичный образец лингвистического текста, но также является игровым типом текста.

Исследуемые в работе загадки относятся к ряду малоформатных текстов. Определить с количественной стороны понятие «малоформатный текст» в жестких границах невозможно из-за неопределенности (в количественном аспекте) значения прилагательного «малоформатный» – «имеющий небольшой формат» [СТСРЯ]. Неопределенным является верхний предел формата такого текста, т. к. нижний предел – это элементарный речевой акт. Можно сказать, что максимальный объем текста малоформатного речевого жанра (далее МРЖ) – несколько элементарных речевых актов, то есть несколько предложений-высказываний в случае МРЖ монологического типа и несколько высказываний-реплик в случае МРЖ диалогического типа.

К основным признакам малоформатных текстов относятся краткость, емкость, разговорная направленность, использование простых синтаксических конструкций. Структура малоформатного текста загадки двучастная и определяется повторением вопросно-ответных актов.

В эксплицированной форме (Что, Кто, Какой, Который, Когда... и т. п. в начале загадки) вопрос характеризует большую часть загадок, составляет их основу. В отдельных случаях вопрос не выражен формально, но он по сути дела жестко детерминирует появление «ответной» части структуры, принудительно вызывает ее, и последняя как бы верифицирует тот факт, что формально нейтральная «повествовательная» структура в основе своей образует вопрос. При этом для такого класса загадок как загадки-шутки характерна несимметричность загадки и отгадки (одна загадка может иметь несколько отгадок и наоборот несколько загадок могут иметь одну и ту же отгадку), наличие подтекста, двойной смысл и т. д.

С течением времени загадки видоизменяются и наполняются новыми смысловыми оттенками, которые в свою очередь определяются реалиями современной им эпохи и «живым» употреблением. В современной коммуникации традиционные загадки

воспроизводятся не столь часто, как паремии игрового характера, распространенные на специализированных сайтах в Интернете, на форумах и в специализированной развлекательной литературе.

Любое собрание загадок наряду с произведениями, легко укладывающимися в рамки жанра *загадка*, содержит и такие, правомерность отнесения которых к загадкам вызывает сомнение. Это: 1) загадки-вопросы о свойствах, качествах объектов; 2) вопросы-шутки; 3) вопросы о буквах алфавита; 4) загадки-задачи.

Загадки-вопросы о свойствах, качествах объектов при всех сомнениях и оговорках являются загадками: они не называют прямо предмет; требуют отгадки; дают ключ к отгадыванию, указывая свойства предмета. Подобные вопросы включаются в тематические рубрики, например, «Животные», «Профессии», «Времена года», «Медицина» и др.:

What has a head like a cat, feet like a cat, a tail like a cat, but isn't a cat?

A kitten.

Вопросы-шутки (riddle-jokes) не обладают существенными жанровыми признаками загадок: они не заключают в себе иносказания, замены-уподобления; не могут превратиться в метафорическую загадку; не содержат признаков, помогающих отгадыванию; их смысл в том, чтобы «посмеяться над несообразительным человеком, не понявшим шутки, подвоха в вопросе» [9, с. 134].

Вопросы-шутки, по мнению В. В. Митрофановой, образуют довольно большую околожанровую группу, прочная связь которой с загадками, однако, очевидна. Подобные вопросы, во-первых, отвечают основному требованию жанра загадки – коммуникативной направленности на собеседника, задача которого найти отгадку; во-вторых, данные вопросы обладают двучастной структурой; и, в-третьих, они содержат предикат или предикативную группу в кодирующей части.

Which dog tastes better when eaten?

A hot dog.

Подобную связь с собственно загадками имеют и вопросы о буквах алфавита. Как и вопросы-шутки, вопросы о буквах алфавита опираются на игру слов, рассчитанных на комический эффект. Но они ближе собственно загадкам, так как предметны и могут быть включены в раздел «Грамота», например:

What always ends everything?

The letter "g."

Загадки-задачи, так же как и вопросы-шутки, не обладают всеми жанровыми особенностями загадки, но связаны с ней краткостью и необходимостью (прежде чем сосчитать), угадать подвох, шутку:

Some months have thirty days and some months have thirty-one days. How many months have twenty-eight days?

All twelve months have 28 days. Some have more as well.

Рассмотренные выше типы загадок в большей степени ориентированы на языковую игру, ироническое отношение к действительности. Такого рода загадки часто называют «анекдоты загадки», «юмори-

стические загадки» или «загадкоанекдот». Зарубежные исследователи относят подобные единицы к «загадкам-шуткам», т. к. им присущи характеристики как загадок, так и шуток [15]. Я. Хамнет в своей работе «Ambiguity, classification and change: the function of riddles» также указывает на сходство загадок и шуток в современной английской культуре. По словам исследователя, подобная конгруэнтность возможна в силу того, что в основе как шуток, так и загадок лежит двусмысленность и неоднозначность [17]. Этой же точки зрения придерживается и З. Фрейд, определивший загадку как двойник шутки («the counterpart of jokes») [16, с. 215]. При этом зарубежные исследователи не отождествляют шутку и загадку, указывая на принципиальные различия в способах отражения действительности.

Подобные загадки разрушают такие жанровые стереотипы как предметность загадок, однозначная интерпретация вопроса, наличие подсказок в кодирующей части. Основное отличие данного вида загадок от традиционных состоит в том, что они не предполагают определенный конкретный ответ, а лишь моделируют *игровое языковое пространство* («...the riddling is focused on the answer not just as a solution through mental combinations of common elements between incompatible riddle images and response, but as an ambiguous word which provokes parody and makes the participants laugh» [15, с. 114]). Если «классические» загадки ориентированы на формирование нормативного взгляда на мир, то загадки-шутки направлены на ломку стереотипов и норм восприятия мира.

Можно выделить особые группы загадок-шуток: загадки, основанные на парадоксе и абсурдные загадки.

Загадки, основанные на парадоксе. По определению, парадокс – неожиданный, резко противоречащий здравому смыслу, расходящийся с общепринятым мнением [11, с. 258]. Парадокс есть утверждение или изречение, противоречащее общепринятым понятиям или (часто только внешне) здравому смыслу. Термин «парадокс» возник в древнегреческой философии для характеристики нового, оригинального мнения. Иногда парадоксы содержат в себе кажущееся внутреннее противоречие, логическую несовместимость. Парадоксы выворачивают наизнанку известную сентенцию или заповедь с целью её дискредитации, высмеивания. При этом парадокс может скрывать глубокую мысль, разоблачительную иронию. Он используется для борьбы с устаревшими канонами. Хороший словесный парадокс краток, чётко сформулирован, логически завершен, эффектен и афористичен. Часто парадокс свидетельствует о самобытности, независимости суждений [см. 6, с. 592].

Парадокс традиционно рассматривается в аспекте комического. Комический эффект связан с нарушением стереотипов восприятия действительности. Такие нарушения носят поверхностный, «несерьёзный» характер, так как комическое как бы снимает весомость последствий нарушения семантического согласования. Однако парадокс, тем не менее, вы-

ражает стратегически важные мысли. Кроме того, парадокс связан с игровой ситуацией. Узуальные и окказиональные парадоксы являются, прежде всего, манифестациями игровых контекстов культуры и языка. Поскольку говорящий\пишущий осознаёт, что парадокс, точнее, его социокультурный прототип, связан с игровой ситуацией, он вправе требовать от слушающего «внешней» игровой интерпретации парадокса [см. 13, с. 18 – 19].

В. И. Карасик определяет парадокс как суждение, внешне противоречащее здравому смыслу, и также указывает на то, что коммуникативная стратегия парадокса заключается в разрушении стереотипных взглядов, бытующих в обществе [4, с. 298].

По мнению В. И. Карасика, «дискурсивная организация парадокса состоит в наложении двух несовместимых суждений, одно из которых может быть выражено неявно. Существует типологическая общность между парадоксом и оксюмороном: в первом случае совмещаются несовместимые (часто противоречивые) суждения, во втором – антонимичные понятия. Парадокс содержит определённую норму, опирается на систему ценностей, вступающую в конфликт с иной аксиологической системой, против которой парадокс собственно и используется, и в этом смысле парадоксальное суждение, по определению, является эмоционально насыщенным. Парадокс тяготеет к выражению в виде универсального высказывания – сентенции, афоризма, загадки, поскольку такие высказывания по своему жанру обладают концентрированной силой воздействия. Парадокс смыкается с другими коммуникативными образованиями – с шутливым изречением, остроумной репликой в диалоге, комментарием, с одной стороны, и неясными, непонятными, двусмысленными высказываниями, с другой стороны» [там же, с. 298].

Парадоксы могут быть построены как классификации, дефиниции, иллюстрации (расширенные дефиниции, включающие конкретные характеристики-примечания, уточняющие смысл высказывания, парадокс-иллюстрация может быть выражен как сравнение), вопросы и комментарии [4, с. 302 – 303].

Специфические свойства парадокса коррелируют с основными задачами загадок-шуток – запутать вопрошаемого, сбить его с толку, в то же время убедить в правильности предлагаемого ответа и одновременно рассмешить. Загадки, основанные на парадоксе, только на первый взгляд противоречат устоявшимся представлениям. После оглашения отгадки её правильность не вызывает сомнения, и слушатель поражён неожиданностью и вместе с тем точностью ответа на поставленный в загадке вопрос. В качестве примера парадоксальных загадок приведем следующие:

What can be measured, but has no length, width or height?

The temperature [21].

Why is a crossword puzzle like a quarrel?
Because one word leads to another [19].

Абсурдные загадки. Под абсурдом понимается бессмыслица, нелепость [8, с. 6]. «Словарь Английского языка и культуры» даёт следующее определение абсурда: *against reason or common sense; clearly false or foolish; ridiculous* – противоречащий здравому смыслу, общепринятому мнению; ложный или глупый, смехотворный [18, с. 5].

Основная задача приёма абсурда – показать, что каким бы серьёзным, важным, торжественным или патетичным, драматичным или даже трагичным не является тот или иной факт действительности, при незначительной трансформации (смещении ролей участников того или иного события, изменении времени, ситуации или, самое главное, при изменении взгляда, отношения к данному факту) этот факт может превратиться в абсурд. Абсурд в отличие от парадокса есть не кажущаяся, а действительная нелепость, бессмыслица, алогичность. Абсурдные ситуации и высказывания используются в загадках-шутках в качестве приёма, который выполняет комическую функцию и вместе с тем служит индикатором ирреальной картины мира, создаваемой такими загадками. Художественные миры произведений абсурда базируются на аномалии, вторгшейся в реальность, заставляющей осмыслить её с других позиций. Абсурд в загадках выполняет отчасти ту же задачу – способствует переосмыслению каких-то бытовых, социальных фактов. Абсурдные загадки переворачивают с ног на голову и здравый смысл, и правила логики, и саму реальность. Отличительной чертой абсурда в загадках является его комический, шутливый (*ridiculous*) характер – просто смешно и никакой логики.

How do you know that an elephant has been in the refrigerator?

There are footprints in the butter dish [20].

Подобные загадки получили название *elephant jokes*. Дети, только начинающие познавать мир, находят подобные загадки смешными, забавными. В их сознании сталкиваются два противоречия: 1) как слон, животное, обладающее огромными размерами, может взгромоздиться на тарелочку с маслом? 2) как можно оставить следы на еде, если это то, что всегда хранится в специально отведенных местах, удаленных от пыли и грязи?

Столкновения этих противоречий порождает комический эффект, который усиливается благодаря неожиданному ответу, цель которого вовлечь отгадывающего в игру и продолжить сколь угодно длинную цепочку подобных вопросов-ответов:

How do you know that two elephants have been in the refrigerator?

There are two sets of footprints in the butter dish.

How do you know that a herd of elephants has been in the refrigerator?

There is a Volkswagen parked in front of your house and there are lots of footprints in the butter dish [20].

Загадка-шутка представляет собой малоформатный игровой текст, обладающий текстовыми категориями специфического характера. Языковая игра в загадках-шутках реализуется при помощи разных

лингвостилистических средств и приёмов, которые определяют разнообразные типы такого уникального жанра, как загадка-шутка.

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gatchina3000.ru/great-soviet-encyclopedia/bse/041/832.htm>.
2. Большой энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gatchina3000.ru/big/040/40574_brockhaus-efron.htm.
3. Доронина, С. В. Содержание и внутренняя форма русских игровых текстов: когнитивно-деятельностный аспект (на материале анекдотов и речевых шуток) / С. В. Доронина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2000. – 24 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
5. Ким, Л. Г. Игровой дискурс: признаки и виды / Л. Г. Ким // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I Междунар. научн. конф. (Кемерово, 29 – 31 августа 2006 г.): в 4 частях. – Кемерово: Юнити, 2006. – Ч. 2. – 326 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 8). – С. 204 – 211.
6. Краткая литературная энциклопедия [Текст]. – М.: Советская Энциклопедия. – 1968. – Т. 5. – 975 с.
7. Курсы английского языка «Шестое чувство». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sixthsense.ru/riddles/paradox/39354>.
8. Локшина, С. М. Краткий словарь иностранных слов [Текст] / С. М. Локшина. – М.: Русский язык, 1988. – 632 с.
9. Митрофанова, В. В. Русские народные загадки [Текст] / В. В. Митрофанова. – Ленинград: Наука, 1978. – 180 с.
10. Рахимкулова, Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: к проблеме игрового стиля / Г. Ф. Рахимкулова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. – Ростов-на-Дону, 2004. – 48 с.
11. Словарь литературоведческих терминов [Текст]. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
12. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/183812/Малоформатный>.
13. Тармаева, В. Д. Когнитивная природа фразеологического парадокса в английском языке [Текст] / В. Д. Тармаева: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 1997. – 21 с.
14. Шаховский, В. И. Эмотивный код и его реализация в языковой игре [Текст] / В. И. Шаховский // Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград, 2003.
15. Evangelos, Gr. Avdikos. Grecian riddle-jokes: formalistic and functional features of a new minor form [Electronic resource]. – URL: <http://athens.indymedia.org/local/webcast/uploads/minorf.pdf>.

16. Freud, S. Jokes and their relation to the unconscious (trans.) / S. Freud // J. Strachey. – London: Routledge & Kegan Paul, 1960.

17. Hamnett, Ian. Ambiguity, classification and change: the function of riddles / I. Hamnet [Electronic resource]. – URL: http://anthropology.ac.uk/Era_Resources/Era/Riddles/hamnet.html.

18. Longman Dictionary of English Language and Culture [Text]. – England: Longman, 1999. – 1568 p.

19. Paradox riddles and answers [Electronic resource]. – URL: <http://paradox.riddles.tel/>.

20. Thomas, C. A Theory of Humor, 1998 / C. Thomas, A. Veatch [Electronic resource]. – URL: <http://www.tomveatch.com/else/humor/paper/node24.html>.

21. Tricky riddles [Electronic resource]. – URL: <http://www.trickyriddles.com/riddle/2811-Measuring>.

УДК 811.112.28'37

ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ *UNTER-*, ОПИСЫВАЮЩИЕ СИТУАЦИИ ПРИБЛИЖЕНИЯ, В ЯЗЫКЕ ИДИШ

Е. А. Мельник

VERBS WITH PREFIXED *UNTER-*, DESCRIBING THE SITUATION, IN YIDDISH

E. A. Melnik

В статье анализируется группа глаголов языка идиш с префиксом *unter-*, описывающих ситуации приближения. Группа выделяется на основе архисемы "низ" и интегральной семы "приближение" и включает в себя префиксальные глаголы, образующиеся от мотивирующих глаголов прямого эффекта, движения, социального действия, речи и информации. Ситуации в высказываниях с данными префиксальными глаголами концептуализируются как "действия снизу или снизу вверх", что имеет место за счет славянского компонента значения префикса *unter-*.

The article analyses the group of the yiddish verbs with prefix *unter-*, they describe the situation of approaching. The group is subdivided according to the archiseme "bottom" and the integral seme "approaching" in which prefixal verbs, derived from verbs of direct effect, movement, social action and of speech and information are included. Situations in the proposition with these prefixal verbs are conceptualized as "action, taking place below or directed from below" because of presence of Slavic contribution to the verbal system of Yiddish languages.

Ключевые слова: идиш, префиксальные глаголы, сема, концептуализация, семантика.

Keywords: Yiddish, prefixal verbs, seme, conceptualization, semantic.

Анализ семантики префиксальных глаголов предполагает, как представляется, учет трех факторов:

- а) концепта ситуации;
- б) сем разного уровня абстракции, реализующихся у глагола на уровне концепта ситуации;
- в) тематического класса мотивирующего глагола.

В настоящей статье под **ситуацией** понимается "отрезок реальной действительности, частное событие, факт, о котором сообщается в конкретном высказывании" [Арутюнова, 1976, с. 7], то есть – применительно к исследуемому материалу – определенный фрагмент внеязыковой действительности, описываемый высказыванием, центром которого является глагол [Tesnière, 1980, с. 93] с префиксом *unter-*. Кроме того, необходимо учитывать, что "глагольная лексема, будучи употреблена в высказывании... концептуализует определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать "концепт ситуации" [Падучева, 2004, с. 52]. Это представляется важным ввиду несовпадения реального положения вещей с тем, как это положение описывается высказыванием. Так, А. Вежицкая со ссылкой на В. фон Гумбольдта говорит о "национально-языковой концептуализации реального мира", или о "существовании лингвосоцифических концептуализаций отдельных сторон

реального мира" [Вежицкая, 1993]. Таким образом, под **концептом ситуации**, или концептуализацией ситуации понимается некая обобщенно-абстрагированная, обусловленная наивными представлениями носителей языка о мире схема описания префиксальными глаголами определенных фрагментов внеязыковой действительности.

Семы разного уровня абстракции – это, далее, дифференциальные семы, интегральные семы и архисема, где:

дифференциальные семы – это "видовые уточнители родового понятия" [Новиков 1990, с. 437], в данном случае понятия "приближение";

интегральные семы – родовые семы, общие для значений префиксальных глаголов всех классов и не выполняющие различительных функций в пределах соответствующей подгруппы [ср. Стернин];

архисема – это интегральная сема высокого уровня абстракции [Стернин], общая для всех классов и подгрупп данной группы.

Кроме того, для выделения класса в ряде случаев оказывается необходимым не только вычленение дифференциальной семы, которую префиксальный глагол приобретает за счет префикса *unter-* (Здесь и далее транскрипция в соответствии с системой Идишского научного института ИВО (см.: http://www.yivo.org/max_weinreich/index.php?tid=57&aid=275), но и учет **тематического класса** мотиви-

вирующего глагола, объединяющего "слова с общим семантическим компонентом, который занимает центральное место в их смысловой структуре" [Падучева, 2004, с. 42], в данном случае это глаголы прямого эффекта (типа *shtoyshn* 'толкнуть'), движения (типа *geyn* 'идти'), речи и информации (типа *rufn* 'звать') и социального действия (типа *khanfenen* 'лстить').

В настоящей статье анализируется группа глаголов языка идиш с префиксом *unter-*, концептуализирующих ситуацию как "приближение". Группа выделяется на основе архисемы "низ" и интегральной семы "приближение" и включает в себя префиксальные глаголы, образующиеся от вышеуказанных тематических классов акциональных мотивирующих глаголов. Ситуации в высказываниях с данными префиксальными глаголами концептуализируются как "действия снизу или снизу вверх", что имеет место за счет славянского компонента значения префикса *unter-*.

1. Приведение референта в близость к другому референту

Префиксальные глаголы данного класса образуются от мотивирующих глаголов прямого эффекта, а также от глаголов речи и информации и выделяются на основе дифференциальных сем "близко" (сема, которую глагол приобретает за счет префикса) и "воздействие" (сема, которая содержится в значении мотивирующего глагола). Ситуации, описываемые данными глаголами, концептуализируются следующим образом: "один референт-участник приводит другого референта-участника в близость к третьему референту-участнику, при этом происходит прямой или опосредованный контакт между последними; действие по приведению в близость концептуализируется как "движение снизу вверх или сверху вниз", например:

(1) *unterrukn* 'пододвинуть': ...ven ikh bin tsugeforn aher, shpan ikh (A) oys dos ferd (B)... un *ruk* *unter* dos zehl hober (C) [Vaysenberg 1954, с. 72] '...приехав сюда, я распряг коня... и дал мешок овса'.

(2) *untertrogn* 'поднести, подать, протянуть': un er (A) nemt aroys di hant fun der hintershter keshene... un *trogt* undz (B) *unter*... tsvey groysye gele kaylekhike shmekndike peyres (C) [Sholem-Aleykhem 1997, с. 27] 'И он вынимает руку из заднего кармана... и протягивает нам... два больших желтых круглых пахучих фруктов'.

В данных примерах представлены ситуации приближения, маркируемые глагольным префиксом *unter-*, а именно:

– человек А (одушевленный референт личного местоимения *ikh*) приводит мешок с овсом С (конкретный референт словосочетания *zehl hober*) в близость к коню В (одушевленный референт существительного *ferd*) путем физического действия, называемого мотивирующим глаголом *ruk* 'двигать', при этом происходит опосредованный контакт между конем В и овсом С за счет того, что С оказывается в

личной сфере (зоне видимости и обоняния) В, как в примере (1);

– человек А (одушевленный референт личного местоимения *er*) приводит фрукты С (конкретный референт существительного *peyres*) в близость к другим людям В (одушевленный референт личного местоимения *mir* в дативе) путем физического действия, называемого мотивирующим глаголом *trogn* 'нести'; при этом происходит опосредованный контакт между В и С за счет того, что С вводится в личную сферу (зону видимости) В, как в примере (2).

В подобных высказываниях приближение, следуя славянскому образцу [Волохина, 1993, с. 174], концептуализируется как "действие снизу", или "перемещение сбоку к нижней части".

Подобная пространственная концептуализация наблюдается также при описании ситуаций, связанных с пространственностью лишь абстрактно, например:

(3) *unterrufn* 'подозвать': me (A) muz im (B) *unterrufn* [Mark, 1961, с. 781] 'Нужно позвать его'.

(4) *untershtoyshn* 'подтолкнуть': "tanatos" (A) iz der koyekh, vos *shtoyst* dem mentsh (B) *unter* tsum toyt (C) un *tseshterung* (C)... [Alkin] "'Танатос" – это сила, которая подталкивает человека к смерти и разрушению...'

В ситуациях, описываемых вышеприведенными высказываниями:

– человек А (одушевленный референт неопределенно-личного местоимения *me*) обращает на себя самого внимание другого человека В (одушевленный референт личного местоимения *er* в аккузативе), тем самым, приближая В посредством голоса, как в примере (3);

– абстрактная сила А (абстрактный референт имени собственного "*tanatos*") воздействует на человека В (конкретный референт существительного *mentsh*), приближая В к абстрактному предмету С (абстрактные референты существительных *toyt* и *tseshterung*), как в примере (4).

В обеих ситуациях приведение одного референта в близость к другому концептуализируется как "направление приближаемого референта к низу референта, относительного которого совершается приближение".

2. Вхождение референта в близость к другому референту

Префиксальные глаголы данного класса образуются от мотивирующих глаголов движения и выделяются на основе дифференциальных сем "близко" (сема, которую глагол приобретает за счет префикса) и "движение" (сема, которая содержится в значении мотивирующего глагола). Ситуации, описываемые данными глаголами, концептуализируются следующим образом: "один референт-участник совершает конкретно-пространственное или абстрактное приближение к другому референту, что концептуализируется как "приближение снизу", например:

(5) *untergeyn* 'подойти': di raykhere kinder (A) shemen zikh mit ir a vort oystsureydn un zi (B) smeyet

gornit *untertsugeyn* [Mark 1961, с. 698] 'Дети побогаче стыдятся разговаривать с ней, а она даже не смеет подойти'.

(6) *unterspringen* 'подпрыгнуть': ...*yekhiel* (A)... *shpringt unter tsum tati* (B)... [Sholem-Aleykhem, 1937, с. 93] '...Иехиель... подпрыгивает к отцу...'

(7) *unterkumen* 'подойти, подъехать': ...*der tsug* (A) *kumt unter*... [Bergelson] '... Поезд подъезжает...'

Во всех трех примерах описываются ситуации самостоятельного конкретно-пространственного приближения одного референта к другому способом, обозначаемым мотивирующим глаголом, а именно:

– лица В (одушевленный референт личного местоимения *zi*) к лицам А (одушевленный референт существительного *kinder*) путем ходьбы, как в примере (5);

– лица А (одушевленный референт имени собственного *yekhiel*) к лицу В (одушевленный референт существительного *tate*) путем прыжка, как в примере (6);

– поезда А (конкретный референт существительного *tsug*) к наблюдателю, который находится за кадром (то есть "синтаксически невыразим" [Падучева, 2004, с. 59]), путем передвижения, как в примере (7).

Приближение сбоку здесь также концептуализируется как "действие снизу".

Приближение может, кроме того, толковаться не в пространственном, а во временном плане, но концептуализируется оно как пространственное, например:

(8) *unterkumen* 'приблизиться' (букв.: *подойти*): ...*es kumt unter a yon-tey* (A)... [Sholem-Aleykhem] '...приближается праздник...'

3. Тайное действие

Данные префиксальные глаголы образуются от мотивирующих глаголов прямого эффекта и движения и выделяются в отдельный класс, поскольку их дифференциальными признаком является наличие в значении дифференциальной семы "тайно" (или "скрытно/исподволь"), а также – часто – абсолютной отрицательной коннотации. Необходимо, однако, отметить, что термин "тайное действие" используется в настоящей статье в определенной мере условно и в ряде случаев означает "нежелательное действие". Ситуации, описываемые данными глаголами, концептуализируются следующим образом: "один референт-участник тайно приводит другого референта-участника в близость к третьему референту-участнику или тайно совершает конкретно-пространственное или абстрактное приближение к другому референту, что концептуализируется как "приближение снизу", например:

(9) *untershikn* 'но(до)сласть': ...*me* (A) *zol untershikn tsum porets* (B) *eynem fun zayne mekurovim* (C), *betn rakhmim* (D) [Mark 1961, с. 796] '...нужно послать к помещику одного из его близких друзей, чтобы те уговорили его'.

(10) *unterrukhn* 'подсунуть': *vashti* (A) *rukt mir* (B) *unter...* a mol a por *rozhinkes mit mandlen* (C) [Sholem-Aleykhem 1997, с. 238] 'Вашти иногда, бывает, подсовывает мне немного изюма с миндалем'.

(11) *untertrogn* 'принести' (букв.: *поднести*): same in der tsayt hot der *guter-yor* (A) *untergetrogn dem baron hirsh* (B) mit zayne fuftsik milyon! [Sholem-Aleykhem 1978, с. 19] 'Как раз в это время черт принес барона Гирша с его пятьюдесятью миллионами!'

(12) *unterkhanfenen zikh* 'подлизываться' (букв.: *подольститься*): er iz dokh iberrasht fun ot dem *yidn* (A), *tsu vemen s'khanfenen zikh unter ale...* *gvirim* (B)... [Bergelson] 'Он просто поражается этому еврею, к которому подлизываются все... богачи'.

Во всех примерах описываются тайные действия:

– участники А (одушевленный референт неопределенно-личного местоимения *me*) посылают участника С (одушевленный референт словосочетания *eynem fun zayne mekurovim*) к участнику В (одушевленный референт существительного *porets*) без веденія и, возможно, без желания В, как в примере (9);

– участник А (одушевленный референт имени собственного *vashti*) тайно снабжает участника В (одушевленный референт личного местоимения *ikh* в дативе) съестным С (конкретный референт словосочетания *rozhinkes mit mandlen*), как в примере (10);

– участник В (одушевленный референт имени собственного *baron hirsh*) вторгается в личное пространство находящегося за кадром наблюдателя под воздействием абстрактной силы А (абстрактный референт существительного *guter-yor*), как в примере (11); в данном контексте префиксальный глагол *untertrogn* имеет, кроме того, отрицательную коннотацию: действие является нежелательным для наблюдателя;

– участники В (одушевленный референт существительного *gvirim*) пытаются войти в личное пространство участника А (одушевленный референт существительного *yid* в дативе) путем лести, как в примере (12); здесь префиксальный глагол имеет абсолютную отрицательную коннотацию.

У префиксальных глаголов анализируемого семантического класса наблюдается такое явление, как переход в иной, чем у мотивирующего глагола, тематический класс. Так, статальные глаголы восприятия переходят в класс акциональных глаголов прямого эффекта, глаголы прямого эффекта и снабжения могут переходить в класс глаголов социального действия, а глаголы прямого эффекта в класс глаголов движения, что часто – следуя славянскому образцу – сопровождается таким грамматическим явлением, как рефлексивация, например:

(13) *kukn* 'смотреть' (глагол восприятия) – *unterkukn zikh* 'подглядывать' (глагол прямого эффекта): hot zi zikh bahalt n bay zikh oyfn boydem un genumen *unterkukn zikh*, tomer vet ir gerot n khapn dem ganev [Sholem-Aleykhem 1997, с. 30] 'Спряталась она у себя на чердаке и стала подглядывать, не удастся ли ей поймать вора'.

(14) *firn* '(при)вести, везти' (глагол прямого эффекта) – *unterfirn* 'подвести, провести, обмануть' (глагол социального действия): *mikh vet men azoy gikh nit unterfirn...* [Mark, 1961, с. 768] 'Меня так бы-стро не проведешь'.

(15) *shmirn* 'смазывать' (глагол снабжения) – *untershmirn* 'подкупить' (букв.: подмазать) (глагол социального действия): *...mir zoln untershmirn di shomrim...* [Sholem-Aleykhem, 1997, с. 203] '...нам надо подкупить охранников...'.

(16) *ganv(en)* 'красть, воровать' (глагол прямого эффекта) – *untergeganven zikh* 'подкрасться' (глагол движения): *un sholem-zeydl... hot nor arumgetantst hin un tsurik, zikh untergeganvet ale mol zeyer kuntsik...* [Sholem-Aleykhem, 1937, с. 47] 'А Шолом-Зейдл ... все снует туда-сюда, то и дело искусно подкрадывается'.

В некотором роде особую и достаточно обширную группу составляют глаголы социального действия, образованные от мотивирующих глаголов прямого эффекта путем прибавления префикса *unter-* и рефлексива *zikh* с полной утерей значения мотивирующего глагола. Это глаголы со значением "льстить, угодничать" с абсолютной негативной коннотацией и принадлежностью к разговорному стилю (ср. пример (12)), как в следующих словосочетаниях:

(3.95) *dreyen* 'крутить' – *unterdreyen zikh* 'подлизываться' (букв.: подкручиваться): *unterdreyen zikh mit narishe komplimentn* [Mark 1961, с. 714] 'подлизываться со своими глупыми комплиментами'.

(3.96) *lekn* 'лизать' – *unterlekn zikh* 'подлизываться': *unterlekn zikh vi a hunt* [Mark, 1961, с. 748] 'подлизываться, как собака'.

Концептуализация тайного действия как "действия снизу" связана, по-видимому, с тем, что находящееся или происходящее снизу представляется носителям языка идиш (который и здесь следует славянскому образцу) незаметным или менее заметным.

В целом необходимо отметить, что префиксальные глаголы языка идиш с префиксом *unter-* большей частью утратили исконно немецкие значения и приобрели вместо них славянские, как у рассмотренных глаголов, описывающих ситуации "приближения", которые концептуализируются как "действие снизу". Так, например, русские глаголы с префиксом *под-* имеют такое значение как "перемещение сбоку к нижней части", где выделяются, в частности, такие специальные значения как "вхождение в непосредственную близость" и "скрытно (как бы снизу)" [Волохина, 1993, с. 174], что наблюдается также у представленных префиксальных глаголов языка идиш.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
2. Волохина, Г. А. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения [Текст] / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж: Изд. ВГУ, 1993. – 196 с.
3. Новиков, Л. А. Сема [Текст] / Л. А. Новиков // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 437 – 438.
4. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
5. Стернин, И. А. Лексическое значение слова как структура [Интернет-ресурс] / И. А. Стернин. – Режим доступа: <http://www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/slovo/> (дата обращения: 05.06.2009).
6. Tesnière, L. Grundzüge der strukturalen Syntax [Текст] / L. Tesnière. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1980. – 400 s.

Список источников примеров

1. Alkin, M. Funem eybiken kval: zeytschrift forverts [Интернет-ресурс] / M. Alkin. – Режим доступа: <http://yiddish.forward.com/node/2303> (дата обращения: 07.09.10).
2. Bergelson, D. Yoysel Shor [Интернет-ресурс] / D. Bergelson. – Режим доступа: <http://mendelev.commons.yale.edu/wp/library/yiddish-texts/onkeles/a-treasury-of-yiddish-stories> (дата обращения: 30.09.2010).
3. Mark, Y. Groyser verterbukh fun der yidisher shprakh [Текст] / Y. Mark, Y. Yofe. – Nyu-York: Komitet farn groysn vetterbukh fun der yidisher shprakh, 1961. – Band I. – 2333 z.
4. Sholem-Aleykhem. Oyf vos badarfn yidn a land [Текст] / Sholem-Aleykhem. – Tel-Aviv: Perets-farlag, 1978. – 406 z.
5. Sholem-Aleykhem. Mayses far yidishe kinder. Tsveyter bukh [Текст] / Sholem-Aleykhem // Ale verk fun Sholem-Aleykhem. – Nyu-York: Morgn Frayhayt, 1937. – Z. 73-97.
6. Sholem-Aleykhem. Motl Peyse dem khazns [Текст] / Sholem-Aleykhem. – Yerusholaim: Magnes, 1997. – 366 z.
7. Sholem-Aleykhem. A frier peysekh [Интернет-ресурс] / Sholem-Aleykhem. – Режим доступа: <http://mendelev.commons.yale.edu/wp/library/yiddish-texts/onkeles/a-treasury-of-yiddish-stories> (дата обращения: 30.09.2010).
8. Vaysenberg, I. M. Geklibene verk [Текст] / I. M. Vaysenberg. – Nyu-York: Cyko-bikher farlag, 1954. – 311 z.

УДК 811.111'42

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА HÉROS

Е. О. Омеличкина

SEMIOTIC CHARACTERISTICS OF THE LINGUO-CULTURAL TYPE «HÉROS»

Е. О. Omelichkina

Настоящая работа посвящена анализу таких семиотических понятий, как образ, символ, типаж, этимологии лексемы *héros* (герой), понятийных признаков данного концепта, зафиксированных в словарных статьях и культуре, а также его образных и ценностных признаков, интерпретированных автором в художественном тексте. Проведенное исследование позволяет выделить некоторые отличительные характеристики лингвокультурного типажа *héros*.

The paper focuses on the study of basic semiotic notions, such as image, symbol, type, etymology of the lexeme *héros*, conceptual signs of the discussed concept fixed both in dictionary definitions and culture, as well as its image and value signs, interpreted by the author in his work of art. The accomplished analysis revealed some distinctive characteristics of the linguo-cultural type «*héros*».

Ключевые слова: семиотика, образ, символ, лингвокультурный типаж, стереотип, герой, французская литература XX века.

Keywords: semiotics, image, symbol, linguo-cultural type, stereotype, hero, French literature of the XX-th century.

Семиотический анализ осуществляется на уровне означающего (план выражения) и означаемого (план содержания, отсылающий к «понятию»). При этом означаемое «является не самим предметом, а представлением о предмете», и, следовательно, «благодаря своей психической природе сближается с понятиями «концепт» и «образ»». Значение – это «процесс, акт, объединяющий означаемое и означающее» [8, с. 38 – 46]. Для того, «чтобы понять и интерпретировать текст, необходимо адекватно трактовать отношения между означающим и означаемым», «рассмотреть взаимосвязь значения с референтом, объектом, что хронологически предшествует первому процессу и зависит от мотиваций и ценностей читателя» [10, с. 6].

Для описания лингвокультурного типажа *héros* (герой) мы обратились к разработанным О. А. Дмитриевой [2] и В. И. Карасиком [3] алгоритмам, которые предполагают поэтапный анализ понятийной, образной («паспорт» типажа), ценностной и оценочной составляющих исследуемого типажа, а также социокультурной справкой.

Общество с момента своего рождения нуждалось в героях, поступки, поведение и образ жизни которых канонизировались как социальные эталоны. Образцы героического поведения со временем отделяются в общественном сознании от их субъектов и начинают жить самостоятельной жизнью, что ведет к возникновению семантического статуса героизма. Таким образом, герой – это не столько конкретная личность, сколько утвердившийся в данной социокультурной системе личностный статус и роль. Герой как реальная личность должен удовлетворять тому образу героя, который укоренился в общественном сознании в рамках данного культурного и временного пространства [4, с. 7 – 19; 47 – 67].

Процесс формирования лексемы *héros* отражает ее этимология и семантическая эволюция. Этимологически *héros* восходит к латинскому существительному *heros* и греческому *hērōs*, *hērōe* – «полубог»,

«достойный человек», первоначально «защитник». В латинский язык *heros* пришел из греческого языка. Вследствие данного заимствования, лексема приобретает значения, зафиксированные в латинско-русских словарях:

- 1) полубог;
- 2) богатырь, герой.

Выделяется корневая морфема *-ser* (эволюционировавшая позже в *-her* и *-er* (*erus* – «хозяин, господин, владелец, обладатель, супруг; поэт, властитель, повелитель»)) «присматривать, защищать, охранять», свидетельствующая об охранительной и покровительственной функции героя (*servare* – «сторожить, охранять, сохранять, беречь, оберегать, спасать»). Наряду с вышеприведенными формами выявляется альтернативное обозначение героя: латинское существительное *vir* – «взрослый мужчина, муж, возлюбленный, мужественный человек, воин, солдат, боец», абстрактное понятие «мужество, сила», которыми наделен герой. Латинская и греческая лексема *heros* связана с санскритским словом *vīra* «герой, храбрый и выдающийся человек, воин, чемпион» (ставшая продуктивной для образования слов со значением «высшая степень проявления мастерства»). Позже западно-европейские языки пошли по пути расширения значения. В XVI веке героем стал номинироваться не только мифологический персонаж (*Hera* – «защитница, покровительница» и *Herakles* «*Hera* + *kleos* (слава)»), храбрый воин, но и любая выдающаяся личность, исключительный человек по своим морально-волевым качествам и добродетелям, достойный всеобщего восхищения, благодаря исключительной черте характера, дарованиям, самоотверженности. В XVII веке толковые словари французского языка фиксируют значение: главное действующее лицо художественного произведения. Позже героем стали называть того, кто сыграл главную роль в каком-либо событии, появившегося в средствах массовой информации в качестве главного персонажа, героя дня. В русский

язык лексема попала через французский язык, во-брав в себя все вышеизложенные семантические характеристики, а также несколько дополнительных значений: герой как сила, направляющая исторический процесс; звание, признание на государственном уровне (народный или национальный герой); ампула в трагедии или драме [11, 12, 13, 16].

Проанализировав французские толковые словари [14, 15, 17], мы пришли к выводу, что обретение человеком статуса *héros/героя* обусловлено присутствием ему личными героическими качествами (*un idéal de force d'âme, de caractère et d'élévation morale, toutes les vertus, une grande abnégation, la bravoure, un courage extraordinaire, le sens du sacrifice, le génie*); высшей степенью проявления этих качеств (*à son plus haut degré*); героической деятельностью как образом жизни (*un comportement exemplaire, le dévouement total à une cause pour laquelle on combat, à une oeuvre*); героическими поступками (*les exploits prodigieux*), а также положительной оценкой социумом данной деятельности и поступков в рамках установившейся ценностной системы (*digne de l'estime publique, de la gloire, qui incarne dans un certain système de valeurs un idéal, fait l'objet d'une admiration excessive de la part de quelqu'un*).

В концептуальное поле *héros* / герой входят следующие понятия:

– *Путь*. Герой – это человек пути. Трудность пути – его постоянное и неотъемлемое свойство. В конце пути находятся высшие сакральные ценности, признаваемые в данной модели мира, или то основное препятствие, опасность, которые, будучи преодолены или устранены, непосредственно открывают доступ к этим сакральным ценностям и связанному с ними изменению статуса. Мифологема пути выступает не только в форме зримой реальной дороги, но и метафорически — как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного), где целью является не завершение пути, а сам путь, в котором происходит становление героя, переход от одной сферы бытия в другую [6, с. 227 – 284].

– *Подвиг*. Им может быть поступок, поведение, способ существования, вся жизнь героя, преодолевающего препятствия ради достижения цели. Непротиворечие с личностно переживаемым долгом существованием, основанным на справедливости, его добровольной природой, добродетельностью, выходящей за границы общепринятой, делает подвиг морально-положительным и уникальным социальным явлением. Он всегда конкретен и имеет свою структуру (цели, мотивы, средства реализации). В подвиге органично присутствуют мужество, храбрость, вера в правоту, осознание социальной значимости данного рода действий и поведения, жертвенность, оптимизм, негибкость перед трудностями и тяжестью судьбы [4, с. 68 – 70].

– *Судьба*. Герой всегда человек судьбы, которой противостоит. Его воля покрывает своей свободой внешнюю необходимость и неизбежность судьбы.

Однако конфликт с внешней силой обрекает героя на страдания или даже гибель [5, с. 483].

– *Награда*, являющаяся мерой человеческих свершений, символом, имеет закрепленный в данной культуре общеизвестный смысл – социального поощрения героического поступка. Важнейшим элементом ореола героя, образно оформленного отношения к нему и его подвигу со стороны общества, выступает слава и известность, авторитет, а также рождение легенды [4, с. 129 – 137].

Исходя из словарных дефиниций, содержащихся во французских толковых словарях, можно предположить, что для концептосферы французского языка в большей степени характерен образ героя-рыцаря. Наблюдается четкое деление на внутренние и внешние составляющие: эталонные морально-волевые качества героя характеризуют его поведение, поступки и объясняют восприятие героя в качестве идеала. Герою, помимо храбрости и мужества, свойственны такие рыцарские качества, как *noblesse* (благородство), *générosité* (великодушие), *vertu* (добродетель), *âme* (душевность), *élévation* (возвышенность). Героизму противопоставлены *crime* (злодейство), *témérité* (безрассудство), *sang-froid* (хладнокровие), *lâcheté* (трусость и малодушие), что указывает на разумность, убежденность и воодушевленность героя. Концептосфере русского языка ближе образ героя-войны (активация внутреннего потенциала напрямую связана с чувством патриотизма. Героизм неотделим и реализуется в поступке) [14, 15, 17].

Это доказывает тезис о том, что язык неразрывно связан с культурой и этносом, а в героической личности как носителя различных ценностных доминант данной культуры сосуществуют различные социально-ситуативные роли, модусы поведения, уровни коммуникативной компетенции, а также индивидуальные особенности. Так возникает героический образ.

Образ героя – это представление, восприятие реального человека, творчески воссозданное в художественном произведении. Содержание образа неотделимо от конкретной формы, предметного мира. Образ диалектичен и субъективен: он объединяет живое созерцание, его интерпретацию и оценку автором, а позже и читателем.

Образ составляет тот базис, над которым надстраивается символ с его архетипическим началом. Символ принадлежит коллективному сознанию (определенной культуры, социума). Он перенес точку опоры в мир смыслов. Символ представляет собой структурированное семиотическое понятие. Оно трехкомпонентно и состоит из смысла (часто общего, изменчивого), означающего – четкого и хорошо сформированного, и соединяющей их семиотической связки, обеспечивающей возможность взаимозависимого развития сторон символа и в конечном счете их конвенционализации. Назначение символа заключается в том, что он, взятый в его отношении к личной и социальной сферам, определяет программу действий и создаёт модель поведения. Символ поня-

тен, глубок, ценностен для культуры и общества, а также широко распространен. Он всегда приподнят над отдельным человеком и обобщает отличительные черты [1, с. 338 – 345].

В центре нашего внимания находится образ героя-гуманиста, который в полной мере может считаться символом, а значит и типажом. Представление о реальной действительности формирует общие категории мышления, включающие человеческие типажы. Различные аксиологические, социальные, психологические, физиологические и т. д. категории могут материализоваться в типах. Тип, или типаж, по словам В. Колонна, является «поведенческой моделью, схематизацией человеческой деятельности (в большей или меньшей степени predetermined), наделенной характерными физическими и психологическими чертами» [9, с. 152]. Героическая личность становится типажом, прототипом, символически детерминированным в тексте, «строит свое поведение в соответствии с ролевыми предписаниями», является «обобщением и включает стереотипные представления о типизируемом», как поведенческие, так и ценностные. Любой типаж национально маркирован, так как он является «узнаваемым образом представителя определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [3, с. 179 – 183].

Кроме того, типаж «характеризуется двойственной природой: с одной стороны, он представляет собой концепт, с другой стороны – языковую личность», которая проявляется через коммуникативное поведение, через вербальный ряд. Лингвокультурному типу свойственна рекуррентность, знаковая и прецедентность. Следовательно, под героическим типом личности мы подразумеваем лингвокультурный типаж «герой» – «модельную личность», устанавливающую «ценностные ориентиры поведения» [2, с. 17 – 81].

В данной связи речь идет о когнитивном процессе стереотипизации, обобщения, продуктом которого является эмоционально-оценочное образования, стереотипы – «образы, которые опосредуют наше отношение с объективной реальностью». Они представляют собой «готовые изображения, ранее существовавшие культурные схемы, с помощью которых каждый человек «фильтрует» окружающую действительность» [7, с. 26]. Стереотип может меняться от поколения к поколению. Он вычленяется благодаря процессу расшифровки, который состоит

в поиске признаков группы, предмета, ситуации. Стереотип не существует вне контекста и, по словам Р. Амосси, является «способом организации чтения». Он появляется в момент узнавания модели, существующей в коллективном сознании [7, с. 72 – 73].

В тексте герой конкретизируется как персонаж художественного произведения, «обрастая» индивидуальными портретными и поведенческими характеристиками и выполняя различные социально-ситуативные роли, уровни коммуникативной компетенции. Герой является не только собирательным образом, но и индивидуальностью, типизация которой позволяет выделить общие черты.

В романе французского писателя Romain Gary «Les Racines du ciel» («Корни неба»), опубликованного в 1956 году, в центре сюжетной линии – идеалист и гуманист Морель, отправившийся во Французскую Экваториальную Африку и посвятивший себя благородной цели спасения слонов от исчезновения. Морель вобрал в себя черты разных героических типов, выделенных В. Д. Плаховым [4, с. 47 – 67]. Он предстает перед читателями в образе первопроходца, правдоискателя, бунтаря, аскета, жертвователя, энтузиаста, борющегося против охотников за сохранение природного богатства.

В структуре лингвокультурного типажа особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения [3, с. 183]. В этом смысле ценности делятся на индивидуальные (персональные) и коллективные (микрогрупповые, макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие).

Для Мореля спасение популяции африканских слонов является высшей ценностью, его целевой установкой. В культуре разных стран и народов слон предстает в качестве символа силы, верности, мудрости, терпения, он олицетворяет также целомудрие, доброжелательность, долголетие, бессмертие, победу над смертью. Слон – символ Христа, противника змея, попирающего его ногой. В древности верили, что мир держится на слонах.

Для анализа *образного* и *ценностного* содержания рассматриваемого типажа мы выбрали контексты, в которых показана позиция Мореля и его личностные характеристики в процессе коммуникации (*прямая речь персонажа*):

– *Non, mademoiselle, je ne capture pas les éléphants. Je me contente de vivre parmi eux. Je passe des mois entiers à les suivre, à les étudier. A les admirer, plus exactement. A ne vous rien cacher, je donnerais n'importe quoi pour devenir un éléphant moi-même (p. 49 – 50).*

– *Нет, мадемуазель, я не ловлю слонов. Довольствуюсь тем, что живу среди них. Месяцами хожу за ними, изучаю. Вернее говоря, восхищаюсь. Не стану от вас скрывать – я отдал бы все на свете, чтобы самому превратиться в слона (с. 45).*

Француз Морель после нескольких лет, проведенных в концлагере во время Второй мировой войны, приехал в Чад, чтобы бороться с охотниками и поставщиками слонов в Европу, из-за которых каж-

дый год в Африке гибнут десятки тысяч парнокопытных животных. Разочаровавшись в окружающих его людях (в тексте встречается лексема *rogue* «высокомерный, надменный», которую употребляют

некоторые жители Форт-Лами по отношению к Морелю, сравнивая его с раненым слоном, который живет один и агрессивно относится к человеку), Морель ощущает родственную связь со слонами, становится частью их стада и следует за ними (*vivre parmi eux, les suivre*). На грамматическом и стилистическом уровне изучаемый текстовый фрагмент содержит градацию (*à les suivre, à les étudier, à les admirer*), указывающую на огромный интерес Мореля к слонам и бережное к ним отношение. Автор прибегает к антитезе: *vivre parmi eux, suivre, étudier, admirer / capturer*, чтобы противопоставить две разные жизненные позиции – эстетическую и захватническую. Герой не считает себя вожаком и хозяином. Напротив, слон является объектом восхищения и примером для подражания. Слоны воспринимаются героем в качестве ценностного ориентира, символа совершенства, к которому он стремится (*je donnerais n'importe quoi pour devenir un éléphant moi-même*). Морелю свойственна честность (*à ne vous rien cacher*).

Примечательно, что еще один персонаж, Сен-Дени, который давно живет в Африке, ассоциирует

себя со слоном: «*Il n'y a pas de doute: je suis un anachronisme, un survivant d'une époque géologique révolue – comme les éléphants, tenez, puisqu'on parle d'eux. Au fond, je suis moi-même un éléphant (p. 120)*».

Приведенные контексты иллюстрируют, что Морель и Сен-Дени относят себя к минувшей эпохе, предшествующей техническому и экономическому прогрессу. Сен-Дени номинирует себя анахронизмом, пережитком прошлого, как и слон, и, таким образом, разделяет его судьбу. Отсюда имплицитная антитеза – прогресс (к которому шел Африканский континент вслед за Европой и США) – природа (которая ближе Морелю и Сен-Дени).

Морель, встретив неприятие и нежелание жителей Форт-Лами подписать петицию в защиту слонов от браконьеров, уходит в джунгли, надеясь найти единомышленников и добиться издания закона, защищающего права животных. Он постепенно переходит к активным мерам и пытается сам наказать заядлых охотников, нанося им раны и портя имущество. Автор наделяет героя такими признаками, как романтизм и идеализм:

– Ce qui se passé, c'est que les gens ne sont pas au courant, alors il laissent faire. Mais quand ils ouvriront leur journal, le matin, et qu'ils verront qu'on tue trente mille éléphants par an pour faire des coupe-papiers, ou pour de la bidoche, et qu'il y a un gars qui fait des pieds et des mains pour que ça cesse, vous verrez le raffut que ça fera. Quand on leur expliquera que sur cent éléphants capturés, quatre-vingts meurent dès les premiers jours, vous verrez ce que l'opinion publique dira. Ce sont là des choses qui font tomber un gouvernement, je vous le dis, moi. Il suffit que le peuple le sache (p. 133).

– Ведь что происходит? Люди просто не в курсе дела и потому сидят, сложа руки. Но когда они утром развернут газету и узнают, что в год убивают тридцать тысяч слонов, чтобы сделать из бивней ножи для бу маги или запастись трухлятиной, и что есть такой парень, который из кожи вон лезет, чтобы это прекратилось, вот увидите, какой поднимется гвалт. Когда им объяснят, что из ста пойманных слонят восемьдесятдохнут в первые же дни, на чью сторону, по-вашему, встанет общественное мнение? Ведь из-за таких вещей может пасть правительство, это я вам точно говорю. Достаточно, чтобы о них узнал народ (с. 120).

В речи Мореля встречается фразеологический оборот разговорного регистра *faire des pieds et des mains*, посредством которого объективируется неутолимое желание героя достичь цели, несмотря на многочисленные трудности. Деятельная позиция француза противопоставлена пассивности и неосведомленности остальных людей, выраженных в идиоме *laisser faire*. Для коммуникативного поведения героя характерна эмоциональность и использование разговорной лексики: *la bidoche, un gars, le raffut*, что выдает в нем человека из народа, стремящегося к простоте, не привыкшего вести светские беседы и намеренно отказывающегося от социальных привилегий белого человека из колониальной Африки. Прагматической целью приведенного обращения героя, живущего уже некоторое время вдали от людей, к Сен-Дени, который выступает здесь в качестве посредника, является стремление Мореля всколыхнуть общественное мнение. Обращение к собеседнику, использование глагола в форме будущего времени *vous verrez*, повтор личного местоимения в первом лице единственного числа *je vous*

le dis, moi свидетельствуют об уверенности Мореля в своей правоте и конечном успехе. Герой продолжает надеяться на великодушие людей, которые смогут позаботиться не только о себе, но и о слонах, и даже свергнуть правительства своих стран (*Ce sont là des choses qui font tomber un gouvernement; il suffit que le peuple le sache*). Автор обнажает наивность Мореля, далекого от бюрократического аппарата и власти. Также одной из доминантных черт героя является доверчивость. Будучи первопроходцем, бунтующим против общества потребления, француз впитал в себя революционный дух. Романтик и идеалист, он верит, что народ способен проникнуться высокими идеями спасения животных, захочет поступиться собственными интересами и имеет достаточно возможностей, чтобы изменить мир.

Со стороны социума, в свою очередь, наблюдается полярная оценка героя и его ценностей. Многие жители и чиновники Французской Экваториальной Африки негативно относятся к деятельности Мореля:

– *J'ai quarante-huit heures pour arrêter Morel. Car, naturellement, je lui ai mis ça sur le dos et j'espère bien qu'il ne me fera pas faux bond. Notre version a été immédiatement qu'il s'agit d'une espèce de fou, de misanthrope, qui s'est mis en tête de défendre les éléphants contre les chasseurs, et qui a, en quelque sorte, décidé de changer d'espèce, par dégoût de l'humanité. Un blanc qui est devenu amok par misanthropie, et qui est passé du côté des éléphants (p. 75).*

– У меня сорок восемь часов, чтобы арестовать Мореля. Потому что я, конечно, приписываю случившееся ему и надеюсь, он не заставит меня признать ошибку; наша версия сразу была такова: мы имеем дело со своего рода помешанным, с человеко-ненавистником, который вбил себе в голову, что должен защищать слонов от охотников, а сам из отвращения к людям решил как бы сменить свое естество. Белый, которого от неприязни к людям настиг амок, и он встал на сторону слонов (с. 68).

Губернатор Чада, собирающийся арестовать француза из-за нападения на охотников, дает ему ярко отрицательные характеристики. Морель представляется сумасшедшим (*une espèce de fou, s'est mis en tête*), опасным и агрессивным по отношению к людям (*de misanthrope, amok, par misanthropie, par dégoût de l'humanité*). Тема человеконенавистничества Мореля становится доминантной в речи губернатора и манифестируется посредством вариативных лексических единиц. Акцент делается также на расовой принадлежности Мореля: *un blanc*. Употребление гиперболы *qui a décidé de changer d'espèce* подчеркивает категоричность мышления политика, который противопоставляет людей и животных и

оценивает Мореля как человека, который изменил своей природе и перешел в стан слонов. Сема, отражающая уверенность губернатора в своей правоте и быстроту сделанных выводов, касающихся виновности француза, присутствует в метафорически переосмысленных фразеологизмах *mettre sur le dos* и *ne faire pas faux bond*, а также наречиях *naturellement* и *immédiatement*. Губернатор видит цель Мореля не только в защите слонов, но и в жестоком наказании людей.

В прямой речи единомышленников француза доминирует положительная оценка:

– *Voilà un homme qui croit en vous, colonel Babcock, qui fait appel à vous pour essayer de sauver, de préserver quelque chose... Il croit à la nature, y compris la nature humaine, que vous tous ne faites que calomnier, il croit que l'on peut encore agir, sauver quelque chose, que tout n'est pas irrémédiablement voué à la destruction... Il y a là-bas, dans cette forêt, un homme qui croit en vous, un homme qui croit que vous êtes capable de bonté, de générosité, de... d'un... d'un grand amour, où il y aurait de la place pour le dernier des chiens ! (p. 104).*

– Человек вам верит, полковник Бэбкок, он вызывает о помощи в своей попытке что-то спасти, сохранить... Он верит в природу, в том числе и в человеческую, на которую вы все только клеветеете, он думает, что можно еще что-то сделать, что-то спасти, что еще не все непоправимо изуродовано... Там, в чаще, бродит человек, который в вас верит, верит в то, что вы способны на доброту, на душевную щедрость, на... на великую любовь, которую проявите и к последнему псу! (с. 95).

Немка Минна, пережившая несчастья на Родине во время войны, игравшая незавидную роль красивой женщины в Форт-Лами и сумевшая найти утешение в красоте африканской природы, испытывает к отшельнику Морелю родственные чувства. Минна лично переживает сложившуюся ситуацию вокруг Мореля, поэтому ее речи свойственна экспрессивность. Синтаксический повтор: *un homme qui croit* (человек, который верит), повтор глагола *sauver* (спасти) подчеркивают гуманистическую сущность поведения героя, веру в людей и возможность сохранить на Земле что-то прекрасное. Возникает образ Мореля-гуманиста. Глаголы *sauver, préserver, agir, fait appel* говорят о созидательной миссии Мореля, его оптимизме и стремлении найти близких по духу людей. Символичным видится ука-

зание девушки на местонахождение Мореля (II у а là-bas, dans cette forêt), что демонстрирует единение героя с природой. Минна убеждена, что Морель верит в благородные качества и чувства людей и пытается пробудить их. Автор использует градацию: *que vous êtes capable de bonté, de générosité, de... d'un... d'un grand amour*. Центральной в данном текстовом фрагменте является лексема *amour* (любовь). При этом для Минны ценностны не избирательные чувства, а всеобщая и всеобъемлющая любовь (*où il y aurait de la place pour le dernier des chiens*). Таким образом, богатый внутренний мир Мореля открывается благодаря его вере в душевную красоту и гуманизм окружающих людей.

Минна отмечает одиночество героя:

– *Je voyais bien qu'il était à bout, qu'il avait besoin de quelqu'un (p. 53).*

– Я прекрасно видела, что он дошел до точки, что ему кто-то нужен (с. 48).

Фразеологический оборот *être à bout*, употребленный в метафорическом значении, номинирует крайнюю степень усталости и отчаяния героя (ср.

à bout de forces): он испытывает потребность в участии и понимании.

Аллюзия на слона – символа Христа в христианстве, одиночество Мореля и любовь ко всему живому придают его миссии сакральный смысл.

Анализ контекстов, в которых представлена прямая речь героя, позволяет выделить следующие образные и ценностные характеристики: восхищение слонами, желание превратиться в слона, честность, эстетическое и исследовательское отношение к миру, ощущение связи с прошедшей эпохой, активность, деятельность, самоотверженность, эмоциональность, простота, вера в благородство людей, уверенность в своей правоте и конечном успехе, романтизм, идеализм, наивность, доверчивость, бунтарство и т. д. В прямой речи других персонажей романа представлены различные оценочные составляющие образа Мореля. Отрицательные: сумасшествие, агрессивность, мизантропия, отказ от человеческой сущности, высокомерность. Положительные: гуманизм, оптимизм, вера в красоту и возможность ее спасти, созидательность, единение с природой, вера в людей, стремление пробудить благородные качества в людях, всеобъемлющая любовь, одиночество, потребность в участии, понимании, помощи и под. Данные образные и ценностные характеристики образуют понятийные признаки типажа héros как литературного персонажа.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в.: монография [Текст] / О. А. Дмитриева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
3. Карасик, В. И. Языковые ключи [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Плахов, В. Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы [Текст] / В. Д. Плахов. – СПб.: КАРО, 2008. – 240 с.
5. Сапронов, П. А. Феномен героизма [Текст] / П. А. Сапронов. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2005. – 512 с.

6. Топоров, В. Н. Пространство и текст [Текст] / В. Н. Топоров // Семантика и структура. – М., 1983. – С. 227 – 284.

7. Amossy, R. Stéréotypes et clichés [Text] / R. Amossy, A. Herschberg Pierrot. – Paris : Armand Colin, 2007. – 128 p.

8. Barthes, R. L'aventure sémiologique [Text] / R. Barthes. – Paris: Éditions du Seuil, 2007. – 358 p.

9. Colonna, V. A quoi sert un personnage? [Text] / V. Colonna // La Fabrique du personnage, dir. F. Lavocat. – Paris: Honoré Champion, 2007. – P. 152.

10. Dufays, J.-L. Le stéréotype, un concept-clé pour lire, penser et enseigner la littérature [Text] / J.-L. Dufays // Marges linguistiques : Actes du XXI colloque d'Albi «Langage et signification». – Saint-Chamas : M.L.M.S., 2001. – P. 6.

Список словарей

11. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, Медиа, 2008. – 848 с.
12. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/778838>.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / М. Фасмер; перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986. Т. 1. – 576 с.
14. Dictionnaire de la langue française 'Littré'. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://littrereverso.net/dictionnaire-francais/>
15. Le Trésor de la Langue Française. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr>.
16. Online etymology dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/>.
17. Robert P., Le nouveau Petit Robert de la langue française 2007 [Text] / P. Robert. – Paris : Le Robert, 2006. – 2837 p.

Список цитируемых источников

18. Gary, R. Les racines du ciel [Texte] / R. Gary. – Paris: Folio, 2011. – 495 p.
19. Гари, Р. Корни неба [Текст] / Р. Гари. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 448 с.

УДК 81'374

ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. Ю. Полиниченко

AMATEUR LEXICOGRAPHY: AN ATTEMPT OF RESEARCH

D. Yu. Polinichenko

В статье исследуется любительская лексикография как одно из направлений любительской лингвистики. Анализируются толковые, этимологические и переводные любительские словари. Прослеживается тенденция авторов к кратилизму. Делается вывод о тесной связи любительской лексикографии и любительской этимологии.

In the article modern Russian amateur lexicography as a part of amateur linguistics (folk linguistics) is studied. Explanatory dictionaries, as well as etymological and bilingual ones are analysed. Their authors' clear tendency to cratilisism is identified. The conclusion drawn is a close connection of amateur lexicography and amateur etymology.

Ключевые слова: любительская лингвистика, любительская лексикография, любительская этимология, любительская эпиграфика, кратилизм, обыденная лингвистика.

Keywords: cratilism, amateur epigraphy, amateur etymology, amateur linguistics, amateur lexicography, folk linguistics.

Поворот современной лингвистики к исследованию говорящего человека подчеркивает актуальность изучения любых проявлений личностного начала языковой личности. Одним из таких проявлений является вербализация метаязыковой рефлексии, выступающей как часть культурного и компонент национального самосознания [6, с. 227 – 228] и рассматриваемой скорее как деятельность говорящего индивида, а не как проявление метаязыковой функции собственно языка [15, с. 4].

Исследование метаязыковой рефлексии вызвало к жизни термин «метаязыковое сознание», которое определяется как уровень языкового сознания, связанный с «мышлением о языке», где язык выступает в роли объекта; метаязыковое сознание – это совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии, собственных речевых тактиках и т. д. [24, с. 51].

На наш взгляд, различные аспекты (мета) языкового сознания удачно структурированы Н. Б. Лебедевой [20]. Исследователь выделяет две базовые оппозиции: первую оппозицию составляют разные виды «знания» относительно языка, вторая же разделяет сферу осознанного и неосознанного. Первая оппозиция состоит из четырёх элементов: 1 – «знание языка» (языковая компетенция, владение языком) / 2 – «знания о языке» (метаязыковые знания) / 3 – «знания в языке» / 4 – «знания на языке». Вторая оппозиция состоит из противопоставления А – неосознаваемого и Б – осознанного знания [20, с. 61].

Разделение «знания о языке», осуществляемое согласно вышеописанной оппозиции на осознанное и неосознанное, на наш взгляд, весьма важно. Если язык отражает определённую картину мира – языковую картину мира (ЯКМ), то «один из фрагментов этой картины мира представляет собой своего рода автопортрет языка» [18]. Действительно, средства, используемые лингвистикой для описания явлений, относящихся к языку или связанных с языком, присутствуют в самом языке. Неосознанное знание о языке (2-А) и представляет собой метаязыковой аспект ЯКМ – метаязыковые представления, в неявном виде содержащиеся в высказываниях носителей языка. Как и иные фрагменты ЯКМ, данные представления не поддаются прямому наблюдению, а реконструируются лингвистами.

Знание же осознанное (2-Б) вербализуется в эксплицитных формулировках, даваемых членами соответствующего языкового сообщества. Оппозицию 2-А и 2-Б можно обозначить как «Язык о языке» vs. «Человек о языке». Это обыденное знание формируется в повседневной речевой практике и представляет собой «донаучный взгляд на язык» [7, с. 55].

Исследование метаязыковой рефлексии «наивных» пользователей языка приводит к попыткам

терминологически выделить и обозначить как соответствующее лингвистическое направление, так и его объект. Так обрели существование термины «естественная лингвистика» [1], «обыденная металингвистика» [11], «обыденная лингвистика» [27], «наивная лингвистика» [18], «народное языкознание» [22] и другие. Подавляющее большинство исследователей, употребляющих термины из этого ряда, подразумевает под ними метаязыковые представления или метаязыковую деятельность рядовых пользователей языка.

Представляется, что имело бы смысл терминологически разграничить области 2-А и 2-Б, неосознанное и осознанное знание. За первой в таком случае можно было бы закрепить термин «наивная лингвистика», а за второй – «обыденная/народная лингвистика». Далее для обозначения осознанной метаязыковой рефлексии рядового пользователя (2-Б) мы будем использовать термин «обыденная лингвистика».

По аналогии с профессиональной, обыденная лингвистика может быть разделена на ряд областей. Соответственно, могут быть выделены обыденная (более известная как «народная») этимология, обыденная семасиология, морфология, лексикография и пр.

Однако, в случае осмысления собственной металингвистической деятельности, при которой рядовой пользователь языка предпринимает попытки самостоятельного исследования языковых фактов, их обобщения и аргументации выводов, мы сталкиваемся с феноменом, которому, как представляется, необходимо дать собственное название, отграничив его от родственных, но не тождественных ему проявлений метаязыковой рефлексии.

Существуют различные обозначения данного феномена современными исследователями – «любительская лингвистика» [14], «криптолингвистика» [2], «фол(ь)к-лингвистика» [23]. Как и в случае с обыденной лингвистикой, в любительской лингвистике можно выделить любительскую этимологию, семасиологию, морфологию, фоносемантику, лексикографию и т. д. Остановимся подробнее на названном последним элементе этого списка.

Когда мы говорим об обыденном лексикографировании, то речь идёт о лексикографическом описании результатов метаязыковой деятельности носителя языка, осуществляемом лингвистом (см. 13, с. 206). Толкования слов и выражений, предлагаемые рядовыми носителями языка, представляют собой материал, который может быть обработан специалистом и представлен в виде словаря: подобные проекты уже существуют (см. [13], [35, с. 245 – 254]).

При этом сама метаязыковая деятельность рядового носителя языка не предполагает создания словарей. Однако в случае любительской лексикографии ситуация меняется. Любительское лексикогра-

фирование может существовать в двух формах с различными субъектами деятельности. В первом случае лексикографирование осуществляет лингвист, описывающий результаты метаязыковой деятельности автора-любителя, занятого лингвистическим теоретизированием. Во втором случае субъектом лексикографической деятельности становится сам автор-любитель.

Нам неизвестны проекты словарей любительских толкований слов и выражений, однако словари, авторами которых являются неспециалисты, не являются чем-то новым. Так, отмечается, что словарное описание жаргонов и сленгов русского языка осуществляется в настоящее время по большей части не лингвистами, а в лучшем случае носителями соответствующих подязыков [3, с. 62]. Таким образом, можно выделить любительскую жаргонографию, уже попадавшую в поле зрения исследователей (см., например, [25], [34]).

При этом металингвистическая деятельность авторов-составителей подобных словарей носит прикладной характер и ограничивается лексикографированием, не приводя к созданию любительских лингвистических теорий. С точки зрения изучения любительской лингвистики, больший интерес вызывает лексикографическая деятельность любителей, занятых теоретизированием.

При рассмотрении любительских словарей можно отметить следующее. С одной стороны, некоторые словари могут быть отнесены к энциклопедическим, а не к лингвистическим (филологическим): в них описываются скорее факты и понятия, а не значения слов и их употребление, в содержании статей не обнаруживается каких-либо грамматических помет, а их словники включают преимущественно имена существительные. Тем не менее зачастую их словарные статьи содержат этимологические комментарии, а сама словарная статья, как правило, является достаточно краткой, раскрывая лишь немногие признаки соответствующего понятия, что сближает эти словари с толковыми. В первую очередь, это относится к словарям А. В. Трехлебова и Е. А. Гладилина.

Сочинение А. В. Трехлебова [26], которое в целом можно охарактеризовать как имеющее культурно-исторический характер, содержит «Толковый словарь кошунника» (кошунник, как можно узнать из того же словаря, – это «сказитель старины»). В части статей приводится этимологическая информация, привлекаемая для пояснения значения слова, например:

АЛТАРЬ – место для священнодействия («ал» – вышний, «тарь» – тара, место хранения, сохранения).

ЦАРЬ – правитель, монарх («ц» – это (це), «арь» – Арий). Отсюда: цезарь – «це заря», т. е. светлый, просветлённый правитель, «цезаревич» – сын зари, наследник просветлённого правителя.

НЕПАЛ – непалёная (не жаркая) страна, одна из областей древней России.

Историк-любитель Е. А. Гладилин на своём веб-сайте демонстрирует три словаря собственного ав-

торства: «Теологический словарь терминов и понятий всех верований народов мира» [10], географический словарь с подзаголовком [8] и «Краткий словарь понятий и символов древнего мира от А до Я» [9]. Все три словаря построены по одному принципу и слабо отличаются от словаря А. В. Трехлебова: в словарной статье кратко поясняется значение слова, в редких случаях указывается его происхождение, и иногда приводится его авторская этимология:

Ангел – греч. «вестник»; в авраамических верованиях бесплотное (ан гель – нет вещества) существо, исполняющее повеление Бога.

Тантра (Танцующий Ра) (тантризм) – одно из направлений в индуизме и буддизме, основанное на почитании взаимосвязи мужского и женского начал в мире.

Пиэтата (поившая отца) – этрусско-римская богиня, олицетворение благочестия по отношению к родителям. По легенде, чтобы спасти отца, находящегося в неволе, кормила его своим молоком. В её имени без перевода видно, что эта римлянка была русской.

Непал – государство в Азии, в Гималаях; название произошло от «не пал» – не жарко.

Палестина – историческая область на Ближнем Востоке, к востоку от Средиземного моря, один из древнейших центров русской цивилизации. До колонизации евреями под руководством Соломона имела одно из названий Палены Стан (жаркое место).

Анапа – название отечественного детского курорта, находящегося у малых отрогов Большого Кавказского хребта. В течение многих лет наши «ученые» переводят его значение с языка адыгов «край стола». Все гораздо проще «а на па», то есть «не на горе или плоскогорье».

Атлантида – мифологическое название всех морских и океанических островов (отсеченная от лани ида).

Грамота – в старину Г-РА-МО-ТА, где Г – глагол (слово), РА – Бог, МО – освещение ситуации, ТА – ступень восхождения; в более поздние времена – письмо, указ. Грамотка – письмо, записка.

Отрада – божья благодать (от-Ра-да, где «да» – знак согласия, благоденствия).

Во всех словарях вышеуказанных авторов статьи расположены по алфавиту. В статьях приводится только одно значение слова, лишь изредка упоминается о его изменении со временем (как, например, в случае со словом «грамота»). Этот факт в сочетании со стремлением авторов объяснить это значение при помощи авторских этимологий может говорить о тенденции к кратилизму – представлению о строгом и взаимно однозначном соответствии слова и вещи [19].

Кратилизм выражен и в идеях Ю. А. Хлесткова, создавшего «Смысловый словарь базовых слов русского языка» [28]. Автор полагает, что «слова описывают объекты (понятия) в основном функционально точно. Слово имеет внутренний смысл и внешний смысл, которые не обязательно совпадают. Внутренний смысл вытекает из значений входящих

в него звуков (букв), слогов, корней, слов. Он может быть изначальным, его могли заложить его создатели. Внутренний смысл слова не всегда однозначен. Самый общий, подспудный смысл можно уловить, суммируя значения тех элементарных звуковых «кирпичиков», из которых набрано слово. Он, кстати, даже самими создателями слова может ощущаться интуитивно, либо вообще не учитываться. Если учесть значения более крупных строительных блоков, или более конкретные значения входящих в слово элементов, то может возникнуть второй, как правило, уже более конкретный, функциональный смысл. Внешний смысл – это тот, в котором слово обычно используют для описания какого-то объекта (предмета, действия, качества). Он может меняться со временем» [28, с. 13].

Рассмотрим в качестве примера словарную статью «слово»:

СЛОВО

Слово СЛОВО имеет два базовых корня – СЛ и В. Разложим его на слога, учитывая, что какие-то гласные могли быть пропущены, либо деформированы (сначала при написании, потом при произнесении):

СЛОВО = СЛО – ВО = С(о)Л – ВА(е)

СОЛ – это Си.Ла. Доказательство: СОЛЬ – “сильная”. Это ни у кого, знающего значение соли для жизни человека, не должно вызывать сомнений.

Еще пример [3]: СЛОН = С(о)Л – ОН, – “сильный он”.

ВА(е) – как уже отмечено, – Ваять. Поэтому СЛОВО – “силу создающее”. Силу разума. И это тоже точно и функционально.

Оригинальная работа В. П. Киверина «Словарь фонем русского языка» [17], несмотря на название, представляет собой словарь корней (в авторском понимании этого слова: фактически речь идет о слогах): «А», «Аб», «Амь», «Ба» и т. п. Например, слог «УГ» трактуется автором как «изгиб», а сама статья имеет следующий текст: «Если палку сгибать – она выгнется дугой, потом сломается, образовав угол. Угодить – делать, согнув спину, почитая дорогого гостя, подавать с поклоном уго чтение, отдавая ему чть и славу. Уголовник – ловец на кривых дорогах, угрожает путникам. Изогнуты до невозможности уж и реки Луга и Юг, Угра и Ветлуга. Кривая грязная дорога дала название Калуге. Бугай согнет любое дерево, во время ругани много кривой речи, упругая пружина – запас энергии, а уж какие ужимки у кривляки... Древнерусское название плетня – халуга (дешевая, халявная изгородь из изогнутых прутьев), а на вооружении русских воинов был меч-харалуг – изгибаемый (угъ) в круг (хора)».

Наряду с вышеописанными существуют и любительские этимологические словари. Здесь, в первую очередь, нужно упомянуть о лексикографической деятельности арабиста Н. Н. Вашкевича. Хотя, в отличие от прочих авторов-любителей, Н. Н. Вашкевич имеет степень кандидата филологических наук, выдвигаемые им оригинальные теории находятся за пределами парадигм современной науки о языке (см. [21]).

Согласно Н. Н. Вашкевичу, для определения смысла слова любого языка его нужно записать арабскими буквами и посмотреть в толковый словарь арабского языка. Арабские же слова при их непонятном смысле необходимо читать по-русски, ибо русский и арабский языки являются «системными языками мозга». Например, русское междометие «кшш» объясняется Н. Н. Вашкевичем через повелительное наклонение арабского глагола شاك *kaishi* «прогонять», а арабское слово «язык» (لسان *lisa:n*) связывается с русским глаголом «лизать» [4].

Н. Н. Вашкевич является автором нескольких этимологических словарей: этимологического словаря под названием «Словарь этимологических и сокровытых значений» в 4-х томах (выпусках), и этимологического словаря идиом [5]. Оба словаря частично доступны на веб-сайте автора, на сайте же можно ознакомиться с создаваемыми автором отраслевыми словарями (<http://nnvashkevich.narod.ru/SLV/slovari.html>).

В словарной статье этимологического словаря указывается значение слова, традиционная этимология, иногда с указанием источника, и авторская этимология (из арабского), например:

АЛЬБЕДО – “число, показывающее, какую часть падающей лучистой энергии отражает данная поверхность”. От латинского *albedo* “белизна”. (СИС). От арабского аль-бе:да – “белизна”, где аль – “определенный артикль”.

АМПЕР – “единица измерения силы электрического тока”. По имени французского физика Ампера (1775 – 1836). В имени записано ‘амурр – “прохожу, протекаю”, что подвигло ученого на создание теории электродинамики.

В словаре идиом структура статьи проста: ключевое слово, сама идиома, значение, авторская этимология:

АНАФЕМА, предать анафеме – “клеимить, подвергать осуждению”, первоначально “отлучать от церкви”. ♦ От арабского النافي *ан-нафй* “отлучение, удаление, ссылка”.

АХИНЕЯ, нести ахинею – “нести вздор, бессмыслицу, чепуху”. Только восточнославянское. ♦ От арабского междометия يا اخينا انت *ya:xi:na:nta* дословно “О, брат наш, ты”, выражающего возмущение словами собеседника (египетский диалект), что можно перевести: “какой вздор ты несеешь, братец!”. См. также *ахти*.

ГУСЬ¹, гусь лапчатый – “хитрый, ловкий человек; плут, пройдоха”. ♦ От сложения арабского جاس *гасс* “прошупывать, разведывать” и ألف *‘аллафа* “сочинять, лгать” или لف *лаффа* “вертеть”.

ГУСЬ², гуси-лебеди – олицетворение русской идеи мессианства, сравните: римские гуси, которые спасли Рим. ♦ Идея спасения идет от созвучия в обратном прочтении غيث *г#ейс* “крик о помощи”, “сигнал СОС”.

Лексикографическая деятельность В. Н. Тимофеева привела к созданию серии словарей, в которых слова русского, этрусского, латинского, греческого, английского, французского, китайского языков, а также русского тюремно-лагерного жаргона

объясняются при помощи древнеславянской (согласно автору) лексики. Все эти словари представлены на одном из разделов веб-сайта автора (<http://www.tezan.ru/slov.htm>). Словари представляют собой таблицы из 5 столбцов: слово соответствующего языка, классический перевод, древнесла-

вянское слово в латинском написании, перевод с древнеславянского и метод. В последнем столбце автор поясняет фонетические процессы, приведшие, по его мнению, к трансформации древнеславянского слова в современное. Приведём примеры из английского словаря:

advance	подвигаться вперед, наступать	pad-vance	под-винутися	пропуск <i>p</i>
painkiller	болеутоляющее средство	boln-gibtel	боли-губитель	редукция <i>g/k</i> , <i>l/r</i> , замена <i>b/l</i> , <i>t/l</i> ,
scanner	сканер	[s]dzornej	дозорный	инверсия слова, замена <i>d/n</i> , <i>g/n</i> , <i>j/r</i> , пропуск <i>z</i>

Н. Н. Хусаинов является автором «Краткого словаря тюркских основ и персидско-арабских заимствований (через тюркские языки) русского языка» [29]. В словаре, помимо признанных тюркских, персидских и арабских заимствований, приводимых со ссылками на этимологические словари, содержится большое количество авторских этимологий, в которых наблюдается стремление автора этимологизировать русские слова (в том числе заимствованные из западноевропейских языков) через тюркские, например: «**Армия** – от болгарского «Урма» – всеобщее ополчение», «**Вагон**. Из тюрк. “өгүн” (татар. эвен)>нем. *vagon*, англ. *van*, *waggon*», «**Мать**. Заимств. из тюрк. «умай» – дух, покровительница рода. Фонетич. развитие: «умай > май > мать». Возможно и другое фонет. развитие, если умай от «им» – сосать; тогда ум – «им иттер» (тот, кто кормит грудью) > митер (муитер), муттер, матерь».

Также представляет интерес работа В. А. Чудинова «Идея эволюционного словаря» [33]. Книга «представляет собой первую попытку создания словаря промежуточных форм слова, т. е. попытку перехода от словаря этимологического к словарю эволюционному» [33, с. 3]. Каждая статья словаря открывается словом современного русского языка, и дается полная эволюция слова от этимологизирующего до современного в виде цепочки, каждое из звеньев которой нумеруется. Далее следует объяснение лингвистических процессов, приводящих, согласно автору, к появлению каждой новой формы слова.

Следующим элементом статьи является строка значения, где современное слово объясняется через этимологизирующее, т. н. прояснение, в отличие от эволюции, то есть, наличия всей полноты промежуточных форм. Следующая строка названа В. А. Чудиновым заимствованием. Под ним понимается авторское объяснение заимствования данного русского слова в другие языки.

В строке «история вопроса» помещаются ссылки и пересказ, иногда цитата из работ тех исследователей, которые внесли свой вклад в этимологизацию данного слова. Иногда добавляется несколько строк и о наличии обратного заимствования данного слова, измененного другим языком, в русском языке (если такое заимствование, согласно автору, суще-

ствует). Иногда приводится влияние данного слова на какое-то иное слово русского языка.

Приведем пример словарной статьи (прописная буква обозначает здесь ударный гласный):

МЕДИЦИНА. 1) мѣд – 2) мѣдик – 3) мЕдик – 4) медикИна – 5) медицИна. Первая форма существует в современном РЯ [русском языке. – Д. П.] со значением МѢД. Переход 1-2 есть аффиксация, добавление уменьшительного суффикса -ИК с изменением семантики (от целого к части, порции), возможно, со значением лекарство на основе мѣда. Затем переход 2 – 3 – изменение корневого гласного, аблаут, со сдвигом семантики по смежности, от порции меда к лекарю. Переход 3 – 4 – аффиксация, добавление суффикса -ИН с семантическим сдвигом в сторону обобщающей абстракции (типа карта-картИна). Переход 4 – 5 есть фонетическое развитие слова, переход *К* в *Ц* перед гласным *И*.

Значение: медицина – мѣдолечение. Данное значение соответствует сохранившейся до сих пор практике намазывания тела мѣдом для лечения от ряда заболеваний.

Заимствование. Данное слово в его пятой форме было заимствовано практически всеми европейскими языками.

История вопроса. В данном смысле здесь дано впервые. Обратное заимствование можно видеть в словаре Фасмера: впервые заимствовано при Петре I либо через посредство польского языка, либо прямо из латинского, *medicina (ars)* от *medicus*, *medeor* – лечу (ФАС, II, с. 590). В слове *medicus* легко видеть русское слово *медик* (третья форма) с латинским окончанием -УС. Слово *медицина* шире по значению, чем *мѣдолечение*, ибо предусматривает лечение болезней любыми способами.

Оригинальный словарь составлен А. Я. Кеслером. Автор, сторонник «новой хронологии» по А. Т. Фоменко, утверждает, что единый праславянский общеевропейский язык существовал до XIV в., когда начался его распад, давший множество современных европейских языков [16, с. 6, 49]. Словарь А. Я. Кеслера разбит на две части: балто-славяно-германскую и греко-романскую. Первая часть содержит однокоренные, согласно автору, с русскими болгарские, сербские, чешские, польские, литовские, латышские, английские, немецкие, шведские и норвежские слова. Иногда приводятся также слова из белорусского, украинского, словенского, словац-

кого и других языков. Во второй части приводятся соответственно итальянские, французские, испанские, португальские, греческие и английские (испытанные, согласно автору, греко-романское влияние) слова.

Статьи в словаре объединены согласно корневым группам, из-за чего данный словарь можно считать словарем корней праславянского языка. Приведем пример словарной статьи [16, с. 146]:

Б 12. Б(ъ)лох – блестять, блистать, серб. блистати, чеш. blyšet, польск. błyszczeć, błyskać, лит. blysketi, blizgeti, blinginti, англ. blink «мерцать, мигать», нем. blicken, blecken, blinken, blitzen, швед. blicka, blicka, норв. blinke; норв. blikk «взгляд», блестящий, англ., нем, швед., норв. blank; блеск, болг. блясък, серб. блесак, чеш. lesk, blesk («молния»), польск. blask, лит. blizgesys, нем. Blitz «молния», швед. Blixt; швед., норв. bål «костер»; блик, чеш. blikat «мерцать»; англ. black «черный», нем. Blech «жест», швед. bleck, норв. blikk; нем. Blei «свинец», швед., норв. bly.

Последним видом любительских словарей в нашем рассмотрении является переводной, или двуязычный, хотя отнесение имеющихся словарей к нему достаточно условно. В книге В. А. Чудинова «Руница и тайны археологии Руси» [30, с. 378 – 381] можно обнаружить составленный автором краткий «Словарь забытых слов», т.е. «слов, которые когда-то существовали в русском языке, но затем ушли из него по тем или иным причинам. Здесь приводятся как имена нарицательные, так и имена собственные, а также их возможное происхождение и дальнейшая судьба, то есть то слово, которое пришло ему на смену» [30, с. 378]. Словарь включает всего 50 слов. Это толковый словарь с грамматическими и этимологическими комментариями, однако толкуемые слова не принадлежат русскому языку: они были обнаружены в ходе эпиграфического исследования автором изображений предметов, относящихся к раннему средневековью. Все они были записаны «руницей». Руница, согласно В. А. Чудинову, – это «очень древнее традиционное письмо славян, где каждый знак представляет собой открытый слог, состоящий из согласного и гласного» [32, с. 11]. Приведем примеры словарных статей:

ДИЛ – копытное животное, прежде всего конь. Понятие ДИЛА породило понятие КОРКОДИЛА, то есть КОРКОВОГО ДИЛА, то есть водяного КОНЯ, покрытого КОРКОЙ (чешуей); это слово в искаженном варианте стало проноситься как КРОКОДИЛ.

КЪРУДИЛО – славянский вариант бумеранга, изогнутый снаряд для полета со вращением и движением по кривой. Неизвестно, описывал ли он полную окружность. Существительное образовано от глагола КРУТИТЬ с озвончением Т в Д.

В книге «Вернем этрусков Руси» [31, с. 596 – 637] В. А. Чудинов представляет созданный им этрусско-русский словарь под названием «Словарь русских и этрусских слов». В отличие от вышеописанных, это чисто лингвистический словарь, в котором представлены различные части речи, с указани-

ем номера источника, в котором встречается данная словоформа. Всего представлено 2003 словоформы в русской графике и 11 словоформ латинского написания. Все этрусские словоформы обнаружены В. А. Чудиновым на изображениях предметов этрусской культуры. Приведем примеры из словаря:

12. АД (№ 161) – предлог ОТ.

94. АТЕЦ (№ 51) – существительное ОТЕЦ.

118. АЧЛЕ (№ 160) – сокращенный вариант второго причастия АЧЛЕ, то есть ПОЧИЛИ.

136. БОЛЬШОМ (№ 125) – предложный падеж ед.ч. прилагательного БОЛЬШОЙ.

146. ВАЙВЛ (№162) – второе причастие глагола ВОЕВАТЬ.

278. ВЧН (№80) – краткое прилагательное ВЕЧНЫ.

Таким образом, данные словари отражают лишь авторское понимание выделяемых автором надписей, даже идентификация которых в качестве надписей иногда является сомнительной (см. [36], [37]), и в этом смысле их можно называть фантомными: это словари вымышленных, воображаемых слов, определяемых автором как древнерусские либо этрусские.

Таким образом, даже достаточно общее изучение любительской лексикографической деятельности позволяет сделать некоторые выводы. В любительской лексикографии представлены три вида словарей: толковые, этимологические (включая сюда же исторический словарь В. А. Чудинова) и переводные. Толковые словари характеризуются, с одной стороны, чертами энциклопедических словарей, а с другой – частым использованием этимологических комментариев. У авторов может быть отмечена тенденция к кратилизму – представлению о строгом и взаимно однозначном соответствии слова и вещи. Среди этимологических словарей присутствуют как работы, в которых приведены авторские этимологии русских слов, так и попытки этимологизировать слова иностранных языков на русской (славянской) основе. Переводные словари содержат статьи о словах-фантамах, полученных в результате эпиграфической деятельности автора. Мы видим, что любительская лексикография тесно связана с любительской этимологией и отчасти эпиграфикой. Дальнейшее рассмотрение позволит более тщательно изучить результаты лексикографической деятельности лингвистов-любителей и, возможно, выявить новые черты современной отечественной любительской лексикографии.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Введение. Наивные размышления о наивной картине языка / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке. Сб. статей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7 – 19.
2. Базылев, В. Н. Политика и лингвистика: «великий и могучий...» / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. – 2009. – Вып. 3. – С. 9 – 39.

3. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие / А. Н. Баранов. – Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
4. Вашкевич, Н. Н. Системные языки мозга. [Электронная версия] / Н. Н. Вашкевич / – Изд. 3, поправленное и пополненное. – 2007. – Режим доступа: <http://nnvashkevich.narod.ru/kng/SYSJAZ2007/appl1.htm>.
5. Вашкевич, Н. Н. Идиомы. Этимологический словарь от А до Я / Н. Н. Вашкевич – Владимир: Издатель Ландышев, 2007. – 592 с.
6. Вепрева, И. Т. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? / И. Т. Вепрева // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 217 – 228.
7. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
8. Гладилин, Е. А. Географический словарь / Е. А. Гладилин // Возрождённая Русь [Сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rojdenierus.ru/geogslov.shtml>.
9. Гладилин, Е. А. Краткий словарь понятий и символов древнего мира от А до Я / Е. А. Гладилин // Возрождённая Русь [Сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rojdenierus.ru/slovar.shtml>.
10. Гладилин, Е. А. Теологический словарь терминов и понятий всех верований народов мира / Е. А. Гладилин // Возрождённая Русь [Сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rojdenierus.ru/theological.shtml>.
11. Голев, Н. Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка / Н. Д. Голев // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. – Екатеринбург, 2003. – С. 174 – 191.
12. Голев, Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность как базовый постулат» наивной лингвистики) / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II: коллективная монография. – Томск: Изд. ТГПУ, 2009. – С. 378 – 409.
13. Голев, Н. Д. Общий очерк концепции в «Словаре обыденных толкований русских слов» / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово, 2010. – С. 205 – 218.
14. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике / А. А. Зализняк – М.: Русский Мир: Московские учеб., 2009. – 240 с.
15. Кашкин, В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 4 – 34.
16. Кеслер, Я. А. Азбука и русско-европейский словарь / Я. А. Кеслер – М.: Крафт+, 2001. – 340 с.
17. Киверин, В. П. Словарь фонем русского языка / В. П. Киверин // Азъ арий [Сайт]. [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://azaryj.narod.ru/koreni.html>.
18. Клубков, А. П. Взгляд на язык в истории культуры / А. П. Клубков // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: материалы Междунар. конф. (2 – 5 февраля 2000 года). – Петрозаводск, 2000. – С. 104 – 110.
19. Коса, П. Чтобы покончить с кратилизмом / П. Коса. – [1997]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kpfu.ru/science/news/lingv_97/n4.htm.
20. Лебедева, Н. Б. Структура языкового сознания и место в ней метаязыкового компонента / Н. Б. Лебедева // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 61 – 66.
21. Маевский, Е. В. О графомании в науке / Е. В. Маевский // Сборник тезисов докладов профессоров, преподавателей и научных сотрудников ИСАА при МГУ, подготовленных для конференции «Ломоносовские чтения 2006». – М.: Институт стран Азии и Африки при МГУ, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iaas.msu.ru/res/lomo06/ecol/maevsky.htm>.
22. Никитина, С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
23. Полиниченко, Д. Ю. Лингвистика и фолклингвистика: концепция А. Н. Драгункина / Д. Ю. Полиниченко // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово, 2010. – С. 384 – 394.
24. Ростова, А. Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Ростова. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 49 – 57.
25. Русакова, Е. Б. Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование / Е. Б. Русакова: автореф. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2007. – 24 с.
26. Трехлебов, А. В. Кошуны Финиста Ясного Сокола России / А. В. Трехлебов. – Пермь, 2004. – 656 с.
27. Трофимова, Е. Б. «Обыденное языковое сознание»: размышления на заданную тему // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II: коллективная монография. – Томск: Изд. ТГПУ, 2009. – С. 69 – 77.
28. Хлестков, Ю. А. Ура. Часть I. Смысловой словарь базовых слов русского языка / Ю. А. Хлестков. – М., 1996. – 124 с.
29. Хусаинов, Н. Н. Краткий словарь тюркских основ и персидско-арабских заимствований (через тюркские языки) русского языка. 2-е испр. и доп. издание / Н. Н. Хусаинов – Набережные Челны,

2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kitap.net.ru/husainov/suzlek.php>.

30. Чудинов, В. А. Руница и тайны археологии Руси / В. А. Чудинов. – М.: Вече, 2003. – 432 с.

31. Чудинов, В. А. Вернѐм этрусков Руси / В. А. Чудинов. – М.: Поколение, 2006. – 656 с.

32. Чудинов, В. А. Русские руны / В. А. Чудинов. – М.: Альва-Первая, 2006. – 336 с.

33. Чудинов, В. А. Идея эволюционного словаря / В. А. Чудинов. – М.: Альва-Первая, 2006. – 60 с.

34. Шаповал, В. В. Источниковедение и лексикография: план исследования на материале русских

словарей / В. В. Шаповал // Научные труды МАДИ (ГТУ). – М., 2004. – С. 41 – 60.

35. Шумарина, М. Р. Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография / М. Р. Шумарина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 328 с.

36. Эрлихман, В. Микроскопом по истории / В. Эрлихман // Родина. – № 5. – 2008. – С. 21 – 23.

37. Яковлев, С. В. «Чудеса» науки или чудачество от имени науки? О «неявных надписях» в работах В. А. Чудинова / С. В. Яковлев // Бюллетень в защиту науки. – № 8. – 2011. – С. 74 – 86.

УДК 81'23(075.8)

ЗАТЕКСТ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е. М. Рожкова

THE OFF-TEXT AS A FORM OF THE REALITY PRESENTATION IN A LITERARY TEXT

Y. M. Rozhkova

В статье рассматривается затекст как важный компонент содержательной стороны художественного произведения. Определяется сущность затекстовой информации в соотношении с фоновыми знаниями и выявляются ее структурные характеристики.

In article the off-text as an important component of the informative aspect of the literary text is considered. The nature of the off-text information related to the background knowledge is determined; also the structural characteristics of the off-text are defined.

Ключевые слова: художественный текст, затекст, фоновые знания, реалии, реальные события.

Keywords: literary text, off-text, background knowledge, realia, real facts.

Основное значение при анализе текста имеет его содержательная сторона, способы формализации которой разрабатываются в современной лингвистике. Художественный текст обладает способностью выражать намного больше, чем это представлено буквально. Целью нашего исследования является описание механизма взаимодействия смысловых составляющих, организующих дополнительную информативность художественного текста.

За любым текстом стоит автор. С другой стороны, текст ориентирован на читателя, т. е. призван осуществлять коммуникативную функцию. В этом процессе автор использует все доступные ему средства, чтобы представленная им языковая модель максимально соответствовала замыслу. Наличие автора подразумевает и то, что любое художественное произведение создается на бытийном материале, имеющем отношение к действительности – реальной или вымышленной, к определенному историческому периоду, социальной и культурной среде, характерным для данной среды образам. Объективная сторона содержания, характеры и ситуации, референциально соотносящие текст с действительностью, в лингвистической литературе обозначаются термином «затекст». В. П. Белянин характеризует данное явление как фрагмент действительности, описанный в тексте. «Затекст присутствует в тексте неявно – как отсылка к реальным событиям или явлениям. По сути, целью текста является описание затекста в том ракурсе, в каком он видится его авто-

ру. Как правило, затекст – это реальные события. В художественной литературе затекст является вымышленным» [2, с. 112]. Описываемый текстовый компонент создается в результате связи текста с так называемыми *фоновыми знаниями*, которые существуют вне данного текста, являются частью культуры и, как правило, известны большинству носителей языка. В связи с этим, для прояснения сущности затекста, нам необходимо остановиться подробнее на понятии фоновых знаний.

В российском языкознании вопрос о фоновых знаниях впервые был подробно рассмотрен в книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура». В ней фоновые знания определяются как «присутствующие в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит» [3, с. 57]. Исследователи отмечают, что эти знания фиксируются как в памяти отдельного человека, так и целого коллектива и актуализируются по мере необходимости. Определение фоновых знаний дает Г. Д. Томахин: «Фоновые знания – это социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [5, с. 77]. Автор выделяет мысль об общенациональной принадлежности фоновых знаний. Другие исследователи, такие, как Ф. Боас, А. Н. Крюков указывают на индивидуальные характеристики и важность фоновых знаний для участников коммуникативного процесса.

В словаре лингвистических терминов мы находим следующее определение данного понятия: «Фоновое знание – background knowledge. Обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [1, с. 498]. Ведущей здесь будет мысль о том, что это общая для коммуникантов информация, которая обеспечивает их взаимопонимание при общении. Фоновые знания представляют собой значительный интерес при исследовании сложного взаимодействия языка и культуры. Е. И. Шумагер отмечает, что фоновые слова – это лексические единицы, на первый взгляд, самые обычные, которые содержат ценную информацию о специфически национальной внеязыковой деятельности [7, с. 498].

Фоновые знания, необходимые для понимания затекста, существуют независимо от прочитанного, можно сказать, до текста. В данном конкретном тексте они лишь актуализируются, становятся существенными для понимания. Фоновая информация охватывает, прежде всего, специфические факты истории, государственного устройства, социальной общности, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия. В основе классификации фоновых знаний могут лежать как содержательные характеристики, так и степень известности фоновых знаний носителям языка. Вслед за В. П. Фурмановой, мы выделяем по содержанию следующие области фоновых знаний:

1. Историко-культурный фон, включающий сведения о культуре общества в процессе его исторического развития.

Например, историко-культурный фон многих рассказов Ю. М. Нагибина создается описанием картин военной или послевоенной действительности («Берендеев лес», «Воробы под крышей», «Где-то возле консерватории», «Недоделанный», «Машинистка живет на шестом этаже», «Перекур» и др.).

2. Социокультурный фон, включающий знания об особенностях социальной структуры и жизни общества.

Социокультурный фон способствует пониманию особенностей индивида – представителя того или иного народа, общества или культуры, в которых он рождается и растет. Без этого непостижимы его личные качества, его ментальность, манеры и нравы, стиль поведения и образ мыслей. В данном случае язык проявляет себя как знак принадлежности его носителей к определенному социуму. Обратимся к примерам:

«Ну, погодите, фрицы проклятые, – прошептал молодой лейтенант, отличник боевой и политической подготовки, – ужасно спросится с вас за наши порушенные села и города...» [9, с. 403].

Чтобы понять выражение «отличник боевой и политической подготовки», необходимо знать, что так именовались в советское время воины, проявившие ратную доблесть в боевой учебе. Отличник олицетворяет лучшие черты вооруженного защитника Родины – его беспредельную преданность народу, готовность стойко, не щадя собственной жизни,

защищать интересы Отечества. Он – знаток военного дела, подлинный мастер боевых специальностей.

Еще пример: *«Он едва не вылетел с работы с волчьим билетом»* [9, с. 419].

Волчий билет – в дореволюционной России – полугодовая отсрочка, выдаваемая приговоренным к ссылке преступникам, от которых общество отрекается. В дальнейшем стало употребляться в значении документа, паспорта с отметкой, свидетельствующей о неблагонадежности его обладателя и лишавшей его каких-либо гражданских прав.

«На подмогу съехала родня. Сестра Верушка с мужем – шабашником...» [13, с. 335].

Шабашник – человек, выполняющий строительные, ремонтные и другие виды работ, заключая частные сделки по высоким ценам. В советское время колхозам выделялись немалые деньги на строительство домов, ферм, школ и т. д. Выполнить данную работу качественно и в короткие сроки вызывались специально обученные, организованные бригады свободных строителей, которые брали всю ответственность на себя.

3. Этнокультурный фон, включающий информацию о быте, традициях, праздниках, т. е. знания об этническом укладе и образе жизни, стереотипах и основных чертах национального характера и т. д.

Наибольшее количество этнографически окрашенных понятий обнаруживается среди слов, обозначающих различные предметы одежды, обстановки. Данные слова часто относятся к непереводимой лексике. Например, *сени* – в частных домах – помещение или нежилая часть дома между жилой частью дома и крыльцом; *горница* – неотапливаемая, чистая комната в крестьянском жилище у народов Восточной Европы, использовалась как парадное помещение, иногда – как кладовая; *вахлак* – неуклюжий, грубый и невоспитанный человек.

4. Семиотический фон, содержащий информацию о символике, обозначениях, особенностях иного культурного окружения.

«Посреди деревни возвышался бугор, на нем торчал столб с чугунным билем – сельское вече» [11, с. 380].

Сельское вече – место собрания взрослых жителей деревни для обсуждения общих дел и непосредственного решения насущных вопросов.

Специфика фоновой информации состоит в ее имплицитном присутствии в художественном тексте, что делает фоновые смыслы скрытыми от читателя, являющегося представителем иной культуры. Как мы видим из приведенных примеров, фоновые знания необходимы для понимания атмосферы времени в произведении, характеров героев, мотивов поведения персонажей. Отсутствие фоновых знаний затрудняет и искажает восприятие текста.

По степени известности фоновые знания подразделяются на несколько типов: общечеловеческие, региональные, страноведческие, групповые (социальные и профессиональные), индивидуальные.

Как очевидно из определения и классификации фоновых знаний, они представляют неограничен-

ный информационный пласт, изменяющийся и пополняющийся с течением времени. Затекст – это часть фоновых знаний, необходимых для адекватного восприятия и понимания данного конкретного текста. То есть между фоновыми знаниями и затекстом существуют отношения: целое – часть, общее – индивидуальное. Затекстовая информация более четко определена и, в силу этого, знакомство с ней является эффективным способом овладения фоновыми знаниями и социокультурной компетенцией.

Проанализируем затекст следующего фрагмента, в котором описывается диалог главного героя с солдатом в военном госпитале:

«Тогда Петров спросил солдата, а если бы мол, тебя не взяли по призыву, пошел бы ты сам?» «Как же это могли меня не взять? Что я, больной или порченный, что, у меня глаз кривой или грыжа в паху?» – «Да нет, просто так, не взяли – и все!» – «Так не бывает. Кто же тогда врага отгонит?» – «Другие, – втолковывал ему Петров. – Считай так: народу хватает, и тебя оставили дома на развод. Пошел бы ты сам?» – «А без меня не может хватать, – возражал солдат. – Кто же на моем-то месте будет?» – «Свято место пусто не бывает, другой там будет, не хуже тебя, а может и получше», – подначивал Петров. «Это, что ль, как в старину – богатые мужики за сынов своих в солдатчину некрутов покупали?» – усмехнулся солдат» [8, с. 296].

Затекст. «Взять по призыву» или призвать на службу в военное время могут каждого дееспособного мужчину без серьезных физических отклонений, поэтому у пожилого солдата возникает недоумение по поводу вопроса Петрова. Выражение «оставить на развод» в данном контексте трактуется как «оставить с целью получения потомства». Солдат не может согласиться с подобной постановкой вопроса, потому что считает, что место каждого взрослого мужчины во время войны в строю, он должен защищать отечество. Высокий патриотизм, энтузиазм и самоотверженность советских людей в сталинский период были целым мировоззрением, воспитанным системой социалистической идеологии.

Выражение «Свято место пусто не бывает» происходит от русской поговорки «Свято место не будет пусто», означающей, что на важное для людей место, должность всегда найдется много охотников – недолго оно будет пустовать, если его покинет тот, кто сейчас занимает.

Солдатчина – солдатская служба. **Некруты** – искаженное слово «рекруты» – набранные на службу в армию в царской России с 1705 по 1874 гг. Рекрутской повинности подлежали все сословия и все классы населения. Система рекрутских наборов позволяла не отрывать от профессионального труда миллионы мужчин, забирая лишь немногих. Но эта системы была бесчеловечной по отношению к тем немногим, лишая их радости человеческой жизни навсегда, так как служил рекрут 25 лет, что в то время равнялось пожизненному сроку. Постепенно был сделан ряд отступлений от основного принципа

общеобязательности рекрутской повинности, кроме того, с течением времени крайне развился денежный откуп. Закон предусматривал такую возможность, рассчитывая легально пополнить казну и не создавать условия для взяточничества.

Можно сделать вывод, что фоновые знания – это, с одной стороны, информация, относящаяся к объективированной действительности, сведения о том, что является творением человека, о материальных предметах человеческой культуры, о конкретных фактах человеческой истории и т. д. С другой стороны, фоновые знания, а значит, и затекст, сопряжены с ментальной стороной лингвокультуры. При этом мы говорим не только о сознательной стороне человеческой деятельности, но и о сфере бессознательного, поскольку именно наличие бессознательного определяет любое произведение искусства. Под бессознательным мы подразумеваем здесь процессы мышления, которые не всегда поддаются контролю со стороны сознания, совокупность психических явлений, состояний и действий, лежащих вне сферы человеческого разума. Это термин, для обозначения «совокупности содержаний, не присутствующих в актуальном поле сознания» [4, с. 71]. Те факты, которые так или иначе имеют отношение к реальным объектам или событиям, обозначаются понятием ‘реалии’. Явления же абстрактного характера, возникающие на основе ассоциаций, особого мировидения, мироощущения и понимания, мы связываем в затекстовом аспекте с понятиями ‘архетипы’ и ‘стереотипы’.

Обратимся к понятию ‘реалии’ (от лат. *realis* – истинный, действительный, вещественный). Несмотря на широкое употребление в лингвистике, литературоведении, переводоведении и лингвострановедении, в исследовательской литературе нет четких критериев определения данного термина. Согласно определению О. С. Ахмановой, – это «в классической грамматике разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие, как государственное устройство страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п., с точки зрения их отражения в данном языке» [1, с. 381]. По мнению Г. Д. Томахина, реалии – это «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п.» [6, с. 13]. Как видно из определения, исследователь дает определение в значении знака реалии-предмета и включает в рассматриваемое понятие наименование отдельных предметов, понятий, явлений быта, культуры, истории данного народа или данной страны. Анализ определений, встречающихся в научной литературе, показывает, что можно обозначить двойное понимание данного термина. В соответствии с первым, реалии рассматриваются как предметы или явления, значимые в культурном отношении, факты истории, различные общественные явления, национальные и фольклорные герои, особенности уклада жизни того или иного народа и не встречающиеся у другого на-

рода (М. Л. Вайсбурд, Т. Ф. Ефремова, А. В. Федоров и др.); согласно второму, реалии определяются как языковые единицы, обозначающие такие явления, предметы и понятия, а также пословицы, афоризмы и фразеологизмы (Л. С. Бархударов, С. И. Влахов, В. Г. Гак, Л. Н. Соболев, С. П. Флорин и др.). Большинство исследователей группируют реалии, основываясь на экстралингвистическом факторе – тематических ассоциациях. Отличительными чертами реалии являются характер ее содержания (связь обозначаемого предмета с определенной страной, народностью, социальной общностью и принадлежность ее к определенному периоду времени). На основе этих признаков исследователи предлагают разделять предметные, временные и местные группы реалий.

Различные подходы к трактовке реалий, отсутствие четкого определения данного понятия привели к возникновению большого количества терминов, используемых для обозначения сходных с реалиями явлений. Чаще всего встречаются термины «безэквивалентная лексика», «фоновые слова», «национально маркированные слова», «экзотизмы». Каждое из перечисленных названий по-своему верно отражает сущность реалий: данная лексика является безэквивалентной, поскольку обозначения специфических явлений в местной культуре часто не имеют однословного перевода в других языках; фоновыми данные слова являются потому, что несут в себе дополнительную информацию о специфической внеязыковой деятельности общества, т. е. являются частью фоновых знаний; реалии отражают специфическую национальную информацию в лексической системе соответствующего языка; их также можно назвать и экзотизмами в том случае, когда речь идет о названиях явлений в чужой культуре.

Любой художественный текст вне зависимости от предмета изображения является национально-специфичным. В первую очередь, национальная специфичность обусловлена отражением в языке автора текста особенностей культуры и истории народа – носителя родного для автора языка. Состав компонентов каждой из культур специфичен по сравнению с другой, и единицы, присутствующие в одной лингвокультуре, могут отсутствовать в другой. Реалиям свойственны эмоциональность и образность, стилистическая окрашенность, поэтому они становятся отличительными знаками того народа, в языке которого существуют. В художественном тексте они служат не только стилистическим целям, но и воссозданию национального, культурного и исторического колорита. Обратимся к фрагменту из рассказа «Человек и дорога», описывающему сцену возвращения главного героя, Алексея Бычкова, со службы домой и определим элементы, которые являются показательными, маркирующими для данной социальной, культурной, временной среды:

«Он отслужил действительную и в новенькой, с иголки, форме с погонами сержанта, значком отличника-танкиста на груди, в хромовых, собранин гармошкой сапогах, в фуражке с черным околышем, косо сидящей на вьющихся волосах, в

белом целлулоидном подворотничке – сверкающий, как новый гривенник, вернулся в родную деревню» [12, с. 250].

Действительной считается военная служба в течение установленного срока в рядах Вооруженных Сил, согласно закону «О всеобщей воинской обязанности». При увольнении в запас Алексей Бычков появляется в родной деревне в парадно-выходной форме, предназначенной воинским уставом для особо торжественных случаев, поэтому одет «с иголки» значит: во все новое, нарядное, только сшитое. *Значком отличника-танкиста* поощрялись особо выдающиеся солдаты из числа рядового и младшего начальствующего состава Советской Армии. Такой знак получали воины, показывающие высокие образцы отличного владения личным оружием, танком и другими техническими средствами. В советское время военнослужащие в качестве парадной обуви носили *сапоги из хромовой кожи*, т. е. кожи более тонкой выделки, выдубленной хромовыми солями.

Высокие голенища таких сапог образовывали складки, похожие на меха гармошки. *Фуражка с черным околышем* – форменный головной убор с плотным ободком, облегающим голову (у военных бронетанковых войск околыш был черного цвета) – также являлась деталью униформы танкистов. Такой элемент одежды как *подворотничок* – прямоугольная полоска белой хлопчатобумажной ткани под стоячий воротничок – неперменный атрибут армейской жизни, так как процедуру пришивания подворотничка, в соответствии с воинским уставом, необходимо совершать ежедневно. В целях простоты использования, многие военнослужащие заменяли ткань материалом из горючего, легко воспламеняющегося и лишенного гигиенических свойств целлулоида, нарушая тем самым воинский устав.

Настроение Бычкова, вернувшегося домой после четырех лет службы в армии, передается выражением «сверкающий (сияющий) как новый гривенник», которое имеет значение «весело улыбающийся, находящийся в благодушно-приподнятом, радостном настроении». Гривенник – серебряная (позже медная) русская монета достоинством в десять копеек, вошедшая в оборот при Петре I.

На основании некоторых фактов, передаваемых в рассказе посредством реалий: четырехлетний срок действительной службы в армии, значок отличника-танкиста, хромовые сапоги как часть парадной экипировки военного, – можно сделать вывод, что описываемые события относятся к периоду 50 – 60 годов прошлого столетия.

Временной колорит является отличительной чертой реалий, поскольку данные лексические единицы отражают все изменения, характерные для определенного исторического периода. На основании этого среди реалий выделяют неологизмы, историзмы и архаизмы, к ним относят также цитаты, крылатые слова и выражения афористического уровня, различного рода обращения. «Чем ближе произведение по своей тематике к народной жизни, тем ярче проявляется его национальный колорит. Колорит – это та окрашенность слова, которую оно приобрета-

ет благодаря принадлежности его денотата к данному народу, определенной стране или местности, конкретной исторической эпохе» [5, с. 21]. Слова-реалии содержат ценную страноведческую информацию, позволяют увидеть в языке отражение многочисленных материальных и духовных процессов, происходящих в обществе, способствуют наиболее полному воплощению замысла автора.

В качестве наиболее распространенных выступают два вида отношений между реалиями и контекстом [5, с. 32]:

1. Однородные реалии тематически объединены с контекстом и выступают в тексте в качестве его важных компонентов. В таких случаях текст изобилует реалиями, а содержание произведения создает благоприятный фон для их понимания и запоминания.

2. Разнородные реалии тематически не связаны с контекстом и используются в тексте преимущественно в качестве приемов художественной выразительности. Понимание таких реалий затрудняется из-за отсутствия в тексте необходимой информации.

Значение реалий, тематически объединенных в максимальной смысловой единице языка – тексте, выражается средствами контекста. Выделяются три основных разновидности их нормативного употребления, обусловленных стандартным, объяснительным и ситуативным контекстом.

В стандартном контексте слова и словосочетания, обозначающие реалии, употребляются без каких-либо комментариев: «*Просветлели новенькие шпалы, уложенные Марусей и ее товарками*» [11, с. 417]. Слово *товарка* относится к разговорной, устаревшей лексике, имеет значение «подруга, приятельница», производное от слова «товарищ» для женского рода.

В объяснительном контексте присутствует комментарий или развернутая дефиниция данной реалии: «*Он ведь играл не только хорошо, но строго по-джентельменски, без оголтелого желания непременно выиграть*» [9, с. 420]. В тех случаях, когда на реалии сосредоточено внимание автора, он может дать ей более детальное объяснение: «*Должен признаться, что поначалу он показался мне современным вариантом флореровских бедолаг Бювара и Пекюше, недалеких буржуа, решивших овладеть всеми знаниями и наслаждениями века, но в результате лишь набивших шишки на тугодумные лбы и заболевших дурной болезнью*» [10, с. 354].

Реалии также могут быть употреблены в переносном значении, которое раскрывается в ситуативном контексте: «*В гнедом шерстяном, туго обтягивающем платье, с могучим крупом и крепкими ногами, Инесса наводила на мысль, что кентавр не обязательно мужского пола*» [8, с. 316]. Выделенные лексические единицы употреблены в переносном значении: *гнедая* – это масть лошади темного рыжего окраса, *крупом* называется задняя часть лошади от середины спины до хвоста. Оба определения служат для усиления сходства героини рассказа с соответствующим животным.

Итак, реалии можно считать неотъемлемым признаком художественного текста, поскольку они несут стилистическую нагрузку, а также являются своеобразным языковым отпечатком присущих данному народу национальных, культурных и исторических особенностей, сообщают о специфической внеязыковой жизни общества в конкретный период времени. В контексте произведения реалии выступают либо как важная часть его содержания, либо в качестве приема художественной выразительности; в большинстве случаев контекст создает условия для раскрытия значения реалий. В структурном отношении реалии присутствуют в художественном тексте в качестве затекстового компонента, для которого характерна связь слова с объективированной действительностью.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что затекст представляет собой важную составляющую семантической структуры художественного текста. Это результат конкретизации в тексте определенной части фоновых знаний, то есть общих знаний автора и читателя, необходимых для понимания содержания произведения. Инициатива создания затекста исходит от самого автора, который выполняет координирующую функцию. При этом следует учитывать, что объекты реального мира не копируются автором, а создаются за счет усиления их типичности. Затекст способен объединять в себе как структуры общечеловеческого подсознательного характера, так и явления исторического, социального, культурного, личностного порядка. Определяющим фактором формирования затекста является намерение автора расширить представления читателя о явлениях и событиях определенного временного периода, тем самым приблизив его к контексту эпохи.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Белянин, В. П. Психоллингвистика [Текст]: учебник / В. П. Белянин. – М.: Флинта, 2003. – 227 с.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1993. – 246 с.
4. Лапланш, Ж. Словарь по психоанализу [Текст] / Ж. Лапланш, Ж. Б. Понталис. – М.: Высшая школа, 1996. – 623 с.
5. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы [Текст]: пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.
6. Томахин, Г. Д. Реалии в языке и культуре [Текст] / Г. Д. Томахин // Иностранные языки в школе. – М., 1997. – С. 13.
7. Шумагер, Е. И. Фоновая лексика, ее своеобразие и связь с культурой [Текст] / Е. И. Шумагер // Лексика и культура. – Тверь: Тверской государственный университет, 1990. – С. 124 – 129.

Список художественных произведений

8. Нагибин, Ю. М. Где-то возле консерватории [Текст] / Юрий Нагибин: О любви. – М.: АСТ, 2005. – С. 282 – 333.
9. Нагибин, Ю. М. Недоделанный [Текст] // Юрий Нагибин: Ты будешь жить. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – С. 394 – 429.
10. Нагибин, Ю. М. Нет проблем? [Текст] // Юрий Нагибин: Ты будешь жить. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – С. 350-360.
11. Нагибин, Ю. М. Перекур [Текст] / Юрий Нагибин: О любви. – М.: АСТ, 2005. – С. 374 – 445.
12. Нагибин, Ю. М. Человек и дорога [Текст] / Юрий Нагибин: О любви. – М.: АСТ, 2005. – С. 247 – 265.
13. Нагибин, Ю. М. Эх, дороги... [Текст] / Юрий Нагибин: Бунташный остров. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – С. 335 – 382.

УДК 811.111'42

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА EMIGRANT
В РАМКАХ ГЕНДЕРНОГО СТЕРЕОТИПА ЖЕНЩИНА-ЭМИГРАНТ**

Старцева Т. В.

**OBJECTIFICATION OF CONCEPT EMIGRANT
AS GENDER STEREOTYPE OF EMIGRANT WOMAN**

Startseva T. V.

В статье представлен анализ лингвистических средств, использованных для реализации концепта EMIGRANT в тексте романа К. Тоби́на «Бруклин» и романа М. Р. Каллаган «Мечты эмигранта». Доминанты концепта исследуются с позиции гендерной лингвистики, в частности, рассматривается идентификация женских персонажей как эмигрантов в мужской и женской ирландской прозе.

The article focuses on the analysis of the linguistic means that are used for realization of the concept EMIGRANT in the novels "Brooklyn" written by C. Tóibín and "Emigrant dreams" written by M.R. Callaghan. The dominant features are regarded from the angle of gender linguistics, particularly female characters' identification as emigrants in male and female Irish prose.

Ключевые слова: концепт, гендерная лингвистика, ирландская литература XX века.

Keywords: concept, gender linguistics, Irish literature of XX century.

Антропоцентрическая парадигма, возобладавшая в современных гуманитарных науках, в частности в лингвистике, наделила человека главенствующей ролью. Язык, являясь неизменным зеркалом происходящих в социуме процессов, живо реагирует на возникновение новых тенденций. Рассмотрение гендерных стереотипов в языке отчасти обусловлено социальной необходимостью описания средств манифестации людей разного пола ввиду проповедуемого феминистическим движением постулата о равенстве полов. С другой стороны, антропоцентрический подход к языку изначально предполагает существование мужской и женской гендерных групп с различным мировосприятием, представлениями друг о друге и вариативными языковыми средствами, которые они используют в общении.

Данный подход обнаруживает связь лингвистических исследований гендерной направленности с когнитивистикой и выводит категории мужественности и женственности на концептуальный уровень. Однако одним из важнейших факторов в исследовании гендерной проблематики является соотношение этих категорий с областью культурологии, социологии и ряда других гуманитарных дисциплин, концентрирующихся на исследовании многоаспектного процесса их становления.

Как отмечает И. И. Халеева, «подход к гендеризму как к реальности, опосредуемой знаками, символами и текстами (т. е. с позиции герменевти-

ки), позволяет определить гендер в качестве своего рода междисциплинарной интриги, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриге как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность» [8, с. 10]. «Гендер как продукт культуры отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы – упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола» [5].

Гендерный аспект рассмотрения концепта EMIGRANT представляет интерес ввиду отсутствия у лексемы-репрезентанта гендерного маркера. Суффикс -ant содержит сему деятеля, безотносительно родовой принадлежности лица, совершающего действие. Тем не менее гендерная принадлежность обуславливает ряд поведенческих и коммуникативных моделей, социальных ролей. Культурно-исторический фон в совокупности с мотивационно-личностным и гендерным планом формируют содержание концепта EMIGRANT как ментальной сущности.

Интерпретация миграции как кризиса Ирландского государства является актуальной на протяжении всего двадцатого века, начиная с момента ста-

новления республики. Активные попытки правительства стабилизировать ситуацию оказались малоуспешными, и до настоящего момента эмиграция остается взрывным политическим вопросом в современной Ирландии.

В стране культивируется образ обездоленных, блуждающих в поисках счастья ирландцев, часто сопровождаемых женами в подобных странствиях, или же независимо мигрировавших искательниц счастья. В определенные периоды истории показатели женской эмиграции в Ирландии были значительно выше мужской, что обуславливалось рядом причин экономического и социального характера – безработица, социальная незащищенность, домашнее насилие. Все эти факторы формировали определенные цели, осуществление которых становилось возможным в другой стране. Категория изгнанников, к которой относились женщины-эмигранты у себя на родине, в действительности оказывалась более деятельной и успешной в новом социальном окружении.

Ряд исследователей считают гендерную принадлежность само собой разумеющимся фактом, не оказывающим никакого влияния на эмиграцию как явление, другие предполагают, что гендерный фактор является основой социального конструкта и тем самым имеет прямую связь со всеми процессами, происходящими в обществе. Данный факт указывает на актуальность рассмотрения концептуализации гендерного стереотипа женщины-эмигранта в языковом сознании ирландского общества двадцатого века.

Литературный текст являет собой один из источников, позволяющих проследить становление гендерных стереотипов. Рассмотрим, какими особенностями отличаются стереотипные представления о женщинах-эмигрантах в сознании ирландского англоязычного общества и какое отражение они нашли в художественной литературе. В понимании А. Ю. Большаковой, автор – это «центр, фокус, в котором сходятся все художественные средства, используемые реальной биографической личностью» [1, с. 169]. В этом контексте актуальным становится разделение на «мужскую» и «женскую прозу» в силу различного психологического и эмоционального наполнения субъективных моделей мира. Автор осмысливает действительность сквозь призму собственных стереотипов, и, таким образом, концепт, как ментальная единица, образует систему признаков, развившуюся в той или иной зависимости от гендерной принадлежности автора.

В качестве эмпирического материала для сопоставления систем признаков исследуемого концепта в рамках стереотипизации феминного гендерного типа и средств их языкового воплощения у писателей мужчин и женщин был выбран роман Мэри Роуз Каллаган «Мечты эмигранта» и роман Колма Тобиана «Бруклин». В последнем проблема женской эмиграции представлена на примере героини романа, отправившейся в Соединенные Штаты Америки в поисках лучшей жизни. В данном случае следует особенно подчеркнуть факт эмиграции женщины,

независимо от мужчины, статус самостоятельности, относящийся на второй план социальные роли, связанные с семейными отношениями. Экономические причины, явившиеся основным мотивационным фактором для перемены места жительства, в равной степени актуализировались для мужчин и женщин, а новое окружение давало возможность обрести новый статус, независимо от предыдущей позиции, занимаемой в обществе.

Непосредственно лексема *emigrant* в тексте не встречается применительно к героине как лицу, совершившему переезд в другую страну. Согласно определению, данному в словаре Webster's Online Dictionary, слово *emigrant* трактуется как «someone who leaves one country to settle in another» [14]. Однако любопытно то, что автор подчеркивает национальную принадлежность людей, прибывших в США в поисках новой жизни – *the Irish*. Национальная идентификация касается не только субъектов действия, в том числе главной героини, но и пронизывает все сферы их бытия, формируя некую общность, отделяя этих людей от остального общества. Помимо прочего, сочетание прилагательного *Irish* в паре с существительными, обозначающими половую принадлежность человека или в целом общность людей, а также субстантивированное прилагательное *the Irish*, выступают в качестве заместителя лексемы *emigrant*, то есть являются в данном случае единицами, репрезентирующими концепт EMIGRANT в тексте произведения. Пр.: (1) *Your suitcase is all wrong, but there's nothing we can do about that... It's too Irish and they stop the Irish* [10, с. 49]. *У меня ужасный чемодан, но с этим мы не можем ничего поделать... Он слишком ирландский, а они останавливают ирландцев* (здесь и далее подстрочный перевод). Как можно заметить из примера, национальная соотнесенность затрагивает не только личностную, но и предметную сферу и в данном случае носит негативный характер. Эмигрант из Ирландии, независимо от половой принадлежности, – персона нежелательная (*stop the Irish*). Недоброжелательное отношение особенно подчеркивается любопытным, с точки зрения грамматики, сочетанием усилительной частицы с относительным прилагательным – *too Irish* (слишком ирландский), примененным в описании чемодана героини.

Негативное отношение к эмигрантам-ирландцам содержится в сочетаниях лексемы-репрезентанта концепта с глаголами, выражающими неприязнь. Пр.: (2) *We don't like Irish people* [10, с. 148]. *Мы не любим ирландцев*. В приведенном примере неприязненное отношение распространяется именно на представителей конкретной национальной общности людей, и мужчин и женщин. Сочетание *Irish people* выступает как нейтральная единица, не включающая в себя гендерных признаков.

Общие характеристики, касающиеся личностных качеств эмигрантов-ирландцев обоих полов, также содержат отрицательную коннотацию. Пр.: (3) *The Irish ones, he was sorry to tell her, were mean and stingy no matter what* [10, с. 138]. *Ирландцы, ему было жаль говорить это, были, как бы то ни было,*

жадными и скупыми. (4) *They are real mean. They're stingy as hell, those Irish* [10, с. 138]. Они действительно жадные. Скупые как черти, эти ирландцы. Как показано в примере (3), лексема-репрезентант исследуемого концепта – *the Irish* – контекстуально связана с двумя синонимичными прилагательными *mean and stingy*, которые в совокупности усиливают негативную характеристику личностей, входящих в данную общность. В примере (4) также наблюдается усиление отрицательной коннотации, выраженной в сочетании относительного и качественного прилагательных (*real mean*) и сравнительной конструкцией, содержащей метафору (*stingy as hell*).

Гендерными маркерами, имеющими наибольшую частотность в тексте, являются лексемы *girl, woman* с учетом грамматической категории числа. Следует отметить, что национальный идентификатор, выраженный прилагательным *Irish*, в сочетании с данными лексемами встречается в контексте, содержащем положительную оценку эмигрантов. Как правило, в тексте произведения единица-репрезентант концепта актуализируется положительно в сочетании с глаголами, содержащими сему «необходимость». Если говорить о более широком контексте, то подобные сочетания функционируют в описаниях, относящихся к профессиональной стороне жизни. Пр.: (5) *When your sister mentioned that you had no work in Ireland, then I said I would help you to come here. That's all. And we need Irish girls in Brooklyn* [10, с. 78]. Когда твоя сестра упомянула, что ты не можешь найти работу в Ирландии, я сказал, что помогу тебе перебраться сюда. Это все. И нам нужны ирландские девушки здесь в Бруклине. В примере также прослеживается контекстуальная оппозиция: профессиональная востребованность женщин-эмигрантов в США и отсутствие таковой на родине. Указанная оппозиция раскрывает мотивационный признак востребованность/ невостребованность в сфере профессиональной деятельности, относящейся к социальному аспекту жизни человека.

Эмоционально-личностный план восприятия женщин-эмигрантов также актуализируется с помощью глагольных сочетаний, несущих в себе сему «необходимость». Пр.: (6) *Some of the Italians started to come looking for Irish girls* [10, с. 104]. Некоторые итальянцы приходят в поисках ирландских девушек. В данном случае глагол *to look for*, имея значение «to hope to get something that you want or need» [11], номинирует ирландских девушек как привлекательных для противоположного пола – они нравятся, с ними ищут встречи.

Национальность, как признак исследуемого концепта, применительно к женской гендерной группе формирует один из элементов оппозиции, в то время как непосредственно слово-репрезентант концепта выступает в качестве объекта для сравнений. Пр.: (7) *I have her sworn not to say a word to anyone. She's very West-of-Ireland and they're better at saying nothing than we are* [10, с. 96]. Я заставила ее поклясться никому не говорить ни слова. Она с самого запада Ирландии, а там умеют помалкивать

лучше нашего. (8) *She said Irish girls aren't like Italian girls. They're serious* [10, с. 133]. Она говорит, что ирландские девушки не похожи на итальянских. Они серьезные. В вышеизложенных примерах преимущество личностных качеств ирландских девушек, таких, как умение сохранить тайну, серьезность, показано через сравнение их с американками (7) и итальянскими девушками-эмигрантами (8). Однако соотношение признаков, выраженное в сравнительных конструкциях, не всегда относится к героиням разных национальностей. Пр.: (9) *There are women working beside her whom she had never met before, all of them older than she, some with faint American accents but all of Irish origin* [10, с. 85]. С ней работали женщины, которых она раньше не встречала, все они были старше ее, некоторые с легким американским акцентом, но все ирландского происхождения. Фактически в данном примере ирландское происхождение объединяет определенную группу женщин, в рамках которой происходит деление по признаку языковой ассимиляции – отсутствие/ наличие американского акцента. В контекстуальном плане ирландские девушки также противопоставляются американским девушкам и эмигрантам из других стран. Пр.: (10) *You're Irish, that makes you different* [10, с. 110]. Ты – ирландка, и это делает тебя другой.

Эмиграция, безусловно, выступает в качестве важного фактора, определяющего становление гендерных стереотипов. Вливаясь в новое общество, человек вынужден пережить столкновение ценностей и установок двух культур, прежние реалии зачастую теряют свою значимость, способность принятия новых воззрений становится залогом успешной ассимиляции в незнакомой культуре. Согласно О. В. Рябову, понимание гендера как вида общественных отношений и определенного порядка вещей позволяет, «во-первых, постулировать взаимообусловленность мужских и женских ролей, взаимозависимость представлений о мужском и женском началах; во-вторых, рассматривать предъявляемые мужчинам и женщинам требования, составляющие субстратный уровень системы отношения полов, как производные от концептуально-структурных характеристик данной системы, что детерминирует их изменчивость» [7, с. 40].

Перемены в обществе, происходящие ввиду самых разнообразных причин, неизменно оказывают влияние на представления о гендерных отношениях, которые, в свою очередь, обуславливают модификацию гендерных норм и стереотипов. В условиях сложной экономической ситуации в Ирландии середины двадцатого века, женщина часто не имела возможности получить достойно оплачиваемую работу и, таким образом, обрести финансовую самостоятельность. Зависимое положение женщины в ирландском обществе кардинально противопоставлено ее положению в американском обществе, где доминировал образ самостоятельной женщины, соответствующий образу самой страны – «land of freedom».

Понимание женственности не как биологически обусловленной изначальной данности, а как обще-

ственной детерминации, одной из форм социально-культурных ролей приводит, согласно Н. В. Любимовой, к осознанию парадокса, заключающегося в том, что «если общественная или культурная детерминация едва ли может быть уничтожена или скорректирована усилиями одного индивида (группы индивидов), будь то мужчина или женщина, то культурно зафиксированная гендерная роль может оказаться достаточно ригидной, как и биологические параметры индивида» [4, с. 227].

Если говорить о женщинах-эмигрантах в ирландской литературе, то, как отмечалось выше, гендерные параметры неразрывно связаны с параметрами национальности, что указывает как на высокую степень национальной самоидентификации эмигранта при попадании в новую культуру, так и на первостепенность параметра национальности в процессе восприятия их представителями нового социума. Это позволяет сделать вывод о культурно-ценностной значимости сочетания прилагательного *Irish* и гендерно маркированной лексемы-репрезентанта концепта.

Иная картина предстает в отношении социальных ролей, относящихся к профессиональному статусу эмигранта-женщины. В данной категории гендерный маркер, как правило, отсутствует и вычленяется из более широкого контекста: (11) *Are you the only Irish student here? I think so* [10, с. 114]. *Ты единственная студентка из Ирландии здесь? Я так полагаю.* В примере (11) концепт EMIGRANT представлен в виде лексемы, номинирующей социальный статус студента. Автор подчеркивает редкость данного социального статуса в среде ирландских эмигрантов, независимо от их половой принадлежности (*the only Irish student*).

Тем не менее образование давало возможность получить хорошую должность и соответствовало целевым установкам эмигрирующих людей. Современный автор Колм Тобин описывает реальность пятидесятых годов двадцатого века, послевоенного периода безработицы в Ирландии. Однако женщина-эмигрант в контексте его произведения наделена характеристиками, соотносимыми с качествами современной женщины – независимость (женщина меняет место проживания самостоятельно, переезжая в одиночку), свобода (женщина не связана узами брака/ женщина оставляет семью на родине), социальная ориентированность (женщина имеет возможность получить образование и сделать карьеру). Пр.: (12) *'You'll make a great accountant,' he said. 'But a bookkeeper first'* [10, с. 78]. *«Из тебя получится замечательный бухгалтер, – сказал он. – Но сначала ты освоишь учет».* Соотнесение эмигранта с профессиональным планом реализации целевых установок, в частности, применимое к категории женщин, актуализирует следующую структуру: лексема-репрезентант концепта + глагол (статика/динамика действия) + лексема-детерминант профессии/должности/ профессионального статуса. Пр.: (13) *On Eilis's own floor, in the front bedroom, was Miss McAdam from Belfast, who worked as a secretary and had least to say at the table about fashions, unless*

the subject of rising prices came up [10, с. 55]. *На одном этаже с Эйлис, в комнате напротив, жила Мисс МакАдам из Белфаста, которая работала секретарем и которой нечего было сказать о моде, пока речь не заходила о повышении цен.*(14) *Sheila, who was also older than Patty and Diana, came from Skerries and worked as a secretary* [10, с. 55]. *Шейла, которая также была старше Пэтти и Дианы, приехала из Скеррис и работала секретарем.*(15) *She explained that it was a two-year course and that when she finished she would be a bookkeeper and could work in an office rather than on the shop floor* [10, с. 148]. *Она объяснила, что это был двухгодичный курс и что, когда она закончит обучение, станет бухгалтером и сможет работать в офисе, а не в магазине.* Лексемы, детерминирующие профессиональный статус эмигранта, комбинирующиеся с национальными детерминантами, в произведении всегда соотнесены с положительной оценкой данного статуса. Пр.: (16) *And I'm told you are home from America and Maria tells me that you have a certificate in bookkeeping. Is it American bookkeeping* [10, с. 229]? *Мне сказали, что ты вернулась домой из Америки, и Мария говорит, что у тебя есть диплом бухгалтера. Это американская система бухгалтерского учета?* В примере (16) показана, как образование существенно повышает шансы девушки получить работу по возвращении на родину. Полученное в другой стране образование качественно меняет ее статус как профессионала, ранее не востребованного на рынке труда, но с американским дипломом, ставшего первым претендентом на получение должности. (17) *I got you into the night class in bookkeeping and preliminary accountancy... You are the first Irish girl. It's full of Jews and Russians and those Norwegians I told you about and they'd like to have even more Italians, but they are too busy making money* [10, с. 77]. *Я записал тебя на вечерние курсы бухгалтерского учета... Ты будешь первой ирландкой там. Эти курсы полны евреев и русских и тех норвежцев, о которых я тебе рассказывал, они даже хотят, чтобы к ним записалось больше итальянцев, но те слишком заняты зарабатыванием денег.*

В рамках эмиграционной тематики вопрос получения образования получает особый статус, особое внимание автора. Пример (17) демонстрирует любопытную данность, выраженную в особом отношении эмигрантов к образованию. Из контекста становится ясным, что курсы бухгалтерского учета посещались эмигрантами – выходцами из самых разнообразных стран. Национальный идентификатор в данном случае послужил заменой лексемы, представляющей исследуемый концепт. Однако статус студента, соотносимый с наименованием представителей различных национальностей, упомянутых в контексте, не содержит гендерного маркера. По отношению к ирландской героине используется сочетание гендерного и национального идентификаторов (*Irish girl*), формирующее контекстуальную оппозицию применительно к студентам других национальностей. Оппозиция усиливается количественным параметром – *the first Irish girl*. Таким обра-

зом, можно сделать вывод о том, что образование не было приоритетной ценностью, а возможность его получения доступной для женщин-эмигранток в целом, равно как и для женщин-ирландок (ср. пример 11).

Наименование профессии не всегда имеет отношение к статусу и положению эмигранта в обществе. Лексические детерминанты профессии также используются для описания внешности. Пр.: (18) *'Now, you look like a ballet dancer,' she said. 'Well, at least you don't look like you've just come in from milking the cows any more'* [10, с. 125]. «Теперь ты выглядишь как балерина», – сказала она. – Ну, по крайней мере, ты больше не выглядишь так, словно только что доила коров». Смысловая нагрузка в сочетании глагол + детерминант профессии переносится на глагол *to look*, традиционно употребляемый для описания внешнего вида человека: «have the appearance or give the impression of being» [12]; «to have a particular appearance» [13]. При этом лексема, детерминирующая профессию, теряет сему деятеля, однако сохраняет оценочные признаки, ассоциируемые с данными профессиями. В приведенном примере можно наблюдать противопоставление балерины как эталона женственности, красоты и доярки – человека далекого от эстетических идеалов. Однако подобная оценка не имеет связи с положением, статусом женщины-эмигранта в обществе, поскольку указанные сочетания ориентированы именно на эстетический аспект внешности, который относится к общим категориям описания внешнего вида человека.

В тексте романа параметры восприятия женщины-эмигранта окружением определяются, главным образом, через описание внешности. В данном случае будет уместным разграничить окружение в национальном аспекте – американцы и ирландцы. Эмигрируя, человек оказывается вне своей привычной коммуникативной среды и вместе с тем еще не успевает адаптироваться к новому социуму. На примере лексемы *different*, выступившей одной из характеристик по отношению к героине-эмигранту, прослеживается различие оценочных компонентов, применяемых при его описании в разных плоскостях межличностного пространства. Если для американцев значимой будет национальная составляющая – врожденное качество, которое априори ставит человека в позицию обособления (19), то для ирландцев все сводится к внешнему, приобретенному, новому и потому притягательному, однако при этом эмигрант также исключается из их группы в силу своих различий (20). Пр.: (19) *You're Irish, that makes you different* [10, с. 110]. Ты – ирландка, и это делает тебя другой. (20) *'You have changed,' Nancy said. 'You look different. Everything about you is different, not for those who know you, but for people in the town who only know you to see.'*

'What's changed?'

'You seem more grown up and serious. And in your American clothes you look different. You have an air about you' [10, с. 230].

«Ты изменилась», – сказала Нэнси. – Ты выглядишь по-другому. Все в тебе другое, не для тех, кто знает тебя лично, но для тех, кто видит в тебе знакомое лицо».

«Что изменилось?»

«Ты кажешься взрослее и серьезней. И в своей американской одежде ты выглядишь по-другому. В тебе есть значительность».

Внешние признаки не только оказываются приоритетными при оценке эмигранта исконным окружением, более того, его воспринимают как представителя другой нации. Пр.: (21) *'What we'll do is we'll take the frocks and the coat to the dressmaker's in the morning and they'll look different when they are the proper size, when they match your new American figure'* [10, с. 212]. Что мы сделаем, так это утром отнесем платья и пальто портнихе, они будут смотреться по-другому, когда их подгонят по размеру, когда они будут хорошо сидеть на твоей новой американской фигуре. В вышеизложенном примере признак национальности уже рассматривается как приобретенный, актуализируясь в сочетании с прилагательным *new*.

Н. М. Римашевская, Е. А. Баллаева, О. М. Здравомыслова, М. Ю. Арутюнян и ряд других авторов отмечают значимость гендера как маркера социальной, экономической и культурной уязвимости, обнаруживающейся в различии позиций мужчин и женщин, основой которого являются «стереотипы, касающиеся преимуществ или, наоборот, лишений, связанных с распределением ответственности, материальной обеспеченности, престижа и т. д.» [6, с. 30]. Исследователи полагают, что многообразие подобных стереотипов обуславливает субъективность познания реальности, что также находит отражение в специфике языковых средств, используемых авторами для презентации героев.

В тексте романа Мэри Роуз Каллаган «Мечты эмигранта» лексема *emigrant* или же ее однокоренные встречается редко. При рассмотрении материала учитывались случаи использования лексемы как в номинативной, так и в атрибутивной функции. Случаев гендерной маркированности обнаружено не было, напротив, аспект сочетаемости с другими языковыми единицами показал, что данные слова несут в себе значение объединения, массовости, обезличивания, как правило, посредством следующих сочетаний: национальный/ географический идентификатор (атрибутивная функция) + лексема *emigrant*/однокоренное слово (номинативная / объектная функция), лексема *emigrant*/ однокоренное слово (атрибутивная функция) + национальный идентификатор (номинативная/объектная функция). Пр.: (22) *But later I read that Blennerville was a point of departure for Kerry emigrants to the USA in the last century* [9, с. 193-194]. Но позднее я узнала, что в прошлом веке Бленнервилль был отправной точкой для эмигрантов из Керри, направляющихся в США. (23) *Her parents had been German immigrants who had come over after the First World War and didn't speak a word of English* [9, с. 88]. Ее родители были немецкими эмигрантами, приехавшими после Первой ми-

ровой войны и не говорившими ни слова по-английски. (24) *In 1912, Eastsiders were usually Jewish immigrants* [9, с. 175]. В 1912 жителями Истсайда были в основном еврейские иммигранты. (25) *It contained lists of emigrant ships and a map of Ireland with family names* [9, с. 15]. В нем содержались списки эмигрантских кораблей и карта Ирландии с фамилиями семей.

Следует также отметить, что для собирательного образа эмигранта по-прежнему актуальной является не гендерная, а социальная соотнесенность, реализуемая посредством лексем, маркирующих материальный статус, успешную или неудачную самореализацию в обществе. Пр.: (26) *I gave him the usual spiel about the poor immigrant making good* [9, с. 27]. Я, как обычно, распространилась о бедном иммигранте, пытающимся преуспеть. (27) *Nearly half of these lived on Manhattan Island, the rich in fantastic luxury, the poor – immigrant Irish, Jews, and Italians – in utter squalor* [9, с. 176]. Около половины из них жило на Манхэттене, богатые – в фантастической роскоши, бедные – ирландские, еврейские, итальянские иммигранты – в крайнем убожестве. (28) *I told her about Marcus, the Irish emigrant making good, etc* [9, с. 83]. Я рассказала ей о Маркусе, преуспевающем ирландском эмигранте, и т. д. Исследуемый концепт вербализуется в тексте произведения также посредством лексем с отрицательной коннотацией в сочетании с глаголом *emigrate*. Пр.: (29) *Members of the IRA? "Illegals" – young unemployed Irish who flocked over on Visitors' Visas and then stayed to work? Over three hundred thousand had emigrated, in ten years. They were part of the diaspora that our President, Mary Robinson, was always talking about* [9, с. 10]. Члены ИРА? «Нелегалы» – молодые безработные ирландцы, которые попадали в страну через гостевые визы, а потом оставались работать? Более трехсот тысяч эмигрировало за десять лет. Они были частью диаспоры, о которой постоянно говорила наш Президент Мэри Робинсон. Следует обратить внимание, что в последнем примере доминирует социально-политический аспект эмиграции. При этом слова, репрезентирующие концепт EMIGRANT (*members of the IRA, illegals, young unemployed Irish*), несут в себе сему «отчужденности», что говорит о маргинальном положении ирландцев, приезжающих в США и негативной оценке их американцами. Такие маргиналы стереотипизируются как молодые безработные люди, возможно, связанные с террористической организацией.

Что же касается гендерной специфики отражения концепта, то в тексте он представлен гендерно маркированными лексемами (*woman, girl*) в сочетании с национальным идентификатором. Последний представляет собой существенную деталь при рассмотрении концепта EMIGRANT, ввиду того, что автор использует прилагательное *Irish-American* наряду с прилагательным *Irish* для описания эмигрировавших в США ирландцев. Пр.: (30) *Ogie was typically Irish-American – the sort of person who worshipped ancestors and liked my books* [9, с. 21]. Оджи

была типичной ирландской американкой – из тех людей, что обожают предков и любят мои книги. (31) *Like most Irish-Americans, she lived in the past* [9, с. 8]. Как и многие американцы ирландского происхождения, она жила в прошлом. Использование сложного прилагательного в данном случае указывает большую степень ассимиляции человека в новой среде по сравнению со случаями использования простого национального идентификатора *Irish*, но тем не менее не размывает границы определенной группы общества, обладающей своими особыми характеристиками. На наш взгляд, эта лексема является одной из тех, что наиболее полно характеризуют категорию эмигрантов, людей, совместивших в себе особенности двух культур.

В. А. Гуреев полагает, что «портретирование той или иной ситуации, того или иного объекта находится в прямой зависимости от субъекта восприятия, от его фоновых знаний, опыта, ожиданий, от того, где располагается он сам и что непосредственно находится в поле его зрения. Это, в свою очередь, дает возможность описывать одну и ту же ситуацию с разных точек зрения, перспектив, что, несомненно, расширяет представления о ней» [3, с. 7]. Мэри Роуз Каллаган, описывая проблему эмиграции в романе, акцентирует внимание на ценностях поколений (см. пример 30). В том числе это утверждение основывается на специфике языковых средств, использованных автором. Применительно к эмигранту в тексте романа Мэри Роуз Каллаган часто употребляются термины родства, что создает образ семьи и позволяет представить обзор разных временных пластов, учитывая при этом связь между ними, таким образом, что их границы оказываются вполне проницаемыми для субъектов разной действительности (см. пример 31). Пр.: (32) *We'd stopped in Mississippi to help another cousin, a Red Cross staff member, organize victims of Hurricane Camille – mostly poor blacks* [9, с. 39]. Мы остановились в Миссиссиппи, чтобы помочь другой кузине, члену Красного Креста, организовать помощь жертвам Урагана Камилла – по большей части бедным темнокожим. (33) *But my New York cousin's been nagging me* [9, с. 83]. Но моя кузина из Нью-Йорка постоянно донимает меня. Любопытно, что термины родства, репрезентирующие концепт EMIGRANT, актуализируются также в сочетании с географическими наименованиями. Подобный выбор языковых средств позволяет предположить склонность соотнесения человека с местом его проживания в большей степени, чем с местом его рождения, даже если речь идет о членах одной семьи.

Проблема профессиональной реализации женщины-эмигрантов в контексте произведения не обнаружила столь яркой языковой выраженности, как в романе Колма Тобина, хотя в тексте встречаются лексемы, содержащие сему «необходимость» в сочетании с репрезентирующими концепт гендерно маркированными единицами. Пр.: (34) *Besides, I had to land in the US every year to keep my Green Card. I always expected to be dropped because of cutbacks, but they always renewed my contract. There was a demand*

for Irish women abroad... I wanted to emigrate completely, but he hated the place [9, с. 4 – 5]. Кроме того, мне необходимо было бывать в США каждый год, чтобы сохранить Грин карту. Я постоянно ожидала сокращения, но они всегда обновляли мой контракт. За границей ирландские женщины были востребованы... Я бы хотела эмигрировать окончательно, но он ненавидел эту страну. Из примера следует, что профессиональная деятельность является мотивирующим элементом, и концепт EMIGRANT реализуется посредством глагола *emigrate*, результативное значение которого усиливается наречием *completely*.

Говоря об эмиграции, Л. Д. Бугаева исходит из широкого понимания данного процесса, рассматривая его не только как вынужденное перемещение, изгнание, но и как отчуждение, сопряженное с пространственной дислокацией. На основании этого исследователь выделяет четыре формы отчужденности, представленные следующими фигурами: эмигрант, экспатриант, номад, турист [2, с. 53]. Турист, по мнению автора, «являясь вариацией путешественника, отличается от него фиксацией на объекте

туристической поездки, в том числе объекте недостижимом, в то время как для собственно путешественника смысл путешествия в большей степени связан с самим процессом движения» [2, с. 55]. В романе Мэри Роуз Каллаган «Мечты эмигранта» в лице главной героини актуализируется фигура путешественника, поскольку объектом фиксации в данном случае выступает ее работа, требующая перемещений в пространстве. Пр.: (35) *I'm visiting Professor at Sweetmount College* [9, с. 11]. Я – приглашенный преподаватель в колледже Свитмаунт. (36) *Just a minute, Paola, this is Anne O'Brien, our visiting Irish novelist* [9, с. 126]. Одну минуту, Пола, это Анна О'Брайан, наш приглашенный ирландский романист. Значимой оказывается лексема *visiting*, которая в сочетании с наименованием профессии составляет вариативную единицу, репрезентирующую исследуемый концепт. В тексте также встречаются гендерно маркированные названия профессий эмигрировавших женщин: (37) *We were to make our fortunes as waitresses in Las Vegas* [9, с. 4]. Мы должны были попытаться счастья в Лас-Вегасе в качестве официанток.

Таблица

Лексема-репрезентант концепта EMIGRANT	Число употреблений в романе К. Тобина «Бруклин»	Число употреблений в романе М. Р. Каллаган «Мечты эмигранта»
emigrant	-	3
immigrant	-	4
Сущ. + emigrate	-	4
Лексема, содержащая гендерный маркер феминности	63	32
Национальный идентификатор	57	44
Профессиональный идентификатор	15	10
Идентификатор родства	-	22

Из таблицы следует, что в романе Колма Тобина в большей степени акцентируются национальные и профессиональные черты эмигранта-женщины, равно как и чаще встречаются гендерно маркированные единицы. При этом лексема *emigrant* в тексте не представлена, а в контекстах, описывающих ситуацию эмиграции, используется национальный идентификатор. В то же время роман Мэри Роуз Каллаган в большей степени имеет личностную основу, ввиду того, что повествование ведется от первого лица. В тексте встречаются лексемы *emigrant*, *immigrant*, а также сочетания с глаголом *emigrate*, не встречающиеся в романе Тобина. Национальные и профессиональные характеристики в меньшей степени представлены, а гендерно маркированные единицы встречаются в два раза реже. В тексте романа Мэри Роуз Каллаган по отношению к женщине-эмигранту также используются термины родства, что обусловлено, главным образом, сюжетной линией.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что при описании явления эмиграции автор романа «Бруклин» акцентирует социальную направленность героини-эмигранта с позиции развития

статусных отношений в ситуации попадания в новое общество и последующего возвращения в исконное окружение. Таким образом, мы можем наблюдать становление образа независимой, самостоятельной женщины, ориентированной на достижение поставленных целей, что близко к современным представлениям о деловой женщине. Автор романа «Мечты эмигранта», напротив, подчеркивает фактор межличностных отношений, описывая эмиграцию как событие, произошедшее в рамках одной семьи, значимое для нескольких поколений и получающее комплексную оценку в виде субъективных точек зрения ее представителей, в частности, главной героини, ориентированной на события прошлого, общесемейные ценности и потому стереотипизирующей как женщина-хранительница традиций.

Литература

1. Болшакова, А. Ю. Гендер и архетип: «Первозданная Женщина» в современном мире [Текст] / А. Ю. Болшакова // Общественные науки и современность. – 2010. – № 2. – С. 167 – 176.
2. Бугаева, Л. Д. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика [Текст] / Л. Д. Бугаева // За преде-

лами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. – С. 51 – 71.

3. Гуреев, В. А. Проблема субъективности в когнитивной лингвистике [Текст] / В. А. Гуреев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2005. – № 2. – С. 3 – 4.

4. Любимова, Н. В. Гендерные стереотипы сегодня [Текст] / Н. В. Любимова // Гендер: язык, культура, коммуникация / под ред. И. И. Халеевой. – М., 2002. – С. 227 – 234.

5. Кирилина, А. В. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс] / А. В. Кирилина, М. В. Томская // Отечественные записки. Тема номера: Общество в зеркале языка. – 2005. – № 2 (22). – URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038>.

6. Римащевская, Н. М. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования [Текст] / Н. М. Римащевская, Е. А. Баллаева, О. М. Здравомыслова [и др.]; ред.-сост. Н. М. Римащевская (научн. ред.), Л. Г. Луныкова; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН;

науч. совет по проблемам гендерных отношений РАН. – М.: Наука, 2009. – 273 с.

7. Рябов, О. В. Программа спецкурса «Гендерные исследования в лингвистике» [Текст] / О. В. Рябов // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации / под ред. И. И. Халеевой. – М., 2002. – С. 126 – 132.

8. Халеева, И. И. Гендер как интрига познания [Текст] / И. И. Халеева // Гендер как интрига познания. Сборник статей. – М., 2000. – С. 9 – 18.

9. Callaghan, M. R. Emigrant Dreams [Text] / M. R. Callaghan. – Poolbeg Press Ltd., 1996. – 298 p.

10. Tóibín, C. Brooklyn [Text] / C. Tóibín. – Penguin Books Ltd., 2009. – 256 p.

11. Macmillan English Dictionary. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/>.

12. Oxford Dictionaries. – URL: <http://oxforddictionaries.com/>.

13. The Longman Dictionary of Contemporary English. – URL: <http://www.ldoceonline.com/>.

14. Webster's Online Dictionary. – URL: <http://www.websters-online-dictionary.org/>.

УДК 821.161.1

ГОГОЛЬ И НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА: РЕПЛИКА

Е. А. Сурков

GOGOL AND NATURAL SCHOOLE: A REMARK

Е. А. Surkov

В статье рассматривается проблема «Гоголь и натуральная школа». Значение Петербурга как дискурсивного образа в жизни и творчестве раннего Гоголя. Предлагается нетривиальное объяснение фактов биографии писателя.

In article the problem «Gogol and natural school» is considered. Value of Petersburg as discursive image in life and creativity of early Gogol. The uncommon explanation of the facts of the biography of the writer are offered.

Ключевые слова: Гоголь, натуральная школа, Петербург, образ дискурса.

Keywords: Gogol, natural school, Petersburg, an image of a discourse.

§ 1. Проблема «Гоголь и натуральная школа», благодаря литературно-критическим усилиям В. Г. Белинского, представляется аксиоматичной в ее генетико-преемственном аспекте. Поддержанная и научно аргументированная в работах советских литературоведов (В. Виноградов [1], А. Цейтлин [13], В. Кулешов [7], отчасти Ю. Манн [8], [9]) она, кажется, не требует каких-то существенных дополнений и корректировок. А высказывание то ли французского дипломата де Вогюэ, то ли Ф. Достоевского о том, что «все мы вышли из гоголевской «Шинели»», афористично статует ее в истории русской литературы. Однако связь произведений писателей натуральной школы с творчеством Гоголя, которая обычно прослеживается на уровне «художественного интереса писателя к проблемам действительности (среда) и ее функциональным связям с человеком, природой человека» [8, с. 236], в равной степени может быть отнесена, например, и к Пушкину, а то «художественное мироощущение

«натуральной школы»», которое «выразилось в «физиологиях» – жанре, который приобрел в 40-х годах широкую популярность и распространение» [8, с. 272], может быть соотнесено не только с петербургскими повестями Гоголя, но и, например, с «Повестями Белкина», такими, как «Гробовщик» или «Станционный смотритель». Любопытно при этом, что сам Гоголь, не забывая, в 40-е годы XIX века в период расцвета и наивысших достижений натуральной школы, был творчески активен, но ни разу не обозначил своей связи с творчеством писателей натуральной школы, пропагандируемой Белинским. Наконец, если говорить о жанровой поэтике «физиологий» натуральной школы и принципах их построения, описанных А. Цейтлиным и Ю. Манном, то они восходят не только к французским физиологиям, но и к русской демократической прозе XVII – XVIII века точно так, как французская «физиология» – к западноевропейскому плутовскому роману.

Что все это значит?

1. Мы до сих пор находимся во власти концепции историко-литературного процесса, сформулированной еще Белинским, суть которой можно было бы определить как классический центрзм.

2. До сих пор у нас еще недооценена значимость словесности XVIII столетия, в которое были созданы основные литературные институции, ставшие затем основанием, на котором вырастает творческий потенциал следующих поколений русских писателей и дискурсивный потенциал следующего поколения текстов. Это в равной степени относится как к натуральной школе, так и к творчеству Пушкина и Гоголя.

3. Продуктивнее натуральную школу понимать не как некую художественно-эстетическую общность, но как особый этап развития русской реалистической прозы, на чем настаивал Ю. Манн, восходящий к русской демократической прозе XVII – XVIII века. Сложное взаимодействие «нового» и «старого», классики и беллетристики в системе коммуникативных стратегий и дискурсивного потенциала культуры и определяют динамику литературной эволюции.

4. Пути глубинных художественных трансформаций, приведших к появлению нового культурного и литературного феномена, должны рассматриваться как история дискурсивных преобразований и коммуникативных механизмов порождения текста в рамках определенной культурной парадигмы.

И в этом случае Гоголь действительно окажется одним из прямых предшественников русского «натурального» дискурса. Реальные факты жизни писателя оказались продуктивным контекстом смыслопорождения и текстообразования в художественной системе натуральной школы.

Обращу внимание лишь на один момент творческой биографии раннего Гоголя, связанный с Петербургом.

§ 2. Общеизвестно, что тема Петербурга является одной из основных в творчестве писателя. Но если к Петербургу как к художественному образу исследователи обращались не раз, то Петербург как эстетическая реальность особого типа в сознании молодого Гоголя, влиявшая на его мировосприятие, а затем и его эволюцию, – не был еще, насколько нам известно, предметом специального рассмотрения. Дело в том, что к концу XVIII – началу XIX века Петербург в национальной культурной традиции оформился в дискурсивный образ, закрепленный в эстетической и семантической памяти русской культуры и литературы. (Под образом дискурса мы понимаем субститут национальной культурной традиции и семантической памяти в конкретном тексте, как он сложился в культурной памяти эпохи, с закрепленным за ним определенным рядом ассоциаций, впечатлений, способов художественного освоения темы, мотивного комплекса и обладающего собственной интратекстуальной функциональностью).

В литературоведении прочно утвердилось мнение, что Петербург в восприятии Гоголя – это «город зла», на этом настаивали Г. А. Гуковский [4], М. Б. Храпченко [12], С. И. Машинский [10], список можно было бы продолжить. Так, например, современный исследователь А. Иваницкий называет Петербург «антимиром» [6], противопоставленным всей России. Не будем сейчас вдаваться в суть этих оценок, во многом, кстати, справедливых по отношению к творчеству Гоголя. Отметим лишь, что прежде, чем прийти к такому взгляду на Петербург, Гоголю пришлось пережить существенную духовную эволюцию.

Петербург для Гоголя «нежинского периода» был средоточием его высоких помыслов и мечтаний, во многом определяемых тем дискурсивным потенциалом, который сложился к этому времени применительно к образу Петербурга в русской литературе XVIII века. И если для Гоголя 1830-х годов характерна художественно-идеологическая оппозиция «Малороссия-Петербург», где Малороссия олицетворяет норму человеческого бытия, а Петербург – ее искажение, то для Гоголя 1820-х годов эта оппозиция прямо противоположна. Сошлюсь на письма Гоголя 1827 – 1828 годов к М. И. Гоголю, Г. И. Высоцкому, П. П. Косяровскому, отражающих традиционную лексико-семантическую систему мотивов и тем романтического дискурса, с его непременным противопоставлением «высокого» и «низкого», «неба» и «земли», неизбывным одиночеством и сиротством героя, стремлением к исполнению своего высокого предназначения и так далее. Понятно, что все позитивное связано с Петербургом – «райским местом» (письмо к Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 года из Нежина) [3, с. 17], а все отрицательное – «с пустым и чужим» Нежином, в котором Гоголь ощущает себя «иноземцем, забредшим на чужбину». Примечательно, что и письма эти пишутся не при свете дня, а в полночь. «Но...позвольте, маминька! Свеча горит и скоро уже полночь...» (письмо к М. И. Гоголю от 24 марта 1827 года) [3, с. 13].

Или в письме к Петру П. Косяровскому: «...я не могу больше писать к вам. Совершенно истомился весь. 12-ть часов проиграло, а еще не написал и сестре». Как известно, «полночь» – излюбленное время романтиков, превративших этот временной отрезок в типовую романтическую дискурсивную модель. Все это требует объяснения. Дело в том, что мировосприятие Гоголя «нежинского периода» было преимущественно романтическим, отражением которого стали не только письма, но и идиллия «Ганц Кюхельгартен», отразившая и романтическое мировосприятие писателя, и его реальное поведение. Тот тип личности, который был изображен в идиллии, оказывался личностно образующим и для самого Гоголя, а дискурсивный образ романтического поведения становился определяющим в организации реального пространства писателя. Происходило очень тесное сближение эстетической и житейско-бытовой реальности, когда действительная жизнь строилась по законам романтического дис-

курса. (Надо сказать, что подобная особенность организации реального пространства была связана с общей особенностью русской культуры и литературы XVIII – начала XIX века, которые в этот период активно осваивали эстетический опыт западноевропейской литературы, переводя «чужие» европейские модели на язык русской культуры и ментальности, делая их «своими». Так, например, во второй половине XVIII века образ идиллического пространства естественно и легко мог становиться образцом для организации реального пространства и житейского обихода, в котором присутствовал сентиментально-идиллический тип ролевого поведения. Один тип воплощения идиллического находим, например, в построении и функционировании дворцового комплекса Павловска, другой – в таком феномене русской культуры XVIII века, как «домашнее» творчество А. Т. Болотова. В этом же ряду находится и так называемый «обуховский сюжет» в русской литературе конца XVIII – начала XIX века, создателями которого были В. Капнист, Г. Державин, Н. Львов. Косвенно к этому литературно-бытовому сюжету оказался причастен и Н. Гоголь).

Письма Гоголя 1827 года и «Ганц Кюхельgarten» показывают, что в его поведении, мыслях, мировоззрении и творчестве определяющим началом был романтически-личностный канон, объясняющий, в частности, и первоначальное восприятие Петербурга, реальный облик которого оказывался слит с его идеальной сущностью (подобно тому, как мысли и чувства самого юноши были слиты с идеальными помыслами романтического героя). В результате – Петербург превращался в символ неограниченных возможностей и самых радужных надежд. «Да, может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере, такую цель начертал я уже издавна. Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь мою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. (...) Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом – быть в мире и не означить своего существования – это было для меня ужасно (...) здесь только буду истинно полезен для человечества (письмо к Петру П. Косяровскому от 3 октября 1827 года) [3, с. 19 – 20].

В романтической оппозиции Петербургу как месту «высокой» мечты противостоял Нежин как месту «низкой» действительности. «Как тяжело быть зарыту вместе с созданиями низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться...» (письмо к Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 года) [3, с. 15].

В конце декабря 1828 года Гоголь, наконец, прибывает в долгожданный Петербург – и уже первые впечатления от «столицы» (именно так теперь

называет Петербург Гоголь) буквально переворачивают его былые представления. «Скажу еще, что Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы» (письмо к М. И. Гоголю от 3 января 1827 года). Происходит сближение прежних оценок, дававшихся Нежину и нежинским «существователям», с оценками, которые теперь даются Гоголем Петербургу и петербуржцам.

«Тишина в нем (Петербурге. – Е. С.) необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, всё служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их» (письмо к М. И. Гоголю от 30 апреля 1829 года) [3, с. 25].

Гоголь переживает широко известный в романтической литературе конфликт: столкновение мечты и реальной действительности. Происходит постепенная трансформация прежней романтической оппозиции «Петербург» – «Нежин» на также романтически окрашенное, с акцентом на природу, противопоставление «Малороссия» – «Петербург», которое в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» станет сюжетобразующим началом («Приход весны в нашу пыльную столицу, которая вовсе не похожа на весну, заставляет меня с сожалением вспоминать о нашей малороссийской весне») (письмо к М. И. Гоголю от 22 мая 1829 года) [3, с. 29]. И хотя в письмах Гоголя еще очень много романтической риторики, отрезвление происходит очень быстро. Как укор самому себе и прежним романтическим представлениям о Петербурге звучат его слова из письма к М. И. Гоголю от 24 июля 1829 года: «Еще глупее те, которые оставляют отдаленные провинции, где имеют поместья, где могли бы быть хорошими хозяевами и приносить несравненно более пользы, или если уже дворянину непременно нужно послужить, служили бы в своих провинциях; так нет, надо потаскаться в Петербург, где мало того, что ничего не получают, но сколько еще перетаскают денег из дому...» [3, с. 30]. Это почти цитата из «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). Вообще, следует отметить, что эпистолярный дискурс Гоголя конца 1820-х годов очень важная не только историко-литературная, но и теоретическая проблема, который во многом, вплоть до совпадения лексико-семантических моделей, предопределяет его литературный дискурс (имею в виду прежде всего его петербургские повести: «Невский проспект», «Нос», «Шинель»). И в этом смысле прав Ц. Тодоров, когда говорит о дискурсе как структуре «после языка, но до высказывания» [11, с. 367].

До сих пор не нашел удовлетворительного объяснения важный факт биографии раннего Гоголя – его неожиданная для всех поездка в Германию (июль – сентябрь 1829 г.). Как замечает И. Золотуский: «На самом деле это была одна из необъясненных штучек» Гоголя [5, с. 89 – 90]. Действительно, почему именно в Германию? Почему так неожиданно? Дело в том, что Германия в сознании Гоголя

конца 1820-х годов была страной «идеального Шиллера», страной «романтиков». Поэтому бегство в Германию (именно так объясняет матери свою поездку Гоголь: «Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь, водворить хотя тень покоя в истерзанную душу») (письмо к М. И. Гоголь от 24 июля 1829 года) [3, с. 31], было вполне логичным для романтической модели поведения, характерной для Гоголя конца 1820-х годов. Бегство в Германию было необходимо прежде всего как своеобразная морально-эстетическая компенсация за те разочарования в собственных романтических иллюзиях, которые принесло столкновение с реальной действительностью Петербурга.

Реальными фактами своей биографии Гоголь предвосхитил широко распространенную в русской литературе 1840 – 1850-х годов сюжетно-конфликтную ситуацию: переезд юноши-романтика из провинции в Петербург (символ романтических надежд), столкновение с реальным Петербургом и слом характера (разочарование в своих романтических представлениях), – в свое время блестяще описанную Ю. Манном применительно к художественным произведениям Я. Буткова, И. Гончарова, И. Панаева, В. Соллогуба, А. Галахова, Н. Некрасова. В творчестве самого Гоголя этот тип конфликта оказался снятым реальным столкновением романтических взглядов писателя с петербургской действительностью, став составляющей дискурсивного пространства эпохи. Поэтому повествовательные жанры натуральной школы вступают в активный диалог не только с предшествующими текстами, но и, в терминологии Б. М. Гаспарова [2], с «коммуникативной средой» культуры в целом и теми дискурсивными образами, которые сложились в ней к этому времени.

Литература

1. Виноградов, В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1976. – 508 с.

2. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

3. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. / Николай Васильевич Гоголь / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. – М.: Русская книга, 1994. – 784 с. – Т. 9. Письма.

4. Гуковский, Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский. – М.; Л.: Художественная литература, 1959. – 532 с.

5. Золотусский, И. П. Гоголь / И. П. Золотусский. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 485 с.

6. Иваницкий, А. И. Гоголь. Морфология земли и власти (к вопросу о культурно-исторических основах подсознательного) / А. И. Иваницкий. – М.: Изд. РГГУ, 2000. – 188 с.

7. Кулешов, В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века / В. И. Кулешов. – М.: Просвещение, 1982. – 238 с.

8. Манн, Ю. В. Утверждение критического реализма. Натуральная школа / Ю. В. Манн // Развитие реализма в русской литературе: в 3 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 1. Просветительский реализм. Утверждение критического реализма. – С. 234 – 291.

9. Манн, Ю. В. Философия и поэтика натуральной школы / Ю. В. Манн // Проблемы типологии русского реализма. – М.: Наука, 1969. – С. 241 – 305.

10. Машинский, С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. – М.: Просвещение, 1979. – 432 с.

11. Тодоров, Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров // Семиотика. – М., 1983. – С. 355 – 369 с.

12. Храпченко, М. Б. Николай Гоголь: литературный путь. Величие писателя / М. Б. Храпченко. – М.: Современник, 1984. – 654 с.

13. Цейтлин, А. Г. Становление реализма в русской литературе: русский физиологический очерк / А. Г. Цейтлин. – М.: Наука, 1965. – 319 с.

УДК 821. 161

СЮЖЕТНАЯ СИТУАЦИЯ «БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАТЕРИ» КАК ЭЛЕМЕНТ ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЭТИКИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Т. Н. Флегентова

THE NARRATIVE SITUATION «THE BLESSING OF THE MOTHER» IN THE NOVEL OF F. M. DOSTOEVSKY «TEENAGER»

T. N. Flegentova

В статье исследуется один из аспектов визуального функционирования символа креста (крест как благословляющий жест) в романе Ф. М. Достоевского «Подросток». В рамках целостного текста визуальный жест (наложение креста) сопровождается аудиальным действием (наложение креста происходит под звуки колоколов). Эмблематические картины наложения креста моделируют ситуацию сна героя, которая разворачивается на грани двух реальностей – земной и небесной.

In the article one of aspects of the cross' functioning in the novel «Teenager» by F. M. Dostoevsky is investigated (cross as the blessing gesture). Within the limits of the text of whole novel visual gesture (cross imposing) is accompanied by sound action (cross imposing occurs during sounds of bells). Emblematic pictures of imposing of a

cross model a situation of the hero's dream which is developed on the verge of two realities, terrestrial and heavenly.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, роман, благословение, крест, сюжетная ситуация.

Keywords: F. M. Dostoevsky, a novel, the blessing, a cross, a narrative situation.

В современном литературоведении изучение творчества Ф. М. Достоевского занимает одно из ведущих мест. Изучение особенностей визуальной поэтики началось сравнительно недавно. Исследователями предпринимаются попытки воссоздать визуальный механизм восприятия мира (примером может служить статья А. Б. Криницына «О специфике визуального мира у Достоевского и семантике «видений» в романе «Идиот»»).

На сегодняшний день особую актуальность обретает рассмотрение эмблематического строя произведений Достоевского. Так, В. В. Борисова указывает на такую черту художественного зрения писателя, «как способность выхватывать из потока действительности идеологически значимые факты и оформлять их в виде некой «картинки», «указания» в духе эмблематической традиции, то есть способность эмблематизировать визуальные образы» [1, с. 102]. Избирательное выделение особых значимых деталей, которые являются центром визуальной композиции той или иной сцены, коренным образом преобразует действительность, позволяя «взглянуть» на мир глазами героя. Для Достоевского существенным является возможность показать субъективное видение своих персонажей в определенные значимые для них моменты: «интерьеры, вещи, городские и пригородные пейзажи у Достоевского эмоциональны, психологичны, создают настроение, вызывают определенное отношение к происходящему вообще или к герою» [8, с. 41] Такой особый взгляд предполагает наличие визуального и психологического погружения в ткань произведений.

Рассмотрение креста как элемента эмблематического строя в перспективе романного движения внутри пятикнижия связано с писательской особенностью Ф. М. Достоевского. Романы пятикнижия насыщены имплицитными и эксплицитными цитатами из Евангелия, символами православной церкви, описаниями христианских обрядов. Нередко случается, что тот или иной символ со страниц одного романа переходит в другой и таким образом приобретает еще большую семантическую сложность, включаясь в иную символическую ткань. Однако для частотных, «переходящих» знаков свойственны некоторые «общие места», общие ситуации, в которых актуализируются одни и те же значения.

Во всех романах «пятикнижия» Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Бесы») можно выделить «крестовые» ситуации, являющиеся основными романными сценами, именно они позволяют раскрыть духовные точки опоры внутреннего мира героев. Визуальный строй романов предполагает обращение к основным функциональным типам крестов. Во многих эпизодах крест выступает как внетекстовая реальность, символический смысл которой понятен каждому

христианину (православному) и не нуждается в более подробном истолковании.

В «пятикнижии» последовательно разворачиваются эпизоды, смысловым центром которых становятся благословение крестом. В произведениях Ф. М. Достоевского благословляют, как правило, матери сыновей. В «Преступлении и наказании» Пульхерия Александровна крестит Раскольникова в их последнюю встречу перед признанием героя, Софья Андреевна накладывает крест на Аркадия Долгорукова в «Подростке», спящего Николая Всеволодовича Ставрогина благословляет Варвара Петровна. Эти ситуации типологически общие: их объединяет то, что участниками действия становятся мать и сын, отношения между которыми основываются на материнской любви. Со стороны же сыновей наблюдается уважение, снисхождение к родительнице. Кроме того, между ними устанавливается логически необъяснимая связь: «Я тотчас узнал эту гостью, как только она вошла: это была мама, хотя я с того времени, как она меня причащала в деревенском храме и голубок перелетал через купол, я не видел ее ни разу» [2, с. 272]. Во всех случаях герой в семье занимает особое положение: единственный ребенок («Бесы») или первенец («Преступление и наказание», «Подросток»). Еще одной особенностью семей в трех названных романах Ф. М. Достоевского является то, что в воспитании детей отец участвует в меньшей степени.

Ситуация материнского благословения в тексте романа «Подросток» представлена особым образом: она разворачивается в ирреальном времени, отсылающем в прошлое, в детство главного героя – подростка Аркадия Долгорукого. Эпизод, в котором крест предстает как визуальный знак (один из знаков судьбы героя, проходящего путь испытания крестом), является эпизод сна Аркадия, когда он замерзал после рулетки у Зерщикова. Во сне он видит мать и слышит ее голос: «Ну, господи... ну, господь с тобой... ну, храни тебя ангелы небесные, пречистая мать, Николай-угодник... Господи, господи! – скороговоркой повторяла она все крестя меня, все стараясь чаще и побольше положить крестов» [2, с. 272] и далее: «еще раз перекрестила, еще раз прошептала какую-то молитву и вдруг – и вдруг поклонилась и мне, точно так же, как наверху Тушарам, – глубоким, медленным, длинным поклоном, – никогда не забуду я этого!» [2, с. 273]. В данном случае актуализируется весь комплекс значений, который закрепился за этим действием: и родительское благословение, и стремление оберечь ребенка, защитить его от злого влияния других людей, от нечистой силы, от всего того, что может негативно воздействовать на него, отсюда, на наш взгляд, и многократное повторение ситуации наложения креста.

Следует отметить, что романное повествование строится как исповедь Аркадия, поэтому слова матери, оформленные как прямая речь, в действительности не произносятся героиней, а воспроизводятся героем по памяти (повествование ведется «от лица участника событий, отодвигающего себя на второй план и говорящего о себе в третьем лице, старающегося изображать лишь события, но не могущего избежать размышлений» [6, с. 277]). Временной сдвиг (прошрое как часть настоящего) свидетельствует об огромном впечатлении, которое оставила данная сцена в сознании маленького Аркадия, который, будучи уже подростком, так живо ее представляет, что сцена начинает разворачиваться перед ним в реальном времени и пространстве. Память Аркадия «включает» визуальный механизм, многократно воспроизводящий действия матери со всеми оттенками: темп речи («скороговоркой»), и такие же убыстренные жесты наложения креста передают неистово трепетную материнскую любовь, сменяющуюся прощением и «последним» крестом.

В представленном эпизоде сна героя присутствует еще один яркий визуальный момент, когда мать Аркадия кладет кресты перед церковью: «Мама повернулась к церкви и три раза глубоко на нее перекрестилась, губы ее вздрагивали, густой колокол звучно и мерно гудел с колокольни» [2, с. 272]. Очевидно, что колокольный (священный) звон, сопровождает мать во время посещения сына: ее неожиданное появление, прощание на крыльце происходит под твердые удары колокола. Однако здесь предстает некоторая, на первый взгляд необъяснимая, странность: удары колокола во время встречи сына с матерью точно такие же, как и в момент прощания. Дело в том, что колокол не может звучать одинаково до начала и после окончания службы. Это связано с определенными функциями, которые закрепились за сакральной музыкой: звон созывает верующих к службе, выражает торжество Церкви и Богослужения, оповещает о времени совершения наиболее важных частей службы. Существует несколько видов звонов: благовест – одиночные удары в большой колокол, перебор – по одному удару в колокола от малого к большому, перезвон – поочередные удары в колокола от большого к малым и трезвон – несколько одновременно звонящих [11]. Сознание Аркадия так же, как и в предыдущем случае, четко фиксирует действия матери, которые напрямую соотносятся с характером сопровождаемого их священного звука.

В тексте романа Ф. М. Достоевского уточняется, что удары колокола были не похожи на набат: «Колокол ударял твердо и мерно и определенно по одному разу в две или даже в три секунды, но это был не набат» [2, с. 272] (частый звон в один колокол, означающий какое-то важное событие, происшествие [11]), а герою слышится «какой-то приятный, плавный звон» [2, с. 272], что позволяет сделать вывод о том, что твердые звуки, которые слышит Аркадий, не что иное как – благовест, размеренный звон, возвещающий о начале службы. Технически этот звон организован следующим образом: три

редких, медленных, протяжных удара (пока не прекратится звук колокола), а затем звучат мерные удары [11]). Считается, что это самый древний из звонов и назван так потому, что несет благую весть о начале Богослужения [11]. По нашему мнению, благовест, сопровождающий Софью Андреевну, открывает дополнительные смыслы анализируемой сцены. Здесь делается акцент на том, что приезд матери не только событие бытийного уровня («не набат»), но и иного порядка. Таким образом, можно объяснить расхождение между внешними поступками героев, которые порой носят явно демонстративный характер, с тем внутренним, что их роднит и связывает: маленький Аркаша «тотчас» узнает свою родительницу.

В финале анализируемой сцены при прощании мать обращается к церкви и накладывает на себя крест, что является одной из традиций, соблюдаемой православными: «Мама повернулась к церкви и три раза глубоко на нее перекрестилась, губы ее вздрагивали, густой колокол звучно и мерно гудел с колокольни. Она повернулась ко мне и – не выдержала, положила мне обе руки на голову и заплакала над моей головой» [2, с. 272]. Изображенная сцена представлена как сон Аркадия, а значит, здесь (т. е. в пространстве сна) может происходить совмещение реального с нереальным: звуки колокола из действительности переходят в пространство сна, а Ламберт – видение из прошлого, неожиданно предстает как человек из настоящей жизни, он «буквально возникает из сна подростка, переходит из сна в явь, является востребованным душой Аркадия после страшной ночи» [7, с. 197]. Совмещение этих двух планов мы видим не только в перетекании одного из другого, но и в некотором совпадении обозначенных ситуаций. Первая, исходная ситуация, в которой Аркадий засыпает и рискует замерзнуть на улице, связана со святой «зимней» неделей, основным событием которой является Рождество. Вторая – во сне – приезд матери приходится на «весеннюю» святую неделю, то есть на Пасхальный праздник: «Теперь только что минула святая неделя и на тощих березках в палисаднике тушаровского дома уже трепещут новорожденные зелененькие листочки» [2, с. 270]. На наш взгляд, данное совпадение неслучайно. Как известно, Рождество и Пасха – главные праздники христианской Церкви, в основе которых в первом случае – чудо Рождения, а во втором – чудо Воскресения. В зависимости от характера чуда возникают дополнительные элементы смысла: в рождественской ситуации – абсолютная вера в то, что должно произойти, нередко проявление чуда носит сверхъестественный характер. В пасхальном варианте – победа над смертью («христиане же, празднуя Пасху новозаветную, торжествуют избавление Христа всего человечества от рабства диаволу и дарование нам жизни и вечного блаженства» [11, с. 621]. Кроме того, под воскресением следует также понимать и духовное преображение человека, внутреннее перерождение, возможное через прохождение ряда испытаний.

По наблюдению ряда исследователей (В. Н. Захаров [5], И. А. Есаулов [4], М. М. Дунаев [3]), Пасха для Достоевского – светлый «всемирный» христианский праздник. Именно Ф. М. Достоевский впервые в русской литературе оформил жанр пасхального рассказа, представленный предсмертным сном Свидригайлова из «Преступления и наказания», рассказом Макара Долгорукого о купце Скопобойникове в «Подростке», рассказами из жития старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» и т. д. «Пасхальный рассказ носит назидательный характер, его сюжеты представляют «духовное проникновение» и «нравственное перерождение человека», прощение во имя спасения души», – пишет Б. Успенский [12, с. 48 – 49].

Следует сказать, что само обстоятельство сна в зимнее время года для произведений Ф. М. Достоевского также нельзя считать случайным. В рассказе писателя «Мальчик у Христа на елке» описывается сходный случай, в котором маленький мальчик в Рождество умирает, заснув на январском морозе. Сходство подчеркивает и тот факт, что в романе представлен подросток – определенный возрастной промежуточный этап от мальчишества до взрослости. В русской литературе сновидениям как приему раскрытия эмоциональной сферы героя и предопределению его судьбы придавалось большое значение. Этим приемом пользовались такие писатели, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. И. Гончаров, Л. Н. Толстой и другие. В этом контексте важно помнить, что для Ф. М. Достоевского особенно значимым было показать «неустановленное» сознание полурбенка/полувзрослого, этот акцент намеренно выдвинут выбором субъекта романного повествования.

В пространстве сна граница существования этого субъекта остается неизменной (читательская позиция находится внутри точки зрения одного и того же человека), но существенная разница заключается в том, что и субъектом повествования, и действующим лицом становится маленький мальчик, семилетний Аркаша. Комментарии, которые «падают» в этот мир, – ничто иное, как результат проделанного несколько позже анализа и рефлексии более взрослого Аркадия. Интересно, что это не характерно для ситуаций сна, представленных в произведениях Достоевского. Например, знаменитые сны в романе «Преступление и наказание» позволяют говорить о том, что герой (Родион Раскольников) и в другой реальности остается равным себе, хотя также совершает временной «прыжок» назад, в детство. В один ряд с «подростковым» текстом в этом аспекте можно поставить повесть «Дядюшкин сон», в которой происходит наложение двух пространств в одном сознании князя К.

Таким образом, можно сделать вывод, что в романе «Подросток» сцена посещения матери Аркадия в пансионе Тушаров имеет кольцевую композицию. В рамках целостного текста визуальный жест (на-

ложение креста) происходит под колокольный звон. Эмблематические картины наложения креста моделируют ситуацию сна героя, которая разворачивается на грани двух реальностей, земной и небесной: начальная ситуация – Аркадий засыпает на святой «зимней неделе», событие сна – приезд матери – приходится на «весеннюю». В сознании героя переплетаются события Рождества и Пасхи: крест становится знаком судьбы героя. «Неустановленное» (подросток) сознание Аркадия в земном существовании освящается материнским крестом, что делает саму сцену существенным элементом романной поэтики, визуализирующим один из ключевых этапов становления (взросления) главного героя.

Литература

1. Борисова, В. В. Эмблематический строй романа Достоевского «Идиот» / В. В. Борисова // Достоевский. Материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 17. – С. 102 – 105.
2. Достоевский, Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. / Федор Михайлович Достоевский. – Т. 13. Подросток. – Л.: Наука, 1975. – 456 с.
3. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений: православие и русская литература в XVII – XX вв. / М. Дунаев. – М.: Издательский Совет Русской православной церкви, 2003. – 1056 с.
4. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. – М.: Круг, 2004. – 559 с.
5. Захаров, В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского / В. Н. Захаров // Новые аспекты в изучении Достоевского. – Петрозаводск, 1994. – С. 37 – 49.
6. Касаткина, Т. А. О творческой природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма» в высшем смысле. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 480 с.
7. Касаткина, Т. А. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: «идея» героя и идея автора / Т. А. Касаткина // Вопросы литературы. – М., 2004. – Вып. 1. – С. 181 – 212.
8. Кашина, Н. В. Человек в творчестве Ф. М. Достоевского / Н. В. Кашина. – М.: Высшая школа, 1986. – 318 с.
9. Криницын, А. Б. О специфике визуального мира у Достоевского и семантике «видений» в романе «Идиот» / А. Б. Криницын // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. – М.: Наследие, 2001. – С. 170 – 205.
10. Пустовойт, П. Г. Христианская образность в романах Ф. М. Достоевского / П. Г. Пустовойт // Русская литература XIX века и христианство. – М., 1997. – С. 82 – 90.
11. Слободской, С., прот. Закон Божий / С. Слободской. – СПб.: Сатис, 1993. – 660 с.
12. Успенский, Б. А. Крест и круг: из истории христианской символики / Б. А. Успенский. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 488 с.

УДК 811.112.2'1

СЛОВАРНЫЙ ТИП ДИСКУРСА И СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА В НЕМ

Л. А. Шарикова

DICTIONARY TYPE OF THE DISCOURSE AND SPECIFICITY
OF THE WORLD-CONCEPTUALIZATION IN IT

L. A. Sharikova

В статье рассматриваются характеристики нормативного словарного дискурса и концептуальной метафоры *GLOBALISIERUNG* как нового мирового пространства, зафиксированного словарем.

In the article the characteristics are defined for standard dictionary discourse and for conceptual metaphor *GLOBALISIERUNG* as a new in the dictionary fixing world-room.

Ключевые слова: дискурс, словарный тип дискурса, концептуальная метафора *GLOBALISIERUNG*.

Keywords: discourse, dictionary type of the discourse, conceptual metaphor *GLOBALISIERUNG*.

Исследование теории концептуальной метафоры, составление классификаций и описание функционирования метафорических моделей, актуализированных в различных типах дискурса, относится к числу наиболее перспективных направлений в современной лингвистике, получившем сегодня свое собственное название – (концептуальная) метафорология. Данной проблемой занимаются такие лингвисты, как Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов и др. За последний период опубликованы новые работы А. М. Каплуненко, В.П. Макаренко, О.Ф. Русаковой и др., рассматривающие особенности концептуальной метафорологизации действительности человеком в зависимости от типа его деятельностной актуализации, т. е. – от типа дискурса. Согласно А. В. Кирилиной, концептуальная метафора – один из основных способов познания мира, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой, осуществляя таким образом классификацию реальности [1, с. 90 – 93].

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения и развития теории дискурса и актуализации концептуальной метафоры в нормативном словарном дискурсе (далее – НСД). Подобные исследования позволяют понять, как «выглядит» ментальная единица, результат восприятия человеком действительности, объективированный средствами естественного языка, в культурогенном пространстве словаря, что и как культивирует это деятельностное пространство в текстовом выражении. Актуальным для концептуальных исследований представляется также рассмотрение концептуальной метафоры *GLOBALISIERUNG* как нового мирового пространства. В нашем случае метафорологизируется крайне важный в международном масштабе и, в частности, для Российской Федерации процесс глобализации разных сфер деятельности человека на определенной территории мира и представленный сегодня уникальным объединением государств – Европейским союзом.

Целью исследования является выделение и описание специфики НСД, отражающего особое «видение» фрагмента действительности – процесса глобализации, изменяющего традиционное построение мира на этнонациональной основе.

1. Дискурс как коммуникативная деятельностная сфера

Важнейший для когнитивной лингвистики термин "дискурс" отличается многообразием трактовок. Дискурс понимается как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений.

С позиций прагматической лингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания. С позиций психолингвистики дискурс интересен как развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок и предписаний. Психолингвистов интересуют также типы речевых ошибок и нарушений коммуникативной компетенции. Лингвистический анализ дискурса ориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц (характеристика функциональных стилей). Структурно-лингвистическое описание дискурса предполагает его сегментацию и направлено на освещение собственно текстовых особенностей общения – содержательная и формальная связность дискурса, способы переключения темы, модальные ограничители, большие и малые текстовые блоки, дискурсивная полифония как общение одновременно на нескольких уровнях глубины текста.

Лингвокультурное изучение дискурса имеет целью установить специфику общения в рамках конкретного этноса, определить формульные модели этикета и речевого поведения в целом, охарактеризовать культурные доминанты данного сообщества в виде концептов как единиц ментальной сферы, выявить способы обращения к прецедентным текстам в данной лингвокультуре.

Дискурс как когнитивно-семантическое явление изучается в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когнитивов, т. е. различных моделей репрезентации общения в сознании. Социолингвистический подход к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте. Эти подходы не являются взаимоисключающими.

В соответствии с определением Т. А. ван Дейка, дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию "коммуникативное событие" [2, с. 46]. Культурно-ситуативное понимание дискурса раскрывается в "Лингвистическом энциклопедическом словаре", где дискурс определяется как "связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, "погруженная в жизнь". Поэтому термин "дискурс", в отличие от термина "текст", не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно" [3, с. 136 – 137]. Соглашаясь с тем, что между языком и речью должно быть опосредующее звено, В. Я. Мыркин предлагает считать таким звеном три различных образования: языковую (или речевую) норму, индивидуальный язык (идиолект), дискурс (или текст) в отвлечении от личности говорящего и контекста (ситуации); в таком прочтении дискурс толкуется как искусственный аналог подлинной речи, например сконструированное предложение [4, с. 7, 19].

С позиций социолингвистики можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института. Персональный дискурс существует в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение.

Следует заметить, что противопоставление персонального и институционального дискурса – это исследовательский прием. Вместе с тем для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами. Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Применительно к современному обществу, можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический и др. Этот список можно изменять в зависимости от сущности общественных институтов [5, с. 5 – 20].

2. Типы дискурсов и их характеристика

Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты).

Специфика институционального дискурса раскрывается в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института (политический дискурс – власть, религиозный – вера, медицинский – здоровье и т. д.), связывается с определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании. Для описания конкретного типа институционального дискурса целесообразно рассмотреть его следующие компоненты: 1) участники, 2) хронология, 3) цели, 4) ценности (в том числе и ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы [см. подробнее: 6, 7].

В одном из исследований подчеркивается, что целью научного общения является процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения – логичностью изложения, доказательством истинности и ложности положений, предельной абстрактизацией предмета речи [8, с. 60 – 68]. В рамках научного стиля автор выделяет возможные подстили.

Дискурс является центральным моментом человеческой жизни "в языке", того, что Б. М. Гаспаров называет языковым существованием: "Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан". К этим обстоятельствам относятся:

- 1) коммуникативные намерения автора,
- 2) взаимоотношения автора и адресатов,
- 3) значимые и случайные "обстоятельства",
- 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано,
- 5) жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается,
- 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом [9, с. 10].

Человеческий опыт органически включает этнокультурные модели поведения, которые реализуются осознанно и бессознательно, находят многооб-

разное выражение в речи и кристаллизуются в значении и внутренней форме единиц языка.

Концепция толкования дискурса автора настоящего исследования складывается из содержательных характеристик данного понятия, предложенных несколькими авторами: Т. А. ван Дейком, Б. М. Гаспаровым и Р. С. Аликаевым. Под «дискурсом» понимается коммуникативное деятельностное пространство (культурная сфера), содержащее этнокультурно / национально окрашенную ценностную информацию (знания), материализуемую устно или письменно, вербально и невербально. Для характеристики типа дискурса учитываются цель, участники, хронотоп и тип/ жанр текста, представляющего часть вербально материализованного дискурса и определяющего его типовые черты, а также конкретную концептуальную единицу – метафору, определяющую тематическую составляющую дискурсивного знания. В данном исследовании концептуальная метафора *GLOBALISIERUNG* выделяется в текстах НСД – смешанного, видового типа дискурса.

3. Нормативный словарный дискурс

Составное название данного типа дискурса свидетельствует о его видовом статусе по отношению к родовому – справочному дискурсу. В НСД отражается словарная норма языка со множеством дополнительных помет (стилистических, грамматических, лексико-семантические толкования, заимствования – результат этноконтактов, этимологическая справка и пр.) с целью ее культивирования в среде заинтересованных лиц (например исследователей-лингвистов). Одни участники дискурса уже указаны, другие точно зафиксированы: как редакторы/ составители (например, авторский коллектив Академии наук ФРГ под руководством доктора, профессора Г. Дроздовского).

Хронотоп дискурса определяется периодом подготовки и опубликования всех словарных источников, используемых в настоящем исследовании в качестве источников используемого материала.

НСД отличается крайней институциональностью несмотря на то, что в словарных источниках есть цитации из других источников: публицистических текстов, газетных и журнальных статей, текстов художественной литературы и даже выражений из фольклорных произведений. Его институциональность обусловлена точным изложением справочной информации по теме, зафиксированной в названии словарного источника. Его задача – фиксировать, сохранять и культивировать языковую норму и относительно ненормативные языковые единицы с указанием отклонения от данной языковой нормы.

Любая норма, в частности, норма языка, зафиксированная в словарях, крайне консервативное и регламентированное явление социальной жизнедеятельности человека, носителя конкретного естественного языка. Трудно представить словарный источник, тематически ориентированный на передачу и хранение информации только о процессе глобализации. Данная информация также фиксируется в

словарях в зависимости от их периода подготовки и выхода в свет, от типа и объема словаря и от организации информации в нем. Благодаря такой специфике словарной информации (словарных знаний), в словарных источниках фиксируется большее разнообразие номинаций какого-либо явления, в частности, номинаций концептуальной метафоры *GLOBALISIERUNG*.

4. Концептуальная метафора *GLOBALISIERUNG* в НСД

НСД отличается своеобразием фиксации концептуальных смыслов:

- 1) фиксирует их номинации, как правило, без повторов;
- 2) фиксирует самые яркие, но проверенные лингвистами на правильность, с точки зрения культуры речи, и поэтому не абсолютно новые смыслы, оформленные относительно стандартно;
- 3) отличается дискурсивной прерывистостью – единая тема не выдержана;
- 4) не всегда приводятся примеры употребления словарной единицы, а если и приводятся, то относятся, чаще всего, к разным типам дискурса (цитаты – пример словарной интертекстуальности);
- 5) всегда дает дефиниции (в форме комментариев либо через набор синонимов).

Фиксировать развитие концептуальных смыслов до образования их инвариантов – метафорических моделей – есть задача не этого дискурса, и не словарей, в частности, используемых нами в качестве источников материала НСД. У словаря и у дискурса в целом другая информативно-прагматическая ориентация: фиксировать все значимые, хоть и относящиеся к разному времени возникновения, слова и выражения и давать им лингвистический и концептуальный комментарий. Поэтому всей вариативности концептуальных метафор в текстах словарей выделить – задача сложная, тем более, абстрагировать их до инвариантов – метафорических моделей – крайне затруднительно согласно указанным причинам.

Ниже предлагается комплекс метафорических моделей с их кратким комментарием, выделенных в минитекстах толкового словаря немецкого языка издательства Дуден (*Duden. Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache – 2000. In zehn Bänden [Elektronische Version]. – Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut Duden Verlag, 2000*) согласно следующим параметрам: а) самые частотные и поэтому уже привычные метафорические модели могут характеризоваться как языковые метафоры и по названным причинам проигрывают по степени образности; б) словарные примеры цитат из текстов социологического публицистического дискурса, соотносимые с нижеприведенными моделями указанного дискурса; в) самые яркие по степени образности метафорические модели, не относящиеся к первым двум вышеперечисленным пунктам.

А) I) *global – Kugelmodell der Erde| planetarisch* – ‘(букв.) шаровая модель Земли/ планетарный’

II) *global – menschenweltumspannend* – 'касаящийся всех и каждого'

III) *global – im vollen Grad\ absolut* – 'в максимальной степени/абсолютный'

Б) I) *Globalisierung ist ein Spiel\ Theater(aufführung)* – 'глобализация есть игра, театральное представление'

II) *Globalisierung ist ein weltweites Phänomen, das die Welt in Erregung versetzt\ Wettbewerb* – 'глобализация есть всеобъемлющий феномен, который волнует (возбуждает) мир/соревнование'

В) I) *Globalisierung bringt Hotmoney mit* – (букв.) 'глобализация несет горячие деньги'

II) *Globalisierung bringt das globale Dorf mit* –, глобализация дает глобальную сеть'

Далее кратко рассмотрим объективации данных метафорических моделей в соотносимых с ними конкретных концептуальных метафорах:

А) I) *global – Kugelmodell der Erde\ planetarisch*

В этой концептуальной формуле (модели) фиксируется смысл «везде, повсеместно, на всем земном шаре», объективированный в следующих примерах:

1) für die *globalen Sicherheitsrisiken*, die von einer beschädigten Umwelt ausgehen (Natur 2, 1991, 23).

А) 2) *global – menschenweltumspannend*

В данной модели заключен иной концептуальный смысл, метафора заключается в переносе обозначения пространства на обозначение людей, как материи, заполняющей это пространство планеты Земля:

2) *Der Konflikt* wurde insofern *globalisiert*, als er zu einem *Kulturkampf zwischen dem Islam und dem Westen* (zu einer Auseinandersetzung zw. den Kulturen des Islams u. des Westens) auszuarten drohte (Haarmann, Geschichte 601).

3) *Globalisierung mit menschlichem Antlitz* – букв. 'глобализация с человеческим лицом'. В русской концептуальной системе нет такой формы объективации метафоры. Чаше русские употребляют выражение «человеческий фактор», выражение «с человеческим лицом» употребимо, но не по отношению к глобализации. Причин такой концептуальной разницы и различий в ее объективации может быть несколько: а) объективный план – Россия опосредованно соотносит себя с процессом глобализации, как бы наблюдая за европейским его вариантом извне, немцы же живут локально и темпорально внутри этого процесса, поэтому процесс персонификации данной реалии в немецкой концептуальной системе уже налицо; б) помимо экстралингвистических, есть лингвокультурные и лингвистические причины, связанные с культурной традицией и закономерностями немецкого и русского языков, которые не совпадают.

А) III) *global – im vollen Grad\ absolut*

В данном случае в метафорической модели выражается второй уровень метафоризации исходного концептуального смысла, модель передает качественную оценку – «всеобъемлющий, максимально полный, абсолютный»:

4) *global* - 2. а) *umfassend: ein globales Wissen* haben.

Типичные для текстов социологического публицистического дискурса метафорические модели присутствуют в лексикографическом комментарии и в словаре. Особенно ярко и практически в тех же средствах языковой объективации зафиксированы концептуальные смыслы, категоризуемые в двух нижеприведенных метафорических моделях, объективированных примерами НСД:

Б) I) *Globalisierung ist ein Spiel\ Theater(aufführung)*

5) *Global Player*, der; -s, -s, (auch:) *Globalplayer*, der; -s, -s [engl. global player, aus: global (global) u. player = Spieler]: Konzern, Unternehmen u.ä. mit weltweitem Wirkungskreis: alle wollen grösser, stärker, mächtiger werden, um als *Global Player* im weltumspannenden Wettbewerb ganz vorn *mitspielen* zu können (Spiegel, 20. 1998. 118); Um so weniger Einfluss haben Regierungen, *die einst selbst Global Players* der Weltwirtschaft waren (FR, 23. 7. 96. 10). (Подробный анализ данной метафорической модели см.: [10]).

Б) II) *Globalisierung ist ein weltweites Phänomen, die der Welt in Erregung versetzt \ Wettbewerb*

Для демонстрации модели «волнующего феномена»/соревнования подобраны в словарном дискурсе следующие примеры, где метафорическая модель находит более многообразное вербальное выражение. Именно широтой номинативного спектра при объективации концептуальной метафоры отличается текст НСД:

6) *Getrieben von wendigen Investment-Bankern*, die im globalen Monopoly den *Einsatz bestimmen, hetzen* sie (= die Konzernlenker) *von Meeting zu Meeting*, um *weitere Unternehmens-Ehen in die Wege zu leiten* (Woche, 18. 12. 98. 9).

7) *global ... 1. auf die ganze Erde bezüglich; weltumspannend: -es (weltweit operierendes) Unternehmen; globaler Wettbewerb (Wettbewerb der weltweit operierenden Unternehmen)*.

Третья группа метафорических моделей специфична тем, что она не встречалась в социологическом публицистическом дискурсе именно в такой вербальной форме и именно в таком, менее категоризованном виде.

Б) I) *Globalisierung bringt Hotmoney mit*

Эта метафорическая модель включает в свой состав слово, отражающее в специфической, изначально слэнговой форме крайне яркий образ, концептуально связанный с началом и развитием эры глобализации. Это не означает, что до начала процесса глобализации невозможно было, не работая, зарабатывать достаточное количество денег. Однако с появлением глобального пространства это количество резко изменилось, изменились сроки и способы «выпечки горячих денег», поскольку система Международного валютного банка, если ее знать и разбираться в валютных операциях, доступна и по Интернету, надо только иметь нужные знания и обладать необходимыми навыками:

8) **Hotmoney ...** (Wirtsch.): *meist aus spekulativen Gründen ... international gehandeltes, [häufig in währungsstabilen Ländern] kurzfristig (b) angelegtes Geldkapital*: Denn *die technisch globalisierten Finanzmärkte* sind gefährlich, ganz besonders der sich in Sekundenschnelle vollziehende *kurzfristige Kapitalverkehr des Hotmoney* mit all seinen Spekulationen und Psychosen (Zeit 3. 9. 98, 1); Sie (= die ausländischen Unternehmen) schicken ihre Milliarden höchstens *als Hotmoney ins Land, das sich schnell wieder abziehen lässt* (Zeit, 19. 11. 98. 30).

B) II) Globalisierung bringt das globale Dorf mit

В составе данной метафорической модели так же, как и в предыдущей, встречается яркая языковая метафора, называющая современный Интернет «глобальной деревней». До развития процесса глобализации были и компьютеры, и доступ в коммуникационную сеть, которая в то время использовалась ограниченным кругом людей и не имела статуса «глобальной». Вероятно, можно объяснить, почему глобальное коммуникационное пространство именуется деревней, исходя из общечеловеческих лингвокультурных посылов: образ деревни сохраняется во всех концептуальных культурных сферах как большое замкнутое пространство, родное, со своим природным и человеческим колоритом, для европейского городского жителя относительно архаизированное, но милое своей простотой и близкими/теплыми отношениями деревенских жителей, хорошо знающих друг друга. В Интернете эти знания приобретают оттенок виртуальности: доступности, воображаемой вариативности, простоты общения без дальнейших обязательств, в отличие от строго регламентированной, суетливой и поэтому скучной жизни, со многими правилами и обязанностями. В этой «деревне» складываются неформальные (дружеские, близкие партнерские) отношения, даже любовь. Важно, что один человек может прожить «несколько жизней» в Интернете, играя там разные роли в разных диалогах/полилогах:

9) *Im globalen Dorf* aber chatten (ratschen) Nachbarn *nicht mehr über den Jägerzaun*, sondern in virtuellen chat rooms, in die man sich *aus der ganzen Welt einloggen (zuschalten) kann* (Zeit 2. 5. 97, 1).

10) *Dorf ...: 1. *das globale Dorf (Welt, die durch die Verbreitung der Massenkommunikationsmittel und die dadurch bedingte Verflechtung der einzelnen Staaten auf politischer, wirtschaftlicher, sozialer, kultureller Ebene gekennzeichnet ist ... Damit die Geschäfte im globalen Dorf florieren können*, ist die *digitale Währung vonnöten* (Schieb, Internet, 228).

Итак, у НСД давно сложились специфические черты, характерные только для текстов словарей и справочной литературы. В словаре не отражается одна / единая тема в общепринятом смысле слова, поэтому в лексикографических справках словаря фиксируется политематический словарный состав, включающий номинации всех ментальных сущностей, значимых в этой языковой / этнической / национальной культуре. Текст словаря своеобразно

сконструирован, жестко регламентирован и наполнен дополнительными профессиональными терминами / маркерами. Задача НСД – фиксировать языковую норму и отклонения от нее, функционирующие в различных социальных сферах общения, с указанием их точных соотношений. В фиксируемом множестве номинаций, их толкований и миниконтекстов (иллюстративном материале лексикографической статьи) практически разноречиво, но при этом крайне фрагментарно объективируется своеобразная концептуальная система носителей данного естественного языка, отображающая специфику их менталитета и восприятия мира. Поэтому концептуальная общность сохранена, но не всегда позволяет проведение процедуры категоризации смыслов над собой по причине недостаточности текстологического материала и отсутствия единой темы.

Литература

1. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А. В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. – М., 1989. – 312 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Метафора [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 296 – 297.
4. Мыркин, В. Я. Язык – речь – контекст – смысл: учеб. пособие [Текст] / В. Я. Мыркин. – Архангельск: Изд-во Поморск. ун-та, 1994. – 97 с.
5. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5 – 20.
6. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999а. – С. 3 – 18.
7. Карасик, В. И. Религиозный дискурс [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград, 1999б. – С. 5 – 19.
8. Аликаев, Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики [Текст] / Р. С. Аликаев. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 318 с.
9. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
10. Шарикова, Л. А. Глобализованный мир как игра / театр в восприятии европейцев [Текст] / Л. А. Шарикова // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 6. – С. 183 – 190.
11. Duden. Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache – 2000. In zehn Bänden [Elektronische Version]. – Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut Duden Verlag, 2000.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 291

**«ПРОБЛЕМА МИККИ МАУСА» И «ПРОБЛЕМА ЗЕВСА»
В СОВРЕМЕННОМ КОГНИТИВНОМ РЕЛИГИОВЕДЕНИИ***Р. А. Сергиенко***«THE MICKEY MOUSE PROBLEM» AND «THE ZEUS PROBLEM»
IN MODERN COGNITIVE SCIENCE OF RELIGION***R. A. Sergienko*

Статья посвящена рассмотрению проблем, которые возникли в рамках современного подхода к исследованию религий и религиозных представлений – когнитивного религиоведения: «проблема Микки Мауса» и «проблема Зевса».

The article deals with the problems, that arisen within an up-to-date approach to the study of religions and religious representation – the cognitive science of religion: «the Mickey Mouse problem» and «the Zeus problem».

Ключевые слова: когнитивное религиоведение, религиозные верования, культурная трансмиссия, минимально противointуитивные понятия, ритуалы.

Keywords: cognitive science of religion, religious beliefs, cultural transmission, minimally counterintuitive concepts, rituals.

Современное отечественное религиоведение базируется на традиционных методологических подходах: социологических, психологических, феноменологических и т. д. Гораздо менее известны сравнительно новые теоретико-методологические направления, активно развивающиеся в Европе и Северной Америке, которые предлагают естественнонаучное объяснение происхождения религии и религиозных явлений. Особое место в этой исследовательской перспективе занимает «когнитивная теория религии» или «когнитивное религиоведение» (cognitive science of religion). В последние годы в рамках когнитивного религиоведения возникли проблемы, которые непосредственно связаны с базовыми положениями данного научного направления. Хотя есть несколько статей на русском языке, посвященных когнитивному религиоведению [1 – 5], все же современные проблемы и перспективы этого исследовательского направления остаются недостаточно освещены.

Исследователи религии, позиционирующие себя как представители когнитивного направления, опираются на теории и методы когнитивной науки, эволюционной и когнитивной психологии, нейробиологии и антропологии. Когнитивное религиоведение сосредоточено на кросс-культурных повторяющихся паттернах в религиозном мышлении, переживании, поведении. Оно рассматривает и анализирует эти закономерности с точки зрения «архитектуры» человеческого разума. Основное предположение заключается в том, что в действительности не существует специально религиозных когнитивных механизмов или процессов, что любая религия на самом деле основана на обычных, естественных когнитивных процессах, которые также поддерживают и нерелигиозные формы мышления и поведения. Именно этот тезис «естественности религии» психолога Джастина Барретта [8] обеспечил общее понимание и стратегию для новой исследовательской программы. Данная стратегия предполагает, что внешне экс-

траординарные культурные идеи и действия, найденные в различных религиях, можно объяснить вполне обычными когнитивными процессами и механизмами, которые удалось выявить когнитивной науке. Тезис «естественности религии» означает, что, «благодаря тому, как устроены и как функционируют человеческие умы, обычные люди во всем мире особенно восприимчивы к формированию, сохранению и передаче религиозных концепций» [9, p. 402].

Одним из наиболее существенных вкладов когнитивного религиоведения – это определенность, которую оно внесло в изучение религиозных идей. Несмотря на разнообразие существующих религиозных идей и понятий в различных культурных контекстах, когнитивные исследователи попытались идентифицировать общие элементы этих идей и как они связаны с мыслительными процессами человеческого разума. Различные сверхъестественные понятия, которые обнаружены в фольклоре и религии, когнитивные исследователи называют «противоинтуитивными» понятиями [7, 10, 14, 24, 30]. Этот технический термин при первом рассмотрении может быть неправильно понят. Термин не означает, что нечто является нереальным, неестественным или иррациональным. Природа содержит многих реальных, но все же противоинтуитивных объектов [30, p. 89]. Для того чтобы понять сущность концепта «противоинтуитивность», необходимо начать с того, что подразумевается под «интуитивным знанием». Понятие «интуитивного» в данном случае относится к врожденным «системам умозаключений» в человеческом разуме. На основе тщательных исследований в области эволюционной психологии и когнитивной науки поддерживается гипотеза о том, что познавательные механизмы человеческой психики «проблемно-ориентированы», т. е. отдельные механизмы предназначены для обработки определенных типов информации [18, 21, 28]. Проблемно-ориентированный подход (или модульный под-

ход) к человеческому познанию поддерживает аргумент, что наше неявное понимание мира разделено на множество онтологических областей или категорий. Существует как минимум три категории интуитивного знания, которые хорошо иллюстрируют природу операционной системы, руководящей человеческим мышлением в различных онтологических областях [14, р. 100 – 113; 15, р. 93 – 135; 29, р. 43 – 72]: «наивная» физика (интуитивное знание о физических объектах и их движении), «наивная» биология (интуитивное знание о животных и их поведении) и «наивная» психология (интуитивное знание о людях и их психических состояниях – «теория психического» или «theory of mind»). Следовательно, люди обладают интуитивными ожиданиями в таких областях, как естественные объекты, артефакты, растения, животные и люди. В отличие от повседневных естественных понятий со свойствами, которые согласуются с онтологическими ожиданиями, существует множество других понятий, которые нарушают эти ожидания.

В своих исследовательских работах когнитивный антрополог Паскаль Бойер утверждает, что религиозные идеи и понятия основаны на балансе противointуитивных свойств, которые повышают запоминаемость, и интуитивных свойств, которые обеспечивают инференциальный потенциал этих идей. При этом противointуитивные понятия отклоняются от интуитивных ожиданий (посредством нарушения интуитивных ожиданий или переноса ограниченного числа выводов из другой онтологической области) или, другими словами, они не являются полностью противointуитивными. Для того чтобы увлечь наше воображение и добиться успеха в качестве культурных идей, религиозные понятия должны также включать ряд допущений, которые не нарушают интуитивных предположений. Например, духи (или призраки) могут быть невидимыми и проходить сквозь стены, но при этом они должны обладать желаниями и намерениями во многом так же, как и другие агенты (например люди). Люди могут использовать интуитивную психологию (способность индивида выделять ментальные состояния у себя и у других) для того, чтобы рассуждать о поведении духов и взаимодействовать с ними так же, как с обычными человеческими существами. Бойер называет такое надлежащее сочетание (баланс) между интуитивными и противointуитивными свойствами – позицией «когнитивного оптимума» [14, р. 121]. Представления или понятия являются минимально противointуитивными (познавательны оптимальными) тогда, когда они захватывают внимание за счет нарушения интуитивных свойств и при этом позволяют конструировать дальнейшие выводы на основе сохраненных интуитивных ожиданий. Другими словами, религиозные идеи, как правило, должны иметь надлежащее сочетание обыкновенных и необыкновенных свойств, что в результате делает их правдоподобными и запоминающимися (и соответственно успешными для передачи).

Существуют экспериментальные данные, которые продемонстрировали, что минимально противointуитивные понятия передаются лучше, чем понятия, которые просто интуитивные или слишком противointуитивные.

Это преимущество наблюдалось у субъектов сразу после предъявления, а также после 3 месяцев отсрочки. Эксперименты проводились на четырех континентах в США, Франции, Габоне и Непале [12, 16]. Подобные эффекты наблюдаются на уровне повествований (рассказов, сказок и т. д.). В исследовании, в котором сравнивалась выборка успешных и неуспешных сказок братьев Гримм, было обнаружено, что успешные (широко известные) сказки, обладали двумя или тремя противointуитивными нарушениями [23]. Теория минимальной противointуитивности, таким образом, объясняет рекуррентность определенных типов религиозных понятий в различных культурных традициях как результат селективного процесса.

В связи с теорией противointуитивности возникла дискуссия между сторонниками когнитивного подхода в исследовании религии, которая сосредоточена, в буквальном смысле, на разнице между Микки Маусом и Богом [6, р. 602; 7; 29]. Микки Маус сочетает в себе интуитивные элементы вместе с нарушениями онтологических категорий, тем не менее Микки Маус не является религиозным агентом. В таком случае возникает вопрос о том, насколько важна теория минимальной противointуитивности для объяснения религии, если существует множество минимально противointуитивных понятий в различных культурных мирах, такие, как Микки Маус и Санта Клаус, которые не вызывают веры и глубокой приверженности. В различных культурах существует множество примеров противointуитивных понятий, которые просто интригуют, пугают или развлекают: герои анимации, феи и эльфы из сказок, вампиры и зомби из фильмов ужасов. Подобно предкам, духам и богам, этих воображаемых агентов легко представить, они привлекают внимание и являются запоминающимися. Так почему такие понятия, которые разделяют все признаки успешных минимально противointуитивных понятий, не являются «религиозными»?

Йеспер Серенсен [27, р. 473 – 475] в своей обзорной статье, посвященной когнитивному религиоведению, приводит несколько гипотез относительно проблемы Микки Мауса.

Одна гипотеза находит ответ в роли агентов. Люди обладают тенденцией к поиску агентов в воспринимаемой окружающей среде, будь то лица в облаках или следы на песке. Но при этом не все агенты в равной степени являются важными. Люди особенно предрасположены представлять себе агентов, которые либо антропоморфны, либо обладают разумом как у людей. Даже если боги, духи и предки не выглядят, как мы, у них всегда есть разум, подобный нашему. Это очень важно, потому что представления другого человеческого разума запускают изобилие возможных умозаключений благодаря социальной природе Homo Sapiens.

Два положения в этом смысле отличают религиозных агентов от Микки Мауса. Во-первых, предки, духи и боги заинтересованы в социально релеван-

ной информации. Боги, с которыми взаимодействуют люди («популярные боги»), заинтересованы в том, что делают и думают их «последователи». Во-вторых, сверхчеловеческие агенты обладают неограниченным доступом к социальной «стратегической информации». Боги, в отличие от Микки Мауса, могут знать о том, что неизвестно другим повседневным социальным агентам, например, что мы обманули своих супругов или украли что-нибудь у соседа. По этой причине боги становятся весьма значимыми социальными партнерами, а не просто эстетическими фигурами.

Вторая гипотеза утверждает, что разница между Микки Маусом и религиозными агентами заключается в их метарепрезентативном содержании. В то время как Микки Маус обладает метарепрезентацией «Микки Маус – анимационный герой», как фон для всех других возможных представлений, сверхчеловеческие агенты обладают метарепрезентациями, которые тем или иным образом указывают их реальность или связь с нашим миром. Духи предков могут быть метапредставлены, например, в мифических повествованиях как «то, чем мы станем, когда умрем», что, естественно, дает им иной статус, чем у Микки Мауса. Метарепрезентации тесно связаны со структурами власти, а в сфере религий соответственно с религиозной властью, которая может быть обнаружена в священном писании, религиозном учреждении или конкретной личности.

Третья гипотеза сконцентрирована на роли действий (в частности, ритуальных действий) в подтверждение сверхчеловеческих агентов. Одним словом, Микки Маус не является религиозным агентом, поскольку не существует подтверждающих действий, в которых он был бы представлен как агент, влияющий на наш мир. Поэтому наиболее эффективный способ подтверждения существования сверхчеловеческого агента – это создание социальных ситуаций, в которых он понимается в качестве действующего или на кого оказывается воздействие.

Для решения проблемы Микки Мауса Джастин Барретт [11] в своей статье «Почему Санта Клаус не Бог» предположил, что набор из пяти свойств репрезентативного содержания может объяснить, почему люди верят в Бога, и почему люди не верят в Санта Клауса или Микки Мауса. Эти пять свойств, как он утверждает, объединяются вместе для того, чтобы произвести идеальные представления, которые достигают религиозного статуса. Во-первых, успешные кандидаты на положение бога привлекают внимание, потому что они нарушают некоторые шаблонные онтологические допущения. Другими словами, они минимально противоинтуитивны. Во-вторых, они представляют собой преднамеренных агентов. Минимально противоинтуитивные агенты могут быть более инференциально мощными, чем аналогичные неагентные понятия. В-третьих, эти агенты обладают стратегической информацией, которая делает их значимыми для жизни людей. В-четвертых, «удавшиеся» представления богов описываются, как имеющие обнаруживаемое взаимодействие с нашим миром. Наконец, успешные

кандидаты на положение бога обладают репрезентативным содержанием, которое побуждает людей к ритуальной практике, что укрепляет веру в них. Барретт проанализировал Санта Клауса в соответствии с этим репрезентативным содержанием структуры предубеждения и утверждает, что хотя Санта более подходящий кандидат для веры в него, чем многие другие противоинтуитивные агенты, в конечном итоге Санта Клаус не достигает статуса религиозного агента, потому что ему недостает некоторого ключевого содержания, чтобы привлечь веру и обязательства, которые оказываются по отношению к богам.

В своей недавней работе Уилл Жерве и Джозеф Хенрих [19], анализируя теории и экспериментальные данные когнитивного религиоведения и, в частности, вышеуказанную статью Баррета, обратили внимание на «проблему Зевса». Авторы отмечают, что многие сверхъестественные агенты, включая богов, которым поклоняются в других культурных группах или поклонялись в прошлом (как Зевсу), соответствуют пяти критериям, которые описал Барретт. Тем не менее люди не верят в богов других культур или в богов прошлого. В этой связи возникает новая проблема для когнитивного религиоведения – проблема Зевса. Под проблемой Зевса Жерве и Хенрих подразумевают, что «истолкования, которые обращаются только к репрезентативному содержанию представлений, не могут объяснить, почему люди вкладывают веру в некоторые концепции Бога, но не в другие, такие как боги соседних или смешанных культур» [19, р. 385]. Соответственно авторы задаются вопросом о том, почему репрезентативное содержание этих богов не внушает в них веру за пределами их соответствующих эпох и культурных сред.

В своей статье Жерве и Хенрих критикуют когнитивное религиоведение (и подход Баррета в частности) за то, что в нем не проводится различий между запоминаемостью и верой. Например, эксперименты, которые приводятся в качестве доказательства важности противоинтуитивности, в действительности раскрывают только эффекты памяти и запоминаемости противоинтуитивных понятий [12, 23], но сами эти эффекты ничего не говорят нам о вере. По мнению Жерве и Хенриха, культурное распространение понятий, в том числе сверхъестественных религиозных понятий, зависит не только от их репрезентативного содержания, но и от предубеждений культурного обучения, которые подталкивают индивидуумов выборочно обращать внимание и приобретать понятия и степень приверженности (или веры) непосредственно от тех, кто их окружают. Так, в рамках эволюционной антропологии механизмы культурного обучения категоризируются на предубеждения, связанные с содержанием, и предубеждения, связанные с контекстом [13].

Предубеждения, связанные с содержанием (content biases), или то, что Бойд и Ричерсон называют «прямыми предубеждениями», побуждают людей с большой готовностью приобретать определенные верования, идеи или поведение, потому что

некоторые аспекты содержания делают их более привлекательными. Минимальная противоинтуитивность понятий в данном случае – пример предубеждения, связанного с содержанием понятий, которое влияет на их запоминаемость.

Предубеждения, связанные с контекстом (context biases), с другой стороны, имеют дело с источниками психических представлений и их интеграции. Во-первых, при вычислении у кого обучаться или как оценивать культурную информацию из различных источников, культурные учащиеся должны уделять внимание признакам престижа, успеха, навыка, возраста, пола, этнической принадлежности, здоровья и самоподобия («предубеждения, связанные с успехом и престижем» – success and prestige bias). Во-вторых, культурные учащиеся должны оценить, насколько распространены различные верования или действия, используя конформистскую трансмиссию (conformist transmission). Также культурные учащиеся обращают внимание не только на вербальное выражение идей и представлений индивидуумов (у которых они обучаются), но они особенно восприимчивы к действиям, которые подтверждают степень приверженности индивидуумов к тем или иным идеям и представлениям. Эти действия Джозеф Хенрих называет «демонстрациями, усиливающими доверие» (credibility enhancing displays [20]). Жерве и Хенрих отмечают, что предубеждения, связанные с содержанием, делают некоторые понятия более интересными и запоминающимися, тем не менее люди также наделены способностями для фильтрации концепций, у которых сомнительная надежность. Следовательно, предубеждения, связанные с контекстом, способствуют объяснению паттернов веры в различные концепции.

Используя предубеждения, связанные с контекстом, Жерве и Хенрих в рамках своей статьи проанализировали, почему люди верят в Бога, а не в Зевса или Санта Клауса.

Несмотря на то, что репрезентативное содержание представлений Санта Клауса остается неизменным, вера в него с возрастом ослабевает. Авторы отмечают, что предубеждения, связанные с контекстом, могут помочь объяснить, почему дети с возрастом перестают верить в Санта Клауса. В раннем детстве, конформистские смещения (conformist biases) могут укрепить веру в Санта Клауса, поскольку ребенка окружают сверстники, которые общаются об аналогичном опыте по отношению к Санта Клаусу. Престижные индивидуумы в среде ребенка также демонстрируют веру в Санта Клауса. Родители могут оставлять печенье и молоко, что служит в качестве демонстрации усиливающей доверие их приверженности (или веры) по отношению к Санта Клаусу. По мере взросления сверстники и родители, вероятно, прекратят эти действия. Следовательно, изменения в содержании не вызывает скептицизма по отношению к Санта Клаусу, вместо этого вера в него уменьшается совместно с прекращением контекстуальных знаков, которые подтверждают, что другие верят в Санта Клауса.

В свою очередь, Зевс является успешным кандидатом на положение Бога в структуре предубеждения, связанного с содержанием, которую изложил Берретт [11]. В таком случае, почему вера в Бога занимает значительное положение в современном мире, в то время как Зевсу отводятся только лишь уроки мифологии? В Древней Греции конформистские смещения, предубеждения, связанные с престижем, и демонстрации, усиливающие доверие, поддерживали веру в Зевса, которая была широко распространена и популярна среди элит. Ритуальные практики (например жертвоприношение животных) и монументальная архитектура (как храм Зевса в Олимпии) служили в качестве демонстраций, усиливающих доверие подлинной приверженности людей к Зевсу, что дополнительно способствовало вере среди культурных учащихся. Эти факторы не сохраняются для Зевса сегодня, хотя они справедливы для Бога. Жерве и Хенрих заключают, что предубеждения, связанные с контекстом, объясняют, почему люди в действительности верят в одних противоинтуитивных агентов и выражают скептицизм по отношению к другим (например Зевсу и Санта Клаусу).

Бесспорно, Жерве и Хенрих поставили важную задачу перед когнитивным религиоведением, но, по нашему мнению, необходимо упомянуть некоторые замечания, связанные с проблемой Зевса. Во-первых, когнитивное объяснение религии не исключает других факторов (биологических, гендерных, социополитических, культурных), которые влияют на особенности и распространение религиозных представлений (в качестве примера: [17, 31]). Во-вторых, люди в действительности могут верить в богов других культур (как последователи новых религиозных движений, например Движения Харе Кришна) и даже в богов прошлого. Например, поклонение Зевсу сегодня осуществляется в рамках эллинистического политеистического реконструкционизма (греческого неоязычества). Представитель когнитивного религиоведения Илкки Пюсияйнен, к примеру, рассматривает современное процветание «духовности» и новых религиозных движений как подтверждение естественности религии [21, р. 187], т. е. религия сохраняется даже в том случае, когда влияние традиционных, институциональных форм религии идет на спад. Так или иначе, прослеживается перспектива дальнейших обсуждений существующих теорий и связанных с ними проблем в рамках когнитивного религиоведения, которые позволят уточнить или дополнить теоретические разработки данного исследовательского направления.

Когнитивное религиоведение объединяет идеи из различных научных дисциплин, чтобы объяснить, как люди приобретают, представляют и передают религиозные понятия. Эта система взглядов привела к ряду интересных выводов и гипотез, одна из которых – это гипотеза противоинтуитивности религиозных понятий. Но в теоретической основе данной гипотезы не различалась религиозная и нерелигиозная противоинтуитивность. Проблема Микки Мауса как раз обращается к вопросу о том, почему только некоторые противоинтуитивные понятия можно на-

звать «религиозными». Хотя ряд когнитивных исследователей предложили варианты решения проблемы Микки Мауса, эти решения преимущественно были связаны с репрезентативным содержанием противоинтуитивных понятий. Авторы проблемы Зевса, Жарве и Хенрих, в свою очередь, обратили внимание на тот факт, что, несмотря на существование множества противоинтуитивных агентов, которые обладают должным репрезентативным содержанием, люди верят только в ограниченное подмножество противоинтуитивных агентов, одобренных в рамках их собственного культурного контекста. Они предположили, что веру в определенных противоинтуитивных агентов, в таком случае, лучше объяснить на основе предубеждений, связанных с контекстом.

Жарве и Хенрих указывают на важную проблему, которая может возникнуть при обсуждении теорий когнитивных исследователей религии (например [22, 26]). В дальнейшей перспективе когнитивным исследователям необходимо будет уточнить существующие теоретические положения когнитивного религиоведения для того, чтобы объяснить проблемы, на которые указали Жарве и Хенрих. Возможно, проблема Зевса, в таком случае, станет отправной точкой для построения новых теоретических моделей.

Литература

1. Анофриев, И. С. Понятие «религия» в когнитивном религиоведении / И. С. Анофриев // Дні науки філософського факультету-2010: Міжнародна наукова конференція (21 – 22 квітня 2010 року): матеріали доповідей та виступів. – К., 2010. – Ч. VII. – С. 104 – 105.
2. Костылев, П. Н. Религиоведческое исследование в эпоху информационных технологий: на примере когнитивной теории религии / П. Н. Костылев // Религиозность в изменяющемся мире: сб. материалов I Международной зимней религиовед. школы. Волгоград, 28 янв. – 3 февр. 2008 г. – Волгоград, 2008. – С. 71 – 78.
3. Костылев, П. Н. Когнитивное религиоведение: современное состояние исследований / П. Н. Костылев // Дні науки філософського факультету-2008: Міжнародна наукова конференція (16 – 17 квітня 2008 року): матеріали доповідей та виступів. – К., 2008. – Ч. V. – С. 16 – 17.
4. Тибици-Демитров, В. И. Религиозные представления в свете когнитивных исследований религии / В. И. Тибици-Демитров // XV Международная научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых – «Ломоносов»: материалы конференции (10 апреля 2008 г.). – М., 2008. – С. 412 – 414.
5. Шахнович, М. М. Что такое когнитивное религиоведение (cognitive religious studies)? / М. М. Шахнович // Материалы II Международной конференции по когнитивной науке, 9 – 13 июня 2006 года. – СПб., 2006. – С. 478 – 479.
6. Atran, S. A. Folk biology and the anthropology of science: Cognitive universals and cultural particulars / S. A. Atran // Behavioral & Brain Sciences. – 1998. – № 21 (4). – P. 547 – 609.
7. Atran, S. A. In Gods We Trust. The Evolutionary Landscape of Religion / S. A. Atran. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 400 p.
8. Barrett, J. L. Exploring the natural foundations of religion / J. L. Barrett // Trends in Cognitive Sciences. – 2000. – № 4 (1). – P. 29 – 34
9. Barrett, J. The Naturalness of religious concepts: An emerging cognitive science of religion / J. L. Barrett // In P. Antes, A. W. Geertz, R. R. Warne (Eds.), New Approaches to the Study of Religion: Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. – P. 401 – 418.
10. Barrett, J. L. Why would anyone believe in God? / J. L. Barrett. – California: AltaMira Press, 2004. – 152 p.
11. Barrett, J. L. Why Santa Claus is not a god / J. L. Barrett // Journal of Cognition and Culture. – 2008. – № 8 (1-2). – P. 149 – 161.
12. Barrett, J. L. Spreading Non-Natural Concepts: The Role of Intuitive Conceptual Structures in Memory and Transmission of Cultural Materials / J. L. Barrett, M. A. Nyhof // Journal of Cognition and Culture. – 2001. – № 1 (1). – P. 69 – 100.
13. Boyd, R. Culture and the evolutionary process / R. Boyd, P. J. Richerson. – Chicago: University of Chicago Press, 1985. – 340 p.
14. Boyer, P. The Naturalness of Religious Ideas / P. Boyer. – Berkeley: University of California Press, 1994. – 344 p.
15. Boyer, P. Religion explained: the evolutionary origins of religious thought / P. Boyer. – New York: Basic Books, 2001. – 384 p.
16. Boyer, P. Cognitive Templates for Religious Concepts: Cross-Cultural Evidence for Recall of Counter-Intuitive Representations / P. Boyer, C. Ramble // Cognitive Science. – 2001. – № 25 (4). – P. 535 – 564.
17. Cohen, E. The mind possessed: The cognition of spirit possession in an Afro-Brazilian religious tradition / E. Cohen. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 256 p.
18. Fodor, J. The modularity of mind: An essay on faculty psychology / J. Fodor. – Cambridge: MIT Press, 1983. – 144 p.
19. Gervais, W. The Zeus Problem: Why Representational Content Biases Cannot Explain Faith in Gods / W. Gervais, J. Henrich // Journal of Cognition and Culture. – 2010. – № 10 (3-4). – P. 383 – 389.
20. Henrich, J. The evolution of costly displays, cooperation, and religion: Credibility enhancing displays and their implications for cultural evolution / J. Henrich // Evolution and Human Behaviour. – 2009. – № 30 (4). – P. 244 – 260.
21. Hirschfeld, L. Mapping the Mind: Domain specificity in cognition and culture / L. Hirschfeld, S. Gelman. – New York: Cambridge University Press, 1994. – 532 p.
22. McGraw, J. J. Religion as Representations: Toward a Reconciliation of Schema Theory and the Cognitive Science of Religion / J. J. McGraw. [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.johnjmcgraw.com/anthropology/aaa_presentation.htm.

23. Norenzayan, A. Memory and mystery: The cultural selection of minimally counterintuitive narratives / A. Norenzayan, S. Atran, J. Faulkner, M. Schaller // *Cognitive Science*. – 2006. – № 30 (3). – P. 531 – 553.

24. Pyysiäinen, I. How Religion Works: Towards a New Cognitive Science of Religion / I. Pyysiäinen. – Leiden; Boston: Brill, 2001. – 272 p.

25. Pyysiäinen, I. Supernatural agents: why we believe in souls, gods, and buddhas / I. Pyysiäinen. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 304 p.

26. Sørensen, J. Religion, Evolution and an Immunology of Cultural Systems / J. Sørensen // *Evolution and Cognition*. – 2004. – № 10(1). – P. 61 – 73.

27. Sørensen, J. Religion in mind: A review article of the cognitive science of religion / J. Sørensen // *Nunmen*. – 2005. – № 52 (4). – P. 465 – 494.

28. Tooby, J. The Psychological Foundations of Culture / J. Tooby, L. Cosmides // In J.H. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby (Eds.), *The Adapted Mind*. – New York: Oxford University Press, 1992. – P. 19 – 136.

29. Tremblin, T. Thought and Emotion in the Scientific Study of Religion: A Critical Review of Ilkka Pyysiäinen's How Religion Works / T. Tremblin // *Journal of Cognition and Culture*. – 2003. – № 3 (3). – P. 255 – 263.

30. Tremblin, T. Minds and Gods: The Cognitive Foundations of Religion / T. Tremblin. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. – 256 p.

31. Whitehouse, H. Cognitive evolution and religion: explaining recurrent features of religion / H. Whitehouse // *Issues in Ethnology and Anthropology* n. s. – 2008. – № 3 (3). – P. 35 – 47.

УДК 37.0

ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСТВА

Т. Д. Попкова

PHILOSOPHICAL AND IDEOLOGICAL SUBSTANTIATION OF THE CHILDHOOD PROBLEM

T. D. Popkova

В статье обосновывается философско-мировоззренческий подход к изучению детства как социального феномена, раскрывается смысл существования человека и его отношений с окружающей действительностью, исследуется самобытность личности и ее представленность миру в период детства.

Philosophical and ideological approach to the study of childhood as a social phenomenon is substantiated in the article. The meaning of human existence and his relationship with the surrounding reality is revealed. Personal distinctiveness and its representation to the world during childhood are studied.

Ключевые слова: социальная философия, детство, бытие ребенка, мир детства, развитие личности, жизнедеятельность ребенка.

Keywords: social philosophy, childhood, child's existence, world of childhood, personal development, child's vital activity.

Современная социальная философия стремится к многомерному, интегрированному отображению общественных процессов, вводя в сферу своей проблематики самые разные стороны человеческого бытия. В этой связи можно говорить о социальной онтологии как о системе, описывающей динамику и структуру развития общества, а также конкретные формы, реализующиеся в деятельности людей. При таком подходе представления об обществе выступают в качестве обобщенного образа духовно-теоретической и обыденно-практической деятельности индивидуумов, характеризующейся разнообразными способами их самореализации. Человек – это сознательный субъект действия, и включение его в состав сущего бытия позволяет рассмотреть проблемную познаваемости бытия индивида с внутриличностных позиций. В определенном смысле слова человек эквивалентен всему бытию, поэтому рассматривать его вне бытия нелогично: он является «не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат» [15, с. 327], он есть *начало*, через рефлекссию которого возможно понимание всего бытия.

Бытие является *процессом* и *результатом* познания и осознания мира человеком, при этом сознание и бытие соотносятся как внутреннее и внешнее во взаимосвязи явлений психического и материального мира. Бытие человека органически включает в себя отношение человека к собственному бытию, к другим людям, к материальному миру, что позволяет ставить вопрос о специфическом способе существования человека как субъекта познания, самопознания и действия.

Проблемы места человека в мире, его отношения к миру, бытию, другому человеку в их взаимозависимости и взаимообусловленности рассматривал Л. С. Рубинштейн [15, с. 19]. Он исследовал исходное соотношение человека и бытия как «реальную конкретность», «реальное существование» мира. Точку зрения С. Л. Рубинштейна развил А. С. Арсеньев в работе «Философское понимание личности», в которой подчеркивал, что взаимоотношения человека с миром и мира с человеком должны строиться в объективной связи. В качестве важнейшего предмета философии он выделил отношения «Человек – Мир» [1, с. 29], обозначив, та-

ким образом, проблему «о способе существования человека в соотношении его с бытием, сущим вообще» [15, с. 6].

Основанием и началом социогенеза является сложная многоуровневая система взаимоотношений Человека и Мира. В целостной системе представлений «Человек – Мир» на первое место выдвигается человек как интегративно-конструктивная функция созидающего начала [7, с. 28]. Метафизическим центром мира В. Н. Волков [3, с. 26 – 27] считает человека, подчёркивая при этом, что только через отношение «Я – Мир» происходит становление личностного «Я» (свободной воли, жизненной силы и творческой потенции). Личность никогда не сможет развернуться, «если человек не выберет – сознательно и с осознанным моральным решением – собственный путь» [17, с. 193]. Потенция личности обнаруживается в способности человека к осознанию мира. Специфика человеческого способа существования выражена в соотношении самоопределения и определения его личности другими людьми. Характеристикой существования является отражённость, «представленность» индивида в Другом, т. е. под *существованием* понимается участие индивида в процессе жизни [15, с. 5].

В своей работе мы делаем попытку выявить специфику человеческого существования, выраженную полнотой природного, индивидуального и общественного бытия в период детства, раскрывая образ ребёнка во всех его сущностных связях и отношениях, в его самобытии и в представленности Миру.

Одной из главных проблем философии является человек (рассмотренный в отношении к миру, к людям, к самому себе) и его бытие и становление в мире. В данном контексте индивид выступает как социальное существо, жизнь которого обусловлена взаимодействием с другими субъектами. Своим появлением на свет каждый ребёнок продолжает Бытие Человека, внося индивидуальную лепту в эволюционный процесс человечества. Онтологическая парадигма исследования мира детства имеет своей целью постижение многомерного и многоуровневого бытия ребёнка.

Рассматривая детство как исходный период становления будущей личности, представим переход от непроявленного к проявленному, от внутренней формы к внешней в виде онтологической схемы: Ребёнок = / + Бытие (Ребёнок = Бытие – это ребёнок в «самости»; Ребёнок + Бытие – это ребёнок во взаимоотношении с миром).

Бытие есть реальная объективность, в которую погружается родившийся ребёнок. Чтобы понять бытие ребёнка, необходимо исследовать сущностное содержание всей его жизнедеятельности. С этой целью нами были выделены качественные стороны бытия: *пространство и время, движение и форма, возможность и действительность, необходимость и случайность, единичное и общее*, – сферами, проявлениями которых выступают мир людей и предметный мир в их взаимоотношениях.

Рассмотрим каждую из этих позиций применительно к бытию ребенка.

Пространство и время. Пространство и время являются не только важнейшими качественными характеристиками бытия, но и его условиями (деятельности, общения и самореализации) человека. Становление человеческого индивида происходит в непосредственном временном континууме и пространстве. Детство – это определённый хронологический период жизни человека, в течение которого происходят последовательные онтологические изменения, раскрываются потенции, закладывающие фундамент человеческого бытия. Детство как единица жизни человека представляет последовательность этапов взросления (младенчество, детство, отрочество, юность). Характеризуя детство как временной этап, следует выделить его отличительную черту: этот возрастной период имеет преимущественную направленность бытия в стремительно создаваемое будущее. Все природозаложенные (биологические, социальные) задатки, развиваясь, обогащаясь и приумножаясь в повседневной жизнедеятельности, обретают видимые черты потенциальных способностей, качеств, реализуемых возможностей, достигаемых результатов, которые гипотетически обнаруживаются в жизнедеятельности взрослой личности.

«Раскрытие» природы человека в процессе приобретения собственного жизненного опыта происходит в трёх сферах – биологической, социальной и личностной. В первый год жизни ребенка происходит «развёртывание» генерального плана, заложенного в его организм природой: в нем проявляется органическая, половая и социальная принадлежности человеческого существа. Социально-психологические изменения, происходящие в период детства, подтверждают тот факт, что в ребёнке имманентно представлена потенция взрослой личности. Его природно-духовное существо является только условием будущей личности, а не готовым образом (предполагаемый уровень и степень развития человека остаются за пределами его сознания). Условия жизни, социальный статус, способность к усвоению культуры, стремление к самореализации являются для каждого человека индивидуальными.

Становление личности ребёнка осуществляется во взаимодействии параллельно протекающих процессов, которые потенцируют онтологические изменения, расширяющие возможности в освоении им мира: а) развития физиологического и психологического состояний организма; б) освоения социальных ролей и позиций.

На уровне первого процесса происходит познание мира, накопление и апробирование получаемого детьми жизненного опыта, на уровне второго – его формирование и расширение. Способность ребенка осознанно относиться к социальному миру является результатом его успешного развития.

Человеческая личность представляет собой одновременно три системы: организм, социальный индивид, личность. Эти системы закономерно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Интегральная структура *организма* отражена в пространственно-временной системе, поскольку физическое тело че-

ловека не существует вне измерений во времени. Развитие индивидуальных систем организма совершается в филогенезе. Достижения молекулярной биологии продвинули понимание закономерностей эволюции. Исследование Ж. Моно и Ф. Жакоба (1961 г.) явления аллостерии (живая система в ходе своей жизни подчиняется законам неорганической природы и в то же время находится в противоречии с ней) убедительно аргументируется жизнедеятельностью ребёнка. Благодаря активности сознания (когнитивная область), человек способен сохранять, совершенствовать и регулировать свои возможности. Источники противоречия между генотипической предопределённостью и реальным биологическим развитием лежат «в определении индивида как сугубо биологической целостности» [16, с. 125], что определяет принадлежность ребёнка к человеческому роду как исторически развивающейся социальной системе. Каждый индивид социален и имеет в обществе собственный статус. Детство соотносено с особым общественным статусом, который выражается в конкретных возрастных и исторически изменяющихся правах, обязанностях и возможностях ребенка.

Полноценность организма предопределяет функционирование человека как социального *индивида*, что, в свою очередь, является предпосылкой его развития как *личности*. Каждая из систем имеет собственную природу, в которой выстроены разнообразные связи и отношения, определены нормы жизнедеятельности, а также формы активности. Так, например, физиологически целостное и гармоничное развитие организма раскрывается в системе человек – среда, социальная активность индивида – в адаптивности к социальной деятельности, личностное развитие – в потенциальном осуществлении духовных потребностей.

Бытие ребенка осуществляется в пространстве, отражающем качественную организацию его деятельности, общения, связей с окружающей действительностью. «Ребёнок с самого начала своего личностного развития оказывается втянут в метафизическое освоение реальности» [8, с. 142], он осваивает окружающий мир в его природной и социальной многомерности.

Включаясь в общее бытие, ребёнок осваивает мир предметов, которые имеют для него социальную значимость и смысл. Многообразие и глубина смыслов, заключающихся в предметных воплощениях человеческой деятельности, стимулируют познающее сознание ребенка к активной исследовательской практике. Каждая вещь, с которой встречается ребёнок, помимо своего прямого социального назначения, побуждает его к различным видам деятельности и общения. Только при непосредственном контакте ребёнка с предметом, последний «оживает» и становится субъектом совместных действий, «вступает» в связь с другими предметами. Расширяя с помощью предметного мира свои пространственные границы, ребенок исподволь инициирует процесс преобразования близкой к нему окружающей среды. В подобном действии ребёнок начинает вос-

спринимать предметы как носителей социальных качеств, форм и действий.

Сфера социальных отношений может быть представлена в качестве пространственно-временного поля событий, разворачивающихся в жизненном сценарии ребенка по индивидуально-личностной траектории. Последовательно-закономерный процесс вхождения ребенка в социальную среду подразумевает освоение социальных связей в условиях семьи и детского сообщества. Социально детерминированные отношения участников общения выстраиваются по принципу иерархических связей, успешность освоения которых позволяет ребенку адекватно выстраивать коммуникативные связи и переходить на следующую ступень взаимоотношений. «Поведенческие схемы», которые дети используют в своей жизнедеятельности, характеризуют степень «возрастной зрелости»: так, в раннем детстве типичным является подражание или заимствование «готовых» моделей поведения, в старшем – выстраивание собственного стиля поведения, в зависимости от существующих нравственных и этикетных норм.

Социальное пространство, окружающее ребёнка, определяет его реальное развитие как субъекта в сложной иерархической системе отношений с миром. Исследуя объективный характер взаимоотношений ребёнка и мира, следует рассматривать два взаимосвязанных, но качественно различных аспекта – отношения ребёнка к окружающим людям и к своему существованию. Эти данности могут быть рассмотрены нами лишь в качестве потенции будущих индивидуальных проявлений. Выступая в роли активного действующего субъекта, осваивающего и познающего реальный мир, ребёнок активно «конструирует» своё Бытие, собственный мир – Мир Детства, создавая с помощью взрослого среду своей жизни, адаптируясь к различным ситуациям и обстоятельствам. Мир для ребёнка – это то, что он видит, чувствует, воспринимает и осознаёт «здесь и сейчас». Иными словами, познающий ребёнок выступает не только в качестве «приёмника», но и в качестве «источника» собственных знаний и устремлений. Раскрыть понятие «мир детства» как бытия ребенка во времени и пространстве можно только при условии понимания способов его существования.

Развитию отношения «Ребёнок и Мир» присущи собственные специфические особенности, тенденции и закономерности. Рассматривая эту проблему, А. Н. Носов подчёркивает, что специфика детства заключается в отсутствии того, что есть у взрослого [12]. В первые годы жизни ребёнок одновременно осваивает два уровня отношений, которые находятся в стадии потенции (зарождения): «Мир – Я» и «Я – Мир». В первом случае они закладываются в процессах освоения предметного мира и мира взаимоотношений между людьми, когда в сознании ребёнка создаются, а затем осуществляются на практике разнообразные способы общения с миром. Во втором случае в систему отношений включаются представления ребёнка о внешнем мире, получаемые им путём накопления жизненного опыта, а также его ценностное отношение к миру. Во взаимосвязи этих

двух процессов постепенно возникает «смысловая наполненность» собственного бытия, выстраивается биографическая линия способа существования (начало самореализации), «запускается» программа саморазвития. На протяжении всей последующей жизни «первичное осознание» себя и мира останется у человека имманентным.

Как особый социальный феномен детство анализируется через призму истории человечества. Ребёнок является *субъектом истории*, органично включённым в конкретное временное пространство, создающим, переживающим историю и реализующим себя в этом процессе.

Каждый ребёнок обладает универсальной возможностью открытия первоначала своего бытия, созидания своего мира в пространстве-времени. Ребёнок бытийствует по принципу «умудрённого неведения» (С. Л. Франк), то есть сам творит себя и свой мир.

Движение и форма. С самого начала социогенеза назначение ребенка выражено в реализации себя как универсального существа. Поэтому все фазы и периоды онтогенеза, антропогенеза и филогенеза следует рассматривать как практическое воплощение данной цели. «Развитие ребёнка – продукт совокупного действия многих сил: биологического и культурного начал, переплетения мыслей и чувств, синтеза внутренних побуждений и внешних воздействий» [9, с. 15.] Восхождение ребёнка в личность протекает через разрешение метафизических вопросов «Кто Я?», «Откуда Я появился?», «Кто и зачем создал Мир?» и т. п. Диалектика раскрытия человеческого существа как личности лежит в его духовно-психологической сущности.

Первый этап жизни ребёнка характеризуется процессом *интериоризации* – освоения и присвоения им существующих в окружающем пространстве знаний. Основным импульсом развития выступает *когнитивная сфера (направленность к Миру)*.

Второй этап личностного развития – *индивидуализация*, т. е. процесс выделения себя и других людей, осуществляемый в непрерывном диалоге с миром (*направленность на себя – к «Я»*).

Третий – открытие другого человека и его права на *равнозначное существование* рядом с ним. Подрастающий малыш впервые начинает осознавать своё «место» в семье и в коллективе сверстников, в жизненном пространстве. Он вынужден выстраивать и перестраивать свои отношения с окружающими людьми (*направленность к взаимодействию «Я» и «Мир»*).

Четвертый этап – личностное обособление – осознание «Я» и «не Я» – переосмысление места в раздвигающем свои границы мире, поиск и освоение различных способов самоопределения, осознание меры личной ответственности за собственные действия, поступки, поведение (*направленность «Я» – «Мир» – «Я»*).

В чередовании интересов ребёнка, направленных то на самого себя, то на мир, усматривается стремление человеческой природы к равновесию. Протекание процессов личностного развития харак-

теризуется на каждом этапе интенсивным ритмом, динамикой, которые представляют собой основу любой жизнеорганизации. Смещение акцента с формальной организации на качественно иной уровень сознания (обладание комплексом информационно-энергетического управления) связано с определением ребёнком своего места в мире и означает переход потенциальной личности к творческому, созидательному отношению и окружающему миру. Внутрличностные процессы развития ребёнка проектируются на его активную преобразовательную деятельность, направленную на самого себя.

Решающим фактором, характеризующим качество организации детства, является активная жизненная позиция ребёнка, отражающаяся в установлении диалогических отношений с миром, которая выступает объективным условием и началом эволюции собственной личности. Вступая в непосредственный контакт с миром, ребенок учится выражать уровень своей «социальности» в различных формах (межличностной, групповой, индивидуальной) и типах взаимоотношений (партнерство, конкуренция, сотрудничество), характер которых обнаруживается в оценочных критериях – внутренних (самооценка) и внешних (нравственная оценка).

С момента рождения ребёнок живёт в расширяющейся вселенной. Мир неумолимо побуждает его к освоению новых способов адаптации, ориентирования и регуляции. Так происходит соотнесение событий внешнего и внутреннего мира и их преобразование в сознании, что составляет содержание актов взаимодействия ребёнка с окружающим миром. Л. С. Выготский назвал этот процесс созидания *интериоризацией*, результатом которой выступает человеческая психика, его внутренний мир и интроспихика (Е. Грабер), которая, возникнув, приобретает свойство саморазвития. Между внешней и внутренней деятельностью постоянно наблюдаются взаимопроникновения, что позволяет рассматривать понятия *интериоризации* и *экстериоризации* как равнозначные [6, с. 51]. Действия ребёнка отражают способ реализации его личностного потенциала: «Истинное бытие человека есть его действие; в нём индивидуальность действительна» (Гегель).

Возможность и действительность. Характерной чертой детского образа жизни можно назвать *эвристическую направленность* всех сознательных и душевных сил личности. Заметим, что бытие взрослого человека, как и бытие ребёнка, представляет собой сложно иерархическую систему приращения жизненного опыта; при этом у ребенка появляется полноценное удовлетворение от познания нового, а у взрослого это чувство отмечается крайне редко. Действительность выступает для ребенка безграничным полем деятельности, реальной возможностью апробирования и испытания собственных достижений в познании себя и мира, обусловленных опытом «проб и ошибок».

В детский период «раскрытия образа» человека происходит *смена типов развития*. До трёх лет базовой реальностью является *телесность*, с трёх до семи лет – *сознание*. Эта хронологическая последователь-

ность является природозаложенной, так как сознание не может развиваться без активной работы тела (организма) индивида. Недопустимо и игнорирование телесного развития в период созревания интеллекта. Онтогенез ребёнка отражает историческую природу становления человека как «разумного вида».

Детство является сложной временной самоорганизацией бытия, в период которого природно-потенциальная энергия начинает реализовываться в действительности. Зрелость человеческого существования предполагает в проекции бытия смешанный тип развития и подразумевает осознанный подход человека к актуализации той или иной области совершенствования собственной индивидуальности (интеллекта, физических данных, духовного роста и т. п.).

В качестве примера вариативной возможности личностного развития априори выступает *множественность талантов*. Различные способности и задатки, заложенные природой, проявляются у ребёнка в зависимости от индивидуальных условий его жизни (биографического фактора). Понятие «детскость», как отмечает Р. М. Чумичева, включает в себя идеальный смысл одарённости, интуиции, творческой активности [14]. Непрерывное «исследование» своих возможностей, сопровождаемое частой сменой интересов к различным видам деятельности, помогает ребёнку самореализовываться в окружающей среде, способствует выявлению и апробированию его индивидуальных природных задатков, определяемых как «устойчивые» способности. Деятельность взрослого человека, в отличие от деятельности ребенка, при освоении каких-либо новых форм самопознания достаточно консервативна и избирательна; его интересы, как правило, ограничиваются привычными сферами самореализации, а потребность в раскрытии каких-либо дополнительных способностей (не обнаруженных ранее) слабо мотивирована или вообще не востребована.

Характерной особенностью процесса формирования представлений ребенка о мире можно считать его *способность «впитывать» всю внешнюю информацию* – в отличие от взрослого, имеющего уже выработанный «избирательный иммунитет». Увеличение объема усваиваемой информации повышает уровень саморазвития ребёнка, что способствует зарождению собственной позиции по отношению к познаваемому и осваиваемому им окружающему миру. Особо важным «приращением» жизненного опыта служит качественное изменение роли взрослых в деятельности ребенка – от *посредника* к *соучастнику*, что позволяет перейти от патронатной модели взаимодействия (ведущий взрослый – ведомый ребенок) к модели партнерства (равноправие, самостоятельность обеих сторон). В качестве наиболее яркой специфической способности развивающегося сознания ребёнка, на наш взгляд, можно выделить его «всеохватность» – неограниченную возможность «присваивать» себе всю совокупность знаний об окружающем мире. Субстраты полученных знаний служат «питательной средой» для создания субъективно-объективного образа мира.

Необходимость и случайность. В процессе развития личности ребенка проявляется ряд тенденций и закономерностей, которые следует рассматривать как специфические характеристики детства (отличающие от других возрастных периодов жизни человека), которые находятся в противоречии между природозаложенной необходимостью и жизненной ситуативностью (случайностью).

Специфические тенденции. В реальном бытии ребёнка обнаруживаются виртуальные компоненты, которые закономерно возникают, а в дальнейшем сопровождают события его жизни и влияют на дальнейшее развитие личностной индивидуальности. Рассмотрим их подробнее.

Спонтанность – непредсказуемость и мобильность, готовность к неожиданной смене настроения, чувств, эмоций, различных видов деятельности, чередованию активности и пассивности, – характеризует отличительную особенность бытия ребёнка. Это качество активно продуцирует когнитивные задатки детской личности, способствует проявлению эмпирических потребностей, расширяет область межличностной коммуникации. Спонтанность развивает в ребёнке способность к самостоятельным действиям, потенцирует воображение и фантазию, обогащает житейский опыт. Сама жизнь побуждает к незамедлительной реакции на происходящие извне ситуации, вырабатывая в ребёнке адаптивные способности к самосохранению. По мнению С. Л. Франка, бытие человека и есть полностью и всецело спонтанность.

Непривыкаемость – повторяемое событие, которое каждый раз переживается детьми как новое. В повседневной жизни детей чаще всего эта тенденция проявляется в ситуациях, сопровождаемых яркими эмоциональными реакциями как положительного, так и отрицательного типа: например, при посещении зубного врача, ожидании подарка-сюрприза, встрече с любимой игрушкой, сказочным персонажем, в процессе наблюдения за миром живых существ, природными явлениями и т. д.

Непосредственное, эмоционально яркое восприятие и реакция ребёнка на каждое происходящее событие нередко взрослыми определяется как проявление наивности. Однако для ребенка подобное «ощущение жизни» является необходимым компонентом развития эмоциональной сферы. «Младенец, как и мудрец, живёт в вечном сейчас» [10, с. 43]. На наш взгляд, непривыкаемость относится к роду явлений, отражающих архаическую природу доверительных отношений, возникающих между человеком и миром. Умение искренне радоваться, удивляться, сопереживать, оказывать поддержку и помощь и т. п. свидетельствует о сохранении в душе человека «свежести» восприятия (иногда это качество трактуют как эпатаж и инфантильность чувств: примером его может служить отношение общества к князю Мышкину в «Идиоте» Ф. М. Достоевского).

Фрагментарность восприятия – выделение части события, которое в представлении детей является наиболее значительным; осознание «самостоятельности» отдельных частей своего тела. В

первом случае дети запоминают *эпизод* (фрагмент, живую «картинку», образ), наиболее значимый для них в определённый момент, подкреплённый при этом яркими эмоциональными впечатлениями. Примером может служить тот факт, что каждый взрослый человек имеет в арсенале своей памяти отдельные фрагменты событий, «застывшие кадры», зрительные образы, фразы или даже «следы» запахов, звуков (мелодий), которые мгновенно восстаивают ассоциативный ряд давно прошедшей жизненной ситуации. Во втором случае происходит *апелляция* ребёнка к фрагментарному восприятию собственного тела, выражаемому в рациональном объяснении или в оправдании собственных действий и поступков. Взрослым знакома ситуация, когда на вопрос «Кто разбил чашку?» ребёнок отвечает, что это «сделал не он, а его рука»; на вопрос «Почему у тебя разбиты колени?» – «потому, что ноги бежали, не видя дороги» и т. п. Способность интеллекта выделять из общего частное развивает «мозаичное» восприятие действительности: так закладывается способность к дифференциации – видению частей целого как органической системы. Мир в этом случае выступает как гармоничная совокупность единичностей.

Объективность – бытие в реальности. В жизни ребёнка объективность выражается способностью объяснения каких-либо событий (действий) с позиции постороннего. Правдивость и независимость суждений ребёнка нередко приводят в замешательство взрослых. Дети достаточно часто прибегают к такому способу изображения ситуаций. Наглядно иллюстрирующим примером этого является следующая зарисовка: девочка ночью упала с постели. Утром она рассуждает: «Просыпаюсь, смотрю, – а меня на кровати нет. Ну, думаю, значит, я упала». В подобных моментах прослеживается рефлексивная деятельность человеческого сознания, обозначающая границы между «внутренним Я» и «внешним Я», характеризующая процесс формирования самовосприятия, самоосознания, самоотношения ребёнка к своему существованию и к окружающим, который также является необходимым звеном в развитии личностного начала.

Специфические закономерности. Становление личности ребенка – это пролонгированный во времени результат раскрытия природных потенций, динамика и интенсивность протекания которого выражена хронологической плотностью виртуальных компонентов развития.

Мир для ребёнка является удвоенным. Внешний (материальный) мир существует благодаря способности ребёнка познавать окружающее пространство с помощью визуального, аудиального и кинестетического каналов восприятия; при этом в качестве «проводников» выступают предметы, живые существа, звуки, запахи, прикосновения, ощущения и т. п. Внутренний (психический) мир существует «как представление, как образ, не требующий для своего существования постоянного контакта с внешним миром» [4, с. 57]. Этот мир относительно самостоятелен, субъективен и нередко независим от

внешних коллизий. Примером удвоения реальности может служить специфика восприятия ребенком *телесности* («моё тело и тела других людей»), *сознания* («я думаю не так, как другой»), *идентичности* (половое и социально-ролевое самосознание), *индивидуальности* («я не такой, как другие»), *потребностей* («мои желания могут не совпадать с потребностями других»), *автономности* (независимость внутреннего и полнотелости от внешнего окружения). Как только у ребёнка появляется осознанное отношение к собственному внутреннему миру (его отделение от внешнего мира), психика поднимается на новую ступень развития. По-видимому, с этого момента человек начинает отсчет памяти о себе самом («Когда я был маленьким...», «Первое, что я помню...» и т. п.). Осознание двойственности мира в едином поле действительности возникает у каждого ребёнка в субъективно опосредованном времени.

Изменение статуса телесности – воображаемое обретение другой телесности. Практически каждый ребенок обладает способностью к мгновенному перевоплощению в образ иной телесности (насекомого, птицы, животного, любимого сказочного персонажа), при этом выразительно психологизируя и вербализируя своё новое состояние. Наблюдая за деятельностью детей в повседневной жизни, мы заметили, что они способны идентифицировать *свою* телесность с телесным *образом* другого без особых усилий. Широко известна любимая детская игра – «Покружись, повертись и в (кого-то)... превратись». Таким образом, человеческая телесность, начиная с раннего возраста, является носителем и средством выражения «сверхтелесного содержания человеческого духовного «я» [5, с. 19], проявляющаяся в способности воспринимать, передавать и использовать информацию в процессах самоорганизации. Подобное качество человеческого сознания пробуждает в ребёнке разнообразные творческие (артистические) способности.

Ярким примером образного удвоенного восприятия мира и способности виртуально трансформировать собственную телесность может служить специфика детского мироприятия – мифологическое сознание, формирование которого является закономерным этапом развития мышления.

Изменение статуса личности происходит в хронологической зависимости от темпа общего развития и проявляется тогда, когда в сознании ребёнка включается механизм «переоценки» себя и своих возможностей. Впервые так называемые «скачкообразные» изменения статуса можно заметить в момент смены способов перемещения в пространстве (ползание – ходьба), освоения навыков самообслуживания. При этом ребенок настойчиво проявляет самостоятельность и относительную независимость. У детей, как правило, отсутствуют сомнения в неуклонности своих действий, однако неадекватная реакция взрослых на их «само-деятельность» (недоверие, т. е. попытка выполнить что-либо за ребёнка, опасение за неосторожные движения и т. п.) впоследствии может негативно отразиться на развитии самооценки, самореализации ребёнка как личности. Закономерный,

гармоничный переход от одного личностного статуса к другому помогает детям безболезненно осваивать различные социальные роли, способствует наиболее естественной их социализации.

Виртуальные свойства проявляются на протяжении всего процесса развития личности ребёнка, способствуя созданию индивидуального ансамбля личностных качеств. В каждом конкретном случае обозначенные нами составляющие бытия ребёнка протекают с различной интенсивностью, окрашиваются различными эмоционально-чувственными состояниями, зависящими не только от внешних раздражителей, но и от реакции на них, а также адресно выраженного отношения к происходящим событиям.

Единичное и общее. С момента рождения ребёнок включается в закономерный процесс бытия, обусловленный общественно-исторической и культурной средой существования, трансляторами которой являются окружающие его люди, и создает на этой основе собственную линию жизни. Во взаимодействии взрослых и детей и рождаются потребность в освоении речи, языка, овладении правилами поведения, общения и морали. Осваивая на собственном опыте нормы социальной жизнедеятельности, ребёнок выстраивает свое бытие. «Сущность человеческой личности находит своё завершающее выражение в том, что она не только развивается как всякий организм, но и имеет свою историю» [15, с. 641].

Проблема развития личности ребенка находится в плоскости понимания её социально-исторической индивидуальности. С. С. Батенин, раскрывая этот вопрос, выявил факт существования взаимосвязанных процессов – расширения и углубления социальных связей между людьми, развития индивидуального многообразия человеческих способностей, роста социальной значимости личности, выделения её автономности [2, с. 129]. Перечисленные компоненты в своей совокупности представляют природное ядро человека как родового существа.

Интеграция ребёнка во взрослое сообщество осуществляется путём освоения детьми различных форм общественной деятельности, которая является исторически необходимым условием его развития в пространстве культуры и времени. Бытие ребенка включено в коллективную жизнь людей, протекающую в конкретной исторической эпохе и имеющую конкретные временные границы. Человеческое дитя – изначально общественное существо. Его социальность выражена прежде всего в стремлении жить общей жизнью с взрослыми людьми. Как бы ребёнок ни обособлялся в своей автономности, он практически постоянно находится в рамках конкретного социального целого. Социальная природа человека потенцирует стремление к включению в общность – с одной стороны, и индивидуальному выделению себя из этого социума – с другой. Чувство принадлежности к определённой общности выполняет важные социальные и психологические функции (например конформность оказывается формой групповой защищенности), которые способствуют выработке критериев оценки и самооценки формируемой личности. Общее видение природы детства, соци-

ально-исторического пространства (условий, среды, окружения, системы межличностных отношений, совокупно определяющих развитие ребёнка) раскрывает субстанциональную сущность будущей личности.

В процессе эмпирического освоения ребёнком окружающего мира (познания, накопления, апробирования знания и, как результат, – формирования личного опыта) в его сознании формируется собственная картина мира, благодаря которой он ориентируется в социальном пространстве. Выступая органической частью бытия, ребёнок в процессе индивидуального развития познаёт и эстетически переживает мир в конкретной социокультурной среде; при этом «социальность входит в интимное содержание личности» [11, с. 242]. В основе познавательных отношений ребёнка к миру лежат его практические действия, опосредованные отношением к окружающему пространству и к людям – именно таким образом ребёнок деятельностно самоутверждается в мире. Базовой основой становления личности ребёнка является субъективный опыт, т. е. способ бытия.

Целостное осмысление детства как этапа становления и развития бытия человека предполагает нахождение таких измерений, которые определяют качественные характеристики потенций будущей взрослой личности.

Это позволяет сделать вывод, что ребёнок является:

- участником историко-эволюционного процесса, обладающим возможностью выбора жизненного пути, в ходе которого осуществляется изменение окружающей его природы, общества и самого себя (функция «личность в обществе»);

- носителем особого человеческого качества, приобретённого им в процессе совместной деятельности с окружающими его людьми, в межличностном ансамблевом общении (функция «личность в коллективе»);

- целостным системно-смысловым образом, создаваемым в процессе усвоения культурных ценностей (функция «личность в самости»).

Философское понимание предназначения детского периода – это осознание первоначальных целей и смысла бытия человека. Ребёнок как «потенция» взрослой личности подчинён всеобщим закономерностям развития; однако подобные вопросы нередко игнорируются современной наукой. Философско-мировоззренческие проблемы становления личности, её ценностного существования в детский период развития требуют глубоких теоретических исследований.

Литература

1. Арсеньев, А. С. Философские основания понимания личности: цикл популярных лекций-очерков с приложениями [Текст]: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений / А. С. Арсеньев. – М.: Академия, 2001. – 592 с.
2. Батенин, С. С. Человек в его истории [Текст] / С. С. Батенин. – Л., 1976. – 295 с.

3. Волков, В. Н. Онтология личности [Текст] / В. Н. Волков. – Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2001. – 378 с.
4. Грабер, Е. Ребёнок от рождения до школы [Текст] / Е. Грабер. – М.: Школьная пресса, 2001. – 112 с.
5. Иванов, А. В. К проблеме онтологического статуса явленного сознания [Текст] / А. В. Иванов // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2002. – № 2. – С. 15 – 29.
6. Иванов, С. П. Мир личности: контуры и реальность [Текст] / С. П. Иванов. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – 160 с.
7. Кайдалов, В. А. О философско-антропологическом обосновании педагогической теории / Человеческое в человеке: фундаментальные категории современного образования [Текст] / В. А. Кайдалов // Философия модернизации российского образования: сб. статей межрегиональной научной конференции. 16 – 17 апреля 2003 г., г. Пермь, ПОИПКРО. – Пермь: ПОИПКРО, 2004. – 84 с.
8. Керимов, В. Е. Хрестоматия по социальной философии [Текст] / В. Е. Керимов, Т. Х. Керимов. – М.: Академический проект, 2001. – 576 с.
9. Крайг, Г. Психология развития [Текст] / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2000.
10. Ледлофф, Ж. Как вырастить ребёнка счастливым. Принцип преемственности [Текст] / Ж. Ледлофф. – М.: Генезис, 2003. – 207 с.
11. Москаленко, А. Т. Личность как предмет философского познания. Философская теория личности и её психологические и биологические основания [Текст] / А. Т. Москаленко, В. Ф. Сержантов. – Новосибирск: Наука, 1984. – 320 с.
12. Носов, Н. А. Виртуальная психология [Текст] / Н. А. Носов // Труды лаборатории виртуалистики. – Вып. 6. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
13. Носов, Н. А. Виртуальный человек: очерки по виртуальной психологии детства [Текст] / Н. А. Носов. – М.: Магистр, 1997. – 192 с.
14. Ребёнок в мире культуры [Текст] / под общ. ред. Р. М. Чумичёвой. – Ставрополь: Ставрополь-сервисшкола, 1998. – 558 с.
15. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – 2-е изд. – М.: Наука, 1976. – 459 с.
16. Спиркин, А. Г. Философия [Текст]: учебник / А. Г. Спиркин. – М.: Гардарики, 2000. – 816 с.
17. Юнг, К. Конфликты детской души [Текст] / К. Юнг. – М.: Педагогика, 1995. – 274 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 338.24:330.15

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЕГО ЭКОЛОГИЗАЦИИ

А. С. Карелов, И. С. Белик

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF PRODUCTION IN TERMS OF ITS ECOLOGIZATION

A. S. Karelov, I. S. Belik

Исследования проводились при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ № 11-32-00215a1).

В статье исследуются вопросы оценки эффективности производства в контексте процесса его экологизации, анализируются экономические выгоды от признания знака «экологически чистое производство» нематериальным активом компании, рассматривается модель оценки эффективности экологически чистого производства

The article examines questions assessing the efficiency of production in the context of its green, and analyzes the economic benefits of recognition of the mark «cleaner production» intangible asset of the company, also a model of evaluating the effectiveness of cleaner production is considered.

Ключевые слова: эффективность производства, экологически чистое производство, нематериальные активы

Keywords: efficiency of production, «cleaner production», intangible asset of the company.

Рассматривая экономическую эффективность как результативность экономической системы, выраженную соотношением полезных конечных результатов функционирования и затраченных ресурсов, важно иметь в виду ее формирование как интегрального показателя на *разных* уровнях системы. Так, на макроуровне эффективность системы оценивается степенью удовлетворения *конечных* потребностей (материальные, социальные, качество жизни)

общества, на микроуровне – отношением полезного результата к затратам факторов производственного процесса. В последнем случае на уровне промышленных компаний факторы производственного процесса охватываются не в полном объеме, что происходит по причине не включения в эту категорию экологического и социального факторов. В итоге оценка экономической эффективности не отвечает

критерию «степень удовлетворения конечных потребностей общества».

В этой связи задача полной оценки величины экономических выгод и затрат при определении экономической эффективности системы на микро-

уровне требует своего дальнейшего исследования и еще более усложняется в условиях изменения направлений развития технико-технологической основы производства в процессе экологизации (рис. 1).

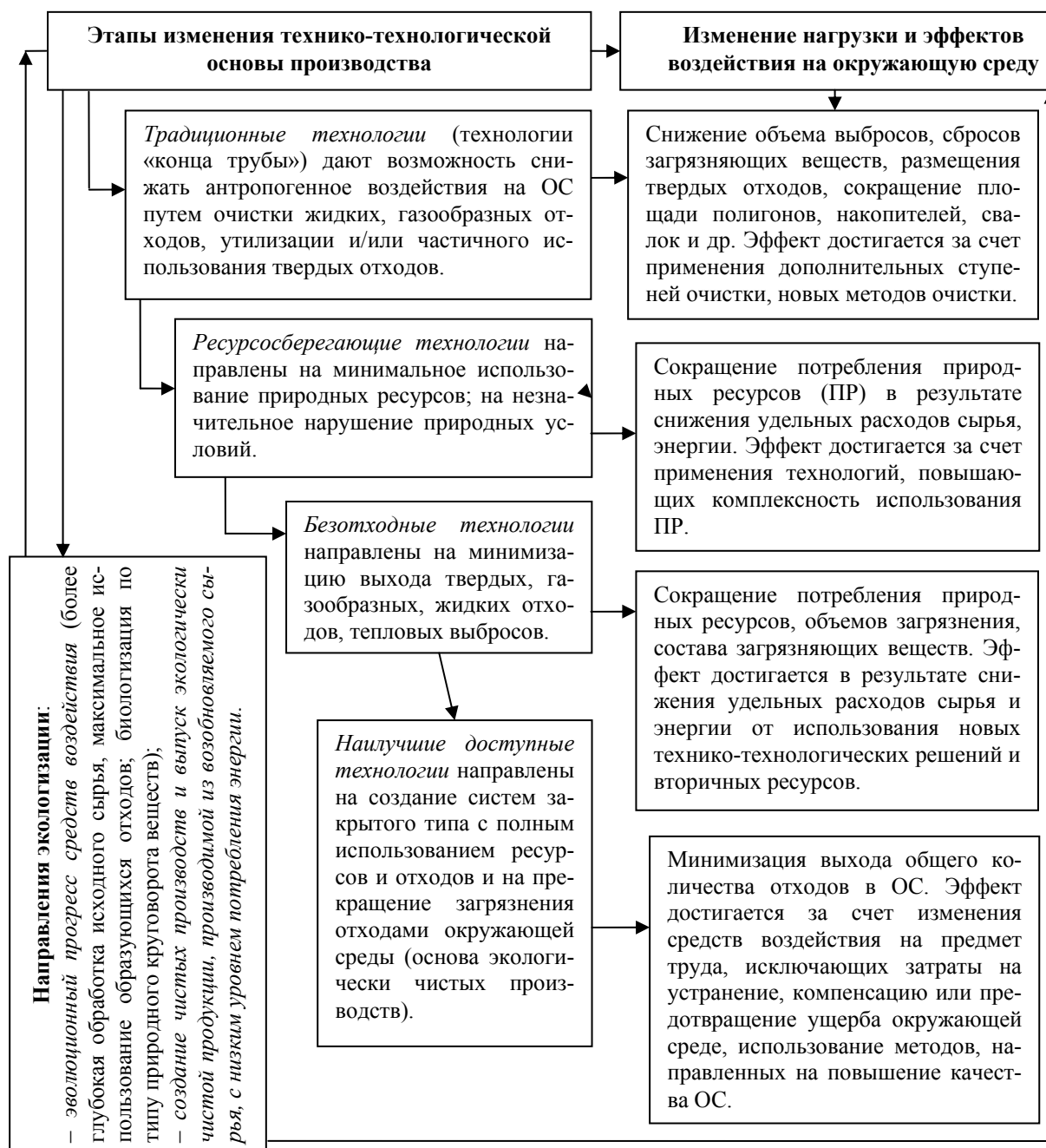

Рис. 1. Совершенствование технико-технологической основы производства в процессе его экологизации

Важнейшим моментом в оценке эффективности системы является установление величины абсолютного результата (эффекта). В настоящее время методологический подход к оценке выгод и затрат при определении эффекта предусматривает полный учет всех его элементов и соблюдение принципа альтернативности затрат. Однако проблема расчета его величины, в зависимости от уровня экономической системы и полноты включения всех элементов ре-

зультатов и затрат, в методическом отношении остается достаточно сложной и до конца не решенной. Поэтому исследование всего комплекса факторов, определяющих размер эффекта и последствий их изменения по цепочке «ресурсы – производство – потребление», включая социальную и экологическую составляющие, дает возможность расширить источники образования эффекта, повысить объективность его оценки.

В статье проблема исследуется на основе анализа процесса совершенствования системы оценки эффективности производства, вследствие изменения технико-технологической основы производства, и определения возможности ее включения в систему стратегического выбора направления развития компании (предприятий). С этой целью проанализирована последовательность этапов процесса экологизации производства (рис. 1) и соответствующих изменений нагрузки на окружающую среду (ОС), выделены особенности в определении эффектов воздействия на ОС.

Пошаговое определение экономической оценки результатов изменения нагрузки на ОС в разрезе этапов процесса экологизации производства расширяет возможности сравнительного анализа подходов к определению экономической эффективности производства и учету экологических и социальных элементов выгод и затрат. Так, традиционные технологии прошлого столетия (технологии «конца трубы») позволяли снижать антропогенное воздействие на ОС посредством устройств дополнительной очистки жидких, газообразных отходов, утилизации или частичного использования твердых отходов. Вследствие этого, при выборе технологий производства (добычи, обогащения, переработки) в условиях паритетности экономических показателей предпочтение отдавалось технологиям, которые при увеличении мощности (или пропускной способности) позволяли подключать или наращивать систему очистки отходов производства.

Народнохозяйственный эффект от применения этих технологий складывался без учета экономического эффекта от изменения вредного воздействия на окружающую среду жидких, твердых, газообразных отходов производства. Оценка эффективности производства, эксплуатирующего эти технологии, также осуществлялась без учета экологического фактора. В этой связи осуществляемые предприятием меры по снижению выбросов, сбросов загрязняющих веществ, размещению отходов в ОС, реализовывались по программе мероприятий по охране окружающей среды, что практически не влияло на стратегические решения по его технико-технологическому развитию.

Показателями, характеризующими интенсивность процессов сокращения массы выбросов, сбросов загрязняющих веществ (ЗВ) в атмосферу, в поверхностные воды, служили «степень очистки выбросов (сбросов) загрязняющих веществ». Суть которых заключалась в определении доли объема уловленных (очищенных) в процессе очистки выбросов (сбросов) в общей массе, образовавшихся в производственном процессе. Величина показателя определялась по выражению:

$$J_{\text{а}} = \frac{\sum_{i=1}^m V_i^{\text{о}}}{\sum_{i=1}^n V_i^{\text{в}}}, \quad (1)$$

где $J_{\text{а}}$ – степень очистки выбросов (сбросов) загрязняющих веществ в атмосферу (поверхностные воды);

$V_i^{\text{у}}$ – уловленный (очищенный) в течение года в процессе очистки объем (масса) i -го вида загрязняющего вещества, $\text{м}^3(\text{т})$;

$V_i^{\text{в}}$ – общий объем (масса) i -го вида загрязняющего вещества, содержащегося в образовавшихся в процессе производства выбросах, $\text{м}^3(\text{т})$;

m – число уловленных компонентов ЗВ, содержащихся в выбросах (сбросах);

n – перечень всех компонентов ЗВ, содержащихся в выбросах (сбросах).

Численное значение показателя изменялось в границах от 0 до 1: чем больше значение $J_{\text{а}}$, тем выше степень очистки выбросов, сбросов ЗВ.

Экономическая эффективность производства определялась отношением полезного результата (экономия затрат или прирост прибыли) к затратам производственного процесса.

В тот период времени деятельность компаний по предотвращению загрязнений на первых порах была результативной, однако ограничения, по возможности, сокращения потребления воды, ресурсов, рост затрат на повышение степени очистки по текущим процессам в итоге привели к неэффективности данного направления.

В конце второй половины прошлого столетия, наряду с традиционными технологиями, получили импульс к развитию ресурсосберегающие технологии, направленные на минимальное использование природных ресурсов. На той стадии технологического развития задача достигалась, в первую очередь, за счет комплексного использования сырья.

Показатель, характеризующий общую эффективность производства, основанного на комплексном использовании сырья ($\mathcal{E}_{\text{а}}$), определялся согласно следующему выражению [1]:

$$\mathcal{E}_{\text{а}} = \frac{\sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i}{Z_n}, \quad (2)$$

где Z_n – полные затраты на осуществление комплексного использования сырья;

$\sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i$ – сумма всех эффектов комплексного использования сырья (формула 2) рассчитывалась по

следующей формуле:

$$\sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i = \mathcal{E}_1 + \mathcal{E}_2 + \mathcal{E}_3 + \mathcal{E}_4,$$

где $\mathcal{E}_1$ – эффект производства продукции (увеличение объемов производства и реализации целевого продукта и сопутствующих видов продукции при повышении степени извлечения из сырья основного компонента);

$\mathcal{E}_2$ – экономия затрат на разведку и добычу сырья;

$\mathcal{E}_3$ – эффект совершенствования структуры отраслевого производства;

$\mathcal{E}_4$ – экономический эффект от сокращения вредного воздействия на ОС отходов производства при комплексном использовании сырья.

Из формы построения показателя эффективности ресурсосберегающих технологий следует, что в расчетах учитывается экономический эффект от сокращения вредного воздействия на ОС. По мнению авторов методики, он складывается от:

– сокращения объема экологического ущерба, вызываемого уменьшением массы образующихся и складированных отходов, вследствие повышения степени извлечения целевого полезного вещества;

– снижения объема экологического ущерба, обусловленного сокращением массы образования и складирования отходов в результате повышения комплексности использования многокомпонентного сырья и последующего применения для производства сопутствующих видов продукции за счет дополнительно извлекаемых полезных компонентов.

Дальнейшее развитие и расширение производственного применения образующихся жидких, газообразных, твердых отходов путем организации новых технологических процессов (так называемое «удлинение технологической цепочки») и выпуска на этой основе других видов товарной продукции способствовало формированию такого направления, как безотходное производство.

Рис. 2. Основные направления и система факторов формирования безотходных производств

Развитие процессов использования отходов производства (рис. 2) привело к образованию положительных социально-экономических и экологических результатов [2]:

- увеличению объемов реализации за счет производства и продаж продукции из образующихся отходов и прямой продажи отходов на сторону;

- формированию предотвращенного экологического ущерба за счет использования части образующихся отходов для производства и реализации сопутствующих видов продукции и уменьшению объемов накопления тех видов отходов, которые реализовывались;

- снижению рисков здоровью населения от улучшения качества окружающей среды и др.

Совершенствование очистных систем по улавливанию выбросов и повышение безопасности их эксплуатации (рис. 2) обеспечивали получение и дальнейшее использование в производстве и/или реализацию на сторону ценных компонентов из газообразных и пылеобразных выбросов, сокращению числа аварийных ситуаций. Вследствие этого, повышался объем продаж продукции, в том числе за счет реализации видов продукции, полученной из отходящих газов, снижалась эмиссия загрязняющих веществ в окружающую среду и др.

Достигнутый уровень вовлечения в хозяйственный оборот вторичного сырья в масштабах народного хозяйства оценивался обобщающим показателем степени использования отходов ($J_{ИО}^{HX}$), который рассчитывался следующим образом [3]:

$$J_{ИО}^{HX} = \frac{\sum D_i^H}{\sum D_i},$$

где $\sum D_i, \sum D_i^H$ – объем образования и объем использования i -го вида отходов в целом по народному хозяйству соответственно.

Показатель давал обобщенную оценку степени использования отходов как по номенклатуре, так и по объему, но не отражал количественной характеристики величины сокращения поступления загрязняющих веществ в окружающую среду.

Обобщающая оценка экономической эффективности безотходного производства ($V_{ЭО}$, [2]) определялась отношением эффекта, полученного в результате использования отходов ($\mathcal{E}_{HX}^O$) к сумме приведенных затрат на вовлечение отходов в производственный оборот ($\mathcal{Z}_{HX}^O$) и рассматривалась как:

$$V_{ЭО} = \frac{\mathcal{E}_{HX}^O}{\mathcal{Z}_{HX}^O}. \quad (3)$$

Полный эффект от применения отходов ($\mathcal{E}_{HX}^O$) включал:

- экономический эффект, обеспеченный использованием отходов в местах их образования ($\mathcal{E}_{XP}$);

- эколого-экономический эффект, образующийся вследствие применения отходов и сокращения на этой основе величины ущерба, наносимого окружающей среде ($\mathcal{E}_3$);

- эффект, получаемый в отраслях, потребляющих отходы и произведенную с их применением продукцию ($\mathcal{E}_П$);

В составе полного эффекта, полученного в результате использования отходов ($\mathcal{E}_{HX}^O$, формула 3), величина эколого-экономического эффекта в стоимостном выражении определялась по формуле:

$$\mathcal{E}_3 = \sum_i (Q_i^P + Q_i^H) * V_i + \sum_i (Q_i^P + Q_i^H) * P_i * (C_3 + \mathcal{Z}_P),$$

где Q_i^P, Q_i^H – объем реализованных на сторону и использованных в производстве продукции j отходов, усл. т;

V_i – ущерб, наносимый всем элементам окружающей среды и всем ее реципиентам поступившими отходами i -го вида в расчете на 1т отходов, руб/усл. т;

P_i – площадь территории, используемой для хранения 1т i -го вида отходов;

C_3 – экономическая оценка 1 га земли, определяемая по нормативам затрат на возмещение потерь сельскохозяйственного производства, руб.;

$\mathcal{Z}_P$ – затраты на рекультивацию 1га земельной площади, руб.

Эффект, получаемый в отраслях, потребляющих отходы и производящих с их применением продукцию, в стоимостном выражении рассчитывался в виде суммы:

$$\mathcal{E}_П = \sum_i Q_i^P \mathcal{E}_i + \sum_j V_j^1 \mathcal{E}_j + \sum_j V_j^2 \mathcal{E}_j S_j,$$

где $\mathcal{E}_i, \mathcal{E}_j$ – эффект от применения в потребляющих отраслях 1т i -го вида отходов для производства 1т j -й продукции, выпущенной из отходов, руб.

Размер эффекта, образующегося в сопряженных отраслях за счет использования отходов, рассчитывается по формуле:

$$\mathcal{E}_C = \sum_k \Delta Q_k^e \mathcal{Z}_k + \sum_k \Delta Q_k^H \mathcal{E}_k,$$

где ΔQ_k^e – сокращение объема потребления k -го вида первичного ресурса, высвобожденного за счет применения заменяющих его отходов, тыс. т;

$\mathcal{Z}_k$ – затраты на добычу, обогащение, переработку и транспортировку 1т k -го вида первичного ресурса;

ΔQ_k^H – прирост объема потребления в других отраслях k -го вида первичного ресурса, высвобожденного заменившим его отходом, тыс. т;

$\mathcal{E}_k$ – эффект от применения в других отраслях 1т k -го первичного ресурса, высвобождаемого за счет использования отходов.

По полноте учета результатов и затрат обобщающую оценку $V_{ЭО}$ можно характеризовать как *эколого-экономическую эффективность производства*. Однако она не включает эффект от сокращения ущерба, наносимого окружающей среде, в отраслях, потребляющих отходы и производящих с их применением продукцию. Отсутствие последнего занижает оценку эффективности безотходного производства.

Для полноты оценки всей совокупности положительных эколого-экономических последствий безотходного производства важно проследить снижение нагрузок на окружающую среду на *всех* составных частях *жизненного* цикла продукта, полученного на основе или с частичным использованием отходов. Между тем экономический подход («затраты-выгоды») позволяет включать в модель расчета оценку экономических потерь от нанесенного загрязняющими веществами ущерба ОС.

Модификация выражения 3 по полноте учета затрат и выгод встречается у многих авторов, однако наиболее привлекательной, по охвату включенных показателей, представляется модель А. Д. Выварца и Л. В. Дистергефт [4]. В интерпретации авторов, показатель ($V_{ЭО}$), оценивающий уровень эколого-экономической эффективности безотходного производства, выражается в следующем виде:

$$V_{ЭО} = \frac{\mathcal{E}_{ЭЭ}}{З_{ЭЭ}} = \frac{(B_{ЭН} + B_{ЭЛ}) - (З_{ЭК} + З_{ЭЛ})}{(З_{ЭК} + З_{ЭЛ})}, \quad (4)$$

где $\mathcal{E}_{ЭЭ}$ – сумма эколого-экономического эффекта, обусловленного развитием безотходного производства;

$З_{ЭЭ}$ – сумма эколого-экономических затрат, использованных для развития безотходного производства;

$B_{ЭН}$ – экономическая выгода, полученная в результате развития безотходного производства;

$B_{ЭЛ}$ – предотвращенный экологический ущерб, полученный в результате развития безотходного производства;

$З_{ЭК}$ – затраты экономических ресурсов на развитие безотходного производства;

$З_{ЭЛ}$ – дополнительные экологические затраты, связанные с развитием безотходного производства.

В выражении 4 показатель эффективности безотходного производства учитывает экономический и экологический эффекты в сопряженных отраслях, т. е. выступает как показатель *эколого-экономической эффективности* производства. Однако формирующие его эффекты очень суженно отражают прирост рыночной стоимости компании, что позволяет говорить о возможности его совершенствования.

Начиная с 90-х годов Россия активно включилась в международные конвенции и соглашения экологической направленности, что, собственно, поставило ее перед необходимостью следовать принципу «применения наилучшей из доступных техно-

логий», сформулированному еще в 1983 г. специальной Директивой Европейской Комиссии, посвященной интеграции мер по предупреждению загрязнения окружающей среды и экологическому контролю.

Соблюдение этого принципа на практике, по замыслу авторов, должно приводить к реализации наиболее эффективных вариантов природоохранной деятельности, а в долгосрочной перспективе – к проблемам управления ресурсами, утилизации отходов, рационализации материальных и энергетических потоков в производственной кооперации.

К настоящему времени требование применения наилучшей из доступных технологий (НДТ) является составной частью природоохранного законодательства многих стран и международных конвенций, касающихся оценки экологического риска, предотвращения загрязнения окружающей среды. Однако для России переход к принципу применения НДТ осложнен тем, что отечественная промышленность в своей массе использует завершающие свой жизненный цикл природоохранную технику, процессы, оборудование, которые не обеспечивают высокий уровень защиты окружающей среды.

Анализ совершенствования технологической основы производства в ходе его экологизации для промышленного сектора России свидетельствует, что эффективный уровень защиты ОС [2] может быть достигнут при интенсивном применении новой технико-технологической основы производства, базирующейся на качественно других фундаментальных принципах технологических процессов (рис. 1, 2). Такую возможность в настоящее время предоставляют наилучшие доступные технологии, которые и должны стать базой модернизации отечественной промышленности.

В этой связи вновь возникает вопрос оценки эффективности производств, внедряющих НДТ (в авторской трактовке эти, по сути, инновационные производства, характеризуются как «экологически чистые»). Следование принципу «применения наилучших из доступных технологий» ставит перед необходимостью включения в состав оценки эффективности производства фактор роста рыночной стоимости создаваемых активов, т. е. ориентированности на будущие экономические выгоды.

Авторы статьи считают, что при определении эффективности внедрения наилучших доступных технологий, отвечающих экологическим требованиям (см. рис. 1) и оценке эффективности производств, базирующихся на НДТ, следует опираться на доходный подход и метод дисконтированных денежных потоков, генерируемых применением НДТ.

Изложенная позиция основывается на следующих моментах:

– наилучшие доступные технологии попадают в сферу объектов экологической сертификации, и по этой причине предприятия, внедряющие НДТ, могут претендовать на получение специального знака – «экологически чистое производство»;

– специальный знак, или экологический лейбл (Ecolabel), отвечает признакам нематериальных активов по критериям МСФО 8, т. е. способен принести будущие экономические выгоды, может быть идентифицирован и быть подконтролен компании;

– экологически чистое производство, основанное на использовании наилучших доступных технологий, повышает эффективность производства и стоимости компании, в том числе за счет увеличения стоимости нематериальных активов.

Нематериальные активы, признаваемые в финансовой отчетности, оцениваются по расходам на их приобретение. В этой связи стоимость специального знака (эколейбл) может складываться как *разность в затратах по наилучшей из доступных технологий и эксплуатируемой в отрасли технологии, загрязняющей ОС*. Признание знака «экологически чистое производство» нематериальным активом увеличивает стоимость активов компании, ее репутацию и в будущем – возможности на получение дополнительной прибыли. Как следствие, возрастает экономическая эффективность производства, что, безусловно, должно найти отражение в частных и обобщенном показателях эффективности.

Авторы, принимая в качестве основы оценки экономической эффективности экологически чистых производств (базирующихся на наилучших доступных технологиях) модель, предложенную в работе [4], расширяют ее. В итоге выражение 4 принимает следующий вид:

$$V_{ЭО} = \frac{\mathcal{E}_{ЭЭ}}{\mathcal{Z}_{ЭЭ}} = \frac{(B_{ЭН} + B'_{НА} + B_{ЭЛ} - \mathcal{Z}_{ЭК} - \mathcal{Z}_{ЭЛ} - \mathcal{Z}'_{ТЗ})}{(\mathcal{Z}_{ЭК} + \mathcal{Z}_{ЭЛ} + \mathcal{Z}'_{ТЗ})}, \quad (5)$$

где $\mathcal{E}_{ЭЭ}$ – сумма эколого-экономического эффекта, обусловленного функционированием экологически чистого производства на предприятии-производителе и применением его продукции на предприятиях-потребителях;

$\mathcal{Z}_{ЭЭ}$ – сумма эколого-экономических затрат функционирования экологически чистого производства и дополнительных затрат, возникающих в потреблении продукции его изготовления;

$B_{ЭН}$ – экономическая выгода, полученная в результате функционирования экологически чистого производства на предприятии-производителе и в применении его продукции на предприятии-потребителе;

$B_{ЭЛ}$ – предотвращенный экологический ущерб, полученный в результате функционирования экологически чистого производства на предприятии-производителе и на предприятиях-потребителях его продукции;

$B'_{НА}$ – экономические выгоды от использования экознака «экологически чистое производство» на предприятии-производителе;

$\mathcal{Z}_{ЭК}$ – затраты экономических ресурсов функционирования экологически чистого производства и дополнительные затраты, возникающие в потреблении его продукции;

$\mathcal{Z}_{ЭЛ}$ – дополнительные экологические затраты, связанные с функционированием экологически чистого производства;

$\mathcal{Z}'_{ТЗ}$ – трансакционные издержки, связанные с внедрением наилучших доступных технологий на предприятии.

Таким образом, учет экономических эффектов от функционирования экологически чистого производства по цепочке «ресурсы–производство–конечное потребление» в контексте охвата факторов производственного процесса дает возможность говорить о полноте оценки эколого-экономической эффективности производства и соответствии ее критерию «степень удовлетворения конечных потребностей общества».

Литература

1. Андрианов, А. М. Комплексное использование сырья в промышленности / А. М. Андрианов, Н. А. Соколова, М. Е. Усков. – М.: Экономика, 1988. – 302 с.
2. Выварец, А. Д. Концептуальные основы формирования механизма оценки эколого-экономической эффективности безотходных производств / А. Д. Выварец, А. С. Карелов // Российское предпринимательство. – М.: Креативная экономика, 2007. – № 2.
3. Арский, Ю. М. Экономические проблемы безотходных технологий и производств (Международный опыт) / Ю. М. Арский, В. И. Чалов. – М.: ЦНИИЭИЦМ, 1990. – 72 с.
4. Выварец, А. Д. Эффективность производства: теория, методология и методика оценки / А. Д. Выварец, Л. В. Дистергефт // Сборник научных статей «Экономическая эффективность: теория, методология, практика». – Екатеринбург: УГТУ, 2002. – С. 3 – 23.

УДК 338.91(571.17)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ НАУКОЕМКИХ ПРОИЗВОДСТВ*(на примере Кемеровской области)**В. А. Салихов***THE DEVELOPMENT PROSPECTS OF SCIENCE INTENSIVE PRODUCTION***(in Kemerovo region)**V. A. Salihov*

В статье рассмотрены отдельные аспекты проблемы переработки техногенных месторождений, относящиеся к извлечению ценных цветных и редких металлов из золо-шлаковых отходов углей в Кемеровской области. Неустойчивый характер работы горных и металлургических предприятий подтверждают перспективность развития малых наукоемких производств по переработке техногенных отходов.

Some problem aspects of anthropogenic fields reprocessing by iron-reclaiming from ash-slag waste coal accumulated by energy enterprises in Kemerovo Region are described in this article. Unstable character of mining and metallurgical enterprises operation confirm the development prospect of small science intensive production by anthropogenic waste processing.

Ключевые слова: редкие металлы, техногенные месторождения, малые наукоемкие производства.

Keywords: rare metals, anthropogenic deposits, small science-intensive production.

Одним из вариантов повышения экономической эффективности промышленного производства является создание малых наукоемких предприятий. Успешная деятельность этих предприятий повышает экономические показатели развития народного хозяйства на местном, региональном и государственном уровне. Особенно актуальна проблема развития малых наукоемких предприятий в старых горно-промышленных районах (таких, как Кемеровская область), где преобладают города и поселки городского типа с монопрофильным развитием производства.

В Кемеровской области традиционно развиты отрасли производства горно-металлургического комплекса промышленности. В этих отраслях наблюдался рост в 2000-е гг., что объясняется устойчивым спросом и ростом цен на уголь и металлы. В условиях мирового кризиса, начиная с 2008 г., произошло падение спроса и цен на металлы, что, в свою очередь, привело к падению спроса и цен на коксующиеся угли. Высокие цены на энергетические угли, превысившие (в пересчете на тонну условного топлива) цены на природный газ, также привели к падению спроса на эту угольную продукцию.

В экономике Кемеровской области невелика доля малых предприятий (особенно наукоемких), невелики и объемы инвестиций в этот сектор экономики. Кемеровская область отстает от соседних Новосибирской и Томской областей по инновационной активности в экономике. Затраты на технологические инновации в Кузбассе в три – десять раз меньше, чем в других индустриальных регионах-аналогах [3]. Развитие малых наукоемких предприятий в Кемеровской области перспективно, в первую очередь, в рамках базовых отраслей – угольной и горнорудной промышленности, черной и цветной металлургии.

Технологическая и энергетическая политика угольной промышленности Кузбасса в настоящее время нацелена на повышение эффективности обра-

ботки пластов, с максимальным использованием положительных качеств угля и снижением влияния его отрицательных свойств на безопасность угледобычи и экологическую обстановку в регионе.

В этом направлении ведутся многочисленные работы: по дегазации и утилизации метана угольных пластов, глубокой переработке углей. Например, из энергетических углей получают моторное топливо, смазочные масла, полукокс (облагороженное бездымное топливо) и пр. Угли, подвергшиеся контактовому метаморфизму при внедрении в угленосные отложения магматических тел, превратились в природные термоантрациты и пригодны для использования в электродной и металлургической промышленности. Из углей получают и углеродные адсорбенты (активные угли). Широкий спектр разнообразной продукции, получаемой при глубокой переработке углей, можно производить и на малых предприятиях.

Один из путей развития малых наукоемких предприятий связан с комплексным использованием металлов-примесей в добываемых углях, которые можно рассматривать как ценные и/или экологически вредные. Использование ценных металлов предполагает три варианта.

Первый вариант предусматривает сбыт товарных углей, отличающихся повышенными концентрациями ценных металлов, с удорожающим коэффициентом.

Второй вариант – извлечение металлов из углей, поскольку снижается качество традиционно используемых металлических руд. Наиболее рационально извлекать ценные металлы параллельно с промышленным сжиганием углей, так как золы уноса являются готовым концентратом ценных металлов.

Третий вариант – извлечение ценных металлов уже из золо-шлаковых отходов, что, помимо получения дополнительной минеральной продукции, также важно для улучшения социально-экологической обстановки в регионе.

В Кузбассе ежегодно накапливается до 15 млн т золо-шлаковых отходов (включая металлургические и другие предприятия), в том числе из 2,6 млн т ежегодного выхода золы и шлака на ТЭС области, 2,4 млн т. в виде золо-шлаковых смесей, способом гидроудаления отправляется в отвалы (в настоящее время их накоплено ≈ 40 млн т. и не менее 20 млн т можно использовать в бетонах и растворах) [1].

С учетом относительно невысоких содержаний большинства цветных и редких металлов в углях,

практический интерес представляет извлечение ценных цветных и редких металлов из золо-шлаковых отвалов ТЭС, где их запасы могут составить тысячи т, десятки тысяч т и более (таблица 1). Ценные металлы можно также извлекать (с помощью фильтров) из зол уноса, где их содержание в 2 – 3 раза выше, чем в золоотвалах.

Таблица 1

Содержание ряда цветных и редких металлов в углях Кузбасса

<i>Металл</i>	<i>Среднее и максимальное содержание в углях, г/т</i>	<i>Концентрации, рекомендуемые к оценке, г/т</i>	<i>Среднее и максимальное содержание в золе, г/т</i>	<i>Кондиции для руд, %</i>
Титан	100 – 500	500	1100 – 5600	10 – 15
Цирконий	100 – 500	500	2296 – 3000	3
Медь	5 – 15	100	95,2 – 3700	0,5
Свинец	5 – 25	50	250 – 4800	2
Цинк	10 – 300	100	272 – 16000	1
Барий	50 – 200	1000	500 – 5800	1
Ванадий	10 – 50	100	154 – 5000	1
Вольфрам	1 – 3	100	45 – 1500	0,5 – 1
Стронций	100 – 500	1000	2294 – 2300	5
Ниобий	1 – 3	100	115 – 3000	0,1
Галлий	1 – 3	20	38,6 – 3000	0,04
Германий	0,5 – 1	10	14,1 – 2700	0,1

Практический интерес к комплексному использованию золы углей подкрепляется в последнее время совершенствованием и созданием новых технологических схем обогащения и извлечения элементов. В настоящее время имеется целый ряд технологических решений, позволяющих эффективно утилизировать некоторые виды золо-шлаковых отходов с целью извлечения из них полезных компонентов. Например, с помощью выщелачивания, можно извлекать золото, литий, ванадий, вольфрам, иттрий, редкоземельные и другие металлы. Так, из золо-шлаковых отходов энергетических бурых углей извлекается до 40 – 67 % титана, 45 – 77 % бериллия, 70 – 87 % меди, 50 – 81 % марганца, 74 – 84 % мышьяка, 48 – 60 % ванадия и 62 – 83 % галлия [4].

Себестоимость лабораторного извлечения металлов оценивается рядом исследователей на настоящий момент от нескольких тысяч руб. за 1 кг и более (например, 14 000 руб./кг – галлий, 3000 руб./кг – иттрий) [4]. При получении ценных редких металлов применяются дорогостоящие физико-химические методы (например плавление в вакуумно-дуговых и электронно-лучевых печах). Это подтверждают высокие цены на эти металлы (особенно на мировом рынке: галлий – 36000 руб. за кг., иттрий металлический около 30000 руб. за кг.). Учитывая относительно невысокую себестоимость лабораторного извлечения металлов из золо-шлаковых отходов, можно ожидать, что и производственная

себестоимость будет, по крайней мере, не выше, чем себестоимость традиционного получения этих металлов.

В целом дефицит минерального сырья, наличие лабораторных и ряда опытно-промышленных технологий извлечения металлов из зол (с гораздо меньшими энергозатратами по сравнению с силикатными рудами), а также достаточно высокие цены на металлы и металлическую продукцию, позволяют говорить о целесообразности извлечения ценных металлов из золных отвалов ТЭС.

Выбор оптимального варианта извлечения затруднен из-за отсутствия сейчас в РФ промышленных, рентабельных методов извлечения металлов из углей и их золо-шлаковых отходов. Одним из перспективных методов является способ восстановления хлоридов металлов магнием (извлечение металлов более 90 %). Гиредметом (Государственным институтом редкометаллической промышленности, г. Москва) разработан способ хлорирования лопаритовых концентратов, который в настоящее время внедрен в промышленность. В настоящее время разработаны технологические схемы извлечения редких металлов из доменных шламов и из отходов обогащения железных и полиметаллических руд [2].

Можно оценить и целесообразность извлечения металлов, отличающихся высоким содержанием в углях и золе углей, если апробирована сама возможность извлечения этих металлов из золы методом термохлорирования. Например, скорость образова-

ния титана или циркония составляет примерно 4 г/мин, концентрация этих металлов в углях до 500 г/т, в золе более 1000 г/т, а в концентрате золы – 5 кг/т и более. Металлы с меньшим содержанием будут иметь, как правило, и меньшую скорость извлечения.

Эти обстоятельства определяют годовые объемы требующихся зольных концентратов и получаемых металлов, расход электроэнергии и т. д. Производительность по переработке зольного концентрата – 0,05 т/час и около 2 тыс. т концентрата золы в год. Общий расход электроэнергии на переработку 1 т концентрата – 400 кВт./час [2].

Возможный объем производства металла ($V_{пр. м.}$) можно рассчитать по формуле:

$$V_{пр. м.} = C_{м.к.з.} \times V_{к.з.} \times K_{и}, \quad (1)$$

где $C_{м.к.з.}$ – содержание металла в концентрате золы, г/т;

$V_{к.з.}$ – объемы полученных зольных концентратов, т;

$K_{и}$ – коэффициент извлечения металла из концентрата золы (доли ед.).

Эти данные позволяют (с учетом производительности в час, сутки, год) определить количество требуемого оборудования для получения металлов. При этом возможную производительность получения металлов можно определить из скорости образования металлов – кг/час (по данным из научной литературы).

Выручка от реализации металлов (B_m) определяется по формуле:

$$B_m = \sum C_i \times V_{пр. м. i}, \quad (2)$$

где C_i – цена i-го получаемого металла, руб./т или руб./кг;

$V_{пр. м. i}$ – объем i-того получаемого металла, т или кг.

При расчете себестоимости конкретного металла надо учитывать общие производственные затраты по получению металлов, общий объем получаемых металлов и удельный вес конкретного металла в общем объеме получаемых металлов.

Цена на металл (1 т или 1 кг) определяется с учетом приемлемой нормы прибыли от его себестоимости.

В целом основные параметры извлечения ценных металлов могут быть следующими (таблица 2).

Определение экономического эффекта проводится путем сопоставления ожидаемой выручки от продажи металлов и затрат с расчетом балансовой и чистой прибыли по проекту. Экономический эффект проекта по извлечению ценных металлов из золошлаковых отходов углей окончательно должен определяться с учетом емкости внутренних и внешних рынков металлов, а также с учетом коммерческих (снижение цен, объемов продаж, противодействие конкурентов) и финансовых (неплатежи, неоптимальное распределения финансовых ресурсов, большие объемы инвестиций в проект) рисков.

Приведение в расчетах ожидаемых разновременных доходов и расходов к условиям их соизмеримости по экономической ценности в начальном периоде проводится с использованием процедуры дисконтирования.

Предварительная оценка показывает, что объем производства может составить более 30 т редких металлов в год, из них – около 10 т Ti, Zr, Sr; > 3 т V, > 2 т Ga; < 1 т Nb, Ge. Капитальные затраты составят более 30 млн руб., а ежегодные затраты – более 9 млн руб. Выручка от получения этих металлов при переработке ≈ 2 тыс. т концентрата составит около 70 млн руб. (в ценах 2000 г.). Расчет устойчивости проекта ($ЧДД > 0$, $ИД > 1,5$) показывает, что при увеличении капитальных и эксплуатационных затрат на 100 % и уменьшении выручки в 2 раза проект окупается за срок до 5 лет [5]. За последние 10 лет цены на цветные и редкие металлы выросли в 2 – 4 раза (таблица 3), а затраты в 1,5 – 2 раза (≈ 10 – 15 % в год).

Эти данные подтверждают неустойчивый характер рынка ценных цветных и редких металлов и перспективность развития именно малых наукоемких производств по извлечению ценных цветных и редких металлов.

Таблица 2

Показатели извлечения ценных металлов на хлораторе

Металл	Производительность извлечения, (кг/час)	Производительность извлечения, (кг/сутки)	Всего по поточной линии, (4 станка)	Всего в течение года, (кг), (350 р.д.)
Титан	0,25	6	24	8400
Цирконий	0,25	6	24	8400
Стронций	0,25	6	24	8400
Ванадий	0,1	2,4	9,6	3360
Галлий	0,075	1,8	7,2	2520
Ниобий	0,025	0,6	2,4	840
Германий	0,015	0,36	1,44	504
Всего	0,965	23,16	92,64	32424

Таблица 3

Изменение цен на металлы (2000 – 2010 гг.)

Металлы	Цена, \$/кг		
	2000 г.	2006 г.	2010 г.
Вольфрам	10	45	58
Ванадий	10	40	40
Стронций металлический	60	120	150
Медь рафинированная	2 – 2,5	7 – 11	7,2
Свинец	0,6 – 0,9	1,5 – 2	2,8
Цинк	1 – 1,3	3,5 – 4	2,4
Титан губчатый	10	20 – 25	10 – 15
Цирконий губчатый	25	30	20 – 25
Ниобий	60 – 75	230 – 240	250
Галлий	380 – 400	1200	915
Германий	825 – 1300	2500	1580

Дальнейшее развитие промышленности Кемеровской области, особенно металлургии и машиностроительного комплекса, требуют увеличения местной минерально-сырьевой базы (МСБ) черных, цветных и редких металлов. Конкурентоспособность горно-металлургических компаний определяется наличием собственной МСБ, сортаментом продукции, консолидацией отдельных производств. Потенциальной МСБ многих ценных цветных и редких металлов являются техногенные месторождения.

Согласно применяемому в экономической теории правилу ромба, конкурентоспособность малых наукоемких производств в Кузбассе будет успешной и перспективной из-за влияния четырех параметров (вершин ромба) – наличия родственных и поддерживающих отраслей (горно-металлургического комплекса), наличия условий для факторов производства (техногенных отходов, технологий извлечения металлов, оборудования), наличия спроса и наличия устойчивой стратегии развития региона.

Одним из вариантов развития малых наукоемких предприятий является создание компактных производств по переработке техногенных отходов и извлечению из них ценных металлов. Эти производства могут работать в составе крупных горно-металлургических компаний, на основе кооперации технолого-экономических связей между ними и энергетическими предприятиями. Таким образом, малые наукоемкие предприятия могут получать инвестиции для внедрения современных, инновационных методов извлечения металлов из техногенных месторождений, а также пользоваться определенными льготами.

Металлы, получаемые из золо-шлаковых отходов углей Кузбасса, могут быть востребованы в электротехническом машиностроении Кемеровской области, а также на машиностроительных, ферросплавных и других предприятиях субъектов СФО (Новосибирской и Иркутской областей, Краснояр-

ского края). Ряд ценных дефицитных металлов (таких, как Ti, Zr, Ga, Ge) могут быть востребованы на других российских рынках и, возможно, на внешних рынках. Прибыль от реализации металлов можно, с учетом возможных объемов и условий продаж металлов («спот», «фьючерс» и т. д.), определить по формуле:

$$\Pi = (V_1 \times C_1 + V_2 \times C_2 + V_n \times C_n) - Z, \quad (3)$$

где Π – прибыль от реализации металлов, руб.;

$V_1 - V_n$ – годовые объемы реализации сортов металлов, т или кг;

$C_1 - C_n$ – сортовые цены за единицу продукции, руб.;

Z – затраты на производство и реализацию металлов, руб.

Литература

1. Панова, В. Ф. Строительные материалы на основе отходов промышленных предприятий Кузбасса: учебное пособие / В. Ф. Панова. – Новокузнецк: Изд-во СибГИУ, 2005. – 182 с.
2. Пермяков, П. Г. Процессы хлорирования в технологии переработки минерального сырья: учебное пособие / П. Г. Пермяков. – Новокузнецк: Изд-во СибГИУ, 2000. – 76 с.
3. Программа экономического развития Кемеровской области на 2005 – 2010 гг.: офиц. текст. – М.; Кемерово, 2004. – 92 с.
4. Редкие элементы в углях Кузнецкого бассейна: монография / С. И. Арбузов [и др.]. – Кемерово, 1999. – 248 с.
5. Салихов, В. А. Научные основы и совершенствование геолого-экономической оценки попутных полезных компонентов угольных месторождений (на примере Кузбасса): монография / В. А. Салихов; СибГИУ. – 2-е изд., перераб. и доп. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 249 с.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 669.046.658.52.011.56

ЧИСЛЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛГОРИТМОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ
НА БАЗЕ ЗАМКНУТЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Венгер К. Г., Линков А. А., Мышляев Л. П., Евтушенко В. Ф., Агеев Д. А.

NUMERICAL STUDIES OF IDENTIFICATION ALGORITHMS ON THE BASIS
OF CLOSED DYNAMIC SYSTEMS

Venger K. G., Linkov A. A., Myshlyaev L. P., Evtushenko V. F., Ageev D. A.

Работа выполнена в рамках проекта № 2010-218-02-174 по Постановлению Правительства РФ от 09.04.2010 г. № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства».

В статье приводятся постановки задач и результаты численных исследований алгоритмов идентификации на базе замкнутых динамических систем для натуральных объектов, модель которых представлена в виде последовательного соединения инерционного звена первого порядка с звеном чистого запаздывания. Исследования проведены как для детерминированных объектов, так и при наличии неопределенности, вызванной влиянием на объект идентификации неконтролируемых возмущений.

The article presents the problem formulation and numerical study of algorithms based on the identification of closed dynamical systems for natural objects whose model is represented as a series connection of inertial link with the first-order element of pure delay. Studies have shown how to determinate objects and the presence of uncertainty caused by the influence on object identification uncontrolled disturbances.

Ключевые слова: алгоритм идентификации, замкнутая динамическая система, математическое моделирование.

Keywords: identification algorithm, a closed dynamic system, mathematical modeling.

Предложенные в [1] новые процедуры синтеза алгоритмов идентификации, базирующиеся на представлении идентификаторов в виде замкнутых динамических систем (ЗДС), обладают тем явным преимуществом, что позволяют использовать хорошо развитые методы теории управления при синтезе идентификаторов для широкого класса объектов различной структуры. В таких идентификаторах объектом управления является модель натурального объекта заданной структуры, а параметрические управления (оцениваемые коэффициенты) вырабатываются регулятором из условия минимизации нормы от выходных воздействий модели и натурального объекта. Большинство же известных алгоритмов идентификации ориентировано на узкий класс структур объектов, в частности, алгоритм Качмажа [2] и его модификации – на линейно-параметрические объекты.

В [3] приведены постановки задач и результаты численных исследований алгоритмов идентификации на базе ЗДС для объектов с несколькими входными воздействиями, каналы преобразования которых можно представить в виде последовательного соединения пропорционального звена с звеном чистого запаздывания, имеющим различные значения для разных каналов преобразования изменений входных воздействий. По результатам этих исследований сделаны выводы о том, что с помощью алгоритмов на базе ЗДС для таких объектов получены оценки коэффициентов, равные их действительным

значениям. В то время как оценки, полученные алгоритмом Качмажа для этих же условий, являются смещенными, причем значения этих оценок могут в несколько раз отличаться от действительных.

Исследования эффективности алгоритмов идентификации на базе ЗДС целесообразно также провести и для других структур объектов. Поэтому в настоящей статье приведены постановки задач и результаты численных исследований для объектов, модель которых представлена в виде последовательного соединения инерционного звена первого порядка с звеном чистого запаздывания. Исследования проводили как для детерминированных условий, когда на вход модельного объекта идентификации подавали, во-первых, скачкообразное входное воздействие, во-вторых, входное воздействие в виде псевдослучайной двоичной белой последовательности, в-третьих, когда такую последовательность подавали с дополнительным введением в модельный объект эффектов неконтролируемых возмущений.

Постановка первой задачи исследований представлена в следующем виде.

Дано. 1. Модельный объект идентификации

$$T \frac{dy(t)}{dt} + y(t) = ku(t - \tau_u), \quad (1)$$

где y и u – соответственно выходные и регулирующие воздействия объекта идентификации; k , T – коэффициент передачи и постоянная времени объекта, соответственно; τ_u – время запаздывания по каналу

преобразования регулирующих воздействий; t – непрерывное время.

2. Диапазон изменений действительных значений коэффициентов модельного объекта идентификации (1) ограничен следующей областью, которая соответствует многим натурным объектам

$$\begin{aligned} 0 \leq k \leq 1, 0; \\ 0 \leq T \leq 1, 0; \\ 0 \leq \tau \leq 1, 0. \end{aligned} \quad (2)$$

3. Математическая модель объекта идентификации представлена в дискретной линейно-параметрической форме [4]:

$$y^m(i) = \sum_{j=1}^2 k_j^m(i-1) \cdot u_j(i-l_j), \quad (3)$$

где $y^m(i)$ – выходное воздействие модели объекта идентификации; $k_1^m(i)$; $k_2^m(i)$ – коэффициенты модели объекта (3); l_j – дискретное запаздывание по j -у каналу преобразования входных воздействий; i – дискретное время; j – номер учитываемого входного воздействия.

Модель (3) получена из (1) следующим образом:

3.1) осуществляли переход от дифференциального (1) к дифференциально-разностному уравнению:

$$y^m(i) = k_1^m y^m(i-1) + k_2^m u(i-l_u), \quad (4)$$

где l_u – дискретное запаздывание по каналу преобразования регулирующих воздействий, определяемое как

$$l_u = \frac{\tau_u}{\Delta t}; \quad (5)$$

$\Delta t = 0,01$ отн. ед. – шаг дискретизации времени, значения Δt выбирали в зависимости от динамических свойств модельного объекта идентификации, исходя из рекомендаций [5];

значения коэффициентов k_1 и k_2 рассчитывали по формулам [1]

$$k_1 = \frac{T}{T + \Delta t}; \quad k_2 = \frac{k \Delta t}{T + \Delta t}; \quad (6)$$

3.2) для перехода от модели (4) к модели линейно-параметрического вида (3) в соответствии с схемой Гаммерштейна [4] переопределяли входной сигнал:

$$u_1(i-l_1) = y(i-1); \quad l_1 = 0; \quad (7)$$

$$u_2(i-l_2) = u(i-l_u); \quad l_2 = l_u. \quad (8)$$

4. Алгоритм идентификации на базе ЗДС [1]:

$$k_j^m(i) = k_j^m(i-1) + \frac{u_j(i-l_j)}{\sum u_j^2(i-l_j)} \cdot \varepsilon_p(i); \quad (9)$$

$$\varepsilon_p(i) = y(i) - y^m(i); \quad (10)$$

$$y^m(i) = \sum_{j=1}^2 k_j^m(i-1) \cdot u_j(i-l_j), \quad (11)$$

где $\varepsilon_p(i)$ – ошибка расчета выходного воздействия.

5. Входное воздействие объекта идентификации

$$u(i) = \begin{cases} 0 & \text{при } i \leq 0; \\ 1 & \text{при } i > 0. \end{cases} \quad (12)$$

5. Момент останова алгоритма (9) – (11) (окончания одного цикла обработки) определяется с помощью неравенства:

$$i = \begin{cases} i^* & \text{при } |y(i) - y(i-1)| \leq 0,01y(i); \\ i & \text{в остальных случаях,} \end{cases} \quad (13)$$

где i^* – момент времени выхода переходного процесса на установившееся значение.

6. Начальные условия

$$y(0) = u(0) = k_1^m(0) = k_2^m(0) = 0. \quad (14)$$

7. Критерий точности идентификации представлен для каждого коэффициента соотношением:

$$q_j = |k_j(i^*) - k_j^m(i^*)|; \quad j = 1, 2. \quad (15)$$

Требуется. 1. Найти оценки коэффициентов и оценить точность алгоритма идентификации на модельных данных.

При проведении численных исследований $u(i)$ задавали в виде ступенчатых изменений в соответствии с выражением (12). Значения k и T для расчета реакции модельного объекта в виде кривой разгона выбирали из заданного диапазона изменения (2) с шагом $\Delta k = \Delta T = \Delta \tau = 0,1$. В процессе моделирования на каждом i -м шаге расчета определяли как значения $k_1^m(i)$ и $k_2^m(i)$, так и $T^m(i)$ и $k^m(i)$. Последние рассчитывали по выражениям:

$$T^m(i) = \frac{k_1^m(i) \Delta t}{1 - k_1^m(i)}; \quad k^m(i) = \frac{k_2^m(i)}{1 - k_1^m(i)}. \quad (16)$$

Оценку запаздывания l_2^m определяли как интервал времени от начала цикла моделирования ($i = 0$) до того момента i_q , когда начнет выполняться условие $k^m(i_q) \neq k^m(0)$. Значения l_2^m для всех исследованных условий совпадали с их действительными значениями l_u , поэтому в дальнейшем основное внимание уделяли исследованию близости оценок $k^m(i)$ и $T^m(i)$ к их действительным значениям.

В табл. 1 в качестве примера приведены некоторые результаты этих исследований. Всего в процессе численных исследований, исходя из диапазона изменения действительных значений коэффициентов (2) и шагов дискретности Δk и ΔT , был проведен 81 модельный эксперимент. В табл. 1 приведены результаты исследований для меньшего числа экспериментов, таких, значения коэффициентов k и

T для которых были равны их крайним и средним значениям из указанного диапазона (2). Во всех исследованных случаях полученные оценки коэффи-

циентов k^m и T^m были не равны их действительным значениям.

Таблица 1

Результаты первого этапа численных исследований

Коэффициенты № эксперимента	k	k^m	$ \delta k , \%$	T	T^m	$ \delta T , \%$
1.	0,100	0,045	55	0,100	0,014	86
2.	0,100	0,135	35	0,500	0,680	36
3.	0,100	0,018	82	1,00	1,400	40
4.	0,500	0,821	64	0,1	0,19	90
5.	0,500	0,26	48	0,5	0,75	50
6.	0,500	0,19	62	1,0	0,38	62
7.	1,0	0,0910	91	0,1	0,26	160
8.	1,0	0,38	62	0,5	1,5	200
9.	1,0	0,11	89	1,0	0,77	23

Поэтому по результатам первого этапа исследований алгоритмов идентификации на базе ЗДС для динамических объектов, модели которых представлены в виде последовательного соединения инерционного звена первого порядка с звеном чистого запаздывания, сделан вывод о том, что в результате обработки данных, представленных в виде кривой разгона, получены смещенные, значительно отличающиеся от действительных значений, оценки коэффициентов k^m и T^m . Такие результаты можно объяснить наличием тесной, практически функциональной связи между учитываемыми входными воздействиями модели u_1 и u_2 .

Выход из такой ситуации возможен за счет формирования такого исследовательского воздействия на объект идентификации, при котором значения $u_1(i) = y(i-1)$ и $u_2(i) = u(i)$ будут не связаны друг с другом. Таким требованиям удовлетворяет входное воздействие, представленное в виде псевдослучайной двоичной белой последовательности, нормированная автокорреляционная функция которой близка к нулю.

Поэтому постановка второй задачи отличалась от первой тем, что вместо скачкообразного входного воздействия (12) на вход модельного объекта исследования (1) подавали воздействие в виде псевдослучайной двоичной белой последовательности:

$$u(i) = a_1 u(i-1) + a_2 u(i-2) + \dots + a_n u(i-N), \quad (17)$$

где u и a принимают значения 0 или 1, и сложение производится по правилу

$$\begin{cases} 0 + 0 = 0 \\ 1 + 0 = 1 \\ 1 + 1 = 1; \end{cases} \quad (18)$$

N – интервал моделирования; значения задаются произвольно в виде начальной последовательности

из N членов, а значения параметра a заданы специальной таблицей [6]. В основу алгоритма формирования такой последовательности была положена схема, описанная в [6].

Действительные значения коэффициентов модельного объекта (1) были взяты такими же, как и для первой задачи исследований. Часть результатов численных исследований для тех же значений коэффициентов k и T , что и в табл. 1, приведена в табл. 2. Из приведенных в табл. 2 данных видно, что модельные значения коэффициентов сошлись к действительным без ошибок для всех их исследованных значений.

Постановка третьей задачи отличалась от второй тем, что вместо детерминированного модельного объекта (1) исследовался объект в условиях неопределенности, вызванной наличием эффектов влияния неконтролируемых возмущений. Для этого в модель дополнительно ввели случайную составляющую ε , т. е. модельный объект идентификации был представлен выражениями

$$T \frac{dy(t)}{dt} + y(t) = ku(t - \tau_u) + \varepsilon(t), \quad (19)$$

$$\varepsilon(t) = \pm \xi \cdot \vartheta(t) \cdot y_{cp}, \quad (20)$$

где $\varepsilon(t)$ – эффекты влияния неконтролируемых возмущений; ξ – масштабный коэффициент, задаваемый исследователем; $\vartheta(t)$ – значение в момент времени t случайного процесса, подчиненного нормальному закону распределения вероятностей и изменяющегося в диапазоне от нуля до единицы;

$y_{\text{ср}}$ – среднее значение выходного воздействия, оцениваемое на интервале моделирования N .

При оценивании влияния эффектов неконтролируемых возмущений ε на результаты идентификации численные исследования алгоритма на базе ЗДС были направлены на то, чтобы установить максимально возможный уровень $\varepsilon(t)$, при котором модельные оценки параметров будут различаться от действительных не более чем на 5 % без дополнительной обработки исходных данных, направленной на уменьшение $\varepsilon(t)$. Для расчета реакции модель-

ного объекта на псевдослучайную белую двоичную последовательность выражение (19), так же, как и в предыдущих случаях, было представлено в дифференциально-разностной форме, а выражение (20) в дискретной

$$y(i) = k_1 y(i-1) + k_2 u(i-l_u) + \varepsilon(i); \quad (21)$$

$$\varepsilon(i) = \pm \xi \cdot \vartheta(i) \cdot y_{\text{ср}} \quad (22)$$

Таблица 2

Результаты второго этапа исследования

Кoeffициенты № эксперимента	k	k^m	$ \delta k , \%$	T	T^m	$ \delta T , \%$
1.	0,1	0,1	0	0,1	0,1	0
2.	0,1	0,1	0	0,5	0,5	0
3.	0,1	0,1	0	0,9	0,9	0
4.	0,5	0,5	0	0,1	0,1	0
5.	0,5	0,5	0	0,5	0,5	0
6.	0,5	0,5	0	0,9	0,9	0
7.	0,9	0,9	0	0,1	0,1	0
8.	0,9	0,9	0	0,5	0,5	0
9.	0,9	0,9	0	0,9	0,9	0

Результаты исследований приведены в табл. 3. Здесь в соответствующих столбцах приведены оценки коэффициентов T^m и k^m (при их действительных значениях $k = 0,9$ и $T = 0,5$) при различных значениях масштабного коэффициента ξ , значения которого определяют уровень эффектов неконтролируемых возмущений, а также их ошибки

$$|\delta k| = |k - k^m|; \quad |\delta T| = |T - T^m|,$$

выраженные в процентах от их действительных значений. В последних двух столбцах таблицы приведены диапазоны изменения этих ошибок $D_1 = [\delta T^{\min} \div \delta T^{\max}]$ и $D_2 = [\delta k^{\min} \div \delta k^{\max}]$, полученные по результатам всех проведенных при решении третьей задачи экспериментов, число которых также равно 81.

Таблица 3

Влияние ξ на результат идентификации

Кoeffициенты ξ	T	T^m	$ \delta T , \%$	k	k^m	$ \delta k , \%$	D_1	D_2
0,01	0,900	0,900	0	0,500	0,498	0,4	0,0-0,5	0,3-0,7
0,02	0,900	0,910	1,1	0,500	0,495	0,9	0,8-1,3	0,7-1,2
0,03	0,900	0,882	2,0	0,500	0,490	2,0	1,8-2,2	1,9-2,3
0,04	0,900	0,871	3,2	0,500	0,488	2,3	3,0-3,4	2,3-2,7
0,05	0,900	0,865	3,8	0,500	0,484	2,7	3,7-4,0	2,5-2,8
0,06	0,900	0,862	4,2	0,500	0,515	3,0	4,0-4,4	2,9-3,3
0,07	0,900	0,941	4,4	0,500	0,519	3,8	4,3-4,6	3,5-3,8
0,08	0,900	0,940	4,5	0,500	0,520	4	4,5-4,7	3,9-4,2
0,09	0,900	0,943	4,7	0,500	0,478	4,4	4,6-4,9	4,3-4,8

Продолжение таблицы 3

0,10	0,900	0,945	5,0	0,500	0,524	4,8	4,9-5,4	4,7-5,0
0,11	0,900	0,991	12,2	0,500	0,437	12,6	11,9-12,4	12,0-12,6
0,12	0,900	0,771	14,4	0,500	0,582	16,4	14,2-14,7	16,0-16,5
0,13	0,900	1,095	22,8	0,500	0,374	25,2	22,1-22,9	24,5-25,3

Как видно из данных табл. 3, при увеличении уровня эффектов влияния неконтролируемых возмущений выше 10 % ошибки оценивания коэффициентов резко возрастают. Таким образом, оценки параметров T^m и k^m модели (19) будут соответствовать действительным значениям с требуемой точностью, если эффекты влияния прочих факторов будут изменяться в диапазоне, не большем, чем $[(-0,09 \div -0,10) \cdot y_{\text{ср}}; (0,09 \div 0,10) \cdot y_{\text{ср}}]$.

Выводы. На основе проведенных численных исследований алгоритма идентификации на базе замкнутых динамических систем сделаны выводы.

1. Применение алгоритма идентификации на базе ЗДС не позволило получить несмещенные оценки параметров динамической модели исследуемой структуры в случае обработки данных, представленных в виде кривых разгона.

2. Формирование исследовательского воздействия в виде псевдослучайной белой двоичной последовательности (при отсутствии эффектов влияния неконтролируемых возмущений) позволило получить несмещенные оценки параметров динамической модели T^m и k^m для всего диапазона их исследованных значений.

3. С помощью алгоритма идентификации на базе ЗДС, функционирующего при наличии эффектов влияния неконтролируемых возмущений, получены удовлетворительные результаты для условий, когда

значения эффектов неконтролируемых возмущений не превышают 10 % от среднего значения выходной переменной.

Литература

1. Синтез идентификаторов в виде замкнутых динамических систем / Л. П. Мышляев, Д. А. Агеев, К. Г. Венгер, С. В. Чернявский // Изв. вузов. Черная металлургия. – 2010. – № 12. – С. 60 – 62
2. Райбман, Н. С. Построение моделей процессов производства / Н. С. Райбман, В. М. Чадеев. – М.: Энергия, 1975. – 376 с.
3. О численном моделировании алгоритмов идентификации, построенных на основе замкнутых динамических систем / Л. П. Мышляев, Д. А. Агеев, К. Г. Венгер и др. // Автоматизированный электропривод и промышленная электроника: труды IV Всесоюзной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В. Ю. Островляничка. – Новокузнецк: Изд-во СибГИУ, 2010. – С. 83 – 94.
4. Льюнг, Л. Идентификация систем. Теория для пользователя // пер. с англ.; Л. Льюнг; под ред. Я. З. Цыпкина. – М.: Наука, 1991. – 432 с.
5. Острем, К. Системы управления с ЭВМ / К. Острем, Б. Виттенмарк. – М.: Мир, 1987.
6. Ротач, В. Я. Расчет динамики промышленных автоматических систем регулирования / В. Я. Ротач. – М.: Энергия, 1973. – 440 с.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Акинчина Лилия Владимировна – кандидат биологических наук, научный сотрудник института экологии человека СО РАН.

Akinchina Liliya Vladimirovna – p.h.d., research officer of Human Ecology Institute.

Агеев Дмитрий Анатольевич – аспирант ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет».

Ageyev Dmitry Anatolyevich – post-graduate student FGBOU HBO "Siberian State industrial University".

Багина Ольга Георгиевна – ассистент кафедры алгебры и геометрии КемГУ.

Bagina Olga Georgievna – the assistant of department of algebra and geometry of the KemSU.

Белик Ирина Степановна – доктор экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности Высшей школы экономики и менеджмента УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Byelik Irina Stepanovna – doctor of economic sciences, Associate Professor, Department of economic security higher school of Economics and management UrFU the first Russian President B. N. Yeltsin.

Боброва Наталья Александровна – кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ.

Bobrova Natalia Aleksandrovna – candidate of pedagogies? Kemerovo State University.

Боголепова Людмила Захаровна – руководитель отдела истории вуза, музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, соискатель кафедры Музейное дело Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Bogolepova Ludmila Zaharovna is a head of university history department of Kemerovo State University museum of "Siberian Archeology, Ethnography and Ecology". She is a candidate of subdepartment of Museum Affairs of Kemerovo State University of Arts and Humanities.

Борисенко Юлия Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ.

Borisenko Yulia Vyacheslavovna – candidate of psychological Sciences, senior lecturer, Department of General Psychology and psychology of development KemGU.

Боровикова Злата Владимировна – аспирант кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, ассистент кафедры истории и общей психологии КемГМА.

Borovikova Zlata Vladimirovna – P.G., Contemporary Russian History dept. Kemerovo State University, assistant of History and General Psychology dept. Kemerovo State Medical Academy.

Браун Ольга Артуровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ.

Brown Olga Arturovna – the Kemerovo state university, the candidate of psychological Sciences, the senior teacher faculty of social psychology and psychosocial technologies.

Венгер Константин Геннадьевич – технический директор ОК «Сибшахтострой».

Wenger Konstantin Gennadyevich – Technical Director of OK "Sibshahtostroj.

Вержицкая Елена Николаевна – соискатель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета, зам. директора центра психолого-медико-социального сопровождения «ДАР» (Новокузнецк).

Veržickáâ Elena Nikolaevna – seeker of genetic and clinical psychology of the Tomsk State University, Deputy. Director of the Center for psychological, medical and social support "DAR" (Novokuznetsk).

Генина Елена Сергеевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета.

Genina Elena Sergeevna – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of Modern Russian History Department, Kemerovo State University.

Евсеева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Лесосибирского педагогического института – филиала ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», докторант ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

8-961-70-24-444,
meriya@ngs.ru

8-905-910-51-16,
ageevdm_84@mail.ru

8(3842) 72-51-84,
ogb@km.ru

8(343)375-44-59,
irinabelik2010@mail.ru

kasatkina@kemsu.ru

8 (3842) 58-43-18,
ludmila-zah58@yandex.ru

8-923-494-23-65,
evseenkova@mail.ru

8(3842)58-16-40,
bzlata2008@rambler.ru

8 (3842) 58-12-90,
oabraun09@rambler.ru

8(384-3) 72-14-67,
wengerk@mail.ru
8-903-945-46-16,
elenaver10@yandex.ru

8(3842)58-40-16,
whitesiberia@narod.ru

8(39145)28409,
ivevseeva@yandex.ru

Evseeva Iryna Vladimirovna – candidate of philological sciences, Associate Professor of Russian language and literature Lesosibirskogo Pedagogical Institute – branch FGAOU HBO "Siberian Federal University, doctoral student FGBOU VPO the Kemerovo State University.

Евтушенко Виктор Федорович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры автоматизации и информационных систем ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет».

8(3843) 74-88-06,
evf@nicsu.sibsiu.ru

Yevtushenko Viktor Fedorovich – doctor of technical sciences, Professor, Professor, Department of automation and information systems FGBOU HBO "Siberian State industrial University".

Журавлева Людмила Викторовна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры общей физики КемГУ.

8(3842)53-86-95,
lzhur@mail.ru

Zhuravlyova Lyudmila Viktorovna – candidate of physico-mathematical sciences, the senior lecturer of chair of the general physics, the Kemerovo state university, the senior lecturer.

Иванов Вадим Иванович – кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ.

8(3842) 58-01-66,
tramp@kemsu.ru

Ivanov Vadim Ivanovich – p.h.d., associate professor of Chair of Human and Animal Physiology and Valeology KemSU.

Каган Елена Сергеевна – кандидат технических наук, доцент кафедры автоматизации исследований и технической кибернетики, математический факультет, КемГУ.

kaganes@mail.ru

Kagan Elena Sergeevna – candidate of engineering science, the senior lecturer of chair Automation of researches and technical cybernetics, mathematical faculty.

Карелов Андрей Станиславович – старший преподаватель кафедры экономической безопасности Высшей школы экономики и менеджмента УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

8(343)375-44-59,
esec@mail.ustu.ru

Karelov Andrey Stanislavovich – senior lecturer, Department of economic security higher school of Economics and management UrFU. the first Russian President B. N. Yeltsin.

Катышев Павел Андреевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ.

katpa@rambler.ru

Katyshev Pavel Andreevich – the Doctor of Philology, the professor of chair of stylistics and rhetoric of KemSU.

Кимеева Татьяна Ивановна – кандидат культурологии, руководитель отдела этнографии Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.

8(3842) 58-43-18,
tat-kimeeva@mail.ru

Kimeyeva Tatyana Ivanovna – Candidate of Culturological Sciences, Head of the ethnographic collections department in the Museum «Archaeology, Ethnology and Ecology of Siberia» of Kemerovo State University Russia.

Киселев Виктор Ильич – ст. преподаватель Кузбасской государственной педагогической академии г. Новокузнецка, соискатель по кафедре социологических наук КемГУ.

8-960-9-19-24-08

Kiselev Victor Il'ich – assistant of Kuzbass State Pedagogical Academy, Novokuznetsk, post-graduate of sociological sciences department of Kemerovo State University.

Кишина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка КемГУ.

8-905-913-69-25,
kishina@mail.ru

Kišina Elena Valeryevna – candidate of philological sciences, docent, head of the Department of Russian language KemSU.

Козлова Наталья Викторовна – доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

8-906-948-34-01,
acme_2003@scalpnet.ru

Kozlova Natalia Viktorovna – doctor of psychological Sciences, Professor, Department of genetic and clinical psychology of the Tomsk State University.

Кос Виталий Владимирович – аспирант кафедры отечественной истории КемГУ.

8-908-955-75-20,
kocvitaliy@rambler.ru

Kos Vitaliy Vladimirovich – post-graduate student Department Russian History the KemSU.

Котурова Мария Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного научно-исследовательского университета.

8(3422)46-66-70,
kotyurova@yandex.ru

Kotûrova Maria Pavlovna – doctor of Philology, Professor of Russian language stylistics Perm State scientific research University.

- Крепицина Татьяна Сергеевна** – студентка магистратуры второго курса математического факультета, КемГУ.
Krepizina Tatjana Sergeevna – student magister second year faculty of Mathematics, KemSU. 8-950-597-56-95, kc-fabira@mail.ru
- Кусаинова Гульнара Саменовна** – соискатель кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан). 8 (7172) 37-05-47, gulnara.kussainova@fulbrightmail.org
- Kussainova Gulnara Samenovna** – the PhD of Department of Politology of L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kasachstan).
- Ланина Екатерина Михайловна** – аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ.
Lanina Yekaterina Mikailovna – the post-graduate student of chair Department of social psychology and psycho-social technology KemGU. 8-928-152-64-80, lasna@mail.ru
- Ласкова Наталья Васильевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.
Laskova Natalia Vasilyevna – Ph. D., Senior lecturer South Federal University, History department. 8(3843) 78-43-44, aleksey.linkov@nicsu.sibsiu.ru
- Линков Алексей Александрович** – начальник отдела систем технологического управления ООО «Научно-исследовательский центр систем управления».
Linkov Aleksey Aleksandrovich – head of the Department of technological Management LLC Research Center management systems. 8(3842) 58-35-15, litvinca@kemsu.ru
- Литвинова Надежда Алексеевна** – доктор биологических наук, профессор кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ.
Litvinova Nadezda Alekseevna – Doctor of Biology, Professor of Chair of Human and Animal Physiology and Valeology KemSU. 8-950-272-33-93, mluchnikov@yandex.ru
- Лучников Михаил Юрьевич** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории литературы и истории зарубежных литератур, КемГУ.
Luchnikov Mikchayl Yrjevich – candidate of philological science, associate professor, chair of poetics and foreign literary history, head of a chair, Kemerovo State University. 8(3842) 72-62-75, lushgal@mail.ru
- Лушников Галина Игоревна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии №2 КемГУ.
Lushnikova Galina Igorevna – Candidate of philology, associate professor of English Philology Department №2 of KemSU. 8-905-967-31-21, n_malkovets@mail.ru
- Мальковец Наталья Владимировна** – кандидат педагогических наук, доцент НФИ КемГУ.
Malkovets Natalia Vladimirovna – candidate of pedagogic Sciences, docent NEH KemSU. + 7 903 993 43 95, melnik-ekaterina@mail.ru
- Мельник Екатерина Анатольевна** – ассистент кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии КемГУ.
Melnik Ekaterina Anatolievna – assistant of the chair of german philologie of faculty of roman-germanic philologie, Kemerovo State University. 8-908-940-97-95, mog-anna@yandex.ru
- Могилина Анна Александровна** – аспирант кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ, лаборант-исследователь Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний Сибирского отделения РАМН.
Mogilina Anna Alexandrovna – postgraduate student, Chair of Human and Animal Physiology and Valeology KemSU, laboratory assistant of Research Institute of Integrated Problems of Cardiovascular Diseases, Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences. 8-906-979-33-38, mutareva61@rambler.ru
- Мытарева Елена Александровна** – кандидат географических наук, доцент НФИ КемГУ.
Mytareva Elena Aleksandrovna – candidate of geographical sciences, docent NEH KemSU. 8(384-3) 46-58-83, sec_nr@sibsiu.ru
- Мышляев Леонид Павлович** – доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет».
Myšlâev Leonid Pavlovich – doctor of technical sciences, Professor, Vice-Rector on research and innovative development FGBOU HBO "Siberian State industrial University". 8(7212)77-98-49, cmaffia72@mail.ru
- Огольцова Елена Геннадиевна** – старший преподаватель кафедры «История Казахстана» Карагандинского государственного технического университета.

Ogol'cova Elena Gennadievna – senior lecturer in the history of Kazakhstan Karaganda State Technical University.

Омеличкина Елена Олеговна – ассистент кафедры французской филологии КемГУ, аспирант КемГУ и университета Верхнего Эльзаса (Франция).

8 (3842) 31-08-55,
elenomel@mail.ru

Omelichkina Elena Olegovna – assistant lecturer of KemSU French department, post-graduate student of KemSU and Upper Alsace University (France).

Осипов Владимир Владимирович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики-3 Сибирского федерального университета, Красноярск.

vv-osipov@yandex.ru

Osipov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor "Higher Mathematics-3" of Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Отт Татьяна Олеговна – ассистент кафедры общей психологии и психологии развития, социально- психологический факультет, КемГУ.

8(3842) 58-81-92,
Olegovna5555@ya.ru

Ott Tatyana Olegovna – the assistant to chair sheathe psychology and development psychology, socially - psychological faculty, KemSU.

Полетаева Анна Вадимовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ.

8(3842) 58-12-90,
pola_v94mydan@mail.ru

Poletaeva Anna Vadimovna – candidates of psychological science, associate professor of the social psychology and psycho-technology KemSU.

Полиниченко Дмитрий Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры научно-технического перевода ФГБОУВПО «Кубанский государственный технологический университет».

dpol@bk.ru

Polinichenko Dmitry Yurievich – Ph.D. in Philology, assistant professor of scientific and technical translation department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education 'Kuban State Technological University'.

Попкова Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Пермского государственного университета.

8-909-117-26-78,
tatyana3@mail.ru

Popkova Tatyana Dmitrievna – candidate of philosophical Sciences, Assistant Professor of social work of Perm State University.

Поплавский (Коробко) Роман Олегович – младший научный сотрудник лаборатории социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера СО РАН, научный сотрудник Независимого центра изучения современного общества (г. Тюмень).

+7 (3452) 68-87-62,
R.Korobko@gmail.com

Poplavsky (Korobko) Roman Olegovich – junior researcher of the laboratory of socio-historical research of the Institute of development North of SB RAS, researcher at the independent Centre for the study of modern society (Tyumen).

Потапова Наталья Вадимовна – ассистент кафедры английской филологии № 2 КемГУ.

8(3842) 58-27-73,
potapowa@hotmail.ru

Potapova Natalia Vadimovna – assistant of English Philology Department № 2 of KemSU.

Пузырев Константин Сергеевич – аспирант кафедры политических наук КемГУ.

8-902-983-33-17,
politologi_06@mail.ru

Puzyrev Konstantin Sergeevich – the post-graduate student of Department of Political Sciences of Kemerovo State University.

Рожкова Екатерина Михайловна – преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» Инновационного Евразийского университета (г. Павлодар, Казахстан).

8-701-527-10-99,
katrin_pvl@mail.ru

Rozhkova Yekaterina M. – teacher of department «Linguodidactics and Intercultural Communication», Innovative University of Eurasia (Pavlodar, Kazakstan).

Сазанов Дмитрий Сергеевич – аспирант, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ижевск.

+7 909 055-36-47,
sazanovdmitry86@gmail.com

Sazanov Dmitriy Sergeevich – postgraduate student, Udmurt State University, Izhevsk.

Салихов Валерий Альбертович – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики Новокузнецкого филиала-института КемГУ.

8(384)3 74-64-05,
economica@nkfi.ru

Salikhov Valery Albertovich – candidate of technical sciences, Assistant Professor of Economics Novokuzneckogo branch-Institute KemSU.

Сергиенко Роман Александрович – аспирант, кафедры религиоведения Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева.

8 (391) 2-913-885,
heirmat2@mail.ru

Sergienko Roman Alexandrovich – the post-graduate student of the religious studies chair, KSPU.

- Серый Андрей Викторович** – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ. 8(3842) 58-12-90, grey@kemsu.ru.
- Seryy Andrey Victorovich** – Doctor of psychological sciences, professor of social psychology and psychosocial technologies KemSU.
- Соколова Светлана Константиновна** – ассистент кафедры стилистики и риторики КемГУ. 8-905-908-60-10, sokolova.82@list.ru.
- Sokolova Svetlana Konstantinovna** – the assistant to chair of stylistics and rhetoric of KemSU.
- Солодова Галина Геннадьевна** – кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ. kasatkina@kemsu.ru.
- Solodova Galina Gennadievna** – candidate of pedagogies, Kemerovo State University, Kemerovo.
- Старцева Татьяна Валерьевна** – аспирант, ассистент кафедры английской филологии № 2 КемГУ. 8-923-490-91-68, ultimaratiore-gis@mail.ru.
- Startseva Tatyana Valeryevna** – post-graduate student, assistant lecturer, chair of English philology № 2, KemSU.
- Сурков Евгений Анатольевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сочинского государственного университета. 8-988-142-94-24, 8-918-913-32-13, sue57@rambler.ru.
- Surkov Evgenij Anatolevich** – Doctor of Philology, Professor of pulpit Russian Philology State university of Sochi.
- Сычева Татьяна Анатольевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории КемГУ. 8(3842)58-40-16, tsycheva@rambler.ru.
- Sycheva Tatiana Anatolewna** – candidate of historical sciences, associate professor the latest national history KemSU.
- Тимербулатов Дмитрий Радикович** – аспирант кафедры новейшей отечественной истории КемГУ. 8-960-900-36-17, dmi924512@yandex.ru.
- Timerbulatov Dmitry Radikovich** – post-graduate student of the chair of contemporary native history of KemSU.
- Трубин Г. А.** – аспирант Тюменского государственного университета. uvshp@mail.ru.
- Trubin G. A.** – the post-graduate student of the Tyumen state university.
- Флегентова Татьяна Николаевна** – соискатель кафедры русской литературы и фольклора КемГУ (соискатель). 8-923-528-10-04, flegen@rambler.ru.
- Flegentova Tatiana Nikolaevna** – applicant of pulpit Russian literature and folklore State university of Kemerovo.
- Хакимова Нурия Равильевна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ. 8(3842) 58-12-90, khakimova@kemsu.ru.
- Khakimova Nuriya Ravilievna** – candidates of psychological science, associate professor of the general psychology and psychology of development KemSU.
- Шабалдин Андрей Владимирович** – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник лаборатории геоэкологии и водных ресурсов Института вычислительных технологий СО РАН. 8-903-907-51-97, weit2007@yandex.ru.
- Shabaldin Andrei Vladimirovich** – Doctor of Medicine, senior researcher of Computational Technologies.
- Шарикова Людмила Анатольевна** – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии КемГУ. 8-923-492-51-95, charikova@kemcity.ru.
- Sharikova Ludmila Anatolewna** – Cand. of Phil. Scienc., Professor of the department of the germany philology of the romanistic and germanistic faculty of the Kemerovo State University.
- Шпак Лидия Леонидовна** – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии, профессор кафедры социологических наук КемГУ. 8- (905)-077-94-30, Spack@kemsu.ru.
- Spak Lidiya Leonidovna** – doctor of sociological sciences, professor of the Department of political sciences and sociology, professor of the Department of sociological sciences.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА
"Вестник Кемеровского государственного университета"

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала.

Со второго полугодия 2004 г. производится подписка на журнал (индекс 42150 по каталогу «Пресса России», 51944 по каталогу российской прессы «Почта России»). Электронная версия журнала представлена на сайте <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>. С 2008 г. полнотекстовая версия журнала в открытом доступе представлена в Научной электронной библиотеке [eLIBRARY.RU](http://elibrary.ru) и включена в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2003 или последующих версий, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210x297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте gos@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения за основу берется печатный вариант.

2. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати. Бланк экспертного заключения для авторов, являющихся сотрудниками КемГУ, представлен в приложении 1.

3. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала и публикуются по решению редакционного совета журнала.

4. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

6. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

7. Не допускается свыше двух публикаций одного автора в одном номере журнала.

8. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

9. Сторонние авторы оплачивают публикацию, статьи только после получения от редакции согласия на публикацию.

10. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ПРАВИЛА К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация – книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе – автоматический.

2. В верхнем левом углу указывается индекс УДК.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках, прописными буквами, размер шрифта – 10, жирный, по центру.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую) – строчными буквами, размер шрифта 10, полужирный, курсив.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7) на русском и английском языках.

6. При вставке формул использовать только Microsoft Equation (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки. Например:

$$J_g^+ : g = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1)i + \operatorname{Im}(z_1/z_2)j + \\ + |z_1|^2 - |z_2|^2 k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

7. Рисунки, вставленные в документ, должны допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров. Допустимо представление рисунков отдельными файлами формата *Jpg*. Рисунки необходимо представлять в черно-белой палитре. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника. Нумерация – подрисуночная по центру.

Например: *Рис. 5. Элементарная ячейка кубического перовскита*

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной:

Таблица I

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках (ГОСТ 7.0.5.2008).

Например: ссылка на полный текст документа [6]; ссылка на фрагмент текста документа [6, с. 24 – 28].

10. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7,12 – 93. Допускается использование аббревиатур.

11. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи, предваряется словом «Литература» и оформляется по ГОСТ 7.1-2003. Под одним номером допустимо указывать только один источник.

12. Примечания оформляются в виде сносок.

13. В конце текста статьи указываются: **полное название учреждения, где выполнено исследование, фамилии, имена и отчества (полностью), ученая степень, звание, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов (на русском и английском языках).**

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 4 – 7 страниц компьютерного набора формата A4 (210x297 мм).

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 14(470+571) «18/19»

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В XIX В.

В. И. Красиков

A PROBLEM OF SUBJECTS OF RUSSIAN PHILOSOPHIZING IN XIX CENTURY

V. I. Krasikov

В статье исследуются социальные и ментальные особенности отечественных философов XIX столетия. Автор выявляет их обусловленность со стороны материальных и культурных ресурсов, образа жизни, стремится продемонстрировать как эти черты сказывались на стиле, интенсивности и приоритетах в философских занятиях.

The article is investigated the social and mental peculiarities of Russian philosophers of XIX century. The author explains their source and strives to demonstrate their influence upon a style, intensity and priority of philosophizing.

Ключевые слова: русская философия XIX века, особенности аристократического и демократического образа жизни и мышления в их влиянии на интеллектуальные построения.

Keywords: Russian philosophy of XIX century, the peculiarities of noble and democratic style of life and thinking and their influence upon intellectual constructions.

Текст...

Литература...

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор межфакультетской кафедры философии КемГУ.

Krasikov Vladimir Ivanovich – doctor of philosophy, Professor of mezhfakul'tetskoj philosophy KemSU.

E-mail: krasikov.1958fd@yahoo.com. Тел.: 8(3842) 72-77-75.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Почтовый адрес: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ), 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, Редакция журнала «Вестник КемГУ».

Электронный адрес: [gos\(@\)kemsu.ru](mailto:gos(@)kemsu.ru), телефон: (3842) 58-80-24.

УСЛОВИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ:

- *Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).*
- *Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944*
- *Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.*